А. Н. Пилясов

И последние станут первыми

Северная периферия на пути к экономике знания

URSS

Государственное научно-исследовательское учреждение
«СОВЕТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ»

State Scientific Research Institute
"COUNCIL FOR RESEARCH FOR PRODUCTIVE FORCES"

A. N. Pilyasov

AND THE LAST WILL BE THE FIRST

Northern Periphery on the Route for Knowledge Economy

URSS
MOSCOW

Государственное научно-исследовательское учреждение
«СОВЕТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ»

А. Н. Пилясов

И ПОСЛЕДНИЕ СТАНУТ ПЕРВЫМИ

Северная периферия на пути к экономике знания

URSS
МОСКВА

ББК 65.04 65.9(2) 72.4

Пилясов Александр Николаевич

И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания.
М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 544 с.

Ключевое условие сокращения усиливающихся внутренних разрывов российского пространства — доступ российской периферии к инновационной экономике. Для России ввиду гигантских размеров ее бездорожных периферийных пространств и дефицита крупных городов-центров это масштабная проблема.

Основной темой данной книги стало движение крупнейшей по территории северной периферии страны к экономике знания. Северная периферия рассматривается многоаспектно: на муниципальном, региональном, зональном (Арктика) уровнях, как «острова» — районы Севера вне круглогодичной транспортной сети, и как сельская местность — места традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера.

Периферия не обречена на бедность и может динамично развиваться. Нематериальные причины проблем безработицы и бедности северной периферии первичны: их преодоление способно переборотъ негативное действие транспортной удаленности, высоких издержек и малых размеров рынка. Переход к экономике знания дает северной периферии шанс расстаться с прежней траекторией развития и осуществить прорыв в инновационную экономику.

На основании работы автора на протяжении последних 20 лет, экспедиционных обследований северных регионов, районов и городов, десятков периферийных сообществ России, зарубежного опыта, предложены конкретные рецепты преодоления издержек периферийности, новые траектории развития северной периферии в инновационной экономике. Для этого широко используется теоретический инструментарий, признанный современной общественной наукой: концепции эндогенного экономического роста, обучаемого сообщества, перетоков знания, социального капитала, слабых связей, социального укоренения и др.

Для работников государственной и муниципальной власти, занимающихся вопросами социально-экономического развития регионов и муниципалитетов Севера; для преподавателей и студентов вузов, разрабатывающих и изучающих курсы «региональная экономика», «региональная политика», «экономическая география», «региональное и муниципальное управление»; для представителей научного сообщества исследователей проблем Севера; для широкого круга читателей, интересующихся проблемами современного развития российских и северных регионов.

Издательство «Книжный дом "ЛИБРОКОМ"».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 9.
Формат 70×100/16. Печ. л. 34. Зак. № 401

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Полиграфический комбинат «Зауралье».
640022, Курган, ул. К. Маркса, 106.

ISBN 978-5-397-00610-1

© СОПС, 2008
© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА
E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий в Интернете:
http://URSS.ru
Тел./факс: 7 (499) 135-42-16
URSS Тел./факс: 7 (499) 135-42-46

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельцев.

Оглавление

Введение **19**

Часть 1
Пролог: обобщение происходящих перемен в российской периферии и ви́дение ближайшего будущего

Глава 1
И последние станут первыми **36**
1.1. Определение провинциальности 37
1.2. Динамика состояния российской провинции в годы реформы 43
1.3. Современный теоретический инструментарий для снижения издержек периферийности 45
1.4. Типы сообществ и рецепты лечения провинциальности: как мостить слои знания? 49

Глава 2
Сообщества северной периферии на этапе постиндустриальной трансформации **55**
2.1. Сообщества, трансформация, местное развитие 55
2.2. Центры и ценности 58
2.3. Факторы развития северных периферийных сообществ за последние 15 лет 68
2.4. Типология северных периферийных сообществ 72
2.5. Меняющийся экономический профиль северного периферийного сообщества 75
2.6. Модель экономики сообществ северной периферии 79
2.7. Политическая экономия доступности/дискриминации периферийных сообществ (децентрализация государственных полномочий как путь к саморазвитию) 80

БЛОК МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПЕРИФЕРИИ

Часть 2
Муниципальная северная периферия: старые и новые барьеры развитию

Глава 3
Типичные черты, структуры, сообщества северной муниципальной периферии **86**

3.1. Проблемы, слабости, угрозы — силы и возможности муниципальной периферии Севера 86
3.2. Типичные экономические структуры муниципальной периферии Севера 96
3.3. Модернизация сообществ северной муниципальной периферии 104

Глава 4
Поведенческие и ментальные проблемы муниципальной периферии как барьеры для экономики знания **117**

4.1. Поиск ренты как фактор, дестимулирующий инновации 118
4.2. Ограничения качества местных человеческих ресурсов 126
4.3. Барьеры информационным обменам периферии и центров 133
4.4. Цифровой разрыв между центрами и муниципальной периферией 135
4.5. Проклятие малого рынка как тормоз предпринимательской и инновационной деятельности 136
4.6. Трансферты на проедание? 138

Часть 3
Пространства муниципальной периферии Севера: управление и освоение в новую эпоху

Глава 5
Искусство управления пространствами и природными ресурсами муниципальной периферии Севера **142**

5.1. Новое управление пространствами и общественными ресурсами (общие подходы) 143
5.2. Партнерства как условие эффективного освоения пространства и природных ресурсов муниципальной периферии 147
5.3. Поселения муниципальной периферии как форпосты освоения пространства 148
5.4. Развитие местного сообщества — условие эффективного управления пространствами муниципальной периферии 153

Глава 6
Пионерное освоение таежных пространств в постиндустриальную эру 159

6.1. Пионерное освоение северной периферии как венчурный процесс 159
6.2. Новая природа процесса пионерного освоения в контексте динамики свойств природных активов 170
6.3. Переоткрытие старых понятий теории освоения 172
6.4. Мегапроекты новой эпохи 177
6.5. Новые институты для пионерного освоения в новую эпоху 182

Часть 4
Внутренняя структура муниципальной периферии: центры и периферия

Глава 7
Концептуальные представления о развитии городов-центров северной периферии 191

7.1. Сила и слабости северных городов-центров в эпоху экономики знания 191
7.2. Масштаб трансформации городов-центров северной периферии 197
7.3. Реструктуризации Магадана как северного города-центра 209
7.4. Новая модель развития северного города-центра 210
7.5. Механизмы и результаты развития городов-центров северной периферии 214

Глава 8
Этапы развития муниципальной периферии: от агропромысловой экономики к инновационной 220

8.1. Первый этап — 1930–1955 годы (агропромысловый) 220
8.2. Второй этап — 1955–1980 годы (индустриальный) 222
8.3. Третий этап — 1980–2005 годы (ведомственный и переходный) 224
8.4. Четвертый этап — 2005–2020 годы (инновационный, трансформации муниципальной экономики из индустриальной в сервисную) 228
8.5. Мегапроект «Урал Промышленный — Урал Полярный» как фактор инновационной модернизации Березовского района (сценарии развертывания на территории района) 236
8.6. Как муниципальной периферии не стать колонией? 249

Глава 9
Реструктуризация экономики северной муниципальной периферии 255
9.1. Структурные сдвиги в экономике муниципальной периферии 255
9.2. Специфика безработицы северной муниципальной периферии 261
9.3. Новые направления развития муниципальной периферии Севера ... 268
9.3.1. Реконструкция базового сектора экономики 268
9.3.2. Приоритеты доступности в развитии инфраструктурного сектора ... 272
9.3.3. Развитие сектора услуг как мотор постиндустриальной трансформации 274

БЛОК РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИФЕРИИ

Часть 5
Региональная периферия Севера: традиции и инновации

Глава 10
История и традиции в новейшем развитии региональной северной периферии 285
10.1. Две модели организации производительных сил северной региональной периферии: интегральная и фрагментарная 285
10.2. Реструктуризация северного периферийного региона 294
10.3. Этническая гомогенность и клановость — тормоз инновационного развития 298

Глава 11
Прогнозные структурные сдвиги в северной региональной периферии 304
11.1. Развитие новой экономики как катализатор структурных сдвигов 304
11.2. Глобализация как фактор структурных сдвигов региональной северной периферии 309
11.3. Новые формы управления для повышения эффективности внутрирегиональной координации 314
11.4. Новая организация пространства региональной северной периферии как гарантия ее целостности, мобильности домохозяйств и саморазвития местных сообществ 318
11.5. Повышение эффективности работы финансовой системы северной периферии 321

Часть 6
Региональная периферия Севера и таланты

Глава 12
Региональная периферия Севера и местные таланты: силы выталкивания и притяжения 326
12.1. «Работники знания» в северной периферии 326
12.2. Силы выталкивания 329
12.3. Силы притяжения 339

Глава 13
Северная региональная периферия: разворот под таланты 344
13.1. Ценности талантов — ценности неосязаемых активов 344
13.2. Новая организация производительных сил северной периферии под таланты 347
13.3. Как сектора экономики северной периферии разворачиваются под таланты? 355
13.3.1. Переинтерпретация основных составляющих сектора личных услуг — от узкой трактовки к широкой 356
13.3.2. Производственный сервис как место концентрации талантов 358
13.3.3. Синхронизация с ценностями талантов — путь преодоления непривлекательности рабочих профессий в базовом секторе 361
13.3.4. От инфраструктурных отраслей к сетевым 362
13.4. Новая концепция регионального университета северной периферии 364

Блок особых случаев северной периферии

Часть 7
Особый случай северной периферии: внутриконтинентальные таежные островные сообщества

Глава 14
Специфические черты таежных островных сообществ 373
14.1. Предельное проявление северной периферийности 373
14.2. «Знанисвая» типология таежных островных сообществ 377
14.3. Предельное влияние сезонного ритма на экономику таежных островов-изолятов (завоз грузов для обеспечения энергетической и продовольственной безопасности местных сообществ) 384

14.4. Хлебопекарное дело — черта образа жизни сообществ таежных островов-изолятов ... 391
14.5. Банная культура— черта образа жизни сообществ таежных островов-изолятов ... 395
14.6. Культура индивидуального домостроения — черта образа жизни таежных сообществ-изолятов ... 400
14.7. Статистические парадоксы островной периферийной экономики ... 401

Глава 15
Новое развитие северных таежных островных сообществ ... 404

15.1. Быстрый прогресс возможен (тихая революция в Эвенкии) ... 404
15.2. Вектор преобразований элементов системы островного жизнеобеспечения ... 412
15.3. Есть ли будущее у сообществ северных таежных островов? ... 417

Часть 8
Особый случай северной периферии: сельские сообщества с этнической спецификой

Глава 16
Сельская этническая периферия: региональные условия развития, внутренняя структура экономики ... 424

16.1. Типология региональных условий развития сельской периферии ... 424
16.2. Внутренняя структура экономики сельской этнической периферии ... 427
16.3. Развитие традиционного сектора сельской периферии ... 433
16.3.1. Факторы слабости и силы оленеводческих хозяйств (причины заката чукотского оленеводства) ... 434
16.3.2. Направления реконструкции традиционного сектора сельской периферии ... 444

Глава 17
Новые подходы к развитию сельской этнической периферии Севера ... 451

17.1. Агломерационный и сетевой эффект ... 451
17.2. Сетевой эффект в сельской этнической периферии Севера ... 459
17.3. Игра за белых: чему могут научить мир народы Севера? ... 460
17.4. Чтобы традиционное знание работало ... 465
17.5. Переинтерпретация сельского этнического сообщества ... 467
17.6. Земельный вопрос и формирование сетевых национальных предприятий ... 468
17.7. Строительство сетей в сельской периферии ... 472

Часть 9
Арктика как глобальная северная периферия

Глава 18
Арктическая экономика в глобальном охвате **479**
18.1. Природа арктической экономики: шесть специфических контрактов 480
18.2. Важнейшие тренды последнего времени в развитии арктической экономики 492
18.3. Четыре модели арктической экономики 502
18.4. Предложения для международного интеллектуального сотрудничества в арктической зоне 516

Глава 19
Долгосрочные социально-экономические процессы в арктической зоне России — адаптация к быстрым изменениям внешней среды **520**
19.1. Адаптация арктических сообществ к вызовам природных и социальных изменений 520
19.2. Новые институты для арктической зоны 524
19.3. Прогнозные сдвиги в российской арктической зоне 528

Заключение **531**

Литература **535**

Abstract **541**

CONTENTS

Introduction **19**

PART I

PROLOGUE: GENERALIZATION OF THE CURRENT CHANGES IN THE RUSSIAN PERIPHERY AND VISION OF THE NEAREST FUTURE

Chapter 1
And the last will be the first **36**

1.1. Definition of provinciality 37
1.2. Economic dynamics of the Russian province under the reform period 43
1.3. Contemporary theoretical toolbox to diminish weaknesses of peripheral territories 45
1.4. Types of communities and receipts how to cure provinciality 49

Chapter 2
Communities of northern periphery at the stage of post-industrial transformation **55**

2.1. Communities, transformation, local development 55
2.2. Centers and values 58
2.3. Factors of development of the northern peripheral communities in the last 15 years 68
2.4. Typology of the Northern peripheral communities 72
2.5. Changing economic profile of the Northern peripheral communities 75
2.6. Model of the local economy of the Northern peripheral communities 79
2.7. Political economy of accessibility / discrimination of the peripheral communities 80

BLOCK OF MUNICIPAL PERIPHERY

PART 2
MUNICIPAL NORTHERN PERIPHERY: OLD AND NEW BARRIERS FOR DEVELOPMENT

Chapter 3
Typical features, structures, communities of the Northern municipal periphery 86

3.1. Problems, weaknesses, threats — strengths and capabilities of the Northern municipal periphery 86
3.2. Typical economic structures of the Northern municipal periphery 96
3.3. Modernization of the communities of the Northern municipal periphery 104

Chapter 4
Behavioral и mental problems of municipal periphery as barriers for knowledge economy 117

4.1. Rent-seeking behavior as the pushing away factor for innovations 118
4.2. Limitations in the quality of the local human resources 126
4.3. Barriers for information exchanges between periphery and centers 133
4.4. Digital divide between centers and municipal periphery 135
4.5. Small markets curse as the brake for entrepreneurial and innovative activity 136
4.6. Transfers for current needs? 138

PART 3
NORTHERN MUNICIPAL SPACE: MANAGEMENT AND COLONIZATION IN THE NEW AGE

Chapter 5
Art to manage space and natural resources of the Northern municipal periphery 142

5.1. New management of the commons (general approaches) 143
5.2. Partnerships as the condition to colonize effectively space and natural resources of the municipal periphery 147
5.3. Settlements of municipal periphery as outposts to colonize the space 148
5.4. Community development as the condition to manage effectively municipal space 153

Chapter 6
Pilot colonization of the taiga space in the post-industrial era 159
6.1. Pilot colonization of the northern periphery as venture process 159
6.2. New character of the pilot colonization under the new dynamics of the natural resources 170
6.3. Rediscovery of the old concepts in colonization theory 172
6.4. Mega-projects of the new age 177
6.5. New institutions for pilot colonization in the new age 182

PART 4
INTERNAL STRUCTURE OF MUNICIPAL PERIPHERY: CENTERS AND PERIPHERY

Chapter 7
Conceptualizing on the development of cities-centers 191
7.1. Strengths and weaknesses of the Northern cities-centers in the knowledge economy 191
7.2. Scale of transformation of cities-centers 197
7.3. Restructuring Magadan as Northern city-center 209
7.4. New model of development for the Northern city-center 210
7.5. Mechanisms and results of development of the Northern cities-centers 214

Chapter 8
Stages of development of municipal periphery: from agricultural economy to innovative economy 220
8.1. First stage — 1930–1955 (agricultural) 220
8.2. Second stage — 1955–1980 (industrial) 222
8.3. Third stage — 1980–2005 (late industrial and transitive) 224
8.4. Fourth stage — 2005–2020 (innovative, from industrial to service municipal economy) 228
8.5. Mega-project «The Industrial Urals — The Polar Urals» as factor of innovative modernization of Berezovo district 236
8.6. Not to be a colony 249

Chapter 9
Restructuring of the economy of the Northern municipal periphery 255
9.1. Structural shifts in the economy of municipal periphery 255
9.2. Specific features of unemployment in the Northern municipal periphery 261

9.3. New directions in the development of the municipal periphery 268
9.3.1. Reconstruction of the basic sector 268
9.3.2. Priorities of accessibility in the development of the infrastructural sector 272
9.3.3. Development of the service sector as the engine of post-industrial transformation 274

BLOCK OF REGIONAL PERIPHERY

PART 5
REGIONAL NORTHERN PERIPHERY: TRADITIONS AND INNOVATIONS

Chapter 10
History and traditions in the contemporary development of the regional Northern periphery 285
10.1. Two models in the organization of productive forces of the Northern regional periphery: integral and fragmentary 285
10.2. Restructuring of the Regional Northern periphery 294
10.3. Ethnic homogeneity and clan structure as the brake for innovative development 298

Chapter 11
Prospective structural shifts in the Northern regional periphery 304
11.1. Development of the new economy as the catalyst of structural shifts 304
11.2. Globalization as factor of structural shifts in the Northern regional periphery 309
11.3. New forms of management to increase efficiency of inter-regional coordination 314
11.4. New organization of space of regional Northern periphery in the interests of its integrity, households mobility and community development 318
11.5. The increase in efficiency of the financial system of the Northern periphery 321

PART 6
REGIONAL NORTHERN PERIPHERY AND TALENTS

Chapter 12
Regional Northern periphery and local talents: power to push out and power to attract 326
12.1. Knowledge workers in the Northern periphery 326
12.2. Power to push out 329
12.3. Power to attract 339

Chapter 13
Northern regional periphery: turn for talents 344
13.1. Values of talented people — valucs of intangible assets..... 344
13.2. New organization of the productive forces of the Northern periphery in the interests of talents..... 347
13.3. How are sectors of the Northern peripheral economy turning for talents?..... 355
13.3.1. Rediscovery of the personal services: from the narrow definition to the broad one 356
13.3.2. Business services as the place where talents are concentrated..... 358
13.3.3. In touch with values of the talented people — how to gain attraction for the working class jobs in the basic sector..... 361
13.3.4. From infrastructural industries to networking industries..... 362
13.4. New concept of regional university of the Northern periphery 364

BLOCK OF SPECIAL C ASES OF THE NORTHERN PERIPHERY

PART 7
SPECIAL CASE OF THE NORTHERN PERIPHERY: TAIGA "ISLAND" COMMUNITIES

Chapter 14
Specific features of the taiga "island" communities 373
14.1. The utmost case of Northern periphery 373
14.2. Knowledge-based typology of the taiga "island" communities..... 377
14.3. The utmost influence of the season rhythm on the local economy of the taiga "islands"..... 384
14.4. Breadmaking as the feature of taiga "island" communities life style..... 391
14.5. Russian bath as the feature of taiga "island" communities life style..... 395
14.6. Culture of private house building as the feature of taiga "island" communities life style 400
14.7. Statistical paradoxes of the island peripheral economy 401

Chapter 15
New development of the Northern taiga island communities..... 404
15.1. Rapid progress is possible (soft revolution in Evenkiya)..... 404
15.2. Vector of changes in the "island" socio-economic system..... 412
15.3. Future of the Northern taiga "island" communities 417

PART 8
SPECIAL CASE OF THE NORTHERN PERIPHERY: RURAL ETHNIC COMMUNITIES

Chapter 16
Rural ethnic periphery: regional conditions of development, internal structure of the economy **424**

16.1. Typology of regional conditions for development of the rural periphery 424
16.2. Internal structure of the economy of rural ethnic periphery 427
16.3. Development of traditional sector of the rural periphery 433
16.3.1. Factors of weakness and strength of reindeer herding (reasons of decline of Chukchee reindeer herding) 434
16.3.2. Main directions of reconstruction of traditional sector of the rural periphery 444

Chapter 17
New approaches how to develop rural ethnic Northern periphery **451**

17.1. Agglomeration and network effects 451
17.2. Network effect in the rural ethnic Northern periphery 459
17.3. Playing chess for whites: what can the world be taught by the Natives? 460
17.4. Making traditional knowledge work 465
17.5. Reinterpretation of the rural ethnic community 467
17.6. Land claims and network native corporations 468
17.7. Network building in the rural periphery 472

PART 9
ARCTIC AS THE GLOBAL NORTHERN PERIPHERY

Chapter 18
Arctic economy globally **479**

18.1. Phenomenon of the Arctic economy: six specific contracts 480
18.2. Major trends of the last time in the development of the Arctic economy 492
18.3. Four models of the Arctic economy 502
18.4. Suggestions for international intellectual cooperation in the Arctic zone 516

Chapter 19
Long-term socio-economic processes in the Arctic zone of Russia — adaptation to the rapid changes of the environment **520**
19.1. Adaptation of the Arctic communities for challenges of natural and social changes 520
19.2. New institutions for the Arctic zone 524
19.3. Prospective shifts in the Russian Arctic zone 528

CONCLUSION **531**

BIBLIOGRAPHY **535**

ABSTRACT **541**

Введение

С начала 1990-х годов Россия вошла в процесс фундаментальных экономических и социальных преобразований. Первоначально они связывались с радикальной и быстрой рыночной реформой, теперь уже очевидно, что речь идет о длительной модернизации страны под требования инновационной экономики — экономики, в которой основная добавленная стоимость создается за счет использования новых знаний. В Концепции долгосрочного развития Российской Федерации, программных выступлениях Президента и Председателя Правительства Российской Федерации[1] определены приоритетные направления развития страны до 2020 года: увеличение темпов инновационного развития с опорой на раскрепощение человеческого потенциала, масштабные инвестиции в человеческий капитал, поощрение талантов, мотивацию граждан к инновационному поведению, к созданию и повсеместному внедрению технологических новшеств.

На огромной территории России экономика знания[2] неизбежно имеет пространственную специфику. В последние годы мы наблюдаем, как инновационная деятельность в возрастающих масштабах концентрируется в крупных городских агломерациях. Города-центры являются бесспорными лидерами новой экономики, локомотивами постиндустриальной трансформации страны и значительно отрываются по ключевым показателям инновационного развития от провинциальной, периферийной России. В результате возникает линия разлома новой эпохи — сильнейшие экономические контрасты между российскими креативными центрами и периферией, распростертой на гигантской территории площадью более двух третей всей страны. Ключевое условие сокращения внутренних разрывов российского пространства — доступ российской периферии к экономике знания, гарантии для нее входного билета (приобщения) к инновационной экономике. На ближайшие десятилетия это станет основным вызовом для страны — подобно тому, как индустриализация

---

[1] Концепция долгосрочного развития Российской Федерации. М.: Минэкономразвития России. 2008; выступление Д. А. Медведева на V Красноярском экономическом форуме 15 февраля 2008 года; выступление В. В. Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» 8 февраля 2008 года и др.

[2] По всему тексту книги термины экономика знания, постиндустриальная трансформация, инновационное развитие используются как равноценные.

советских окраин стала важнейшим условием успеха агроиндустриальной трансформации СССР полвека тому назад. Для России ввиду гигантских размеров ее бездорожных периферийных пространств и дефицита крупных городов-центров это масштабная проблема.

Скорость российской постиндустриальной трансформации, инновационного развития страны определяется наиболее слабым ее звеном — российской провинцией. Российские креативные центры сопоставимы по своему творческому, инновационному потенциалу с мегагородами Европы, Азии и Америки. Но российская провинция, российская периферия значительно отстает по уровню инновационного развития, по глубине проникновения новой экономики в сравнении с европейской и американской периферией. Пробуксовка периферии может надолго затормозить движение всей России к экономике знания.

Поэтому основной темой данной книги и стало движение крупнейшей по территории северной периферии страны к экономике знания — то, что дается очень трудно, идет медленно, является важнейшим испытанием для страны, требует значительных совместных усилий власти, бизнеса, структур гражданского общества.

Тематика данной книги формировалась под влиянием интеллектуальной среды последних двух десятилетий, создаваемой работами моих научных коллег, объектом изучения которых были периферийные, северные, проблемные, депрессивные территории России. Подход к периферии с позиций экономики знания — по признаку запаздывания инноваций — был впервые сформулирован в работе О. В. Грицай, Г. В. Иоффе, А. И. Трейвиша начала 1990-х годов[3]. Тема развития северной периферии России в новых экономических условиях была обозначена в статье Е. М. Кокорева, А. Н. Пилясова, Г. Н. Ядрышникова[4]. В ней были сформулированы общие недостатки индустриальной модели освоения северной периферии России — высокозатратный (утяжеленный) характер хозяйственных структур освоения и повсеместная усеченность в жилищном обустройстве; игнорирование жестких экологических ограничений, накладываемых северной природной средой; разрушение традиционной среды жизнедеятельности, всего уклада жизни коренных малочисленных народов Севера — и обозначена необходимость радикального изменения форм, приемов и методов развития северной периферии России. Сравнительный анализ проблем развития российской и зарубежной северной периферии в рыночных условиях был проведен в трех монографиях международного коллектива авторов[5].

---

[3] *Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И.* Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука. 1991.

[4] *Кокорев Е. М., Пилясов А. Н., Ядрышников Г. Н.* Северная периферия: поиски формы выживания // Колыма. 1994. № 1. С. 2–6.

[5] Северная экономика и радикальная реформа (американский опыт и российские реалии) / Отв. ред. А. Н. Пилясов. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН. 1996; Российский Север и федерализм:

Затем, почти на десятилетие, под влиянием экономического кризиса и посткризисного восстановления российской экономики, термин периферийные территории ушел из научного оборота, вместо него в научном сообществе стали использоваться понятия депрессивные, проблемные территории и регионы, специфика развития которых рассматривалась во многих работах[6]. При этом, хотя название и изменилось, сам объект изучения — отдаленные от центра, утратившие прежнюю динамику социально-экономического развития, часто северные, территории страны — оставался прежним. Возвращение к термину периферия, периферийная территория произошло в коллективной монографии 2007 года, в которой рассматривались междисциплинарные (демографические, расселенческие, ресурсные, этнические и др.) проблемы развития Севера России[7]. Новое обращение к феномену периферийных территорий России симптоматично и означает озабоченность научного сообщества расходящимися траекториями развития российских центров и провинции: первые устремляются вперед, начинают пользоваться плодами инновационной экономики, вторые превращаются в аутсайдеров постиндустриальной трансформации, утрачивают даже те конкурентные преимущества, которые имели в индустриальную эру.

Эта книга продолжает традицию исследования российской периферии на примере северных территорий, которые составляют ее основную часть. Теоретическая платформа монографии формируется тремя концептуальными блоками: модернизационным, эндогенного роста и центро-периферийным, который разрабатывается школой новой экономической географии во главе с лауреатом Нобелевской премии по экономике 2008 года Полом Кругманом.

Еще в начале XX века философ от экономики С. Булгаков дал широкую характеристику различных хозяйственных эпох, показал, как их смена приводит не только к изменениям производственного уклада, но и этики, морали, системы ценностей человеческого общества[8]. Для современного этапа перехода России к инновационной экономике это означает возвышение в обществе специфической этики и ценностей «работников знания» — талантов, творческих людей, квалифицированных кадров.

поиск новой модели / Отв. ред. А. Н. Пилясов. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН. 1997; От патернализма к партнерству: строительство новых отношений народов Севера и государства / Отв. ред. А. Н. Пилясов. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН. 1998.

[6] *Селиверстов В. Е., Бандман М. К., Гузнер С. С.* Методологические основы разработки федеральной программы помощи депрессивным и отсталым регионам // Регион: экономика и социология. 1996. № 1; *Лексин В. Н., Швецов А. Н.* Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: URSS. 1997; *Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики. М.: ГУ-ВШЭ. 2000; Проблемные регионы ресурсного типа / Отв. ред. М. К. Бандман, В. Ю. Малов. Новосибирск: ИЭиОПП. 2000 и др.

[7] Север: проблемы периферийных территорий / Отв. ред. В. Н. Лаженцев. Сыктывкар. 2007.

[8] *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. М.: Наука. 1990.

В конце XX века Р. Инглхарт дал панораму одновременных экономических, культурных и политических изменений в десятках стран, находящихся на разных стадиях постиндустриальной трансформации[9]. Его работа развивает идеи С. Булгакова для конкретного исторического периода — перехода от общества, производственным ядром которого было крупное конвейерное производство, к обществу, основное богатство в котором создается малыми, средними и крупными инновационными фирмами, мобильными и гибкими, организованными по сетевому принципу.

В *модернизационной* парадигме работают десятки исследователей в России и за рубежом[10]. Всех их объединяет акцент на эпохальности в описании тех экономических и социальных (прежде всего ценностных) преобразований фундаментальных основ общественного устройства, очевидцами которых мы являемся. Модернизация для северной периферии России означает увеличение открытости на внешний мир, беспрецедентно быстрые социально-экономические изменения, которые нарушают инерционную размеренность ее прошлого развития, возвышение роли социальных, культурных, экологических ценностей (качества жизни) местных сообществ, которые в прошлую индустриальную эпоху всегда были в тени экономических, производственных. Растущую роль для устойчивого развития северной периферии в эпоху экономики знания начинают играть компетентные, творческие работники, эффективные институты, стратегически мыслящие лидеры, социальный капитал и создаваемые на его основе партнерства, сети, альянсы, совместные предприятия.

В индустриальную эру набор стратегий экономического и социального развития северной периферии был стандартным. В этом смысле он сам напоминал (был сродни) массовую унифицированную продукцию крупных индустриальных конвейерных производств. В тот период господствовала теория экзогенных, т. е. макроэкономически обусловленных, источников экономического роста регионов (базирующаяся на работах Р. Солоу 1950-х годов[11]). С начала 1990-х годов в науке утверждается концепция конкурентоспособности регионов, базирующаяся на *теории эндогенного* (т. е. изнутри, в само́м контуре региона фор-

---

[9] *Inglehart R.* Modernization and postmodernization: cultural, economic and political change in 43 societies. Princeton, New Jersey. Princeton University Press. 1997.

[10] *Ясин Е. Г.* Модернизация и общество. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ. 2007; *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. 1999; *Друкер П. Ф.* Эпоха разрыва. Ориентиры для нашего меняющегося общества. М.: ООО «И. Д. Вильямс». 2007; *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М: ООО «Издательство АСТ». 2004; *Фридман Т.* Плоский мир. Краткая история XXI века. М.: АСТ. 2007; *Drucker P. F.* Post-capitalist society. HarperBusiness. 2004; Castells Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1. The Rise of the Network Society; Vol. 2. The Power of Identity; Vol. 3. End of Millenium. Blackwell Publishing. Second Edition. 2000 и др.

[11] *Solow R. M.* A Contribution to the Theory of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. 1956. Vol. 50. P. 65–94. *Solow R. M.* Technical Change and the Aggregate Production Function // Review of Economics and Statistics, 1957. Vol. 39. P. 312–320.

мируемого) *экономического роста*[12]. Акцент в ней сделан на сам регион, который активно ищет источники своего конкурентного преимущества в условиях глобализации, «схватывая» уникальные возможности на быстро меняющих во времени и сдвигающихся в пространстве рынках, всемерно поощряя креативность своих предпринимателей, стимулируя региональных и муниципальных чиновников к гибкому и динамичному экономическому поведению.

Подход к развитию северной периферии с позиций эндогенной теории экономического роста означает акцент на внутренние ресурсы самого сообщества — предпринимательство, лидерство, творческий потенциал, местную идентичность, экономические институты; а не пассивное ожидание внешней помощи от государства для решения, например, типичных для северной периферии проблем безработицы и бедности. В этой идеологии осуществляются меры по замещению ввозимых энергоносителей местными, по подготовке собственных кадров, выращиванию новых фирм, развитию альтернативных видов деятельности, открытию новых рынков для местной продукции, созданию новых институтов, генерированию новых агломерационных эффектов, созданию и передаче нового знания через процессы обучения и др.

В новую эпоху, эру экономики знания, на смену прежней индустриальной структуризации российского пространства на город и село приходит новая — на центры и периферию. *Центро-периферийная дихотомия* становится реальностью и воспроизводится на федеральном, региональном, муниципальном уровне. Благодаря работам П. Кругмана в последние два десятилетия она обрела достоинства формальной экономической модели[13] (ранее разрабатывалась в основном на качественном уровне). Центральная тема этих моделей — тенденция экономической деятельности кластеризоваться в пространстве и формировать большие агломерации, которые ведут к возникновению центральных и периферийных зон, и в результате — к неравномерному развитию или неравенству в доходах. Для развития северной периферии России это означает возможности новой специализации в результате центро-периферийных эффектов (например, аутсорсинга производственных процессов из городов в села и развитие там сельской промышленности; возможен также вынос и сервисных функций). Другой шанс связан с формированием новых центров в самой периферии, с нахождением путей трансформации части периферийного пространства в новые центры, например, в результате обнаруженного агломерационного эффекта. Поэтому создание крупных городских агломераций-центров в северной, сибирской и дальневосточной периферии, безусловно, конструктивно и способно уменьшить размеры российской периферии.

---

[12] *Romer P.* Endogenous technological change // Journal of Political Economy. 1990. 98(5). P. 71–102.

[13] *Krugman P. R.* Geography and Trade. Cambridge, Massachusetts, Massachusetts Institute of Technology Press. 1991; *Krugman P.* Development, Geography and Economic Theory. Cambridge, Massachusetts. The MIT Press. 1995.

Будет неверным сказать, что в российском научном сообществе нет понимания, что на Севере России начинают работать новые закономерности размещения производительных сил, новые пружины экономического развития, связанные с экономикой знания, инновациями, постиндустриальной трансформацией. В последние годы появились исследования, в которых обозначаются эти новые реалии[14].

Труднее дается понимание масштабности и долгосрочности наблюдаемых преобразований, потому что это требует переворота в теоретических представлениях, всей системе нашего знания о пружинах регионального развития в современную эпоху. Для успешного развития северной периферии ее лидерам, местному и российскому научному сообществу необходимо отказаться от прежних представлений, которые хорошо работали для индустриальной эры, но в эпоху экономики знания оказываются неприемлемыми; осознать радикальную смену парадигм в теории и практике экономического развития, которые произошли в мире в последние два десятилетия.

Ощущается острый дефицит «инструментальных» научных работ, в которых была бы дана дорожная карта — конкретные пути северной периферии к экономике знания[15]. Данная книга обобщает опыт изучения северной периферии России автором на протяжении последних двадцати лет и содержит конкретные рекомендации, что делать, как развивать, где видеть источники будущего роста северной муниципальной и региональной провинции. Практическая направленность книги родилась в результате разработки автором программ, стратегий, концепций, схем социально-экономического развития северных регионов и муниципальных образований, тесного многолетнего общения с администрациями, правительствами, мэриями северных регионов, районов и городов[16]. Значительное влияние оказало также знакомство с рабо-

---

[14] *Истомин А. В., Селин В. С., Зайцева Е. И.* Проблемы социально-экономического развития регионов Севера России в новых условиях. Регион. 2006. № 4; *Матвеев А. С., Матвеев О. А.* Преобразование экономики северных регионов России на современном этапе. М.: Современная экономика и право. 2007 и др. Среди более ранних работ можно отметить: *Пилясов А. Н., Ядрышников Г. Н.* Наука как фактор социально-экономического развития российского Севера. Магадан: СВКНИИ. 1997.

[15] Приведем в этой связи характерный вопрос — *без ответа*, — который в явном или неявном виде звучит во многих современных научных работах: Останутся ли сельские сообщества Карелии в роли «сырьевых придатков», периферийных территорий, или, воспользовавшись ...благоприятными условиями, мобилизуют свой внутренний ресурс и выйдут на альтернативные устойчивые стратегии развития? *Морозова Т. В.* Сельские сообщества России в период рыночной трансформации. Петрозаводск. 2005. С. 73.

[16] Правительство Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, Республики Саха-Якутия, Республики Коми, Администрация Магаданской области, Чукотского автономного округа, Эвенкийского муниципального района, Администрация Кондинского, Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, мэрия города Магадана и многие другие представители региональной и муниципальной власти Севера России, которым автор выражает благодарность за содействие данной работе.

тами коллег по региональной, северной экономике, в которых «инструментальный», ориентированный на практические рекомендации, аспект был дан исключительно мощно[17].

Главный вывод, который следует как итог многолетней работы с российскими городами, районами и регионами, составляющими северную периферию России, из уроков развития зарубежных периферийных территорий: заданности нет — периферия не обречена на бедность и может динамично развиваться. Переход к экономике знания дает северной периферии шанс расстаться с прежней траекторией развития и осуществить прорыв в инновационную экономику[18].

Аутсайдеры России могут стать лидерами инновационного развития. Барьеры, недостатки развития северной периферии могут превратиться в конкурентные преимущества. Но это чудесное превращение требует труда, предприимчивости, сплоченности, креативности местного сообщества и умелого лидерства местной власти. Культурное и этническое разнообразие, интеллектуальное разномыслие, открытость на внешний мир местного сообщества являются эффективным противоядием блокировкам развития в виде, например, институциональных ловушек и укоренившихся мифов. Кооперация агентов экономики, партнерства власти, бизнеса, гражданского общества северной периферии приводят к их взаимному обучению, которое подпитывает инновационный процесс создания, распространения и внедрения нового знания.

Периферийность наряду с холодовой дискомфортностью, ресурсностью и этничностью представляет главные признаки северности[19]. Периферийность является следствием негативного влияния экономических и экономико-географических условий, а дискомфортность — природно-географических[20]. В управленческом аспекте периферийность означает сильную зависимость местной экономики от внешних центров принятия решений.

Общей чертой северных периферийных территорий является низкая плотность дорожной сети и транспортная недоступность многих поселений. Поэтому индикаторы периферийности могут интерпретироваться как обрат-

---

[17] *Hirschman A. O.* The Strategy of Development, New Haven, Conn.: Yale University Press. 1958; *Myrdal G.* Economic Theory and Underdeveloped Regions, London: MacMillan. 1957; The Progress of Underdeveloped Areas / B. F. Hoselitz (ed). University of Chicago Press, Chicago. 1962; *Stimson Robert J., Stough Roger R., Roberts Brian H.* Regional Economic Development. Analysis and Planning Strategy. Springer. 2006; *Хикл У.* Проблемы общественной собственности. Модель Аляски — возможности для России? М.: Прогресс. 2004.

[18] Эти возможности иллюстрирует современный пример, когда в северных периферийных поселках и селах закрываются нерентабельные почтовые отделения, но одновременно возникает интернет-почта и интернет-магазины. Так приходят новые решения старых проблем.

[19] *Дмитриева Т. Е.* Периферийность: содержание, оценка, экономические следствия // Проблемы приграничных регионов России. М.: ИГ РАН. 2004. С. 43.

[20] *Дмитриева Т. Е.* Северное измерение ресурсопользования // Север как объект комплексных региональных исследований / Отв. ред. В. Н. Лаженцев. Сыктывкар. 2005.

ная функция от доступности: чем выше доступность, тем меньше периферийность места и наоборот. В данной монографии на основании опыта европейских исследований[21] периферийной считается северная территория (город, район, регион), центр которой недоступен за трехчасовое путешествие из ближайшей к нему крупной городской агломерации России — национальных или межрегиональных центров.

Частыми следствиями периферийности выступают трансфертная экономика — низкая доля собственных бюджетных доходов и значительная помощь вышестоящих бюджетов; высокие подушевые бюджетные расходы и недоступность многих качественных социальных услуг для граждан; низкий инновационный потенциал — неспособность генерировать технологические, институциональные, инновации в бизнес-процессах и слабая восприимчивость — отставание от центров в их распространении и внедрении (инновационный разрыв).

Книга состоит из девяти частей, сформированных из 19 глав, и заключения. Значительная нагрузка приходится на *первую часть*. В двух ее главах в сжатом виде формулируется авторская теоретико-методологическая платформа — обобщение используемых концептуальных представлений и эмпирического материала, более развернуто излагаемого в последующих частях книги. Здесь дается общая картина масштабных долгосрочных постиндустриальных преобразований в России и на Севере, очевидцами которых мы являемся, с акцентом на уровень периферийных сообществ.

Первая глава посвящена современному феномену российской периферии (провинции), который рассматривается как информационный, знаниевый: из всех характеристик периферии особый акцент сделан на ее отрезанность от потоков «свежего» знания, генерируемого в центрах. Три особенности определяют авторский подход к периферийным территориям: акцент на динамику, приоритет нематериальным (мягким) факторам экономического развития, фокусировка внимания на уровень местного сообщества.

Провинция России не обречена всегда быть отстающей; в результате целенаправленных усилий власти, бизнеса и структур гражданского общества выход из списка проблемных территорий возможен. Нематериальные причины проблем безработицы и бедности российской провинции (дефицит предпринимательской энергии, институциональная инерция, информационный склероз, недостаток социального капитала и др.) первичны: их преодоление дает периферии шанс на динамичное развитие, способно перебороть негатив-

[21] *Spikermann K., Aalbu H.* Nordic Peripherality in Europe. Nordregio, Stockholm. 2004; *Schürmann C., Talaat A.* Towards a European Peripherality Index. Final Report. Report for General Directorate XVI. Regional Policy of the European Commission. Institut für Raumplanung, Dortmund. 2000; Schürmann Carsten, Talaat Ahmed. The European Peripherality Index. 42nd Congress of the European Regional Science Association (ERSA), Dortmund, 27–31 August. 2002.

ное действие транспортной удаленности, высоких издержек и малых размеров рынка. Снятие нематериальных барьеров максимально эффективно на уровне местных сообществ — при реализации мероприятий по их развитию и улучшению качества местного человеческого капитала. Именно подход «от местных сообществ» придает экономике знания, постиндустриальной трансформации в северной периферии человеческое измерение.

Мало просто исследовать феномен периферийности, основные барьеры для динамичного развития, которые ему присущи. Главный вопрос — *что делать*, чтобы периферийность не тормозила развитие российской провинции в эру экономики знания? На основании экспедиционных обследований десятков периферийных сообществ, зарубежного опыта, предложены конкретные рецепты одоления издержек провинциальности для каждого типа периферийных сообществ России. Для этого используется теоретический инструментарий, признанный современной общественной наукой: концепции обучаемого сообщества, перетоков знания, социального капитала, слабых связей, социального укоренения и др.

Вторая глава развивает и конкретизирует идеи первой главы на примере сообществ северной периферии, находящихся сейчас в процессе постиндустриальной трансформации. В результате сопоставлений агроиндустриальной и постиндустриальной трансформации формулируются ценности новой эпохи, которые здесь называются ценностями центров. В 12–13 главах книги дается более точное понятие — ценности талантливых, творческих, квалифицированных кадров. Как ранее ценности индустриальной эпохи определяли представители рабочего класса, так теперь генераторами новых ценностей выступают представители класса творческих работников, которые концентрируются в крупных городских агломерациях[22]. Борьба северной периферии за квалифицированные кадры становится важнейшим условием ее динамичного развития в эру экономики знания. В результате эмпирического обобщения конкретных преобразований в периферийных сообществах Севера России выделены их конкретные типы и предложены механизмы развития для каждого из них.

В последующих частях книги феномен северной периферии характеризуется на разных уровнях и с разных аспектов изучения: части 2–4 (муниципальный блок) посвящены муниципальной периферии (удаленным районам и городам) Севера; части 5–6 (региональный блок) — региональной периферии на дальневосточном и сибирском Севере; части 7–8 (блок особых случаев северной периферии) — таежным «островным» сообществам и сельским сообществам с этнической спецификой; часть 9 посвящена Арктике как глобальной северной периферии.

---

[22] Подробное изложение характерных черт нового креативного класса приведено в книгах Р. Флориды — *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-21. 2007; Florida Richard. The Flight of the Creative Class. NewYork. 2007.

Муниципальному уровню северной периферии уделено значительное внимание в данной работе (посвящены три части из девяти). И это неслучайно: ведь даже в центральных северных регионах, расположенных, например, на европейском Севере, всегда есть труднодоступные районы глубинки, со своими специфичными проблемами вялого тонуса развития, информационной оторванности, дефицита квалифицированных кадров и др.

Вторая часть посвящена общей характеристике муниципальной северной периферии. В третьей главе рассмотрены типичные слабости и потенциальные возможности экономического развития труднодоступных северных муниципалитетов на примере Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Контраст проблемного района и благополучного северного региона, внутри которого он находится, обеспечивает информативность и убедительность проведенного СВОТ-анализа.

Закономерной чертой новой эпохи является повсеместное возвышение сетевых, плоских структур, вертикальная дезинтеграция прошлых индустриальных иерархий. Для северной периферии это означает укрепление новых (на самом деле старых, унаследованных еще с 1930-х годов, а в индустриальную эпоху практически полностью исчезнувших) сетевых структур — в виде родовых, национальных общин, потребительских кооперативов, экономическое значение которых в Березовском районе в последние полтора десятилетия значительно возросло.

На примере поселков Березовского и Кондинского районов обозначен путь в экономику знания сообществ разного размера и охарактеризованы распространенные опасности, которые сопровождают их на этом пути. Ввиду хронической для северной периферии проблемы малого рынка несколько страниц данной главы уделено механизмам создания агломерационного эффекта.

Четвертая глава посвящена барьерам для экономики знания, которые часто возникают в муниципальной северной периферии. Исходя из идеологии приоритета нематериальных, мягких факторов и проблем экономического развития, которой придерживается автор, акцент сделан на характеристику поведенческих и ментальных барьеров. Здесь же описаны подходы к оценке уровня энергии местного сообщества северной периферии.

Третья часть посвящена «умному» освоению пространства муниципальной периферии в эпоху экономики знания. Для России ввиду размеров пространств ее северной периферии это значимая проблема.

Данная часть неслучайно находится в муниципальном блоке книги. Автор считает, что именно на муниципальном, а не региональном, уровне императив инновационного обустройства северного пространства звучит особенно мощно. На региональном уровне пространство уже слишком удалено от местных сообществ, не имеет той одухотворенной силы, которая так сильно ощущается в периферийных районах Севера.

Пятая глава содержит конкретные предложения по эффективному управлению пространствами северной муниципальной периферии в постиндустриальную эру: механизмы партнерства для соуправления природными ресурсами; укрепление форпостной роли поселений в освоении пространства; повышение качества местного сообщества как условие эффективного управления пространствами.

Шестая глава посвящена пионерному освоению таежных пространств в постиндустриальную эпоху. Она отнесена к муниципальному блоку, потому что пионерное освоение редко охватывает весь регион, чаще его части, формируемые одним или несколькими муниципальными образованиями.

Ее актуальность объясняется амбициозными мегапроектами освоения северных территорий России, которые в последние годы были сформулированы на федеральном уровне, в выступлениях Президента, Председателя Правительства Российской Федерации, полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах. Широкомасштабное обустройство северных пространств, как показывает новейшая история, никогда не было равномерным, но всегда происходило рывками, вслед за которыми следовали (порой длительные) остановки. Представляется, что период ближайших десяти–пятнадцати лет как раз и будет временем такого нового рывка.

По широте охвата и осмысления теоретического и эмпирического материала шестая глава находится в одном ряду с главами первой части. Новизна подхода связана с интеграцией освоенческой парадигмы, основной вклад в создание которой в позднесоветский период внесла иркутская школа экономико-географов, и современных теорий эндогенного экономического роста, постиндустриальной трансформации, экономики знания. Пионерное освоение понимается как инновационное преобразование северной периферии, преодоление ее отрыва от центров.

В условиях экономики знания и ухудшающихся свойств природных активов характер освоенческого процесса становится фундаментально другим, чем в индустриальную эру: приобретает черты венчурности, значительно сильнее зависит от нематериальных активов — творческой энергии квалифицированных кадров, духа предприимчивости первостроителей, экономических институтов, которые поощряют инновационную деятельность. Под вызовы инновационной экономики происходит переоткрытие/переинтерпретация всех прежних понятий теории хозяйственного освоения (трассы, базы, этапы освоения, линейно-узловые структуры и др.). Фактическим материалом для главы послужили несколько суперпроектов, намеченных к реализации в северной периферии России: Урал Промышленный — Урал Полярный, освоение ресурсов Нижнего Приангарья и Южной Якутии.

В *четвертой части* описываются элементы внутренней структуры северной муниципальной периферии — города-центры и периферийные районы — и предлагаются траектории их развития в инновационной экономике.

Из мирового опыта известно, что укрепление существующих и выращивание новых центров внутри периферии способно существенно сократить ее размеры и нейтрализовать самые острые проблемы развития отдаленных территорий. В седьмой главе на примере Магадана как типичного города-центра северной периферии России сформулирована концептуальная модель и конкретные предложения по его трансформации под вызовы экономики знания. Прогнозное развитие города рассматривается в центро-периферийной парадигме — в контексте его связей с «трассой» — остальной территорией Магаданской области.

В восьмой главе приведена ретроспектива и прогноз развития периферийного района с 1930 по 2020 годы на примере Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры: охарактеризован аграрный, индустриальный, ведомственный и новый этап постиндустриальной трансформации, наступивший в начале XXI века. В связи с тем, что в прогнозный период в районе предполагается реализация мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный», сценарии развития района дифференцируются в зависимости от характера влияния этого ключевого фактора. Возникает перекличка с шестой главой, в которой пионерное освоение рассматривается в контексте обустройства северного пространства, а здесь — с точки зрения интересов муниципальной периферии и ее местных сообществ. Глава завершается изложением механизмов преодоления колониальности в развитии муниципальной периферии при реализации новых мегапроектов, которые имеют общий характер — применимы и для других территорий северной периферии России.

В девятой главе на примере новейшего развития Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры определен генезис проблемы безработицы северной муниципальной периферии — как результат исключительно быстрых структурных сдвигов от промышленности к услугам (имеющих постиндустриальный характер); и обозначены приоритеты прогнозного развития базового, инфраструктурного, сектора услуг районной экономики.

Пятая и шестая части книги формируют ее региональный блок. В *пятой части* акцент сделан на роль традиций и инноваций в развитии северной региональной периферии. Разные сюжеты десятой главы объединяет стремление подчеркнуть значение традиций и исторического наследия в экономическом развитии периферии. Это влияние в зависимости от конкретных условий может быть как позитивным — служить опорой постиндустриальных преобразований; так и негативным, блокирующим модернизацию.

Фундаментальное значение для направленности постиндустриальной трансформации региональной периферии имеет конфигурация дорожных трасс освоения, которая в свою очередь зависит от конкретного времени пионерного освоения и философии той хозяйственной эпохи. Различия конфигураций дорожных трасс определяют различия в человеческой коммуникации,

динамике распространения нового знания, направленности миграций талантов из периферии в центры (внутри или вне региона). На примере Чукотского автономного округа охарактеризована реструктуризация периферийного региона (с акцентом на социальную сферу). Показана барьерная роль однородной этнической структуры для креативности местного сообщества на примере Республики Тыва (в сравнении с этнически более плюралистичной Республикой Бурятия). В одиннадцатой главе преимущественно на материалах Республики Саха-Якутия как крупнейшей северной региональной периферии определена общая направленность прогнозных структурных сдвигов в экономике: роль инноваций, глобализации, новых форм управления, новых форм организации пространства и др.

В *шестой части* связываются воедино тема талантов, творческих кадров и развития региональной периферии Севера. Таланты, творческие, квалифицированные кадры могут рассматриваться как человеческое измерение экономики знания. Почему тема талантов приурочена к региональному, а не муниципальному блоку? Рамки муниципальной периферии Севера могут быть узки для талантов, которые чувствительны к качеству жизни, инфраструктурной обустроенности, доступности основных социальных услуг и обладают высокой мобильностью. Значительно более широкий контур региональной периферии Севера, обеспечивающий культурное, этническое, ландшафтное разнообразие, позволяет им найти возможности для творческой самореализации (быстрой восходящей карьерной траектории).

В двенадцатой главе уже известные проблемы и достоинства периферийных территорий переоткрываются заново — рассматриваются глазами талантливых кадров как факторы их выталкивания или притяжения (в основном на примере Республики Саха-Якутия). В тринадцатой главе весь инновационный процесс в северной региональной периферии, утверждение в ней экономики знания, впервые понимается как разворот отдельных граней региональной экономики и социальной сферы под потребности, вкусы, ценности талантов — творчески мыслящих, квалифицированных кадров. Только те изменения, которые соответствуют ценностям талантов, и будут закреплены в развитии региональной периферии Севера. Вся новая организация производительных сил северной периферии теперь строится «под таланты». Подробно охарактеризованы те структуры и институты, которые способны стать факторами притяжения талантов в северную периферию в прогнозный период.

Седьмая и восьмая части книги формируют блок особых случаев северной периферии. *Седьмая часть* посвящена таежным островным сообществам — отдельным северным муниципальным образованиям или регионам, которые не имеют круглогодичной наземной связи с центрами. В результате одновременного действия ультраконтинентальной дискомфортности и предельной изолированности периферийность проявляется здесь сильнее, чем в примор-

ских северных сообществах. В четырнадцатой главе на примере местных сообществ Эвенкии и Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры дан анализ характерных элементов системы жизнеобеспечения островных таежных сообществ и их своеобразной духовной жизни. В пятнадцатой главе на примере Эвенкии разобрана реализованная здесь стратегия точечной энергичной коррекции основных болевых точек островной экономики, которая обеспечила сверхбыструю модернизацию ранее глубоко депрессивной территории. Здесь же предложены пути преобразований основных элементов островной системы жизнеобеспечения и намечены направления развития таежных «островов», не связанные с их промышленным освоением: как центров духовного исцеления, духовных исканий нации.

Восьмая часть посвящена сельской периферии с этнической спецификой, которая в России значительно отличается от своих зарубежных аналогов. Сначала определены основные экономические, социальные, демографические сдвиги, произошедшие здесь за последние 15 лет. Охарактеризованы основные пробелы федерального нормативного правового регулирования традиционной деятельности народов Севера, национальных общин и домохозяйств.

В шестнадцатой главе дана характеристика региональных условий, в которые «погружена» сельская этническая периферия — национальные села и территории традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера. Описана внутренняя структура экономики национальных сел разного размера и предложены возможные направления их развития в ближайшие годы. Специальное внимание уделено основным направлениям реконструкции традиционного сектора (оленеводства и традиционных промыслов) сельской экономики.

Семнадцатая глава логически связана с главами первой части и шестой главой. Здесь предпринята попытка концептуального обобщения всего эмпирического материала по сельской и северной периферии. Впервые сделан вывод о том, что на обширных пространствах северной периферии России действует сетевой эффект, который по всем своим признакам противоположен агломерационному эффекту, характерному для урбанизированных высокоплотностных пространств крупных городов. Определены ключевые условия для проявления сетевого эффекта вообще и в конкретных условиях сельской периферии Севера в частности.

В этой же главе охарактеризованы важнейшие особенности организации сельских этнических сообществ Севера и сделан вывод о значительном сходстве их с креативными сообществами интеллектуальных территорий мира. Определена роль традиционного знания коренных народов Севера в успешном строительстве сетей аборигенных сообществ и внешних центров. Предложен конкретный алгоритм создания новых сетевых предприятий с этнической спецификой в результате удовлетворения земельных требований коренных малочисленных народов Севера.

Девятая часть посвящена Арктике как глобальной северной периферии и ее специфическим формам развития в условиях инновационной экономики. В восемнадцатой главе арктическая периферия рассмотрена в глобальном охвате. Охарактеризованы американская, канадская, европейская и российская модели арктической экономики, специфические особенности каждой из них — как условие развития экономики знания. В девятнадцатой главе значительное внимание уделено специфическим закономерностям развития и размещения арктических производительных сил и грядущим вызовам быстрых внешних изменений, которые будут оказывать нарастающее влияние на функционирование арктических хозяйственных систем. Для повышения их жизнеспособности постиндустриальная модернизация материальных активов должна быть адаптирована к новым ритмам природных систем Арктики.

В заключении сформулированы основные условия позитивных преобразований северной периферии России в долгосрочной перспективе (стратегия ЛИДЕР).

Хочу выразить свою благодарность тем людям, без доброжелательного отношения и помощи которых рождение этой книги было бы невозможным. Интерес к теме социально-экономического развития Севера у меня зародили книги и статьи недавно ушедшего от нас Г. А. Аграната[23], личные встречи с ним. Я не знаю в России другого исследователя, который был бы так активен в этой теме на протяжении полувека.

Первые уроки скрупулезного изучения северных периферийных сообществ автор получил почти 20 лет назад у исследователей национальных сел штата Аляска Д. Келовся, Д. Маршалла и С. Соул. Закономерности и особенности развития американской северной периферии открыли для меня личные встречи и знакомство с работами сотрудников Института социальных и экономических исследований Университета штата Аляска в Анкоридже В. Фишера, Т. Морхауза, А. Туссинга, Д. Круза, Л. Хаски, Г. Кнаппа, С. Колта и Ш. Хейли. Всем им автор искренне признателен.

Хочу поблагодарить моих старших коллег — М. К. Бандмана, Е. Г. Егорова, П. Х. Зайдфудима, Г. П. Лузина, В. С. Селина, беседы с которыми сформировали понимание неоднородности, значительных различий *северов* России.

Интерес к малому предпринимательству на Севере, веру в его экономические возможности в северной периферии пробудили многочисленные встречи

[23] *Агранат Г. А.* Зарубежный Север. Очерки природы, истории, населения и экономики районов. М.: Изд-во АН СССР. 1957; *Агранат Г. А.* Зарубежный Север: опыт освоения. М.: Наука. 1970; *Агранат Г. А.* Использование ресурсов и освоение территории Зарубежного Севера. М.: Наука. 1984; *Агранат Г. А.* Возможности и реальности освоения Севера: глобальные уроки. М.: ВИНИТИ. 1992; *Агранат Г. А.* Трудная жизнь российского Севера // Известия АН. Серия географическая. 1999. № 6. С. 99–107; *Агранат Г. А.* Российское североведение в постсоветские годы // Известия АН. Серия географическая. 2007. № 4. С. 29–37 и др.

с убежденным защитником малого ресурсного бизнеса А. А. Арбатовым, который искренне верил в силу творческой энергии и предприимчивости людей. Значительное влияние на выбор темы исследования оказала Т. Е. Дмитриева, способностью которой методологически четко разрабатывать проблемы развития северных регионов я всегда восхищался. Мое внимание к нематериальным (институциональным) факторам развития северных регионов впервые пробудили встречи с В. А. Крюковым и его многочисленные работы в области институциональных факторов динамики нефтегазового сектора России. Я искренне признателен ему за свой интеллектуальный рост в этом направлении. В дружеских дискуссиях со старшим коллегой В. Н. Лаженцевым оттачивалось понимание реалий постиндустриальной трансформации на Севере России.

Хочу поблагодарить российских и зарубежных ученых-исследователей проблем коренных жителей северной периферии. Д. Д. Богоявленский и ушедший от нас А. И. Пика являются для меня образцом скрупулезности и научной честности в изучении демографических и социальных проблем коренных малочисленных народов Севера России. Работы П. Витебски позволили увидеть развитие оленеводства и традиционных промыслов аборигенных народов в циркумполярном охвате и определить их будущее в экономике знания. Г. Ошеренко была одной из первых в мировом сообществе северовсдов, которая изучила новые режимы разделенной ответственности (соуправления) — между аборигенными охотниками и государственными ресурсными службами — в природопользовании. Как я понимаю теперь, такие северные партнерства являются характерной чертой нового постиндустриального уклада. Деятельность талантливого писателя и публициста Е. Д. Айпина является ярким доказательством того, что путь народов Севера в новую творческую эпоху может быть исключительно успешным. П. В. и Р. В. Суляндзига являются для меня примером — как традиционное знание и мудрость аборигенных народов может плодотворно соединяться с формальным, книжным, знанием в научных работах и общественной деятельности.

Эта книга не могла родиться без ободряющей поддержки А. И. Чистобаева — моего первого учителя на тернистом пути в науке, талантливого ученого с исключительными человеческими качествами. Значительное интеллектуальное влияние оказала на меня десятилетняя совместная работа с блестящим знатоком северной экономики Г. Н. Ядрышниковым. Он своим примером убедил меня в том, что страсть и научное творчество — органично совместимые вещи. Хочу поблагодарить А. Г. Гранберга, который обладает талантом формулировать сверхзадачи для себя и своих сподвижников в научном сообществе и добиваться их выполнения, — за постоянную поддержку моих исследований. И, конечно, я благодарен моей маме М. М. Орадовской, пример которой полностью определил мой выбор научного творчества как основной профессии.

Часть 1

Пролог: обобщение происходящих перемен в российской периферии и ви́дение ближайшего будущего

Глава 1

И последние станут первыми[24]

Я не сомневаюсь, что среди причин бедности материальные факторы — такие, как отсутствие капитала или нехватка инфраструктурных объектов — вторичны. Первопричина бедности нематериальна и заключена в определенном дефиците образования, организованности и дисциплины.

Развитие начинается не с товаров, а с людей — их образования, организованности и дисциплины. Без этих трех составляющих все ресурсы останутся лишь потенциалом. Есть преуспевающие общества с очень небольшим запасом природных богатств, и можно привести немало примеров, убеждающих в значимости «невидимых» факторов развития после Второй мировой войны. Все страны, которые имели высокий уровень образования, организованности и дисциплины, невзирая на свою бедность, совершили экономическое чудо. На самом деле это было чудо лишь для людей, внимание которых было сосредоточено на верхушке айсберга. Верхушка разбилась на куски, но база, состоявшая из образования, организованности и дисциплины, оставалась незыблемой.

Вот здесь и находится центральная проблема экономического развития. Если главная причина бедности — нехватка трех названных элементов, тогда ее преодоление достигается восполнением их дефицита. Здесь лежит причина того, почему развитие не может быть актом творения, не может быть заказано, куплено, всесторонне спланировано: оно требует эволюционного процесса. Образование — это не прыжок, оно должно постоянно приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам. То же самое касается организованности и дисциплины. Все три компонента должны формироваться постепенно, и первая задача политики развития состоит в том, чтобы ускорить эту эволюцию. Все три названные ценности должны стать достоянием не только узкой группы людей, но всего общества.

Е. Ф. Шумейкер. «Малое — прекрасно»

---

[24] Материал впервые был опубликован как статья в журнале «Отечественные записки». 2006. Т. 32. № 5. С. 8–25.

Для Российской Федерации характерен значительный и постоянно нарастающий разрыв между бедными и богатыми регионами, бедными и богатыми муниципальными образованиями, национальными и региональными центрами — и российской периферией. Так, в 2000 г. максимальный среди всех регионов подушевой объем промышленного производства превышал минимальный в 64 раза, в 2005 г. — в 281 раз; различия по подушевым налоговым и неналоговым доходам консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в 2000 г. составляли более 50, в 2005 г. уже 194 раза. С каждым годом для решения социальных проблем приходится организовывать масштабные перераспределения средств между благополучными и неблагополучными регионами в пользу последних[25].

Но низкие подушевые доходы, значительный уровень бедности, высокая безработица российской провинции — это лишь верхушка айсберга, под которой скрывается слабая способность к развитию, недостаток физической инфраструктуры, квалифицированной рабочей силы, инновационных видов деятельности. Вероятно, необходимо бороться не со следствиями, а с первопричинами бедности и безработицы российской периферии. Для правильного лечения необходимо корректно определить сам феномен российской провинциальности.

1.1. Определение провинциальности

В индустриальную эру доминирующего производства материальных ценностей российскую провинцию определяли как «медвежий угол», как территории предельной транспортной изолированности со слабой интенсивностью и нерегулярностью грузовых потоков по сезонно работающим дорожным сетям. В новой (постиндустриальной) экономике, возникающей сейчас в России, увеличивается значение нематериальных активов, знание играет растущую роль в создании национального и регионального богатства, в устойчивом развитии. «Невидимые», нематериальные факторы экономического развития становятся не менее (часто более) важными, чем физические, материальные. Поэтому и провинциальность теперь целесообразно определять по совокупности «мягких», неосязаемых факторов, их состоянию и динамике; по доступу (возможности доступа) к информационным коммуникациям, скоростям обмена по информационно-телекоммуникационным сетям.

Из всех нематериальных факторов развития знание становится самым важным. Поэтому разумно определять провинцию теперь не транспортно-географически, по «физической» периферийности, а по информационной пери-

[25] Доклад Рабочей группы Государственного совета Российской Федерации по вопросам комплексного социально-экономического планирования развития регионов «О механизмах взаимодействия федеральных и региональных органов исполнительной власти при разработке программ комплексного социально-экономического развития регионов». Август 2006 года.

ферийности, по отсутствию доступа к важнейшим каналам нового знания. Не факторы плотности, аграрной или добычной ресурсной специализации теперь выдвигаются для нас на первый план в диагностике российской провинции, но отрезанность от магистральных сетей знания, атмосфера информационной замкнутости, малый, невоспроизводимый и потому истощаемый запас местного знания. В этом случае при всем разнообразии региональных вариантов российской провинции подчеркивается то общее, что характерно для всех, а сама провинция понимается как системное единство.

Наше интуитивное понимание провинциальности совпадает с таким научным представлением. Когда мы говорим провинциальный, периферийный, мы имеем в виду прежде всего архаичность взглядов, представлений, ценностей, сильное их отставание от тех, которые сложились в национальных и региональных центрах.

Главным разрывом индустриальной эры были контрасты между городом и деревней. Вспомним, как в позднесоветскую эпоху материалы съездов КПСС призывали «стирать грани между городом и деревней», преодолевать архаичность сельского образа жизни, в том числе путем создания в сельской местности крупных квазигородских индустриальных комбинатов — птицефабрик, животноводческих комплексов и др.

Главным разрывом постиндустриальной эры являются информационные, «знаниевые» контрасты между центрами, входящими в глобальные, национальные, межрегиональные коммуникационные сети, с одной стороны, и периферией, которая выключена из них, находится вне сетей, вне доступа к ним, — с другой. Цифровое неравенство, дискриминация по знанию — самый главный политико-экономический конфликт (и самое большое из возможных наказаний) информационной эпохи; разлом, по которому обозначается противоречие центров и периферии. Новые технологии для одних могут облегчать доступ, но для других они же несут угрозы исключения из сетей.

«Знаниевая» трактовка измерения провинциальности открывает новые перспективы для исследования этого феномена (например, для анализа особенностей структуры и динамики знания в региональной и муниципальной периферии России) и выработки адекватных мер региональной политики для ее лечения.

Феномен провинциальности многомерен, но для нас прежде всего важны его связи с региональным развитием. Именно на уровне регионов и муниципальных образований негативные экономические и социальные последствия периферийности проявляются максимально рельефно (на национальном уровне их просто не видно). Анализ провинциальности в аспекте ее негативных последствий для регионального развития (бедность и безработица периферии России, негативная динамика других показателей регионального развития) конструктивнее обычной описательной (и тем самым более абстрактной) ее трактовки.

В индустриальную эру задачи регионального развития нередко сводились к определению того, какие крупные народнохозяйственные объекты — и в каких точках страны — следует размещать на государственные средства. В постиндустриальную эру эти задачи формулируются заново и иначе. Речь теперь идет о том, как, актуализируя уникальный социальный и другой капитал местной общности людей, инициировать (при финансовом соучастии корпоративных, государственных, общественных структур) локальное развитие, конкурентоспособное по производимым товарам и услугам на внешних рынках. Было — развитие сверху, стало — саморазвитие снизу.

Что первично — знание или региональное развитие? С одной стороны, региональное развитие испытывает негативные последствия от информационной периферийности города, района, региона. Здесь возникает вопрос, как связаны динамика знаниевой провинциальности и региональное развитие? Как свидетельствуют работы наших зарубежных коллег[26], последействующее влияние знания на экономическое развитие трудно оценить, но оно, безусловно, очень сильно, хотя порой и проявляется через значительный временной интервал.

С другой стороны, региональное развитие само тоже влияет/воздействует на «знаниевую» провинциальность. Здесь возникает вопрос, в какой степени развитие регионов России в новейшее время усиливает эффекты блокировки, увеличивает барьеры входящим потокам знания, затрудняет интеграцию кусков знания внутри местного сообщества?

Знание и региональное развитие соединены двусторонними связями. Но очевидно, что для успешного экономического развития в современную эру глобальной конкуренции необходима неустанная, сверхдинамичная по темпам и интенсивности, переработка знаниевых потоков. Такая работа с местными и внешними ресурсами знания преодолевает провинциальность села, города и региона и придает ускорение локальному и региональному развитию.

Если в диагностике провинциальности целесообразен региональный подход, то для лечения необходимо спуститься на уровень локального (сельского, городского) сообщества. Периферийное сообщество выступает как структура накопления знания для целей локального развития. Внутренние, сущностные черты этого сообщества определяют возможность междисциплинарной интеграции кусочков *разноотраслевого* знания в целостный территориальный пул (единую базу знания) на благо местного развития, а также конкретные направления информационного разблокирования и вхождения в глобальные и национальные сети знания. Способность провинциального сообщества адаптироваться к новой экономической реальности зависит от местной базы знания и ее *динамики*.

---

[26] *Stohr W. B.* Structural characteristics of peripheral areas: the relevance of the stock-in-trade variables of regional science // Papers of the regional science association. 1982. Vol. 49. P. 71–84 и др.

В периферийных сообществах исходная база знания обычно очень мала; если же сообщество фрагментировано на конфликтующие кланы, то возникает угроза целостности и риски для процесса воспроизводства местной базы знания. Фрагментация малого сообщества по своему разрушительному воздействию на знаниевый пул, безусловно, вреднее, чем в случае фрагментированного крупного сообщества, где пул знания изначально более объемный.

Важной характеристикой базы знания сообщества является соотношение собственного знания о местных ресурсах и ландшафтах, истории их освоения, и полученного извне знания (профессиональных навыков, технологических и организационных инноваций, информации о рынках сбыта местной продукции и др.). Например, для российской периферии 1990-х гг. было характерно быстрое устаревание ранее полученного внешнего знания и очень слабое воспроизводство местного знания. В результате общий пул знаниевых ресурсов провинциального сообщества существенно уменьшился[27].

Провинциальность — это динамичный феномен, не заданный раз навсегда. Одни сообщества покидают эту когорту исключенных, другие в тот же период времени превращаются в информационную периферию страны. Динамика провинциальности зависит от того, имеет ли сообщество доступ к внешним сетям, по которым распределяются ресурсы знания, и от того, насколько развиты внутренние каналы обмена информацией между субъектами местной экономики.

Сопоставление с сообществами центральных городов и районов России позволяет выявить внешние, поверхностные, и глубинные, сущностные, *черты провинциальности*. Подчеркнем еще раз, что к физическим расстояниям между центром и периферией наша трактовка провинциальности не имеет прямого отношения: поселок, город, район могут быть значительно удалены от российских центров и не быть провинциальными; с другой стороны, даже находящиеся в самой центральной части России села и города могут быть глубокой информационной периферией[28].

К внешним чертам провинциальности относятся хронические проблемы во внешней и внутренней коммуникации по совокупности природных и социальных причин. Например, отсутствие устойчивой круглогодичной связи с ближайшими центрами (по причинам снежных заносов в деревнях Нечерноземья, по причинам сезонной навигации в арктической зоне и др.). Другие примеры — длительные сроки прохождения информации (временной разрыв между сигналом и откликом на него) между центром и периферией, внутри самой периферии; отставание периферии от столиц в технологических, фи-

[27] Негативное воздействие оказал также массовый отток квалифицированных кадров из сел и городов провинции в российские центральные города и за границу.

[28] Например, при отсутствии доступа к электронным сетям, сетям мобильной связи; когда сроки прохождения телеграмм, писем, других почтовых отправлений между поселениями одного региона превосходят сроки их доставки из центра страны в города Дальнего Востока.

нансовых, организационных инновациях на несколько лет и в целом архаичность местной базы знания сообщества (консервация знания о мире, когда-то в юности приобретенного во внешних контактах, обучении, или почерпнутого от приезжих на длительный период и потому неизбежное его устаревание); постоянные нестыковки форматов, кодировок в электронной, трудности «перевода» — понимания и неискаженного восприятия — в обычной коммуникации между центром и периферией. Наконец, в предельно выпуклой форме это языковой барьер в коммуникации — неспособность говорить на русском языке и его понимать этнических групп, общностей людей в национальных селах, районах, республиках.

Художественный образ провинциалов выпукло представлен в рассказах В. Шукшина. Для его героев из информационно изолированных сел староверов Восточной Сибири характерно причудливое, неорганичное сочетание устаревшего внешнего и местного знания; именно в результате этой комбинации возникает особый социально-психологический тип шукшинского «чудика», который совмещает искусственную глубокомысленность с крестьянской простотой[29].

Сущностные черты периферийного сообщества включают: низкий уровень образования (доля людей с высшим образованием, студентов вузов значительно ниже среднероссийской); отсутствие человеческих ресурсов с необходимыми для местного развития компетенцией и знаниями; малую мобильность местных жителей; локальный монополизм носителя нового знания, вызывающий повышенную зависимость сообщества от интерпретации этого знания монопольным носителем — из-за невозможности проверить и верифицировать его интерпретацию (вследствие чего часто возникают мифы и заблуждения); архаичную инфраструктуру и примитивный характер институтов накопления и передачи знания (деревянные малокомплектные школы, находящиеся в аварийном состоянии поселковые и сельские клубы, недооснащенные фельдшерско-акушерские пункты и районные амбулатории); дефицит информационных обменов внутри сообщества, между его государственными, общественными и рыночными структурами.

Провинциальное сообщество — это система с очень высокими внешними и внутренними барьерами, мешающими коммуникации, стоящими на путях знаниевых потоков. Эти барьеры являются следствием природных, инфраструктурных факторов, сложившихся традиционных культурных ценностей и запретов. Например, десятки национальных сел Горной Шории в Кузбассе не входят в телекоммуникационные сети области, не имеют круглогодичной связи с региональными и даже районным центром. Для многих сел, расположенных в мелкоконтурных ландшафтах на севере Псковской области, характерны одновременное отсутствие телефонной связи и сильная фрагментация сооб-

[29] См., например: *Шукшин В.* Космос, нервная система и шмат сала // Я пришел дать вам волю. Кишинев: Литература артистикэ. 1984. С. 579–587.

щества на конфликтующие кланы, которые стали жить в одной деревне после сселения с хуторов. В этих условиях нет полноценной коммуникации (двустороннего обмена информацией) ни внутри сообщества, ни с внешним миром; слабы внутренние контакты и сужены внешние связи.

Барьеры в коммуникации не статичны, их высота снижается или повышается со временем, а сами они могут смещаться в городском, сельском, региональном пространстве. Например, конфликты между родственниками в сельском сообществе остановили полезный обмен информацией; потом вследствие смерти или отъезда кого-либо из конфликтующих сторон восстановилась полноценная коммуникация внутри сообщества. Отсутствие притока нового знания извне, отсутствие маневров и творческих рекомбинаций по склеиванию кусочков старого и нового, своего и заемного знания внутри самóго сообщества приводят к информационному склерозу российской провинции, который тормозит местное развитие. Работа местного сообщества, направленная на активизацию внешних и внутренних обменов знанием, способна уменьшать высоту барьеров коммуникации, само их количество и в результате ускорить темпы локального развития.

Возникает вопрос, в какой степени информационный изоляционизм (который понимается как одновременный дефицит нового внешнего и внутреннего знания — например, о ценных природных активах, динамике климатических условий и др.) провинциального сообщества отражает свойства транспортно-географического положения, наличие или отсутствие коммуникационных сетей, свойства материальных активов, а в какой — качественные характеристики и внутреннюю структуру самóго сообщества, например, наличие или отсутствие в нем сильного лидера, меру склонности сообщества к консенсусному стилю решению проблем, существование в нем местных влиятельных коалиций и др. Вероятно, ответ на этот вопрос зависит от *конкретного типа* самого сообщества.

Определить типы российских провинциальных сообществ целесообразно на основе генезиса самой провинциальности, масштабов ее территориального распространения и важнейшего признака — соотношения внешнего, формального, мобильного знания и внутреннего, «неявного», более «клейкого» и менее мобильного местного (часто традиционного) знания. С некоторой долей условности можно выделить ***три типа российских провинциальных сообществ.***

К ***первому*** относятся многие периферийные (не-центральные), удаленные, сезонно доступные, поселения Севера (в том числе Арктики), Сибири, Дальнего Востока, которые в ряде случаев образуют *сплошные зоны* яркого проявления природной и социальной экстремальности. Доля местного «клейкого» знания здесь относительно невелика по причинам небольшого срока освоения территории, доминирует принесенное из информационных центров формальное знание (инженерное, гуманитарное, естественное).

Ко ***второму*** типу — *точечной анклавной* провинциальности — относятся поселения европейской России, которые, как отдельные воронки, расположены внутри обжитого и доступного пространства центральной России. Провинциальные сообщества здесь часто возникают по причинам быстрого старения населения (результат десятилетий оттока молодежи), по частным причинам, подчас и случайно. В совокупной знаниевой базе сообщества доля местного знания здесь выше, чем в первом случае — опорой его является длительный период обживания и освоения территорий, например, нечерноземной зоны России.

К ***третьему*** типу провинциальных сообществ относятся *этнические, конфессиональные изоляты*, которые в пространстве могут располагаться как точечно, компактно, так и зонально, обширными площадями. Таковы, например, национальные села, села сибирских староверов, многие поселения национальных республик России, компактно проживающие этнические диаспоры внутри крупных российских городов. Доля традиционного знания в совокупной знаниевой базе сообщества здесь максимальна.

Для каждого типа провинциальности характерны свои барьеры коммуникации и потому свои способы информационного разблокирования.

1.2. Динамика состояния российской провинции в годы реформы

Радикальная экономическая реформа привела к значительным изменениям в направлениях и интенсивности потоков знания между российскими центрами и периферией. Первый период реформы (до 1996 г.) сопровождался оживлением центро-периферийных обменов информацией во многих регионах России. Второй период, до 2001–2002 гг., характеризовался повсеместной стагнацией межрегиональных и центро-периферийных каналов коммуникации. В последние годы происходит медленное растормаживание потоков знания, информационных обменов между российскими центрами и периферией (как по линиям взаимодействия государственных, муниципальных структур, так и в результате межфирменного сотрудничества и сотрудничества общественных организаций).

Результатом экономических преобразований последних 15 лет стали значительные подвижки в списке регионов, районов и поселений российской провинции. Сам их перечень сильно увеличился — за счет расширения провинциальной зоны на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке; за счет нарастания числа провинциальных анклавов в давно освоенной центральной России. То, что в советское время не было провинцией, теперь превратилось в очевидную информационную периферию. Но это лишь одна сторона процесса: некоторые прежде провинциальные регионы перестали быть таковыми,

т. е. наблюдались переходы в обе стороны. Например, Ханты-Мансийский автономный округ был глубокой провинцией, периферией Тюменской области, — стал инновационным регионом Российской Федерации. Такова же эволюция городов Якутск, Анадырь, Новгород, некоторых других. Свидетельством побежденной провинциальности являются показатели успехов в сельской телефонизации ряда поволжских республик[30].

Имели место и противоположные переходы. Север СССР был в целом элитной территорией страны, Север России (многие города и поселки арктической зоны, Дальнего, Сибирского Севера и др.) стал ее провинцией: взорвавшиеся транспортные тарифы привели к вынужденной оседлости значительной части северян, информационной пищей для которых в условиях предельного сужения обмена производственным опытом, затрудненных личных контактов с коллегами из других регионов стало их старое знание, которое стремительно устаревало в 1990-е гг., время радикальных экономических преобразований.

Подчеркнем, что информационный отрыв российской периферии от центра и погружение в провинциальность многих прежде благополучных в этом плане регионов и поселений России произошли не только из-за возникновения транспортных барьеров, но в результате одновременного отсечения жителей многих российских регионов от существующих транспортных сетей (экономическая недоступность временных перемещений) и резко ускоренного устаревания знания[31] и темпов его обновления, что было прямо связано с радикальной реформой и новой ситуацией — открытостью страны для внешнего мира.

Значительную роль в изменении ареалов провинциальности в целом по России и внутри ее регионов оказали миграции «работников знания». В 1990-е гг. сотни тысяч относительно молодых квалифицированных кадров переезжали из глубинки России в столицы, региональные центры, за границу. По своим масштабам эта передислокация трудоспособных, находящихся на пике активности носителей *профессионального знания* не имеет аналогов в послевоенной российской истории. Неудивительно, что многие районы их «исхода» превратились в новую интеллектуальную периферию России[32].

---

[30] Наши исследования марийских, мордовских, чувашских, псковских, бурятских, тывинских сел доказывают, что сельская телефонизация нередко становится той технической инновацией, которая формирует новые стереотипы коммуникационного поведения в сельской местности, значительно снижает барьеры коммуникации и упрощает приток нового знания в сельское сообщество из городских центров.

[31] Эрозия советской базы знания в вопросах технологической культуры, профессионального управления, экономической и финансовой оценки материальных активов и других важнейших экономических вопросах происходила весьма стремительно.

[32] Дефицит квалифицированных кадров уже становится здесь реальным тормозом экономического развития.

Совокупный запас и структура знаниевой базы провинциальных сообществ претерпели в годы реформы радикальные изменения. Прежде всего нужно отметить уменьшение самого совокупного запаса знания (в результате резкого обесценивания прошлого знания, слабого его воспроизводства — на фоне, в частности, притока нового мирового и российского знания), оскудение структурного разнообразия[33] (итог сокращения возможностей коммуникации, взаимодействия между носителями разного знания) — и, как следствие, возрастающий объем рутинной, нетворческой деятельности.

Общей закономерностью для российской провинции стало возрастание экономического значения традиционного (высекаемого от свойств местных ландшафтов) знания, добытого в пору пионерного освоения этой территории (агропромыслового, лесопромыслового и т. д.). Верхние же слои — инженерное знание — разрушались в первую очередь по причинам миграций квалифицированных кадров из периферии в центр.

Дробление градообразующего ядерного предприятия на осколки малых предприятий во многих сообществах российской провинции обозначило новую задачу — интеграций децентрализованных знаниевых потоков внутри локальной базы знания. В частности и для ее решения в городах и поселках провинции создавались муниципальные и региональные центры поддержки малого бизнеса.

Перелицовка старого знания позднесоветского периода — для придания ему адекватности новым экономическим реалиям — в периферии существенно отставала по своим темпам от соответствующих процессов в российских национальных и региональных центрах.

Экономические последствия нарастающей информационной оторванности российской провинции от мирового знания, от знания, накопленного в российских центрах, проявились в институциональной инерции, дефиците предпринимательской энергии, возрастающей неконкурентоспособности и неговарности многих видов экономической деятельности местных сообществ, и, как итог, высокой безработице и уровне бедности.

1.3. Современный теоретический инструментарий для снижения издержек периферийности

Экономические и социальные издержки провинциальности характерны не только для процессов, протекающих в регионах России. Эти же проблемы исследуют представители европейской, американской региональной науки. Каков же современный концептуальный багаж, который определяет принципы лечения этой болезни?

---

[33] Между тем ресурсом регионального развития является не столько объем совокупного запаса знания, сколько именно его разнообразие.

Общей тенденцией мировой науки в последние десятилетия является стремление проникнуть внутрь ранее непознанного «черного ящика» — таковы микромир, генная инженерия, нанотехнологии — перечень можно продолжить. В теориях регионального развития это означает переход от десятилетиями доминировавших экзогенных моделей, которые базировались на идеях Кейнса и неоклассиков, к эндогенным моделям роста и развития. Теперь фундаментальным достоинством региона признается не способность привлекать новые инвестиции, предприятия на свою территорию, но способность изнутри генерировать условия для трансформации своих структур, развивать региональную институциональную базу, пробуждать инициативу местных сообществ. Можно без преувеличения считать этот поворот революцией во взглядах на региональное развитие (которая осуществляется в контексте общей смены парадигмы всей мировой науки).

Из эндогенной теории регионального развития (не навязанного центром, а идущего снизу, от самой периферии) вытекает необходимость при создании центров обучения, формировании новых информационно-коммуникационных сетей отталкиваться от сообщества, учитывать роль социального капитала сообщества в решении социальных и экономических проблем российской провинции. Очень важна информационная работа сообщества, нацеленная на приумножение собственных запасов знания, привлечение внешних ресурсов знания, работа сообщества по одолению рукотворных и природных барьеров на пути знания.

Для России это означает возвращение старых подходов в работе государства с общиной, которые успешно развивались в XIX в. (перечень оригинальных исследовательских работ, включающий и практические рекомендации по работе с сельской общиной, приведен в изданных недавно работах И. Кулишера[34]); теперь они возвращаются к нам как западные концепции саморазвития местных сообществ.

Почему же подход, ставящий во главу угла общину, местное сообщество, столь эффективен для преодоления провинциальности? В советское время, при единообразии огосударствленных хозяйственных и политических структур периферии, местные сообщества по умолчанию полагались похожими друг на друга. Их специфика очень редко (если вообще когда-либо) принималась во внимание в хозяйственных и политических решениях «верхних» уровней власти. С началом радикальной экономической реформы в России многообразие форм организации жизни периферии (прежде всего как неформальных инсти-

---

[34] *Ефименко А. Я.* Крестьянское землевладение на Крайнем Севере // Исследования народной жизни. СПб., 1884; *Кауфман А. А.* Крестьянская община в Сибири. СПб., 1897; *Кауфман А. А.* Русская община в процессе ее зарождения и роста. СПб., 1908; *Капустин С. Я.* Очерки порядков поземельных общин в Тобольской губернии (литературный сборник, издан Н. М. Ядринцевым в 1885 г.); *Загоскин М. В.* Одна из сибирских общин (Памятная книжка Иркутской губернии за 1891 г.); *Михайлов К. П.* Общинный быт у крестьян Забайкальской области («Русская мысль», 1886, октябрь).

тутов местного развития и самоуправления), особенно малых и средних относительно автономных сел и поселков (к тому же нередко со значительным национальным колоритом), стало проявляться более открыто и отчетливо. Особенно на фоне значительно большей унифицированности политических и экономических институтов местного развития и самоуправления региональных и национальных центров — крупных городов.

Определить, *какие конкретно* технологии информационной раскупорки целесообразно применять для каких именно сообществ, помогает концепция социального капитала[35]. Социальный капитал сообщества непосредственно влияет на интенсивность обменов знанием внутри местной общности людей, равно как между ней и внешним миром — и сам зависит от этой интенсивности.

Социальный капитал можно уподобить клею, который скрепляет атомарные кирпичики сообщества в единую целостность (один его вид соединяет разные социальные группы, другой — однородные группы). С одной стороны, социальный капитал можно определить организационно, через сеть формальных (на работе, внутри групп сообщества, с государственными и муниципальными структурами, предпринимателями) и неформальных отношений (людей с семьями, партнерами, друзьями, соседями). Известно, что мужчины обладают более сильными формальными (профессиональными) социальными связями, а женщины — более сильными неформальными социальными сетями и отношениями. Поэтому при ликвидации градообразующих предприятий в селах, поселках и городах российской провинции (и распаде формальных профессиональных связей) именно социальные сети женщин начинают играть беспрецедентную роль в развитии этих депрессивных сообществ, нередко становятся ключом к их возрождению.

С другой стороны, социальный капитал можно определить нормативно, как неформальные и формальные нормы доверия, разделяемых ценностей. Очень важно, на какой основе устанавливается доверие внутри сообщества — на семейной, родственной, или на более широкой платформе общности судьбы (например, статуса жертв репрессий), социального положения, вхождения в одни и те же клубы по интересам и т. д. Если доверительные отношения крепятся на широкой, неродственной, платформе, то это придает информационным обменам и перетокам знания совсем другую интенсивность, чем в первом случае.

---

[35] Некоторые исследователи определяют социальный капитал на уровне отдельного домохозяйства; нам представляется, что для исследования российской провинциальности значительно конструктивнее использовать работы, в которых социальный капитал рассматривается применительно ко всему местному сообществу: *Putnam R. D.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton NJ. Princeton University Press, 1993; *Shucksmith M.* Endogeneous Development, Social Capital and Social Inclusion: Perspectives from LEADER in the UK // Sociologica Ruralis. 2000. 40(2). P. 208–218; *Coleman James S.* Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. 94. P. 95–120; *O'Brien D. J.* Social Capital and Community Development in Rural Russia. 2000. [http:// poverty.worldbank.org] и др.

Сравнение бурятских и тувинских периферийных сообществ помогает продемонстрировать роль социального капитала как катализатора информационных обменов в региональном развитии. Обе республики расположены в сходных ландшафтных условиях. Бурятские сообщества способны к сплочению на неродственной основе, обладают способностью к коллективным действиям для достижения общих целей всего сообщества, к добровольчеству. Тувинские же сообщества сильно фрагментированы по кровнородственному, родовому, принципу. Мощные внутренние (локальные) связи тувинских родов сочетались с их слабыми межродовыми взаимодействиями. Исторические хроники упоминают частые споры тувинских кожуунов между собой, требовалось вмешательство религиозных и гражданских институтов для их урегулирования.

В воронках межродовых конфликтов и недоверия теряется знание, останавливаются информационные обмены. Нередко итогом становится стагнация местного развития. Чем меньше размер сообщества, тем разрушительнее для воспроизводства знания его фрагментация на конфликтующие кланы и группы. (Информационные издержки фрагментации крупного сообщества менее значимы в силу того, что сам запас знания в нем исходно выше.) Неудивительно, что темпы развития Республики Бурятия и всех ее местных сообществ оказываются все последние десятилетия выше, чем Республики Тыва.

В реальном, не идеализированном развитии периферийных сообществ обе крайности — предельной фрагментации или сильного внутреннего сплочения — оказываются опасными для информационных обменов и эффективного обучения сообщества новому знанию. Упрощая, можно сказать, что преодоленная фрагментация сообщества (в результате информационной работы всех его членов) оказывается полезнее, чем его непоколебимая сплоченность на коллективно разделяемых мифах.

Не всякий социальный капитал способствует обучаемости и творческому саморазвитию местного сообщества. Важна способность сообщества не только к внутреннему сплочению, но и чуткость к восприятию нового внешнего знания и альтернативных путей развития. А она зависит от соотношения сильных и слабых связей внутри сообщества, между сообществом и внешним миром.

Сильные внутренние связи сообщества обеспечивают его сплоченность, однако могут приводить к негибкости и неспособности к изменениям, эффектам блокировки внешнего знания (мешать доступу «свежего воздуха» извне): зачем внешние контакты, если община самодостаточна? Слабые внутренние связи приводят к дезинтеграции сообщества. Однако когда они сосуществуют с сильными внешними и внутренними связями, это облегчает импорт новых идей, нового знания, упрощает выработку инновационных решений при взаимодействии субъектов местной экономики[36].

---

[36] *Granovetter M.* The Strenght of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. 78. 6. P. 1360–1380.

Для местного развития могут быть препятствием как очень слабые связи между субъектами экономики (власть, бизнес, домохозяйства), так и очень сильные связи между ними. Самым благоприятным является сочетание сильных (регулярных) долгосрочных связей и слабых (нерегулярных, врéменных) связей между представителями местной экономики.

Известно, что самые оригинальные решения по реструктуризации старопромышленных городов немецкого Рура были найдены не внутри сплоченного и хорошо организованного сообщества угольщиков и металлургов, но при спонтанных и нерегулярных взаимодействиях бизнес-сообщества, университетских структур, структур гражданского общества и муниципальной власти.

Обучаемое сообщество, обучаемый регион — новые концепции западной региональной науки[37]. Речь здесь идет об абсолютно новой, значительно более широкой, чем было свойственно для индустриальной эпохи, трактовке обучения — как пожизненного процесса, не индивидуального, а коллективного, захватывающего все местное сообщество и прямо воздействующего на местное развитие. Структуры обучения могут быть созданы в неожиданных местах (например, в центрах малого бизнеса, при венчурных фондах), часто не связаны с традиционными институтами образования, воспитания, культуры. Программы обучения сообщества становятся новым элементом региональной политики, используются для перелома ситуации — прежде всего в депрессивных регионах. В силу немобильности местных трудовых ресурсов многих периферийных сообществ здесь процесс улучшения их качества не сопровождается последующим оттоком обученных кадров из сообщества в городские центры.

Анатомия местного сообщества, схватываемая в емких понятиях социального капитала, сильных и слабых связей, внутренней структуры, определяет *знаниевое поведение* сообщества — его способность к накоплению, интеграции островов разного знания в единый информационный пул всего сообщества и использованию полученной творческой искры в местном развитии.

1.4. Типы сообществ и рецепты лечения провинциальности[38]: как мостить слои знания?

Провинциальность — это в том числе знаниевый феномен, поэтому лечение ее в целях стимулирования экономического развития необходимо вести

[37] См., например, *Morgan Kevin.* The Learning Region: Institutions, Innovation and Regional Renewal // Regional Studies. 1997. Vol. 31.5. P. 491–503.

[38] Российская провинция как совокупный феномен рассматривается в данной статье в контексте регионального развития, чему сильно способствует обширная региональная статистика (сегодня более разработанная и доступная, чем муниципальная), которая позволяет улавливать атрибуты провинциальности в характеристиках социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. Однако для выработки рецептов ее лечения необходимо спуститься на первичный уровень местного сообщества села, поселка, города.

через целенаправленное воздействие на организацию, переналадку знаниевых потоков местного сообщества, модернизацию его коллективного пула знания. Как распаковать информационные потоки в российской провинции, сама среда которой глушит их напрочь? Какой должна быть политика, направленная на стимулирование обменов знанием внутри сообщества, между сообществом и внешним миром? Парадокс периферии состоит в том, что креативность для ее развития нужна не в меньшей, а в большей степени, чем для региональных центров, однако собственных ресурсов творческого знания здесь крайне мало[39], между тем каналы, которые могут обеспечить импорт чужих творческих идей, либо отсутствуют, либо наталкиваются на высокие местные коммуникационные барьеры (результат автономности, конфессиональной, этнической сплоченности, либо, наоборот, высокой фрагментированности провинциальных сообществ).

Генезис зональной периферийности Севера, Сибири, Дальнего Востока, локальной периферийности европейской России, периферийности этнических и конфессиональных изолятов — различный. Он определяет неодинаковое соотношение местного и внешнего знания в совокупном пуле знания сообщества, различную роль ближайшего регионального центра как информационного донора для провинции в каждом из трех случаев и различные способы преодоления информационной блокировки в периферии каждого типа. Речь идет о строительстве в провинциях разного типа соответствующих коммуникационных сетей, которые способствуют передаче и накоплению знания, трансформации ресурсов знания в целях местного развития.

Первый случай — северная, сибирская, дальневосточная ареальная провинциальность. Информационный потенциал региональных и районных центров зачастую крайне мал. Эти центры сами могут быть отнесены к провинции, они не выполняют роли информационных доноров для своей периферии. Здесь очень эффективным может стать формирование многочисленных, по разным сущностным основаниям[40], дальних межрегиональных коммуникационных сетей знания между периферийными сообществами и сообществами европейского центра России. Чем глубже и «сплошнее» провинциальность, тем более дальние (межрегиональные, межнациональные) информационные сети необходимо формировать для ее одоления, чтобы выйти за узкие рамки привычного знания. В общем пакете мер по привлечению и закреплению молодых квалифицированных кадров (из стран СНГ, российской европейской глубинки) в провинциальных сообществах целесообразно строительство информационных сетей межгородских, межпоселковых рынков труда, которые

[39] *Camagni R. P.* The Concept of Innovative Milieu and its Relevance for Policies in European Lagging Regions // Papers in Regional Science. 1995. 74. 4. P. 317–340.

[40] Например, сети сельских старост, сети изучающих самостоятельно английский язык, сети любителей пушного и рыбного промысла, матерей-одиночек и т. д.

содержали бы базы данных по вакансиям и соискателям рабочих мест из городов и поселков разных регионов и стран сопоставимого размера и профиля деятельности.

Вследствие того, что в подобного рода сообществах местного, «клейкого», знания не так много (коротки традиции освоения данной территории переселенцами), информационный прорыв здесь обеспечивается за счет организации доступа и приобщения к внешнему мобильному формальному знанию, которое привлекается по коммуникационным сетям. В увлечении новыми формами информационных обменов, конечно, мы не должны забывать об оправдавших себя в годы освоения Севера СССР мобильных агиткультбригадах, передвижных библиотеках, регулярной доставке периодической печати и других мерах. Некоторые из них могут быть сохранены в первозданном виде, другие нуждаются в творческой переинтерпретации с учетом особенностей нового времени и возможностей новых технологий.

Второй случай — европейская анклавная провинциальность, когда многие региональные и районные центры способны быть источниками информационного влияния на свою периферию. Поэтому первоочередная задача здесь — коренная модернизация внутрирегиональных коммуникационных сетей, обеспечение доступа средним и малым поселениям к высокоскоростным каналам связи (Интернет и электронная почта). Устойчиво работающая связь облегчает коллективные действия и самоорганизацию местных сообществ, облегчает всегда обособленным и экономически автономным жителям непосредственную коммуникацию с наиболее близко расположенными центрами — ядрами технических и организационных инноваций, формирования новых ценностей и знания.

Усилия центров здесь направлены на формирование многочисленных региональных сетей субъектов местной экономики, которые облегчают обмен опытом (например, в области организации производственных услуг кредитования, лизинга для сельхозпроизводителей), консультации в вопросах агротуризма, маркетинга местной продукции, привязки новых технологий ведения сельскохозяйственных работ к местным условиям и т. д. Разновидностью таких региональных сетей являются потребительские, кредитные и другие кооперативы, которые способны (наряду со своей основной деятельностью) стать эффективными каналами распространения нового знания, «окнами» для провинциальных домохозяйств и сообществ во внешний мир.

Конечно, необходимо отметить уже развиваемые во многих провинциальных сообществах программы дистанционного обучения через сеть Интернет, телемедицинские сети, электронную торговлю.

В сообществах данного типа запас местного знания больше, чем в первом случае. Поэтому прорыв в накоплении нового знания и его конструктивном использовании для местного развития здесь обеспечивается совместными усилиями регионального, районного центра и местного сообщества за счет

конструктивной (не механической, а творческой) интеграции сильного традиционного и привлекаемого внешнего знания (опыта).

Третий случай — этнические (конфессиональные) сообщества-изоляты, в которых оседло, на протяжении нескольких поколений, проживают аборигенные народы, староверы. Здесь существуют высокие рукотворные охранительные барьеры на пути потоков внешнего знания. Обычные меры по строительству внешних коммуникационных сетей здесь не будут эффективными, информационной раскупорки не произойдет. Обязательно нужны союзники внутри самого сообщества, модераторы, способные стать посредниками на путях перетоков знания от «чужих» к «своим», обеспечить одинаковую интерпретацию знания обеими сторонами, передающей и принимающей, в условиях значительных культурных, языковых, ценностных разрывов между ними.

Такими модераторами могут быть лидеры общины, ранее уехавшие из нее авторитетные и квалифицированные работники, представители новых молодежных движений (не обладающие еще ни плохой, ни хорошей «кредитной историей») и т. д. Этот посредник изнутри сообщества становится первым, кто обучается новым знаниям, а затем уже стимулирует процесс коллективного обучения всей общины. Так устанавливается доверие к новому знанию (например, новым программам профилактики алкоголизма среди беременных женщин; программам профилактики самоубийств, отравлений и травм молодых мужчин и др.) и в последующем у общины формируются стимулы к саморазвитию.

В качестве примера можно привести старообрядческую общину поселка Новый Облученского района Еврейской автономной области, которая благодаря своему продвинутому лидеру первой среди всех местных сообществ региона стала использовать для своих бытовых нужд энергию ветра и солнечного света. В центре поселения смонтирована комбинированная ветроэнергетическая установка, вырабатывающая ток как от силы ветра, так и от солнечного света. Если ветра нет, то чтобы привести в действие генератор, включаются солнечные батареи.

В сообществах данного типа максимальный среди всех трех случаев запас традиционного знания (с другой стороны, запас внешнего мобильного знания здесь, как правило, мал). Поэтому меры, нацеленные на сохранение и творческое использование, творческий сплав традиционного и нового знания, здесь имеют безусловный приоритет.

Ядром традиционного уклада коренных народов Севера является привычное для них жизнеобеспечение. Нормы для частных и государственных работодателей, обеспечивающие аборигенным работникам право иметь сезонный отпуск для занятий традиционными промыслами; гарантии для аборигенных охотников и рыбаков по квотам и лицензиям для самообеспечения продовольствием; частичное государственное финансирование устройства

летних лагерей в местах традиционного проживания аборигенных семей[41] — все эти меры направлены на сохранение традиционных видов деятельности и, значит, традиционного знания. Это знание творчески используется при строительстве, уже по новым технологиям, переносных жилищ, при доставке образовательных услуг сельским школьникам, например, Республики Саха (Якутия) и во многих других случаях.

В отличие от индустриального периода в современную эпоху культура органично вплавлена в процесс регионального развития. Связь между культурой и экономикой становится значительно более короткой и тесной, чем ранее. В местных традициях и культуре укоренены значительные ресурсы знания. Их распаковка и творческое соединение с современным знанием (*переинтерпретация*) происходит таинственно, подчас случайно, но всегда очень конструктивно для местного развития. Например, этнические традиции во всем мире трансформируются в конкурентоспособный туристический продукт, а гидами для туристов в местах традиционного проживания выступают коренные жители, первопоселенцы этих территорий.

Для всех типов периферийных сообществ стоит задача наращивания социального капитала — как условие экономического роста. Всем необходима инъекция новых идей и формального внешнего знания, которого им органически не хватает. Конкретные технологии организации таких перетоков знания специфичны для каждого типа провинциального сообщества.

Из актуальных видов нового знания — по товарным группам, по бизнес-процессам, по организационным структурам и институтам — для развития периферийных сообществ особенно необходимы (и наиболее дефицитны) организационные инновации, иначе говоря, знание по менеджменту локального развития: как организовать развитие и как им руководить. Носителями такого знания для депрессивных районов и поселений мира выступают планировщики локального развития[42]. Это костоправы, которые обеспечивают местному сообществу новый взгляд на привычные феномены и факты развития их села или поселка. Именно они остро необходимы российской провинции. Планировщик локального развития выступает как «трансформер», способный эффективно перевести местное знание (культуру, ценности, обычаи) в развитие — в новых видах деятельности.

В его компетенцию входит кропотливая инвентаризация и обсуждение внутри сообщества всех потенциально возможных проектов развития, помощь локальной общности людей в подготовке бизнес-плана, технико-экономического обоснования таких проектов, консультации местных предпри-

[41] Здесь происходит передача навыков промысла от старшего поколения младшим.

[42] Анализ их деятельности в рамках осуществления стратегии запуска «саморазвития снизу» приведен в монографии *Пилясов А. Н.* «Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз)». Глава 6. Новые подходы к освоению. Магадан: СВКНИИ, 1996. С. 110–131.

нимателей, поиск финансовых ресурсов для проектов, выдвинутых самим сообществом.

Целесообразно построить в сообществах российской периферии своеобразную «сеть аутсайдеров» — коммуникационную сеть, состоящую только из городов и поселков провинции, внутри которой осуществляется обмен успешным опытом преодоления информационной изоляции и использования нового знания в локальном развитии.

Чертой многих периферийных сообществ является их информационная закрытость. Экономические издержки их исключенности из мировых, национальных, межрегиональных и региональных знаниевых сетей колоссально велики. Они проявляются в значительной безработице, высоком уровне бедности, порождают атмосферу социальной апатии и институциональной инертности. Наивно считать, что позитивные сдвиги во внешней и внутренней коммуникации этих сообществ быстро переломят ситуацию. Формирование коммуникации без барьеров, способствующей приходу в российскую провинцию нового знания и новых институтов, требует времени, сил, терпения от всех участников этого процесса. Однако признать, что вся российская периферия приговорена сохранять свой нынешний депрессивный статус, тоже было бы неверно.

Для ускоренного развития российской провинции недостаточно одного лишь инфраструктурного ее обустройства, в данном случае приоритетны «мягкие» факторы — формирование новых внешних и внутренних сетей знания: социального капитала сообщества, его способности к коллективному обучению, совокупной базы знания, включающей традиционное, «клейкое», знание и внешнее, формальное, более мобильное знание, другие информационные структуры, институты и сети. Представляется, что небольшой размер сообществ российской периферии дает им уникальный шанс после информационной раскупорки быстро получить эффект от плотного локализованного сопряжения, смешения, отжима разных знаний, осуществить их неожиданные творческие рекомбинации (гораздо более затрудненные в непровинциальных сообществах большего размера). Из этих рекомбинаций, как свидетельствует мировой опыт, могут возникнуть новые траектории локального развития[43]. И тогда в местном развитии произойдет то, что часто происходит в живой речи, когда «перенесение провинциализма из местной речи в общий обиход может служить источником обогащения литературного словаря новыми удачными выражениями, столь свойственными народному языку[44]», когда диалект-исключение, местное, областное слово «учит» нормативный язык и общелитературную речь. Провинция сможет передать уроки успешного развития центру. И последние станут первыми.

---

[43] См., например: *Иванов В.* Сааремаа: рыба ищет где глубже // Эксперт Северо-Запад. 2005. № 248. 14 ноября — как возникает сборочное производство на месте депрессивного агропромыслового хозяйства.

[44] Энциклопедия Брокгауза и Эфрона. Статья «Провинциализм».

Глава 2

Сообщества северной периферии на этапе постиндустриальной трансформации[45]

2.1. Сообщества, трансформация, местное развитие

Изучению элементов северного расселения было посвящено значительное число работ в советское время. Существовала сильная ленинградская школа градостроителей, ученых, которые занимались вопросами формирования сети городских и сельских населенных мест на Севере СССР. Любопытно, что в то же время исследователи северных провинций и территорий Канады, штата Аляска, скандинавского Севера изучали поведение северных сообществ (community-based approach) — как аборигенных, так и пришлых, проживающих в конкретных стационарных и вахтовых поселениях. При сходстве тематики исследования — расселение человеческих сообществ на Севере — в первом случае акцент ставился на расселение, во втором — на местные сообщества.

Как становится понятным теперь, различие тематики было следствием не разных профессиональных интересов советской и зарубежной школ североведения, но разного социального заказа, который предъявляется на научно-исследовательские работы в индустриальном и постиндустриальном обществе. В первом случае приоритетны материальные, производственные феномены общественного развития (материально-техническая база — фонды, предприятия, поселки), во втором — человеческие, нематериальные, нередко неосязаемые феномены общественного развития (местные сообщества, институциональная база — экономические институты власти, собственности, коллективный запас знания, совокупный уровень предпринимательской энергии, креативность жителей и т. д.). Исследователи Советского Севера, который находился тогда в индустриальной стадии развития, естественно, изучали проблематику именно той экономической эпохи. С другой стороны, в тот же самый пе-

[45] Материал впервые опубликован как раздел монографии «Север: проблемы периферийных территорий» / Отв. ред. В. Н. Лаженцев. Сыктывкар, 2007. С. 35–57.

риод, исследователи территорий зарубежного Севера, которые в 1980-е гг. уже осуществили постиндустриальный переход, отвечали на вызовы уже новой экономической эпохи.

И вот теперь, спустя более чем 20 лет, мы их догоняем в изучении проблематики развития Севера России. Нас тоже начинают интересовать не сами по себе периферийные поселения российского Севера, но северные периферийные сообщества. Как ведут себя они в трудный период постиндустриального перехода? Тяжелые экономические издержки, социально-психологическое напряжение местных сообществ на этапе экономической трансформации — это совсем не новый предмет научного исследования. Сто и более лет назад местные сообщества, в том числе на европейском Севере России, тоже платили высокую цену за осуществление агроиндустриальной трансформации[46].

В 1990-е гг. казалось, что издержки резкого обнищания, нарастающей безработицы в северных сообществах России есть результат радикальной рыночной реформы, поспешных и не всегда продуманных масштабных преобразований в ходе приватизации и либерализации цен на федеральном уровне. И только теперь мы понимаем, что болезненные процессы истощения человеческого капитала в результате массового выезда квалифицированных кадров с Севера, сжатия многих сообществ северной периферии, падения реальных доходов и сокращения круглогодичной занятости многих северян не столько результат рыночной реформы, но издержек постиндустриальной трансформации, технико-экономического и организационного перехода, календарно приуроченного к рыночным реформам, но значительно более глубинного и длительного процесса.

Мы способны, наконец, дать новое объяснение фсноменам 1990-х гг. в аспекте не рыночной реформы, но постиндустриальной трансформации на Севере России. Например, первоначально казалось, что утрата товарности оленеводством и традиционными промыслами коренных народов Севера есть следствие их неконкурентоспособности в рыночных условиях. Теперь мы понимаем, что этот феномен есть результат новых ценностных соотношений постиндустриальной эпохи, когда чистая природа, необустроенные пространства, возможности экстремального туризма становятся важнее мясного или рыбного белка, который в традиционных отраслях хозяйствования можно получить в очень ограниченных объемах. Безработица в северных сообществах, которая длительное время понималась нами как результат превышения местных издержек производства над национальными и мировыми ценами на производимые на Севере золото, олово, вольфрам, деловую древесину и пилома-

[46] О социально-психологическом напряжении местных российских сообществ (всплеске алкоголизации населения, резком сокращении рождаемости, физическом истощении в результате постоянного недоедания) в период агроиндустриального перехода конца XIX в. обстоятельно писал В. К. Дмитриев (*Дмитриев В. К.* Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М.: Русская панорама, 2001.)

териалы, рыбную, сельскохозяйственную продукцию, теперь объясняется как *структурная*, приуроченная к смене организационно-технологического уклада (а *не циклическая*, от конъюнктуры товарных рынков).

В аспекте постиндустриального перехода переиначивается проблематика северной периферии: новый акцент — не на сохранение поселений северной периферии, поддержку северных промыслов и других видов экономической деятельности, — но на развитие человеческого капитала периферийных сообществ, поддержку местных инициатив. Человеческое, социальное измерение постиндустриальной трансформации северной периферии закономерно выдвигается на первый план, в силу значительной болезненности этого перехода для северных сообществ. А это социальное измерение — на первый взгляд чисто технологических процессов компьютеризации, новых средств электронной коммуникации, блочно-модульного строительства, мобильных объектов малой энергетики и теплоснабжения, которые постепенно проникают в северную периферию, — возникает в результате их глубинного воздействия на уклад жизни и стереотипы поведения местных сообществ.

Простое изучение периферийных сообществ на этапе постиндустриальной трансформации будет недостаточно конструктивно. Здесь есть постановка, но нет решения острейших проблем безработицы, бедности, значительных центро-периферийных различий в доступности услуг образования, медицинских, культуры, доступности «свежего» знания. Поэтому нас интересует состояние и поведение периферийных сообществ в аспекте локального (местного) развития. Как включить сообщество в процесс принятия решения? Как ему получить больший контроль над местными природными ресурсами? Как пробудить энергию, креативность, инициативу местной общности людей для нахождения новых нетривиальных путей местного развития и создания новых малых предприятий, генерирующих занятость и доход?

Идеология саморазвития снизу, развития, инициированного изнутри самого сообщества, о которой здесь идет речь, полностью согласуется с глобальными тенденциями мировой науки, общим трендом которой в последние десятилетия становится проникновение в тайны микромира, в генетический код клетки, в институциональную матрицу национальной и региональной экономики. В этой идеологии успешное сообщество то, которое способно нейтрализовать стандартные проблемы северной периферии — недостаток предпринимателей и предпринимательской энергии, дефицит квалифицированных работников, высокие издержки бизнеса, может крепить свои «естественные» преимущества (природный, человеческий, социальный капитал) во имя устойчивого и динамичного развития. А успешная политика регионального и федерального центра — та, которая содействует раскрепощению местных инициатив сообщества, укреплению не только его материальных активов, но и совокупного запаса знания, качества человеческого капитала, совершенствованию местных норм и правил экономического поведения.

2.2. Центры и ценности

Периферия и центры. Любая экономическая трансформация приводит к возникновению новых разломов вместо прежних. Так и северные периферийные поселения в контексте трансформации северной экономики структурируются теперь не в старых координатах «город — село» — как главного разлома индустриальной эры, т. е. по их отношению к ближайшим городам и поселкам городского типа, но в новых координатах «центр — периферия» (есть или нет доступ к ресурсам центра), т. е. по их отношению к ближайшим центрам, способным предоставлять услуги периферийным сообществам.

На первый взгляд кажется, что существенного изменения не произошло. Разве центры — это не те же прежние города? Разве периферия — это не та же прежняя сельская местность? На самом деле различия принципиальны. Не все городские поселения способны выполнять функции «сервисных» центров для периферии, а только избранные, наукоемкие, интеллектуальные, диверсифицированные по экономической базе. А периферийными сообществами на Севере могут быть не только сельские, но также и многие городские.

Сельско-городские контрасты и разрывы, о которых так много, так неустанно писали партийные и правительственные документы советского индустриального времени («стирать грани между городом и деревней»), замещаются на российском Севере на центро-периферийные контрасты подушевых реальных доходов, уровня занятости, благоустройства жилья, доступа к социальным услугам; подчас еще более сильные, чем прежние.

В основе индустриального развития каждого периферийного поселения советского Севера было стремление как можно полнее и точнее выстроить у себя «городские» хозяйственные структуры госпромхозов, леспромхозов, рыбозаводов, совхозов. Иметь центры их было престижнее, чем филиалы или отделения, потому что это гарантировало бóльшие объемы капитальных вложений в производственную и социальную сферу, более высокую заработную плату, бóльшую социальную защищенность.

Сверхзадача современного развития периферийных сообществ — не обязательно, как раньше, иметь у себя объект городской промышленности и через него быть встроенным в товарные цепочки «село — город». Важнее становится иметь доступ ко всему спектру услуг ближайшего крупного центра, быть в его телекоммуникационной, информационной сети, не быть изолированным изгоем. Теперь понятны усилия региональных властей многих северных субъектов Российской Федерации обеспечить телефонную, спутниковую высокоскоростную связь, гарантированную наземную и воздушную связь не между райцентрами и районными селами, но между крупными сервисными центрами региона и его периферийными сообществами. Не менее, подчас более важными, чем товарные цепочки между центром и периферией, становят-

ся цепочки, точнее миграции знания — в виде перемещений квалифицированных кадров между центром и периферией.

Подчеркнем, что по сравнению с прежним меняется миграционное поведение периферийных сообществ: это теперь не просто миграция из периферии вообще в города, но миграция именно в городские центры, которые предоставляют широкий набор информационных, знаниевых услуг, видов досуговой деятельности. Неудивительно, что при такой направленности северной миграции районные центры — городские поселения многих регионов Севера в последние десять лет утратили свое влияние на периферию. Влияние же на периферию региональных, межрайонных опорных (базовых) центров (число которых, естественно, меньше, чем центров северных районов), оснащенных передовым оборудованием и квалифицированными кадрами и потому способных предоставить качественные услуги у себя для жителей периферии, оказать их мобильными формами в самих сообществах периферии или поддерживать в периферии свои стационарные сервисные подразделения, значительно возросло.

Изменение характера доминирующих связей внутри северных регионов (с оси город — село на ось центр — периферия) влечет за собой изменение ценностей: от прежней престижности городского образа жизни к новой престижности «центрального» образа жизни, при котором есть доступ ко всем ключевым услугам и потокам нового знания и информации. В индустриальное время в сообществах северной периферии действовали стандарты городской (т. е. взятой из городов) обеспеченности базовыми социальными услугами (благами урбанизации), в новое время новым стандартом стало обеспечение доступа к услугам — и не только в результате создания/сохранения соответствующего учреждения в поселке, но и всеми другими возможными способами — мобильной доставкой из центра, поддержкой миграции получателя услуги из периферии в центр. Под конкретный центр и конкретную услугу, которую он оказывает подшефной территории — сети периферийных сообществ, происходит новое функциональное зонирование территорий Севера, трансформируется сложившаяся система расселения, идет технологическое обустройство периферийных сообществ под новые формы доставки услуг по центро-периферийной схеме.

Определение северных периферийных сообществ (общностей людей) целесообразно давать по отношению к ведущему экономическому процессу конкретной исторической эпохи. Признавая, что здесь он всегда имеет запаздывающий характер. Так, в индустриальное время урбанизация в ее северных и советских версиях коллективизации и советизации начиналась на периферии Севера на несколько лет позже, чем в «материнской» России и в новых городах — центрах освоения Советского Севера. Позднее и медленнее, лишь частично, проходила здесь замена ручного труда механизированным. Северная периферия индустриальной эры может быть определена как *не-город*

с точки зрения своей пространственной, физической удаленности от городов как главных генераторов индустриального, промышленного, механизированного уклада.

Трансформация экономического уклада всегда приводит к переинтерпретации прежних сущностей, переопределению, новой трактовке прежних понятий и, когда прямых аналогов в прошлой эпохе нет, введению новых понятий. Если признать, что ведущим процессом постиндустриальной эры является творческий, нерутинный процесс рождения нового знания, непрерывного генерирования инноваций, как правило, приуроченный к крупным университетским, научно-образовательным центрам, тогда северная периферия может быть определена как *не-центр,* как сообщество, отчужденное, удаленное от процессов выработки нового знания, от пула непрерывно рождаемого в центрах нового знания. В этом определении содержится и диагноз, и рецепт лечения этой болезни.

К периферийным сообществам нами отнесены общности людей численностью менее полутора тысячи человек, проживающие в ресурсных, обслуживающих, национальных, аграрных поселках и селах. Многие из них не имеют устойчивой круглогодичной наземной связи с центрами (находятся в районах Севера с ограниченными сроками завоза грузов), информационно изолированы и мало предприимчивы.

Развитие периферийных сообществ в аспекте новых ценностей постиндустриальной эры. Переход от сугубо экономического анализа, когда развитие периферийных сообществ Севера России рассматривается в полюсах «план — рынок», к более широкому, когда оно понимается как переход от индустриальной к новой, постиндустриальной эре, означает смещение акцентов с экономических вопросов на ценностные. Постиндустриальный переход означает фундаментальное изменение ценностей прежней эпохи, включает экономическое, социальное, технологическое измерение и по сравнению с рыночной трактовкой состоявшихся на Севере перемен глубже и интегральнее. Ведь ценностные преобразования, помимо экономического измерения, имеют мировоззренческие, культурологические, социологические, психологические аспекты.

Новые ценности формируются под влиянием новой, сильно обозначившейся потребности, когда резко изменяются соотношения цен, приоритетов, создаются новые институты. Возникновение новых ценностей опредмечивается (схватывается) в процессе трансформации конкретных материальных активов — переконфигурировании дорожных сетей, возникновении новых архитектурных форм, технологий, других атрибутов духовной и материальной культуры.

Каковы же — с точки зрения развития сообществ северной периферии, их интересов — ценности новой постиндустриальной эпохи? Самое главное отличие от прежней эпохи состоит в *возвышении нематериальных ценностей*

творчества, мобильности, гибкости, качества жизни, обширных девственных пространств и чистой природы.

В аграрную эпоху важнейшими были ценности простого жизнеобеспечения, сейчас бы сказали — выживания. В индустриальную эру важнейшими стали ценности товарности производимого обществом продукта. В постиндустриальную эру ввиду возвышения нематериальных ценностей происходит четкое обособление, новый разлом на товарные и жизнеобеспечивающие — в очень широком смысле, т. е. включающие потребность в красоте, творчестве, духовности, — виды деятельности. Главным приоритетом индустриальной эры был рост материального производства и потребления любой ценой. Культурные ценности как не имеющие явного экономического измерения нередко приносились в жертву, были в тени мощи промышленного роста экономики.

Сообщества северной периферии были мобилизованы превращаться в стандартные подразделения, цеха городских индустриальных фабрик. Все факторы, которые могли их персонифицировать (культурные традиции, своеобразная структура населения), уводили от потребностей производственного процесса и потому неизбежно игнорировались.

В постиндустриальную эпоху возвышаются ценности культурного разнообразия, самобытности, творчества, традиционного знания, ремесла. Они становятся фактором экономического развития, саморазвития местных сообществ. Абсолютно неожиданную экономическую роль обретает детское творчество[47], новаторское и конструктивное для последующей материализации во взрослых проектах развития северной периферии («архитектор только корректирует то, что дети сами нарисовали»).

Другая ценность новой эпохи состоит в способности к структурной гибкости (*верткости*) — постоянным переконфигурациям, рекомбинациям, бесконечной пластичности всего северного сообщества и его атомарных элементов (домохозяйств). Неслучайно поэтому изменяются гендерные роли в сообществах северной периферии. Женщины средних лет, воспитывающие детей-подростков, с социальным капиталом, жестко не привязанным, как у мужчин, к производственным коллективам, при обрушении ядерных предприятий в северных селах и поселках становятся лидерами в деле экономического возрождения своей общины[48]. Пластичность сообществ северной периферии обеспечивает сочетание — растущей роли женской занятости, укрепления местного сектора социальных услуг (образования, здравоохранения, культуры) и качества активов социальной сферы.

---

[47] Детям как передовому отряду формирующегося креативного класса принадлежит исключительная экономическая роль в постиндустриальную эру. Детский труд, подневольный в период раннего капитализма, уже в новом своем обличье, опять превращается в важный фактор развития народов и стран.

[48] *Брешковская Н.* Все сначала // Эксперт Северо-Запад. 2004. № 27. 19 июля.

В индустриальную эру господства промышленных производств мужская занятость, мужские производства и виды деятельности были для северного сообщества главными, а женские — подсобными. Для сервиса, для бюджетной сферы, значение которых возвышается в постиндустриальной экономике, мужская и женская занятость равнозначны. Сравнительный рост значения сектора услуг (мало потерял в размере на фоне обрушения промышленных предприятий) в экономике северной периферии позволил войти на рынок труда, обрести занятость, ранее не работавшим женщинам. Во многих северных регионах (например, в Якутии) женщины оказываются более активны в центро-периферийных миграциях, легче меняют место проживания для получения образования, овладевания новой профессией, семейного обустройства (при этом сохраняют свои прежние связи с родным периферийным сообществом и могут при определенных условиях стать его активом).

Устойчивое жизнеобеспечение многих северных сообществ периферии связано с необходимостью иметь резервы энергоносителей, продовольствия, медикаментов. В индустриальную эпоху такое резервирование обеспечивалось преимущественно за счет физического накопления товарной массы на складах, базах снабжения. Индустриальный завоз грузов основывался на караванной проводке судов, которая обеспечивала экономию на размере, масштабе операций, годами по одним и тем же морским и речным магистралям от крупных пунктов хранения нефти, нефтепродуктов, угля, продовольствия до северных поселений их потребления.

Устойчивость жизнеобеспечения северных периферийных сообществ в новую эпоху обеспечивается не за счет хранения крупных резервов товарно-материальных ценностей в одном месте, но за счет технологической гибкости, позволяющей оперативно переключаться с одного энергоносителя на другой, с одного склада поставки энергоносителя на другой. Ранее целостная проблема завоза грузов в периферийные сообщества теперь дробится на отдельные проблемы обеспечения их продовольственной и энергетической безопасности, каждая из которых требует формирования своей системы опорных баз-центров и обслуживаемых зон — ввиду того, что сама организация (объемы спроса, структура потребителей, требования оперативности доставки, скорость товарно-денежного оборота) локальных рынков продовольствия и нефтепродуктов абсолютно различна. «Капиллярный» завоз по новой схеме, по многим транспортным путям, малыми порциями судов, и постепенный переход, где это возможно, на самообеспечение за счет местных источников тепла и энергии, актуализирует эффект экономии на диверсификации, на разнообразии схем теплоэнергообеспечения, доставки нефти, нефтепродуктов, угля, продовольствия.

В индустриальную эпоху освоение Севера предполагало создание постоянных поселений, по возможности, с оседлым населением. Каждый проект освоения нового месторождения обрастал поселком, вдоль дорожных трасс

возникали и сохранялись на длительным период поселки ремонтников, дорожников, строителей, энергетиков, кочевые народы переводились на оседлость и создавали вместе с переселенцами новые национальные села. Закономерно, что в этой немобильной модели освоения стационарные поселения абсолютно преобладали над вахтовыми.

В постиндустриальную эпоху освоение ресурсов Севера не предполагает создания новых стационарных поселений. Новая пространственная организация территории российского Севера исходит из мобильной модели — освоения без заселения, без создания постоянного населения — для новых ресурсных полюсов роста. Закономерно, что теперь роль и доля вахтовых, нестационарных поселений в северной периферии увеличивается. Наличие вре́менных поселений в северной периферии означает постоянное коммутирование работников между центром и периферийным поселком, челночные миграции по центро-периферийной (а не город — село, как раньше) схеме.

В доставке социальных услуг, генерировании рабочих мест для периферийных сообществ роль мобильных форм также возрастает. Центры оказывают услуги передвижными медицинскими отрядами, агиткультбригадами, университетскими командами компьютерного всеобуча. В трудоизбыточных периферийных селах, например, Республики Саха (Якутия), организуются вахты селян в промзону «Алросы», к местам вакансий рабочих мест.

Философия мобильности постепенно пронизывает весь уклад жизни северных периферийных сообществ и определяет быстрое внедрение тех технических решений, которые в старую индустриальную эпоху обсуждались десятилетиями, но так и не стали реальностью. В оленеводстве и морском промысле, например, начинается обустройство перевалбаз — прежних стойбищ и ликвидированных в 1960–1980-е гг. промысловых поселений — жилым блок-контейнером, баней, столовой, складским помещением, энергооборудованием.

В северной периферии России будут использоваться, по опыту зарубежного Севера, объекты мобильной инфраструктуры жизнеобеспечения — модули торговых помещений, цехов мини-переработки, объектов социальной инфраструктуры, микрогидро-, ветроэлектростанций. И сама мобильность атомарного домохозяйства периферийного сообщества будет возрастать за счет активного использования новых легких транспортных средств — снегоходов, моторных лодок, малых, в том числе одно-двухместных, самолетов (для охраны лесов, скорых медицинских вызовов, экстремального туризма), возможностей индивидуальной спутниковой связи.

Принципы гибкости и мобильности будут проникать и в практику строительства в малых селах и поселках Севера. Речь идет об использовании легких местных строительных материалов при сооружении экономичных в эксплуатации жилых домов, жилищно-сервисных комплексов, зданий многопрофильного использования, адаптированных к различным типам северных поселе-

ний, демографической ситуации и другим условиям. В этом же ряду можно отметить автоматизированные (малолюдные) блочно-модульные схемы децентрализованного теплоэнергоснабжения (например, мобильные малые электростанции) с дистанционной системой контроля и управления основным оборудованием, которые ориентированы на использование местных энергоносителей, способны одновременно вырабатывать электроэнергию и тепло.

К числу важнейших нематериальных ценностей новой эпохи относится качество жизни, которое понимается теперь много шире, с включением значительной неденежной составляющей, чем это было принято для индустриальной эры (когда качество жизни низводилось до уровня заводской «социалки»). Для северных периферийных сообществ важными составляющими качества жизни, экономическая роль которых возрастает (например, могут привлечь сюда инвестиции высокотехнологичных фирм), становятся комфортный микроклимат и состояние активов социальной сферы.

В индустриальную эру стремление победить холодовую дискомфортность[49] диктовало архитектурные решения в северных поселениях (проект города — сада под стеклянным куполом, дома на сваях, поднятые над поверхностью теплотрассы). Новой тенденцией является стремление креативно использовать вечную мерзлоту, например, в реализованных проектах ледяной гостиницы на севере Швеции, но одновременно меньшая готовность *постоянно* жить в периферийных поселениях у полюса холода, чем в индустриальную эпоху. Аналогично если в индустриальную эру ярко проявлялось стремление нейтрализовать действие природной сезонности в экстремальных условиях Севера, например, при эксплуатации золотороссыпных месторождений, то теперь характерно творческое стремление найти пути ее конструктивно использовать в новых и старых видах экономической деятельности (например, в туризме).

Развитие северной периферии должно рассматриваться в контексте общего курса на комфортизацию жизни человека на Севере. Климатический комфорт места проживания становится важнее для постиндустриального человека близости к месторождениям ресурсов. Поэтому превращение многих стационарных ресурсных поселений Севера в вахтовые, одновременно с челночной миграцией работников из региональных центров, становится закономерной тенденцией.

В индустриальную эру обширные пространства Севера воспринимались утилитарно как условие успешного выполнения промышленными структурами (горнообогатительные комбинаты, госпромхозы, совхозы, леспромхозы и др.) своих производственных функций. Теперь ценность северных пространств, девственной природы не привязывается однозначно к их потребительским

[49] Термин введен Т. Е. Дмитриевой — одной из самых скрупулезных современных исследователей экономических и социальных проблем российского Севера.

полезностям, осознается как неосязаемый, но очень важный актив, например, при транзитных кросс-полярных перевозках, в туризме, как полигон для испытания новых моделей внедорожников и т. д. Закономерно возрастает роль периферийных сообществ Севера в охране и контроле этих пространств, как гарантов неухудшения их свойств. Экономически это означает формирование новых рабочих мест и дохода для северной периферии в видах деятельности по управлению ресурсами и контролю (мониторингу) состояния окружающей природной среды.

В индустриальную эру мозаичные ландшафты не обеспечивали эффект экономии на размере и потому были не в чести для промышленных видов деятельности. Крупные ГОКи, леспромхозы, совхозы требовали значительных объемов однородного сырья для своего производства. Их могли обеспечить только однородные речные долины, монотонные, сходные по высотам, ландшафты тундры, одновидовые лесные массивы. В новую эпоху локальная чересполосица микроландшафтных зон, стыки тундры и леса, берега и моря рождают микроклиматические конкурентные преимущества комфортности, могут стать ресурсом для развития северной периферии.

Новые ценности постиндустриальной эпохи интегрально означают новую природу капитала и труда для северных периферийных сообществ. Капитализация, высвечивание признаваемой в центрах ценности, активов периферии проходит теперь по иному, чем ранее, алгоритму.

В индустриальной экономике капитализация активов развертывалась по цепочке «добыча природных ресурсов в северной периферии — переработка в других местах и сбыт на национальном или мировом рынках». Новое время вносит в эту схему существенные коррективы.

Во-первых, мобильные технологии позволили максимально приблизить стадию переработки к местам «периферийной» добычи ресурса. Для северного периферийного сообщества это означает шанс на большее соучастие в разделе добавленной стоимости.

Во-вторых, увеличивается роль горизонтального взаимодействия автономных хозяйственных ячеек малого добычного бизнеса периферии, интегрируемых в союзы, ассоциации, другие сетевые структуры районного, регионального, даже национального масштаба, что кратно увеличивает их политический вес и влияние. С точки зрения капитализации активов это означает увеличение их ценности уже на первой стадии извлечения ресурса.

В-третьих, наукоемкие производственные услуги (дизайна, бренда, тонких технологий добычи и переработки и т. д.), которые для точной настройки на конкретные условия эксплуатации размещаются в региональных сервисных центрах, сравнительно близко к местам добычи, оказывают позитивное воздействие для наращивания ценности активов уже в начале ресурсной цепочки. Местное сообщество, актуализируя силу традиционного знания, культурного наследия, способно привнести в процесс переработки ресурса суще-

ственный творческий элемент (например, вместо обычной лесопереработки создать производство паркетных плит, в котором найдут признание вековые традиции орнаментации национальных костюмов эвенков).

Новый характер труда в северной периферии связан с повсеместным уменьшением размеров индустриальных комбинатов и обретением их материальными активами свойств делимости, дробимости, «гранулированности». Это упрощает участие женщин в таком производственном процессе. Росту женской занятости способствует и сравнительное возвышение экономической роли сектора бюджетных услуг в экономике периферийных сообществ. Меньше стандартизованной индустрии, больше сервиса и уникального ремесла — таковы укрупненно основные перемены в структуре местной занятости сообществ северной периферии. В национальных селах это означает сокращение занятости, приносящей денежный доход, в оленеводстве и промыслах, превращение последних в жизнеобеспечивающие и одновременно новое комплексирование их с въездным туризмом (ввиду возрастающей мобильности населения мира) и уже в этом качестве — не как хозяйства, а как услуг — возвращение их товарности.

Помимо гендерных (больше чем ранее, доля женского участия), межсекторных перетоков (от промышленности к сервису) в структуре местной занятости, меняется природа самого́ рабочего места, в которое привносится больше знания, коммуникации, мобильности, креативности, гибкости. Работники высокой квалификации (например, врачи) в силу своей редкости в периферийных сообществах повсеместно обретают исключительные привилегии. Все больше видов экономической деятельности периферии требуют постоянной коммуникации с центрами (офисами, головными компаниями, бюджетными учреждениями). Увеличивается роль вариативных — вре́менных, сезонных, добровольческих форм занятости. Например, в национальных селах десяток работников поочередно в течение года может занимать одно рабочее место в бюджетном секторе.

Периферийные обучаемые сообщества. Ключевая характеристика периферийных сообществ с точки зрения постиндустриального развития — их исключенность, отчужденность от пула знания центров[50]. Поэтому главным ограничителем темпов постиндустриальной трансформации является не дефицит финансовых ресурсов или плохое качество материальных активов, но качество человеческих ресурсов, прежде все́го с точки зрения их компетентности, квалификации, обучаемости. В индустриальную эпоху позитивный перелом ситуации в северной периферии связывали с капитальными вложениями в материально-техническую базу градообразующих предприятий. На это были нацелены программы развития северных промышленных узлов и терри-

[50] *Camagni R. P.* The Concept of Innovative Milieu and its Relevance for Policies in European Lagging Regions // Papers in Regional Science. 1995. 74.4. P. 317–340.

ториально-производственных комплексов. В новое время акцент будет сделан на улучшение качества человеческих ресурсов, инвестиции в человека, что означает усилия по наращиванию совокупного пула знания, компетентности сообщества северной периферии.

Эта цель достигается за счет привлечения «работников знания» (квалифицированных кадров) в северную глубинку — путем создания материальных и нематериальных стимулов для учителей, врачей, библиотекарей, директоров домов культуры и клубов и др. Эти меры уже предпринимаются повсеместно региональными и муниципальными властями на российском Севере — в результате массового оттока квалифицированных кадров обескровленными оказались не только северная периферия, но даже центры. Они включают льготы для строительства и приобретения жилья, регулярные доплаты к зарплате по условиям пятилетнего контракта, выплаты всех северных стажных надбавок с первого дня работы молодого специалиста, открытие блокированных лицевых банковских счетов для молодого специалиста высшей квалификации на пять лет и др.

Другой путь, который особенно важен для сообществ северной периферии, — это развертывание различных программ обучения и переобучения для трудоспособного населения. И не только через общеобразовательные школы и стандартные программы переподготовки, повышения квалификации взрослых. Нет, подчинение целям обучения всех игроков местной экономики — корпоративных структур, которые предусматривают блок обучения для местных жителей при осуществлении любого ресурсного проекта; некоммерческих организаций, которые волонтерски предлагают проекты и программы обучения для местных жителей по новым специальностям; хозяйственных структур в оленеводстве и промыслах, которые превращают свои перевалбазы, летние лагеря в структуры обучения молодежи навыкам традиционной экономики; наконец, структур региональной и муниципальной (районной) власти, которые предлагают программы обучения и переобучения профессиям в бюджетной сфере и основам предпринимательства, включают блок обучения в стандартные целевые программы и акции региональной политики. В пределе всё периферийное сообщество становится обучаемым, т. е. все участвуют в различных образовательных программах.

В зависимости от характера конкретного сообщества, главного направления местного развития (ресурсное, сервисное, традиционное, «бюджетное») могут применяться две модели обучения: централизованная — в школах-интернатах, колледжах, университетах региональных и районных центров предоставляют услуги по новому инженерному, гуманитарному, природоресурсному знанию; децентрализованная модель — образовательные услуги предоставляют в самих периферийных сообществах, где организуются мобильные курсы переподготовки, программы дистанционного обучения. Наличие высокоскоростной связи в периферийном селе беспрецедентно облегчает

обмен опытом между сообществами одного типа (ресурсные, сервисные, аграрные, национальные), оказание консультационных услуг базовыми хозяйствами центра для хозяйств периферии.

Стратегия обучаемого сообщества особенно эффективна для северной периферии, в которой трудоспособное население теперь, после десятилетия массового оттока, как правило, обладает меньшей мобильностью, чем в центрах. Поэтому есть шанс, что работник, повысивший свою капитализацию в результате обучения в родном селе или в ближайшем центре, останется в своем сообществе, не будет использовать полученные новые навыки и умения на рынках труда региональных и федеральных столиц.

Вызовы экономики, основанной на знаниях, постепенно проникают и в северную периферию и оказывают воздействие на внутреннюю структуризацию самого сообщества. Если раньше линия разлома внутри многих северных периферийных сообществ пролегала по оси «старожил — новосел», что подчеркивалось важнейшими северными институтами — стажных надбавок, сокращения пенсионного возраста (работники-старожилы имели все, новоселы ничего, кроме районного коэффициента), то теперь структуризация проходит по квалификации, обучаемости работника, способности воспринимать и использовать новую информацию. Обучаемость означает способность работника легко переходить с одного вида деятельности на другой, что для периферийного сообщества на этапе трансформации является ключевым достоинством.

2.3. Факторы развития северных периферийных сообществ за последние 15 лет

Эмпирическое обобщение наших работ, выполненных в 2001–2006 гг. по республикам Коми, Саха (Якутия), Тыва, Бурятия, Ханты-Мансийскому, Чукотскому, Эвенкийскому автономным округам, позволило выделить основные факторы, определившие динамику развития (или ликвидацию) сообществ северной периферии в 1992–2005 гг.: преобразование градообразующего предприятия, социальная укорененность основной экономической деятельности, экономико-географическое положение, демографический потенциал. Это не означает, что их перечень исчерпывает список всех факторов, оказавших воздействие на судьбу поселений северной периферии в годы радикальной экономической реформы. Речь идет только о том, что по результатам выполненных работ именно они проявили себя наиболее отчетливо.

Трансформация поселкообразующей интегральной структуры. В индустриальную эру оценка периферийного поселения начиналась с наличия (или отсутствия) в нем структурообразующего интегрального промышленного предприятия (совхоза, колхоза, госпромхоза, лесхоза и др.) или его филиа-

ла, отделения, которое помимо прямых рабочих мест и дохода, формировало существенный косвенный, мультипликативный эффект в занятости и потоке дохода для сообщества, по сути крепило его экономическую жизнеспособность. Такие предприятия всегда, помимо чисто производственных функций, выполняли и социальные. Их способность выполнять функции социальной защиты подчас лучше, чем само государство, была связана с тем, что они ближе к местному сообществу и потому способны лучше учесть его повседневные нужды.

Многие из этих предприятий в 1990-е гг. проходили проверку на прочность. Наличие яркой специфичности на добываемых ресурсах или оказываемых услугах, в квалификации производственного коллектива, позволяло сохранить поселкообразующую структуру и само сообщество. Предприятие реструктурировалось, частично трансформировало свою деятельность, но сохранялось как целостность.

Более частым исходом были ликвидация или дробление градообразующего предприятия. Поселения без интегральной структуры нередко признавались неперспективными, а жители переселялись в региональные центры или уезжали с Севера. Примером этого, например, в Магаданской области может служить поселок Кадыкчан, где закрылась шахта «Кадыкчанская»; село Кулу, где ликвидирован одноименный совхоз[51].

Атомизация крупной структуры на мелкие хозяйствующие субъекты нередко сопровождалась постепенной утратой товарного значения производимой ими продукции. Тогда большинство малых предприятий исчезало, переключалось на самообеспечение отдельных домохозяйств. Многие сообщества, например, в арктических улусах Якутии не имеют теперь интегральной структуры и малый бизнес в них является доминирующим (более 80 %) источником создания новых рабочих мест.

Ситуация дробления или ликвидации крупной поселкообразующей структуры индустриальной эры породила противоречие между инструментами государственной поддержки, например, морского промысла, по-прежнему сориентированными на *коллективные* формы его организации, и реальной ситуацией в северных сообществах, например, эскимосов Чукотки, когда промысел лахтака или нерпы ведет *индивидуальный* морской охотник (даже не бригада) на свои средства. Экономическая деятельность автономных охотников в сегодняшних условиях нелегальна, они не могут сами получить квоты, официально купить оружие, не имеют полноценной правовой защиты.

Какова может быть судьба интегральной структуры сообщества в дальнейшем? Как повлияет постиндустриальный переход на ее природу? Вероятно,

---

[51] Закон Магаданской области о программе содействия в переселении граждан, проживающих в неперспективных населенных пунктах Магаданской области, на 2003–2007 годы (в ред. Закона Магаданской области от 22.04.2005 № 590-ОЗ).

произойдет трансформация поселкообразующего предприятия к непромышленному типу. И это уже наблюдается во многих сообществах Севера. В роли поселкообразующих ввиду умерших промышленных предприятий теперь выступают жилищно-коммунальные предприятия, союз фермерских хозяйств, потребительский кооператив, иногда даже музей. Все это чаще структуры сектора услуг. Дизайн ядерных структур многих периферийных сообществ будущего будет сервисным по профилю и сетевым по конструкции: в отличие от индустриальных градообразующих предприятий, организованных по принципу вертикальной товарной цепочки производство — переработка — сбыт, новые будут равноправными ячейками в региональной сети предприятий — ассоциаций/союзов кооперативов, малого добычного бизнеса и т. д.

Социальная укорененность экономической деятельности. Термин социальное укоренение, укорененность (social embeddedness) активно используется европейскими исследователями[52], чтобы подчеркнуть глубокое проникновение хозяйственного процесса в саму региональную ткань. В нашей работе[53] проводилось разграничение между «теплыми», социально укорененными, промыслами и «холодным» хозяйством, нейтральным и безразличным к месту своей дислокации. Социальное укоренение приводит сообщество к большей стабильности (прежде всего умеренному, не катастрофическому, миграционному обороту), однако нередко может провоцировать его информационную замкнутость. Обобщая примеры десятков северных сообществ с социально укорененной деятельностью, предложим гипотезу, что для этого требуется приверженность данному месту более трех поколений людей (т. е. более 75 лет).

Факт социального укоренения основной экономической деятельности определял жизнеспособность периферийных северных поселений в 1990-е гг. Когда хозяйство успевало превратиться в промыслы за долгие десятилетия существования в селе, тогда даже сам факт уничтожения градообразующего предприятия не приводил к ликвидации сообщества[54]. Как объяснить этот парадокс?

Социальное укоренение, например, слюдяного или рыбного промысла, предполагает формирование мощного пласта (толщи) культурных традиций, роль которых в спокойный период экономического развития невидима. Однако кризисный провал местной экономики и ее ядерных предприятий поднимает наверх их роль как стержня периферийного сообщества. В этот период цемент культурных традиций, который способен сплотить сообщество, стимулирует его на напряженный, творческий поиск новых перспектив развития (ремесло, уникальные навыки, опыт — за что в прошлой истории можно заце-

---

[52] *Stohr W. B.* Structural characteristics of peripheral areas: the relevance of the stock-in-trade variables of regional science. Papers of the regional science association. 1982. Vol. 49. P. 71–84.

[53] *Пилясов А. Н.* Самарская область — на пути к информационному обществу // Взаимодействие городских и сельских местностей в региональном развитии. М.: ИГРАН, 2005. С. 166–201.

[54] *Владимирская Н.* Чупа не сдается // Эксперт Северо-Запад. 2007. № 4. 29 января.

питься, чтобы мостить конкурентное преимущество?) и при благоприятном исходе содействует перелому ситуации в экономике.

Местоположение сообщества и проблема доступа. Среди сообществ северной периферии есть многочисленная группа (прежде всего арктических), расположенная в районах с ограниченными сроками завоза, т. е. вне сети круглогодичных наземных дорог. Эти изоляты (ресурсные, сервисные, национальные села) не имеют регулярного наземного доступа к местным сервисным центрам: зимой связь с ними осуществляется по зимникам, летом — по речной сети, в межсезонье и круглогодично — вертолетами. Обеспечение устойчивой работы системы жизнеобеспечения, доступности социальных услуг, занятости для жителей этих сел требует постоянных и значительных усилий власти.

Наше обследование такого изолята — поселка Диксон — в период экспедиции по Северному морскому пути 2000 г. — выявило особые принципы организации жизни местного сообщества, в котором роль факторов взаимовыручки, кооперации, а не конкуренции, была исключительной. Кооперативность, сплоченность сообщества, его общинная, не клановая[55] идентичность становились в 1990-е гг. источником экономической жизнеспособности.

Демографический потенциал. Все периферийные сообщества Севера с точки зрения демографического потенциала можно разбить на два вида: обладающие избытком трудовых ресурсов при относительной немобильности основного населения (что часто коррелирует с социальной укорененностью основного вида деятельности) или не имеющие избытка трудовых ресурсов и высоко мобильные.

В первом случае, например, в Республике Бурятия на демографической основе бурятских многодетных семей, сохранивших скот в личной собственности, в периферийных сообществах стали образовываться/воссоздаваться фермерские овцеводческие хозяйства. В Республике Саха (Якутия) в трудоизбыточных и оседлых периферийных сообществах Севера удалось создать новые объекты сельской промышленности (алмазогранильной, производство обуви по заказам предприятий местных центров). Если трудоизбыточные сообщества способны к миграции, тогда реализуется вариант внутрирегиональной вахты — привлечения рабочих кадров из сельских улусов Якутии для работы на индустриальных предприятиях золотодобывающей промышленности.

Второй случай характеризовался массовым выездом трудоспособного населения в региональные и российские центры, что резко уменьшало размер сообщества и ухудшало качество его человеческих ресурсов. Зато в этом случае внедрение новых технологий, например, в коммунальном хозяйстве, которые предполагают значительное высвобождение занятых, не сопряжено с социальным протестом сообщества, может осуществляться быстро и безболезненно.

---

[55] Клановая идентичность базируется на общности по крови, на родственных связях.

2.4. Типология северных периферийных сообществ

Типы северных периферийных сообществ целесообразно выделять по ключевому виду экономической деятельности. Постиндустриальная трансформация в наибольшей степени воздействует именно на него — вплоть до его полной ликвидации и формирования (в случае сохранения сообщества) новых сочетаний и комплексов видов деятельности. Предложенная типология отражает состояние северной периферии после первых полутора десятилетий реформ, т. е. самого начала организационно-технологической трансформации. Очевидно, что ее завершение приведет уже к другому группированию сообществ северной периферии, по другим классификационным признакам.

Тип 1. Двойственная судьба сообществ ресурсных поселений

Сообщества ресурсных поселений Севера, вовлеченные в рыбный, лесной промыслы, добычу россыпного золота, угля, нефти и газа, формировались на протяжении нескольких веков. В 1990-е гг. часть из них была ликвидирована (региональные законы Чукотского автономного округа, Магаданской области, Республики Саха (Якутия), других северных территорий определяли перечень закрываемых поселков и объем финансовых средств для переселения их жителей «на материк» или в региональные центры). Другие были переведены в разряд вахтовых поселений, а жители переселялись в южную форпостную базу — региональный центр. Третьи были сохранены, но при этом основные ресурсные предприятия поселка испытали радикальную реструктуризацию.

От каких факторов (из ранее перечисленных) прежде всего зависела судьба этих сообществ? Представляется, что самым главным была степень социальной укорененности основного ресурсного вида деятельности. Если он проникал вглубь общины и обретал социальное измерение, т. е. становился больше, чем просто источником денежного дохода, но самим образом жизни местной общины, если из него начинали формироваться культурные традиции, специфичные местные системы социальной защиты (как, например, пайковый уголь, «жизнеобеспечивающие» дрова и т. д.), тогда община сохранялась даже при утрате товарности главным ресурсным видом деятельности (он приобретал жизнеобеспечивающее значение).

Не размер, не географическое положение, не судьба интегральной хозяйственной структуры были главными факторами жизнеспособности таких сообществ, но именно социальная укорененность профильной экономической деятельности. Например, в таких сообществах нередко (в нарушение советских нормативов) возникали аномалии в обеспеченности основными социальными услугами: по численности малому селу не полагалось иметь амбулаторию, среднюю школу, однако в силу десятилетий оседлой жизни от одного «кормящего» промысла эти «избыточные» объекты социальной инфраструктуры все-

таки возникали. Без социальной укорененности ресурсной деятельности даже в случае молодости природных активов, например, нефти, газа, россыпного золота поселение нередко превращалось в вахтовое, а его жители переселялись в ближайшие центры.

Географический ареал распространения феномена социальной укорененности включает многие ресурсные поселения Европейского Севера, участками — севера Западной и Восточной Сибири, приморские села русских старожилов Якутии. Он практически отсутствует на Северо-Востоке России, где ресурсное освоение началось в последние 65 лет. Социальная укорененность легче развивается на биологических ресурсах, чем на невозобновимых: жизнь нескольких поколений людей в поселении от одних ресурсов предполагает их *неистощаемость* в течение этого периода времени.

Тип 2. Закат сообществ малых моносервисных поселков

Малые моносервисные поселки (дорожные, авторемонтные, строительные и др.) возникли в период индустриального освоения Севера России и оказались максимально уязвимыми среди всех типов. Именно в этой группе наблюдалась (относительно) самая большая «прополка» ввиду того, что их функции стали исполнять структуры крупных региональных городов — сервисных центров.

Жизнестойкость сообщества определялась здесь не социальной укорененностью исполняемой им услуги, потому что относительно молодой возраст поселка не давал на это никаких надежд, но производственной специфичностью, трудной заменимостью тех сервисных функций, которые выполняла ядерная структура села (и потому гарантированным рынком на ее услуги). Если этого не было, происходило обрушение поселкообразующей структуры, населенный пункт ликвидировался, сообщество переселялось.

Тип 3. Укрепление идентичности сообществ национальных сел (староверов, старожилов) на фоне утраты товарности оленеводством и традиционными промыслами

Повсеместно на Севере России в национальных селах, селах старожилов в последние 15 лет наблюдался массовый отток мигрантов — недавних переселенцев на Север и существенное сжатие их размера. В результате существенно увеличилась доля коренного, старожильческого населения в местном сообществе. Это способствовало кристаллизации местной идентичности по крови, по вере, по стажу проживания.

Во всех сообществах произошло уменьшение размера и экономической роли традиционного сектора местной экономики. Оленеводство и промыслы

во многих селах утратили свое товарное значение, стали жизнеобеспечивающими видами деятельности. Это означало необходимость их тесного комплексирования с бюджетными и рыночными видами деятельности, которые способны генерировать денежный доход. Возможности такой интеграции, такого маневра были больше в более крупных сообществах, где коренные народы занимали освободившиеся после выезда переселенцев рабочие места в бюджетном секторе, новые рабочие места в коммерческой торговле и бытовом обслуживании.

Родовые общины стали поселкообразующей структурой во многих национальных селах. Для своего выживания они вынужденно диверсифицировали деятельность (рыночные услуги, добыча минеральных ресурсов, традиционное жизнеобеспечение), гибко меняли ее по сезонам.

Тип 4. Роль местоположения и возраста в судьбе сообществ агропромысловых сел

Жизнеспособность сообществ агропромысловых сел зависела от местоположения по отношению к ближайшим рынкам сельскохозяйственной продукции и от их возраста (степени социальной укорененности аграрной деятельности). Наиболее характерными здесь были два варианта сообществ, каждое из которых избирало свою траекторию адаптации.

Первый вариант пригородных сел, молодых по возрасту, возникших в эру индустриальной экспансии сельского хозяйства далеко на север и в Арктику. Большинство аграрных хозяйств не могло быть рентабельными в северных экстремальных условиях и постоянно дотировалось в советское время: в совхозах за счет государственных закупочных цен, в подсобных хозяйствах за счет профильного производства. Жизнеспособность сообщества в условиях нарастающей конкуренции 1990-х гг. зависело от способности уцелевших малых и средних агрохозяйств использовать эффект уникальности, специфичности своей продукции (парное мясо, свежее молоко, диетическое яйцо, зеленые овощи и др.).

Второй вариант старых сел, изолированных от основных транспортных магистралей, в которых аграрная деятельность сочетается с промысловой и обладает социальной укорененностью. Ввиду удаленности основных рынков сельскохозяйственная деятельность имеет здесь нетоварное, самообеспечивающее значение. Дальнейшее развитие этих сел неизбежно потребует радикального изменения экономического профиля..

Региональные сочетания типов сообществ. Коллективный портрет периферийных сообществ данного региона определяется тем, какой тип или относительно равномерное сочетание типов доминирует. Например, для Магаданской области характерен первый тип сообществ ресурсных поселений, без социальной укорененности, ввиду сравнительно короткого срока освоения и

нестабильности сообщества. Для Чукотского автономного округа характерен третий тип сообществ национальных сел разного размера и соответственно различной развитости традиционного сектора. Для Архангельской области характерны сообщества первого, лесопромыслового типа, с сильным социальным укоренением[56]. Неслучайно именно здесь раньше других территорий европейского Севера в периферийных селах возрождается институт сельской общины.

Сравнение структуры типов периферийных сообществ российского и зарубежного Севера обнаруживает существенные различия: на Севере России доминируют сообщества без социального укоренения первого, второго и четвертого типов (ресурсные, сервисные, аграрные); на зарубежном Севере значительно больше доля сообществ социально укорененных, прежде всего третьего типа. Это отражает различие моделей освоения Севера в последние 50–70 лет и определяет бóльшие социальные издержки трансформации северных периферийных сообществ в российском случае, чем на зарубежном Севере. На севере Канады, в штате Аляска, на скандинавском Севере постиндустриальная трансформация начиналась еще 30 лет назад и проходила часто почти без созданного слоя индустриальности во многих сообществах.

2.5. Меняющийся экономический профиль северного периферийного сообщества

Постиндустриальная трансформация вносит существенные коррективы в экономический профиль периферийного сообщества, который существовал десятилетия индустриальной эры. В каждом типе северных сообществ на прежний профильный вид деятельности нанизываются, с ним сочетаются, новые постиндустриальные виды деятельности; в более радикальном случае — новые виды деятельности полностью замещают старые, неадекватные новому времени; другой вариант состоит не столько в добавлении новых видов деятельности, но в творческой переинтерпретации сущности, реструктуризации старых видов деятельности.

Мягкая или радикальная смена профильных видов экономической деятельности в локальном сообществе не является абсолютно новым феноменом постиндустриальной трансформации. Старые поселения Европейского Севера многократно испытывали эти процессы, последний раз в наиболее радикальном виде в период агроиндустриальной трансформации около века назад. Сообщества Севера, не сумевшие адаптироваться к новым условиям в

[56] Лесной промысел в поселках Ханты-Мансийского автономного округа не обладает социальной укорененностью и потому весь современный уклад жизни этих сообществ радикально отличается от аналогов Архангельской области.

периоды умеренных или кардинальных экономических трансформаций, вынуждены были переселяться. Таких примеров история российского Севера знает немало.

Общий вектор последней, постиндустриальной, трансформации — усиление компонента развития, непосредственно зависимого от местного сообщества, нарастающее значение творчества (как ремесла, как креативности, как дизайна, «художественности»), прогресса в телекоммуникационных технологиях (например, в доставке услуг в периферийные села), туризма в самых разных его видах (ввиду нарастающей мобильности населения мира), ресурсного менеджмента — в местном развитии и генерировании новой занятости. Туристическая деятельность может реанимировать активы даже исчезнувших ранее поселений, в которых могут возникать сезонные лагеря охотников, сауны, вертолетные площадки, горнолыжные базы и др.

Ренессанс ремесла, развитие ремесленного производства в структурах малого бизнеса периферийных сообществ имеют значительный потенциал. Промышленные рабочие места, создаваемые на периферии, оказываются в несколько раз дешевле, чем в центрах. Первоначально они еще будут очень близки по природе к кустарным, ремесленным производствам начала XX в., но затем состоится их восхождение к сборочным производствам для электронной промышленности[57], производству высокотехнологичных компонентов местной промышленности.

Исходя из обозначенных общих тенденций, определим конкретные направления преобразований в каждом типе северных периферийных сообществ. В *первом типе* (ресурсных сообществ) наукоемкие услуги, предоставляемые ближайшими сервисными центрами, внедрение новых технологий добычи и мини-переработки вблизи мест добычи, постепенно приведут к перерождению индустриальных узлов и комплексов в новые ресурсные кластеры, ядром которых станут информационно-телекоммуникационные технологии. Традиционное знание и навыки местного сообщества будут активно использоваться для «художественной» переработки ресурсов и выпуска уникальной продукции. В результате трансформации индустриального рыбного и пушного промысла и их комплексирования с сектором гостиничных, транспортных услуг будет развиваться экстремальный туризм. Ресурсный менеджмент обширных девственных пространств и ресурсов дикой природы в форме соучастия сообщества в проведении землеустроительных, охотопромысловых исследовательских работ, воспроизводстве ресурсов (рыбоводные заводы и др.), в контроле за браконьерами на реках, новая служба гидов для туристов, станут генераторами новых рабочих мест.

---

[57] Северные сообщества Швеции вовлечены в сборку солнечных батарей из производимых в Германии компонентов. Чистая среда северных поселений Швеции благоприятствует качеству сборки.

Выживание *второго типа* сообществ будет связано с углублением наукоемкости оказываемых производственных услуг (ремонтных, слесарных, кузнечных и др.) и расширением рынка — за контур только местных добывающих фирм.

Устойчивое развитие сообществ *третьего типа* невозможно на фундаменте только традиционного уклада. Переход на виды деятельности, альтернативные традиционным, для многих представителей коренного населения неизбежен, особенно в крупных национальных селах. Ими могут стать этнический туризм, сельская промышленность нового образца[58], производство биологически активных добавок на основе продукции северного оленеводства, новые виды местных и экспортируемых услуг, которые будут оказывать структуры малого национального бизнеса.

В *четвертом типе* сообществ трансформация будет заключаться в преобразованиях старых и возникновении новых видов деятельности. Инновации в технологиях выращивания, в видах растениеводческой продукции (например, скороспелых, мало чувствительных к резким колебаниям температуры) и породах скота (племенные, селекционные), которые обеспечивают опытные хозяйства, тесно связанные с наукой и нацеленные на экспериментирование, будут оперативно передавать в фермерские и личные хозяйства периферийных сообществ. Региональные опорные центры выступят генераторами инноваций в агросервисе. Речь, например, может идти о создании консультационного центра информации для фермеров, который отвечает за технологическую, экономическую, юридическую поддержку, возрождении машинно-технологических станций как основы развития ремонтной и сервисной базы сельского хозяйства с использованием лизинговых операций, создании агрокорпорации по финансовым услугам широкого спектра. Новые виды деятельности будут связаны с агротуризмом и сельской промышленностью.

Новым типом станет арктическое *«сообщество знания»*, экономика которого будет определяющим образом зависеть от работы размещенных здесь федеральных служб мониторинга погоды, окружающей природной среды и ресурсов, расходов федеральных, международных научных экспедиций, работающих в дельтах рек и на арктических архипелагах.

Размер сообщества и особенности постиндустриальной трансформации. В 1990-е гг. многие периферийные сообществ сократились численно на половину или на треть и, значит, перешли из одного класса в другой, с существенно меньшими возможностями для рыночной деятельности в секторе услуг или на разработке природных ресурсов.

---

[58] Например, в Республике Коми в поселке Синегорье восстанавливается замшевый завод (МУП «Усть-Цилемский кожзавод»), еще ранней индустриальной эры (построен в 1932 году), который производит замшу, хром, велюр, юфть, сыромять, перчатки, рукавицы, сумки, кошельки, костюмы сварщика, рабочие рукавицы, краги, шлемы, одежду.

Один и тот же вид экономической деятельности в сообществах разного размера обретает сначала жизнеобеспечивающее (в самых малых селах), спортивное и, наконец, товарное значение. Чем крупнее сообщество, тем больше совокупный пул знания, больше размер рынка, больше шансов на товарность основной экономической деятельности, и более рыночные формы организационных структур: в малых селах доминируют некоммерческие организации, кооперативы, муниципальные предприятия, в крупных — акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью.

Малые сообщества численностью *менее 300 человек*, наиболее удаленные от рынков сбыта и сервисных центров, обладают максимальной самобытностью, автономностью, традиционным знанием, базируются на самоценности «природной жизни» — продовольственного самообеспечения, экстенсивной эксплуатации ресурсов. Ценности членов этого сообщества принципиально отличаются от региональных центров и более крупных периферийных сообществ. Денежный доход здесь минимальный и в основном только от бюджетных мест, потому что рыночный сектор не развит, а традиционный в силу нетоварности не может его сгенерировать. Однако *натуральный* доход за счет оленеводства и промыслов может обеспечить уровень выше черты бедности. У работников гибкий годовой график, который позволяет им в течение года менять несколько видов деятельности (традиционные занятия, бюджетные, коммерческие структуры). Одно бюджетное место делится среди десятка работников в течение года. Здесь максимально распространены мобильные (передвижные) формы социального обслуживания, например, медицинской помощи (мобильные кадры, использование вездеходного наземного транспорта или авиации, портативное оборудование).

Эти села никогда не станут частью стандартной экономической системы, в которой все трудоспособное взрослое население работает 40 часов в неделю, озабочено приумножением своего денежного богатства, легко мигрирует в места более высокого заработка и меньшей стоимости жизни.

Средние по размеру периферийные сообщества численностью *300–800 человек* обычно обладают неплохой транспортной схемой — грунтовая дорога или зимник. Рыночный сектор развит слабо и значительная нагрузка в занятости падает на бюджетный сектор, а если он недостаточно развит, то высок уровень сезонной безработицы. В этих сообществах существуют социально-культурные комплексы, включающие школу, фельдшерско-акушерский пункт, клуб, которые обеспечивают многофункциональное использование социальной инфраструктуры села.

Траектории развития этих сообществ будут расходиться — часть будет развиваться по первому типу, т. е. преимущественно на неэкономической основе, при самоценности натурального самообеспечения; другая часть будет развиваться по третьему типу с расширяющимися возможностями малого предпринимательства, денежной занятости и товарности продукции традиционного и рыночного секторов.

Сообщества размером *800–1000 (1500) человек* обладают максимальным рыночным потенциалом, как правило, расположены на дорожной или речной сети, или устойчиво работающем зимнике. Они встроены в торговые товарные сети, имеют собственные рынки сбыта или размещены вблизи рынков сбыта крупных центров. Традиционный сектор здесь отчасти имеет товарный характер, мощное развитие получают промыслы, бюджетный сектор, появляется малый бизнес в секторе услуг. Постиндустриальная трансформация сообществ этого размера идет по пути частичного рыночного саморазвития, создания новых малых предприятий в новых видах деятельности, укрепления бюджетного сектора.

2.6. Модель экономики сообществ северной периферии

В значительной степени источником экономической жизнеспособности периферии являются ресурсы регионального бюджета. Прямым и косвенным образом (через госпрограммы, субсидии и др.), региональные власти являются главным источником дохода для многих домохозяйств периферийных сообществ. Несмотря на значительные усилия, которые будут предприниматься региональной властью для развития рыночного сектора, новых коммерческих видов деятельности, для большинства сел периферии постиндустриальный переход радикально ситуацию не изменит. Региональный бюджет и в перспективе останется доминирующим источником местного экономического развития.

Программы поддержки местного развития в северной периферии обычно включают финансирование объектов инфраструктуры, помощь малым предприятиям, развитие человеческих ресурсов в виде курсов обучения и переобучения. Именно последнее направление станет приоритетным для государства, его роль в общей структуре бюджетной поддержки периферии значительно возрастет.

Рыночный сектор будет продолжать создавать ограниченное количество рабочих мест (прежде всего в самых крупных сообществах периферии), используя для этого уже созданный за счет денег государства потенциал покупательной способности населения, потенциал качества жизни[59] за счет активов учреждений бюджетной сферы. В некоторых сообществах первого и четвертого типа, численностью населения свыше 800–1000 человек, рыночный сектор сможет стать главным работодателем.

---

[59] Хорошее состояние социальных активов — высокий удельный вес благоустроенного жилья, новое здание школы, больницы, качественные медицинские услуги — могут стать главным фактором для принятия решения о размещении в поселке нового наукоемкого малого или среднего предприятия.

Есть две стратегии развития местных предприятий рыночного сектора, которые ориентированы на вывоз своих товаров и услуг. Первая стратегия — это актуализация эффекта экономии на уникальности свойств места, природных активов, местных традиций и навыков. Вторая стратегия основана на стремлении получить экономию на размере, на масштабе операций. Как это может быть реализовано в малом бизнесе периферийного сообщества? Только через вхождение его в глобальные производственные сети, через вертикальную (местное сборочное производство встроено в крупную корпорацию) или горизонтальную интеграцию (местное производство является ячейкой районной, региональной ассоциации предпринимателей).

Абсолютно новым сектором в экономике периферийных сообществ станет приуроченная к обширным пространствам, ресурсам дикой природы *некоммерческая деятельность* (т. е. не рыночная, но и не бюджетная — например, создание охотничьего клуба местным предпринимателем), в которой рабочие места будут создаваться за счет меценатства, благотворительности корпоративных структур, добровольческих инициатив самого́ сообщества. Ее главная особенность — стыковой, промежуточный характер между бюджетным и рыночным сектором. Небольшие бюджетные средства или средства корпоративных структур и волонтерство сообщества — по такой схеме будут реализованы многие локальные проекты[60].

Что позволяет надеяться на рост значения некоммерческого сектора в экономике северной периферии? Помимо того, что это глобальная, мировая тенденция, ярко обозначившаяся в последние десятилетия на зарубежном Севере, другой аргумент заключается в том, что, начиная с определенного этапа развития бизнеса обустройство социального пространства, которое не приносит мгновенной выгоды, становится в долгосрочной перспективе единственно верной стратегией устойчивого бизнес-развития.

2.7. Политическая экономия доступности/дискриминации периферийных сообществ (децентрализация государственных полномочий как путь к саморазвитию)

Экономическое развитие периферийных сообществ тесно связано с их политическими правами. В новую эпоху это прежде всего право *доступа* к услугам и ресурсам, которые контролируют центры (региональный и федеральный). Дискриминация периферийных сообществ, которая существенно ограничивает возможности экономического развития, создания новых рабо-

[60] В советское время это называлось «методом народной стройки».

чих мест, проявляется в ограничениях (барьерах) доступа прежде всего к природным, также финансовым и информационным ресурсам.

Поэтому более сильная прорисовка прав собственности периферийного сообщества на квоты, лицензии, промысловые участки, зе́мли традиционного проживания, рентный доход от эксплуатации природных объектов, делегирование местным сообществам части государственных полномочий по управлению биологическими ресурсами, распределению квот, имеют значительно более долговременный эффект для их устойчивого развития, чем решение важных, но частных технических вопросов модернизации мощностей по переработке рыбы, строительства в селе новых холодильников или модулей по переработке оленины. Чтобы получить такие права, требуется политическая самоорганизация периферийных сообществ в районном или региональном масштабе.

Неслучайно поэтому на зарубежном Севере создаются районные национальные корпорации, которые призваны консолидировать политические требования автономных периферийных сообществ на земельные и природные ресурсы мест их проживания. Права собственности на крупные блоки земель предоставляются не отдельным деревенским сообществам, деревенским корпорациям, но *районной* корпорации, которая объединяет корпорации всех сел района. Каждая районная национальная корпорация в штате Аляска существует не обособленно, а в сестринской сети со всеми остальными: так, по итогам года, 70 % полученного дохода каждой районной корпорацией делится с 11 остальными. В результате каждое периферийное сообщество оказывается увязанным в сеть — сначала районную, потом региональную — со всеми остальными.

Ключевая политико-экономическая проблема периферийных сообществ — доступа и контроля природных ресурсов, информации, финансов. Но доступ означает *быть в сети*, в сети вместе с центрами, с другими периферийными сообществами. Поэтому для устойчивого развития периферийных сообществ очень важны сетевые фирмы, хозяйственные структуры, которые увязывают в своей деятельности сообщества одного района, одного региона друг с другом в районный, региональный пул, осуществляют перетоки финансовых, информационных, материальных ресурсов от одних сообществ к другим.

Среди таких структур значительный потенциал имеют потребительские, кредитные, производственные кооперативы — как сетевые, не иерархические структуры. Например, в Республике Саха (Якутия) кооперативная сеть «Холбос» действует уже практически в каждом селе. В Эвенкийском муниципальном районе завоз во многие села проводят структуры потребительской кооперации. В крупных селах потребительская кооперация перерастает в кредитную и производственную, включает сеть универсальных магазинов и центров оказания различных услуг.

Конкретные схемы усиления контроля, гарантий доступа местных сообществ к природным ресурсам территорий их проживания могут быть различ-

ными, в зависимости от типа ресурса реализовываться как на локальном, так и на районном уровнях. Например, для биологических ресурсов значительный потенциал заключен в использовании новых институтов квот развития, кооперативного менеджмента (совместного управления), организации новой схемы землеустройства в районах Севера.

Институт квот развития впервые был использован в штате Аляска в начале 1990-х гг., чтобы катализировать экономическое развитие 57 прибрежных сел Берингова моря (около 21 тыс. чел.). Рыбный промысел здесь обладает социальной укорененностью, это органичная часть уклада жизни местного сообщества. Федеральное правительство использовало свои права контроля морских биоресурсов, чтобы отдать квоты на 7 % допустимого вылова местным сообществам. Общины прибрежных сел могли вернуть квоты владельцам промысловых судов при условии, что те обязуются обеспечить занятость местных жителей на своих судах, или построить береговые рыбоперерабатывающие заводы, или отдать долю прибыли от продажи рыбы по квотам селян.

Институт кооперативного менеджмента был впервые использован на севере Канады. Его идея состоит в совместном управлении биологическими ресурсами государственными ресурсными агентствами и их аборигенными пользователями из национальных сел. Конфликтная ситуация, когда далекие государственные структуры принимают решения о распределении квот на вылов рыбы, добычу пушных зверей, лицензий на добычу лося, дикого оленя, от которых зависит жизнеобеспечение национальных домохозяйств, при использовании режима кооперативного менеджмента, трансформируется в сотрудничество, процедуру совместных решений государственных структур и общин коренных жителей.

Современные схемы землеустройства на Севере России несут печать позднесоветского времени, когда они проводились под совхозы, госпромхозы, колхозы как главных пользователей земельных ресурсов. Очевидно, что эти схемы устарели и абсолютно не учитывают интересы конкретных охотников, оленеводов, рыбаков, проживающих в селах северной периферии. Новые схемы землеустройства должны разрабатываться при партнерстве северных сообществ и государственных землеустроительных агентств. Они должны стать еще одним институтом, обеспечивающим контроль и доступ периферийных сообществ к ресурсам мест проживания.

Другие задачи возникают при обеспечении доступа периферийных сообществ к доходам от невозобновимых природных ресурсов нефти, газа, золота. Помимо реализации принципа справедливого соучастия в сгенерированном богатстве очень важно одновременно раскрепостить предприимчивость и инициативу местного сообщества, укрепить его сплоченность, избежать пассивного привыкания к многолетнему патерналистскому субсидированию за счет рентных доходов. Опасности быстрого повышения подушевых реальных доходов могут состоять в возможности массовой миграции сельских жителей

из периферии в центры: такие примеры известны в штате Аляска — при разработке рудника Ред Дог работники-аборигены мигрировали из своих деревень в крупнейший город штата Анкоридж.

Как показывает зарубежный опыт, обеспечить саморазвитие местных сообществ при коротких (корпорация — региональный бюджет — сообщество, корпорация — сообщество) трансфертных перераспределениях проще, чем при длинных (корпорация — федеральный бюджет — региональный бюджет — сообщество). Чем более прямая, непосредственная связь между источником ресурсных доходов и бюджетом экономически слабой сельской общности людей, тем легче, психологически проще выйти ей на уровень устойчивого развития.

Избежать перекосов в развитии местных сообществ, делегируя им часть государственных прав по управлению и контролю природных ресурсов, часть доходов от их эксплуатации, можно только одновременно передавая и расходные государственные и муниципальные полномочия — обеспечение качественных услуг образования, медицинских, услуг культуры в селах, охраны общественного порядка, пожарной безопасности и т. д.

БЛОК МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПЕРИФЕРИИ

Часть 2

Муниципальная северная периферия: старые и новые барьеры развитию

Глава 3

Типичные черты, структуры, сообщества северной муниципальной периферии

3.1. Проблемы, слабости, угрозы — силы и возможности муниципальной периферии Севера

Северная муниципальная периферия концентрирует многочисленные экономические и социальные проблемы — даже в том случае, когда она расположена внутри экономически и финансово благополучного и динамично развивающего региона. Например, Березовский район успешного Ханты-Мансийского автономного округа — Югры является одним из самых проблемных в регионе: высокий уровень дотационности бюджета, низкая инфраструктурная обустроенность, значительная безработица и низкие реальные доходы сельского, в первую очередь коренного населения (манси, хантов и ненцев).

Березовский район занимает последние места в регионе по ключевым показателям уровня жизни, безработицы, подушевого промышленного производства, доле собственных доходов бюджета и размеру внутреннего рынка (табл. 1). Позиции района здесь в последние годы не улучшаются. По другим показателям, например, доле аварийного жилого фонда, продуктивности молочного стада, ранги района в последние четыре года ухудшились. И только по душевому объему инвестиций наблюдается заметное улучшение положения в связи с началом реализации в районе нескольких крупных и средних инвестиционных проектов.

Прежние достоинства Березовского района, ценимые в индустриальное время, утратили свою привлекательность, а недостатки остались, даже усилили свое негативное действие. Конвертировать их в экономические достоинства пока не удается. Этому препятствуют — бездорожье, недостаток энергии местного сообщества, инерционно сложившиеся основные направления государственной и муниципальной поддержки местной экономики, отдача от которых несопоставима с затраченными ресурсами.

Таблица 1

Место Березовского района в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре[61]

Показатель	Ед. изм.	Место в округе в 2002	Место в округе в 2006	Район в 2006	Округ в 2006
Подушевой объем промышленного производства (без учета малых предприятий)	тыс. руб. на чел.	**22**[62]	**22**	14,6	1125,4
Доля собственных доходов бюджета	%	**21**	**21**	10,1	29,8
Доля безработных в среднесписочной численности работников	%	**19**	**19**	8,6	2,4
Размер внутреннего рынка	млн человеко-рублей	**18**	**19**	235,5	район-лидер — Сургутский — 2331,6; район-аутсайдер — Белоярский — 100,7; районы-соседи — Октябрьский — 227,0; Советский — 246,1.
Доля аварийного жилого фонда	%	**15**	**18**	14,2	6,8
Динамика прироста числа предприятия и организаций	% к 2002 г.	–	**16**	115,4	129,8
Продуктивность молочного стада	кг молока на 1 корову	**11** (из 17)	**16** (из 19)	2646	3315
Оборот розничной торговли	тыс. руб. на чел.	**15**	**15**	74,6	116,3
Доля занятых в экономике в общей численности населения	%	**12**	**14**	45,2	48,1
Объем платных и бытовых услуг	руб. на чел.	**14**	**14**	18 019	27 942
Площадь введённых жилых домов	$м^2$ на 1000 чел	**13**	**11**	519	509
Подушевой объем инвестиций	тыс. руб. на чел.	**17**	**6**	369,1	200,1

[61] Все таблицы и рисунки монографии подготовлены на основании данных официальной статистической отчетности федерального, регионального, муниципального уровня, отчетной информации подразделений региональной и муниципальной власти.

[62] Среди 22 муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

В советское время лесные и рыбные ресурсы Березовского района ценились высоко и использовались, несмотря на высокие государственные затраты их извлечения, в больших объемах. В новейшее время они либо почти утратили свою значимость (например, ресурсы пушнины), либо им даже в самóм округе был найден аналог в лучших транспортно-географических условиях. Например, по рыбным ресурсам Ханты-Мансийский район, расположенный вблизи окружной столицы и крупного рынка сбыта, теперь успешно конкурирует с Березовским районом и получает больше квот на добычу ценных пород рыбы.

Что касается транспортной недоступности, то в условиях либерализации транспортных и энергетических тарифов ее удушающее действие для районной экономики значительно усилилось, даже несмотря на возможности окружного бюджета существенно смягчить этот удар. А выгодно позиционировать достоинства дикой природы, спортивной рыбалки, экстремального туризма, этнического колорита для тысяч гостей района пока не удается: еще не созданы для этого экономичные, привлекательные, подъемные по транспортным затратам схемы. Вот в этом промежуточном состоянии между утраченным прошлом и еще не обретенным, устойчивым экономическим будущим Березовский район и находится в настоящий момент. В то время как другие, более центральные, муниципальные образования округа, расположенные в лучших транспортно-географических условиях, с более предприимчивым местным сообществом, сумели сформировать условия для динамичного развития.

Справочный материал по Березовскому району

Березовский район расположен в северо-западной части Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в таежной зоне. Протяженность района с севера на юг составляет 400 км, с запада на восток 300 км. Общая площадь 88 млн гектаров (16,4 % от территории округа).

Бóльшая часть территории (около 85 %) расположена в пределах Западно-Сибирской равнины, рассеченной здесь бассейном рек Северная Сосьва и Обь. На Западно-Сибирской равнине в подзоне северной тайги лесистость составляет 60 %. Лесной покров представлен сосновыми, елово-кедровыми, еловыми и березовыми лесами. Леса занимают наиболее дренированные участки, мозаично размещены в пространстве или вытянуты неширокими лентами вдоль пойм рек.

На западе района расположены горы Приполярного Урала (восточный склон). На территории Приполярного Урала в процессе поисковых работ выявлены месторождения бурого угля, железа, россыпного и рудного золота, строительных материалов, кварцевого сырья, алмазов, облицовочного камня, а в предгорьях — месторождения торфа, нефти и газа.

Климат района резко континентальный (возрастает с юго-запада на северо-восток), характеризуется быстрой сменой погодных условий. Средняя температура в январе от –18 до –24° С (абсолютный минимум –53°). Период с отрицательной температурой воздуха продолжается семь месяцев с октября по апрель. Период с устойчивым снежным покровом продолжается 180–200 дней — с конца октября до начала мая. Повсеместно на территории района встречаются ядра многолетней мерзлоты. Самый теплый месяц июль, средняя

Рис. 1. Динамика структуры наличного населения Березовского района

температура колеблется от +15,7 до +18,4° С (абсолютный максимум воздуха + 33°). Продолжительность вегетационного периода короткая — от 90 до 115 дней.

Центр района — Березово, одно из старейших русских поселений на севере Западной Сибири, поселок городского типа, расположенный на левом берегу реки Северная Сосьва (приток Оби), в 222 км от железнодорожной станции Приобье, в 400 км от окружного центра г. Ханты-Мансийска.

В 27 крупных и мелких населенных пунктах района в 2007 г. проживает около 27 тыс. чел., из них 6,2 тыс. чел. — представители коренных малочисленных народов Севера — манси, хантов, ненцев (в том числе по муниципальным образованиям: Саранпауль — 2,3; Березово — 1,6; Игрим — 1,5; Хулимсунт — 0,7, Светлый — 0,1 тыс. чел.). Большинство крупных населенных пунктов расположено на берегах судоходных рек Сосьва и Обь. Между ними не существует дорог с твердым покрытием. Транспортные перевозки летом (в период навигации) осуществляются по рекам, в межсезонье и круглогодично — воздушным транспортом, в холодный период автотранспортом по зимникам.

Доля сельского населения последние годы остается практически неизменной, а доля малочисленных народов Севера в сельском населении постоянно растет (рис. 1).

Территория района занимает транзитное положение по отношению к крупным, мирового класса, месторождениям природного газа на Ямале. Профильной активностью для районной экономики с 1970-х гг. является трубопроводный транспорт газа, который осуществляют структурные подразделения ООО «Газпром — Трансгаз — Югорск» — Уральское, Сосьвинское линейно-производственное управление магистрального газопровода, Пунгинская станция подземного хранения газа. По территории Березовского района проходит 10 магистральных газопроводов, по которым перекачивается свыше 100 млрд м^3 ямальского газа в год.

С деятельностью газотранспортных предприятий тесно связана активность крупных строительных подразделений (в первую очередь ОАО «Приобьтрубопроводстрой»), пред-

приятий по перевозке грузов ОАО «Игримречтранс», РЭБ флота «Спецгазатотранс». В последние годы деятельность всех этих организаций диверсифицируется ввиду узости местного рынка подрядных работ и грузовых перевозок — за счет новых потребителей, в том числе муниципального заказа Березовского района.

Другие ключевые виды деятельности — рыбный, охотничий промыслы, сельское хозяйство, — которые здесь развивались веками, также связаны с ресурсами пространства. Коммерческим рыбным промыслом на территории района занимаются 13 зарегистрированных предприятий различных форм собственности. Почти каждый десятый житель района время от времени занимается охотой. Охотничьи угодья расположены на землях государственного лесного фонда, заповедников, заказников, родовых общин. Основную сельскохозяйственную продукцию района в последние годы дают личные хозяйства населения, доля сельхозпредприятий менее 20 %. Особенность района по сравнению с его соседями состоит в большей доле фермерского клина в товарной сельхозпродукции[63].

Слабые стороны Березовского района типичны для муниципальной периферии Севера. Они связаны с качеством человеческих ресурсов (недостаточным уровнем образования и энергии местных жителей), низкими доходами многих, особенно сельских, домохозяйств, значительными внутренними разрывами в качестве местного образования и уровне жизни между газотранспортными поселками и национальными селами, отсутствием круглогодичной наземной связи у большинства поселений района, ветхостью индивидуального жилого фонда и коммунальных сетей. Ветхое жилье становится барьером для притока нового знания в виде квалифицированных молодых кадров из соседних Тюменской, Свердловской, Омской областей.

Основные угрозы развития муниципальной периферии связаны с деятельностью соседних крупных политических, экономических и финансовых городских центров, которые могут стать причиной утечек квалифицированных кадров, добытых здесь рентабельных природных ресурсов, привлекательных мобильных материальных активов.

Сильные стороны и возможности Березовского района также типичны для муниципальной периферии. Прежде всего это ресурсы обширных слабо освоенных пространств (рис. 2) — земли́, леса, водной среды, ценность которых со временем будет повышаться. Ресурс девственного пространства как конкурентное преимущество периферии особенно хорошо осознается именно в таких высокоурбанизированных северных территориях, как Ханты-Мансийский автономный округ, основной вклад в экономику которых вносят муниципальные образования — нефтегорода и нефтепромышленные районы.

Ресурсы пространства обеспечивают передовые позиции района в округе по объемам добычи охотничьего промысла, рыбопродукции, по заготовке дикорастущих ягод и растений; в перспективе могут стать источником открытий новых месторождений полезных ископаемых и развития различных видов туризма.

---

[63] Справочный материал по Березовскому району Ханты-Мансийского автономного округа — Югры подготовлен на основе обобщения данных энциклопедий, архивных и статистических источников.

Рис. 2. Пространственный потенциал муниципалитетов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (2007 г.)

Прямым следствием обширных пространств муниципальной периферии является ландшафтное разнообразие, усиленное в Березовском районе за счет проходящего здесь контакта горного приполярного Урала и Западно-Сибирской низменности. Для сосьвинского приобья характерно огромное количество различных видов растительного и животного мира (млекопитающих, птиц, рыб), привлекательное для туризма, спортивной охоты и рыболовства.

Ландшафтное разнообразие выступает естественным условием, предпосылкой этнического разнообразия. В Березовском районе в течение веков проживают представители коренных малочисленных народов Севера — манси, хантов и ненцев, а также коми-зырян. Длительное взаимное проникновение их культур, в последние века сосуществование с русскими старожилами, способствовало формированию богатой местной духовной жизни. Дети смешанных браков, родители которых полвека назад нарушили строгие этнические запреты, сегодня нередко являются сильными руководителями бюджетных учреждений, сельских администраций, родовых общин.

Особенностью многих районов северной муниципальной периферии является сильная этническая специфика: коренные малочисленные народы Севера формируют в Березовском районе около четверти населения. Бóльшая их часть проживает в сельской местности и сохраняет черты традиционного уклада, занятия традиционными промыслами и оленеводством. В Березовском

Рис. 3. Лидерство Березовского района по поголовью домашних оленей

районе самое большое поголовье домашних оленей Ханты-Мансийского автономного округа; значительная часть поголовья сосредоточена в крупном государственном хозяйстве — бывшем совхозе «Саранпаульский» (рис. 3).

В муниципальной периферии Севера, несмотря на десятилетия укрупнений, сселений, объединений, нередко сохранилась сеть традиционных поселений, знаменитых исторических мест. Поселок Березово — единственное в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре историческое поселение, внесенное в «Список исторических городов и поселений Российской Федерации». Здесь в течение нескольких последних веков проживали сосланные царской и советской властью (в том числе самый знаменитый ссыльный Березова — светлейший князь А. Д. Меншиков), в XIX в. формировался местный слой купечества, в середине XX в. состоялось легендарное открытие первого месторождения природного газа Западной Сибири. Многие местные здания, детали архитектурного облика поселка получили статус памятников регионального значения. Сохранившиеся культурные слои муниципальной периферии позволяют привлечь сюда бюджетные и внебюджетные ресурсы для сохранения историко-культурного наследия и этнических традиций.

Важным достоинством многих районов муниципальной периферии Севера является наличие здесь длительно живущих квалифицированных кадров бюджетной сферы, промышленных предприятий, которые обладают уникальными компетенциями. Изолированность поселков, оседлость жизни нередко

Таблица 2

СВОТ-анализ социально-экономического развития муниципальной периферии (на примере Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры)

Внутренние сильные стороны	Внутренние слабые стороны
1. Значительные ресурсы обширных слабо освоенных пространств. Лесные ресурсы позволяют увеличить масштабы эксплуатации, перейти на самообеспечение пиломатериалами, в том числе для домостроения, сокращения безработицы. Месторождения минерального сырья позволяют получать широкую гамму востребованной товарной продукции.	1. Относительно невысокое качество местного человеческого капитала: алкоголизм местного населения, высокий уровень заболеваемости туберкулезом, описторхозом и другими социальными болезнями. Ухудшение демографической ситуации, выезд наиболее активных и инициативных работников в другие территории, ухудшение половозрастной структуры (снижение доли молодежи, увеличение доли людей старших возрастов).
2. Повышенная доля народов Севера в населении района, развитое оленеводство, наличие национальных сёл, заповедных территорий (Малая Сосьва) создают предпосылки для развития этнотуризма, познавательного и экологического туризма, организации совместных проектов со странами, коренное население которых относится к финно-угорской группе (Финляндия, Венгрия), в области культуры и образования. Данное направление не отличается высокой капиталоемкостью, поскольку использует уже имеющийся культурный потенциал, рассчитано на использование объектов хозяйства и быта в национальных селах.	2. Высокая сезонность и зависимость лесного, агро-, рыбопромышленного комплексов района от климатических условий, низкие заработки занятых в сезонных видах деятельности.
3. Богатая история района, наличие знаменитых исторических мест (Березово), архитектурного наследия позволяет использовать данный ресурс для проведения имиджевых мероприятий в целях привлечения внимания научных кругов, специализированных учреждений в области истории и культуры, туроператоров. Сочетание специфических условий (Север с присущими особенностями, исторические места, национальный колорит, газодобыча) позволяют сформировать уникальный туристский продукт,	3. Сильные внутренние диспропорции в развитии частей района. Контрасты в качестве жизни между промышленными поселками и национальными селами. Низкий уровень внутренней связности района и «островное» положение значительной части территорий. 4. Дисперсность системы расселения, отсутствие крупных населенных пунктов, значительные расстояния, слабое развитие транспортной инфраструктуры, что сдерживает развитие малого бизнеса, консервирует усеченную структуру предоставляемых услуг, обусловливает депрессивность локальных рынков в удаленных и труднодоступных поселках. Малые размеры внутреннего рынка, склонность к его быстрому захвату монопольными структурами.

Окончание таблицы 2

Внутренние сильные стороны	Внутренние слабые стороны
ориентированный на погружение в атмосферу особого жизненного уклада и быта жителей Сибири. 4. Наличие высоко квалифицированных кадров в бюджетной и производственной сфере, обладающих длительными традициями освоения данной территории.	5. Повышенные издержки производства и проживания ввиду отсутствия круглогодичной транспортной сети, централизованного энергоснабжения, необходимости завоза продовольствия, топлива, строительных материалов. 6. Значительный удельный вес ветхого и аварийного жилья, низкая степень благоустроенности. Высокие бюджетные затраты при оказании коммунальных услуг.
Внешние возможности	**Внешние угрозы**
1. Значительный приток внешних инвестиций в рамках мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный». Сокращение отставания района от окружных показателей социально-экономического развития, диверсификация экономики. 2. Развитие партнерских отношений с соседними районами и регионами, совместная реализация проектов в лесном секторе, электроэнергетике. Формирование горизонтальных структур, отраслевых ассоциаций, частичная децентрализация системы управления в целях эффективного решения задач местного значения, снижения трансакционных издержек. 3. Выстраивание партнерских отношений с округом, обретение Березовским районом особого статуса ввиду реализации на его территории национального мегапроекта, специфики географического положения, этнического состава и жизненного уклада. 4. Расширение сотрудничества с ООО «Газпром — Трансгаз — Югорск» в гуманитарной сфере, реализации социальных проектов. Особое значение имеет развитие контактов в области образования, участие подразделения «Газпрома» в подготовке местных кадров.	1. Экстерриториальный характер работы и федеральный масштаб деятельности основного экономического субъекта района, использующего районную территорию для транзита газа (подразделение «Газпрома» — ООО «Газпром — Трансгаз — Югорск»). В результате поляризация населения по уровню подушевых реальных доходов, недоиспользованный потенциал местных трудовых ресурсов — ввиду опоры на корпоративный рынок труда. 2. Низкая доля собственных доходов в структуре районного бюджета, поэтому инвестиционная бюджетная политика района несамостоятельна и зависима от округа в выборе приоритетов развития и объектов инвестирования. 3. Проектирование и планы по реализации проекта «Урал Промышленный — Урал Полярный» слабо учитывают потребности местной экономики и интересы местных жителей. Один из результатов — недостаточная степень локализации предполагаемых переделов на территории Березовского района. 4. Крупные города-центры — соседи муниципальной периферии — замыкают на себе наиболее сильные хозяйствующие субъекты района, провоцируют отток способной молодежи и др.

способствуют созданию здесь семейных династий квалифицированных хирургов, учителей, работников культуры, реже — работников промышленных предприятий.

Основные возможности для стабильного развития муниципальной периферии связаны с выходом за ее рамки и установлением новых партнерств с региональными структурами, соседними районами, муниципальными образованиями, крупными экстерриториальными корпоративными структурами. Эти связи преодолевают информационную изолированность муниципальной периферии и подпитывают ее новым знанием и компетенциями (табл. 2).

Мощным позитивным фактором преобразований муниципальной периферии может стать использование потенциала *агломерационного эффекта* — фактора трансформации прежней глубинки в местный малый центр. Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, новая модель пространственного развития России предполагает формирование новых городских агломераций, зон опережающего развития, конкурентоспособных комплексов взаимосвязанных высокотехнологичных производств на определенной территории, ориентированных на глубокую переработку сырья и производство энергии, обеспечивающих освоение ранее необжитых районов[64]. Эти принципы новой территориальной организации производительных сил актуальны и для северной периферии.

При создании агломераций в северной муниципальной периферии речь идет не просто о межмуниципальном сотрудничестве, но мощнее — о формировании единых регламентов деятельности малого и среднего бизнеса, единых правилах работы рынков жилья и труда (например, единых правилах отвода земельных участков под индивидуальное жилое строительство), единых нормах деятельности кредитных организаций и внешних инвесторов, едином графике работы учреждений муниципального управления и социальной сферы в пределах городской агломерации.

При этом новые органы административного управления не создаются. Значительно расширяются рынки, на которых активизируется действие субъектов рыночного хозяйствования, уменьшаются трансакционные издержки для бизнеса. Новая агломерация позволяет уменьшить дублирование и более экономно доставлять услуги домохозяйствам и бизнесам, в результате, например, создания единых (общих) сервисных центров обслуживания сложного медицинского оборудования, специализированных медицинских центров, единых транспортно-логистических центров и др.

В муниципальной периферии Севера катализатором формирования агломераций выступает строительство новых круглогодичных автомобильных дорог, которые создают взаимное тяготение между расположенными в пределах

[64] Концепция долгосрочного развития Российской Федерации. Москва: Минэкономразвития России. 2008.

часовой транспортной доступности населенными пунктами, прежде абсолютно обособленными. Например, агломерация Березово — Игрим возникнет после строительства 100-километровой автодороги Березово — Игрим с паромной переправой через Северную Сосьву.

Агломерация Урай — Междуреченский между городом Урай и центром Кондинского района поселком Междуреченский Ханты-Мансийского автономного округа — Югры начала создаваться после завершения строительства автодороги Междуреченский — Ханты-Мансийск. На первом этапе образуется малая агломерация «Большой Междуреченский» в составе поселений Междуреченский, Мортка, Леуши, которая объединяет около 20 тыс. чел., что составляет 55 % населения Кондинского района. Это крупный по районным меркам рынок, на котором развитие сектора бытовых и платных услуг идет легче, чем на малых рынках отдельных поселений. Нормативное правовое и статусное оформление междуреченской агломерации предполагает полную синхронизацию регламентов ведения хозяйственной деятельности, работы муниципальных учреждений социальной сферы всех поселений.

На втором этапе к агломерации «Большой Междуреченский» подключается ресурс рынка Урая, возникает единая «УМ-агломерация», рынок которой (около 60 тыс. чел., со средним для округа подушевым доходом) сопоставим с рынком Ханты-Мансийска, и потому привлекателен для розничных торговых сетей, крупных сервисных компаний регионального масштаба.

3.2. Типичные экономические структуры муниципальной периферии Севера

На фоне исчезновения десятков крупных организаций советского индустриального времени в промышленности и услугах, в последние 15 лет в Березовском районе возникли (возродились) новые — малые и средние по размеру, которые являются типичными и для многих других районов северной муниципальной периферии. Их гибкость, мобильность, сетевой характер максимально соответствуют чертам новой экономики, которая постепенно проникает и в отдаленные северные районы России.

Речь идет о потребительских кооперативах и родовых общинах. Они возникли в самых проблемных по безработице и бедности поселениях района. В благополучных газотранспортных поселках ввиду большего размера местного рынка на смену прежним государственным предприятиям в сфере промышленности и услуг очень быстро пришли частные малые предприятия.

Общей чертой появившихся новых предприятий является сетевой характер, легкая способность к включениям новых узлов (домохозяйств, малых и средних предприятий) в постоянно меняющую свою конфигурацию сеть. Будет неверным считать, что для района эти организации абсолютно новые. В похо-

жем виде они ранее уже существовали в эпоху агропромыслового освоения, накануне индустриального развития, т. е. в 1930–1940-е гг. То, что их современная деятельность абсолютно адекватна специфике районной атмосферы, доказывает их экономическая успешность — бóльшая, чем у аналогичных организаций, уцелевших с позднеиндустриального времени.

Березовский районный союз потребительских обществ (МРПС) объединяет сотни мелких пайщиков, осуществляет оптовую и розничную торговлю, хлебопечение, заготовку сельхозпродуктов от личных и коллективных хозяйств (овощи, картофель, мясо, ягоды, молоко, вылов и первичная переработка рыбы), общественное питание, строительство, транспортные перевозки. (Рыбный промысел не имеет для МРПС большого товарного значения ввиду того, что многие жители ловят ее для собственных нужд.) По уровню рентабельности березовский МРПС занимает второе место в Тюменской области после союза потребительских обществ города Сургута, который находится в значительно более благоприятных экономико- и транспортно-географических условиях. Разве это не свидетельство того, что в специфичных условиях березовского «острова», организации, построенные по логике «конструктора», т. е. гибкого объединения отдельных домохозяйств для реализации общих задач, обладают экономической жизнестойкостью и способны частично решать те задачи, которые ранее выполняли советские поселкообразующие хозяйственные предприятия?

Другим потребительским обществом в районе является Сосьвинский рыбкооп, который осуществляет свою деятельность в Саранпаульском муниципальном образовании, объединяющем Саранпаульский и Сосьвинский кусты поселений.

Сущностные черты березовского «острова» с этнической спецификой предельно ярко отражают родовые общины, возрожденные в 1990-е гг. после 60-летнего перерыва. Сотни коренных жителей (в другом случае не имеющие никаких шансов на занятость) благодаря им обеспечены работой в широком спектре различных видов деятельности — рыбодобыче, охотничьем промысле, на лесозаготовках, заготовках дикоросов — брусники, клюквы, грибов, кедрового ореха и др., пошиве национальной одежды и обуви, изготовлении сувенирной продукции (табл. 3); в последние годы — в строительстве жилья, зимников, поставке продуктов питания в бюджетные организации района.

В Березовском районе в 2007 г. зарегистрированы 32 национальные и родовые общины, среди которых десять экономически успешны, 16 проблемные, а шесть не ведут реальной хозяйственной деятельности. На этих предприятиях занято более 270 человек, в том числе 230 аборигенов, что составляет около 18 % общей занятости народов Севера в районе.

Наиболее успешны родовые общины в селе Сосьва, где они формируют треть общей занятости коренных жителей, затем в селах вблизи крупных рынков сбыта Березова и Игрима — в Устреме и Анеево (табл. 4).

Таблица 3

Объемы производства родовых общин и национальных предприятий Березовского района

Наименование продукции	2004 год	2005 год	2006 год	2002–2007*
Рыба-сырец, т	210	541	390	420–520
Муксун, т	5	6	3	
Ягоды, т	7,5	15,4	24,1	6–10
Грибы сухие/сырые, кг	110/118	–	–	–
Добыто промысловой пушнины, шт	4442	5858	2456	1700–2700
Заготовлено мяса диких животных (лось), т	5,3	3,5	1,4	1,5–3,5
Изготовлено продукции декоративно-прикладного искусства на сумму, тыс. руб.	1 569,2	1 021,0	780,0	до 1500,0
Заготовка лекарственного и технического сырья, кг				200–500
Заготовка кедрового ореха, т				1–2,5
Заготовка леса, кубометров				650–1500

Среди описанных родовых общин рыбный промысел ведут все, сбор дикоросов девять общин, а охотничий промысел — только четыре. Рыбный промысел в максимальной степени ориентирован на коллективные (бригадные) формы — среди всех видов деятельности, традиционно практикуемых в Березовском районе. Можно сказать, что его успех зависит от способности работников к спонтанной социализированности, кооперативности.

Однако в общей районной добыче рыбы доля всех родовых общин составляет немногим более четверти (рис. 4). Именно здесь общины сталкиваются с очень сильной конкуренцией других хозяйств за ограниченные ценные ресурсы. Многие родовые общины вынуждены заключать договоры на приемку и хранение рыбы с ОАО «Сибирская рыба». Заключая их, общины теряют самостоятельность в принятии решений и значительную часть прибыли. В период основного вылова рыбы, ОАО «Сибирская рыба» нередко прекращает приемку рыбы у общин — по причине перехода собственных бригад на неводной лов.

Охотничий и пушной промыслы основываются на индивидуальных усилиях обособленного домохозяйства. Поэтому среди традиционных видов деятельности охотничий промысел в наименьшей степени распространен у родовых общин. Однако доля родовых общин в официальной ежегодной заготовке мяса диких животных, добыче промысловой пушнины в районе превосходит 60 %.

* Средние значения.

Таблица 4

Характеристика действующих родовых общин Березовского района (2007 г.)

Название общины	Виды деятельности	Дата регистрации, место юридической дислокации	Численность общая / в т. ч. народы Севера	Правовые документы	Оборудование на условиях аренды	Планы
НО КМНС «Рахтынья»*	Рыболовство, сбор дикоросов, перевозка грузов	октябрь 2001 г. п. Сосьва	38/36	Лицензия на водопромысловый участок. На базе общины зарегистрировано КФХ «Рахтынья»	Холодильные установки, сушильные шкафы, катер Ярославец, грузовой автомобиль «Камаз», дизель-генератор, баржи	Увеличение объемов рыбодобычи до 500 т в год и холодильных мощностей до 200 м^3. Заготовка и переработка леса. Установка лесоперерабатывающих станков в деревнях Кимкьясуй и Ломбовож. Увеличение занятости на 6 человек.
НО КМНС «Стас»	Рыболовство, сбор дикоросов	июнь 2000 г. п. Сосьва	31/30	Лицензия на рыбопромысловый участок	Холодильное оборудование, оборудование по переработке дикоросов, снегоходы «Буран», лодочные моторы, сетематериалы	Запуск оборудования по переработке ягод. Увеличение занятости на 3 человека.
НП ООО «Элаль»	Изготовление изделий декоративно-прикладного искусства (традиционные сувениры, обереги, украшения)	октябрь 1998 г. с. Саранпауль	31/27 Женщины-надомницы в труднодоступных селах			
НО КМНС «Сосьва»	Рыболовство, строительство домов, автозимников, сбор дикоросов	ноябрь 2002 г. п. Игрим	37/18 Постоянно 14, временные работники на договорах — 23	Закреплены акватории на вылов рыбы. Оформляются документы на заготовку леса	Холодильное оборудование, коптильная установка, лодочные моторы, снегоходы «Буран», мини-электростанция, сетематериалы. В собственности общины: катера, грузовые автомобили, бульдозер, экскаватор, пилорама	Увеличение рабочих мест за счет заготовки и переработки леса.

* НО — национальная община, НП — национальное предприятие, НРО — национальная родовая община, КМНС — коренные малочисленные народы Севера.

Название общины	Виды деятельности	Дата регистрации, место юридической дислокации	Численность общая / в т. ч. народы Севера	Правовые документы	Оборудование на условиях аренды	Планы
НО КМНС «Турупья»	Охотпромысел, рыболовство, сбор дикоросов	декабрь 2000 г. п. Саранпауль	18/17	Долгосрочная лицензия на изъятие объектов животного мира и с 2007 года временные разрешения на акватории для лова рыбы	Холодильно-морозильная установка, вездеход, лодочные моторы, снегоходы «Буран», сетематериалы	Расширение охотпромысла за счет увеличения площади угодий (подана заявка на дополнительные территории). Увеличение занятости на 12 человек.
ООО «община Кимкьясуй»	Рыболовство, охотпромысел, сбор дикоросов	июнь 1993 г. п. Сосьва	18/15	Долгосрочная лицензия на изъятие объектов животного мира	Четырехсторонний деревообрабатывающий станок, снегоходы «Буран», лодочные моторы мини-электро-станция (1 квт.)	Расширение охотпромысла.
НО КМНС «Сорх»	Рыболовство	май 2002 г. п. Берёзово	16/15	Акватории на вылов рыбы	Сетематериалы, катер	Увеличение рыбодобычи до 100 тонн, приобретение холодильного оборудования
НО КМНС «Устрем»	Рыболовство, сбор дикоросов	сентябрь 1996 г. с. Устрем	16/12		Снегоходы, лодочные моторы, сетематериалы, пилорама, деревообрабатывающий станок	Увеличение объемов вылова рыбы до 200 тонн в год, приобретение холодильного оборудования для хранения рыбы.
НО КМНС «Витхон»	Рыболовство, перевозка грузов	октябрь 2000 г. п. Сосьва	11/8			
НО КМНС «Кедр»	Рыболовство, сбор дикоросов	апрель 1998 г. с. Сартынья	7/5		Холодильная камера, лодочные моторы, мини-электростанция, сетематериалы	Заготовка и переработка леса.
НРО «Нялк»	Заготовка и переработка леса, рыбодобыча	ноябрь 1998 г. п. Игрим	8/7			Привлечение 4 человек на лесопиление
НО КМНС «Сосвит»	Рыболовство	июнь 2003 г. п. Игрим	6/5		Лодочные моторы, мини-электростанция (450 вт); сетематериалы. В собственности — холодильное оборудование	Увеличение объема рыбодобычи с привлечением населения д. Анеево

Окончание таблицы 4

Виды деятельности	Дата регистрации, место юридической дислокации	Численность общая / в т. ч. народы Севера	Правовые документы	Оборудование на условиях аренды	Планы
Рыболовство	февраль 1993 г. п. Березово	6/5		Сетематериалы, два лодочных мотора и две лодки. В собственности двухквартирный жилой дом, ледник	Увеличение объемов вылова рыбы, приобретение мини пилорамы для заготовки и переработки леса. Регистрация КФХ.
Рыболовство, охотпромысел, сбор дикоросов	апрель 2006 г. п. Березово	5/3	Имеются временные акватории на вылов рыбы. Поданы документы на конкурс для получения лицензии на изъятие объектов животного мира	Баржа 100 тонн (перевозка грузов по соглашениям)	Увеличение рабочих мест при получении лицензии на охотпромысел, приобретение холодильного оборудования
Рыболовство, сбор дикоросов	март 2002 г п. Сосьва	5/3	Лицензия на рыбопромысловый участок	Снегоходы «Буран», лодочные моторы, сетематериалы. В собственности мини-электростанция, катер, плашкоут	
Оленеводство, охотпромысел, рыболовство	июнь 2003 г. с. Сосьва	5/4			
Рыболовство	ноябрь 2001 г. п. Игрим	4/3			
Рыболовство, заготовка леса	апрель 2004 г. д. Анеево	4/3			
Рыбодобыча, сбор дикоросов	2002 Березово			Обустройство промстана	Получение лицензии на охотпромысел и приобретение холодильного оборудования

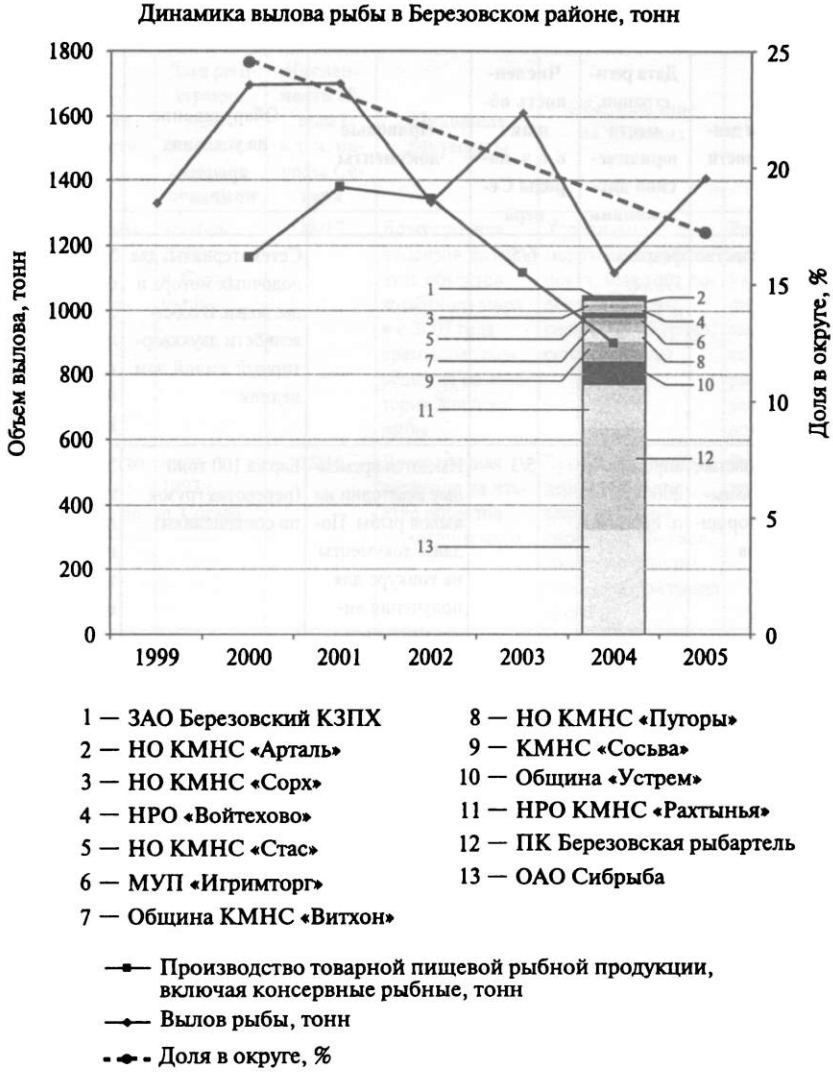


Рис. 4. Динамика и структура вылова рыбы в Березовском районе

Охотничий и пушной промыслы сохраняют бóльшую этническую специфичность, приуроченность к национальными домохозяйствам и родовым общинам, чем рыбный, который стал общераспространенным, потому что осуществляется в более доступных местах и для него не требуется такого тонкого знания местности, как при охотничьем и пушном промыслах. Знание о промысловых участках быстрее передается и воспринимается переселенцами, эти компетенции не имеют неявного характера в такой степени, как навыки пушной и дикой охоты на мигрирующего зверя: рыба осуществляет ход по

определенным рекам и в определенных местах, из года в год сходным, что отличается от миграций диких животных, которые зависят от большего числа случайных факторов.

Родовые общины района имеют многие признаки сетевого предприятия. Они опираются на сеть работающих по договорам заготовителей, надомников, охотников, рыбаков. Эта сеть, как правило, формируется за счет личных связей председателя общины, в том числе из безработных жителей его национального села. Вместо прошлой жесткой системы занятости здесь возникает более гибкая, «флуктуирующая» модель, когда отдельные узлы-домохозяйства слагаются в сеть каждый раз новым образом за счет непрерывного вхождения в нее новых и выхода из нее старых домохозяйств. Ядром сети выступают поселковые приемные пункты, ледники для хранения, заготовительные пункты рыбы, мяса диких животных, дикоросов, которые созданы и запланированы к строительству во многих поселениях района.

А вот сети перерабатывающей пока нет, потому что для нее требуются уже другие социальные связи и контакты, за рамками национальных сел, в крупных поселках, среди городского населения. Сеть заготовительная и сеть перерабатывающая не состыкованы и потому единая цепочка «добыча — первичная заготовка — глубокая переработка» в Березовском районе не построена.

Развитие сельской заготовительной сети свидетельствует о решенности проблемы доверия, честной коммуникации. С другой стороны, не созданная сеть глубокой переработки промысловой продукции свидетельствует о нерешенности проблемы доверия среди партнеров общинников в городской местности.

Родовые общины Березовского района получают значительную региональную поддержку как производители агропромысловой продукции, если они внесены в Реестр организаций, осуществляющих традиционное хозяйствование и занимающихся промыслами коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре[65]: им компенсируется приобретение сезонной техники (лодочные моторы, снегоходы, сетематериалы и т. д.), лицензий, обустройство промстанов, субсидируется каждый килограмм произведенной продукции. Они имеют право на упрощенное налогообложение.

Возможные направления повышения эффективности поддержки родовых общин состоят в признании их статуса как малого национального бизнеса. Тогда возникнет возможность обращаться в окружной фонд поддержки предпринимательства как новый источник финансовой поддержки и переобучения. Другое важнейшее направление состоит в четком правовом оформлении

[65] Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры № 85-п от 6 апреля 2007 года.

процедур закрепления рыбопромысловых, охотничьих угодий за общиной, процедур долгосрочной аренды участков лесного фонда. При заготовительных, приемно-обменных пунктах целесообразно предоставлять комплекс необходимых услуг по сертификации, лицензированию, квотам «в одно окно», учитывая отдаленность районных подразделений этих государственных служб от национальных сел.

3.3. Модернизация сообществ северной муниципальной периферии

По причинам высокой дисперсности системы расселения, низкой плотности населения, местные сообщества, изолированные друг от друга, отдаленные от центров, играют важную роль в устойчивом социально-экономическом развитии всей муниципальной северной периферии. Их значение еще больше укрепляется ввиду передачи в последние годы многих полномочий, ранее исполнявшихся на районном уровне, сельским и поселковым муниципальным образованиям.

Путь каждого периферийного северного сообщества в экономику знания специфичен. Огромную роль в успехе модернизации сообщества под вызовы новой экономики играют неосязаемые факторы местной идентичности, общих, разделяемых всеми, ценностей, социального капитала; качество местного образования, наличие местного лидера.

Укрупненно можно выделить три типа местных сообществ, для каждого из которых характерен свой маршрут к инновационной экономике: крупные поселки — местные центры численностью населения несколько тысяч человек; средние по размеру монопрофильные (ведомственные) поселки численностью населения около тысячи человек и немногим больше; национальные села средней, менее тысячи человек, и малой, менее одной–двух сотен человек, численности населения.

Тип. 1. Крупные поселки и местные сообщества, которые обладают максимально разнообразной экономической структурой среди всех поселений муниципальной периферии, с относительно хорошо развитым рыночным, бюджетным и традиционным секторами. Главное внутреннее противоречие этих сообществ в контексте их неизбежной трансформации под требования экономики знания состоит в *конфликте между инерцией традиций и революцией инноваций.*

Предприимчивость как условие инновационности. Игрим — первый газопромысловый поселок Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры — возник в 1964 г., уже в 1966 г. с игримских газовых месторождений пошел газ на промышленный Урал по новому газопроводу Игрим — Пунга — Серов — Нижний Тагил.

Местное сообщество Игрима, этнически очень плюралистичное, обладает значительной предпринимательской энергией[66]. Дети первостроителей 1960-х гг. унаследовали предприимчивость от своих родителей. Первый в районе супермаркет возник в Игриме. Первое в районе товарищество собственников жилья создано в Игриме. Здесь создано некоммерческое партнерство «Игримский союз предпринимателей»; в районе такой ассоциации малого бизнеса пока нет. Хозяева многих гостиниц Ханты-Мансийска — выходцы из Игрима.

Игрим ни в коей мере нельзя назвать заурядным ведомственным поселком, какие десятками создавались по стране в советское время всесоюзных строек века. От них его отличает значительно большее культурное разнообразие жизни, а роднит — сохраненная установка на временность проживания, которая десятилетиями существует внутри местного сообщества. Именно она объясняет крайнюю суженность досугового комплекса, малые объемы индивидуального жилищного строительства, значительный возраст многих активов социальной сферы. И, вероятно, по этой причине (а не только по причине дорогих завозимых комбикормов) здесь не смог выжить местный совхоз, несмотря на самый большой в районе размер местного рынка.

Сильным современным конкурентным преимуществом Игрима является существование двух мощных образовательных структур: центра подготовки кадров ООО «Газпром — Трансгаз — Югорск» и Игримского колледжа среднего профессионального образования. Многие сервисные структуры Трансгаза первоначально возникли в Игриме, потом передислоцировались в Югорск, Белоярский. Однако образовательный центр остался здесь, что в наступающую эру экономики знания очень важно.

Центр проводит подготовку и переподготовку сотен человек в год по 13 рабочим профессиям, с использованием здесь разработанных уникальных тренажеров. Он уже стал экономическим фактором для Игрима, потому что те расходы, которые осуществляют здесь его воспитанники во время обучения, расширяют местный рынок и поддерживают десятки рабочих мест в местной экономике.

Как раньше тонус развития поселка зависел от деятельности поселкообразующих строительных и транспортных предприятий (Приобьтрубопроводстрой, ремонтно-эксплуатационная база флота, Игримречтранс), так теперь новой точкой экономического роста является для Игрима профессиональный колледж. Колледж строит автодром, создает тренажеры для обучения вождению и создает мощный центр автосервиса и диагностики, интегрируя на одной площадке весь спектр автосервисных работ, службу ДПС и службу технического осмотра автомобилей.

---

[66] Например, в структуре товарооборота доля частных магазинов около 40 %, доля Игримторга, в которой 100 % участия у районной администрации, 60 %. В других крупных поселках района доля муниципальной, ведомственной, кооперативной торговли доходит до 75–100 %.

Многие инновации колледжа родились от соприкосновения с опытом расположенного здесь же центра переобучения Газпрома. От такого удачного соседства в Игриме спонтанно возникает локальный кластер профессионального образования, способный стать ядром его экономики в будущем.

Успешность коммуникации колледжа с здесь же расположенным центром профессионального переобучения «Газпрома» — дело всего местного сообщества, потому что сотрудничество двух обучающих структур укрепляет Игрим и его роль образовательной, информационной базы нового пионерного освоения территорий Приполярного Урала. Колледж способен стать «информационным брокером» между игримскими производственниками (строителями, транспортниками, газовиками) и новыми предприятиями Приполярного Урала, где могут быть востребованы уникальный накопленный опыт и знания игримских предприятий, созданных еще в советское время и выживших в кризисный период.

Усилия всего местного сообщества должны быть обращены на то, чтобы частично развернуть прежние компетенции, «заточенные» на газопромысловое освоение, газотранспортные услуги, строительство магистральных газопроводов, на горно-инженерный профиль, специальности техника-геолога, водителя-слесаря маломоторных транспортных средств. При том дефиците этих специалистов, который прогнозируется на стройках Приполярного Урала, это будет крайне актуально. Деятельность Игримского профессионального колледжа, которая может обеспечить этот разворот компетенций, знаниевое перевооружение местных работников, должна получить поддержку региональной и муниципальной власти, всего местного сообщества.

Модернизация местного сообщества Игрима облегчается его открытостью на внешний мир, мобильностью и предприимчивостью жителей, наличием местного кластера из двух структур профессионального образования, которые значительно повышают обучаемость местного сообщества и его восприимчивость к новому.

Чтобы традиции не стали тормозом для модернизации. Центр Березовского района поселок Березово является одним из старейших поселений Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Главная сила, но одновременно и слабость березовского сообщества — верность традициям многопоколенной оседлой жизни на этой территории, развитость кооперативной, неденежной экономики, основанной на взаимопомощи, самообеспечении продовольствием, охоте, рыбалке как образе жизни, приверженность ценностям личного дома с усадьбой. В районном центре создан поселковый совет старейшин, мнение которого учитывается местной властью при принятии ключевых решений по экономическому, социальному, градостроительному развитию Березова.

Естественными издержками такого уклада местного сообщества являются недостаток предпринимательской энергии, гибкости и мобильности в по-

иске новых возможностей экономического развития поселка, отсутствие вкуса к инновациям. Недостаток энергии в местном сообществе усиливается ввиду алкоголизма, который подтачивает физическое и психическое здоровье многих взрослых и детей.

Путь березовского местного сообщества к экономике знания абсолютно другой, чем игримского. Успех преобразований обеспечивается умением строить дорогу на фундаменте сильных, а не слабых сторон, местного сообщества, при этом всемерно нейтрализуя барьерную роль его недостатков — ограничений инновационного развития. Требуется так творчески переинтерпретировать вековые традиции Березовского сообщества, чтобы они стали работать на его эффективную модернизацию.

Новые проекты развития, с одной стороны, должны бережно относиться к сформированным чертам местного сообщества — не отрицать, а базироваться на них, чтобы быть успешными; с другой стороны, должны вносить в местное сообщество элементы новой динамики, которая ему остро необходима. Очень важна группа проектов, которая укрепляет транзитные функции Березова: то есть привносит в местное сообщество, пусть временно, внешних мигрантов и тем самым обогащает его культурно и интеллектуально. Речь идет о строительстве автобусного и речного вокзала, который неизбежно усилит связи Березовского района с соседним Ямало-Ненецким автономным округом; строительстве новой круглогодичной автомобильной дороги Березово — Игрим с паромной переправой через р. Северная Сосьва, которая интенсифицирует миграционные потоки, ежедневное и еженедельное коммутирование работников между двумя крупнейшими поселками района.

Очень полезны проекты в сфере въездного туризма, но их целесообразно организовать таким образом, чтобы не только гости района узнавали о его уникальной истории и традициях, но и сами делились своим опытом развития малых городов и поселков северной России. Инициативы побратимства — создания сети северных поселков и малых городов — райцентров России — побратимов Березова — могут быть очень эффективны в обогащении местного сообщества новым знанием, опытом и конкретными механизмами (приемами) локального устойчивого развития.

Между достоинствами этнического и культурного разнообразия и изъянами недостаточного образования и сплочения сообщества. В крупном национальном селе Саранпауль Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры десятилетиями друг с другом проживают геологи и коренные жители (манси, зыряне и ханты). С одной стороны, это существенно расширило кругозор местных аборигенных лидеров, с другой, способствовало большему социальному укоренению геологов в местную почву.

Другая особенность села — сильная ячейка национального домохозяйства, что не часто встречается в периферийных сообществах Севера России. По сравнению с сообществами других национальных сел сходного размера мест-

ное обладает большей энергией и инициативой. Саранпауль максимально активно участвует в реализации своих прав на местное самоуправление и быстрее других сельских муниципальных образований принимает от района новые полномочия. Саранпаульское муниципальное унитарное предприятие ЖКХ самостоятельно осуществляет завоз нефтепродуктов и угля, во всех других муниципалитетах района за поставки нефтепродуктов отвечает ОАО «Березовонефтепродукт». Здесь впервые в районе реализуется совместный с канадцами проект глубокой переработки недревесной продукции (изделия из бересты, ароматические масла и др.) на создаваемых малых предприятиях.

Благоприятные возможности для села предоставляет мегапроект «Урал Промышленный — Урал Полярный». Трасса железной дороги пройдет недалеко от Саранпауля. Село превращается в опорную базу освоения нескольких минерально-сырьевых узлов: Люльинского (бурый уголь, цеолиты, облицовочные камни), Пуйвинско-Неройского (кварцевого), Няртинского (россыпного золота) и Хальмерьинского (рудного золота).

В 30 км от Саранпауля расположен Борисовский участок Люльинского месторождения бурого угля. Предполагается использовать местный бурый уголь для выработки дешевой энергии и тепла (себестоимость ниже в два–три раза, чем при современной завозной схеме) на новых блочно-модульных котельных и модульных электростанциях. На дешевой энергии возникнут новые энергопроизводственные цепочки кварцевых, переделов строительных и облицовочных камней и сорбентов, лесопереработки.

В Саранпауле целесообразно создать лесопромышленный комплекс, способный из деловой древесины, вырубаемой по трассе железной дороги, создавать блоки (плиты, конструкции) для деревянного домостроения. Домостроительный комбинат позволит осуществить массовое обновление архаичного фонда личных домов, которые были построены здесь более полувека назад.

Развертывание мегапроекта вблизи Саранпауля создает благоприятные предпосылки для развития здесь въездного туризма со всем присущим ему комплексом сопряженных производств (службы размещения, проживания, торговый и сервис быстрого питания, музейный комплекс и др.). Бывший совхоз, теперь ГУП «Саранпаульский» станет составной частью местного туристического комплекса и в результате обретет экономическую жизнеспособность. Оленный и конный транспорт будут использоваться в турах на Приполярный Урал и по Березовскому району. Проводники из числа работников совхоза будут сопровождать туристов в их горноуральских турах. Будут организованы круизы по Малой Оби, сафари на снегоходах, оленьих и собачьих упряжках по древним кочевым путям северных народов. Для регулярного приема туристов будет модернизирована современная горнолыжная база в долине реки Польи. В поселке будет создан цех по производству сувениров из уральских самоцветов.

Частью туристического комплекса станут деятельность Саранпаульской национальной детской школы искусств, ансамбля зырянской песни, фольклорного театра, зырянской и мансийской вокальной групп. Под задачи развития туризма быстрее будет осуществляться давно назревшая модернизация объектов социальной сферы поселка[67].

Использовать те возможности, которые предоставит мегапроект «Урал Промышленный — Урал Полярный», развитие въездного туризма, радикальное преобразование местной системы теплоэнергообеспечения, Саранпауль сможет, если быстро создаст здесь новую систему местного профессионального образования: либо в качестве малого профессионального колледжа, либо как отделение Игримского профессионального колледжа.

Сильным лимитирующим фактором для перспективного развития поселка является качество, состояние здоровья местного сообщества — регулярно высокие и превышающие средние значения по району уровни заболеваемости туберкулезом, алкоголизм и другие социальные болезни. Другой негативный фактор — фрагментация местного сообщества на отдельные кланы и отсутствие способности к коллективным действиям (в Саранпауле не принято брать детей-сирот в приемные семьи и почти нет национальных общин).

Успех модернизации местного сообщества зависит от его способности нейтрализовать действие негативных факторов и, наоборот, всемерно раскрыть потенциал сильных сторон и возможностей жителей села.

Тип 2. Ведомственные монопрофильные поселки, средние по размеру местные сообщества характеризуются чертами закрытости от внешнего мира, однообразной культурной жизни, которые являются тормозом для инновационной экономики. Внутри этого типа обособляется случай сохраненного поселкообразующего предприятия позднесоветского времени и случай его дробления на несколько малых и средних предприятий. Успех движения местного сообщества к экономике знания во многом зависит от того, налажено ли сотрудничество между структурами промышленного сектора и местной знаниевой организацией в виде школы, лицея, колледжа.

Самая неблагоприятная ситуация — обособленная, полулегальная деятельность новых хозяйственных структур и поиск ими ренты на привлекательных природных ресурсах. Модернизация сообщества в этом случае откладывается надолго. Более благоприятная ситуация — ассоциирование новых фирм в партнерства и альянсы, их совместная деятельность на местном и внешних рынках (подчас с сохранением конкуренции в отдельных направлениях).

Но и сохранение поселкообразующего предприятия тоже несет риски для местного сообщества в эру инновационной экономики. Доминирование в ме-

[67] Использованы материалы мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный», администрации Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и администрации села Саранпауль.

стной экономике одной фирмы всегда понижает (иссушает) культурное разнообразие села, нередко является барьером к раскрепощению творчества в других, непрофильных, видах экономической деятельности. Такое доминирование тормозит развитие предприятий малого бизнеса: при тех же обстоятельствах — нехватка свободных площадей, несовершенство земельных отношений и монополизированный рынок офисной недвижимости, дефицит навыков предпринимательства — в поселке без крупной, монопольной, хозяйственной структуры развитие малого бизнеса идет легче.

Рассмотрим три ведомственных поселка Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, главной хозяйственной структурой которых являются линейно-производственные участки магистральных газопроводов газотранспортного предприятия ООО «Газпром — Трансгаз — Югорск» — Светлый, Хулимсунт, Приполярный. Первый поселок является предельным случаем однообразной культурной и духовной жизни, во втором и третьем работают факторы, которые позволяют уйти от скудности социального развития, обычно присущей ведомственным монопрофильным поселениям индустриального времени.

Газотранспортный поселок Пунга (*Светлый*) возник в 1968 г. Черты местного сообщества формируются под определяющим воздействием поселкообразующего предприятия — Пунгинское линейно-производственное управление, на котором работает более 50 % всего занятого населения. В Светлом даже поселковая столовая находится на территории Пунгинского ЛПУ.

Экономическое благополучие местного сообщества сочетается с предельно суженной культурной жизнью. Вот на одоление этой слабости местного сообщества и должны быть направлены приоритетные усилия. Приоритет развития местного сообщества связан с выходом за рамки индустриальной структуры «города — завода» к новым, сегодня непрофильным, малым по формам, видам деятельности. Одна из новых возможностей — это освоение и разработка Сысконсыньинского месторождения газа вблизи поселка. Другая — это создание современного тепличного хозяйства на дешевом тепле газокомпрессорных станций. Речь идет не просто об экономической диверсификации, но о целенаправленном формировании на расширяющемся экономическом фундаменте и культурного разнообразия жизни местного сообщества: новых кружков и клубов по интересам, сетевых сообществ и т. д.

Национальное село *Хулимсунт* первоначально входило в Няксимвольский сельский совет, а поселок газовиков в Игримский поселковый совет, что было курьезно, так как село и поселок расположены в одном километре друг от друга. Лишь в 1989 г., 13 лет спустя после образования здесь Сосьвинского линейно-производственного участка (ЛПУ) магистрального газопровода, поселок стал центром нового Хулимсунтского сельского совета.

Сообщество Хулимсунта вбирает в себя черты одноименного национального села и ведомственного, газотранспортного поселка. В силу этого, редкого

и благоприятного для местной духовной атмосферы, обстоятельства, спектр видов экономической деятельности, идей, инициатив сообщества здесь шире, чем в обычном ведомственном поселке. И развитие малого и среднего бизнеса идет здесь успешнее. И полномочия в сфере культуры не передаются в район, как в Светлом. И столовая расположена в поселке, а не в поселкообразующем Сосьвинском ЛПУ.

Характерной особенностью поселка является культура общественных советов, которые существуют здесь давно, принимают на себя некоторые муниципальные управленческие полномочия — по причине того, что здесь очень долго не создавался сельский совет, и в течение многих лет его функции вынужденно выполняли общественные (межведомственные) советы. Сегодня, например, при школе действует такой совет, в который входят представители местной власти, линейно-производственного участка, структур гражданского общества.

Экономические перспективы села связаны с преодолением внутренних разрывов и сохраненных черт ведомственности. Приоритетное направление усилий — укрепление интеграции различных укладов внутри сообщества, внутри местной экономики. Речь идет о том, чтобы коренные жители в возрастающей степени становились работниками Сосьвинского ЛПУ, а переселенческое население органичнее воспринимало и занималось местными промыслами и видами деятельности (охота, рыболовство, сбор дикоросов). Чтобы временной ритм работы в бюджетном и рыночном секторах учитывал (был частично согласован) календарь традиционных видов деятельности.

Жилой фонд постепенно будет (вслед за объектами социальной сферы) передаваться от газовиков муниципалитету. Некоторые непрофильные подразделения линейно-производственного участка будут обособляться в автономные, рыночные фирмы. Неотложна необходимость внедрения широкополосной связи, для чего в поселке есть все условия, кроме партнерства местной власти, школы и линейно-производственного участка в вопросах технического, инженерного обеспечения прокладки новых коммуникационных сетей.

Поселок *Приполярный* — самый молодой в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Приполярнинский сельсовет был создан в 1984 г., т. е. всего одно поколение назад. Здесь, как мало еще где в районе, живы традиции первостроителей.

Своеобразием местного сообщества поселка Приполярный являются регулярные и значительные «включения» в него сезонных работников строительных предприятий и восьми геологоразведочных экспедиций. За счет них здесь максимальные в районе расхождения численности постоянного и наличного населения (до 20 %). В силу этого фактора здесь возникают предпосылки к постепенному преодолению издержек монопрофильности, доминирования в экономической и духовной жизни крупного поселкообразующего Уральского линейно-производственного управления магистральных газопроводов.

В 1990-е гг. в поселке возникла русская община бывших граждан Киргизии (мигрантов из СНГ), которые привили здесь новый навык тепличного выращивания овощей на дешевой тепло- и электроэнергии. Приполярный — сегодня единственный из всех газотранспортных поселков района, в котором развито тепличное выращивание овощей. В будущем возможно создание здесь цветочной оранжереи.

С первых лет существования поселка удалось построить партнерство школы и Уральского ЛПУ. В течение 15 лет начальником Уральское ЛПУ был яркий лидер М. Ф. Еникеев, который сумел сформировать уникальную культуру сотрудничества средней школы, своего предприятия и муниципальной власти. Другими благоприятными предпосылками для сотрудничества поселкообразующего предприятия и школы были длительная несменяемость одного директора школы и одного директора ЛПУ, то, что многие женщины — учителя школы замужем за работниками ЛПУ. (в средней школе села Хулимсунт много разведенных женщин-учителей, и этот фактор не действует).

В средней школе значительно сильнее техническая специализация, чем, например, в школе Хулимсунта, за счет давно налаженной профориентационной работы ЛПУ. Многие выпускники в результате выбирают для поступления технические вузы. В последние годы на предприятии происходит омоложение кадров, в том числе за счет выпускников поселковой средней школы, закончивших технические вузы и возвращающихся в Приполярный (до 10 % общего числа выпускников).

В поселке развиты кружки технического творчества молодежи и школьников. За счет партнерства ЛПУ, местной власти и школы в Приполярном быстрее, чем в других газотранспортных поселках, внедряется широкополосная Интернет-связь.

Ценности богатой духовной жизни еще не осознаются местным сообществом. Передача объектов социальной сферы из сферы компетенции Уральского ЛПУ муниципальному образованию неизбежно трансформирует прежнее восприятие социальных вопросов как подсобных по сравнению с производственными. Сверхзадача работников социального сектора села — формировать уникальный имидж местного сообщества и поселка, что актуально ввиду скорого развертывания поблизости строек мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный». Позитивным свидетельством преодоления прежних черт типичного ведомственного поселка, в котором все жители живут временно, является строительство здесь первых личных жилых домов.

Туристический комплекс может возникнуть на развитии горнолыжного и лыжного спорта, для которых здесь есть исключительно благоприятные предпосылки, и на расширении площадей природоохранных территорий (запланировано в перечне мер администрации района). Он приведет к развитию гостиничного бизнеса, строительству новых мотелей и мини-гостиниц.

Основные перспективы развития экономики села связаны с развертыванием в непосредственной близости от него мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный». Железная дорога «Обская — Полуночное» пройдет вблизи поселка. Планируется строительство крупного разреза на Тольинском буроугольном месторождении, расположенном в 30 км к северо-востоку от поселка. На месторождениях железной руды, полиметаллов будут построены обогатительные фабрики. Предполагается строительство крупной теплоэлектростанции, способной экспортировать энергию в районы промышленного Урала. На местных строительных материалах предусматривается строительство завода. На камнецветном уральском сырье возникнет камнерезный цех, сувенирное производство, музей Приполярного Урала[68].

Во всех трех газотранспортных поселках корпоративный рынок труда ООО «Газпром — Трансгаз — Югорск» и трех его линейно-производственных участков обособлен от районного: имеет высокие барьеры входа, собственную систему переобучения; свою систему замещения вакансий — прежде всего за счет кадровых ресурсов территориальных подразделений ООО «Газпром — Трансгаз — Югорск». Между тем есть специальности, кадры по которым (ввиду того, что они не узко специализированы под технологические компрессоры, газотурбинные установки, газопроводы и другое газовое оборудование) вполне мог бы готовить местный Игримский колледж: например, оператор котельной, электромонтер по ремонту и обслуживанию электрооборудования, оператор очистных сооружений, слесарь — ремонтник вспомогательного оборудования и др.

Для этого необходимо расширить существующее социальное партнерство окружной, районной власти и ООО «Газпром — Трансгаз — Югорск» за современные рамки строительства объектов социальной сферы и заключить соглашение главы района и главы «Трансгаза» по вопросам обучения и переподготовки кадров из местного населения. В этом случае реалии возникающей экономики знания с ее ценностями образованности и высокой квалификации человеческих ресурсов, найдут отражение в документах государственно- и муниципально-корпоративного партнерства.

Преодоление традиционной закрытости ведомственных поселков осуществляется в каждом случае специфично. В одном случае быстрый успех могут принести новые инвестиционные проекты, в другом — строительство новой круглогодичной дороги, в третьем — формирование партнерства между градообразующим промышленным предприятием, местной властью и средней школой или создание новых сетевых сообществ, включающих местные структуры и организации «внешнего» мира, наконец, массовый приток мигрантов. Общим результатом этих усилий становится радикальное расширение сово-

[68] Использованы материалы мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный», администрации поселка Приполярный.

купного пула знания местного сообщества, его интеллектуального кругозора и потому способность выйти на новые траектории экономического развития.

Рассмотрим теперь случай дробления градообразующего промышленного предприятия в ведомственном поселке. Поселок *Куминский* возник на железнодорожной ветке Екатеринбург — Устье — Аха в 1960-е гг. и стал южными воротами в Кондинский район Ханты-Мансийского автономного округа. Дорога была построена для вывозки леса, что и определило основную специализацию поселка. В 1990-е гг. поселкообразующее лесопромышленное предприятие раздробилось на несколько малых фирм, что повлекло резкое снижение занятости в промышленности и уменьшение реальных доходов жителей села.

Перспективы села связаны с постепенной диверсификацией экономического профиля в результате технического перевооружения действующих малых и средних лесопромышленных предприятий для 100 % переработки древесины, создания грязелечебницы на базе местной участковой больницы и предприятия по производству биохимической продукции на основе сапропелевых лечебных грязей Новопашинского озера.

Устойчивость экономики села зависит от расширения сектора малых и средних предприятий, продукция которых обращена на внешние рынки (местный рынок самого села слишком мал) соседних территорий и Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Опыт развития малых и средних сел зарубежного Севера подтверждает, что около 80 % всех производственных инвестиций в северных селах осуществляют сами местные жители, которые лучше знают потребности своего сообщества, ресурсные возможности местной среды.

Тип 3. Средние и малые национальные села характеризуются закрытостью от внешнего мира, преобладающей мужской безработицей с присущими ей негативными социальными феноменами в виде алкоголизма, самоубийств, несчастных случаев, отравлений, травм и др. В структуре многих национальных сел наиболее развит традиционный сектор, опирающийся на традиционное знание.

Будущее развитие местного сообщества лежит либо на путях консервации традиционного знания и традиционных компетенций, либо его модернизации для формирования на основе традиций новых компетенций местных жителей для занятий туризмом, горным бизнесом и др. Выбор траектории зависит от особенностей структуры местного сообщества (есть ли лидер, моно или многоэтничное сообщество, сильное домохозяйство или сильная национальная община и др.). Наличие сообщества с четкой внутренней структурой всегда лучше для успеха его преобразований пóд вызовы экономики знания, чем вариант сообщества без четкой структуризации.

Консервация традиций и компетенций. Няксимвольский совет был образован в 1920 г. Его коллективные хозяйства были на уставе сельскохозяйственной артели. Сообщество национального села *Няксимволь* Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры максимально изолировано.

До недавнего времени здесь не было даже круглосуточной междугородней связи. Завоз грузов (угля для котельных, топлива для дизельной электростанции, сжиженного газа, продовольствия и др.) проходит в короткий двухнедельный период весеннего половодья (в летнее время Северная Сосьва здесь не судоходна), зимой — по очень плохому зимнику Хулимсунт — Няксимволь, когда 80 км преодолеваются три часа. Здесь самый высокий по стоимости киловатт электроэнергии в районе (поэтому хлебопечение поддерживается муниципальным бюджетом), дорогая телефонная связь. Районные службы (бюро технической инвентаризации, регистрационная палата, нотариус) выезжают сюда редко ввиду транспортной недоступности. Лес вокруг села принадлежит Торскому лесхозу, центр которого находится в соседнем Советском районе, поэтому процедуры отвода делян для заготовки леса длительные.

С одной стороны, такая предельная изоляция означает сильные ограничения для любой предпринимательской деятельности, т. е. неизбежную высокую безработицу в местном сообществе, которая провоцирует алкоголизм, а алкоголизм, в свою очередь, придает безработице хронический характер. И это соответствует действительности: даже молодежная элита села оказывается пьющей.

С другой стороны, предельная изоляция способствует сохранению традиций охоты, рыболовства, сбора дикоросов, изготовления изделий из бисера, строительства личных домов — того уклада, который существовал здесь веками. Здесь сохранены ремесло, культура работы по дереву, которая в других селах утрачена. Местный предприниматель делает деревянные лодки и продает их охотникам Хулимсунта. И это сильная сторона местного сообщества.

По некоторым видам промысловой продукции здесь возможно организовать сбыт по каналам потребительской кооперации и «Зверпромхоза». Для этого приемные пункты в селе должны превратиться в сервисные: не только прием самой продукции, но и консультации охотников, сертификация их продукции, другие процедуры, всемерно упрощающие для них занятия традиционной деятельностью и получение денежного дохода от реализации ее продукции.

Национальное село *Сосьва* Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры было образовано в начале 1930-х гг. из беднейших хозяйств. Сначала оно входило в состав Сартыньинского национального совета, потом само стало центром Сосьвинского совета. Сосьвинская культбаза была создана в 1933 г., в ее состав входили школа-интернат, участковая больница, красный чум, дом народов Севера, зоовстеринарный пункт, баня с прачечной, столярно-слесарная мастерская, магазин, электростанция. Она существовала до 1960 г. Врачи, учителя, агрономы, зоотехники, работники кирпичного производства сформировали костяк ее кадров. Память и влияние культбазы ощутимы до сих пор. Исключительно эффективно работает здесь Сосьвинский рыбкооп, который наследует лучшие традиции Сосьвинской культбазы.

Характерные черты местного сообщества включают общинность, способность к коллективным действиям (спонтанную социализированность), дефицит предприимчивости. Здесь максимальное в районе количество родовых общин. С другой стороны, здесь почти нет малых предприятий, которые базируются на энергии отдельного сильного домохозяйства.

Укрепление местной экономики здесь может идти через работу с лидерами родовых общин, программы их обучения и переобучения, нацеленные помочь расширить спектр видов деятельности и тем самым обеспечить бóльшую экономическую устойчивость. Традиционное жизнеобеспечение для местного сообщества — это значимый вид деятельности, который нуждается в поддержке в виде создания комплексных сервисных пунктов по приемке дикоросов, рыбной продукции, мяса диких животных.

Приоритетные направления экономического развития Сосьвы предусматривают также формирование на базе средней школы села кустового центра образовательной деятельности — единого образовательного комплекса, который включит малокомплектные школы соседних национальных сел Ломбовож, Кимкъясуй и средней школы Сосьвы.

Развитие компетенций малых сообществ национальных сел. Село *Хурумпауль* находится между Саранпаулем и Сосьвой. Основная деятельность — традиционные промыслы. У жителей села сохранен навык обработки бересты, на основе которого здесь может быть создан центр обучения этому мастерству. На базе этой компетенции в результате ее постепенного расширения может возникнуть новое направление местного развития — изготовление поделок из дерева — от мелких изделий-сувениров до оформления детских площадок и композиций для скверов и парков поселков Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Сообщество села *Усть-Манья* Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры живет натуральным хозяйством — рыбалкой, охотой, личным подсобным хозяйством, и вынуждено рассчитывать на пенсии, поддержку за счет пособий по безработице как единственных источников денежного дохода. Перспективы развития села связаны с развитием новых компетенций в результате разработки месторождений бентонитовых глин вблизи него в рамках реализации мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный».

Село *Половинка* Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры расположено недалеко от города Урая. Развитие Половинки должно выстраиваться на создании новых организаций, выходящих за рамки традиционной лесозаготовительной деятельности: например, создание передвижного заготовительного пункта для сбора дикоросов у населения; создание музейно-этнографического и туристического комплекса на базе Учинского музея и становление Учинского музея как центра опорной сети этнографических музеев Югры.

Глава 4

Поведенческие и ментальные проблемы муниципальной периферии как барьеры для экономики знания

Перечень проблем северных периферийных территорий традиционно включает высокие транспортные издержки, узкий круг рентабельных рыночных производств, изношенные основные производственные фонды и др. Для индустриальной эры, в которой основная добавленная стоимость создавалась здесь за счет природных и материальных активов, такой подход абсолютно уместен. Но как только возникает реальность смены фундаментальных основ организации общественной жизни, перехода от «материальной» экономики к экономике, основанной на знаниях и инновациях, такой подход перестает работать. Потому что в новой экономике работают *другие закономерности* развития и размещения производительных сил, другие стимулы и другие барьеры.

Барьеры, связанные с действием «неосязаемых» факторов экономического поведения, мышления, становятся важнее, чем «физические» барьеры транспортных расстояний, изношенных фондов. Но даже и в действии физических барьеров отчетливо вычленяется поведенческая, ментальная составляющая, которая теперь признаётся самой критичной для успеха нового экономического развития северной периферии.

Поэтому акцент в данной главе сделан на типичных факторах экономического поведения и мышления периферийных сообществ, которые в условиях перехода к новой экономике знания возвышаются в своем значении, а ранее, в индустриальную эру, не имели приоритетного значения и потому обычно недооценивались. При всем различии этих сюжетов их объединяет одна особенность. Описанные факторы реально тормозят информационные обмены между центрами и периферией, консервируют интеллектуальную отсталость и изолированность периферии. Именно с их раскупорки, с их преодоления и целесообразно начинать возрождение северной муниципальной периферии — в тот период времени, когда здесь постепенно формируются черты новой постиндустриальной экономики.

4.1. Поиск ренты как фактор, дестимулирующий инновации

Новая экономика, основанная на знаниях, прорастает только в определенной среде. Ее сущностными чертами являются доверие (кооперативность) агентов экономики друг к другу и долгосрочный, стабильный характер важнейших институтов прав собственности, условий контрактации, регламентов хозяйственной деятельности. Только тогда в экономическом поведении хозяйствующих субъектов возникают стимулы к инновационной, творческой деятельности.

Абсолютной противоположностью такому поведению выступает поиск ренты (легкой, незаработанной прибыли). Это тот самый полярный, экстремальный случай, изучение которого полезно для выяснения необходимых условий инновационной деятельности.

Поиск ренты означает предельно краткосрочное экономическое поведение по неформальным нормам и правилам и неспособность к созидательной деятельности. Это понятие было впервые введено Энн Крюгер в ее новаторской работе 1974 г.[69], впоследствии получило развитие в книгах и статьях Дж. Бьюкенена[70], для реалий регионов России 1990-х гг. — в статьях А. Ослунда, Н. Смородинской и др.[71]

Рассмотрим феномен поиска ренты агентами экономики на примере периферийного муниципального образования — Южно-Курильского района Сахалинской области, в период 1992–2000 гг.[72] В России трудно найти другой муниципалитет, на новейшее развитие которого рентное поведение повлияло бы в такой значительной степени, как здесь.

На Южных Курилах для появления рентообусловленного поведения существует несколько благоприятных обстоятельств. Акватория островов Кунашир, Шикотан, Хабомаи богата ценными морскими ресурсами. Приграничный район расположен вблизи емкого японского рынка морепродукции, оптовые цены которого на крабов, креветок, морских ежей в несколько раз превосходят российские. Такой контраст создает непреодолимое искушение

---

[69] *Krueger Anne O.* The Political Economy of the Rent-Seeking Society // American Economic Review. 1974. N 64. P. 291–303.

[70] *Buchanan James et al.* (eds.) Toward a Theory of the Rent-Seeking Society. College Station: Texas A&M University Press. 1980.

[71] *Ослунд А.* Рентоориентированное поведение в российской переходной экономике // Вопросы экономики. 1996. № 8. С. 99–108; *Smorodinskaya N.* Rent-seeking in the Regions: the Politics of Economic Privilege in Kaliningrad // Segbers, Klaus (ed.). Explaining Post-Soviet Patchworks. Vol. 3: the Political Economy of Regions. Regimes and Republics. Ashgate, England, 2001; *Пилясов А. Н.* Политические и экономические факторы развития российских регионов // Вопросы экономики. 2003. № 5. С. 67–82.

[72] Более подробный анализ приведен в статье: *Пилясов А. Н.* Поиск ренты в рыбном промысле приграничной территории (на примере Южно-Курильского района Сахалинской области) // Проблемы приграничных регионов России. М.: ИГРАН, 2004. С. 162–172.

для нелегальной деятельности. Помимо ценовых разрывов, существуют и ценностные разрывы, когда имеющийся в российском регионе ресурс в силу национальных особенностей или различий в стадиях экономического развития получает справедливую цену только в соседней стране. Например, в России нет навыков приготовления пищи из морского окуня, в то время как в Японии он является безусловным деликатесом. Получить ренту от его добычи российский рыбак может только на японском рынке. Ввиду низких производственных и транспортных затрат нелегальный вылов валютоемкой морепродукции для реализации на японском рынке обеспечивает российским участникам получение сверхдохода, не сопоставимого ни с каким другим видом местного промысла.

Территория удалена от федеральной и областной столиц. По причинам частых морских туманов, постоянных осадков в летний и зимний периоды контроль за морским промыслом затруднен. Государственный регламент рыбохозяйственной деятельности длительное время оставался нечетким и содержал многочисленные пробелы[73].

Поиск ренты на Южных Курилах связан с нелегальным или по официальным научным квотам сезонным промыслом узкого перечня ограниченных по запасам самых ценных видов — крабов, морских ежей, травяных креветок. Промысел ведется в приграничной с Японией акватории мобильными, постоянно передислоцирующимися, малыми группами или индивидуальными усилиями на небольших судах. Добытая свежая продукция транспортируется в порт Немуро губернаторства Хоккайдо для поставки на японский оптовый рынок.

По разным оценкам, объем теневого экспорта наиболее валютоемких видов продукции из акватории Курильских островов (прежде всего Южных Курил) в 1990-е гг. составлял ежегодно сотни миллионов долларов. Итоги официально зарегистрированных проверок за 1999 и 2000 гг. российскими контролирующими органами свидетельствовали, что каждое четвертое судно, ведущее промысел в Южно-Курильском промысловом районе, нарушало установленный порядок вылова и вывоза морепродуктов за рубеж (превышение квот, сокрытие улова, уклонение от осмотров, непрохождение контрольных точек и др.).

Малый размер, монопрофильный характер прежде абсолютно закрытой и огосударствленной местной экономики, наличие некапиталоемкого для извлечения высоко ценного ресурса и близкого рынка для его реализации, привели в период радикальных экономических преобразований к тому, что рентоис-

[73] Для продукции, выловленной за пределами 12-мильной зоны, по правилам промысла (по состоянию на вторую половину 1990-х гг.) уже не требуется таможенного оформления (регистрации контракта, проверки его достоверности), необходим только пограничный контроль. Некоторые виды нелегального промысла, например, морской еж, трудно доказуемы при проверках, и могут добываться, например, под видом морской капусты или кукумарии.

кательство очень быстро стало системообразующим явлением, воздействующим на все аспекты политико-экономического устройства. *Влияние свойств природных активов на тип экономического поведения локальной общности людей* в этом случае оказалось очень сильным и непосредственным. В поиск ренты вовлекались представители всех основных групп местного населения.

Простота экономики, малолюдность Южно-Курильского района позволили четко диагностировать экономические и социальные последствия поиска ренты: развалившиеся производственные сооружения крупных советских рыбодобывающих предприятий, запустение инфраструктурных объектов, скудость рыбного ассортимента продовольственных магазинов и столовых (парадоксально для района, уникально богатого морскими биоресурсами).

На Курильских островах расположены три административных района Сахалинской области. Поэтому естественно сравнивать развитие экономики Южных Курил с социально-экономической динамикой соседнего Курильского и Северо-Курильского районов.

Фактор радикальной смены национальной модели экономического развития — с плановой, административно-командной, на рыночную, воздействовал на все курильские районы Сахалинской области. Но массовый *срыв популяции людей в рентоискательство* произошел только на Южных Курилах. Использование метода аналогий позволяет понять, как распространение поведения, нацеленного на поиск ренты в рыбном промысле, привело к усугублению и продлению социально-экономического кризиса на Южных Курилах — в тот период, когда соседние районы уже начали его преодолевать.

Значительная, на тысячу километров, меридиональная протяженность Курильских островов определяет различия структуры морских биологических ресурсов Северо-Курильской и Южно-Курильской промысловой зоны, что в итоге способствовало формированию двух абсолютно разных моделей местного политико-экономического устройства.

Северо-Курильский административный район (одноименная промысловая зона, острова Парамушир, Шумшу, Симушир) ввиду специфики своих природных активов специализируется на выпуске массовой и относительно дешевой рыбопродукции. На старте десятилетия, в 1990 г., он занимал первое место по уловам рыбы и выпуску товарной пищевой рыбопродукции на островах, значительно опережая два других района. Основной экспортный доход здесь приносил промысел трески, камбалы, минтая.

Больши́е по запасам, средние по рентабельности морские биологические ресурсы донных рыб наиболее эффективно способны добывать крупные и среднетоннажные суда; перерабатывать — крупные береговые и судовые обрабатывающие комплексы. Они актуализируют эффект экономии на размере, необходимый для нейтрализации северных удорожающих факторов: прибыль от каждой единицы продукции невелика, нарастить ее можно только при значительном объеме производства и уменьшающихся с ростом объемов удель-

ных издержках. Поэтому в 1990-е гг. здесь удалось сохранить крупное градообразующее добычное предприятие советского времени, тесно интегрированное с береговой портовой и перерабатывающей инфраструктурой.

Южно-Курильский административный район (одноименная промысловая зона, острова Кунашир, Шикотан) традиционно специализировался на промысле морских биологических ресурсов широкого спектра, незначительных по объемам (но наиболее рентабельных). На юге Курил еще в японское время мелкотоварное производство в рыбном промысле было более развито, чем на севере.

К этой специализации в 1960–1980-х гг. добавился промысел и переработка сайры. Шикотанский рыбокомбинат «Островной» считался монополистом по выпуску сайровых консервов в СССР; в конце советского периода здесь была достигнута круглогодичная загрузка оборудования и работников; помимо сайры, выпускались консервы из кукумарии, морской капусты, кальмаров, горбуши. Здесь был единственный порт, способный принять малотоннажные суда (на соседнем острове Кунашир осуществлялась рейдовая разгрузка).

В 1990 г., до начала российских реформ и затяжного экономического кризиса, район был лидером среди курильских районов по инвестициям в основной капитал, производству электроэнергии, численности населения.

По причине отсутствия удобных бухт базирования, причалов и пирсов, дорогостоящей плашкоутной перегрузки, большинство ресурсов акватории в советское время добывалось и перерабатывалось на отечественных и иностранных судах и плавбазах. Фактор несостыкованности промысловых предприятий и (по сути отсутствующей) береговой инфраструктуры был решающим для разрушительных быстрых приватизационных преобразований местных субъектов рыбохозяйственной деятельности в 1990-е годы.

Лишь единицы советских предприятий сохранились в жизнеспособном виде. Большинство из них утратило весь или часть своего флота, отданного за долги или за символическую цену и к 2000 г. представляли собой набор малопривлекательных материальных активов.

Распад десятков средних советских предприятий, которые добывали сайру, треску, лососевые, сопровождался рождением сотен легальных и нелегальных малых фирм, основой деятельности которых стал промысел быстро окупаемых валютоемких, но ограниченных по запасам видов — морского ежа, креветки, волосатого и колючего крабов. Владельцы этих фирм были нацелены на присвоение сверхприбыли в результате реализации этих ресурсов на японском рынке.

Природные факторы в сочетании с органичной адаптированностью береговой инфраструктуры к особенностям местного флота в *Северо-Курильском районе* обеспечили консервативную устойчивость местной хозяйственной структуры, стабильность политико-экономического устройства, не допускающего срыва в хаотичный поиск ренты.

С другой стороны, диверсифицированная видовая структура морских биоресурсов, отсутствие интеграции судов и береговой инфраструктуры, стали факторами, спровоцирующими разрастание поиска ренты до масштабов эпидемии в *Южно-Курильском районе*. Из разнообразной структуры морских ресурсов возвысились по значению только несколько наиболее привлекательных видов, сбыт которых на японском рынке обеспечивал получение сверхприбыли. Добыча всех остальных (в том числе и сайры) была заброшена одновременно с гибелью базирующихся на их использовании прежних советских предприятий.

Нелегальный поиск ренты сотнями участников рыбопромысловой деятельности оказал сильное давление на политико-экономическое устройство района. Основные требования к власти со стороны краткосрочно ориентированных фирм-рентоискателей состояли в поддержании нормативной и правовой неопределенности, оптимальной для теневой деятельности.

В течение 1990-х гг. многократно менялось руководство Южно-Курильского района. В период с 1996 по 2000 гг. не было принято ни одного нормативного документа, в том числе и базового для района — Устава территории. Руководство районом осуществлялось в режиме импровизаций. Размытость запретов и ограничительных рамок стимулировали разрастание теневой экономики.

Возникал порочный круг: теневая экономика оказывала воздействие на местную политическую систему, превращая власть в декорацию, так как не испытывала потребности в установлении строгих правил игры; с другой стороны, и сама власть аморфностью своих сигналов стимулировала теневой сектор к росту.

В Южно-Курильском районе, который имел наилучшие стартовые позиции и самое благоприятное экономико-географическое положение, максимально выгодный широкий спектр промысловых видов, экономическое развитие в 1990-е гг. было крайне медленным, не сопоставимым по темпам с соседями. Доля рыбной промышленности в совокупных налоговых поступлениях района в 2000 г. составила скромную треть, в двух других районах она формировала более 2/3 налоговой базы. Доля налога на прибыль составила в доходах бюджета всего 9,2 % (в других районах 30 %). Поступление налогов с тонны улова и переработки рыбопродукции составило 335 руб. в 2000 г., в Северо-Курильском районе — 1207, в Курильском — 2500 руб.

Северо-Курильский и Курильский районы вышли из экономического кризиса в 1999 г. и 1997 г. соответственно. Их бюджеты перестали быть дотационными. Промышленность Южно-Курильского муниципального образования в 2000 г. почти в два раза уступала объему производства 1990 г., а бюджет Южно-Курильского района был дотационным на 25–30 %. Лидер советского времени, ранее самый развитый район, стал самым проблемным среди трех курильских муниципальных образований (табл. 5).

Таблица 5

Динамика развития трех курильских муниципальных образований*

	1990	1995	1999	2000
1. Численность наличного населения, тыс. чел.				
Северо-Курильский район	5,2	4,0	3,8	3,7
Курильский район	11,0	8,4	8,0	7,9
Южно-Курильский район	13,6	5,7	6,3	6,2
2. Численность пенсионеров, на 1000 чел. населения				
Северо-Курильский район	80	103	136	
Курильский район	39	75	103	
Южно-Курильский район	76	160	213	224
3. Улов рыбы и добыча морепродуктов, т				
Северо-Курильский район	38 320 (1)**	20 576(1)	39 053 (1)	39 700(2)
Курильский район	12 923 (3)	15 208(2)	10 771 (2)	40 400(1)
Южно-Курильский район	18 994 (2)	4565 (3)	5372 (3)	18 700(3)
4. Товарная пищевая рыбопродукция (без консервов), т				
Северо-Курильский район	36 080	9237	10 785	28 400
Курильский район	3803	18 368	5838	27 800
Южно-Курильский район	329	188	3414	15 700
В т. ч. консервы рыбные, тыс. условных банок	64 699	11 469	2388	2486

* Таблица составлена на основе данных сборников: Динамика развития Курильского района в 1990–1999 гг. Статистический бюллетень. Южно-Сахалинск. 1999; Динамика развития Северо-Курильского района в 1990–1999 гг. Статистический бюллетень. Южно-Сахалинск. 1999; Динамика развития Южно-Курильского района в 1990–1999 гг. Статистический бюллетень. Южно-Сахалинск. 1999.

При сопоставлении индикаторов социально-экономического развития трех районов Курильских островов нужно учитывать, что статистика по Южно-Курильскому району *исторически* всегда наименее точна — в 1990-е гг. в связи со значительной ролью теневой экономики, но и в японское время, например, статистика уловов не давала здесь полного представления о размерах вылова отдельных пород — в связи с тем, что экспедиционная добыча рыбы учитывалась не по местам лова, а в Хоккайдо — в местах доставки сырца в обработку или на рынках сбыта.

** Место среди трех Курильских муниципальных образований.

Окончание таблицы 5

	1990	1995	1999	2000
Объем экспортных поставок рыбы и морепродуктов, тыс. долл.				
Северо-Курильский район		9474,6	1173,4	7814,2
Курильский район		1257,1	12 901,8	25 200
Южно-Курильский район		1854,5	2863,4	2759,4
В весовой структуре доминируют, %				
Северо-Курильский район			треска 40,5 минтай 32,5 кета 8,4 морской гребешок 6,1	
Курильский район			лососевые 68,4 крабы 13,2	
Южно-Курильский район			треска 19,9 еж морской 8,1***	
Средняя фактическая цена одного кг экспортных поставок рыбы и морепродукции, долл.				
Северо-Курильский район		5,9	1,3	1,3
Курильский район		2,1	1,9	2,0
Южно-Курильский район		6,4	1,8	2,0
Производство электроэнергии, млн кВтч				
Северо-Курильский район	15,1	13,7	11,6	13,1
Курильский район	11,9	15,7	20,2	23,8
Южно-Курильский район	44,4	38,4	20,9	34,5
Стоимость основных производственных фондов				
Северо-Курильский район		2	3	
Курильский район		1	1	
Южно-Курильский район		3	2	
Инвестиции в основной капитал за счет всех источников, тыс. руб.				
Северо-Курильский район	2****	3	3	
Курильский район	3	2	1	
Южно-Курильский район	1	1	2	

*** Нерасшифрованные прочие виды составляют более 40 %.

**** Место среди трех Курильских муниципальных образований.

Сравнение с соседними районами-аналогами, не зараженными массовым поиском ренты, позволяет обнаружить негативные последствия этого явления: предельное сужение и усиление сезонности видов экономической деятельности, отказ от тех, производственный цикл которых включает не один сезон, а несколько лет; резкое ухудшение динамики основных социально-экономических показателей (легальной занятости, объемов промышленного производства, доли профильной отрасли в совокупных налоговых доходах); кризис политической системы, который проявился в частых сменах местной власти, отсутствии основополагающих нормативных правовых актов по ключевым вопросам экономического развития, острых конфликтах уровней, ветвей власти, власти и местного бизнес-сообщества; фрагментация местного сообщества, которое выразилось в отсутствии единого лидера, остром недоверии между его группами.

Вовлечение каждого члена местного сообщества в высокоприбыльную деятельность происходит массово, но обособленно по причине ее нелегальности. Однако предотвратить распространение информации о конкретных участниках теневой деятельности в малой экономике, внутри малолюдного сообщества, невозможно. Компактность поселений в сочетании с нелегальностью деятельности, профильной для местной экономики, порождает сильную фрагментацию местной общности людей, внутреннее недоверие и социально-психологическую напряженность.

Отсутствие доверия и затяжные конфликты внутри малого сообщества закрывают возможность для его членов обучаться друг у друга, воспринимать и транслировать дальше новое знание. Коллективная творческая деятельность при таких условиях невозможна.

Привлекательность сверхприбыльной нелегальной промысловой деятельности подрывает запасы наиболее ценных видов и отвлекает хозяйствующих субъектов от долгосрочной и созидательной работы по капиталоемкой модернизации флота и орудий лова. Временной горизонт принятия решений у большинства участников промысловой деятельности сокращается до одного сезона. В таких условиях инновационная деятельность невозможна, хозяйствующие субъекты постепенно утрачивают даже прежние профессиональные навыки, например, специфичного ночного прожекторного промысла сайры.

Аналогичные примеры нелегального поиска ренты на некапиталоемких для извлечения высокоценных лесных и рыбных ресурсах общественной собственности были характерны в 1990-е гг. для многих приграничных районов северной периферии России. И во всех этих случаях рентоискательство хозяйствующих субъектов привело к утрате ими стимулов к повышению квалификации, переобучению, модернизации материальных активов и надолго затормозило проникновение технологических, институциональных, организационных инноваций в эти периферийные районы.

Качество и конкретное состояние природных активов воздействует на тип экономического поведения местного сообщества, а он либо тормозит, либо способствует обновлению фондов, внедрению нового знания, технологических инноваций. Ограниченные высокоценные легкоизвлекаемые ресурсы при слабых институтах создают конфликтную атмосферу в местном сообществе, разрушительную для экономики знания.

4.2. Ограничения качества местных человеческих ресурсов

Есть ресурсы — нет воли: случай национального села Ванзетур

Национальное село Ванзетур Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры имеет богатую новейшую историю. Приобский (Ванзетурский) сельский совет был образован в 1931 г.

С одной стороны, сообщество национального села Ванзетур имеет благоприятные объективные предпосылки для своего развития. Село расположено на полпути между крупнейшими рынками района — поселками Березово и Игрим (до которых пока нет круглогодичной дорожной сети). Здесь сохранились лучшие сенокосы в районе, есть площади для выращивания картофеля и развития мясомолочного животноводства. В лучшие годы здесь было до 4000 голов скота. Завершение строительства ЛЭП из Игрима приведет к значительному удешевлению электроэнергии и увеличению рентабельности местного малого лесопиления на пилорамах (существовало в советское время, сегодня доска и другие стройматериалы завозятся).

С другой стороны, внутри местного сообщества нет воли к позитивным переменам, взять ответственность за свою жизнь. Ванзетур сегодня — поселок доминирующей женской бюджетной занятости. Заработок многих мужчин непостоянный, что провоцирует социальные проблемы алкоголизма, несчастных случаев, отравлений и травм. Проблемы алкоголизма местного сообщества настолько серьезны, что предельно затрудняют работодателям привлечение местных жителей на работу.

Здесь очень мало индивидуального жилья: в период массового строительства 50 лет назад нашлось немного энергичных людей, которые, взяв льготный кредит, построили себе дом. В других селах таких людей было больше. Из девяти выпускников школы треть сразу регистрируется в центре занятости как безработные.

Сложился уклад, базирующийся на традиционных промыслах, личном подсобном хозяйстве как средстве продовольственного самообеспечения, пособии по безработице или на пенсии как источниках денежного дохода. Предприятий малого бизнеса фактически нет, а количество бюджетных мест огра-

ничено. Вывести сообщество из замкнутого круга могли бы новые энергичные люди извне, например, учителя Башкортостана, Омска, которые готовы и хотят сюда приехать. Но для них здесь нет служебного жилья, а личное строить не принято. В результате порочный круг не размыкается. В сообществах, где есть традиции личного жилого строительства, условия для притока новых мигрантов лучше и способность сообщества самостоятельно решать свои проблемы выше.

В местной школе на уроках труда обучают деревообработке и домоводству, вождению и ремонту тракторов. Навыкам работы и ремонта маломоторной техники (Бураны, снегоходы других марок, малые вездеходы) не обучают, хотя потребность и огромный интерес ребят к этой технике есть.

Местному сообществу остро нужны программы переобучения, малые проекты преобразования местной жизни, программы борьбы с алкоголизмом, которые способны вывести из состояния апатии, в котором оно сейчас пребывает, вернуть ему веру в свои силы. Это сегодня больший барьер, чем транспортная недоступность. Возрождение сельского хозяйства здесь возможно при условии глубокой переработки продукции прямо на месте, чтобы возить не молоко и мясо, а молочные продукты, сыры и колбасы. Для этого здесь нужны компактные перерабатывающие технологии, но самое главное — обученные кадры с предпринимательской жилкой.

Огромную роль для успеха трансформации экономики и социальной сферы муниципальной периферии играет энергия и образованность местного сообщества. В этом перечне энергия важнее, потому что энергичное сообщество одновременно и обучаемое. С другой стороны, наличие профессионального образования есть только предпосылка, которая без достаточной энергии социума не сможет материализоваться в позитивную работу по преобразованию местной экономики в инновационную.

По интегральным показателям качества человеческих ресурсов, например, индексу развития человеческого потенциала, периферийные регионы почти всегда проигрывают центральным[74]. Нас интересует оценка качества человеческих ресурсов муниципальной периферии по уровню совокупной энергии. Самый общий подход к оценке энергии местного сообщества — по объему выполненной работы. Ввиду того, что тип работы местного сообщества не сопоставим между муниципалитетами и не может быть выражен в распространенных экономических показателях валового муниципального продукта, конечной товарной продукции, лучше использовать поведенческие индикаторы, характеризующие с разных аспектов *трудовое поведение* местной общности людей.

---

[74] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2006/2007. Регионы России: цели, проблемы, достижения. Программа развития ООН. 2007. С. 128–135.

Первый блок включает социально-медицинские показатели, которые диагностируют коллективное здоровье/нездоровье местной популяции людей[75]. Ведь инертность населения в трудовом, карьерном поведении является следствием отсутствия физических сил, физического или психического нездоровья в результате различных приобретенных или врожденных хронических заболеваний. Холодовые стрессы природной среды, архаичность защитной (санитарно-гигиенической и другой) инфраструктуры, предохраняющей население муниципальной периферии от распространения инфекционных заболеваний, неадекватное питание, нередко приводят здесь к ухудшению здоровья популяции людей.

Показатель *среднегодовой продолжительности временной нетрудоспособности* (в днях) можно считать яркой, хотя и косвенной, характеристикой местного образа жизни, имеющихся резервов с точки зрения увеличения годовой работы местного сообщества. Он непосредственно связан с уровнем совокупной энергии социума: ведь чем меньше дней нетрудоспособности, тем больше сделанная за год совокупная работа местного сообщества — больше и совокупная энергия всех муниципальных человеческих ресурсов.

В муниципальной периферии потери рабочих дней по болезням обычно больше, чем в муниципальных центрах. Огромный ежегодный ущерб местной экономике наносят вре́менная утрата трудоспособности по чрезвычайно распространенным социальным болезням (алкоголизм, туберкулез и др.). Например, в периферийном Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры средняя продолжительность случаев вре́менной нетрудоспособности была дольше в 2005–2007 гг., чем в само́м округе, и по мужчинам, и по женщинам. Особенно велика была разница по мужчинам (два дня), что является косвенным показателем неправильного образа жизни, который подтачивает общую энергию мужской популяции района. У женщин района количество случаев вре́менной нетрудоспособности за год было больше, чем у мужчин, однако средняя продолжительность болезни короче на один–три дня. Районные резервы для повышения уровня совокупной энергии здесь меньше, чем по мужчинам.

Другой показатель трудовых потерь — *уровень смертности мужчин в трудоспособном возрасте.* Он традиционно высок в целом по стране и особенно в ее северных районах. Сверхсмертность мужчин в трудоспособном возрасте в северной периферии связана с утоплением, замерзанием, отравлением, другими несчастными случаями, суицидами, спровоцированными употреблением алкоголя.

---

[75] Новаторские усилия по обнаружению связи между здоровьем человеческих популяций и уровнем их экономического развития предпринимают в последние годы ученые разных стран, в том числе: *Прохоров Б. Б.* Цивилизации на территории современной России и экология человека // География и природные ресурсы. 2007. № 3. С. 74–83.

Рис. 5. Ранг Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры по потреблению алкоголя на душу населения

Социальные болезни в большей степени, чем обычные, например, простудные заболевания, болезни внутренних органов, фиксируют именно дефекты образа жизни и потому могут использоваться в расчете совокупной энергии местной популяции как индикаторы апатичности, отсутствия воли и энергии — например, различные показатели, отражающие алкогольное поведение и заболеваемость социальными болезнями.

По уровню потребления алкогольных напитков на душу населения периферийный Березовский район занимает второе место среди всех районов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (рис. 5). Алкоголизм нередко принимает здесь глубоко укорененные формы как ранний (детей, подростков) и унаследованный. На медицинском учете в районе состоят сотни хронических больных. Каждое второе тяжкое и особо тяжкое преступления совершается преступниками в состоянии опьянения. *Показатели заболеваемости туберкулезом* все последние годы здесь также значительно превышают среднеокружной показатель.

В блоке социально-медицинских (проблемных) показателей для характеристики трудового поведения, ежегодных потерь в работе муниципальной общности людей могут быть использованы и другие индикаторы специфичных местных патологий.

Второй блок показателей совокупной энергии местного сообщества характеризует *предпринимательскую активность*. Для муниципальной периферии путь к экономике знания лежит через развитие местного предпринимательства, через творчество в создании и развитии своего дела.

С одной стороны, развитие малого и среднего бизнеса в муниципальной периферии отражает множество средовых, внешних ограничений, связанных с малым размером рынка, барьерами расстояний, недостаточной государственной и муниципальной поддержкой и т. д. Это объективные препятствия со стороны спроса.

С другой стороны, в муниципальной периферии Севера обычно очень мало́ «предложение» — явный дефицит людей предприимчивых, бизнес-активных, способных рисковать, находить новые ниши на рынке. Поэтому развитость малого бизнеса в такой же, а может быть, и в большей степени, чем характеристика внешней среды, может служить и показателем уровня совокупной предпринимательской энергии местного сообщества.

Например, в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры о недостаточном уровне предпринимательской энергии местного сообщества свидетельствует неразвитость остро востребованных бытовых услуг, работа во многих поселках предпринимателей соседних районов: в селах Няксимволь, Приполярный и Хулимсунт — это предприниматели Советского района; в поселках Березово, Саранпауль, Светлый — омские, тюменские, екатеринбургские предприниматели привозят на зимние ярмарки швейные, ковровые изделия, мебель, обувь, трикотаж.

Если мы сменим ракурс анализа с районного на отдельные поселения, то можно увидеть, насколько контрастна ситуация с уровнем предпринимательской энергии по местным сообществам. Например, в Березовском районе Югры на одном полюсе сильного атомарного домохозяйства, сильной культуры предпринимательства находится село Саранпауль. И это вполне объяснимо. Исторически здесь было развито малостадное таежное транспортное оленеводство, охотничий промысел, опорой которых было сильное домохозяйство, но не бригада, не производственный коллектив. В результате сегодня здесь мощнее, чем где-либо в национальных селах района, развит семейный малый бизнес, однако способность к коллективным действиям, к соорганизации местного сообщества ниже, чем во многих других сельских сообществах. Неудивительно, что здесь почти нет родовых общин, предполагающих высокий уровень спонтанной социализированности, кооперативности местного сообщества.

На другом полюсе находится Сосьва — национальное село, которое было создано 75 лет назад в результате сселения беднейших домохозяйств. Если в Саранпауле доминирует культура сильного домохозяйства, то здесь культура общинности, кооперативности. В Сосьве очень много родовых общин, успешно действует Сосьвинский рыбкооп, пайщиками которого являются все жители. Любопытно отметить, что в Саранпауле попытки создать Саранпаульское северное потребительское общество, которое осуществляло бы завоз и продажу продуктов и промышленных товаров, оказались неудачными, и в итоге здесь открыли филиал Сосьвинского рыбкоопа. Значит, есть сущностные различия в чертах обоих местных сообществ, которые в одном случае открывают воз-

можности формирования широких сетевых организаций в виде родовых общин и потребительских кооперативов, в другом случае, наоборот, им препятствуют. Можно назвать это коллективизм против индивидуализма, общинность против отдельного домохозяйства.

В первом случае плюсами сообщества, структурированного на сильное домохозяйство, выступает развитость малого бизнеса, высокий уровень предприимчивости саранпаульцев; а издержками — неспособность формировать большие, широкие коллективные, сетевые организации на неродственной основе, на атмосфере доверия внутри сообщества. И неудивительно, что здесь брошенных детей почти никогда не принимают в чужую (не родственников) приемную семью.

Во втором случае плюсами сообщества является легкая способность к коллективным действиям (например, укрепление берега, который постепенно «съедается» оврагами), к формированию сетевых предприятий — родовых общин и местного рыбкоопа; издержками — дотационная, патерналистская ментальность местных жителей Сосьвы.

Третий блок показателей энергии местного сообщества связан с *экономическим поведением людей на местном рынке труда.* Оно может значительно различаться даже между соседними районами одного региона. Например, в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры разница между реальной и официально регистрируемой безработицей минимальна: люди предпочитают иметь статус безработного, получать пособие по безработице и, например, вести традиционную деятельность или заниматься личным подсобным хозяйством. С другой стороны, в Березовском районе разница между реальной и регистрируемой безработицей существенна: далеко не все безработные проходят официальную регистрацию. В какой-то степени это может быть свидетельством апатичности и безразличия к собственной жизни.

Безработные Березовского района мало мотивированы на преодоление своей ситуации через обучение и переобучение. Очень часто они отказываются от возможности участвовать в курсах переподготовки по причинам отсутствия средств на проезд к месту учебы, боязни выезжать в большие города, невозможности трудоустроиться в своем селе даже после переобучения (а менять традиционное место жительства не готовы). Часто хронический алкоголизм является важнейшей причиной безработицы, особенно среди народов Севера. Немобильность безработных, которая приводит к застойной, длительной безработице, прежде всего в национальных селах, — это индикатор недостатка энергии в периферийном сообществе.

Радикальные изменения структуры занятости муниципальной периферии в последние два десятилетия связаны со значительным количественным увеличением роли и диверсификацией местного сектора услуг. Но это означает изменение характера совокупной работы местного сообщества — от доминирующей физической работы индустриального типа постепенно к работе, ко-

торая в большей степени опирается на интеллектуальные, творческие, усилия, ментальную, а не физическую энергию, не столько на природные, как на информационные ресурсы, ресурсы нового знания. (Индустриальная работа теперь частично выполняется вахтовыми иностранными работниками, готовыми к тяжелому и сверхурочному труду за меньшую плату, чем местные жители.) Поэтому показатели, которые демонстрируют степень, широту вовлечения местного сообщества в процессы обучения и переобучения, могут служить индикаторами новой важнейшей работы постиндустриального времени, и энергии, готовности местного сообщества ее осуществлять.

Значение процессов обучения и переобучения для местных сообществ северной периферии существенно увеличивается: они теперь не только передают новое знание современным или будущим работникам, расширяют узкий фундамент их компетенций как результат прошлой монопрофильной специализации экономики, но и одновременно воспитывают лидеров, придают представителям местного сообщества уверенность в собственных силах и волю к позитивным переменам в жизни.

Между тем местная система образования северной периферии, на которую придется значительная нагрузка в прогнозный период, как правило, недостаточно готова решать задачи постиндустриальной трансформации ввиду неадекватности по человеческим ресурсам и материальным активам. Педагогические коллективы стареют и феминизируются. Кадры педагогов дефицитны, обеспеченность образовательных учреждений снижается на каждом уровне системы образования: например, в Эвенкийском муниципальном районе в 2005–2006 гг. дошкольные образовательные учреждения были обеспечены преподавателями на 98 %; начальные общеобразовательные школы на 82 %; основные общеобразовательные школы — на 75 %; средние общеобразовательные школы на 78 %.

Обеспеченность системы образования педагогическими кадрами дифференцирована по поселениям разного размера и хуже всего в отдаленных малых селах, в которых располагаются начальные и общеобразовательные школы. В крупных селах проблемы воспроизводства педагогических кадров решаются за счет прихода молодых учителей, в малых селах проблема воспроизводства становится просто критичной. Из-за большой отдаленности от центров, отсутствия приемлемых жилищных и коммунальных услуг, предельного однообразия и монотонности трудовой жизни, молодые педагоги не хотят работать в периферийной сельской школе.

Дефицит квалифицированных кадров во всей бюджетной сфере муниципальной периферии после 15 лет их массового оттока становится острее, чем дефицит материальных активов (зданий, сооружений, оборудования). Недостаток жилья блокирует возможности постепенного решения проблемы за счет привлечения новых специалистов. Федеральные и региональные социальные программы предусматривают строительство учреждений образования, здра-

воохранения, культуры вне увязки с обеспечением жильем работающих/привлекаемых молодых специалистов. Поэтому необходима разработка единой проектно-сметной документации (и единого финансирования строительства) и на объект социальной сферы, и на жилье для молодых специалистов, которые здесь будут работать.

4.3. Барьеры информационным обменам периферии и центров

Отношения муниципальной периферии и региональных центров повсеместно на Севере осложняются барьерами на путях информационных потоков от периферии к центрам и от центров к периферии. С одной стороны, региональные власти не вполне учитывают особенные проблемы развития своей периферии при выработке мер государственной политики. С другой стороны, на периферию слабо, медленно «проливается» новое знание центров — новые институты, структуры, технологии и др. Это явление получило в литературе название «цифрового разрыва»[76]. Чем выше централизация управления в регионе, тем сильнее информационная асимметрия между центрами и муниципальной периферией.

Малая дисперсная экономика муниципальной периферии предельно уязвима к внешним решениям, которые принимаются в федеральном и региональном центрах по вопросам природопользования, управления землями и ресурсами. Эти решения, когда они принимаются единолично, несут огромные риски устойчивости для муниципальной экономики. Для компактных, более заселенных, территорий эти проблемы не столь остры ввиду диверсифицированной структуры экономики, слабо зависимой от добычи биологических ресурсов.

Современные процедуры управления природопользованием (распределения квот, лицензий, участков) чрезмерно централизованы и бюрократизированы, в них присутствует сильный монополизм государственных регулирующих структур и тесно примыкающих к ним научных структур. Жители муниципальной периферии отчуждены от процедур принятия решений по вопросам распределения биологических ресурсов той территории, на которой они живут десятилетиями и веками. Нет слияния знания местных сообществ и знания ресурсных агентств при управлении природопользованием на пространствах муниципальной периферии. В результате оно негибко, неоперативно и недружественно к интересам проживающих здесь людей.

Одним из результатов незнания специфики муниципальной периферии является экспансия сюда региональных институтов (норм, правил, приорите-

[76] *Stimson Robert J.* The Digital Divide: A Review of Socioeconomic and Spatial Distributional Issues in ICTs // The Emerging Digital Economy. Entrepreneurship, Clusters, and Policy / Eds. B. Johansson, C. Karlsson, R. Stough. Springer. 2006. P. 293–329.

тов) — механическое копирование приоритетов региональных целевых программ, бюджетных расходов на муниципальном уровне. Когда бюджет муниципальной периферии определяющим образом зависит от трансфертов вышестоящего уровня, навязать региональные приоритеты расходов очень просто. Однако именно в муниципальной периферии для устойчивого развития особенно важно максимально учитывать специфические черты местной экономики и местного сообщества (малый размер, транспортную удаленность, недостаток энергии и квалификации человеческих ресурсов). Следствием механического воспроизводства региональных институтов на муниципальном уровне становится их малая эффективность, недолгосрочный характер или даже недоступность для жителей муниципальной периферии.

Например, программа Ханты-Мансийского автономного округа — Югры предусматривает снос ветхого жилья в виде одноэтажных бараков, которые сохранились во многих городах округа. Однако в Кондинском районе округа большое количество ветхих многоквартирных, двух- и трехэтажных домов, снос которых не предусмотрен в окружной программе и потому район не может войти в нее своими объектами. Другая окружная программа ипотечного кредитования сориентирована преимущественно на горожан и не акцентирует вопросы поддержки строительства личного жилья и его реконструкции, важные для сельской периферии. В окружной программе развития культуры меньше всего средств предусмотрено на развитие библиотек, хотя для сельской периферии именно это направление особенно значимо: местные библиотеки становятся здесь важнейшими информационными терминалами, обеспечивающими регулярное насыщение местного сообщества новым знанием центров.

В малых селах муниципальной периферии Севера получает развитие новый опыт создания сельских социокультурных комплексов «дом культуры — школа», образовательных комплексов «школа — детский сад» и других. Их эффективность очевидна, однако отсутствие нормативной правовой базы на федеральном уровне не дает возможность получить бюджетную экономию при финансировании их деятельности. Содержание социальных комплексов проходит по разным бюджетным строкам: детский сад по одной, малокомплектная школа, фельдшерско-акушерский пункт, спортивный комплекс или сельский клуб — все финансируются по разным статьям. Интегрированный, слитный характер объектов социальной сферы в малых селах конфликтует с ведомственной классификацией бюджетных расходов, рассчитанной на крупные города и поселки.

Не менее важной, чем доступность качественных социальных услуг для жителей муниципальной периферии, является *доступность институтов* (норм и правил экономического поведения). Многие современные институты центров не дружественны для сообществ муниципальной периферии Севера: непонятны и трудны для практического использования. Только этим можно объяснить многочисленные парадоксы, когда средства на агросубсидию на

поддержку личных подсобных хозяйств Ханты-Мансийский автономный округ выделил, а обращений селян за ней нет. Трудные для селян условия предоставления жилищной субсидии приводят к парадоксальной ситуации, когда эти ежегодно выделяемые окружные средства в периферийных районах не осваиваются. «Городская» программа строительства мини-пекарен окружного фонда поддержки предпринимательства не работает в муниципальной периферии, потому что у местных предпринимателей нет свободных денежных средств и возможности получить кредит фонда — ввиду отсутствия залога и платежеспособного поручителя.

Значительные проблемы для взаимодействия центров и периферии представляет несогласованность государственных и муниципальных информационных систем, например, при учете земельных участков.

4.4. Цифровой разрыв между центрами и муниципальной периферией

По мере укрепления позиций экономики знания негативное экономическое значение слабых перетоков нового знания от региональных центров в муниципальную периферию — как важнейших генераторов неравномерности социально-экономического развития между центрами и периферией — будет только возрастать.

Консервативность мышления экономических и политических лидеров муниципальной периферии (которая склонна к усилению при внутренних конфликтах власти, власти и бизнеса) и архаичность ее материальных активов — это единая проблема, типичная негативная черта ее современного развития. Архаичность в ментальности означает информационную замкнутость, закрытость многих периферийных местных сообществ от внешнего мира («ментальность островитян»), отсутствие вкуса к технологическим новшествам. В значительной степени эти факторы, а не только недостаток финансовых ресурсов являются тормозом к внедрению инноваций в муниципальной периферии.

Практически нигде в муниципальной периферии Севера нет возможности межсетевого роуминга, легкого перехода с одного оператора мобильной связи к другому. Местные жители пользуются услугами федеральных операторов, которые в каждом селе свои — в одном Мегафон, в другом Билайн. Однако возможности межсетевого роуминга для приехавшего в муниципальную периферию туриста или командированного отсутствуют: для него мобильной связи все равно что нет.

Даже в условиях проникновения мобильной связи воспроизводится прежняя информационная закрытость местных сообществ от внешнего мира. Повсеместно существуют огромные сложности с доступом к высокоскоростному Интернету, к междугородной и международной связи. Например, в ГУП

«Саранпаульский» Березовского района оленеводы выходят на связь, как в 1950-е гг., по рации типа «Карат» или «Агат», внедрение спутниковой связи не планируется.

Наиболее рельефно старая ментальность власти проявляется в ее отношении к местному малому бизнесу. В результате дробления крупных предприятий в муниципальной периферии Севера уже возникли десятки малых фирм, но ставка часто делается по-прежнему на создание новых крупных поселкообразующих предприятий на ресурсах, которые должны решить проблемы местной безработицы. Но на построенные заводы привлекаются работники-мигранты извне, проблема местной безработицы при этом не решается.

Будущее развитие муниципальной периферии рассматривается в прогнозных документах вне возможностей экономики знания и обучения, информационно-коммуникационных технологий (телемедицина, дистанционное образование, электронное муниципальное правительство и т. д.), развития малого бизнеса в «электронных» видах деятельности (веб-дизайн, электронные СМИ, производство короткометражных фильмов и т. д.).

Очень медленно переходит на новые технологии коммунальная сфера: значительная часть поселковых котельных муниципальной периферии архаичны и неэффективны, характеристики теплозащиты жилых зданий низкие, обеспеченность населения и бюджетных учреждений приборами учета потребления тепловой энергии недостаточная.

Скорость современных экономических, социальных, демографических процессов очень высокая, изменения быстрые, а реакция на них властей муниципальной периферии медленная, инерционная. В результате постоянно воспроизводятся местные диспропорции и противоречия развития. Например, быстрые изменения демографического поведения населения входят в противоречие с консервативными параметрами объектов социальной инфраструктуры. Поэтому, с одной стороны, возникает дефицит дошкольных учреждений, с другой, новые школы многих сел имеют значительный резерв мест. Эти локальные диспропорции — сигналы неспособности властей муниципальной периферии совладать с вызовами очень быстрых изменений, которые несет современная экономика.

4.5. Проклятие малого рынка как тормоз предпринимательской и инновационной деятельности

Для муниципальной периферии Севера характерно отсутствие крупных поселений и незначительная общая численность населения, низкие подушевые доходы жителей по причинам значительной распространенности сезонной занятости (агросектор, лесозаготовки, рыбный промысел, сбор дикоросов),

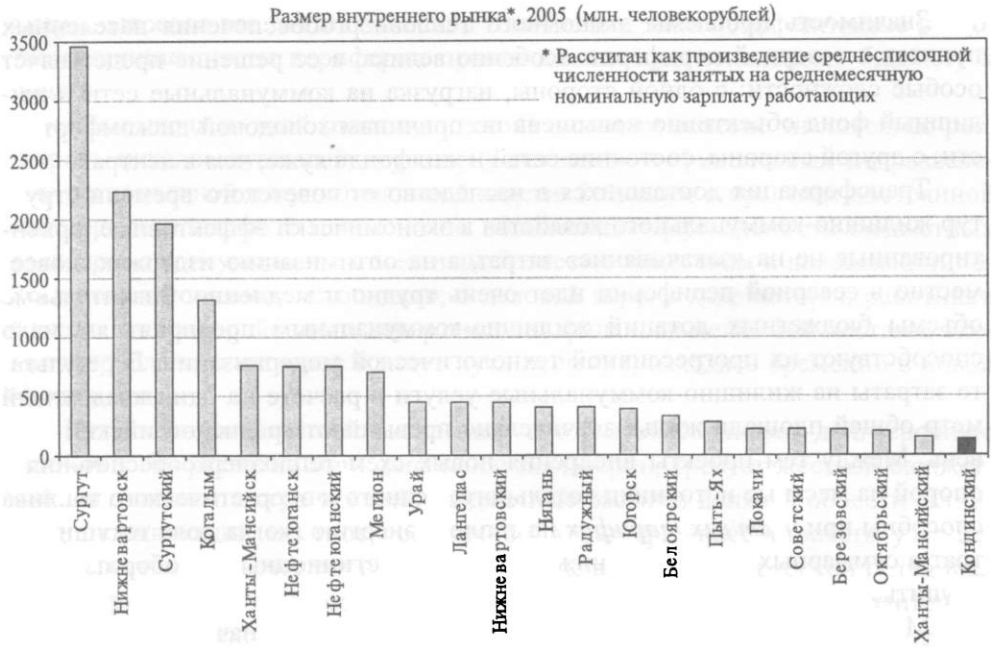


Рис. 6. Малые размеры рынка Березовского, Октябрьского, Ханты-Мансийского и Кондинского районов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

ограниченного числа привлекательных бюджетных мест. Интегральным результатом действия этих факторов является малый размер местного рынка, который в несколько раз уступает внутренним рынкам центральных городов и районов (рис. 6).

Но и этот малый рынок существенно фрагментирован за счет значительной дисперсности расселения — удаленности поселений муниципальной периферии друг от друга на сотни километров и отсутствия круглогодичных дорог. В результате даже кустовой рынок соседних поселков существует только в зимний период, когда налаживается устойчивое транспортное сообщение по зимникам.

Мелкие поселения не привлекательны для предпринимателей: рыночные проекты в секторе платных услуг рентабельны, когда численность населения зоны обслуживания превышает одну–две тысячи человек.

К этим объективным барьерам нередко добавляются субъективные, связанные с экономическим поведением местной власти, которая оказывает преференции «своим» предпринимателям, занимающим в итоге монопольное положение на местных рынках торговых, строительных, бытовых услуг. Негативные эффекты локальных монополий характерны и для рынка коммунальных услуг.

Значимость проблемы экономного теплоэнергообеспечения населенных пунктов в северной периферии особенно велика, а ее решение представляет особые сложности: с одной стороны, нагрузка на коммунальные сети и жилищный фонд объективно повышена по причинам холодовой дискомфортности; с другой стороны, состояние сетей и жилфонда хуже, чем в центрах.

Трансформация доставшихся в наследство от советского времени структур жилищно-коммунального хозяйства в экономически эффективные, ориентированные не на «закачивание» затрат, а на оптимизацию издержек, повсеместно в северной периферии идет очень трудно и медленно. Значительные объемы бюджетных дотаций жилищно-коммунальным предприятиям мало способствуют их прогрессивной технологической модернизации. В результате затраты на жилищно-коммунальные услуги в расчете на один квадратный метр общей площади жилья значительно превышают среднероссийский уровень. Между тем проекты внедрения новых схем теплоэнергообеспечения с опорой на местные источники котельного, печного и энергетического топлива способны при *честных тарифах* на тепло и энергию (когда доля текущих затрат в суммарных издержках ниже, а доля инвестиционных, наоборот, выше) окупиться уже за несколько лет.

Малые размеры рынка муниципальной периферии означают, что здесь не действует агломерационный эффект, который всегда придает экономике динамичность и инновационность (когда умные находятся в среде таких же умных и поэтому просто вынуждены быть еще более креативными). В атмосфере однообразной, суженной хозяйственной и социальной жизни, монополизма местных промышленных и сервисных структур (поселкообразующих предприятий) рождается интеллектуальный монополизм — мифы о приоритетах местного развития, которые свидетельствуют об архаичных взглядах лидеров местного сообщества.

4.6. Трансферты на проедание?

Бюджеты муниципальной периферии Севера обычно дотационные на 60–90 %. В этих условиях приоритеты расходов региональных трансфертов становятся не просто вопросом бюджетной политики, но *корневым* вопросом развития. В возможно большей степени расходы такой территории должны направляться не на проедание, но на расширение фундамента экономического развития, рост инновационности (наукоемкости) местной экономики во всех возможных направлениях.

На деле значительная дотационность местных бюджетов формирует в муниципальной периферии атмосферу психологической зависимости от центра, слабой инициативности в поиске новых источников саморазвития, дестимулирует инновационную модернизацию местной экономики и социальной

сферы. Нередко все состоявшиеся, в том числе и явно неэффективные расходы, муниципалитеты периферии просто вменяют региональному бюджету к оплате.

Для выхода из этой (пока тупиковой) ситуации полезно значительно расширить интеллектуальный кругозор участников — финансовых подразделений региональной и муниципальной власти. Речь идет о практике постоянной районно-региональной комиссии по повышению эффективности бюджетных расходов; о консультациях с местным бизнес-сообществом в направлении поиска новых доходных источников; о деловой игре, в ходе которой работники регионального и районного департаментов финансов меняются местами, входят в проблемы партнеров и ищут пути решения, находясь временно в новой «должности».

Путь к инновационной экономике, которая обеспечивает долгосрочную устойчивость развития муниципальной периферии, требует жесткой бюджетной дисциплины и ограничений. Бюджетные расходы должны обрести активный, развивающий местное сообщество, характер, способствовать улучшению качества человеческих ресурсов, пробуждать в них творческий потенциал и предприимчивость. Необходимо постепенно переходить от исключительно оперативного расходования средств региональной поддержки к более долгосрочному, сформировать в рамках региональной помощи «трансферты развития», призванные работать на решение долгосрочных проблем развития муниципальной периферии (энергосбережение, замещение ввоза энергоносителей, модернизация ЖКХ и др.).

Многие охарактеризованные в этой главе проблемы обычно либо игнорировались, либо недооценивались исследователями и руководителями муниципальной периферии. Трудно поверить в то, что факторы нового знания, информационной раскупорки, переобучения, повышения квалификации и улучшения состояния здоровья местной популяции при настойчивом их культивировании/выращивании способны дать для экономического развития муниципальной периферии больше, чем традиционные рецепты оздоровления индустриального времени.

Трудно поверить в то, что главными издержками рентоискательства является не подрыв ресурсной базы, уменьшение налоговых поступлений в бюджет, но сиюминутные приоритеты экономического поведения, напрочь блокирующие стимулы и возможность инноваций. Трудно поверить в то, что главными издержками высокой дотационности бюджетов муниципальной периферии является не расточительность этих трансфертных затрат для вышестоящего бюджета, но формирование атмосферы апатии и отсутствия стимулов к техническому и интеллектуальному обновлению арсенала средств экономического развития. Трудно поверить в то, что важнейшими издержками отсутствия агломерационного эффекта в муниципаль-

ной периферии является вовсе не ее инвестиционная непривлекательность, но консервативность и зашоренность мышления местных экономических и политических лидеров.

Между тем для новой экономики знания именно эти барьеры приобретают принципиальный характер. На первый взгляд представляется, что их одоление даже проще, чем барьеров индустриального времени. На самом деле оно не проще, а труднее, потому что требует целенаправленной «штучной» работы с каждым периферийным сообществом, подбора рецептов лечения исходя из специфического набора симптомов болезни именно у него.

Часть 3

Пространства муниципальной периферии Севера: управление и освоение в новую эпоху

Глава 5

Искусство управления пространствами и природными ресурсами муниципальной периферии Севера

Обширные девственные пространства — это важнейшая особенность северной муниципальной периферии, то, что принципиально отличает ее от муниципалитетов центров. Поэтому и путь ее к экономике знания лежит через новое преобразование этих пространств.

В задаче обустройства северных периферийных пространств районный уровень наиболее важен. Во-первых, многие северные муниципальные районы имеют площади, сопоставимые с европейскими государствами. Во-вторых, именно районный уровень структуризации пространства Севера максимально приближен к потребностям проживающих здесь людей, которые используют его регулярно.

Узкая постановка задачи модернизации пространства муниципальной периферии означает углубление инновационного развития в старых, привычных, видах экономической деятельности (рыбный промысел, лесное, сельское хозяйство), и расширение числа инновационных видов деятельности — за счет развития наукосмких производственных, социальных и коммунальных услуг, биотехнологичсских переделов и т. д. Можно сказать, что это движение к новой экономике отдельными точками, отдельными направлениями.

Широкая постановка задачи означает превращение *всей* муниципальной периферии в пилотный полигон, опытную площадку обкатки новых технологий, институтов и структур по обустройству пространства и освоению природных ресурсов. Речь здесь идет о качественном расширении числа субъектов, вовлеченных в непрерывный процесс поиска и экспериментирования при освоении природных ресурсов, транспортном и коммуникационном обустройстве пространства муниципальной периферии и ее ядер — постоянных, врéменных, мобильных поселений. Информатизация управленческих и бизнес-процессов в этом случае приобретает всеохватывающий характер, проникает в само внутреннее ядро процессов добычи и переработки природных ресурсов, управления природопользованием; и не просто копирует схемы решений

федерального и регионального уровня, но максимально учитывает специфику природных и социально-экономических условий северного муниципалитета. На обширных площадях муниципальной периферии возникают интеллектуальные территории разного статуса и функционального назначения: технопарки, природоохранные парки, территории пионерного освоения и др. В данной главе раскрывается содержание задачи инновационного преобразования северных пространств в широкой постановке.

5.1. Новое управление пространствами и общественными ресурсами (общие подходы)

Задача экономного и эффективного управления обширными северными пространствами всегда стояла перед Россией. И в каждую эпоху решение этой задачи обеспечивалось, исходя из присущих ей основных инструментов, институтов, организаций. Очевидно, что в наступающую новую постиндустриальную эпоху основные механизмы управления северными периферийными пространствами России неизбежно будут отличаться от тех, которые были созданы и использовались в индустриальную эру.

Главное направление изменений состоит в новых способах раскрепощения потенциала, повышения отдачи от природных ресурсов в общественной собственности (земельных, лесных, водных, ресурсов недр федеральной, региональной и муниципальной собственности) — которые часто юридически не принадлежат муниципалитету, но с которыми органично связана жизнь каждого домохозяйства северной периферии. Один из новых путей раскрепощения потенциала природных ресурсов на пространствах муниципальной периферии — создавать новые конфигурации прав собственности и осуществлять с минимальными трансакционными издержками их переходы из одного юридического статуса в другой: например, перевод федеральных лесных земель в земли поселений, создание кооперативной собственности на земельных ресурсах, перевод участков федеральных недр в долгосрочную аренду корпоративным структурам и др.

Другим условием повышения эффективности использования природных ресурсов и пространств являются новые формы управления ими. Малонаселенные пространства и ресурсы общественной собственности северной муниципальной периферии требуют фундаментально другой организации управления природопользованием, чем в освоенных территориях России. Значительно экономнее и рациональнее существенно децентрализовать, частично передать общинам местных жителей существующие и бюрократически медленно исполняемые государственные полномочия по определению объема лицензий и квот для пушного, рыбного промысла. Управление природопользованием должно перестать быть исключительной прерогативой федеральных и региональных

органов власти и стать совместной компетенцией муниципальной периферии, местных общин и государственных ресурсных агентств.

Для государства местный контроль будет означать экономию текущих затрат на исполнение этих функций, для жителей муниципальной периферии это будет означать новые, остро дефицитные, рабочие места в селах и поселках. Процесс вовлечения местных жителей в управление (или соуправление с государством) природными ресурсами будет означать повышение эффективности природопользования: право решения получат те, кто находится близко к ресурсам и потому неизбежно знает ситуацию лучше. Очень многие современные конфликты по поводу распределения квот и лицензий исчезнут: для этого нужно только признать необходимость партнерства местных сообществ и государства, отказа от монополии федеральных ресурсных агентств.

Децентрализация государственных полномочий и их исполнение в тесном партнерстве государственных служб и местных сообществ позволит осовременить знание о состоянии биологических ресурсов муниципальной периферии, совместно организовать новые землеустроительные, геоботанические и другие работы. Природные ресурсы муниципальной периферии впервые станут не просто источником существования местных и коренных жителей, но объектом их контроля и наблюдения от лица государства.

Значительное развитие получат мероприятия по сохранению целостности и биологического разнообразия природных ландшафтов муниципальной периферии, по управляемому воспроизводству природных ресурсов — рыборазведению, лесовосстановлению, возвращению ранее исчезнувших здесь видов животных и растений.

Общее повышение мобильности жителей муниципальной периферии является долгосрочной тенденцией. Оно неизбежно приведет к возникновению новых форм контроля и использования участков пространств и природных ресурсов: увеличению радиуса и вовлечению в оборот самых дальних участков пространства, которые ранее не имели следов частого человеческого присутствия; применению новых технических средств контроля, управления, использования, например, в виде индивидуальных маломоторных воздушных транспортных средств; ужесточению регламента использования участков пространства и природных ресурсов в условиях растущей конкуренции за них.

В зависимости от типа ресурса права контроля муниципальной периферии существенно различаются. Поэтому для каждой группы природных ресурсов общественной собственности целевые задачи местных властей по управлению природопользованием будут разными.

В первую группу попадают самые «демократичные» земельные, лесные, рыбные, рекреационные ресурсы (в ряде случаев сюда же могут быть отнесены и ресурсы новых месторождений россыпного золота) муниципальной периферии: их использование некапиталоемко, не требует высокой квалификации работников и непосредственно сказывается на укладе жизни, занятости

максимального количества ее жителей. Именно в этой группе ресурсов существуют максимальные опасности возникновения рентоискательства.

Коммерческое использование этих ресурсов возможно по двум алгоритмам. Первый предполагает усилия местных предпринимателей, которые за счет своего знания тонких особенностей местных ресурсов и местных пространств в альянсе с властью муниципальной периферии способны преодолеть барьеры транспортных издержек, стартового и кредитного капитала. В ряде случаев местная власть сама может стать предпринимателем-инициатором на старте преобразований, а в последующем эти функции перейдут к новой структуре — местной корпорации экономического развития или частной малой фирме.

Второй путь связан с приходом крупной структуры — внешнего инвестора на лесные, рыбные, земельные, рекреационные ресурсы северной периферии. Для этого ресурсы должны обладать привлекательностью крупных запасов и однородностью свойств, что позволяет получить эффект экономии на масштабе при их извлечении и переработке.

Для использования ресурсов первого типа будет характерна тенденция сочетания сезонных «диких» и круглогодичных «приручeнных» форм. Так, в заготовках пушнины в зависимости от погодовых колебаний численности животных, доля охотничьего промысла будет составлять от 50 до 90 %, остальное обеспечит клеточное звероводство для лисиц, песцов, норок. Одновременно с традиционным рыбным промыслом растущее значение будет иметь рыбоводство. Одновременно с лесозаготовками будет повышаться приоритет лесоводства и лесоразведения.

Среди ресурсов первой группы значительное развитие получат рекреационные. Туризм можно рассматривать как конвертацию в экономические ценности неосязаемых достоинств девственных пространств муниципальной периферии. В прогнозный период все новые и новые виды деятельности (оленеводство и традиционные промыслы, сувенирный бизнес, гостиничный, ресторанный сервис и др.) будут нанизываться на него как ядро, формируя в муниципальной периферии единый туристический кластер. Для этого потребуется преодолеть основные современные барьеры, связанные с плохой транспортной схемой; ограниченностью и недостаточным качеством существующей инфраструктуры гостиничного, сервиса быстрого питания, бытовых услуг (потребуется постепенно создавать мини-гостиницы с полным набором удобств, предприятия быстрого питания, новые автозаправки, станции техобслуживания; охотничьи домики, летние кемпинги, бани-сауны трейлерного типа и др.); отсутствием квалифицированных кадров, местных туроператоров, занимающихся въездным туризмом; отсутствием законодательно закрепленного природоохранного статуса уникальных ландшафтов; недостатком информации о туристических ресурсах северной муниципальной периферии.

Ко **второй группе** относятся местные ресурсы тепла и энергии, способные решить ключевую для муниципальной периферии проблему теплоэнер-

гообеспечения, заместить дорогостоящий завоз котельного и энергетического топлива собственным их производством. Уменьшение издержек на выработку энергии способно резко расширить перечень рентабельных предприятий экономики муниципальной периферии, например, в лесопереработке, пищевой промышленности и др. Уменьшение издержек на выработку тепла означает привлекательность жилищно-коммунальных услуг для частного бизнеса и значительное сокращение дотационности бюджета муниципальной периферии.

К **третьей группе** относятся топливно-энергетические, минерально-сырьевые ресурсы, по которым в силу уникальности их свойств муниципальная периферия выступает монополистом на Севере и в России. В этом случае исходно сильная позиция муниципальной периферии при взаимодействии с недропользователем позволяет — при наличии сильных местных лидеров и сплоченного сообщества — обозначать условия привлечения местных жителей в создаваемые новые добычные и перерабатывающие производства, необходимость программ обучения и переобучения для местных работников, создания на месте производств значительной добавленной стоимости, что обеспечивает увеличение позитивного эффекта от деятельности корпоративного собственника в виде бюджетного дохода, занятости и реальных доходов домохозяйств периферии.

К **четвертой группе** отнесены ресурсы, по которым у муниципальной периферии нет монополии и которые не приводят к каскадному позитивному эффекту для местной экономики в виде создаваемых перерабатывающих предприятий, финишных производств с конечной продукцией и т. д. Например, месторождения полиметаллов, средние по размерам месторождения нефти, газа. В этом случае максимальны риски экстерриториального поведения корпоративного собственника, когда экологические издержки достаются муниципальной периферии, а основные выгоды в виде потока ресурсов, получения финансовой прибыли, основных налоговых платежей концентрируются за ее пределами в центрах. Нередко даже в том случае, когда на этих предприятиях заняты жители муниципальной периферии (с зарплатой значительно более высокой, чем средняя в районе), их денежные средства очень слабо работают на местную экономику, потому что зарплатный денежный поток связывается по каналам корпоративных банковских карт, корпоративных магазинов и т. д.

Задача состоит в нахождении путей социального укоренения предприятий на этой группе ресурсов, т. е. максимизации социального эффекта в виде новых рабочих мест и экономического эффекта в виде притока бюджетного дохода и повышения реальных доходов домохозяйств. В решении этой задачи есть общие, применимые во всех случаях, алгоритмы, например, заключение социально-экономических соглашений между муниципальной властью и ресурсными корпорациями, и специфические, адаптированные к конкретному случаю. Например, для железорудного предприятия таким решением может стать создание нового местного производства строительных материалов на базе скальных пород разрабатываемого месторождения.

5.2. Партнерства как условие эффективного освоения пространства и природных ресурсов муниципальной периферии

Значительная часть земельных и природных ресурсов на территории муниципальной периферии ей не принадлежит, является федеральной или региональной собственностью. Увеличить контроль района над природными активами на своей территории можно через формирование широкой сети государственно-муниципальных партнерств в сфере распределения и использования местных природных и земельных ресурсов и вовлечение местных жителей в государственные службы управления природопользованием.

Вопрос эффективности использования земельных и природных ресурсов для муниципальной периферии определяется тем, насколько местные власти успешны в создании различных партнерств. Это могут быть советы по совместному управлению биологическими ресурсами, в которые входят представители федеральных ресурсных агентств, местной власти и местного сообщества; советы по управлению недропользованием в составе представителей корпоративных структур, государственной и муниципальной власти и структур гражданского общества; межмуниципальные советы, которые позволяют осуществлять интеграцию бюджетных, материальных и человеческих ресурсов для более эффективного освоения пространства и использования природных ресурсов, например, совместного управления водосборными бассейнами; договоры муниципальных властей и крупных геологоразведочных и недропользовательских структур о предоставлении рабочих мест жителям района и т. д. Такие партнерства позволяют совместно вырабатывать регламент и конкретные формы использования участков пространства и природных ресурсов муниципальной периферии.

Помимо двухсторонних партнерств, все большее значение при реализации новых проектов освоения пространств и ресурсов муниципальной периферии будут иметь многосторонние соглашения и структуры, объединяющие представителей разных уровней власти, бизнеса, гражданского общества, международных организаций. Например, в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры такая структура — ОАО «Юкон-газ» — была создана в результате соглашения о сотрудничестве между администрацией Кондинского района, Правительством Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, Датским углеродным фондом, обществом с ограниченной ответственностью «ЛУКОЙЛ — Западная Сибирь» — для передачи ей прав собственности на попутный нефтяной газ на возмездной основе для использования его в интересах повышения эффективности коммунального хозяйства района.

Различные партнерства, наблюдательные, совещательные советы позволяют власти муниципалитета северной периферии получать новую информа-

цию от основных субъектов местной экономики и непрерывно обучаться, что необходимо для постоянного повышения эффективности использования пространств и ресурсов северной периферии. Условия формирования и деятельности таких партнерств должны быть абсолютно прозрачными для общественности, всех жителей муниципальной периферии.

Помимо прямого участия в создаваемых новых партнерствах, муниципальная власть может инициировать формирование структур, в которые она непосредственно не входит, но которые важны для согласованного освоения пространства и использования природных ресурсов муниципальной периферии: например, ассоциация недропользователей района пионерного освоения; местная организация охотников и рыболовов и др.

Договороспособность власти муниципальной периферии становится важнейшим условием реализации ее новой функции *сетевого лидера*, способного формировать атмосферу сотрудничества между всеми субъектами местной экономики, во имя эффективного управления пространствами в интересах местных жителей. Огромную роль для успеха реализации этой новой функции местной власти играет личность политического или экономического лидера муниципальной периферии: насколько он способен стать консолидирующей фигурой для местного сообщества или, наоборот, фактором внутренней конфликтности. В условиях обширных бездорожных пространств муниципальной периферии для формирования новых партнерств также очень важны новые технологии коммуникации: наличие единой телекоммуникационной сети района, технологии «мобильного правительства», когда муниципальный чиновник принимает важнейшие решения оперативно, прямо на месте.

5.3. Поселения муниципальной периферии как форпосты освоения пространства

Для муниципальной периферии Севера характерна крайне низкая плотность населения, высокая дисперсность (значительная отдаленность друг от друга сети населенных мест) системы расселения, многие элементы которой не имеют круглогодичного наземного транспортного сообщения. В этих условиях значительная нагрузка в освоении обширных пространств приходится на каждое поселение.

Наиболее благоприятной для эффективного освоения пространства является полицентричная схема, когда внутри муниципальной периферии формируется несколько почти равностатусных поселений-центров, а ранее ликвидированные монопрофильные ресурсные поселки трансформируются в сезонные, для проживания вахтовых работников или для рекреационного использования. Исключительно важно также постепенно сокращать число поселений муниципальной периферии, находящихся вне постоянных транспортных и комму-

никационных сетей до минимума, начиная преодоление изолированности с наименее затратных усилий по коммуникационной доступности, затем — по обеспечению транспортной доступности, выбирая для этого решения не только из традиционного, но и нового арсенала транспортных средств, например, *струнного* пассажирского и грузового транспорта.

Поселения разного размера характеризуются своими специфичными (институциональными) формами освоения пространства. Эти принципиальные отличия должны учитываться в мерах государственной поддержки. Например, в крупных поселениях агросубсидии направлены на компенсацию транспортных издержек для доставки сельхозпродукции на ближайшие рынки сбыта; в малых же поселках — на сохранение продовольственного самообеспечения коренных жителей и русских старожилов.

Для **крупных** городов и поселков муниципальной периферии Севера, которые имеют относительно сильный рыночный сектор, типично «рыночное» освоение пространства — коммерческие формы использования природных ресурсов. Совокупный запас предпринимательской энергии жителей здесь максимальный среди всех типов поселений муниципальной периферии, поэтому развитие различных видов туризма, фермерства, малого бизнеса на лесозаготовках и лесопереработке абсолютно естественно.

При поддержке государства и появлении заинтересованных инвесторов здесь могут возникнуть новые виды деятельности, типичные для отдаленных крупных поселений зарубежного Севера — филиалы фирм-производителей сверхчистых материалов для микро- и наноэлектроники, энергосберегающих технологий, оптической связи, по спутниковому, дистанционному мониторингу окружающей природной среды.

Для укрепления занятости местных жителей наиболее эффективными являются здесь программы улучшения качества (образованности и энергии) человеческих ресурсов, максимально адаптированные к специфическим потребностям в обучении и конкретному состоянию здоровья местной популяции людей, для создания своего предприятия, для работы в подразделениях федеральной, региональной власти, муниципальной службе.

Работа учреждений социальных услуг в этой группе поселений предусматривает необходимость предоставлять услуги образования, медицинские, культуры не только жителям самого́ села, но и для всего куста окрестных сел. Базовые школы, поликлиники, дома культуры, с современным оснащением, высококвалифицированными работниками, с обязательным подключением к высокоскоростному интернету, способны обеспечить высокое качество услуг населению своей сервисной зоны.

Для поселений **среднего** размера (около 500–600, в пределе до 1000 чел.) типично сочетание рыночного и традиционного освоения ресурсов пространства. Здесь относительно равномерно представлены все три сектора сельской экономики (рыночный, традиционный в виде самообеспечивающих оленевод-

ства и традиционных промыслов, и бюджетный). Во многих селах данной группы в результате слияния учреждений образования, культуры, здравоохранения будут созданы многофункциональные учебно-культурные-оздоровительные центры, часто на базе местных школ. Актовый, спортивный залы, кружковые помещения, библиотека, информационные центры во внеурочное время будут обслуживать население.

Программы обучения и переобучения в этой группе сел нацелены на обеспечение занятости в рыночном секторе (для занятий малым предпринимательством, для малоквалифицированных работников, не имеющих шансов найти работу на сельском рынке труда, для взрослых, которые прервали свое обучение); в традиционном секторе (для безработной молодежи, утратившей навыки регулярных занятий оленеводством и традиционными промыслами); в бюджетном секторе (обучение для работы по найму в федеральном и региональном бюджетном секторах, в муниципальной службе).

И в крупных, и в средних поселениях значительные резервы связаны с развитием старых и новых форм коммерческого освоения ресурсов пространства муниципальной периферии. Подлинно творческая задача состоит в том, чтобы выйти за рамки рутинной коммерческой деятельности только в платных бытовых, торговых, социальных услугах, найти новые возможности, как «высечь» из свойств окрестного пространства конкурентоспособное производство новых видов продукции и услуг, востребованных не только на местном, но и более широком рынке — либо собственными «сельскими инициативами», либо совместными усилиями с внешним инвестором. Например, это может быть создание местных фирм по производству конкурентоспособных строительных материалов (кирпич, стеновые блоки, теплоизоляционные материалы, цемент, сухие строительные смеси), на оказании услуг по строительству — деревянное домостроение, строительство быстровозводимых жилых домов; по мини-переработке мяса и рыбы; фирм по производству материалов для микро- и наноэлектроники, различных недревесных ресурсов леса.

Во многих старожильческих поселках северной периферии женщины численно доминируют в населении, особенно в старших возрастах. Поэтому особый акцент должен быть сделан на поддержку женского предпринимательства, «женских» форм освоения пространства и ресурсов муниципальной периферии Севера. Другое приоритетное направления поддержки — молодежное предпринимательство.

Помимо *стандартного* компонента поддержки малого предпринимательства в виде центров обучения, субсидирования банковской процентной ставки, микрокредитования, программ технического содействия, создания информационно-справочной системы на базе сельских библиотек, помощь им здесь должна включать *особый* компонент — для содействия освоению участков пространства и природных ресурсов. В этой связи в поселках и селах муни-

ципальной периферии могут быть созданы агентства местного развития, как это принято на скандинавском Севере и на Севере Канады. Через эти структуры региональным и муниципальным властям легче собирать информацию об инициативах селян в сфере освоения пространств и ресурсов и способствовать их финансовой поддержке.

Для малых поселений (людностью около 200–300 человек и менее) доминирующей формой является традиционное освоение ресурсов пространства в целях продовольственного самообеспечения. Здесь только туризм в некоторых селах, имеющих благоприятное транспортно-географическое положение, может получить коммерческое развитие. Это тот случай, когда формы освоения окрестного пространства максимально воздействуют на всю систему ценностей местного сообщества: престижность щедрости и разделение добытой пищи среди всех жителей, уважение к старикам и их экспертному знанию территории, резервирование части урожая как страховка на случай будущих природных катастроф и др.

Эти ценности транслируются и в другие сектора местной экономики: например, в бюджетном секторе таких сел принята поочередная работа на одной вакансии нескольких человек в течение года. Это можно рассматривать как распространение принципа взаимовыручки, который лежит в основе традиционного жизнеобеспечения, на бюджетный сектор.

Доставка социальных услуг в эти села будет производиться малыми, часто мобильными, формами — передвижные медицинские отряды, кочевые школы, агиткультбригады, при активном использовании возможностей телекоммуникационных технологий, которые позволят создать здесь услуги дистанционного образования, телемедицины, электронной библиотеки.

Наиболее востребованными в данной группе сел будут программы обучения, адресованные безработной молодежи, утратившей навыки регулярных занятий оленеводством и традиционными промыслами и программы переобучения для малоквалифицированных работников, которые позволят им найти работу на внешнем рынке труда.

Есть две позиции по поводу будущего малых (часто национальных) сел муниципальной периферии: менеджеров-технократов и государственников. Первые исходят из того, что нужно предоставить возможность значительной части их населения переехать в районные и региональные центры, в которых предоставление основных социальных услуг образования, медицины, культуры значительно дешевле. Эффективность бюджетных расходов региона и района в этом случае существенно возрастет. Вторые исходят из важности сохранения сети населенных мест и существующей численности населения здесь по геополитическим соображениям и значимости традиционных культурных ценностей коренных народов и русских старожилов.

Многие коренные жители и русские старожилы этих сел не озабочены необходимостью войти в большой мир. Для них миграция не является пред-

почтительным выбором. Они живут здесь, потому что это их дом, здесь они ведут традиционное жизнеобеспечение. И их цель состоит не в том, чтобы приумножить богатство, но в том, чтобы заработать достаточно на жизнь. Так они жили всегда — тесные семейные узы, взаимопомощь и соседство со средой, которую они хорошо знают и чувствуют себя в ней психологически и физически комфортно.

Защитники второй позиции подчеркивают важность прямого доступа жителей отдаленных сел к местной пище по значительно меньшим издержкам (на единицу килокалории), чем это доступно в магазине. Технология, используемая в традиционных промыслах и оленеводстве мало капиталоемка, текущие и капитальные издержки по силам среднему домохозяйству. Поэтому для коренных жителей и русских старожилов экономически эффективно жить в этих селах. При переселении в крупные центры мигрантам необходимо будет иметь больший денежный доход (за счет пособий или круглогодичной занятости), чтобы покупать пищу, которую ранее в селах они получали в процессе традиционного жизнеобеспечения. Поэтому и для государства сохранение существующих малых старожильческих сел при широкой трактовке издержек и выгод выгоднее, чем ликвидация некоторых из них и переселение части населения в региональные и муниципальные центры.

Эффективность выполнения поселками и селами периферии своей роли форпоста освоения пространства органично связана с тем, в какой степени устойчиво их внутреннее жизнеобеспечении: это *одна* проблема, *одна* задача, в решении которой проверяется образованность и творческая энергия местного сообщества. Действительно, без решения проблемы обеспеченности жильем местных жителей невозможно говорить об устойчивом освоении окрестных пространств. Важно именно качественное жилье, способное стать важнейшим ликвидным активом для жителя периферии, который можно превратить в капитал, сделать предметом залога для получения банковских кредитов и развития своего бизнеса, в том числе и в сфере освоения пространств и ресурсов. Такое жилье создает атмосферу психологической устойчивости, установку на длительное проживание в поселках муниципальной периферии, без которой эффективное долгосрочное освоение пространств и ресурсов невозможно.

Как правило, это индивидуальный жилой дом коттеджного, усадебного типа. Нормы градостроительной политики муниципальной периферии должны быть направлены на раскрепощение инициативы граждан в этом важном направлении государственной политики обустройства северных пространств: всемерное упрощение условий предоставления земельных участков под индивидуальное жилищное строительство (сокращение времени согласований отвода участков и другие меры); снижение ставок за межевание, техинвентаризацию, регистрацию прав, страхование, оценку недвижимости; финансирование инженерных сетей и благоустройства.

Помимо институциональных мер, важнейшее направление действий связано с развитием местной базы стройиндустрии, местного производства строительных материалов, новых технологических линий северного деревянного домостроения, льготным кредитованием строительства индивидуального жилья, адаптированным к специфике сезонности доходов, значительной неденежной составляющей в них, характерными для жителя муниципальной периферии Севера.

Другая мера по стабилизации внутреннего жизнеобеспечения поселка, которая органично связана с освоением внешних пространств северной периферии, — это замещение ввоза источников котельного, печного топлива местным их производством. Традиционно эта проблема рассматривается как жилищно-коммунальная, иногда как бюджетная, без решения которой нельзя оптимизировать расходную часть бюджета муниципальной периферии. Но в самом широком понимании это проблема инновационного развития муниципальной периферии, органичной увязки энергетических ресурсов окрестного пространства и энергетической безопасности его форпостов — сел и поселков муниципальной периферии. Реконструкция поселковых систем коммунального теплоэнергоснабжения в условиях обширных пространств северной периферии утрачивает стандартный характер, присущий ей в плотно заселенных местностях, и становится уникальной проблемой оптимальной настройки технологических, внутрипоселковых, и внешних, природных, систем. И важнейшей инновацией для северного села или поселка.

5.4. Развитие местного сообщества — условие эффективного управления пространствами муниципальной периферии

Эффективность управления пространствами муниципальной периферии зависит от развития местных сообществ крупных, средних и малых поселений: качества его человеческого капитала, которое включает уровень профессиональной квалификации, способность к постоянному обучению, состояние здоровья, степень духовного развития; от того, есть ли в местном сообществе авторитетные лидеры, предприимчивые люди; от культуры сотрудничества — каков уровень доверия и взаимовыручки между участниками местной экономики, не расколото ли сообщество на конфликтующие кланы. Инвестиционные проекты, институциональные мероприятия, формы доставки социальных услуг, чтобы быть эффективными, обязательно должны быть адаптированы к особенностям конкретных местных сообществ, их размеру, этнической, возрастно-половой, социальной структуре и совокупному уровню предпринимательской энергии.

Развитие местной общины, подготовка и обучение ее для принятия на себя новых муниципальных, в ряде случаев и государственных, полномочий по контролю состояния окружающей природной среды и окрестных природных ресурсов должны стать приоритетом государственной политики в северной глубинке. Система начального и среднего профессионального образования муниципальной периферии — это важнейший инструмент развития местных сообществ. Ее укрепление нацелено на вовлечение в процесс обучения и регулярного переобучения всех жителей. У каждого местного сообщества есть своя уникальная потребность в обучении, и она может быть адекватно учтена при условии значительного возрастания роли местного сообщества в управлении образовательным процессом и образовательными программами в муниципальной периферии.

С одной стороны, формы освоения пространства и ресурсов периферии определяют тот тип обучения, который необходим местному сообществу, чтобы создать или занять рабочие места, связанные с этой деятельностью. С другой стороны, уровень обученности, квалификации и энергии человеческих ресурсов определяют ту предельную по эффективности планку освоения пространств и ресурсов периферии, которая возможна. Приобретение новых профессиональных навыков повышает уверенность и чувство собственного достоинства местных жителей, помогает им быстрее освободиться от зависимости от заемных институтов и создать свои собственные институты и структуры освоения пространства. В предельном, самом благоприятном случае, все трудоспособные жители муниципальной периферии должны участвовать в процессе обучения и переобучения, потому что в эру экономики знания процесс обучения становится непрерывным и охватывает всю жизнь.

Успех в реализации стратегии «обучаемой периферии» зависит от способности сформировать в муниципалитете культуру сотрудничества образовательных учреждений, власти, бизнеса, общественности. В такой атмосфере все участники образовательного процесса мотивированы на преодоление внутренних разрывов, например, между выпускниками местных колледжей, которые не востребованы местными работодателями по причинам неадекватности их компетенций реальным потребностям предприятий — и одновременно неготовностью работодателей финансировать обучение и повышение квалификации своих работников в местных колледжах и центрах занятости. Координационные, межведомственные советы по обучению и переобучению, создаваемые при структурах местной власти и образовательных учреждениях, могут способствовать формированию в муниципальной периферии атмосферы сотрудничества в образовательном процессе.

Значительная нагрузка в организации процесса непрерывного обучения жителей муниципальной периферии приходится на структуры среднего профессионального образования, которые в эпоху экономики знания выполняют здесь роль, сопоставимую с ролью университетов в региональной периферии.

Сегодня количество структур среднего профессионального образования на пространствах северной муниципальной периферии России крайне ограничено. Но без них невозможно обеспечить эффективное участие местных жителей в освоении пространств и ресурсов периферийного Севера.

Необходимо формировать в муниципальной периферии Севера новые структуры среднего профессионального образования, которые по аналогии с подобными структурами северной Канады, Финляндии будут иметь обширную сеть партнеров из российских и северных городских центров в виде ресурсных корпораций, университетов, структур гражданского общества, что позволит в зависимости от экономической ситуации гибко менять перечень специальностей обучения и существенно дифференцировать программы обучения и переобучения взрослых, каждая из которых будет сориентирована на свою фокусную группу: для безработной молодежи; для малоквалифицированных работников; для взрослых, которые прервали свое обучение; для работы по найму в федеральном и региональном бюджетном секторах; для занятия малым предпринимательством и др.

Под эгидой колледжей среднего профессионального образования предлагается создавать обучающие центры местных сообществ, которые будут на регулярной основе осуществлять связи с каждым сельским сообществом муниципальной периферии, чтобы максимально точно определить его потребности в программах обучения и переобучения и подготовить такие программы; и компактные малые научно-исследовательские институты, как это принято в арктических колледжах среднего профессионального образования Канады. Важнейшая цель этих малых исследовательских учреждений — использовать уникальное местное знание экспертов, старожилов, чтобы в результате его конструктивной интеграции с формальным знанием университетов и академических институтов найти в пространствах и ресурсах муниципальной периферии новые возможности для ее устойчивого экономического развития.

Чтобы быть эффективными катализаторами новых идей по освоению пространств и ресурсов, местные структуры обучения должны быть исключительно разнообразны, включать как стандартные формы, присущие и российским и северным городским центрам (детские сады, школы, колледжи), так и специфичные, адекватные особенностям муниципальной периферии — кочевые, малокомплектные школы, детские сады-школы и пришкольные интернаты. Общей тенденцией станет размывание границ между видами учебных заведений, создание учебных комплексов, образовательных ассоциаций различных форматов, кооперация с другими учреждениями социально-культурной направленности — клубами, библиотеками, фельдшерско-акушерским пунктами; повышение открытости местных структур обучения для внешнего мира, вхождение образовательных учреждений периферии в различные региональные, северные, всероссийские образовательные ассоциации и сети. Это позволит им постоянно

получать новое знание и использовать его в учебном процессе и программах переобучения взрослых.

Развитие местного сообщества может проходить как изнутри, за счет повышения уровня образованности и энергии старожильческой популяции, так и извне, за счет усилий по привлечению молодых кадров в муниципальную периферию. Возможности привлечения работников извне в перспективе будут крайне ограничены по демографическим причинам и ввиду значительного отрыва северной периферии по уровню и качеству жизни от северных и российских центров. Однако ими нельзя пренебрегать. Разовые субсидии, льготные кредиты для молодых специалистов на приобретение квартир, жилых домов, стройматериалов, введение для них специальной контрактной системы и системы накопительных счетов способны повысить привлекательность муниципальной периферии для новоселов.

Даже рутинное, без выхода на новые направления и проекты, освоение пространств и ресурсов муниципальной периферии требует от местных сообществ значительных физических сил, для которых нужна физическая и интеллектуальная энергия, зависящая от состояния здоровья местной популяции людей. В низкоплотностных пространствах северной муниципальной периферии состояние здоровья населения, а значит, и его работоспособность, мотивированность на созидательный труд, очень тесно связаны с состоянием окружающей природной среды (устойчивости ее экологических, геомагнитных, климатических и других характеристик), которая непосредственно, без буфера защитной городской среды, как в центрах, воздействует на самочувствие людей.

Цель усилий в сфере здоровья жителей муниципальной периферии — увеличение средней продолжительности жизни и резкое сокращение распространенности хронического алкоголизма, врожденных аномалий детского развития, туберкулеза среди местной популяции людей. Достижение этой цели осуществляется за счет внедрения эффективных мер профилактики заболеваемости, кадрового укрепления медицинской службы и внедрения высокотехнологичных и мобильных видов медицинской помощи.

Доля расходов на профилактику заболеваемости в медицине муниципальной периферии Севера будет постоянно возрастать. Значительное усиление получат программы медицинской профилактики, обучения и повышения уровня знаний больных по наиболее распространенным заболеваниям (сахарный диабет, артериальная гипертония, бронхиальная астма), культивированию в сообществе здорового образа жизни.

Кадровое укрепление местной медицинской службы будет осуществляться за счет обучения местной молодежи в медицинских училищах периферии и центральных вузах, создания новой службы социальных работников (прежде всего по самым разрушительным для здоровья местной популяции людей социальным болезням — алкоголизм, туберкулез, наркомания, СПИД и др.), ко-

торых для работы с местной общиной будут готовить профессиональные колледжи северной периферии.

Старые формы борьбы с алкоголизмом имели очень широкий, неспецифичный радиус действия (взрослые, дети, мужчины, женщины, русские, коренные жители). Назрела необходимость нацелить программы преодоления алкогольной зависимости на отдельные группы получателей помощи: беременные женщины, молодые юноши, конкретная сельская община.

Борьба с алкоголизмом будет в значительной степени опираться на социальный капитал (способность к сплочению, кооперативности, взаимовыручке) местного сообщества. Как показывает зарубежный опыт, самый действенный способ одоления алкоголизма сообщества — это не прямая работа муниципальных или региональных социальных работников с местной общиной, но предварительная работа с лидерами общины и лишь на втором этапе работа обученных лидеров с самой общиной. В этом случае барьеры недоверия «к чужим» не являются тормозом государственным или муниципальным программам профилактики алкоголизма и излечения от алкогольной зависимости.

Община должна получить право принимать решения по режимам распространения алкогольных напитков в селе или поселке. Очень эффективными могут быть летние лагеря, в которых в течение одной недели исцелившиеся от алкогольной зависимости передают свой опыт тем, кто ею страдает.

Повышение доступности и качества лечебно-диагностической помощи жителям, проживающим в муниципальной периферии, будет осуществляться за счет развития института врачей общей практики, увеличения мобильных форм доставки медицинских услуг, приобретение новых модулей для фельдшерско-акушерских пунктов, портативного оборудования для выездных бригад центральной и участковых больниц.

В новой экономике знания культура перестает быть расходной отраслью социальной сферы, становится одним из важных факторов устойчивого экономического развития муниципальной периферии. Атрибуты культурного наследия, которые основываются на прошлом опыте освоения пространств и ресурсов этой территории, создают уникальный облик каждого поселка, способны стать его конкурентным преимуществом. Учреждения культуры муниципальной периферии (музеи, библиотеки, дома культуры) способны выполнить функцию основной коммуникативной площадки для жителей поселения — как между собой, так и с внешним миром: доступ в Интернет, проведение общерайонных конференций предпринимателей, предоставление дополнительных образовательных услуг, офисные площади для предпринимателей и т. д.

Формы и способы доставки социальных услуг в поселения муниципальной периферии в большей степени, чем сегодня, будут опираться на культурные обычаи и традиции местных сообществ. Именно за счет максимальной адаптации форм доставки и конкретных видов услуг медицины, образования,

культуры к размеру и специфическим чертам местного сообщества (совокупное состояние здоровья, уровень образованности и компетентности); и значительно более активного, чем сегодня, влияния местного сообщества на программы обучения и образования, медицинского и культурного обслуживания, будет обеспечена доступность социальных услуг для населения муниципальной периферии.

Другой фактор повышения качества и доступности социальных услуг для жителей муниципальной периферии — это использование современных информационно-коммуникационных технологий: телемедицинских сетей, дистанционной консультативной медицинской помощи для жителей и врачей в отдаленных селах, дистанционного образования, электронной библиотечной сети, технологий электронного правительства и др.

Глава 6

Пионерное освоение таежных пространств в постиндустриальную эру[77]

6.1. Пионерное освоение северной периферии как венчурный процесс

Пионерное освоение обширных сухопутных таежных пространств во все последние века было преимущественно российской спецификой, ее отличительной чертой в сравнении, например, с европейскими государствами, *вкладом России в мировую цивилизацию*. В XXI в. для России в целом стоит задача постиндустриальной трансформации всей экономики, всего пространства. А для территорий, оставшихся хозяйственно неосвоенными в прежние эпохи, — например, Приполярный Урал, Южная Якутия, Нижнее Приангарье — стоит масштабная и комплексная задача нового обустройства таежного пространства.

В 1990-е гг. начала радикальной экономической реформы в России казалось, что вахтовые формы организации работ, модульные технологии строительных работ, возникновение финишных переделов в местах добычи ресурсов — это характерные новые черты северных ресурсных проектов (освоения золоторудных и золотосеребряных месторождений Кубака, Джульетта, Арылах в Магаданской области, алмазных россыпей в Республике Саха (Якутия), бокситов Тимана в Республике Коми и др.) в рыночных условиях.

Однако теперь уже очевидно, что речь идет не просто о частном явлении — новых формах отработки отдельных ресурсных объектов, но шире и мощнее — о принципиально новом подходе, новой философии ресурсного освоения необжитых пространств. Крупная целостная проблема пионерного освоения необжитых пространств таежной зоны России не может быть сведена к решению частных задач реализации отдельных, даже крупных, инфраструктурных и инвестиционных ресурсных проектов Севера. Здесь возникает новос сис-

[77] Светлой памяти талантливого иркутского экономико-географа Кирилла Петровича Космачева посвящаю эту главу.

темное качество целостного преобразования всей пионерной территории, которое выступает пространственной проекцией всех новых закономерностей информационной, после-индустриальной эпохи — мобильности, модульности, легкости активов, сетевых конфигураций и др.

Новый подход к освоению ресурсных территорий России, как теперь очевидно, возникает не по причине перехода от плановой, административно-командной модели развития Севера к рыночной. Ломается вся прежняя индустриальная модель освоения Севера, вместо нее возникает новая, постиндустриальная, ведущую роль в которой играют информационные технологии, наукоемкий промышленный сервис, инновационные технологические и организационные решения.

В советское время усилиями прежде всего иркутской, новосибирской и московской школы региональных ученых (экономико-географов и региональных экономистов) была создана целостная теория освоения новых территорий[78], как мы теперь понимаем, индустриальной эпохи. В период радикальных экономических преобразований 1990-х гг. вместо нее стали возникать частные подходы — представления о специфике технологических и организационных решений, финансово-экономического механизма, государственного регулирования при реализации отдельных новых ресурсных и инфраструктурных объектов на Севере России. Эти представления возникали как итог эмпирического обобщения практики реализуемых крупным российским бизнесом и иностранным инвестором новых проектов (анализа бизнес-планов, схем денежного потока, конкретных стадий осуществления проекта).

Настало время и необходимость создавать целостную теорию освоения пионерных территорий в условиях уже постиндустриальной модели освоения Севера. *Ее фундаментальной особенностью является представление о пионерном освоении как инновационном, венчурном процессе.* Раньше информационный этап рассматривался исследователями как отдельный, первоначальный этап пионерного освоения[79], а вопросы изученности территории обособлялись в отдельный блок вопросов пионерного освоения. Теперь же очевидно, что процессы накопления нового знания, аккумулирования информации о территории нерасторжимо связаны со всем процессом ее освоения, а не только с какой-то отдельной его стадией. Вот в этом состоит фундаментальное углубление понимания роли факторов нового знания, инноваций, которые ранее были недооценены.

Пионерное освоение новых территорий в позднюю индустриальную эпоху (на Севере СССР это период 1970–1980-х гг.) идеологически, мировоззренчески

---

[78] См. например, *Космачев К. П.* Пионерное освоение тайги. Новосибирск: Наука, 1974; *Дергачев В. А.* Историко-географический анализ освоения территории. Автореф. дисс. канд. географ. наук. М., 1975. Реальное число публикаций на эту модную в 1970–1980-е гг. тему составляло несколько сотен.

[79] *Мосунов В. П., Никульников Ю. С., Сысоев А. А.* Территориальные структуры районов нового освоения. Новосибирск: Наука, 1990.

базировалось на теории экзогенного экономического роста. Это означало преобразование пространства на технологических и организационных решениях освоенных районов; упор на масштабные общесоюзные мобилизации капитальных вложений, материально-технических, человеческих ресурсов, направляемых в новые стройки века; абсолютное доминирование народнохозяйственных интересов страны над экономическими интересами местных сообществ и самого района дислокации очередного суперпроекта.

Конкретно на Севере СССР это выразилось в разрушении уклада аборигенных жителей, значительном загрязнении окружающей природной среды и предельной усеченности социального обустройства в районах нового освоения. Достоинства для страны этой модели освоения состояли в возможности сверхбыстрого начала освоения и выхода на пиковые объемы добычи стратегически значимых природных ресурсов.

Пионерное освоение новых территорий в постиндустриальную эпоху идеологически базируется на теории *эндогенного экономического роста*, что означает значительно большее внимание внутренним факторам — местным традициям, компетенциям (знанию), предпринимателям, лидерам — которые являются опорой для развертывания нового мегапроекта в районе пионерного освоения и работают на важнейшую задачу обеспечить инновационный, венчурный характер этому процессу; обязательное бесконфликтное согласование освоенческой деятельности с силами природы во имя требований экологической безопасности.

Идеология эндогенного экономического роста означает рост социальной направленности пионерного освоения, которое теперь обязательно преследует цели комфортизации среды одновременно для тех, кто здесь постоянно проживает, и для тех, кто ведет вахтовое освоение. Поэтому проблемы социального укоренения мегапроекта в новой территории выдвигаются как важнейшие. Это означает широкое распределение выгод от него в виде занятости для местных (в том числе аборигенных) жителей, программ обучения и переобучения; инвестиции в модернизацию объектов социальной инфраструктуры; увеличение площадей природоохранных земель — заповедников, заказников, национальных парков; увеличение земель традиционного природопользования и создание национальных предприятий в виде родовых общин, корпораций и др. Ценности традиционного жизнеобеспечения коренных народов (оленеводства и традиционных промыслов) получают приоритетное признание при согласовании отводов земельных участков для нового строительства.

Пионерное освоение в индустриальную эпоху было «отчуждено» от места дислокации, «нейтрально» к нему, основано на стандартных приемах и механизмах, унифицированных для всех крупных проектов по всей стране. С другой стороны, глубина «вчувствования» в местные особенности, специфические свойства пространства, ресурсов, аборигенных сообществ — процесса пионерного освоения новой эпохи против прошлой просто беспрецедентная.

Поэтому, например, абсолютно неслучайно, что «подхватить» проекты малой энергетики удается именно теперь, когда модель пионерного освоения максимально настроена услышать их нутряную специфику, которая в прежней модели полностью игнорировалась. К особенностям местных малых энергоносителей гибко адаптируются новые технологические решения.

Местные региональные университеты и колледжи в значительно большей, чем ранее, степени вовлекаются в процесс пионерного преобразования территории. При них создаются инкубаторы, технопарки как площадки постоянного взаимодействия местной власти, бизнеса, науки, локальные инновационные системы, в которых экспериментально отрабатываются новые технологические и организационные решения для вовлечения ресурсных объектов зоны пионерного освоения, осуществляется доводка национальных и мировых изобретений до местных условий. Эти структуры интегрируют мировое знание, мировой опыт и одновременно аккумулируют местное знание о районе нового освоения. Здесь оказываются услуги наукоемкого промышленного сервиса[80] для объектов нового освоения.

Роль промышленного сервиса, сконцентрированного в технопарках, будет возрастать по мере того, как российские компании — участники пионерного освоения — перестанут полагаться только на свой, доморощенный, инженерно-проектный потенциал, и выйдут на широкую контрактацию с современными инжиниринговыми, консалтинговыми структурами страны и зарубежья. Филиалы некоторых из них вполне могут быть сконцентрированы в технопарках поблизости от зоны пионерного освоения, чтобы максимально не потерять экспертное знание о ресурсах и территории.

Иной становится роль малых сел и поселков, которые расположены в зоне пионерного освоения. Они начинают подпитывать этот процесс экспертным, «неявным» знанием о территории. Их экспертные подсказки первостроителям становятся не исключением, как то было раньше (известна, например, помощь каюров-эвенов в транспортировке грузов геологических экспедиций в районах нового освоения Иркутской области, Республики Саха (Якутия), Магаданской области), а правилом, и осуществляются в виде постоянных консультаций, общественных слушаний, обсуждений.

Отчужденность процесса освоения от места дислокации в прежнюю эпоху проявлялась в минимальном создании перерабатывающих производств (сверхзадачей была быстрейшая отправка полученного ресурса на дальнюю переработку в центры страны) — несмотря на постоянные призывы ученых к этому. С другой стороны, пионерное освоение на философии эндогенного экономического роста нацелено на локализацию цепочки добавленной стоимости, организацию глубоких переделов в месте добычи природных ресурсов

[80] Наукоемкие услуги связаны с предложением и управлением знанием и неосязаемыми активами. Наукоемкие услуги имеют знание на входе и знание на выходе, т. е. трансформируют старое знание в новое знание.

(прежние затраты на доставку сырья до порта назначения, разгрузку, доставку до «южного» перерабатывающего комплекса минимизируются).

В раннеиндустриальную эпоху комплексность освоения состояла в том, чтобы создать в новой территории замкнутые, по возможности самообеспеченные энергией, теплом, продовольствием хозяйственные структуры (нередко лагерного типа). В позднеиндустриальную эпоху комплексность понималась как технологическое сопряжение нескольких производств на площадке территории нового освоения. Такая локализованная комплексность достигалась очень редко (мешала ведомственность — слабо скоординированная и увязанная между собой работа в зоне пионерного освоения крупных союзных ведомств, каждого по своему плану и на свои задачи), чаще она обеспечивалась в пределах более широкого контура всей страны (что называлось ЕНХК — единый народнохозяйственный комплекс).

Особенность нового пионерного освоения в том, что *комплексность теперь понимается не как локальный феномен, что было характерно для раннеиндустриальной эпохи, не как национальный феномен, что было характерно для позднеиндустриальной эпохи, но как «глокальный», одновременно глобальный и локальный феномен*, как единство локальных и глобальных интересов и требований. «Рычаг» больших глобальных интересов используется для решения десятилетиями отложенных локальных проблем. Одновременно с прокладкой магистральных энергетических, газовых сетей идет ускоренная прокладка локальных сетей местного теплоэнергообеспечения, увязанных с магистральными сетями. Взаимная увязка магистральных сетей, ориентированных на решение глобальных интересов, и распределительных сетей, призванных обслуживать сугубо локальные интересы, становится правилом для многих районов пионерного освоения развертывания крупных мегапроектов.

В Республике Саха (Якутия) строительство новых межрегиональных участков железной дороги Беркакит — Томмот — Якутск используется, чтобы нанизать на нее местные отрезки автомобильных дорог; под строительство федеральных межрегиональных автомобильных трасс республика подтягивает реконструкцию собственной дорожной сети, увязанной, комплексирующей с федеральными трассами. Разработка крупных месторождений газа на шельфе Сахалина, прокладка транссахалинского газопровода, ориентированного на азиатский рынок, используются одновременно для того, чтобы осуществить долгожданную газификацию районов Сахалинской области, Приморского и Хабаровского края.

В Березовском районе, в зоне действия мегапроекта пионерного освоения Приполярного Урала, запланировано строительство нескольких крупных электростанций на бурых углях северо-сосьвинских месторождений, для последующей переброски выработанной энергии потребителям Промышленного Урала. Опережающим образом участки тех же буроугольных месторождений будут осваиваться на инновационных технологиях пиролиза и газификации

для формирования местных энерготехнологических цепочек и резкого удешевления теплоэнергообеспечения села Саранпауль, развития здесь малых, местного и регионального значения, инвестиционных проектов.

Пионерное освоение проходит теперь одновременно в локальной и глобальной среде, чего никогда в такой степени не было ранее. На него одновременно воздействуют глобальные и локальные требования. Например, успех местного бизнеса, зарождающегося на ресурсах Приполярного Урала, зависит от того, в какой степени он будет гармонизирован, встроен в требования глобальной системы сертификации качества продукции и технологий ее получения (международная лесная сертификация, ИСО-9000 и др.).

В процессе пионерного освоения одновременно с глобальным интернационалом работников, экспертов со всей страны, со всего мира, участвуют всегда и местные жители: глобальный опыт интегрируется со знанием местных экспертов, мировой опыт адаптируется к местному контексту.

Старая проблема экспертизы союзных нормативов и понятий применительно к природным условиям территории пионерного освоения обретает новое звучание. В индустриальную эру считалось, что эффективность процесса освоения зависит от качества пространственной информации, степени ее регионализации. Для этого и проводилась ее экспертиза[81].

Тогда эта проблема рассматривалась *сверху вниз*: ***как*** средние по стране нормативы адаптировать, дифференцировать применительно к конкретным и зачастую очень специфичным условиям района нового освоения? Теперь же эта проблема рассматривается *снизу вверх*: ***как*** полноценно учесть местное, неявное, неформализованное знание (например, коренных народов) о районе пионерного освоения, связав его мостом экспертизы (т. е. интерпретации) с формальным, легко передающимся? Это очень важная процедура именно для районов пионерного освоения, где много экспертного неформального знания (передача которого существенно зависит от степени доверия между партнерами по коммуникации), но еще мало формального ввиду недостаточной изученности. Экспертиза ключевых понятий становится инструментом формализации неявного знания о районе нового освоения, перетока неявного, традиционного, привязанного к месту, знания в формальное, содержащееся не в головах и навыках, умениях экспертов, а в печатных, цифровых источниках.

Игра масштабами — от глобального до локального и обратно — в такой степени становится правилом в новом пионерном освоении, что меняется характер основных организационных структур, осуществляющих обустройство новых пространств (государственных корпораций, управленческих компаний и др.). Они одновременно *гибридно* сочетают глобальное и локальное начало, передают на субконтрактинг местным фирмам значительную часть зака-

[81] *Космачев К. П.* Проблемы экономико-географической экспертизы информационной базы территориальной организации производства // Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1974. Вып. 45. С. 3–11.

зов, создают на территории своего развертывания многочисленные ассоциации со структурами гражданского общества, неправительственными организациями и структурами власти, при этом сохраняют свой национальный или глобальный характер. Глокальный императив пионерного освоения означает не характерный ранее, разнообразный по формам альянс пришедших больших организаций с местными малыми фирмами (в виде аутсорсинга и субконтрактинга).

Процесс пионерного освоения неразрывно связан с доминирующей философией хозяйства той эпохи, когда он осуществляется. Например, первоначально развитие западного склона Урала в XVII–XVIII вв. проходило в эру господства принципов меркантилизма, когда мощь страны определялась величиной ее внутренних накоплений, в основном золота. Естественно, что хозяйственное освоение западного Урала находилось под влиянием этих представлений и потому было нацелено на увеличение российских запасов драгоценных металлов.

Новая философия хозяйства нашего времени состоит в признании знания основным источником экономического успеха, а инновации — главным фактором конкурентоспособности товаров и услуг. В соответствии с ней освоенческий процесс понимается теперь как инновационный в пространстве необжитой территории, на которую приносится новое знание в виде новых технологий, венчурных финансов и фирм (своеобразный пространственный старт-ап).

Инновационная, знаниевая, венчурная природа пионерного освоения поднимается как самая главная, как основная, выходит на первый план. Все закономерности инновационного процесса как самого главного, доминирующего (ритмика, рисковая природа, нелинейный характер) переупорядочивают под себя и характеристики процесса пионерного освоения. Инновационный процесс предполагает постоянное взаимное обучение друг у друга всех его партнеров, своеобразное перекрестное (сетевое) опыление друг друга новым знанием. Это не линейный процесс «от меньшего к большему», а петлеобразный «вперед — назад», с постоянными прямыми и обратными связями.

В новых условиях значительно повышаются требования к координации всех участников процесса пионерного освоения, и не только потому, что их становится значительно больше, чем в индустриальную эру (крупные и малые бизнес-структуры, структуры гражданского общества, некоммерческие организации и др.). Координация всех участников пионерного освоения критична именно потому, что этот процесс теперь становится инновационным, венчурным в значительно большей, чем ранее, степени. Конфликты или даже неполнота сотрудничества, партнерства организаций и экспертов приводят к потере знания, его сокрытию, что разрушительно для инноваций. Инновации рождаются только при нацеленности всех игроков на кооперацию, а не конфликт, при подлинно командной работе не только профессионального сообщества, но всех игроков — от бизнеса, от власти, от некоммерческих организаций, от граждан-

ского общества. Чтобы информация не терялась, не исчезала в черных дырах конфликтов, передавалась оперативно и гладко, исключительно важна бесконфликтная доверительная коммуникация всех участников. (Ведь управление знанием — это по сути управление человеческими отношениями, отношениями между всеми участниками процесса пионерного освоения). Нужны специальные механизмы и гарантии, которые обеспечивают «гладкость» такой коммуникации в процессе пионерного освоения. Один из них — это государственно-частное партнерство структур бизнеса и государства, софинансирование объектов нового освоения, совместное создание венчурного фонда, фонда прямых инвестиций; двух и многосторонние соглашения структур федеральной, региональной, муниципальной власти, корпоративных структур (частных инвесторов) и местных, в том числе аборигенных, сообществ.

Ключевое отличие нового пионерного освоения — гигантская роль предприимчивости людей, их творческой энергии в успехе дела. Если раньше формирование новой стройки века проходило в атмосфере жертвенных мобилизаций материальных и человеческих ресурсов крупными госструктурами, то теперь пионерное освоение предполагает атмосферу постоянного творческого поиска, который часто ведут малые венчурные фирмы, состоящие в разных «союзах» с крупными корпорациями.

Эти малые компании придают экспериментальный характер всему пионерному освоению и максимально адекватны его новой инновационной природе. Они отрабатывают новые технологические и организационные решения первоначально на небольших пилотных проектах, которые крупные компании впоследствии смогут поставить на поток и тиражировать по всему району пионерного освоения. Ведут поиск по всему миру тех новых технологических и организационных решений, которые могут быть задействованы, при определенных корректировках, на местности района пионерного освоения. Их совершенно не было в индустриальном освоении, а теперь, в новую эпоху, успешное освоение новых районов без малых венчурных фирм просто невозможно.

Эти венчурные фирмы приходят в район нового освоения из оборонки, из авиационной промышленности, из предприятий бывшего Средмаша. Они несут с собой конкретные новые технологии отработки месторождений, обширные связи в мире российских технических экспертов, мощную инженерную культуру. Некоторые из них постепенно приобретают уникальную специализацию отработки месторождений в неосвоенных районах. Их можно назвать информационными брокерами между научными центрами крупных городов и необжитыми районами нового освоения. Именно высокорисковый, очень эмоционально окрашенный, период пионерного освоения дает им возможность максимально реализовать преимущества своей венчурной природы. На последующих стадиях освоения они обычно продают свои активы (природные объекты, лицензии, накопленные уникальные компетенции и технологии) крупным компаниям.

Пионерное освоение — это время «спринтеров», мобильных, предприимчивых, рисковых до авантюрности. На их энергии возникают здесь новые венчурные фирмы, приходят новые компании. Но их век короток. На смену им, после завершения пионерного освоения, приходят «стайеры», более консервативные и инерционные, обремененные семьями и чувством ответственности перед детьми.

Нельзя сказать, чтобы рисковая, авантюрная, природа пионерного освоения не была характерна ему раньше, в период освоения Сибири казаками Ермака, или прокладки Транссиба в обширных необжитых пространствах Сибири и Дальнего Востока. Она была всегда, но очень редко признавалась учеными как важнейшая, сущностная его закономерность. Новаторская природа пионерного освоения заглушалась, подавлялась другими особенностями — индустриальным масштабом, крупностью суперпроектов, напряженной борьбой с силами природы и др.

Но были и исключения. Около 25 лет назад в новаторской по постановке проблемы работе о природе пионерного освоения[82] уже было признано, что оно всегда означает отказ от рутины, требует действий, несоизмеримых с чередой плавных непрерывных повседневных решений, и не может быть объяснено в терминах существующих хозяйственных структур, которые всегда отрицает. В сегодняшних терминах это означает, что пионерное освоение — это процесс не постепенных, инкрементальных, а прорывных, радикальных инноваций, в ходе которого рождается принципиально новое качество — преобразованная территория, пространство опережающего роста.

В теории инновационного менеджмента различают продуктовые, процессные, организационные инновации. Первые появляются в результате разработки и выпуска на рынок новых товаров и услуг, вторые — разработки новых бизнес-процессов (например, автоматизированного управления, компьютерного контроля качества и др.), третьи — появления новых по дизайну, своей внутренней структуре организаций в бизнесе и общественном секторе. Какие из них имеют отношение к пионерному освоению? Все вместе! Потому что процесс пионерного освоения как комплексная инновация интегрально включает в себя все виды инноваций. Здесь присутствуют и новые товары, и новые схемы управленческих процессов, необходимые для успеха укоренения в необжитой территории, и новые организации.

Современный инновационный процесс концентрируется в крупных городских, столичных агломерациях. В пионерном освоении нет городов, нет городских агломераций, этих центров инновационной экономики. Как правило, это периферийные, ранее слабо развитые территории страны. *И вот через пионерное освоение инновационный процесс впервые проникает в муниципальную пе-*

[82] *Вертман А. А., Данилов-Данильян В. И., Рывкин А. А.* Стратегии освоения необжитых районов // Экономика и математические методы. 1981. Том. 17. Вып. 5. С. 890–910.

риферию Севера, в эти прежде сельские, агропромысловые, ареалы. А роль инновационных городских центров здесь играют форпостные и тыловые базы освоения, ближние наукоемкие университетские центры, при которых возникают инкубаторы и бизнес-парки. Отсюда квалифицированные кадры осуществляют постоянные челночные миграции в район пионерного освоения.

Результатом прежнего процесса пионерного освоения в индустриальную эру становились многочисленные монопрофильные ресурсные поселки вдоль новой железнодорожной или автомобильной трассы. В силу преимущественного использования вахтового способа инфраструктурного строительства и эксплуатации ресурсных объектов теперь при пионерном освоении новые стационарные монопрофильные поселения (почти всегда проблемные в долгосрочной перспективе, после отработки своего ресурсного объекта) практически не возникают.

Например, строительство и эксплуатацию железной дороги Обская — Полуночная предусматривается вести вахтовым методом с продленным рабочим днем в период вахты. Контрактная система набора работников предусматривает проживание их на стройплощадке без членов семьи; расселение работников в модульных, полностью укомплектованных жилых помещениях; использование мобильных производственных предприятий для обслуживания техники.

Для размещения вахтовых смен в местах значительных объемов работ (строительство средних, больших и малых мостов, малых водопропускных сооружений), в местах строительства железнодорожных разъездов будут созданы вре́менные поселки строителей, вертолетные площадки, при необходимости, комплектовочные базы. Численность работников при вахтовой эксплуатации железной дороги относительно нормативной будет уменьшена для различных служб на 10–30 % за счет внедрения «безлюдных» технологий, современного оборудования и совмещения профессий[83].

Природа инновационного процесса меняет характер прежнего индустриального пионерного освоения. Тогда в авангарде процесса были крупные суперорганизации — организационные иерархии (тресты времен ГУЛАГа, союзные ведомства и главки в последующий период), которые последовательно, постадийно (сродни производственному конвейеру) осуществляли проникновение в новую территорию в ходе строительства наземных трасс и новых ло́кальных центров освоения. Они были способны выполнить задачи оперативной мобилизации и передислокации значительных материальных активов, целых армий человеческих ресурсов, мощной концентрации капитальных вложений в новой точке роста.

Главные оргструктуры нового освоения — это «плоские» организации, которые представляют собой сеть взаимодействующих друг с другом ячеек,

[83] Использованы материалы технической документации мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный».

способные к гибкому включению и исключению узлов из сети. Новые информационно-коммуникационные технологии взламывают старую природу процесса пионерного освоения, основанную на хозяйственных иерархиях и линейной последовательности стадий. Теперь фундаментом этого процесса становятся *хозяйственные сети* крупных и малых фирм и параллельная единовременность сразу нескольких стадий освоения (не клин новой трассы, а фронтальное проникновение, диффузия инноваций в район нового освоения).

Время нового пионерного освоения организовано не по принципам линейного (этап пионерного, зрелого, старого освоения) конвейерного процесса от прошлого к будущему, но по более сложным (параллельным). Вместо последовательности стадий работ возникает плотное временно́е сопряжение, синхронность строительства сразу нескольких соподчиненных блоков, отрезков, участков, что резко сокращает период пионерного освоения. Это означает одновременное начало процесса пионерного освоения сразу из нескольких точек, сосуществование сразу нескольких тыловых баз и нескольких транспортных схем для отправки людей и грузов в новый район.

Инновационная природа нового освоения раскрывается в концепции пилотных (экспериментальных) проектов — по сути, опытных полигонов, главная миссия которых — отработать новые технологические и организационные решения прямо в месте пионерного освоения, а потом тиражировать их на новые объекты района пионерного освоения. Вспомним, что в прежнем пионерном освоении индустриального времени в районе нового освоения *тиражировались не здесь найденные решения, а решения староосвоенных районов.*

Остановимся более подробно на общих чертах новых технических и технологических решений, реализуемых теперь в процессе пионерного освоения. Их основополагающими принципами становятся «легкость» в смысле маневренность, транспортабельность, компактность; гибкость в смысле быстрая переключаемость связей с одних узлов на другие, способность к оперативному наращиванию производства продукции за счет ввода новых технологических модулей при изменении спроса, готовность к смене технологии.

Принцип совместимости с природной средой (экологической безопасности) реализуется, например, в малоотходности новых добычных и перерабатывающих ресурсных производств; в прокладке газопроводов без вскрытия грунта; при строительстве новых дамб, нацеленных не столько принять удар стихии наводнения, но направить ее в безопасное русло, безлюдное пространство.

При всем колоссальном многообразии инновационных решений, реализуемых при освоении нового района, есть типичные, которые можно перечислить как самые характерные. Это использование новых (например, теплоизоляционных, строительных) материалов, источников энергии, максимально опирающихся на местные ресурсы. Значительное распространение малых, мобильных, экономичных технологий добычного производства, например, в

процессе сжижения газа, утилизации отходов лесопереработки. Применение высокоточных, автоматизированных, гибких технологий и дистанционных форм наблюдения, анализа горных пород, руд и минералов, обучения, управления, обеспечивающих быстрое получение результата. Применение ГИС-технологий для изучения природно-ресурсного потенциала.

Идеология сетевых структур утверждается в технологиях дробления, разупрочнения исходного сырья до мельчайших песчинок, ячеек-частиц, атомов полимеров, которые при последующих реконфигурациях образуют материалы с новыми свойствами — например, брикетирование углей, получение древесных пеллетов из отходов деревообработки; создание полимерных и композитных труб.

Важнейшим приоритетом становится энергоэффективность. Новые малые технологии комбинированного производства тепла и электроэнергии, теплоэнергоснабжения характеризуются той степенью экономичности, которая была недостижима ранее.

Новое пионерное освоение востребует новый сухопутный транспорт, который сочетает экономичность прокладки сети коммуникаций и возможность всепогодной эксплуатации на «капиллярных» участках протяженностью до нескольких сотен километров, соединенных с трассами магистральных автомобильных и железных дорог. Таким транспортом может стать подвесная монорельсовая дорога на сваях или опорах типа ЛЭП, которая уже проектируется для транспортировки грузов на короткие дистанции для Приполярного Урала. Речь идет о струнном транспорте Юницкого, который будет задействован для доставки бурого угля с Борисовского участка Люльинского месторождения до села Саранпауль, где предполагается его пиролиз и получение финишной углехимической продукции.

6.2. Новая природа процесса пионерного освоения в контексте динамики свойств природных активов

Очень многие реализуемые сегодня российские проекты пионерного освоения новых ресурсных районов десятилетиями обсуждались еще в советское время. На некоторые ресурсные объекты в этих предполагаемых районах нового освоения была подготовлена детальная документация с технико-экономическими обоснованиями целесообразности отработки.

Например, крупные буроугольные северо-сосьвинские месторождения, расположенные в зоне сочленения восточного склона Урала и Западно-Сибирской низменности, с 1950-х гг. рассматривались в качестве сырьевой базы для промышленного Урала. Из-за отсутствия транспортных коммуникаций, способных круглогодично обеспечивать многомиллионные грузопотоки, эта идея не была тогда реализована практически.

Еще в 1970-е гг. в ходе геологоразведочных работ в западной горноураль-
части Березовского района было выявлено Усть-Маньинское месторож-
ие бентонитов. Несмотря на значительную потребность в них со стороны
приятий нефтегазового, машиностроительного комплекса, приступить к
аботке месторождения тогда не удалось.

В Ханты-Мансийском автономном округе десятилетиями обсуждались
росы отработки малодебитных месторождений нефти и месторождений
онапорного газа. При стандартной отработке, ориентированной на круп-
объемы и немедленную транспортировку всего объема полученных неф-
ли газа по трубопроводным сетям, они были нерентабельны.

По каким же причинам все эти ресурсные объекты, известные уже деся-
тия, лишь теперь получают возможности реализации в северной перифе-
России? Представляется, что важнейшая объективная причина — это ди-
ика свойств природных активов на отрабатываемых месторождениях в
едние десятилетия.

Старая стратегия освоения пионерных территорий формировалась в услови-
тработки высокоценных и монопродуктовых (т. е. однородных, без допол-
льных включений), относительно легкодоступных природных ресурсов.
ие природные ресурсы позволяли крупным добывающим предприятиям по-
ить эффект экономии на масштабе, объеме операций. Все же другие объекты,
е ценные, более труднодоступные, содержащие не одно, а целый спектр
родных ресурсов в тонне руды, противоречили логике индустриальной мо-
освоения и потому длительное время не могли быть реализованы.

Постепенный переход к отработке месторождений с худшими свойствами
лонно уменьшал эффективность такой схемы освоения новых территорий.
ндартные технологические решения, скопированные из освоенных рай-
, не обеспечивали рентабельность отработки новых месторождений. Не-
аточны и решения, ориентированные на постепенные технологические
ршенствования типа «приспособление стандартной техники к северным
овиям». Нужны радикальные, прорывные инновации.

Чтобы широкомасштабное пионерное освоение состоялось на этих новых
ктах, оно должно фундаментально изменить свою природу, т. е. стать ин-
ционным, нестандартным по применяемым здесь технологическим и ор-
изационным решениям. Как ранее копирование технологий освоенных
онов было правилом пионерного освоения, так теперь *правилом станов-
ся применение новых технологических решений*, прочно адаптированных к
ифике свойств конкретного природного объекта.

Динамика свойств природных активов в направлении ухудшения их каче-
и доступности объективно выдвигает на повестку дня другую стратегию
ения, «заточенную» на получение эффекта экономии на разнообразии, на
льный учет специфики свойств конкретных местных природных ресурсов
их среднестатистических классов и типов) во имя комплексности отра-

ботки извлекаемого сырья и экологичности, малоотходности созданного производства. То есть всего то, что прежняя модель не умела обеспечить.

Вдруг огромное количество месторождений оказалось не однородными по минеральному сырью, а смесовыми (помимо основного, содержат включения других видов минерального сырья), на что ранее не обращали внимание или просто игнорировали все виды «побочного» сырья. На таких, часто большеобъемных, месторождениях среднего класса только новые технологии, тонко настроенные на их свойства и предусматривающие переработку прямо на месте (пространственную локализацию стадий добычи и переработки), обеспечивают рентабельность. Например, глубокая высоко технологичная переработка газа — метана прямо на месте позволяет увеличить товарную ценность сырья в несколько раз и превращает эксплуатацию месторождений низконапорного газа в экономически привлекательную.

6.3. Переоткрытие старых понятий теории освоения

Теория пионерного освоения индустриальной эпохи включала в себя концепции линейно-узловой структуры освоения, иерархической системы баз освоения, энергопроизводственных циклов и территориально-производственных комплексов и промышленных узлов. Рассмотрим теперь, как меняется трактовка этих понятий в условиях постиндустриальной трансформации.

Новая природа освоенческого процесса как инновационного, венчурного означает повсеместный отказ от иерархичности, линейности, последовательной стадийности в его пространственной и временно́й организации, что было свойственно для освоения как индустриального конвейера. Сущность его новой организации сетевая, потоковая. Поэтому даже те элементы территориальной структуры районов нового освоения, которые ранее изучались как линейно-узловые (например, дорожные трассы и базы освоения) теперь рассматриваются как сетевые конфигурации (ядра и отрезки сети), в которых многие ядра (вре́менные вахтовые поселения) недолговечны, а транспортные сети между ядрами никогда не единственны, и всегда имеют различные альтернативные маршруты.

В старой модели различали иерархическую систему баз освоения: тыловые, самые крупные, расположенные вне зоны освоения и выполняющие для новой территории максимально широкие функции; форпостные, расположенные в крупных городских центрах в самой территории нового освоения; очаговые (локальные) в виде поселков, максимально погруженных в самый контекст пионерного освоения и выполняющих узкие обслуживающие функции (ремонт дорог, техники и др.)[84].

---

[84] *Сысоев А. А.* Экономико-географические аспекты изучения баз освоения // Теория хозяйственного освоения территории. Иркутск, 1979. С. 103–116.

Что меняется теперь в этой концепции? Исчезает жесткая иерархия системы баз освоения, когда тыловая была «выше», значимее по оказываемым функциям, форпостной, форпостная «выше» локальной, очаговой. Вместо нее повышается значение полицентричной системы равноценных тыловых, равноценных форпостных, равноценных локальных баз. Вместо иерархии возникают сети различных баз.

Вспомним, что первоначально при индустриальном освоении золотороссыпных месторождений бассейна Верхней Колымы в 1930-е гг. сохранялись две равноценные входные базы — через Северный морской путь и через Магадан, расположенный на побережье Охотского моря. Потом выжила только одна база — Магадан, через которую и осуществлялись основные поставки грузов и людей на прииски Верхней Колымы. Альтернативность схем выхода из зоны пионерного освоения по транспортным каналам и по набору входных баз, в прежней системе, если и существовала первоначально, то потом долго не могла сохраниться.

Особенность современной ситуации в том, что *система нескольких равноценных форпостных баз для района пионерного освоения сохраняется* (ни одна из них не хиреет со временем). Возможности новых информационно-коммуникационных технологий позволяют поддерживать между ними надежную координацию из района нового освоения и с «материка», что обеспечивает их синхронную и эффективную, дополняющую друг друга, работу, взаимодействие между собой.

Между природой пионерного освоения и функцией баз освоения есть соответствие. В индустриальную эру поэтому функции тыловых баз были направлены на обеспечение нового района материально-техническими ресурсами, важнейшими услугами по строительству, транспортировке, хранению грузов. В новую эпоху они призваны укрепить инновационную сущность процесса пионерного освоения. Закономерно, что среди функций таких тыловых баз теперь возвышаются интеллектуальные, наукоемкие.

Раньше роль тыловых баз играли крупные индустриальные промышленные центры, которые примыкали к зоне пионерного освоения. Теперь эта роль принадлежит научным университетским, креативным центрам, которые могут быть расположены и дальше от зоны пионерного освоения, но за счет плотной коммуникации кадров, их регулярного коммутирования между базами-центрами и периферийной территорией пионерного освоения поддерживают с ней постоянные связи (центро-периферийная модель взаимодействия).

Определить их перечень позволяет анализ реестра межрегиональных контрактов муниципальных образований Югры за 2005 и 2006 гг.[85]. В общем перечне партнерских мероприятий нами обособлялись меры, направленные

[85] Информация Комитета по внешним связям Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

на повышение квалификации, переобучение, обучение новым технологиям, проведение обучающих семинаров. Предполагалось, что города, в сотрудничестве с которыми доля таких мероприятий больше, могут претендовать на статус интеллектуальной, информационной базы освоения для Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Средний процент всех обучающих мероприятий в общей структуре мероприятий межрегионального сотрудничества муниципалитетов составил в 2005 г. — 14, в 2006 г. — 15. Самая высокая доля обучающих мероприятий от сотрудничества со структурами Санкт-Петербурга. Именно этот город несет для муниципалитетов округа максимальный интеллектуальный заряд. За ним следует Пермь. Сотрудничество с ней также значительно улучшает качество человеческих ресурсов округа, партнерские мероприятия способствуют передаче новой информации и знания в муниципалитеты округа. Затем — Самара. Любопытно, что все эти города-базы опережают следующую за ними Москву по сравнительной «силе» интеллектуального заряда от мероприятий сотрудничества. Тюмень, Челябинск и Новосибирск опережают Екатеринбург по доле обучающих мероприятий. Вот мы и выявили перечень основных интеллектуальных баз для округа и районов нового освоения Югры.

В индустриальной модели пионерное освоение опиралось на множество созданных специально локальных баз, многие из которых впоследствии становились проблемными монопрофильными поселками и городами. По причинам дефицита демографических ресурсов и новой идеологии минимализма при создании новых элементов постоянного расселения, упора на вахтовые формы отработки ресурсных объектов, теперь количество локальных баз существенно меньше. В их роли, как правило, выступают уже длительно существующие поселки старожилов и национальные села.

Что касается форпостных баз, расположенных вблизи района пионерного освоения, как правило, в том же регионе, то они являются теперь плацдармом для малых и средних предпринимателей, муниципальных хозяйственных структур, которые отсюда осуществляют поставки строительных материалов, нефтепродуктов, угля, продовольствия для потребностей района нового освоения, где нередко создают свои дочерние филиалы.

Внутри района нового индустриального освоения нередко начинались энергопроизводственные цепочки — ядра территориально-производственных комплексов. Энергопроизводственная цепочка состояла в использовании энергии от крупных месторождений угля, нефти и газа в процессе преобразования сырья с получением на выходе (подчас далеко от места добычи самого энергоносителя) строительных материалов, пищевой, лесоперерабатывающей продукции и др.

Увеличение «капризности» свойств природных активов в результате их неуклонного истощения, ухудшения их свойств, резко повышает значение нестандартных специфичных технологических решений в добыче и пере-

работке ресурсов. Раньше для начала отработки высокоценных месторождений использовались стандартные схемы, которые *затем уже* поправлялись многочисленными рационализаторскими предложениями. *Теперь же сама возможность начала освоения, начала отработки месторождения определяется такими «рационализаторскими» предложениями, инновациями, заточенными на данный объект, без которых его отработка просто не будет рентабельной.* Именно стартовые, исходные рацпредложения определяют саму рентабельность данного объекта и потому саму возможность освоения в целом.

Поэтому нет теперь единой стандартной энергопроизводственной цепочки, одинаковой для северных и для центральных районов. Вместо одной возникает множество конкретных схем, адаптированных к специфике конкретных свойств конкретного ресурса.

Но это означает, что *исходным, самым главным для развертывания новой хозяйственной цепочки становится не сам ресурс, а знание, идея, технология, **как** организовать его рентабельную добычу и переработку.* Именно в силу необходимости применять инновационные технологии извлечения и переработки, знание становится первичным в новой хозяйственной цепочке. Цепочка начинается от нового знания, от новых компетенций.

Знание забегает вперед, *опережает* ресурс, потому что сам по себе этот источник ввиду его трудных свойств еще ничего не значит и не решает в будущей цепочке. Сама возможность цепочки зависит от конкретного знания, как трансформировать уникальный перечень местных свойств данного источника энергии в полезный фактор производственного процесса. Например, вне новой технологии «Карбоника», вся энергопроизводственная цепочка на буром угле Люльинского месторождения просто неинтересна, нерентабельна.

Цепочка формируется, начинается теперь не от энергии, а от знания. Поэтому точнее говорить не про энергопроизводственную, а про инновационно-хозяйственную цепочку, признавая первичность инновации, нового знания, ***как*** рентабельно вовлечь в народнохозяйственный оборот данный ресурс.

Энергопроизводственная цепочка раньше нередко была пространственно разнесена на сотни километров. Новая инновационно-хозяйственная цепочка предполагает глубокую переработку добытого ресурса, энергоносителя, прямо в месте добычи, что обеспечивает рентабельность добычи. *Одна добыча без глубокой переработки на месте нерентабельна в условиях современных природных активов со средними свойствами.* Но глубокая переработка прямо на месте требует проникновения в сердцевинные свойства, особенности данного природного актива, т. е. наличие уникального экспертного знания, компетенций, как именно этот ресурс «брать», глубоко перерабатывать. Требования подобного рода никогда ранее не звучали так императивно, как теперь. Потому что тогда не было задач глубокой местной переработки, гнали полу-

вания свойств шельфовых нефтегазовых залежей при реализации предыдущих стадий. Например, реализация первого этапа освоения с использованием платформы ПА-А позволила получить важные промысловые и эксплуатационные данные, которые используются для оптимизации второго этапа реализации проекта «Сахалин-2». То есть речь идет не о линейной технологической соподчиненности стадий строительства на разных этапах, но скорее о прямых и обратных информационных влияниях предыдущих и последующих стадий, нарушении стандартной, привычной для нас в индустриальную эпоху, временно́й соподчиненности стадий освоения.

Другая управленческая технология, направленная на снижение рисков, состояла в раздельной контрактации по каждому виду деятельности — восемь основных на строительство, кроме того, бурение, а также проектирование и материально-техническое снабжение. Кредиторы же требовали реализации проекта по одному контракту с одновременно оплачиваемой ценой на проектирование, материально-техническое снабжение и строительство (жесткая, «под ключ», схема). Соображения рентабельности, базирующиеся прежде всего на многогранном учете всех неопределенностей и рисков проекта, обусловили выбор первой, *более гибкой и потому более адекватной местным природным и социальным условиям, схемы контрактации.*

Конкретные навыки управления отдельными технологическими операциями в новом сахалинском проекте очень часто передавались в процессе обучения техники безопасности. Программы обучения персонала обязательно включали навыки поведения в условиях неожиданных сбоев систем, учитывали особенности человеческого мышления в условиях замкнутых изолированных пространств (рабочих площадок), знакомили со специфическими стрессоустойчивыми технологиями работ, которые широко применяются глобальными компаниями в условиях сурового климата и длительной автономной работы. Основные производственные объекты, функционирование которых сопряжено с высоким риском, укомплектовывались минимально необходимым числом работников-вахтовиков. Как правило, по причинам безопасности при отсутствии достаточных оснований совмещенные операции не предусматривались.

Возвышение приоритетности проблем безопасности при реализации мегапроектов пионерного освоения являются естественным результатом их новой вероятностной, потому высоко рисковой природы, абсолютно отличной от жестко регламентированной природы процесса освоения индустриального периода с присущей ему традицией директивного планирования и «механического», детерминистского мышления.

Оператор проекта Сахалин-2 предпринял значительные усилия по обучению персонала. Эти программы были многообразны и включали теоретические и практические курсы, лекции, семинары, обучение с использованием дорогостоящих тренажеров, дистанционное обучение, языковую подготовку и

стажировку за рубежом. Все рабочие проходили в требуемом объеме базовые курсы инструктажа/переподготовки по вопросам охраны здоровья, защиты окружающей среды и безопасности труда. Программы обучения включали курсы переподготовки и вводные курсы обучения для обеспечения необходимого понимания и уровня знаний для каждого рабочего на конкретном рабочем месте. Проводилась идентификация и ликвидация пробелов в знании и навыках работников, было запланировано внедрение специальной программы развития уровня компетентности работников. Был создан учебный центр для выпускников школ, в котором осуществляется подготовка квалифицированных кадров для нужд компании. Для преодоления зазора между потребностями предприятия района пионерного освоения и жизненными планами выпускников школ, были инициированы программы подготовки сотен специалистов, имеющих среднее образование. Им предлагались наиболее привлекательные для них постиндустриальные профессии и виды деятельности. Срок подготовки специалистов на базе среднего образования — от 18 месяцев до двух лет в зависимости от возраста (от 21 до 25 лет и от 26 до 33 лет).

Наряду с новыми рабочими местами, потоком местных налоговых доходов, широкие по спектру подготовки специалистов и многочисленные программы обучения и переобучения жителей, находящихся в районе пионерного освоения, являются важнейшим направлением гуманизации всей сущности освоенческого мегапроекта, инструментом его социального укоренения в почву территории нового развития.

Другой важнейший инструмент социального укоренения мегапроекта был связан с развитием процедур субконтрактинга и аутсорсинга крупной компании-оператора проекта с местными малыми и средними фирмами. Толща создаваемых местных малых предприятий, непрерывно контрактующих с крупной корпоративной структурой пионерного освоения, сформировала своеобразную среду интенсивной двухсторонней передачи и аккумулирования новой информации и опыта. Эта среда укрепляет сущность пионерного освоения как инновационного, венчурного процесса. Для расширения круга потенциальных участников-субконтракторов компания — оператор мегапроекта «Сахалин-2» использовала процедуру электронных торгов.

Оператор оценивает по определенным критериям, ранжирует вероятных поставщиков, требует от них внедрения международных стандартов сертификации продукции, международных стандартов качества товаров и услуг (ИСО-9000, АПИ, АСМЕ и др.). По результатам непосредственного оценивания потенциальный подрядчик получал рейтинг А — рекомендуется, или Б — необходимо совершенствование и получал конкретные пожелания от заказчика, в каких именно направлениях необходимо улучшать качество производимой продукции и оказываемых услуг. В результате не только непосредственная компания — поставщик оборудования для проекта, но в свою очередь, и ее поставщик постепенно обретал стимулы к работе по мировым

стандартам и нормам под воздействием идущих назад по технологической цепочке импульсов.

В процессе подготовки сахалинского мегапроекта, включающего освоение нефтегазовых месторождений охотоморского шельфа и строительство транссахалинского газопровода был накоплен поучительный опыт оценки социального воздействия. Вопросы оценки воздействия на социальную среду получили отдельное освещение, были выведены за рамки ОВОС[88], впервые — в нарушение сложившихся в России и мире традиций — перестали быть его составной частью, но стали абсолютно самостоятельным значимым сюжетом. Этот шаг был призван продемонстрировать то значение, которое компания-оператор придает социальным проблемам, возникающим в результате деятельности проекта.

Решая социальные проблемы, компания разрабатывала свои собственные нормы и пользовалась директивами Всемирного Банка — операционная директива 8.70, «Мониторинг и оценка проектов»; операционная директива 13.05, «Контроль проектов», операционная директива 13.55, «Отчеты о выполнении проектов», операционная директива 4.30 «Переселение», операционная директива 4.20 «Коренные народы». Руководствуясь названными директивами, компания контролировала и оценивала сильные и слабые стороны своих действий в сравнении с подобными проектами, реализованными в мире. Такой подход существенно снизил вероятность конфликтов между проектом и сообществами жителей острова.

Был разработан Кодекс поведения компании при реализации проекта, который включал принципы непричинения ущерба жителям, защиты окружающей природной среды, эффективного использования сырья и энергии для производства продукции и услуг, подотчетности сахалинской общественности, использования передового опыта мировой нефтегазовой промышленности, формирования корпоративной культуры, с общими обязательствами и ответственностью всех занятых в проекте, минимизации воздействия на среду при организации вре́менных поселков строителей (например, запрет сбора дикоросов).

Компания создала специальную структуру по связям с местными сообществами (что тоже уникально в сравнении со многими другими проектами, реализуемыми в России и за рубежом), внутри которой находятся группа социальных проектов; сотрудники по связям с населением, проживающие непосредственно в населенных пунктах, потенциально затрагиваемых проектом, и работающие под руководством отдела внешних связей; сотрудники по связям с населением проекта модернизации инфраструктуры, которые работают в населенных пунктах, рядом с которыми расположены вре́менные поселки строителей и площадки для складирования; персонал подрядчиков по связям

[88] ОВОС — оценка воздействия на окружающую среду.

с населением. Эти группы принимали участие в проведении многоаспектных консультаций с общественностью и потому обладали ценной информацией для анализа, учета и проведения необходимых корректировок в ходе реализации проекта.

Сотрудники по связям с населением несут ответственность за сохранение отношений сотрудничества с местными сообществами во время строительства. Они постоянно проживают во вре́менном поселке строителей. Их работа, хотя и краткосрочная, является жизненно важной в плане обеспечения взаимодействия с местными жителями и подрядчиками во время строительства, чтобы свести к минимуму возможное неблагоприятное воздействие проекта и усилить потенциальные выгоды для населенных пунктов. Они осуществляют ежедневный и еженедельный мониторинг ситуации; ежедневно общаются с персоналом подрядчика по связям с общественностью; передают информацию сотрудникам других структур по связям с населением. Знание сезонов рыболовства, охоты, сбора дикоросов важно для оценки потенциального воздействия, связанного со строительными работами по проекту транссахалинского газопровода. А его невозможно получить статистически, но только в результате личных бесед и встреч в районах и поселках, жители которых испытают воздействие проекта.

Любой проект пионерного освоения, сопряженный с отводами значительных земельных площадей, всегда наносит ущерб традиционному жизнеобеспечению местных и коренных жителей. И поэтому всегда приходится решать вопросы определения потерь в добыче ресурсов дикой природы, искать пути справедливой компенсации этих потерь местным домохозяйствам. Компания — оператор проекта «Сахалин-2» разработала принципы в отношении охоты, рыболовства и сбора дикоросов, призванные регламентировать воздействие проекта на жизненно важные традиционные виды деятельности сахалинцев. Она предполагала выплачивать компенсации в случаях реального ущерба оленьим пастбищам, рыбохозяйственным акваториям и участкам; предоставлять возможность трудоустройства представителям народов Севера на те должности, для которых они имеют соответствующую квалификацию, а также предоставлять им возможность повышения квалификации и технического обучения.

Помимо обязательных выплат землепользователю, участки которого затронуты трубопроводным проектом, предусмотренных российским законодательством, в соответствии с международной практикой компания — оператор Сахалинского мегапроекта разработала программу дополнительной компенсации. Важнейшим принципом ее оказания было обязательство обеспечить условия, при которых население, которому выплачивается компенсация, будет материально обеспечено не хуже или даже лучше, чем до реализации проекта.

Консультации с общественностью, общественные слушания, формирование специальных структур по связям с сахалинскими сообществами, решали

для компании задачу формирования атмосферы доверия, открытости, критически важной при реализации такого масштабного и долгосрочного проекта (осуществляющегося на протяжении жизни двух поколений сахалинцев). На наращивание этого социального капитала были направлены значительные усилия и ресурсы.

Специалисты отдела социальной интеграции посетили свыше 60 населенных пунктов. Участие в консультациях приняло около 3000 человек. Это позволило исследователям установить лидеров в каждом населенном пункте, с которыми проводились серии интервью на каждом этапе реализации проекта — перед строительством, в самом его начале, непосредственно после начала, с регулярными промежутками во время строительства и по его завершении.

Отдельные усилия были предприняты для минимизации издержек, связанных со строительным бумом по трассе прокладки трассахалинского газопровода. Предполагалось, что в Сахалинской области произойдет резкое увеличение числа обслуживающего персонала и групп населения, концентрирующихся в районе поселков строителей. Это может сопровождаться негативными явлениями. Поэтому временные вахтовые поселки строителей будут, как правило, автономными. Самые вероятные сферы воздействия — это ближайшие к крупным строительным поселкам населенные пункты. Здесь социальные опасности от периода строительного бума могут быть наибольшими. Планировались превентивные меры, призванные нейтрализовать эти эффекты.

6.5. Новые институты для пионерного освоения в новую эпоху

Пионерное освоение новой территории всегда требует своей собственной системы норм и правил, отличных от действующих в освоенных районах. В XVIII в. на периферии феодальной царской империи, в Русской Америке, уже действовали нормы капиталистического накопления, торговли на широком рынке западного американского побережья. В XVIII–XIX вв. освоенческий процесс, продвигаясь на север и юг от ранее освоенного среднего Урала, одновременно освобождался от тесных рамок присущего ему посессионного права[89].

Но и во второй половине XX в. в районах Всесоюзных ударных строек действовали нормы, правила и структуры (например, старатели на добыче

[89] *Зубков К. И.* Глава 1. Экономические связи Урала с регионами Европейского Северо-Востока и Западной Сибири в ретроспективе // Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири / Отв. ред. В. В. Алексеев, М. К. Бандман, В. В. Кулешов. Новосибирск. ИЭиОПП, СО РАН, 2002. С. 17–54.

россыпного золота, рабочие — сдельщики на геофизических поисковых работах, вахтовики — строители горнообогатительных фабрик и др.), которые существенно расходились с официально установленными доктриной «развитого социализма» индустриального времени, как бы предвосхищали постиндустриальное будущее. А среднесоюзные нормативы окупаемости капитальных вложений здесь не работали — приходилось их регулярно корректировать под конкретную ситуацию района нового освоения.

Крупное противоречие современного периода, когда в России стартуют три мегапроекта пионерного освоения — Южная Якутия, Нижнее Приангарье, Полярный и Приполярный Урал — *расширение зоны хозяйствования на новые пространства не сопровождается одновременным освобождением от архаичных, консервативных институтов прошлой, индустриальной эпохи.* Реальности возникают новые — венчурного, инновационного пионерного освоения, а все российские институты (нормы, правила, структуры) никак не настроены на это, тормозят развертывание новых мегапроектов. Венчурная природа пионерного освоения не может полностью реализоваться, потому что ее сковывают старые рамки.

Для преодоления этого противоречия есть два пути. Первый (специфический) — принять специальный федеральный закон «О территориях пионерного освоения», который признает абсолютно особую природу этого процесса и создаст условия для усиления его инновационности, венчурности, в чем сегодня есть настоятельная необходимость (мы имеем дело не с новым индустриальным освоением, а с принципиально другим освоением необжитых районов на новых технологических и организационных решениях и принципах). В этом случае не потребуется вносить поправки в уже действующие законы, параллельно с ними возникнет абсолютно иное правовое поле, система норм и правил для районов пионерного освоения. Именно таким путем пошли в США, когда приняли в 1930-х гг. федеральный акт о Корпорации долины Теннесси.

Второй путь (неспецифический) — значительно усилить федеральное нормативное правовое обеспечение венчурных фирм, венчурного финансирования, которое в том числе предназначено и для районов нового освоения, внести поправки в систему действующих норм и правил, признав высокий риск инновационной, венчурной деятельности и потому необходимость ее более мягкого регулирования.

Например, венчурная компания, которая начинает на свой страх и риск комплексное освоение ресурсов зоны пионерного освоения, в результате своей первоначальной деятельности получает самый главный свой капитал — новое знание о местности и ее ресурсах. Но этот нематериальный интеллектуальный капитал, как и горно-геологические лицензии, обнаруженные природные активы в недрах, невозможно использовать в виде залога для привлечения банковских кредитов и дальнейшего наращивания активности в зоне пионерного освоения.

Рисковый характер инновационной деятельности предполагает необходимость создания системы венчурных финансов, которая включает специальные целевые фонды, банковские и бюджетные кредиты, другие источники для сквозного финансирования всех этапов инновационного процесса от посевных и стартовых вложений до стандартного кредитного финансирования на завершающих стадиях.

Очень важна система норм по социальному укоренению мегаструктур пионерного освоение. Речь идет об обязательности общественных консультаций с местными жителями, о компенсациях местным общинам за отвод земель под трассу новой магистрали, под разработку месторождений, о норме обязательного привлечения местных жителей в проект. Этот перечень обширен по мерам, и наряду со стандартными для всех проектов нового освоения обычно включает и специфичные.

Например, в правилах поведения компании — оператора Трансаляскинским нефтепроводом была явно выражена поддержка местному рынку труда — в форме обязанностей оператора привлекать коренное население, вести его обучение, чтобы обеспечить максимально возможное участие в проекте. В развитие этого требования компания — оператор «Алиеска» приняла специальную программу для коренного населения, по которой она тратит ежегодно 500 тыс. долл. на образовательные институты и организации, обеспечивая занятость и переобучение коренных народов штата. У этой программы есть наблюдательный совет, в который входят представители разных национальных сел. Часть работников принимается сначала на вре́менную работу, затем на постоянную.

Требования к программе обеспечения качества природной среды компанией — оператором «Алиеска» написаны таким образом, что хотя в явном виде не требуется привлечение именно местных ученых (это было бы дискриминацией других), но объем знания и требований к экспертам таков, что компания-оператор просто объективно вынуждена обращаться к ним за содействием в экологически чувствительных случаях. Таким образом, экологический фактор становится экономическим гарантом генерирования рабочих мест и потока дохода для местных специалистов — и это сформулировано почти как требование, т. е. не является предметом выбора компании.

В зависимости от того, какой именно природный фактор выступает главным интегратором района нового освоения, инновационный процесс протекает по-разному в пространстве необжитой территории. Для Южно-Якутского мегапроекта формирования единого гидроэнергетического комплекса таким интегратором выступает речная система (бассейн) реки Алдан.

Мегапроект основан на использо́вании гидроресурсов бассейна рек Алдан, ее притоков Учур и Тимптон и реки Олекма, где есть все условия для строительства гидроэлектростанций. Проект включает в себя строительство 8 ГЭС, суммарной мощностью 8,4 тыс. МВт и среднегодовой выработкой порядка 35 млрд кВт. час. ГЭС уникальны по своим энергетическим параметрам и ми-

нимальному воздействию на экологию. Зоны их водохранилищ практически не освоены, при их создании не затрагиваются населенные пункты и сельхозугодия. Реки Тимптон и Учур не судоходны. По оценкам затраты на строительство Южно-Якутского гидроэнергетического комплекса составят около 8,2 млрд долл., срок строительства пускового комплекса — 8–10 лет. В перспективе Южно-Якутский гидроэнергетический комплекс войдет в состав Единой национальной энергосистемы России. Предполагаемое начало реализации проекта строительства комплекса — 2008 г., окончание — 2021 г. Строительство Южно-Якутского гидроэнергетического каскада станет катализатором формирования объединенной энергосистемы Якутии, позволит передавать избыточную мощность и энергию в дефицитные районы Дальнего Востока, решить вопрос энергоснабжения центрального участка БАМа. Часть гидропотенциала, расположенная на реках Учур и Тимптон, может быть использована для экспорта электроэнергии[90].

Пространственная организация инновационного процесса предполагает особую шефскую роль петербургской школы гидроэнергетического проектирования в северных условиях и тесные постоянные контакты с ее специалистами, формирование пилотных участков в долинах горных якутских рек («инновационные речные долины») для отработки новых технологических решений гидростроительства.

Аналогично речная система Ангары выступает интегратором другого мегапроекта современной России — освоение Нижнего Приангарья. Ключевой его элемент — достройка Богучанской ГЭС. Предполагается осуществить строительство в два этапа — сначала первую очередь общей мощностью 1620 МВт, затем выход на проектную мощность в 3000 МВт электроэнергии. Другая составляющая мегапроекта — строительство основного потребителя энергии Богучанской ГЭС — алюминиевого завода. Новое предприятие станет одним из крупнейших по производству этого металла в России (проектная мощность около 600 тыс. т алюминия в год). Часть сырья будет поставляться предприятиям, расположенным в Красноярском крае.

Новые объекты лесопромышленного комплекса, в первую очередь Богучанский ЦБК, который будет использовать в качестве сырья лесные массивы правобережья Ангары, предполагается построить на первом этапе реализации мегапроекта. Для их освоения запланировано строительство моста через Ангару и автодороги Богучаны — Ангарский. Потенциальные проекты второго этапа освоения Нижнего Приангарья — Порожинское марганцевое месторождение (решает проблему дефицита этого металла в России), Тагарское железорудное месторождение, имеющее крупные разведанные запасы, Горевское месторождение свинца (одно из крупнейших в мире)[91].

---

[90] Использованы материалы Схемы развития и размещения производительных сил Республики Саха (Якутия) до 2020 года. М.: СОПС, 2006.

[91] *Грамматчиков А.* Снизу вверх // Эксперт. 2006. № 15 (509). 17 апреля.

С другой стороны, для мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный» природным интегратором выступает горная система Урала, его единый рудный пояс, целостность которого подчеркивается прокладкой железнодорожной трассы Обская — Полуночное вдоль восточного склона уральских гор. Мегапроект нацелен вовлечь в хозяйственный оборот минерально-сырьевые и топливно-энергетические ресурсы Полярного и Приполярного Урала, чтобы заместить ими дальний завоз сырья для старопромышленных предприятий южного Урала.

Строительство железной дороги намечено на 2009–2013 гг. Остается дискуссионным вопрос о необходимости ее электрификации. Без этого — как пока предусматривается во всех проектных документах — дорога останется чисто технологической, ведомственной, предназначенной для перевозки грузов. Но это противоречит отмеченной ранее тенденции гуманизации современного пионерного освоения необжитых районов. В данном случае это означает приоритет перевозки людей, пассажиропотока между ранее «островными» территориями Ямала и Югры и «материком» — Свердловской областью. По этой же причине целесообразнее трассировка автомобильной дороги в створ с железной дорогой, с формированием единой полимагистрали, а не отделенный от железной дороги маршрут Агириш — Салехард, как запроектировано сейчас.

В период 2009–2013 гг. осваиваются наиболее подготовленные к разработке виды твердых полезных ископаемых, добыча которых будет производиться в относительно небольших объемах и не связана со строительством железной дороги по восточному склону Урала: россыпное и рудное золото, цеолиты, кварцевый концентрат, бентонитовый порошок, уголь для местных нужд в объеме 100 тыс. т (Борисовский участок Люльинского месторождения). Создается пилотный энергетический комплекс на бурых углях в селе Саранпауль мощностью 15 МВт по электроэнергии и 100 тыс. Гкал по теплу с выработкой 6 млн кВт. ч в год для производственных нужд предприятий с. Саранпауля и населения. Часть добываемого угля пойдет на производство топливных брикетов для местных нужд.

Для создания полноценной минерально-сырьевой базы и пополнения поискового задела востребованных, остродефицитных и высоколиквидных твердых полезных ископаемых на Приполярном Урале значительно увеличивается финансирование геологоразведочных работ во всех работающих здесь местных и пришлых экспедициях. Значительные усилия предпринимаются в это время для энергосетевого строительства. Энергоузел Березово — Игрим намечается присоединить по линиям электропередачи 110 кВ Игрим — Пунга и Пунга — Приобье к электрическим сетям Няганьского энергорайона энергосистемы Тюменьэнерго, энергоузел ГТЭС Приполярная — Люлья — Саранпауль — к сетям энергосистемы Тюменьэнерго по ВЛ-110 кВ Саранпауль — Игрим. Намечается построить круглогодичную дорогу Березово — Игрим — Приобье и Светлый — Хулимсунт — Приполярный — Югорск. Игримский

колледж осваивает подготовку специалистов по новым профессиям для объектов Приполярного Урала[92].

Пространственная организация инновационного процесса на Полярном и Приполярном Урале предполагает мощную роль геологических и горно-инженерных школ уральских и сибирских центров, которые берут интеллектуальное шефство над ним; формирование пилотных экспериментальных участков в отдельных минерально-сырьевых узлах (Саранпаульский, Приполярнинский); интенсивные пространственные перетоки информации вместе с миграциями квалифицированных кадров между центрами обучения в само́м округе и Березовском районе (Югорский университет, Игримский колледж) и районом нового освоения.

[92] Использованы материалы проекта «Урал Промышленный — Урал Полярный», рабочие материалы Администрации Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Подробные характеристики мегапроекта приведены в опубликованных работах: *Латышев П. М.* Концептуальные основы инвестиционного мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный». Москва, 2007. Автореф. дисс. канд. эконом. наук; *Латышев П.* Инвестиционный мегапроект «Урал Промышленный — Урал Полярный»: содержание и значение // Российский экономический журнал. 2007. № 11–12 и др.

Часть 4

Внутренняя структура муниципальной периферии: центры и периферия

Переход к экономике знания сопровождается возникновением новой внутренней организации муниципальной периферии Севера — менее иерархичной, более «плоской», центро-периферийной. Повсеместно возвышается значение внутренних центров муниципальной периферии. Их динамичное развитие способно придать новый импульс развитию всей муниципальной периферии Севера. Сила муниципальных центров в сравнении с федеральными и субрегиональными состоит в том, что они лучше знают потребности своей периферии, способны стать локомотивами ее развития, взять на себя функции предоставления ей разнообразного сервиса. Наиболее удачно одновременное образование нескольких центров внутри периферии, которое способно существенно сократить ее размеры.

Генераторами центроформирования внутри муниципальной периферии в новую эпоху, как показывает отечественный и зарубежный опыт, могут выступать мегапроекты пионерного освоения, которые формируют локальные сгущения трудовых, материальных и инвестиционных ресурсов; новые (старые) структуры профессионального обучения (образования), которые способствуют созданию локальных сгущений информационных, знаниевых ресурсов; агломерационный эффект, который приводит к концентрации финансовых, информационных, материальных ресурсов и человеческого капитала.

Глава 7

Концептуальные представления о развитии городов-центров северной периферии

7.1. Сила и слабости северных городов-центров в эпоху экономики знания

Вопреки общему кризису на Севере России северные города-центры обрели повсеместно второе дыхание в 1990-е гг. радикальной экономической реформы, о чем свидетельствует рост их доли в региональной численности. При этом экономическое и демографическое значение промышленных городов, расположенных, как правило, вблизи крупных природных активов — Сусуман в Магаданской области, Певек в Чукотском автономном округе, Нерюнгри в Республике Саха (Якутия), Ухта, Усинск в Республике Коми и др., понизилось.

Бóльшая гибкость, обучаемость экономики северных административных столиц, их способность конвертировать прежние столичные командные функции в сервисные для всего региона, быстро осуществлять маневры, переключения с одного, ранее доминирующего вида деятельности на другие, обеспечили их жизнеспособность. Северные города-центры постепенно из индустриальных превращаются в сервисные.

Сила северных столичных городов состояла в том, что в этих административных советских центрах обычно располагались университеты, другие вузы (в СССР это сочеталось, в западных странах университеты не были жестко привязаны к административным центральным функциям города), научные академические и ведомственные институты; и этот факт помог столичным городам в новых условиях вновь обрести лидерство, на наукоемком сервисе для своих регионов. Накопленный человеческий капитал северных центров был подорван, но не истощен полностью в кризисные 1990-е гг. и потому обеспечил позитивные эффекты в виде сокращения издержек ведения бизнеса, формирования новых рабочих мест в секторе производственных и социальных услуг, значительная часть которых оказывается теперь для «трассы», для ре-

гионов размещения столиц. Путь от административных функций к экономике услуг оказался легче, чем путь к новой экономике монопрофильных индустриальных, промышленных северных городов.

Другим благоприятным фактором, обеспечившим жизнеспособность северных столиц, стало их более южное, следовательно, более комфортное, местоположение по сравнению с другими крупными городами своего региона. (Таковы были закономерности размещения административных столиц регионов Севера в СССР). Комфортность для проживания стала в новых условиях более значимым фактором, чем близость к ресурсам.

Северные столицы исходно формировались как форпостные базы, как сервисные центры, затем в эру советской индустриализации произошел их частичный разворот в административные промышленные центры, и вот теперь снова они превращаются в сервисные центры уже постиндустриальной эры.

На Севере России мало городов (а пространство, которое они обслуживают, исключительно велико), поэтому, как правило, столичные центры не имеют в своем регионе сильных непромышленных готовых конкурентов, занимают монопольное положение (чем реже размещение, тем монопольнее положение), что тоже помогло им возвыситься и оторваться от вторых в регионе городов — ресурсных центров.

В отличие от Петропавловска-Камчатского, Читы, которые являются промышленными административными центрами, Магадан принадлежит к более многочисленной группе северных столичных городов, выполняющих для своих регионов прежде всего сервисные функции (табл. 6). В настоящее время в городе проживает более 60 % населения области; процесс стягивания населения колымской периферии в областном центре проходил здесь в последние 15 лет наиболее высокими темпами по сравнению с другими северными региональными центрами — Якутском, Мурманском, Анадырем, Ханты-Мансийском, Петрозаводском, Сыктывкаром, Петропавловском-Камчатским.

Справочный материал по городу Магадану

Город Магадан основан в 1939 г., расположен в северной части Охотского моря, имеет выход в бухты Нагаева и Гертнера. Расстояние от г. Магадана до Москвы составляет 7110 км. Магадан — центр северо-восточной периферии России (Магаданской области), которая обладает значительным природно-ресурсным потенциалом — запасами драгоценных металлов, рудных полезных ископаемых, каменного угля, нефтегазовых ресурсов шельфа Охотского моря и др. Численность города в 1990-е гг. сократилась в результате оттока населения почти на треть; в настоящее время на территории городского округа площадью 1,2 тыс. км^2 проживает столько же, сколько в начале 1970-х гг. (около 107 тыс. чел.). Промышленная база Магадана представлена пищевой отраслью (включая рыбную), электроэнергетикой, машиностроением, цветной металлургией и стройиндустрией. Пригородное сельское хозяйство имеет в основном самообеспечивающий характер.

Магадан является единственным относительно крупным городом на огромной территории крайнего северо-востока России. Он развивался как форпостная база государства

для освоения природных ресурсов и политического присутствия на Северо-Востоке страны, при широком использовании принудительного труда заключенных «Дальстроя» на лионерном этапе освоения.

Город выполняет роль административного, научно-образовательного, информационного, транспортного, торгового центра Магаданской области — северо-восточной периферии России. В Магадане сосредоточены городские, региональные, федеральные службы. Сектор государственного и муниципального управления — крупнейший работодатель городской экономики. Совокупно федеральные, региональные и муниципальные служащие составляют около трети всех занятых в городской экономике.

Научный потенциал города представляют Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт, Институт биологических проблем Севера ДВО РАН, лаборатории ВНИИ золота и редких металлов, Магаданский зональный научно-исследовательский институт сельского хозяйства Северо-Востока, Международный научно-исследовательский центр «Арктика», отделение Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии.

Для Магадана характерно большое число учебных заведений и, соответственно, значительное количество учащихся школ, лицеев, профессиональных училищ, колледжей, студенческой молодежи с большой долей приезжих с территории Магаданской области. Градообразующей структурой Магадана стал университет, имеется множество филиалов столичных вузов. В городе расположена штаб-квартира Ассоциации университетов и колледжей стран Северного Форума.

Магадан располагает развитой телефонной сетью. По уровню телефонизации Магадан опережает такие дальневосточные города, как Хабаровск, Владивосток, Южно-Сахалинск. В городе достаточно развита инфраструктура современных информационных технологий, развиты средства массовой информации (в частности, существуют конкурирующие между собой многочисленные местные телевизионные аналитические и развлекательные компании, журналы, газеты). Город может предоставлять периферийным колымским районам телекоммуникационные услуги, услуги интернета, подтверждая свою значимость в качестве центра информатизации Магаданской области.

В бухте Нагаева размещается крупнейший морской торговый порт на северо-востоке России, который с помощью ледоколов остается открытым круглый год. От бухты Нагаево в начале тридцатых годов была проложена автодорога федерального значения «Колыма», протяженностью свыше тысячи километров, проходящая через районы добычи золота до Республики Саха (Якутия), с которой у территории имеются разносторонние экономические и культурные связи. В городе имеется аэропорт для внутрироссийских и международных авиалиний.

На территории города сконцентрирована социальная инфраструктура областного значения. Город располагает сетью учреждений образования, здравоохранения культуры, предприятий торговли, общественного питания, бытового обслуживания населения[93].

На фоне сжатия размеров магаданской экономики в последнее десятилетие в столичном городе происходят значительные структурные сдвиги: возрастает доля занятых в секторе услуг (управленческих, торговых, финансовых и др.), сокращается доля занятых в промышленности — обрабатывающих производствах, рыболовстве и др. (табл. 7).

[93] Информация мэрии города Магадана.

Таблица 6

Роль северных городов-центров в своем регионе, % (2004 г.)

	Анадырь	Дудинка	Нарьян-Мар	Салехард	Ханты-Мансийск	*Магадан*	Южно-Сахалинск	Петропавловск-Камчатский	Сыктывкар	Якутск	Петрозаводск	Чита	Мурманск	Архангельск
Численность, тыс. чел.	10,9	25,2	26,2	38,3	57,3	*107,0*	181,2	196,0	228,9	235,6	266,0	308,5	325,1	351,6
Плотность, чел/км^2	526,7	239	655	1984,5	169,6	*89,2*	201,3	490	349,3		2354	577,7	2167,3	1192,3
Доля по численности	21,5	64,0	62,4	7,3	3,9	*61,2*	32,6	55,7	24,5	24,8	37,8	27,2	37,2	27,4
Доля по среднегодовой численности работающих	23,5	70,7	73,4	7,3	4,9	*58,2*	43,5	58,8	28,4	25,6	33,4	24,2	36,6	32,0
Доля по основным фондам	36,8	75,8	14,1	0,2	0,5	*47,7*	69,5	45,5	17,3	49,6	53,7	5,7	18,6	48,9
Доля по объему промпродукции	23,2	–	1,4	0,2	0,5	*23,7*	18,3	62,3	24,3	18,1	20,9	42,7	19,7	18,5
Доля по работам по договорам стройподряда	–	24,8	44,2	2,2	2,8	*32,0*	31,7	51,0	22,2	22,9	30,1	43,9	36,0	22,1
Доля по вводу в действие жилых домов	–	–	94,8	24,9	11,2	*60,5*	85,0	69,1	52,4	50,2	56,8	62,8	–	34,1
Доля по обороту розничной торговли	35,4	68,1	92,4	5,1	3,3	*68,3*	60,1	70,6	35,9	40,4	56,9	67,6	57,8	43,7
Доля по инвестициям в ос-	100,0	14,3	74,8	3,1	9,0	*31,0*	11,5	40,4	18,6	33,8	24,5	57,1	39,2	13,0

Таблица 7

Структура занятости в муниципальном центре северной периферии (на примере города Магадана), %

	2004	2005	2006
Всего, тыс. чел.	44,8	45,5	47,9
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение (включая деятельность экстерриториальных организаций)	14,1	15,8	15,8
Транспорт и связь	14,3	13,6	13,2
Образование	11,5	11,6	11,0
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	11,7	11,3	10,8
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	10,6	10,0	8,5
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	8,3	8,3	10,4
Строительство	5,0	6,3	8,2
Производство и распределение электроэнергии, воды	6,5	6,3	6,2
Обрабатывающие производства	6,6	5,9	5,6
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	5,2	5,2	5,0
Финансовая деятельность	2,4	2,4	2,5
Рыболовство, рыбоводство	2,5	2,0	1,5
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1,2	1,2	1,4
Среднесписочная численность работников организаций, финансируемых из городского бюджета, тыс. чел.	23,1	17,4	16,5

В городе происходит быстрая диверсификация сектора услуг: расширение возможности получить производственные, юридические, информационные и прочие деловые и личные услуги. Магадан сегодня предоставляет возможность получения спектра услуг, практически не отличающегося от любого другого крупного города, что является серьезным притягательным фактором для населения колымской периферии.

Значительная доля услуг, промышленной и сельскохозяйственной продукции производится малыми предприятиями Магадана, на которых занято около пятой части всех работающих в организациях города. Малые предприятия осуществляют техническое обслуживание и ремонт автотранспортных средств; ремонт бытовых приборов и радиоэлектронной аппаратуры; перевозят грузы и пассажиров; занимаются ремонтом горношахтного и горного оборудования, морских судов; производят запчасти к буровым установкам; про-

изводят столярные изделия и мебель; цемент и сборный железобетон; выпускают швейные изделия; оказывают населению медицинские, санаторно-оздоровительные, образовательные, туристско-экскурсионные услуги; ремонтируют и шьют одежду и обувь. Преобладающими видами промышленной деятельности в малом бизнесе является производство пищевой продукции, вылов рыбы (сельди, горбуши, кеты, минтая, а также трубача и краба) и переработка рыбной продукции, производство рыбных консервов, добыча россыпного золота в районах колымской периферии в летний сезон.

Многие современные *проблемы* Магадана являются типичными для муниципальных городов-центров северной периферии. Они сужают его возможности эффективно выполнять функции интеллектуального центра для обширной северо-восточной периферии. В последнее десятилетие в связи с массовым оттоком квалифицированных работников в центральные районы России и на юг Дальнего Востока обострилась проблема компетентных кадров, прежде всего инженерно-технических работников. Остро ощущается и дефицит квалифицированных управленцев.

Доля ветхого жилья в Магадане остается одной из самых высоких среди северных и дальневосточных городов-центров. Особенность Магадана как города-центра обширной периферии состоит в том, что жилье требуется не только для самих горожан, проживающих в ветхом жилье, но и для жителей колымской периферии, многие из которых переселяются в областной центр.

Техническое состояние коммунальной инфраструктуры характеризуется высоким (более 70 %) уровнем износа, высокой аварийностью, низким коэффициентом полезного действия мощностей и большими потерями энергоносителей. Город вынужден осуществлять завоз угля по затратной схеме из центральных районов страны, унаследованной еще с советского времени.

Бремя жилищных и коммунальных затрат для городского бюджета исключительно велико и составляет около половины всех расходов. Эти ежегодные расходы могли бы идти на развитие городской экономики знания: ведь доля затрат на муниципальное образование составляет менее трети бюджетных расходов.

Каждый второй выпускник учебных заведений не может найти работу. Рынок труда в городе мал, при этом количество высших учебных заведений, готовящих молодых людей по различным специальностям, становится все больше. Устремления молодых людей не соответствуют потребностям организаций города в рабочей силе. В системе профессиональных предпочтений молодежи сохраняется устойчивая ориентация на профессии финансистов, юристов и другие профессии нематериальной сферы. С другой стороны, наиболее востребованными на рынке труда города являются профессии водителя автотранспортных средств различных категорий, бухгалтера со знанием компьютера, оператора системного сопровождения, секретаря-референта, повара, программиста, рабочие специальности для горнодобывающей отрасли.

В последнее десятилетие город сталкивается с проблемой постоянного возрастания доли пенсионеров, в том числе неработающих. В городах — центрах европейской России эта проблема обозначилась еще в 1970-е гг., но для Магадана является относительно новой. Ее следствием является рост нагрузки на работающих за счет иждивенцев и неработающих пенсионеров, необходимость расходования все большей части бюджетных средств на цели социальной поддержки и дополнительных медицинских услуг. Между тем обеспеченность города квалифицированным медицинским персоналом крайне низкая, медицинские учреждения недостаточно оснащены современным оборудованием и средствами диагностики.

По причинам удаленности и северных удорожаний в городе очень велики издержки любой экономической деятельности, высока стоимость жизни, стоимость основных составляющих потребительской корзины. По многим видам необходимых услуг Магадан возглавляет список самых дорогих городов Российской Федерации. Более половины всех предприятий города являются убыточными (предприятия легкой промышленности, производства строительных материалов, сельскохозяйственные предприятия и др.).

7.2. Масштаб трансформации городов-центров северной периферии

Развитие северных городов-центров должно рассматриваться в широком контексте меняющейся эпохи, постиндустриальной трансформации всей экономики России. Это означает пересмотр прежних функций северных столичных городов и определение их новой роли интеллектуальных центров для своей северной периферии.

Одновременно со спадом численности в 1990-е гг. началась трансформация функций города Магадана, изменение его отраслевой и пространственной структуры. Укрупненно в этой связи можно предложить два сценария перспективного развития города: как сервисного или как инновационного центра для северо-восточной периферии России. Первый для ближайших лет выглядит реальнее, второй — долгосрочнее. В первом сценарии многие феномены современного городского развития рассматриваются через призму становления города как крупного сервисного центра для своей периферии, акцентируется факт разрастания сервисных функций города Магадана и его перерождения из административного центра в сервисный. Во втором сценарии акцент ставится на превращение старопромышленного северного города в электронный, в котором нарастающее значение принадлежит экономике, основанной на знаниях; процессы информатизации захватывают все сферы муниципальной экономики, а постиндустриальное развитие из торжественных деклараций превращается в будничное дело для каждого жителя. Именно в таком аспекте

ставились вопросы постиндустриальной модернизации, например, промышленных городов северной Италии и немецкого Рура в 1970-е гг.

Представляется, что между предложенными двумя сценариями развития города Магадана нет противоречия. Начав реализацию первого из них, мы неизбежно постепенно придем к необходимости — в процессе его дальнейшей реализации — масштабно осуществлять и второй, «электронного» северного столичного города.

Возраст, история пионерного освоения города Магадана очень многое определяют в его современном развитии. Исторически Магадан формировался как центр «Дальстроя»[94]. С самого начала своего существования, в 1930–1940-е гг., город Магадан был призван выполнять роль опорной базы (разнообразные обслуживающие функции) для освоения внутренних континентальных территорий, богатых минеральными ресурсами, для разбросанных по территории горнодобывающих предприятий, разрабатывающих россыпные и рудные месторождения золота, олова, других стратегических металлов, для обеспечения транспортного сообщения между колымскими районами и соседними территориями, а также центральной Россией.

В конце 1950-х гг. город вступил в период ускоренной индустриализации, продолжавшейся до конца 1980-х гг. (расцвет «заводской системы»). Промышленность стала одной из основных сфер деятельности в его экономике, доминирующей по показателям объема произведенной продукции, численности работающих. Тогда были сформированы строительная индустрия, пищевая, местная промышленность и др.

В период экономической реформы структура городской экономики вновь трансформировалась существенным образом. Численность кадров в промышленности сократилась в несколько раз. Материальные активы индустриального времени подверглись реструктуризации. С другой стороны, количество занятых в «сервисных» отраслях связи, образования, торговли сократилось незначительно. На фоне снижения доли продукции промышленного комплекса увеличивался вклад сектора услуг. При этом, как свидетельствует мировой опыт, рост занятости в услугах никогда не был способен компенсировать общее сокращение занятости в промышленности, поэтому реструктуризация городской экономики почти всегда осуществляется на фоне общего сокращения числа занятых. Значительное развитие получили виды деятельности по обслуживанию рынка (оптовая торговля, посредничество, маркетинг, реклама; финансы, кредит и страхование), федеральные и региональные учреждения управления. Существенно усилились функции города как торгового, научно-образовательного, культурного и финансово-делового центра.

---

[94] Политическая и хозяйственная организация, включающая в себя сеть северо-восточных исправительных трудовых лагерей, ответственная в период 1931–1956 гг. за освоение обширной территории бассейна Верхней Колымы и северного охотоморского побережья усилиями заключенных и вольнонаемных.

Прежняя система была основана на стандартном массовом производстве, эксплуатировала эффект экономии на размере. Новая экономическая система базируется на производстве услуг, в которых экономию на размере достичь намного труднее, чем в производстве товаров. От эффекта экономии на размере осуществляется переход к экономии на диверсификации. Занятость во многих видах сервиса зависит от бюджетных расходов города и потому очень чувствительна к колебаниям местной бюджетной политики (в этом ее бóльшая уязвимость по сравнению с промышленностью, развитие которой зависит от спроса на внешних и местном рынке).

По своему функциональному профилю город постепенно возвращается, на качественно новом уровне, к своему прежнему, начала периода индустриализации, статусу торгового, финансового, научного и культурно-образовательного центра, когда Магадан выполнял сервисные функции для колымских, а потом и чукотских районов, а роль собственной городской промышленности была минимальной (сегодня в ней занято менее 15 %).

Современный период развития города должен рассматриваться как *переходный* от крупного колымского индустриального центра к эффективному провайдеру услуг бизнесу, населению, районам трассы, как период модернизации северного административного центра индустриальной эры в сервисный центр постиндустриальной эры.

В прежней индустриальной модели Магадан был типичным северным индустриальным центром, сосредоточившим сильные административные, политические, хозяйственные функции (облисполком, обком КПСС, центры производственных объединений и др.). Яркое экономико-географическое преимущество города состояло в его расположение у морского порта, что подчеркивало его роль как входных ворот на трассу, на «золотую Колыму». Отсюда морские индустриальные грузы передислоцировались по колымской трассе в поселки Магаданской области. В иерархии городских поселений области, которая в той системе строилась сверху вниз, Магадан занимал самое верхнее место и имел минимальные издержки доставки грузов с материка (во всех других поселках и городах области это уже было дороже; место города в иерархии расселения определялось транспортными издержками связи с «материком»).

Теперь возникает совсем другая модель города. Индустриальная модель заменяется на «сетевую». Город сервисной модели становится легче. Индустриальное производство вытесняется на периферию города, за городом сохраняются и крепнут чисто сервисные функции. По мере роста мобильности населения, увеличения связности города и областных поселков этот процесс все более усиливается (если нет дорожной связности северного центра с его региональной периферией, тогда процесс концентрации сервисных функций в северной столице происходит медленнее).

В прежней модели город и область совместно выполняли функции партийного, хозяйственного, административного руководства трассой («Магадан

решил», т. е. город выступал как проводник областных интересов). В новой модели город обособляется от области, имеет самостоятельный бюджет, автономную городскую экономику, муниципальные полномочия и начинает выполнять сервисные (не авторитарные, не директивные) функции для колымских поселков. Можно назвать это новым контрактом столицы и области, центра и периферии. На этом обособлении отчетливее проявляются конкурентные преимущества города в оказании услуг поселкам области. С другой стороны, возникает конкуренция муниципальных и областных учреждений за человеческие ресурсы.

Изменяется природа транспортных потоков и их сравнительное значение. Объемы транспортируемых через Магадан морских грузов уменьшаются, при этом ценность единицы груза становится выше (меньше тонн, выше ценность). На смену масштабным потокам угля, железа, проката приходит поток подержанных японских иномарок; на смену потоков рудного концентрата приходит поток аффинажного золота и серебра — что означает в обоих случаях более высокую ценность транспортируемых грузов и более низкую долю самих транспортных издержек в конечной добавленной стоимости продукции. Происходит *сравнительное* уменьшение значения транспортных издержек в северных потоках грузов.

Уменьшается значение тяжелой транспортной инфраструктуры морского порта, возрастает значение более легкой и маневренной автодорожной транспортной инфраструктуры (грузовики, автомобили). А ведь именно наличие морского порта определило победу Магадана как колымской столицы над Сусуманом в 1930-е гг. Это было главным преимуществом города в период пионерного освоения, масштабной транспортировки морских индустриальных грузов для районов Колымы.

Новый характер грузов, более легкий, более интеллектуальный, приводит к возникновению новых конкурентных преимуществ Магадана, уже не только как морского транспортного центра, но как автотранспортного узла. Начинают работать новые принципы размещения для северного города — постиндустриального центра. Магадан «уходит» от моря, с которого он начинался. Все больше возникает видов деятельности, в которых доля транспортных издержек в добавленной стоимости низкая, доля этих видов деятельности в общих транспортировках города все более возрастает. Зависимость жизнеспособности городских производств от транспортных издержек приобретает иной, чем в индустриальную эру, характер.

Если ранее город «передавал» колымской периферии административные команды, то теперь город отдает ей услуги и опыт, знание, квалификацию, роль которых в обеспечении конкурентоспособности фирм и территорий повсеместно увеличивается. Вместо иерархических отношений с районами Магаданской области приходят горизонтальные, партнерские контракты. Иерархия городских поселений, в которой Магадан занимал самое высокое место,

сменяется плоской сетью городских поселений, в которой Магадан играет роль сервисного центра.

Обособление города Магадана и остальной территории области проходит по линии «сервисные функции — материальное производство». Город строит отношения с периферией как с зоной обслуживания.

В контексте возрастания роли сектора городских услуг увеличивается значение коммутирования — постоянных транспортировок людей между городом и трассой. Система город — область крепится теперь не столько по индустриальным транспортным грузам от морпорта в поселки Колымы, но по человеческим, личным контактам, важным для успешного осуществления городом своих сервисных функций. Именно в челночных, суточных, еженедельных потоках мигрантов между Магаданом и областными поселками реализуется новая роль города как сервисного центра.

Новая модель Магадана как постиндустриального центра области изменяет его роль в освоении природных ресурсов области — действующих золото-сереброрудных месторождений «Джульетта», «Школьное», «Ветренское», «Агатовское», «Нявленга», «Дукат», «Лунное», «Игуменовское», «Павлик», перспективных объектов «Наталка», «Биркачан», «Сопка Кварцевая», обогатительной фабрики на месторождении «Гидид», серебряном месторождении «Гольцовое», месторождений неметаллических полезных ископаемых базальта, вулканического пепла, известняка и облицовочного камня, месторождений нефти и газа на тендерных участках охотоморского шельфа «Магадан-1» и «Магадан-2», «Магадан-3» и «Магадан-4» и других.

Прямое участие городских фирм в добычном производстве неизбежно меньше, чем в индустриальную эру. Об этой тенденции свидетельствует и анализ структуры занятости зарубежных северных городов-аналогов Магадана по размеру и статусу. Например, в Фербенксе, который несколько меньше Магадана по размеру (занятость около 40 тыс. чел., 2004 г.), в общей занятости государственные и муниципальные службы, гражданские и военные составляют 31 %; торговля, транспорт и ЖКХ — 20 %; услуги образования и медицинские — 11,1 %, услуги туризма и развлечений — 11,1; строительство — 7,3 %; профессиональные и бизнес-услуги — 5,7 %; финансовая деятельность — 3,8 %; и лишь 2,4 % составляет занятость в добычном производстве — горнорудное и другое; информационно-телекоммуникационный сектор — 1,6 %, перерабатывающая промышленность — 1,4, другие услуги — 3,0.

В другом зарубежном северном городе, столице Лапландии Рованиеми, в котором проживает около 40 тыс. чел., занятые в государственной и муниципальной службе составляют около 44 %, в частных услугах — 37 %, в перерабатывающей промышленности — 15 %, и лишь 1,5 % занято в первичном секторе добычи ресурсов (2000 г.).

Речь не идет о том, что Магадан отказывается от вовлеченности в ресурсное освоение колымской периферии, но сама природа этой вовлеченности

в постиндустриальной модели развития столичного города приобретает абсолютно иной характер, чем ранее, в индустриальной модели. Предоставляя наукоемкие бизнес-услуги, городские фирмы, весь магаданский научно-образовательный комплекс содействуют перерождению колымских индустриальных горнопромышленных узлов в интеллектуальные ресурсные кластеры постиндустриальной эры. Эти новые кластеры могут, за счет новой мобильной технологии, в большей степени включать финишные производства, чем это было характерно для прежнего времени (новая технология переработки способна одолеть давление высоких транспортных северных издержек).

В индустриальную эру было преимуществом жить рядом с природными ресурсами, теперь закономерности размещения крупного северного города изменяются: города вблизи природных ресурсов повсеместно на Севере потеряли в своем экономическом и демографическом весе, а города-центры, наоборот, выиграли. Падение сравнительной значимости транспортных издержек в конечной цене золота, серебра, уменьшение объемов потоков индустриальных грузов, возникновение благоприятных предпосылок для роста мобильности работников, позволяет людям освободиться от необходимости жить рядом с природными ресурсами и из поселений в жестком континентальном климате Колымы переселиться в Магадан с его более комфортным морским климатом. И этот фактор становится еще одной причиной внутриобластных миграций (движение от колымской периферии к городу-центру). Вахта из Магадана на ресурсные объекты колымской периферии может рассматриваться как освобождение от прежней зависимости жить постоянно рядом с ресурсами (быть их пастырем), как возможность жить в более благоприятных природных условиях. Магадан в этом имеет явное преимущество перед поселками колымских районов.

Новая (постиндустриальная) модель развития города Магадана означает возвышение роли внутренних, эндогенных факторов городского развития, связанных с человеческим капиталом, процессами выработки нового знания, значением городского научно-образовательного комплекса.

В этой новой модели неизбежен площадной рост города, за счет коттеджного и малоэтажного строительства. Но в среднесрочной перспективе до 2010 г. ввиду значительного сокращения численности населения, недоиспользования обширных внутренних территорий в черте массовой застройки, этот рост еще не будет происходить по причинам рационального использования территорий, уплотнения застройки кварталов и микрорайонов, вовлечения в застройку промзон умерших предприятий.

Другая черта новой модели развития города — полицентричность, наличие нескольких почти равноценных городских центров. Полицентричная городская структура способна обеспечить равную доступность всех районов города, уменьшить различия между центром и периферией самого города. В условиях возрастающей мобильности горожан, сокращения культурных и инфор-

мационных преимуществ центра города[95], прежнее городское ядро все в большей степени выполняет только административные функции; функции предпринимательской деятельности, досуга, развлечений, проживания, массовых покупок, новые фирмы перемещаются в другие места города.

Такое перерождение внутренней функциональной структуры Магадана имеет абсолютно закономерный характер, повторяет многократно пройденный ранее феномен зарубежных северных и не только северных городов Западной Европы. Ранее маршруты перемещения горожан пролегали между спальными районами и промзонами размещения основных промышленных предприятий, теперь в каждом городском районе есть свои офисы, склады, предприятия малого бизнеса и жилая застройка.

Новая модель развития города Магадана приводит к большей сегрегации городского пространства, внутреннему неравенству участков городского пространства. Возникают элитные районы, которых не было ранее, когда строили дешево и однообразно. Постепенно будет сокращаться доля многоквартирного нового жилищного строительства. Немало новых участков будет отводиться под коттеджное строительство, с учетом зарубежного уровня требований состоятельных застройщиков к свежести воздуха, наличию рекреационных зон, красоте ландшафта.

От огромных площадей однотипной застройки (эффект экономии на размере) в организации городского пространства происходит переход к более «пятнистой», более точечной, атомарной, более дробной (что подчеркивает торжество малых архитектурных форм) и менее однородной застройке, с мозаикой разных собственников и разным ее качеством. С элитной застройкой и кварталами коттеджного строительства будут сосуществовать панельные многоэтажные дома массовых серий.

Магаданское городское сообщество становится более неравным, с очень четким разделением между богатыми и бедными группами, между «зазаборными» сообществами и остальными. Городская инфраструктура четко делится на высококачественную, предназначенную для оказания дорогих услуг для бедных временем, но богатых деньгами граждан (например, паркинги, широкополосная связь, приборы точного учета тепла и энергии), и низкокачественную, предназначенную для оказания услуг для богатых временем, но бедных деньгами пользователей.

Эти новые городские контрасты поляризованного развития, с одной стороны, имеют стимулирующий характер, создают пилотные площадки новой

---

[95] В эру, когда почта, телеграф, телефон были самыми главными и самыми оперативными источниками новой информации, важнейшие городские предприятия и виды деятельности (зависимые от быстрого доступа к информации), естественно размещались вблизи них. Так возникало единое центральное ядро города. В эру сетевых информационных технологий эти прежние закономерности размещения утрачивают свое значение.

застройки, при использовании новых материалов и технологий строительства. С другой стороны, эти же контрасты могут стать источником «двойного города», сегрегации городского сообщества. Поэтому важно конструктивно использовать контрасты для динамичного развития нового Магадана, но при этом одновременно обеспечивать в политике приемлемый уровень социального равенства, условия для территориального сплочения городского сообщества. Городским дизайнерам необходимо обеспечить создание ткани, которая позволяет разным социальным группам пересекаться и взаимодействовать друг с другом[96].

Система внешних отношений города также претерпевает изменения. Прежде всего, это касается, конечно, отношений города и колымских районов Магаданской области. Они отчетливо высвечивают новую природу городской экономики. Это отношения меняющегося центра, который обретает все новые сервисные, базовые, функции с меняющейся периферией, в которой постепенно сокращается число постоянных поселений. Это подтверждает факт принятия областной Программы содействия в переселении граждан, проживающих в неперспективных населенных пунктах Магаданской области, на 2003–2007 гг. (ред. Закона Магаданской области от 22.04.2005 № 590-ОЗ) — имеется в виду прежде всего переселение в Магадан.

По сравнению с периодом индустриального освоения отношения города с трассой приобретают более многомерный, диверсифицированный характер — проходят по линии домохозяйств, фирм, структур власти.

Ранее связей такой прочности (и такой глубины) не было, изоляция города от колымских районов была сильной, связи ограничивались односторонними административными командами из города областных партийных, советских, хозяйственных «главков». Теперь же эти связи в большей степени имеют двусторонний, партнерский характер.

Внутрирегиональное перераспределение населения по линии «периферия — центр» сложнее, чем учитывает статистика, и включает переезд из колымских районов на постоянное жительство в столичный город, переезд детей в город на учебу (родители продолжают работать в колымских поселках), ежедневное коммутирование с области в город на работу; вре́менное проживание в городе вахтовых работников колымской периферии (частота вахтования может быть недельная, месячная, сезонная); регулярные или эпизодические приезды в город для получения набора производственных и личных услуг, в колымских районах недоступных; выезд в город как емкий рынок сбыта произведенных на периферии товаров и услуг. Скупка квартир в городе работниками колымских районов — еще один пример крепнущих многогранных связей центра и периферии. Рынок жилья Магадана выступа-

[96] Это может конкретизироваться как сосуществование контрастности и доступности, элитарной компактности и диффузии, общественного и частного транспорта.

ет в этом случае как та часть городского сектора услуг, который работает на жителей области.

Магадан оказался способен эффективно выполнять услуги, которые ранее выполняли колымские районные центры. Вымывание социальной сферы в поселках колымской периферии сопровождалось одновременным возвышением сервисных функций столичного города.

Если для Магадана сервис стал новым источником жизнеспособности городской экономики, то для периферии, наоборот, сосредоточение в поселке только предприятий сектора услуг и отсутствие промышленных предприятий, стало в новых условиях критерием неперспективности. В официальных нормативных документах Магаданской области основным признаком неперспективного населенного пункта называется отсутствие градообразующего предприятия (даже при наличии объектов производственной и социальной инфраструктуры).

Ранее обжитые неимоверными усилиями и затратами колымские поселки превратились в места временного проживания, с предельно усеченной социальной инфраструктурой. В периферийных поселках индустриального времени был сформирован единый производственно-социальный комплекс, когда поселкообразующее (ресурсное, транспортное, дорожное, авторемонтное, строительное) предприятие содержало социальную инфраструктуру, школы, жилье, фельдшерско-акушерские пункты и др. Дробление градообразующих предприятий привело к сужению объективных возможностей оказания качественных социальных услуг для жителей этих поселков. Решение находится через пространственное перемещение этих услуг в столичный город, где они способны теперь качественно оказываться, где в результате концентрации их предоставления возникает экономия на масштабе, объеме операций.

Четкое обособление производственных и социальных функций внутри локальной поселковой системы привело к последующему нередкому умиранию здесь социальных услуг, предоставление которых было передислоцировано в областной центр. В поселках остались только те услуги, которые необходимо оказывать повседневно (жилищные, коммунальные, торговые, минимум бытовых).

«Умные» услуги и квалифицированные кадры, которые могут их оказывать, концентрируются в Магадане; рутинные, оказываемые ежедневно, услуги, сохраняются в поселках периферии. Это пространственное разделение труда внутри регионального сектора услуг постоянно уточняется и углубляется, но общий охарактеризованный принцип остается при этом неизменным.

Одновременно меняется природа добычного производства (мобильность, интеллектуальность, малый размер) и тип его отношения с региональным центром. Город возвышается именно на предоставлении наукоемких производственных услуг колымским фирмам. Частота контактов городских исполнителей и областных заказчиков услуг зависит от природы знания, природы

информации. Если магаданский сервис опирается на стандартное знание, которое может быть легко воспроизведено, тогда контакты имеют однократный, разовый характер. Если же природа знания, которое содержится в оказываемых услугах, имеет нестандартный характер, тогда нужно частое личное общение исполнителя городского центра и заказчика из колымской периферии.

Но ниша магаданских фирм промышленного сервиса как подрядчика для колымских предприятий не гарантирована и за нее нужно бороться. Например, горнодобывающие предприятия колымской периферии отдали на аутсорсинг выполнение специализированных буровзрывных, ремонтных и других работ. Где будут дислоцироваться эти узкопрофильные предприятия? В столичном городе Магадане, где они смогут обслуживать целый куст местных горнодобывающих компаний, или за пределами области?

Другая ниша города-центра — услуги для предприятий Чукотского автономного округа. Магадан стал базой для вахтовиков на чукотское месторождение «Купол», из Магадана идет обеспечение материально-техническими ресурсами, производится доставка грузов. Столичный город ведет подготовку специалистов по дефицитным для северо-восточной периферии специальностям дорожного и жилищного строительства, горному делу, школьных учителей.

В новой модели изменяется и тип отношений между столичным городом и сельской пригородной зоной. Здесь идут процессы агропромышленной интеграции, возникают общие сельско-городские структуры, агропояс муниципального образования в целях производства и переработки сельскохозяйственной продукции, идет становление единой социально-экономической системы «город — село».

В столичном городе возникают мини-заводы первичной переработки нового типа, функции которых состоят в приемке агропродукции, ее консервировании, быстром замораживании, обезвоживании, контейнеризации, пакетировании и реализации. Уменьшается объем завозимой в город продукции и масса образующихся отходов. Такие же результаты достигаются при увеличении объемов хранения овощей и картофеля в местах производства. Регулярная поставка мытого, фасованного картофеля, сохраненного и подготовленного к реализации на областных базах, дает возможность сократить осенний пик перевозок в несколько раз.

Сближению стереотипов жизнедеятельности в городе и пригородной сельской зоне способствуют новые архитектурно-планировочные решения: использование малоэтажной застройки, строительство домов террасного типа, пентхаузов, специальное оборудование квартир первых этажей и организация придомового пространства с вычленением индивидуальных и общественных земельных участков и др. В результате сельскохозяйственная деятельность занимает все большее место в жизни города, проникает на его территорию, занимает его жителей. Граница между городом и пригородным селом теряет прежнюю отчетливость.

Малые северные столичные города могут выживать и процветать, наращивая размер своей экономики больше фактического за счет сетевых эффектов. Новая пространственная экономика Магадана формируется за счет тесных сетевых связей внутри самого центра и связей между центром и колымской периферией. Малая экономика Магадана расширяется за счет ресурсов периферии, работает на нее, реально питается ее ресурсами и растет от нее, за счет связей субъектов экономики центра и периферии. Услуги приобретают градообразующие, базовые функции, потому что теперь предоставляются жителям и бизнесам колымской периферии, т. е. по сути вывозятся (ранее в советское время в основном предназначались для потребностей самих столичных жителей).

Вместо агломерационных эффектов в среде высокой плотности городов Западной Европы, центральной России, здесь в северной разреженной, низкой по плотности, среде работают сетевые эффекты тесного взаимодействия города-столицы и периферии. Этот сетевой эффект предполагает высокую мобильность населения центра и периферии, регулярные перемещения хозяйствующих субъектов периферии и столичного города.

Устойчивое развитие города Магадана в среднесрочном периоде предполагает всемерное укрепление его роли как провайдера разнообразных услуг бизнесам, домохозяйствам, муниципальным образованиям области. Сервисные функции города уже сегодня обеспечивают значительное количество рабочих мест в гостиничном секторе, в секторе общепита, бытовых услуг, образовательных, культуры. Старый спор о правомерности существования на Севере столичного города, который ничего не производит, разрешается в пользу сектора услуг как нового приоритетного производства северных столиц.

Возвышение сектора услуг и рост значения экономики столичного города внутри периферии — это одновременные явления. В отличие от ресурсного производства производство услуг всегда имеет более локализованный, точечный, городской характер, Магадан поэтому имеет явное конкурентное преимущество как их поставщик перед другими городскими поселениями. Особое значение для экономики городов-центров, как свидетельствует зарубежный опыт, имеет развитие наукоемких производственных услуг (промышленного сервиса), сопряженных с экономической специализацией периферии. Именно в городах концентрируются фирмы нестандартных деловых услуг — детективные, рекламные агентства, услуги страхования, маркетинга и др. На Севере производственные услуги приурочены прежде всего к ресурсным производствам (реже — обрабатывающим) — например, маркетинг рыбопродукции.

Для города Магадана значительные перспективы представляет расширение и диверсификация спектра производственных услуг для горной отрасли. Речь идет о предоставлении услуг корпоративным структурам и старательским артелям по переоценке рудных и россыпных месторождений; предоставлении услуг по поиску и разведке большеобъемных месторождений; усилиях по преодолению стереотипов индустриального мышления — «чем больше моешь, тем

больше металла получишь» — в процессе применения технологий извлечения тонкодисперсного золота.

Другая перспективная область — оказание производственных услуг бюджетным организациям в рамках муниципального заказа. Например, изготовление специализированной мебели для медицинских учреждений по чертежам самих врачей на Магаданском деревообрабатывающем комбинате (усложнение заказов закономерно требует личного регулярного взаимодействия заказчика и исполнителя). Важную роль приобретают сервисные центры сложного медицинского оборудования: если ранее медицинские работники могли ремонтировать оборудование сами, то теперь его сложность требует обязательного участия специалиста.

Укрепление сервисных функций Магадана в наукоемких производственных услугах требует значительно более интенсивного обмена информацией и знанием с заказчиками этих услуг в колымской периферии и в самом городе, чем это было раньше, когда оказываемые услуги не были такими интеллектуальными. Это означает частые личные взаимодействия разработчика и заказчика.

Разные виды деятельности обладают разной *контактоемкостью*, коммуникационной емкостью. Для производств товаров массовых стандартных серий не требуется частых личных контактов, обмен информацией имеет стандартный характер, как и транспортировка грузов и товаров. Для производства услуг чаще требуются личные контакты, хотя в случае их стандартного характера возможна электронная коммуникация без персонального общения. Наукоемкие услуги, в которых значительна роль неформализуемого знания, требуют частых личных обменов информацией между заказчиком и исполнителем. Внутри сектора услуг города-центра можно выделить высоко и низкозарплатные: производственные относятся к высокозарплатным, услуги домохозяйствам к низкозарплатным. В услугах домохозяйствам можно выделить категорию обязательных услуг (например, жилищные и коммунальные) и дополнительных.

Размер Магадана предполагает наличие на городском рынке определенного перечня бытовых услуг (например, услуги чистки мебели на дому возникают только в городах людностью 100 тыс. чел.). По мере роста города и размера рынка бытовые услуги все более диверсифицируются. Повышение стандарта жизни магаданцев неизбежно приведет к появлению новых городских услуг, которые станут востребованы: например, услуги предоставления катеров и яхт напрокат, мест для стоянок личных самолетов и т. д.

Специфика спектра услуг, формируемых в Магадане, определяется сущностными особенностями Магаданской области и города: ресурсный профиль, обширные неосвоенные пространства, мобильность молодого населения, требования безопасности в условиях холодовой дискомфортности, близость к странам азиатско-тихоокеанского региона и др.

7.3. Реструктуризации Магадана как северного города-центра

Переходный процесс от индустриальной к постиндустриальной модели развития северного столичного города предполагает значительные усилия по *реструктуризации* городской экономики, промышленных предприятий, городского пространства. Эта трактовка городской «регенерации», как этот процесс называют в Западной Европе, должна быть очень широкой и включать не частные обособленные меры, но целостную систему преобразований в области городского планирования, новой пространственной организации территории (в т. ч. трансформацию функций депрессивных промышленных зон), структуры городской экономики, функционального архитектурного зонирования и др.

Одним из элементов этого процесса является реструктуризация промышленных (бывших градообразующих) предприятий на основе внедрения новых наукоемких и информационных энерго- и ресурсосберегающих, экологически чистых технологий, технического перевооружения, использования новых видов оборудования. При внедрении новых технологий предполагается тесное взаимодействие реструктурируемых фирм с научными подразделениями столичного северного города.

В городе Магадане планируются работы по техническому перевооружению и реконструкции Магаданской ТЭЦ, направленные на поддержание требуемого технического уровня основного оборудования, зданий и сооружений. Реструктуризацию прошло старейшее предприятие Магадана — механический завод, теперь обладающий современными технологиями, производственным и техническим потенциалом. Одним из новых направлений его деятельности стало производство труб с полипропиленовым покрытием. Планируется реконструкция морского торгового порта с заменой портового кранового оборудования, контейнерных перегружателей, строительством современного причала и нефтепирса, внедрением в эксплуатацию системы телевизионного наблюдения, состоящей из десятков телекамер, на всех участках предприятия.

Другое направление реструктуризации города-центра — преобразование жилого фонда и инженерных сетей. Эти проблемы нередко рассматриваются как отдельные, вне общего контекста постиндустриальной трансформации городской среды, в который на самом деле они органично встроены. Здесь речь идет о системе мер по комплексной реконструкции и модернизации существующей застройки; сносе ветхой застройки; использовании территорий производственных и коммунально — складских объектов, их реорганизации и реконструкции, а также размещении объектов предпринимательской деятельности; строительстве, реконструкции и модернизации сооружений и коммуникаций транспортной и инженерной инфраструктуры города, в том числе модернизации городской телефонной сети с переводом ее на цифровую обра-

ботку сигнала; возрождении проблемных территорий (реабилитация жилой застройки низкого качества, неэффективно используемых территорий промышленных и коммунально-складских зон, бывших территорий военного ведомства). Проблема сокращения ветхого жилья должна рассматриваться как проблема перехода от ветхого жилья к «умному» жилью, с предустановленными сетями широкополосной связи, которые сразу формируют из новых жильцов локальное электронное сообщество.

Реструктуризация магаданской экономики предполагает переход к новым, более экономичным, схемам жизнеобеспечения за счет местных материалов и энергии, способных заместить завоз с «материка». Это новые энерго-теплосберегающие материалы в строительстве, новые технологии строительных работ (например, производства по выпуску каркасно-панельного домостроения, линии по изготовлению металлополимерных труб). Это отказ от дальнего завоза углей и переход на местное топливообеспечение и др.

Составной частью проблемы реструктуризации является сохранение индустриального наследия города. Атрибуты материальной культуры «Дальстроя», последующего периода совнархозов и ведомственного освоения Северо-Востока СССР должны быть систематизированы и собраны в культурную целостность на территории города (единый комплекс индустриального наследия, в который входят экспозиции краеведческого музея, памятник Э. Неизвестного, первые здания времен «Дальстроя» и др.). Сохраненные объекты индустриальной культуры города должны быть переоткрыты в постиндустриальном ключе — как элементы рекреационного комплекса «индустриальное наследие Магадана».

7.4. Новая модель развития северного города-центра

Постиндустриальная модель развития города предполагает нарастание ценности нематериальных активов, среди которых важная роль принадлежит символам городской культуры, индустриального наследия и др. (Город в постиндустриальной экономике рассматривается как место создания новых символов). Эти символы и знаки, способные сплотить городское сообщество, сформировать у жителей местную идентичность, стать атрибутами для событийного туризма (фестивали, киносессии и др.), должны быть найдены в богатом культурном наследии города, в его экономической истории.

В индустриальной модели городского развития центральное место принадлежало заводу, фабрике. В новой, постиндустриальной модели центральное место принадлежит университету. Местный университет, тесно взаимодействующий с ним городской научно-образовательный комплекс, становятся градообразующими производствами, фундаментальными факторами конкурентоспособности города. В совокупности они обеспечивают способность города

стать генератором нового знания, нужного и востребованного колымской периферией, эффективно переинтерпретировать старое знание плановой системы, в новое, уже рыночной. Университет, весь научно-образовательный комплекс все в большей степени опираются на местных партнеров — частных спонсоров, коммерческие структуры, муниципальный заказ; сетевое взаимодействие между ними повышает общую конкурентоспособность муниципальной экономики.

Возвышение университета, устойчивое взаимодействие города и университета означают постепенное превращение Магадана в студенческий город, университетский город, который предоставляет высококачественные услуги для студентов. Студенческое сообщество повсеместно ускоряет процессы постиндустриальной трансформации городской экономики. Студенты, которые остаются после окончания университета в Магадане, увеличивают человеческий капитал города. Человеческие ресурсы столичного города уже испытывают и будут испытывать усиливающуюся конкуренцию корпоративных, областных и муниципальных структур за квалифицированные кадры.

Стратегия дружественного к студентам города может привлечь в университет новых выпускников из северо-восточной периферии. Задача обеспечения интеграции иногородних студентов внутри городского сообщества становится очень важной. Речь идет о роли студентов в принятии городских решений, превращении студентов и академического сообщества в новый фактор городского развития. Целесообразно формировать особый студенческий сегмент рынка жилья, с более низкими ценами аренды, с возможностями снимать комнаты в мансардных этажах, которые неизбежно будут появляться в новой застройке Магадана.

Важной задачей является дальнейшее внедрение информационно-цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности муниципального образования, в том числе управление. Современная разобщенность, «закрытость» баз данных приводит к избыточным затратам на накопление и хранение информации. В результате при достаточно большом объеме информации, накопленной в ведомственных хранилищах данных, и высоком уровне технического обеспечения телекоммуникаций, информационные потребности жителей остаются неудовлетворенными из-за несовместимости информации, а также ведомственных барьеров. Разобщенность проявляется и в процессах современного использования информационных технологий, отсутствии координации при разработке информационных систем. Необходим качественно новый подход к обработке информации с применением последних достижений информатики и телекоммуникационных технологий. Главными факторами в таком подходе можно назвать объединение информационных потоков и разграничение доступа к информации.

Магадан как сетевой город-центр должен обеспечивать прекрасный доступ к широкополосным сетям, широкое распространение Интернета среди

образованного населения. Доступность знания и информационных технологий для горожан должна означать не просто «физическую» к ним близость, но их органичную вписанность в электронные сети, широкий обмен знанием среди всего магаданского сетевого сообщества.

Для новой модели города характерна высокая мобильность населения, обеспеченная беспрецедентным для среднего российского города уровнем автомобилизации. На начало 2005 г. на каждую вторую магаданскую семью приходится по автомобилю. Как правило, более квалифицированные работники оказываются и более мобильными.

Но новая мобильность города может быть понята и как легкость передислокации видов экономической деятельности внутри городского контура, как радикальная трансформация всей природы городского пространства — от стационарного переход к пространству потоков и непрерывных перемещений, с постоянно уменьшающейся зависимостью от немобильных производств, жестко фиксированных в пространстве.

Возвышение роли города-центра северо-восточной периферии России происходит на фоне возникновения новой модели миграционного поведения жителей колымских районов. Раньше им были одинаково доступны поездки в Москву и в Магадан. Теперь же Москва стала много дальше, а Магадан в силу тотальной автомобилизации стал, наоборот, ближе. Ближние челночные и постоянные миграции из колымской периферии в областной центр и обратно стали поэтому привлекательнее. Раньше жители колымской периферии покупали товары и услуги в Москве, теперь же — в Магадане. Возникает новый феномен дальнего коммутирования — суточных, ежедневных, еженедельных вахтовых поездок в Магадан на работу, порой с кратким проживанием в Магадане. Границы Магадана теперь могут проводиться не только по административному контуру, но по ежедневному *предельному* коммутированию жителей трассы в город (поездка туда и обратно как радиус доступности и реального влияния города-центра на периферию).

По мере возвышения сектора услуг, увеличения общей мобильности населения возрастает значение издержек транспортировки людей (по причинам роста стоимости времени работников и эффектов пробок в утренние часы они повсеместно постоянно возрастают), которые становятся сравнительно важнее, чем издержки транспортировки товаров, грузов. Факторы коммутирования, передислокации людей в областном пространстве из колымской периферии в столичный город и обратно становятся существеннее, чем потоки массовых индустриальных грузов из города в колымскую периферию и из периферии в центр.

Автомобилизация способствует разрастанию городского пространства, появлению новых центров. В новой модели развития города, при постоянно возрастающей мобильности его жителей, будут все более «детализироваться» и бурно развиваться услуги по ремонту автомобилей, по автосервису: от пер-

воначального общего ремонта, автозаправочных станций до мойки, паркинга, гаражей, покраски и в итоге возникновения городской системы автомобильно-дорожного сервиса. Потребуется система мероприятий для ликвидации существующих и предотвращения новых автомобильных пробок

Штаб-квартиры многих федеральных и корпоративных холдингов размещаются в столичном городе, который становится их базой для экспансии на ресурсные объекты колымской периферии.

Новая модель развития северного города-центра неизбежно учитывает факторы глобализации: растущую роль на рынке труда города-центра иностранных врéменных работников; культурных, информационных обменов и внешнеэкономической деятельности с партнерами европейских, азиатских стран, США и Канады. Другая черта новой модели — это разрастание досугового комплекса, что характерно и для европейских городов-центров: казино, ночных клубов, развлекательных центров, ресторанов и др.

Новая модель постиндустриального развития северного города-центра предполагает перевод его экономики на энергосберегающий путь развития и принятие первоочередных мер по реализации политики энергосбережения. Потребление энергоносителей городом складывается из расхода топлива на производство электрической и тепловой энергии, из потребления конечных энергоносителей населением, предприятиями коммунально-бытового хозяйства и бюджетными организациями, промышленностью. Поэтому энергосбережение является сквозной задачей, по всем направлениям городской экономики.

Проекты для северных столичных городов в этом важнейшем направлении предусматривают внедрение малоэнергоемких технологий и энергоэффективных видов оборудования, технических средств и материалов, реконструкцию котельных и инженерных сетей с заменой оборудования и технологий при производстве и передаче энергии; обновление тепловых сетей с заменой физически и морально устаревшего оборудования, применение новых материалов и теплоизоляции; ремонт и реконструкцию жилых зданий с усилением теплоизоляции в целях снижения потерь теплоэнергии; предоставление налоговых льгот, кредитов организациям и предприятиям, осуществляющим энергосберегающие мероприятия; снижение потребления электроэнергии на освещение за счет автоматизации систем управления; установку коммерческих приборов учета на объектах жилищного фонда; предоставление услуг по организации учета и контроля потребления энергетических ресурсов (энергосервиса); ремонт и реконструкцию жилых зданий с усилением теплоизоляции в целях снижения потерь теплоэнергии; утепление подвалов, чердаков, оконных проемов с применением современных материалов; энергоаудит «проблемных домов», объектов ЖКХ, включающий энергетические обследования, оценку имеющихся резервов экономии и определение технико-экономической эффективности предложенных мероприятий по энергоресурсосбережению;

подготовку энергетических паспортов жилых зданий; установку общедомовых приборов учета[97].

Целесообразно создать специальный внебюджетный фонд энергосбережения за счет экономии средств предприятий и организаций, образующейся в результате выполнения энергосберегающих работ; экономических санкций за нерациональное и расточительное использование ресурсов в соответствии с действующим законодательством и нормативными правовыми актами; средств, получаемых в виде дивидендов, процентов по банковским вкладам, депозитам, займам, от использования средств фонда энергосбережения в деятельности иных юридических лиц; поступлений от мероприятий (благотворительных акций, лотерей), проводимых в пользу фонда энергосбережения; заемных средств банков, которые могут быть использованы на условиях безусловного возврата вложенных средств за счет ежемесячного отчисления части экономии, получаемой потребителем коммунальных услуг в результате снижения платежей благодаря установке приборов учета.

7.5. Механизмы и результаты развития городов-центров северной периферии

Существующая в настоящее время организационная модель местного самоуправления северных городов-центров, как правило, является централизованной и не вполне адекватна новым вызовам экономики знания. Централизация управления городом не позволяет в достаточной мере обеспечить гибкость и открытость системы управления, необходимые для ее постоянного «самообучения» и внедрения новых элементов. Отсутствуют регулярные горизонтальные связи как внутри властных структур, так и между ними; недостаточно интенсивно взаимодействие подразделений мэрии с федеральными и областными органами, хозяйствующими субъектами, находящимися на территории городов-центров, некоммерческими организациями и структурами гражданского общества.

В силу концентрации всех исполнительных функций на уровне департаментов и управлений мэрии, практически весь управленческий аппарат муниципального образования зачастую вынужден заниматься решением текущих проблем, а функции прогнозирования и планирования остаются при этом нереализованными.

В условиях, когда сама муниципальная власть напрямую может воздействовать только на ограниченную часть вопросов городского развития, необходимо создавать координационные, межведомственные советы, комитеты, комиссии по приоритетными направлениям городского развития, привлекая в

[97] Обобщены мероприятия программ теплоэнергосбережения северных городов-центров.

них те стороны (бизнес, региональную власть, федеральные структуры), на деятельность которых муниципальная власть прямого влияния не имеет.

Целесообразно крепить связь мэрии с советами (комитетами) микрорайонов, с общественными организациями и населением, для эффективного проведения культурных, досуговых, спортивных и других мероприятий, организации работы с детьми по месту жительства, в том числе в каникулярное время; организации общественных работ, направленных на благоустройство территории и др. Значительный потенциал заключен в территориальном общественном самоуправлении. Особое внимание следует уделять созданию благоприятных условий для конструктивного сотрудничества органов территориального общественного самоуправления, общественных объединений со всеми структурными подразделениями мэрии города. Еще одна линия партнерства — взаимодействие органов местного самоуправления и некоммерческих общественных организаций, которое уменьшает социальную напряженность в городе и укрепляет доверие горожан к органам власти.

Самодеятельность населения, направленная на решение жизненно важных проблем, должна получить организационную и финансовую поддержку со стороны муниципальной власти города-центра. Получат также поддержку местной власти благотворительность и меценатство работающих в северных городах-центрах корпоративных структур, большого и малого бизнеса. Местная власть будет всемерно поощрять добровольчество и добровольческие инициативы, признавая их социальную значимость для города. Часть муниципальных функций сможет быть делегирована самоорганизуемым комитетам граждан, некоммерческим организациям, «волонтерским» организациям. Очень важно поднять статус и роль клубов по месту жительства как полноправных участников реализации муниципальных целевых программ, обновить содержание и формы клубной работы.

Северные столичные города будут развиваться как многофункциональные финансово-экономические, культурно-исторические, транспортные центры своей периферии. Локомотивом роста станет сектор услуг, в котором будет генерироваться более половины всех новых рабочих мест. Будет активно развиваться малое предпринимательство. Инновационный фактор развития станет главным рычагом прогрессивных структурных преобразований. Обеспечение устойчивого экономического роста будет достигнуто за счет увеличения инновационности и конкурентоспособности выпускаемой продукции и услуг в результате всемерной актуализации наличного человеческого капитала города-центра и его приумножения за счет удержания перспективных выпускников вузов в городе, привлечения квалифицированных мигрантов из стран СНГ и соседних южных регионов.

Необходимо обеспечить северные столичные города надежными и эффективными инфраструктурными системами и сетями. Сформировать городскую культурную среду, которая бы удовлетворяла потребности граж-

дан не только как инфраструктура досуга, но как возможность творческого самовыражения.

Материальная и творческая поддержка талантливой молодежи увеличит инновационный потенциал развития городов-центров. Будет осуществляться интеграция местного университета с учреждениями среднего профессионального образования, производственными организациями и фирмами, научными учреждениями.

В Магадане научно-образовательный комплекс города в составе Северного международного университета, Северо-Восточного комплексного НИИ, Института биологических проблем Севера, других академических и корпоративных институтов, формируя широкие партнерства с городским бизнесом, некоммерческими структурами, при поддержке муниципальной власти, будет в возрастающей степени способствовать росту инновационности развития столичного города, формированию новых рабочих мест в секторе наукоемких производственных и личных услуг.

Речь идет о том, чтобы превратить Магадан в привлекательный студенческий университетский город с мощным научно-образовательным комплексом; ликвидировать перекосы в предоставлении образовательных услуг, для чего совершенствовать взаимодействие органов управления, образовательных учреждений, общественных организаций; адаптировать притязания выпускников и реальные вакансии на местном рынке труда; модернизировать учреждения муниципального образования.

Предстоит укреплять и систематизировать связи университета и других вузов города со школами, учреждениями дошкольного и школьного образования, активно использовать для этого форму попечительских советов; интегрировать высшие учебные заведения с учреждениями общего, начального и среднего профессионального образования. В целях повышения качества профессиональной подготовки специалистов необходимо ввести паспортизацию всех филиалов высших учебных заведений, расположенных в г. Магадане; однопрофильные среди них (особенно по экономическим и юридическим специальностям) объединять в консорциумы вузов для успешного использования ограниченного кадрового и методического потенциала.

От партнерства университета и бизнеса, университета и власти предстоит перейти к признанию абсолютно новой роли университета как центра городской инновационной экономики, способного совместно с научно-образовательным комплексом города создавать механизмы инициирования и поддержки инноваций, стимулирования развития малого инновационного бизнеса, внедрения научных достижений для решения актуальных проблем городской экономики (в т. ч. готовить специалистов по инновационному менеджменту[98]).

---

[98] Благодарю профессора Магаданского университета Г. М. Голобокову за эти предложения в раздел по Стратегии развития города Магадана.

Для обеспечения высоких темпов развития инновационной системы города необходимо опережающее развитие отраслей, которые являются основными проводниками инноваций, где внедрение достижений науки характеризуется максимальной социально-экономической эффективностью. Основными направлениями инновационной деятельности в прогнозный период станут: создание и развитие инновационной инфраструктуры; развитие городской жилищно-коммунальной системы с внедрением во всех сферах деятельности сберегающих режимов теплоэнергопотребления; разработка новых технологий разведки, добычи и переработки природных ресурсов и др.

Для современного этапа развития северных городов-центров характерно отсутствие комплекса стандартов, классификаторов, позволяющих унифицировать представление данных и обеспечить согласованное функционирование этих систем. Необходима координация усилий служб и органов муниципального управления на основе обмена информацией между автоматизированными информационными системами всех подразделений мэрии города Магадана, ряда областных и федеральных структур, реализующих конкретные цели социально-экономического развития территории. Отдельным видом муниципальной собственности должны стать муниципальные информационные ресурсы. В системе муниципальных информационных ресурсов должны содержаться основные блоки городского хозяйства — ЖКХ, образование, здравоохранение, транспорт и др. муниципальный заказ, торговля, малый бизнес, экология и др. Возможно привлечение дополнительных доходов в бюджет города за счет обеспечения доступа к этим ресурсам.

От цели простой информатизации муниципального управления необходимо постепенно переходить к более системной задаче формирования интегральной электронной среды, «электронного Магадана» (на единой картографической основе), что позволит выйти на новый уровень управления городом (эффективное использование ресурсов, управление экономическими механизмами, демократичное взаимодействие с населением и др.).

Важное направление — активная информационная политика внутри города, расширение специализированных услуг в области телекоммуникаций, наукоемких услуг в области образования, консалтинга, финансов, страхования, банковских; создание муниципальных институтов, которые стимулируют развитие производства и услуг на основе интенсивных, ресурсосберегающих и наукоемких технологий, в том числе усилиями малого и среднего бизнеса.

Планируется внедрение передовых информационных технологий для опережающего развития новых услуг, базирующихся на сетевом построении почтовой связи: международной и внутренней ускоренной почты, электронной почты, автоматизация производственных процессов почтовой связи.

Медицинские инновации связаны с широким внедрением в муниципальное здравоохранение информационных технологий. Прежде всего, это создание единой сети, связывающей все медицинские учреждения города. Из уч-

реждения в учреждение за пациентом по сети должна следовать вся ранее накопленная информация о состоянии его здоровья — анамнез, прививки, бактериологические исследования. Врачи «Скорой помощи» также должны получить мгновенный доступ к этой информации.

Значительные перспективы связаны с углублением информатизации учреждений культуры — автоматизацией и модернизацией библиотек, развитием телекоммуникационных сетей, созданием и функционированием информационно-библиотечной сети города с подключением филиалов к электронным базам данных, чтобы все библиотечные фонды города были объединены в единую сеть (при одновременном переходе всей библиотечной системы на цифровые носители научно-технической, художественной и научно-популярной информации).

Инновационные проекты северных городов-центров затрагивают многие сферы городского хозяйства. Перспективным направлением является жилищно-коммунальное хозяйство — создание и развитие энергосберегающих технологий, совершенствование приборов учета тепла, воды и др. Другое направление — производственные наукоемкие услуги для федеральных корпораций, работающих в северо-восточной периферии: расширение производственно-технологической кооперации между малыми и крупными предприятиями с использованием системы субконтрактации и аутсорсинга. Еще одно направление — развитие веб-технологий, в том числе профессионального веб-дизайна, веб-маркетинга и др.

Применение в жилищном строительстве новых, местных строительных материалов, экологически чистых, энергосберегающих, современных по дизайну, ассортименту и номенклатуре, позволит удовлетворить платежеспособный спрос различных слоев населения — как на элитное жилье, так и на качественные жилые дома для граждан с невысокими доходами. Новые материалы способны обеспечить экономию затрат за счет снижения веса здания и высокой скорости сборки, за счет использования дерева или блоков из ячеистого бетона для стеновых ограждений.

Использование новых технологий позволит расширить номенклатуру строительных материалов, дает возможность внедрения прогрессивных домостроительных систем. Внедрение эффективных архитектурно-планировочных систем позволит уменьшить материалоемкость строительства. Приоритетными направлениями развития производственной базы стройиндустрии и промышленности строительных материалов являются развитие эффективных видов теплоизоляционных материалов и изделий для решения проблем теплозащиты зданий, уменьшения материало-, энерго- и трудоемкости строительных материалов и изделий, обеспечения устойчивого роста строительной индустрии.

Туризм — один из перспективных секторов экономики северных городов-центров с большим потенциалом для быстрого развития. Туристскую индустрию можно определить как межотраслевой комплекс, включающий специализиро-

ванные туристские фирмы, средства размещения (гостиничный комплекс), пассажирский транспорт (воздушный, морской, автомобильный), предприятия местной промышленности по изготовлению сувениров, пищевой промышленности, отраслей сельского хозяйства и т. п.; сферу услуг, которыми пользуется турист. Туризм играет интегрирующую роль внутри городской экономики, потому что консолидирует вокруг себя очень разные виды экономической деятельности — модернизация автодорог, строительство автостоянок, в том числе для экскурсионного транспорта, развитие общественного транспорта, развитие коммунального хозяйства, строительство новых парков, музеев, других зрелищных учреждений, улучшение экологической обстановки, развитие телекоммуникаций и др. Развитие сферы туризма способствует повышению уровня образования, совершенствованию системы медицинского обслуживания населения, внедрению новых средств распространения информации и т. д.

В прогнозный период необходимо осуществить комплекс мероприятий по стандартизации и сертификации гостиничных услуг, добровольной сертификации ведомственных гостиниц и средств размещения на базе частного жилого фонда, бронированию и внесению платы за предоставляемые услуги в режиме реального времени посредством Интернет-ресурсов.

Глава 8

Этапы развития муниципальной периферии: от агропромысловой экономики к инновационной

Новейшую историю Березовского района, который является муниципальной периферией внутри динамично развивающегося Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, можно представить в виде трех этапов, сопровождающихся сменой трех поколений его жителей — очевидцев сначала трансформации района из аграрного в индустриальный и затем, уже в современную эпоху, — начала его превращения в район наукоемкого сервиса, информационных технологий, место внедрения технических и социальных инноваций. Некоторые атрибуты экономики знания появляются в муниципальной периферии уже на самых первых этапах и развиваются очень постепенно, неспешно; другие, наоборот, возникнув на самых последних этапах экономической истории, демонстрируют взрывное, мощное, бурное развитие.

8.1. Первый этап — 1930–1955 годы (агропромысловый)[99]

Березовский район образован в 1923 г., но именно с 1930 г., когда он вошел в состав Ханты-Мансийского национального округа, здесь начали формироваться новые институты и структуры, новые процессы. Некоторые из этих структур, например, Березовская инородческая больница, возникли еще в XIX в., но в новых условиях советского освоения Севера обрели новую трактовку и дополнились создаваемыми в 1930-е гг. новыми больницами в селах Сартынья, Шайтанка, Устрем, Саранпауль, Полноват, Ванзетур. Сохранившиеся до нашего времени сильные традиции медицинской службы (прež-

[99] При характеристике трех первых этапов развития Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры использовались материалы Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Березовского района.

де всего профессиональных кадров местных врачей) являются характерной особенностью Березовского района в сравнении с другими, более молодыми, муниципальными образованиями округа.

В 1926 г. здесь была образована интегральная (смешанная) кооперация — районное потребительское общество «Рума» (Товарищ), с 1936 г. — рыболовецкая кооперация потребителей, с 1943 г. — Березовский районный союз потребительских обществ (райрыболовпотребсоюз), сегодня Березовский межрайпотребсоюз (МРПС), один из наиболее экономически жизнеспособных в округе. Истоки его современной успешности коренятся в новейшей экономической истории района, когда с 1930-х гг. здесь отрабатывались явно востребованные в среде коренного и пришлого, долгое время преимущественно сельского, населения, занятого традиционными промыслами и оленеводством, навыки создания потребительских, промысловых, снабженческих кооперативов.

Другой специфичной структурой данной местности стала знаменитая Сосьвинская культбаза, одна из первых в округе, которая решала комплексные неотложные культурно-просветительные, медицинские и задачи продовольственного обеспечения коренных жителей. Ее традиции сохранены и сегодня, проявляются в виде успешной деятельности Сосьвинского рыбкоопа, в том, что именно Сосьва является образовательным и культурным центром для целой сети рядом расположенных сел.

Традиционная рыболовецкая специализация Березовского района в этот период проявилась в виде создания десятков мелких коллективных хозяйств на уставе рыболовецкой артели, деятельность которых поддерживалась и координировалась новыми структурами Березовского рыбакколхозсоюза и моторно-рыболовецкой станции. Ни одна из них не сохранилась в своем первоначальном виде до настоящего времени. Но созданный в 1930 г. Березовский рыбозавод Тобольского Обского госрыбтреста, с 1955 г. — Усть-Сосьвинский, с 1960 г. — Березовский рыбокомбинат, сегодня существует как акционерное общество открытого типа «Сибирская рыба» и, несомненно, наследует традиции березовского рыбного промысла.

Одновременно с многочисленными рыболовецкими артелями в районе были созданы несколько сельскохозяйственных артелей; среди них в 1931 г. Березовский совхоз оленеводтреста, с 1934 г. — Саранпаульский оленеводческий совхоз. И он единственный среди всех крупных хозяйств сохранился до настоящего времени и существует как ГУП «Саранпаульское».

В отличие от рыболовецкого промысла и крупностадного оленеводства, которые опираются на коллективные формы, охотничий промысел больше связан с индивидуальным освоением ресурсов пространства отдельным домохозяйством, охотником. Его развитие в районе в этот период было просто беспрецедентным. Благодаря колоссальным трудозатратам охотников из числа коренных жителей объемы заготовок пушнины имели по сути индустриальный

характер: обская белка до полумиллиона экземпляров (теперь около 12 тыс.), ондатра до 92 тыс. (теперь 1–2 тыс.), горностай березовский кряж до 25 тыс. (теперь 700), заяц-беляк до 8 тыс. (теперь 900), соболь до 2 тыс. (теперь 400).

Традиции пушного, охотничьего промысла, опирающиеся на сильное национальное домохозяйство, сегодня переосмысляются заново как органичная часть постепенно формирующегося березовского туристического комплекса. Коренные жители могут быть гидами для приезжающих сюда на охоту отечественных и иностранных туристов, что является распространенной практикой в штате Аляска и северных провинциях и территориях Канады.

В 1935 г. здесь была создана Полярно-Уральская экспедиция: впервые геологическое изучение района стало проходить из самого района, а не усилиями «внешних» экспедиций. С этого момента здесь стала формироваться школа полярно-уральских геологов, знания которой сегодня, накануне масштабного хозяйственного освоения месторождений Приполярного Урала, оказываются востребованными. И по сути все сегодня базирующиеся в районе геологические экспедиции можно считать «дочками» первой, Полярно-Уральской.

Значительное взаимное влияние в результате десятилетий совместного проживания геологов и коренных жителей можно оценить при сравнении современного сообщества местных жителей села Саранпауль, в котором такое влияние было, и сообщество местных жителей села Сосьва, где его никогда не было: первые обладают лучшими техническими, инженерными, навыками работы с массивами информации.

Весь первый этап в село Березово и через него дальше на север сплошным потоком шли спецпереселенцы из Центральной России, Украины, Поволжья (ссыльные, раскулаченные, репрессированные). Особенно большой приток населения дал 1937 г. Численность населения Березова в 1939 г. составила 3,3 тыс. чел., что было в несколько раз больше, чем на начало 1930-х гг. Некоторые из этих людей остались здесь после освобождения и стали активными участниками индустриального освоения района, которое началось после легендарного открытия Березовского газового месторождения в 1953 г., давшего старт последующему освоению десятков газовых и нефтяных месторождений Западной Сибири.

8.2. Второй этап — 1955–1980 годы (индустриальный)

Многие количественные показатели этого этапа были максимальными в новейшей истории района: 52 тыс. поголовье домашних оленей (1965 г.), 120 т добычи сосьвинской селедки (первый пик серсдины 1950-х гг.), потом 40 т (второй пик в 1970-е гг.) — теперь около 3–5 т, более полмиллиарда кубометров добычи игримского газа в год. За очень короткий период 1957–1959 гг.

в районе, по сути, была решена жилищная проблема: новые институты государственной кредитной поддержки личной энергии людей привели к настоящему буму индивидуального домостроения. Резкое сокращение десятков агропромысловых хозяйств до четырех колхозов, концентрация в них финансовых, административных, информационных ресурсов, первоначально привели к бурному росту всех количественных показателей районной агропромысловой экономики, которая ускоренно переводилась на индустриальные рельсы.

Именно в это время стала складываться современная профильная специализация района на «экспорте» ресурсов пространства для транзитной транспортировки колоссальных объемов ямальского газа по магистральным газопроводам в европейскую Россию и Западную Европу. На этой функции в Березовском районе в эти годы возник совершенно новый пласт хозяйственного освоения — крупный новый центр Игрим, трассовые поселки линейно-производственных участков магистральных газопроводов Светлый, Хулимсунт, позднее Приполярный, местные сообщества в которых радикально отличаются по всем своим параметрам от старожильческих сообществ районного центра Березова и национальных сел.

Добыча игримского газа, открытого в начале 1960-х гг. (первые годы отрабатывался новым специально созданным газопромысловым управлением «Игримгаз»), стала прологом к масштабным открытиям месторождений мирового класса на Ямале. Однако Игрим, ставший поселком городского типа в 1964 г., сохранил свои функции базы газотранспортного освоения Ямала. Среди всех его базовых функций для современного этапа перехода к экономике знания наиболее важна его роль образовательного центра переобучения и переквалификации работников ООО «Газпром — Трансгаз — Югорск» (созданного в 1966 г. крупнейшего в мире газотранспортного предприятия). Основа этой роли Игрима как кузницы кадров «Трансгаза» закладывалась в 1970-е гг., когда здесь был создан ведомственный центр переподготовки и переобучения работников.

В это время в новом хозяйственном центре района Игриме были созданы мощные структуры, которые оказались жизнеспособными до настоящего времени. Это гигантский строительно-монтажный трест «Приобьтрубопроводстрой» (1973 г.), сегодня акционерное общество открытого типа, крупнейшее предприятие района, осуществляет комплекс работ по строительству и ремонту магистральных газопроводов, в последние годы — объектов промышленных предприятий и бюджетных учреждений, имеет фонд мощной землеройной техники, трубоукладчиков, бульдозеров. Его годовой объем работ, которые осуществляются по всей Тюменской области и за ее пределами, сопоставим со всем бюджетом Березовского района.

Это структуры речного флота Игримречтранс — теперь многопрофильное предприятие, основным видом деятельности которого является организация перевозки грузов, погрузочно-разгрузочные работы; ремонтно-эксплуатационная база флота (РЭБ флота) «Спецгазавтотранс», созданная для строительства

и обслуживания газокомпрессорных станций Хулимсунт, Пунгары, Приобье, теперь его деятельность включает перевозку и переработку грузов широкой номенклатуры и землеройные работы. Первоначально предприятие базировалось в Тюмени, в 1987 г. передислоцировалось в Игрим, к местам наибольших объемов транспортных перевозок в специфических условиях малых рек.

Это Игримторг, который возник в 1964 г. как ведомственное снабженческо-торговое подразделение газовиков, сохранился до настоящего времени сначала как МУП, в последние годы как открытое акционерное общество, осуществляет торговлю, строительство, хлебопечение в кусте поселений, примыкающих к Игриму.

8.3. Третий этап — 1980–2005 годы (ведомственный и переходный)

Первая половина этого этапа пришлась на позднесоветский период индустриального освоения, которое в районе осуществлялось усилиями крупных союзных ведомств, прежде всего Мингазпрома СССР. На строительстве новых ниток магистральных газопроводов с Ямала через Березовский район было задействовано около восьми тысяч привлеченных и местных работников. Неудивительно, что численность населения района (вместе с самыми бурно развивающимися городом и районом Белоярским, которые выделились из Березовского района в 1988 г.) составила в 1985 г. 61 тыс. чел. (прогноз для 2000 г. был 99 тыс. чел.), объемы ежегодного транспорта газа через район в середине 1980-х гг. составляли 271,4 млрд кубометров.

Местная промышленность района имела очень скромный и в основном самообеспечивающий характер: производство электроэнергии на децентрализованных дизельных электростанциях, заготовки деловой древесины для строительства и ремонта жилья, добыча рыбы и производство пищевой рыбопродукции для самообеспечения продовольствием, наиболее деликатесные виды вывозились в Тюмень и Москву. Так сложилась двухсекторная модель местной экономики: транспортная отрасль союзной специализации, которая оказывала услуги магистрального газотранспорта; и местные промышленность, сельское хозяйство, услуги, которые удовлетворяли спрос жителей самого района. Многие сельхозпредприятия, торговые, предприятия бытового обслуживания находились в подчинении крупных союзных ведомств или областных главков, для которых они были непрофильными, и потому предоставляемые ими товары и услуги неизбежно были дефицитны по объемам и ограничены по ассортименту.

Идеи того времени (в логике существовавшей административно-командной, тотально огосударствленной системы) отражает научный отчет коллектива Института экономики Уральского отделения РАН, выполненный в 1985 г. под

руководством В. П. Пахомова. В числе многочисленных предложений авторов, которые отразили императив снижения зашкаливающих затрат и факт падающей экономической эффективности ведомственного промышленного освоения новых северных территорий, были:

- необходимость создать каркас круглогодичных дорог Игрим — Сергино, Надым — Белоярский — Советский;
- построить в районе кирпичный завод для частичного замещения ввоза дорогих стройматериалов собственным их производством на месте;
- образовать ведомственные тепличные хозяйства на дешевой энергии газокомпрессорных станций;
- организовать национальный парк в районе Приполярного Урала;
- обучать молодежь коренной национальности техническим специальностям, чтобы дать им шанс занять места в новых промышленных производствах района.

Эти идеи не утратили своей актуальности, но уже в совершенно ином, трансформированном виде, который более адекватен условиям современной децентрализованной государственно-рыночной экономики, предлагаются для реализации в прогнозный период развития района до 2020 г. (или уже реализуются на личной энергии предприимчивых граждан — например, строительство теплиц мигрантами СНГ в селе Приполярном).

Вторая половина третьего этапа пришлась на период радикальной экономической реформы в России и начало постиндустриальной трансформации национальной экономики, когда все прежние экономические и политические институты и структуры советской индустриальной эры подверглись кардинальной ломке. Для Березовского района это время характеризовалось пятикратным сокращением поголовья крупного рогатого скота, трехкратным спадом производства молока и мяса к уровню дореформенного 1990 г., исчезновением всех крупных аграрных хозяйств, калейдоскопом возникших и исчезнувших кооперативов, муниципальных предприятий, товариществ, акционерных обществ.

Но в это же время в районе возникли новые жизнеспособные структуры — предвестницы новой экономики. Беспрецедентно быстрое становление Игримского политехнического колледжа (дом пионеров 1983–1991 гг., детско-юношеский центр 1991–1995 гг., муниципальный лицей 1995–1996 гг., государственный лицей 1996–2000 гг., государственный колледж с 2001 г.) как новой структуры среднего профессионального образования свидетельствует о наличии очень сильной объективной потребности местной экономики. Для неизбежного перехода муниципальной периферии в новую эпоху, когда основные конкурентные преимущества, основная добавленная стоимость товара или услуги будет формироваться за счет нового знания, за счет технических инноваций, новшеств в бизнес-процессах, в управленческих и деловых

структурах, возникновение и быстрое упрочение роли Игримского колледжа в местной экономики абсолютно оправданно.

Игримский профессиональный колледж выполняет не только образовательную, но также коррекционную и реабилитационную функцию: примерно 50 % его учащихся из неполных семей; 70 % из малообеспеченных; 10 % имеют нарушения психо-эмоциональной сферы. Более 50 % выпускников колледжа продолжают свое образование в высших и средних специальных учебных заведениях.

Обучение проводится по десяткам специальностей, набор которых гибко меняется, чтобы максимально соответствовать потребностям местного рынка труда. Совместно с центром занятости колледж проводит обучение безработных для крупных предприятий района. В 2005 г. на базе колледжа открыта линия технической диагностики автомобилей. Строится автодром для отработки навыков вождения на автомобилях

Постепенно колледж будет приобретать функции ранее существовавших в районе промышленных и аграрных предприятий — в качестве опытного полигона, опытной экспериментальной площадки для отработки новых технологий, изделий и услуг. Передача колледжу все новых и новых функций за рамками традиционно понимаемых педагогических и образовательных (в том числе обучения и переобучения жителей района в молодом и зрелом возрасте) превратит его в новую градообразующую структуру экономики многих поселений района, и не только Игрима. И такой формат полностью соответствует зарубежной практике, например, Арктического колледжа в канадском Нунавуте, Аврора — колледжа в Северо-Западных территориях Канады.

Другой новой структурой, также возникшей с нуля, является общество с ограниченной ответственностью «Лана» — современный малый бизнес с районной спецификой, который возник на самом ключевом, самом узком направлении районной экономики — в дорожном обустройстве. «Лана» готовит до 20 % всех районных зимников (Игрим — Теги, Игрим — Сартынья, Сосьва — Ломбовож, Сосьва — Кимкьясуй и др.). Наряду с другими структурами фирма участвовала в негромком, но абсолютно беспрецедентном процессе радикального улучшения транспортной доступности сети поселений района за очень короткий период последних 12 лет.

В советскую эпоху качество зимников, которые готовили предприятия, позволяло осуществлять только караванные, нерегулярные, перевозки грузов мощной дорогостоящей техникой (например, «Уралами»). Перевозки пассажиров легковым транспортом и автобусами не были развиты. Теперь в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре есть программа подготовки зимников, на каждую ледовую переправу оформляется свой технический паспорт. Но самое главное — пассажирские перевозки, поездки на личном транспорте по зимникам стали массовыми. Для Березовского района с его колоссальными пространствами формирование сети устойчивых автозимников для пассажир-

ских и грузовых перевозок стало важнейшей технической инновацией в последние 12 лет и результатом инженерной предприимчивости людей.

Другой новой тенденцией в последние 15 лет следует признать создание (или воссоздание) десятков национальных родовых общин. Сотни коренных жителей благодаря им обеспечены работой в рыбодобыче, охотничьем промысле, на лесозаготовках, заготовках дикоросов, строительстве жилья и др. В течение десятилетий, с 1960-х гг., в районе не было хозяйственных организаций, которые сохраняли бы этнический колорит, национальную специфику. Сельскохозяйственные организации советского времени имели здесь стандартную оболочку государственного совхоза (одни и те же нормы и правила деятельности, отчетность и регламент от Калининграда до Чукотки). Поддержание существующей сети родовых общин, обучение коренных жителей основам предпринимательства для того, чтобы увеличить их количество и диверсифицировать их деятельность, представляется очень важной инициативой районной власти.

Другой новой структурой третьего этапа стал созданный в 2002 г. МУП «Березовонефтепродукт», который осуществляет приемку, хранение и реализацию горюче-смазочных материалов через автозаправочные станции учреждениям бюджетной сферы, предприятиям жилищно-коммунального комплекса, предприятиям других форм собственности и населению района. Его создание, с одной стороны, отразило децентрализацию полномочий по нефтепродуктообеспечению коммунальной сферы, бюджетных предприятий и населения от Ханты-Мансийского автономного округа району; с другой — стало следствием возросшей индивидуальной мобильности жителей района (до эры устойчивых зимников такой широкой, рассредоточенной, просто тотальной потребности в моторном топливе не было). Срок жизни МУП «Березовонефтепродукт» определится тем, с какой скоростью в разных частях района (прежде всего в игримском кусте, самом близком к входной базе Приобье, уже расположенной на сети круглогодичных автомобильных и железных дорог) будут возникать условия для выполнения функций нефтепродуктообеспечения рыночными структурами малого и среднего бизнеса.

В современной структуре бюджетных расходов Березовского района доминируют образование, здравоохранение, жилищно-коммунальное хозяйство и культура, которые вместе формируют две трети. Современное лидерство муниципального образования в бюджетных расходах района окажется скромным, если сравнивать доли 2005–2006 и 1955 гг.: менее 30 и более 60 %. В 1955 г. местным властям не нужно было содержать жилищно-коммунальное хозяйство, это бремя расходов возникло в последние 30 лет, в основном на третьем этапе освоения Березовского района (рис. 7). Эти новые расходы отняли финансовые ресурсы от сферы муниципального образования.

В течение нескольких десятилетий XX в. экономика муниципальной периферии переструктурировалась под цели вывоза ценной продукции союзной

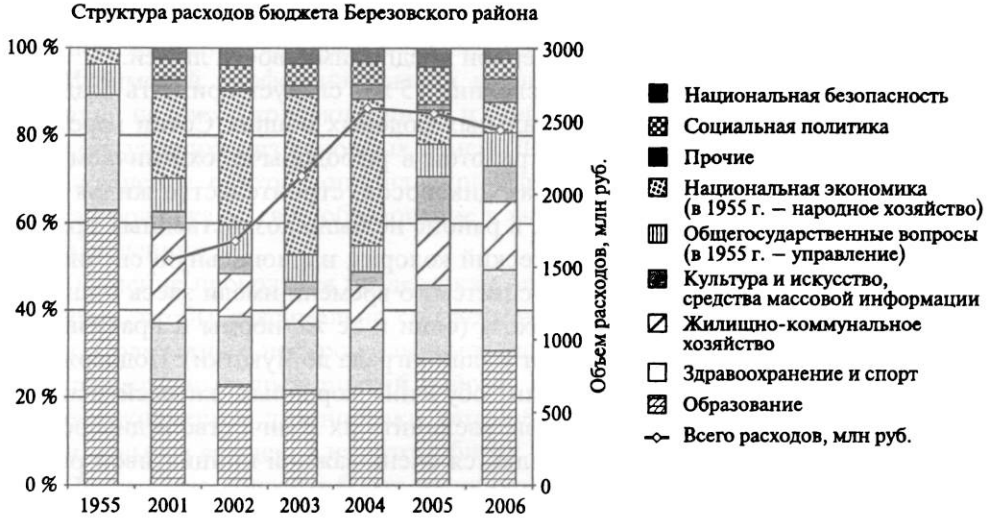


Рис. 7. Динамика структуры расходов бюджета района

специализации в центральные районы страны, часто на экспорт: на первом этапе освоения 1930–1955 гг. — рыбных и пушных ресурсов, на втором и третьем этапах — газа, сначала добываемого здесь, а потом на Ямале. Новый разворот экономики Березовского района происходит под задачу импортозамещения, компенсации внешних поставок угля, цветных металлов и железной руды на уральские промышленные предприятия за счет уральских же природных ресурсов, с месторождений Полярного и Приполярного Урала (мегапроект «Урал Промышленный — Урал Полярный»).

8.4. Четвертый этап — 2005–2020 годы (инновационный, трансформации муниципальной экономики из индустриальной в сервисную)

Новый этап развития муниципальной периферии станет временем системной модернизации березовской экономики в направлении большей гибкости, мобильности, динамизма, которые обеспечат малый бизнес, модульные технологии добычи и переработки ресурсов, информационно-телекоммуникационные сети, инвестиционные ресурсы мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный» и венчурных финансов, новые экономические институты (муниципальные нормы и правила поведения хозяйствующих субъектов).

Общая стратегия развития будет состоять в одновременном *расширении* (диверсификации) муниципальной экономики за счет развития новых видов деятельности (биотехнологические переделы рыбных и лесных ресурсов, ин-

теллектуальные услуги консультирования, информационного посредничества, аналитики, маркетинговые, новые структуры среднего профессионального образования и др.) и *углублении* ее — усилении инновационности в старых и новых видах деятельности.

Новый технологический уклад будет формироваться здесь с учетом особенностей природных ресурсов, традиций коренного населения, малых размеров экономики и обширных, транспортно не обустроенных пространств. В индустриальной экономике отсутствие развитой промышленности, сети наземных транспортных магистралей, малый размер экономики были несомненной бедой Березовского района. Но вот приходит новый постиндустриальный уклад, и оценки смещаются. То, что выглядело ранее как несомненный недостаток, теперь, с точки зрения перспектив постиндустриального развития и присущих ему новых ценностей, может стать достоинством муниципальной периферии. Прежние ограничения и барьеры развития утрачивают или ослабляют свое воздействие, а могут даже парадоксально превратиться в сильные стороны и ее конкурентные преимущества.

Всегда ли барьеры дорогие энергоресурсы, малая емкость местных рынков, отсутствие транспортной сети, большие расстояния? На зарубежном Севере уже не говорят про высокие северные затраты, эти темы остались в индустриальных 1960-х гг. Продукция высокой добавленной стоимости, на знании, информационных технологиях одолевает издержки северных расстояний.

Слабый финансовый потенциал северных территорий, значительные утечки денежных средств — для нейтрализации этого недостатка придуманы компенсационные соглашения государства и коренных этносов, по которым последние получают в рассрочку значительные денежные платежи. В силу того, что коренные народы не собираются мигрировать с Севера, эти финансовые ресурсы остаются на самóм Севере, генерируют здесь новые рабочие места и поток дохода.

Недостаточен контроль местной общины, местных органов власти над природными ресурсами — для нейтрализации этой проблемы используется режим кооперативного менеджмента, соуправления — как государственно-аборигенное партнерство в мониторинге и определении квот на вылов, лицензий на отстрел. Мал запас предпринимательской энергии местной общности людей и недостаточное качество человеческих ресурсов — для нейтрализации этого недостатка на зарубежном Севере используются программы обучения, переобучения, борьбы с алкоголизмом внутри общины местных жителей.

Обеспечение нового комплексирования первичных кирпичиков экономики муниципальной периферии Севера, переключения с одних элементов на другие, успешное складывание новых конфигураций экономических элементов — это приоритетное направления усилий внутри местной экономики. Разнообразие форм годичной, сезонной, понедельной занятости на рынке труда, создание структур, консолидирующих пул финансовых ресурсов, способных пе-

реключать их с одного направление на другое на местном рынке капитала, укрепляют гибкость местной экономики, очень важную для постиндустриального периода.

Общими тенденциями развития базового (реального) сектора экономики муниципальной периферии в прогнозный период станет возрастание роли и значения малых мобильных форм организации бизнеса. Малые и средние формы хозяйствования окажутся наиболее адекватными специфике свойств природных ресурсов муниципальной периферии. Например, передвижные пункты по заготовке дикоросов позволят организовать систему их сбора с обширной площади — там, где стационарный пункт приемки неэффективен ввиду малого и рассредоточенного ресурсного потенциала.

Многие современные крупные хозяйственные структуры (леспромхозы, совхозы, рыбозаводы) постепенно превратятся в сеть тесно взаимодействующих мелких добычных и перерабатывающих производств — как ассоциации предприятий малого лесопиления, фермерских и личных подсобных хозяйств. Их конкурентоспособность (увеличение производительности труда) будет в возрастающей степени зависеть от интенсивности притока нового знания по технологиям и организации добычи и глубоких переделов природных ресурсов; интенсивности местных рационализаторских предложений в области организации и технологии производственного процесса, максимально учитывающих конкретную специфику ресурса, ландшафтов, населения.

Новая тенденция будет состоять в превращении местных образовательных структур всех уровней в градообразующие для своих сел и поселков. Роль, которую раньше выполняли рыболовецкие артели, потом колхозы, совхозы, рыбокомбинаты, линейно-производственные участки для своего сообщества в содержании социальной сферы, создании специфичных механизмов местной социальной защиты, станет функцией местных структур обучения (школы, колледжи, центры и другие «знаниевые» организации). Возвышение их роли будет просто вынуждено: возникающая новая экономика, основанная на знаниях, потребует вовлечения каждого жителя района в образовательный процесс, процесс обучения и переобучения. Образование впервые станет не просто средством обучения определенным навыкам, но фундаментальным процессом модернизации совокупного человеческого капитала. Ключевым фактором экономического роста станет качество человеческих ресурсов.

А решать задачи переобучения местных кадров, подготовки школьников и молодежи к требованиям работодателей в возрастающей степени будут не далекие университеты и институты — генераторы формального знания, которое можно будет получить в учреждаемых ими курсах дистанционного образования, но местный политехнический колледж, усиленный сетью окружных и российских партнеров из числа вузов и колледжей, который максимально использует в курсах обучения неформальное, традиционное знание коренных народов и старожилов района (то, которое невозможно передать по компью-

терным сетям, но только в личном общении, при личной встрече). Такова глобальная тенденция всех северных территорий мира; и Березовский район не сможет остаться от нее в стороне.

По очень многим объективным (в том числе демографическим) причинам северной муниципальной периферии придется решать свои кадровые проблемы за счет «самообеспечения» — подготовки молодых специалистов из самих жителей района. И это тоже увеличит нагрузку и экономическую роль местных образовательных структур.

Децентрализация полномочий от района к поселениям в рамках реформы местного самоуправления также увеличит потребность в местных курсах переобучения новых муниципальных работников. И опять эти потребности будут закрывать преимущественно местные структуры.

Разрастание структур обучения, образовательных организаций будет идти как вглубь, так и вширь. Вглубь — означает развертывание непрерывного обучения всех и каждого по восходящей линии «детский сад — школа — колледж — вуз», формирование многочисленных образовательных ассоциаций из сетей местных образовательных учреждений и их партнеров, но также и между местными и внешними образовательными структурами и партнерами (во имя более эффективного выполнения школами и колледжем района своих функция обучения и переобучения).

Вширь — означает выход образовательного учреждения за свои привычные границы, включение в свои активы местные спортивные комплексы, крупные земельные участки, фонды умерших промышленных и сервисных предприятий. Выход образовательных учреждений в промышленную деятельность, с приданием этой деятельности экспериментального, пилотного характера, с созданием на своей базе венчурных малых предприятий-дочек станет возрождением ранее умерших производств, но в совершенно новом виде.

В каждом местном сельском сообществе укрепится и укоренится местная «знаниевая» организация, которая будет иметь различную структурную оболочку (центр, школа, колледж и т. д.). Ее роль будет состоять в изучении потребности членов местного сообщества в переобучении (какое именно знание ему нужно для конкурентоспособности на местном и районном рынке труда) и бережном аккумулировании местных традиций, чтобы творчески ввести их в процесс обучения.

Сам процесс обучения (новые образовательные проекты и программы) будет организовываться при помощи этой местной знаниевой организации либо в районном колледже, либо «с доставкой на дом», в самом сообществе, в виде разработанных в районных центрах курсов переобучения, доставленных адресату командой наставников из колледжа или вуза.

Местное сообщество будет иметь значительно большее, чем сегодня, влияние на содержание программ обучения в школах, колледже, при курсах переподготовки и переобучения. Экспансия знаниевых организаций вглубь и

вширь, захват ими функций промышленных, сервисных предприятий, для территориальной планировки поселков и сел района будет означать разрастание площадей, земельных участков, увеличение доли «интеллектуальных территорий» сельских и поселковых школ, районного колледжа — в виде экспериментальных площадок, опытных полигонов, технопарков, лесничеств, теплиц, автодромов.

Другая долговременная тенденция прогнозного периода будет состоять в значительном возрастании мобильности людей и одновременно резком понижении доли транспортных издержек в стоимости ввозимой и вывозимой из района продукции. В индустриальную советскую эру идеалом для работника Березовского района была одна работа на всю жизнь, одно и то же место работы и жительства. В новой эре правилом становится частая смена работы, постоянный процесс переобучения работника и мощное развитие ежедневной трудовой маятниковой миграции (коммутирования) на рынке труда района. Разрыв между местом жительства и работы будет характерен для возрастающего числа работников района, в том числе не только за счет ежедневного коммутирования, но и за счет недельных, месячных вахт местных работников на работу в другие поселки района и Ханты-Мансийского автономного округа.

Многие районные стройки будут привлекать жителей района на вахтовой основе, без создания новых стационарных поселений: для этого используется контрактная система набора работников, предусматривающая проживание их на стройплощадке без членов семьи; расселение работников в модульных, полностью укомплектованных жилых помещениях; вахтовая система труда и отдыха с продленным рабочим днем в период вахты; мобильные производственные предприятия для обслуживания техники.

Значение мобильности людей в районной экономике будет все время расти (с точки зрения новых рабочих мест, формируемых в пассажирском транспорте, экономической роли вахтовой внутри- и межрайонной миграции, растущей роли туристического комплекса и т. д.), а значение перевозок грузов в районной экономике будет снижаться (меньше доля грузового транспорта в общей занятости и валовом муниципальном продукте).

Рост реальных доходов березовских домохозяйств за счет появления новых личных транспортных средств (снегоходов, мотосаней, катеров, моторных лодок, яхт, вплоть до личных самолетов) увеличит их индивидуальную мобильность — для целей бизнеса, досуга, туризма. Увеличится доля мобильно предоставляемых услуг — в медицинских, образовательных, учреждениях культуры (например, мобильные, портативные формы обследования и обслуживания дальних сел) и сами эти учреждения частично приобретут полустационарный и мобильный характер. Возродится значение оленного и конного транспорта как части формируемого туристического комплекса.

В селах и поселках района будет постоянно расти «инфраструктура личной мобильности»: автогородки и автодромы, организованные автостоянки,

коллективные и индивидуальные гаражи, которые будут возникать на месте сносимых ветхих жилых домов и свалок; пассажирские причалы, пристани; вокзалы, гостиничные комплексы и т. д.

В результате локализации цепочки добавленной стоимости потребитель сможет получать готовую продукцию непосредственно с месторождения (прежние затраты на доставку сырья до порта назначения, разгрузку, доставку до «южного» перерабатывающего комплекса будут сведены к минимуму или их не будет вовсе). Двух–пятикратное удешевление транспортировки грузов обеспечит применение на коротких дистанциях (20–30 км) струнного транспорта (транспорта на струнах типа ЛЭП).

Другой магистральной тенденцией прогнозного периода станет неизбежное уменьшение затрат на социальное и производственное теплоэнергообеспечение за счет вовлечения в оборот местного угля и низконапорного газа, внедрения новых способов переработки энергоносителей (например, технология «Карбоника» получения электрической и тепловой энергии, полукокса и топливных брикетов за счет слоевой газификации бурого угля), энергосберегающих технологий и резкого повышения энергоэффективности (установка приборов учета тепла, переход на закрытые системы отопления и др.). Теплоэнергосбережение сможет превратиться в районной экономике в самостоятельный высокодоходный сервис.

Инновационные технологии обретут «всюдный» характер — будут внедряться в различные виды экономической деятельности и социальную сферу. Это обеспечит высокую маневренность технологического оборудования, гибкую способность поэтапно наращивать мощность в зависимости от спроса на рынке, легкость и малообъемность конечного продукта и его высокую транспортабельность. Значительный прорыв новые технологии обеспечат в сетевом строительстве: прокладка газопроводов без вскрытия грунта, строительство тепловых сетей в пенополиуретановой изоляции, сокращение количества промежуточных (русловых) опор за счет увеличения длин пролётов при строительстве железнодорожных мостов и т. д.

Другой линией инноваций станет внедрение малоотходных и безотходных технологий переработки минерально-сырьевых и биологических ресурсов, усиление приоритетности рыбоводства, лесовосстановления в управлении местным природопользованием. Среди наукоемких видов деятельности значительные перспективы имеет местный биотехнологический комплекс, возникающий на использовании недревесных ресурсов леса, переработке сухих рогов оленя в пантокринное сырье (порошок). Для очистки питьевой воды в поселках будут широко применяться компактные водоочистные сооружения («космические» мембранные технологии).

Возникнут новые фирмы — поставщики наукоемких услуг в вопросах землеустройства, управления природопользованием, экологической безопасности. Их современный прообраз может быть найден в муниципальном уч-

реждении «Проектно-производственное архитектурно — планировочное бюро». Проектно-изыскательские работы будут осуществлять и другие фирмы — мини-проектные институты. В крупных поселениях возникнут целые локальные кластеры фирм наукоемкого сервиса, которые будут располагаться на единых бизнес-площадках (бизнес-инкубаторах).

Глубинное проникновение информационно-коммуникационных технологий трансформирует ключевые для районной экономики управленческие и бизнес-процессы во всех секторах местной экономики, переведет их от современного иерархического на сетевой принцип работы (фирма, бюджетное учреждение, муниципалитет как компьютерная сеть дисперсных автономных мобильных ячеек, связанных между собой по информационным сетям). Для муниципальной власти это будет означать формирование многочисленных муниципально-частных, муниципально-общественных партнерств. Новая роль муниципальной власти будет состоять в том, чтобы стать эффективным координатором всех «игроков» районной экономики и социальной сферы. Рост значения кооперативной собственности и собственности общественных организаций на фоне некоторого уменьшения роли муниципальной собственности отразит децентрализацию муниципальной власти и управления, укрепление роли местных сообществ в районном развитии, управлении и контроле над ресурсами и пространствами Березовского района.

Новая (более рисковая, наукоемкая) природа районной экономики потребует диверсификации финансовых институтов. Возникнут местные венчурные фонды, структуры финансового страхования, которые примут на себя вопросы пожарной безопасности, смягчат экологические риски сильных погодовых колебаний природных условий деятельности лесной отрасли, сельского хозяйства, рыбного промысла, уровней воды местных рек. Для финансирования местных проектов будет использоваться институт муниципальных облигаций.

Весь четвертый этап станет временем массовой модернизации (замены) архаичных материальных активов прошлой индустриальной эры. В этом контексте нужно рассматривать масштабные программы сноса ветхого жилья в каждом селе. Индивидуальное малоэтажное жилищное строительство на новых быстровозводимых модульных технологиях деревянного, каркасного, домостроения будет использовать старые площадки ветхого жилья, так и новые, возникающие при расширении поселковой черты. Диверсификация форм поселковой застройки приведет к обособлению в черте самых крупных поселков Березово и Игрима микрорайонов жилья разного качества, для разных по доходам групп населения. Внутри территорий крупных и средних поселений значительно возрастут зоны рекреации и досугового комплекса (площадки проведения культурно-массовых мероприятий, парки, скверы, велодорожки и др.).

Социализация экономического развития будет означать для Березовского района мощное развитие экономических видов деятельности, связанных с науками о жизни, — биотехнологии, медицинские услуги, туризм, разворот жи-

лищно-коммунального и лесопромышленного комплексов в сторону индивидуального жилого домостроения. Социализация развития будет происходить и через ужесточение регламентных требований к ведомственным, принадлежащим промышленным предприятиям, инфраструктурным объектам (дороги, средства связи, складские и торговые помещения, автозаправки), которые должны обрести менее усеченный характер, стать комфортными и удобными для использования населением.

Перспективы любой обширной и относительно слабо разведанной северной периферии связаны с новыми ресурсными проектами (точками роста на месторождениях нефти, газа, золота, алмазов и др.). Однако принципиальное отличие этих проектов от их аналогов для индустриальной эры будет заключаться в большей социальности, большей нацеленности на обеспечение долговременного устойчивого развития самой территории добычи. Формы для этого могут быть самыми разнообразными: превращение всех жителей в соакционеров компаний, которые ведут отработку ресурсов недр, новые инструменты и механизмы финансово-бюджетной политики (например, ресурсный траст-фонд, в который поступает часть средств от ресурсных платежей территории).

В индустриальную эру приоритетным было развитие традиционных отраслей хозяйствования (оленеводства и промыслов) на промышленной основе, при максимально возможных объемах конечного производства. Творчество и культура коренных малочисленных народов Севера были в тени крупнотоннажного производства оленины, рыбы, массовой заготовки шкурок белки, соболя, норки и др. В постиндустриальную эру акценты будут изменены существенно: первичным станет народное творчество, доиндустриальное «штучное» ремесло (орнаментация предметов быта, вышивание бисером и др.), коренящееся в обычаях и традициях, осовремененное через веб-дизайн. А оленеводство и традиционные промыслы перестанут быть индустриальными отраслями хозяйствования и станут ядром традиционного жизнеобеспечения, сплавляющим в себе культуру, традиции, язык и самообеспечение продовольствием.

Творческая деятельность на основе культурных традиций манси, хантов, коми-зырян и ненцев будет постоянно расширяться и через промышленный, архитектурный дизайн найдет выход в коммерческих, прибыльных проектах: салонах красоты (модельные прически), веб-дизайне, туризме, сувенирном производстве, в которых органично сплавляется традиционная культура, знание и природные, материальные активы района. Местным вариантом технопарка может стать создаваемый в Саранпауле, Сосьве этнический комплекс — совокупность рядом размещенных фирм в этнически специфичных видах деятельности.

Неотъемлемым атрибутом нового периода станет усиливающая стратификация пространства района на ограниченные промышленные зоны, растущие зоны поселковой застройки, территории традиционного природопользо-

вания и сильно расширенные площади природоохранных территорий разных режимов, входящие в экологический каркас района. Некоторые брошенные деревни трансформируются в этнические стойбища, дачные поселки для сезонного использования местными жителями и туристами, регулярных встреч членов общественных, добровольческих организаций и клубов.

Все охарактеризованные тенденции имеют глобальный, в том числе циркумполярный характер, не являются спецификой какой-то одной северной муниципальной периферии. Их мощное проявление в Березовском районе отразит объективное воздействие глобализации. Глобализация приведет к необходимости позиционировать район в мировом информационном пространстве, сверять акции муниципальной власти с международными стандартами и правилами, необходимости в условиях растущей конкуренции четко обособлять свои конкурентные ниши, доказывать, подчеркивать, укреплять свою конкурентоспособность. Важную (по сути, экономическую) роль в этом будут играть факторы уникальной культуры района, его новейшей и более древней истории, этнических традиций, из которых будет собираться неповторимый образ района.

В конце четвертого этапа будет окончательно сформирована инновационная инфраструктура муниципальной периферии: районный венчурный фонд за счет отчисления ресурсных корпораций, отрабатывающих месторождения Приполярного Урала; районный сайт инновационных проектов; институты экспертизы, консалтинга, открытых тендеров по защите и реализации проектов инновационного развития территории, а также новые нормативные документы, регулирующие инновационную деятельность на уровне муниципального района; новый спецкурс по инновационному менеджменту при Игримском колледже и др.

8.5. Мегапроект «Урал Промышленный — Урал Полярный» как фактор инновационной модернизации Березовского района (сценарии развертывания на территории района)

По многим ключевым показателям проникновения нового уклада, основанного на информационных компьютерных технологиях и знании, периферийный Березовский район отстает от центральных муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Районная экономика остро нуждается в инновационной модернизации. Именно поэтому мегапроект «Урал Промышленный — Урал Полярный» (строительство железной дороги Обская — Полуночное, которая соединит березовский «остров» с «материком» — Свердловской областью; строительство автомобильной дороги Аги-

риш — Салехард, электрических станций и сетей, разработка новых месторождений минерального и энергетического сырья), который в прогнозный период развертывается в западной, горноуральской, части района, важен не только как источник новых рабочих мест, налоговых и личных доходов, но и как фактор «омоложения» всей муниципальной периферии, обогащения ее новым технологическим знанием, навыками и компетенциями.

Справочный материал по мегапроекту «Урал Промышленный — Урал Полярный»[100]

Важнейшим стимулом к реализации мегапроекта служит потеря традиционных союзных поставщиков для уральских промышленных предприятий в результате распада СССР и истощение собственной сырьевой базы Южного и Среднего Урала после десятилетий, а иногда и веков ее эксплуатации. Мегапроект «Урал Промышленный — Урал Полярный» направлен на создание новой минерально-сырьевой базы уральской промышленности на Полярном и Приполярном Урале. Для этого предусматривается сооружение железнодорожной магистрали Полуночное — Обская и автомагистрали Тюмень — Урай — Агириш — Салехард, которые пройдут вдоль восточного склона Уральских гор. Строительство этих объектов по кратчайшему пути свяжет старопромышленные территории южного и среднего Урала, в которых практически исчерпаны собственные запасы рудных полезных ископаемых, востребованные местными металлургическими производствами, с месторождениями полезных ископаемых Приполярного и Полярного Урала, с лесопромышленной зоной севера Свердловской области и Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, с зоной перспективной нефтегазодобычи — полуостровом Ямал.

На промышленный Урал (Свердловская и Челябинская области) завозится ежегодно 60 млн т различных видов полезных ископаемых. Расстояние перевозок достигает 2–3 тыс. км. Основные объемы приходятся на энергетические экибастузские бурые угли из Казахстана (около 21–22 млн т, 2000 км), коксующийся уголь с Кемеровской области (15 млн т), железные руды из Казахстана (более 10 млн т, 2500–3000 км), с Кольского полуострова (около 10 млн т). И именно по этим, самым значительным, объемам, месторождения Березовского района способны обеспечить альтернативную поставку. Основной объем (свыше 90 %) придется на бурый уголь и железорудный концентрат. Инвестиционная емкость мегапроекта на территории Березовского района превышает 300 млрд руб. в ценах 2006 г.

Первый период развертывания мегапроекта на территории Березовского района (2009–2012 гг.) — это время строительства железной дороги Обская — Полуночное. Пик внешних инвестиций в экономику Березовского района. Здесь определяется, по какому именно сценарию дальше пойдет развитие района: насколько полно, масштабно сможет район использовать выгоды от нового мегапроекта. С первых метров строительства дороги встанет вопрос реализации срубленной древесины; нужны исключительные усилия и оперативность действий районной власти, чтобы вырубленный лес пошел на переработку на новые быстро создаваемые лесопромышленные комплексы на территории района.

В этот период осваиваются наиболее подготовленные к разработке виды твердых полезных ископаемых, добыча которых будет производиться в относительно небольших

[100] Использованы материалы проектно-сметной документации по мегапроекту «Урал Промышленный — Урал Полярный».

объемах и не связана со строительством железной дороги по восточному склону Урала: россыпное и рудное золото, цеолиты, кварцевый концентрат, бентонитовый порошок, уголь для местных нужд (Борисовский участок Люльинского месторождения). Создается пилотный энергетический комплекс на бурых углях в селе Саранпауль для производственных нужд предприятий с. Саранпауля и населения. Часть добываемого угля пойдет на производство топливных брикетов для местных нужд.

Для создания полноценной минерально-сырьевой базы и пополнения поискового задела востребованных, остродефицитных и высоколиквидных твердых полезных ископаемых на Приполярном Урале увеличивается финансирование геологоразведочных работ во всех работающих здесь местных и пришлых экспедициях.

Значительные усилия предпринимаются в это время для энергосетевого строительства. Энергоузел Березово — Игрим намечается присоединить по линиям электропередачи 110 кВ Игрим — Пунга и Пунга — Приобье к электрическим сетям Няганьского энергорайона энергосистемы Тюменьэнерго, энергоузел ГТЭС Приполярная — Люлья — Саранпауль — к сетям энергосистемы Тюменьэнерго по ВЛ-110 кВ Саранпауль — Игрим.

В центральной и восточной части района активизируются усилия по строительству круглогодичной дороги Березово — Игрим — Приобье и Светлый — Хулимсунт — Приполярный — Югорск. Здесь возникает несколько малых и средних новых проектов, созданных с вводом месторождений низконапорного газа и развитием газохимии, а также возможным строительством кирпичного завода вблизи Березова.

Во второй период (2013–2016 гг.) эксплуатация районного участка железной дороги Обская — Полуночное позволит ввести основные крупные добычные и перерабатывающие объекты на месторождениях Приполярного Урала: разрезы на Оторьинском и Тольинском буроугольных месторождениях, рудник на Охтлямском месторождении (до миллиона тонн железной руды в год), рудники на медно-цинковых, полиметаллических месторождениях Вольинском и Северо-Сосьвинском, рудник на одном из месторождений бокситов (Хулгинское, Волья-Ятринское и Северо-Сосьвинское).

С 2013 г. начинается добыча бурого угля на Тольинском и Оторьинском месторождениях. Добытый уголь отправляется по железной дороге на Серовскую, Верхнетагильскую, Нижне — Туринскую ГРЭС и Богословскую ТЭЦ промышленного Урала.

Приоритетом развития электроэнергетики будет оптимальное сочетание развития большой и малой энергетики. В большой энергетике базой для развития промышленности и социальной сферы станет строительство крупной электростанции на Северо-Сосьвинских бурых углях. Завершение строительства первой очереди Северо-Сосьвинской ГРЭС планируется в 2015 г. В малой энергетике на востоке и в центре района будут вовлечены в отработку несколько новых месторождений низконапорного газа, что позволит полностью отказаться от завоза моторного топлива к концу 2016 г. и построить несколько новых газотурбинных электростанций.

В третий период (2017–2020 гг.) произойдет увеличение объемов добычи железной руды (табл. 8), цветных металлов (меди и цинка), лесных ресурсов. Значительные средства (несколько миллиардов рублей) будут направлены в энергосетевое строительство магистральных и распределительных сетей энергоснабжения для передачи электроэнергии потребителям промышленной зоны Урала. Березовский район впервые станет экспортером энергии.

Мегапроект создает для муниципальной периферии, находящейся на этапе постиндустриальной трансформации, сильный внешний импульс, на который районная экономика реагирует своеобразно в каждом сценарии. В зависимости от степени интегрированности мегапроекта «Урал Промышленный —

Таблица 8

Ожидаемая ежегодная товарная продукция горных предприятий[101]

Наименование продукции	Ед. изм.	Объем выпуска в год	Стоимость товарной продукции, млн руб.	Объем инвестиций, необходимый для ввода в эксплуатацию, млн руб.
Первый период (2009–2012)				
Бурый уголь Борисовского участка	т	300 000	462	1008
Кварцевая крупка	т	25 000	700	980
Россыпное золото	кг	300	75,6	28
Цеолиты	т	10 812	142,8	56
Бентонит	т	100 000	140	420
Глинозем (70 %)	т	30 000	58,8	224
Итого			**1579,2**	**2716**
Второй период (2013–2016)				
Бурый уголь	т	8 000 000	13 860	19 600
Железорудный концентрат	т	1 000 000	850	500
Медный концентрат	т	300 000	2520	1400
Цинковый концентрат	т	100 000	700	1120
Золото рудное + россыпное	кг	1500	378	840
Бентонитовая и каолиновая продукция	т	400 000	560	600
Кварц	т	30 000	800	–
Глинозем (70 %)	т	100 000	196	280
Итого			**19 864**	**24 060**
Третий период (2017–2020)				
Бурый уголь	т	10 000 000	15 000	–
Железорудный концентрат	т	2 000 000	1700	–
Медный концентрат	т	450 000	3800	–
Цинковый концентрат	т	200 000	1400	–
Кварц	т	30 000	800	–
Золото рудное +россыпное	кг	1500	378	–
Глинозем	т	100 000	196	–
Бентонитовая и каолиновая продукция	т	400 000	560	–
Итого			**23 834**	–

[101] В исходные данные Института экономики Уральского отделения РАН 2000 года внесены незначительные уточнения.

Урал Полярный» в районную экономику можно предложить три сценария развития Березовского района до 2020 г.: колониальный мобилизационный; усиливающихся внутренних контрастов и в крайнем варианте — раскола района на западную и восточную части; гармоничный инновационный.

А. Сценарий колониальный мобилизационный — вывоз минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов с минимальным экономическим и социальным эффектом для района. В этой версии реализации мегапроекта на территории Березовского района абсолютно доминируют национальные интересы, интересы Уральского федерального округа и крупных корпоративных структур федерального масштаба, расположенных на промышленном Урале. Интересы Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Березовского района приносятся в жертву необходимости в кратчайшие сроки мобилизовать ресурсы во имя удовлетворения потребностей индустриально развитого мощного уральского промышленного комплекса. Бюджет округа софинансирует крупные государственные проекты — составляющие «Урал Промышленный — Урал Полярный»; на малые проекты самого Березовского района (дорожное, энергосетевое строительство, которые обеспечивают круглогодичную доступность и поддерживают внутреннюю связность) средств не хватает и они откладываются на неопределенный срок.

Особенность этого сценария состоит в том, что очень четко разграничивается экономическая, с одной стороны, и социальная и экологическая, с другой стороны, составляющие развития района. Динамика промышленного развития района всецело определяется и осуществляется в интересах корпорации «Урал Промышленный — Урал Полярный». Решение социальных и экологических проблем (безработица коренных малочисленных народов, низкий уровень подушевых доходов березовских домохозяйств, трансформация и загрязнение земель и др.), в том числе прямо обусловленных широкомасштабным новым хозяйственным освоением, осуществляется полностью на средства окружного бюджета. Таким образом, сценарий характеризуется сильнейшей асимметрией экономических выгод (у Уральского федерального округа и федеральных корпораций) и социально-экологических издержек (вменены Ханты-Мансийскому автономному округу и Березовскому району).

Этот сценарий можно считать инерционным: по сути сохраняются сложившиеся еще в начале XXI в., до реализации мегапроекта, тенденции социально-экономического развития Березовского района; модернизация муниципальной периферии в направлении инновационного развития, экономики знания осуществляется крайне медленно. Точнее сказать, результаты данного сценария даже несколько хуже, чем при просто инерционном развитии, потому что масштабные новые экологические издержки, которые не существовали бы в отсутствие мегапроекта, приводят к ухудшению качества окружающей природной среды, а значит, и качества жизни населения Березовского района.

На Приполярном Урале создается единая геологическая суперструктура, консолидирующая материальную базу (транспортные и технические средства, средства современной связи, мобильные аналитические лаборатории и др.), человеческие (до полутора–двух тысяч геологов-вахтовиков) и финансовые ресурсы (не менее 2–3 млрд руб. ежегодно) для форсированного проведения большого комплекса региональных геолого-геофизических, геолого-съемочных, поисково-оценочных работ и обеспечения быстрого перехода к стадии промышленной эксплуатации открытых новых месторождений крупным российским бизнесом, в том числе собственниками уральских промышленных предприятий. Маломощные местные геологические организации вытесняются с рынка.

Ввиду того, что кадры Березовского района не имеют опыта работы в горном деле, а подготовка инженерно-технических работников здесь не организована, на всех новых стройках района, развертываемых в рамках мегапроекта, работают вахтовики из других регионов. Подготовка зимников и вся доставка грузов по ним для строительства новой железной дороги Обская — Полуночное, линии электропередач вдоль трассы, на территории Березовского района, осуществляется «внешними» строительными и транспортными фирмами Советского, Октябрьского районов Ханты-Мансийского автономного округа и Югорска. Местные перерабатывающие производства не возникают ни на одном новом объекте добычи угля, черных и цветных металлов, которые создаются в районе в рамках мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный». Вся переработка леса, вырубаемого по трассе новой железной дороги, осуществляется на предприятиях соседних районов, куда доставляется срубленная древесина по новым лесовозным дорогам.

Вместо проектов строительства крупных местных энергогенерирующих мощностей реализуется проект переброски энергии с Печорской ГРЭС, находящейся в Республике Коми в 230–250 км от новых карьеров и рудников в селах Саранпауль и Приполярный Березовского района. Корпорации «Урал Промышленный — Урал Полярный» удается изменить логику освоения крупных буроугольных месторождений северо-сосьвинского бассейна, предусмотренную в прогнозных документах Ханты-Мансийского автономного округа. Сначала не Борисовский участок Люльинского месторождения, который расположен максимально близко, в 30 км от села Саранпауль, но самые крупные по запасам Тольинское и Оторьинское месторождения и только потом Люльинское. Объекты угольной энергетики на этих объектах не возникают, потому что весь добытый уголь, практически без обогащения, транспортируется на металлургические предприятия и электростанции Челябинской и Свердловской областей. В районе сохраняется современная схема энергообеспечения, основанная на дорогостоящем завозе дизельного топлива и кузбасского угля. Ввиду высоких местных энерготарифов перечень новых рентабельных проектов (вне Урала Промышленного — Урала Полярного) остается очень ограниченным.

Колониальная природа хозяйственного освоения района при этом сценарии проявляется многоаспектно: как почти полное отсутствие новых перерабатывающих производств высокой добавленной стоимости; малое количество новых рабочих мест для жителей района; незначительная глубина проникновения инноваций в районную экономику (ограниченный круг новых горнодобывающих производств); отчуждение местного сообщества от процессов принятия решения по ключевым вопросам реализации мегапроекта на территории Березовского района; недостаточное взаимодействие местной власти, бизнеса и структур гражданского общества в вопросах экономического и социального развития района.

При реализации данного сценария существенного уменьшения дотационности Березовского района за счет новых налоговых поступлений не происходит: трансфертное ценообразование позволит новым дочерним добычным предприятиям крупных федеральных корпораций уйти от местных и региональных налогов. Количество новых рабочих мест для местных жителей предельно ограничено одной сотней. Сценарий характеризуется значительным улучшением «внешней» транспортной доступности поселений запада Березовского района при очень слабом прогрессе в улучшении транспортной доступности внутри района, между его поселениями, между восточной и западной частями. Главный риск этого сценария состоит в вялой динамике развития района, значительном росте социальных и экологических проблем и превращении района в очаг депрессии для округа. Результатом становятся последние места Березовского района в 2020 г. по ключевым социальным и экономическим индикаторам среди муниципалитетов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Б. Сценарий усиливающихся внутренних контрастов и в пределе — раскола района на динамично развивающиеся поселения западного фланга и депрессивные поселения востока. Главная особенность этого сценария состоит в очень сильных внутрирайонных контрастах, которые вызывает реализация мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный». Позитивные эффекты от него реально работают для сел Саранпауль, Няксимволь, Приполярный, но очень слабо «проливаются» в сельскую экономику востока района. Возникает феномен автономного, параллельного развития востока и запада района, больших и малых районных проектов, при минимуме перемычек между ними. Например, нет реального взаимодействия между «своими» и «чужими» геологоразведочными экспедициями, что приводит к неэффективному использованию материальных и финансовых ресурсов и тормозит открытие крупных новых рудных объектов на Приполярном Урале. Ханты-Мансийскому автономному округу и Березовскому району не удается наладить эффективное взаимодействие с корпорацией «Урал промышленный — Урал полярный».

По сути это сценарий успешного, но обособленного развития двух экономик — западной, горноуральской, и восточной части района. Связи между хозяйствующими субъектами востока и запада района минимальны: новые производства запада не оказывают позитивного давления на старые предприятия востока. По этой причине проникновение инноваций в районную экономику ограничивается новыми добычными и перерабатывающими производствами и очень медленно затрагивает старые предприятия.

Темпы улучшения транспортной доступности березовского куста поселений, строительства круглогодичных транспортных осей Приобье — Игрим — Березово с паромной переправой через р. Северная Сосьва, строительства ЛЭП Игрим — Ванзетур — Шайтанка — Березово для централизованного энергоснабжения и удешевления энергии восточных поселений района не сопоставимы с темпами сетевого обустройства западной части района: намеченные сроки ввода объектов неоднократно переносятся.

Объекты большой энергетики, связанные со строительством крупных электростанций на Тольинском и Оторьинском буроугольных месторождениях, осуществляются для экспорта энергии на уральские промышленные предприятия вне всякой увязки с развитием малой энергетики района на местных месторождениях низконапорного газа и бурых углях Люльинского месторождения.

Ввиду того, что выгоды от мегапроекта ощутимо воздействуют на развитие западной группы поселений района в виде новых доходных источников и новых рабочих местах для местных жителей, совокупный эффект от данного варианта развития района выше, чем при реализации первого сценария. Дотационность районного бюджета за счет новых налоговых поступлений уменьшается с современных 90 до 70 % к 2020 г. Общее количество новых рабочих мест исчисляется несколькими сотнями. Главный риск этого сценария для района состоит в реальной угрозе отделения динамично развивающейся западной части и формировании нового муниципального образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (например, «Приполярнинский район»).

В. Сценарий гармоничный инновационный — выгоды от освоения Приполярного Урала укрепляют инновационное развитие района. При этой версии развития удается органично увязать интересы крупных внешних корпоративных структур и малого бизнеса района, «больших» национальных проектов и малых модульных объектов хозяйственного освоения, синхронизировать усилия по улучшению доступности поселений района к внешним входным базам и укрепление внутренней, межпоселковой, интегрированности (целостности) района. Выгоды от мегапроекта в этом сценарии присваиваются не элитарной группой внешних крупных корпораций или коалицией западных поселений района, но максимально широко распределяются среди всех хозяйствующих субъектов района, среди всех поселений и жителей.

Важнейшим отличием от второго сценария является многогранная интеграция усилий развития востока и запада района, когда за счет эффекта мультипликации итоговый результат оказывается больше простой суммы автономных усилий западных и восточных предприятий района. Районная экономика системно и полнокровно откликается на многомиллиардный приток внешних инвестиций в рамках мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный». Чтобы максимизировать местные выгоды от мегапроекта, радикально перекраивается система среднего профессионального образования. Организуются короткие и продолжительные курсы обучения новым специальностям, востребованным при освоении месторождений Приполярного Урала (техника-геолога, горняка, маркшейдера и т. д.). На большинстве новых добычных производств возникают перерабатывающие предприятия (лесопереработка, угольная энергетика, производство кварцевого концентрата, огнеупорного кирпича из каолиновых глин и др.), которые обеспечивают долгосрочный каскадный эффект в приросте занятости, бюджетного и личного дохода.

Раскрепощение потенциала местной угольной и газовой энергетики способствует формированию энергопроизводственных цепочек, в которых исходное сырье подвергается нескольким переделам и кратно увеличивает свою стоимость и одновременно уменьшает вес (газохимия, плитное, мебельное производство). Именно в этом сценарии за счет одновременного вовлечения в хозяйственный оборот как крупных буроугольных объектов запада, так и малых газовых месторождений центра и востока Березовского района, удается добиться максимального самообеспечения источниками котельного, моторного топлива и энергии. Это приведет к радикальному сокращению (вплоть до полного отказа) ежегодных объемов завоза нефти, нефтепродуктов и угля в район и экономии сотен миллионов рублей местного бюджета.

Важнейшая особенность данного сценария — мощное, эффективное, синхронное взаимодействие, взаимное дополнение усилий по строительству новой железнодорожной, автомобильной и энергосетевой магистрали в направлении «юг — север», которые обеспечивают круглогодичные выходы для западных поселений района во внешний мир, и усилий по дорожному, энергосетевому обустройству внутри Березовского района, между его поселениями, по радикальному улучшению транспортной доступности северо-восточной части района, ее подключению к новой круглогодичной транспортной оси «Приобье — Игрим — Березово». Часть новой дорожной и энергетической инфраструктуры местного значения быстро обретет общеуральскую значимость: например, участок дороги Саранпауль — Люлья может стать отрезком трансуральской автомобильной дороги Ивдель — Саранпауль — Хальмерью — Инта; строящаяся ведомственная дорога Хулимсунт — Приполярный станет частью магистрали Югра — Коми (Хулимсунт — Приполярный — Ухта). Здесь достигается предельное, невозможное в двух других сценариях, разнообразие транспортных и энергетических схем для эко-

ного, малозатратного обеспечения доступности и энергетической безо-ности поселений Березовского района.

Также очень важно, что все усилия в направлении сетевого обустройства, ертывание новых проектов имеют инновационную составляющую. В од- коридоре с железной дорогой прокладываются волоконно-оптические ии высокоскоростной связи. Многие новые проекты предусматривают окие «умные» финишные переделы в само́м районе. Повышение инве-ционной привлекательности района в результате осуществления здесь ме-оекта «Урал Промышленный — Урал Полярный», резкого удешевления спортных, энергетических и тепловых тарифов, способствует притоку их венчурных фирм и капитала.

В этом сценарии за счет позитивного давления новых западных произ-тв на предприятия восточной части района достигается максимальная ина проникновения инноваций и максимально широкий охват ими сфер нной экономики — в самые архаичные области типа коммунального хо-тва; в программы непрерывного образования, подготовки и переподго-и профессиональных кадров, в которые будет вовлечено до 50 % всего того населения; в мероприятия по энергосбережению и сокращению эко-ческих издержек и др. В течение всего прогнозного этапа экономика Бе-вского района будет развиваться более высокими темпами, чем экономика гы-Мансийского автономного округа.

Реализация данного сценария будет способствовать созданию десятков их фирм малого предпринимательства в ремонтных, обслуживающих ра-х, при строительстве новых электростанций, в торговле, быстром пита- бытовых услугах. В районной экономике будет создано более тысячи но-рабочих мест. Дотационность районного бюджета понизится до трети к) г. за счет новых налоговых и неналоговых поступлений, сгенерирован-мегапроектом и общим ростом бизнес-активности в районе; район вой-к 2020 г. в первую десятку муниципалитетов округа по основным пара-ам экономического и социального развития.

Основные риски этого сценария состоят в том, что не удастся выдержать ию баланса государственных, корпоративных и местных интересов в те-е всего прогнозного периода. Что по причинам, например, отставания в рме системы среднего профессионального образования, внутреннем се-м обустройстве района ему не удастся в полной мере материализовать все ыгоды, которые потенциально содержит мегапроект «Урал Промышлен- — Урал Полярный» (УП-УП) (табл. 9).

Рассмотрим динамику ключевых экономических индикаторов развития на по трем сценариям (рис. 8). Доля средней заработной платы по району авила в 2006 г. 72 % от средней по Ханты-Мансийскому автономному ок- — Югре. По данным Стратегии развития Югры, средняя заработная плата 20 г. составит около 110 тыс. руб. в текущих ценах. Исходя из гипотезы,

Таблица 9

Сравнение трех сценариев развития Березовского района в 2009–2020 годы

	Колониальный мобилизационный	**Усиливающихся внутренних контрастов (в пределе раскола района)**	**Гармоничный инновационный**
Количество созданных мегапроектом «УП-УП» новых рабочих мест для районной экономики	100	500	1500
Дотационность районного бюджета в 2020 г.	90 %	70 %	30–50 %
Степень самообеспечения моторным, котельным, энергетическим топливом в 2020 г.	0	35 %	90–100 %
Основные риски	Вялая динамика развития района. Рост социальных и экологических проблем. Превращение района в очаг депрессии. Последние места в округе в 2020 г. по ключевым социальным и экономическим индикаторам развития	Отделение динамично развивающейся западной части и формирование нового муниципального образования «Приполярнинский район»	Не удается по субъективным причинам выдержать линию баланса государственных, корпоративных и местных интересов в течение всего прогнозного периода и материализовать те выгоды, которые потенциально содержит для района мегапроект «УП-УП»

ито Березовский район при втором и третьем сценариях будет развиваться более высокими темпами, чем округ в целом, предположим, что в самом благоприятном третьем сценарии в 2020 г. средняя заработная плата по району максимально приблизится к средней по округу — составит около 90 % от нее.

Различия в динамике занятости будут определяться прежде всего долей местных работников, вовлеченных в новые инвестиционные проекты. Предполагается, что в первом сценарии значительная часть новых рабочих мест будет заполнена за счет вахтовых, привлеченных, работников. Поэтому общее

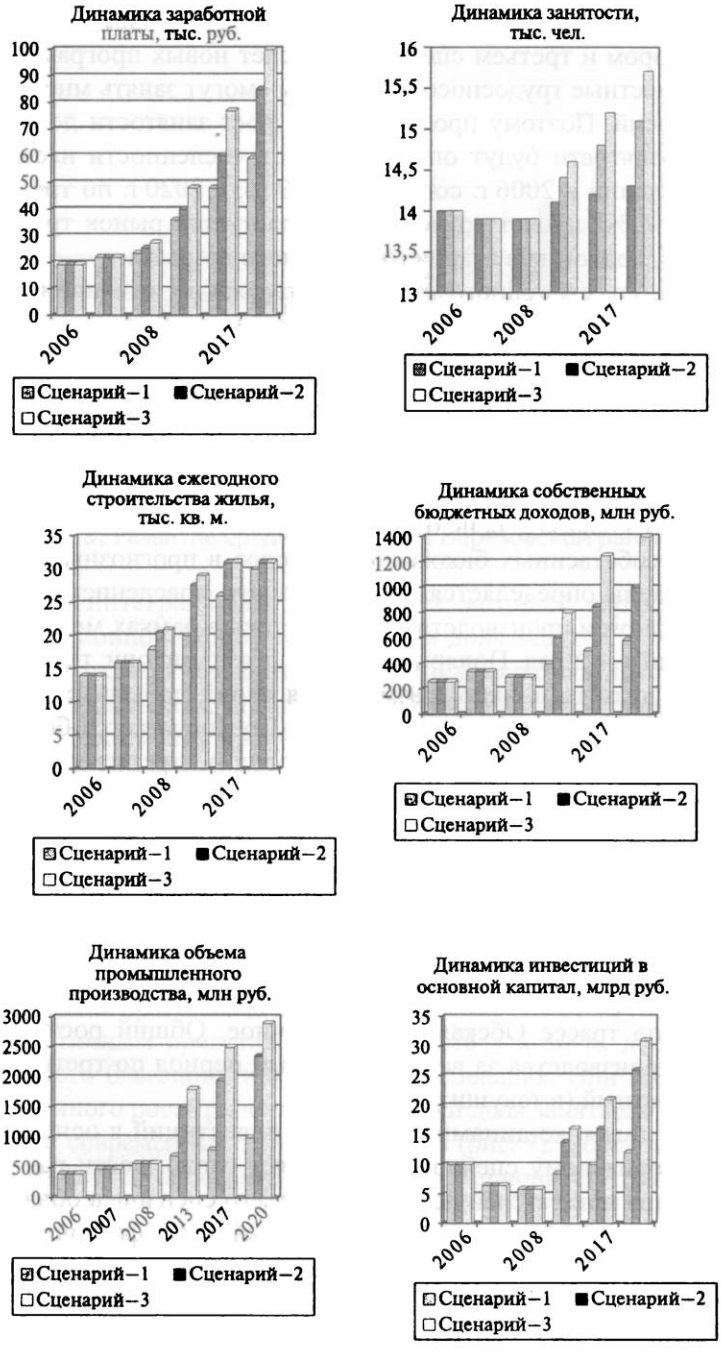


Рис. 8. Динамика ключевых индикаторов экономического развития Березовского района в 2006–2020 годы по трем сценариям

увеличение занятости здесь в прогнозный период несущественное. С другой стороны, во втором и третьем сценариях за счет новых программ обучения и переобучения местные трудоспособные кадры смогут занять многие из образовавшихся вакансий. Поэтому прогнозируется рост занятости до 15,5 тыс. чел. Темпы роста занятости будут опережать рост численности населения (доля занятых в населении в 2006 г. составила 51,9 %, в 2020 г. по третьему сценарию — около 54 %) за счет вовлечения на растущий рынок труда пенсионеров, инвалидов, подростков старшего школьного возраста.

По индикатору ежегодного строительства жилья сценарии различаются скоростью (временем) выхода на оптимальный показатель «один квадратный метр нового жилья на одного жителя района в год». При самом благоприятном третьем сценарии удастся достичь этого показателя уже в 2013 г. (за счет значительной активизации индивидуального жилого строительства), при втором сценарии — в 2017 г., в первом сценарии — лишь в 2020 г. Предполагается, что существенного роста ежегодных объемов нового строительства после достижения этого показателя не будет.

Динамика собственных бюджетных доходов в прогнозный период в значительной степени определяется экономическим повсдением новых агентов экономики — фирм и производств, возникающих в рамках мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный» (т. е. будут ли они готовы основную часть налогов платить в месте размещения своих добычных и перерабатывающих предприятий) и на востоке района. Предполагается более чем четырехкратный рост объемов собственных доходов по третьему сценарию в текущих ценах. В результате доля собственных доходов в районном бюджете составит около 50 % (сегодня около 12 %). По первому сценарию доля собственных доходов сохраняется на современном уровне.

Главный рывок в динамике объемов промышленного производства в благоприятном втором и третьем сценариях приходится на период до 2013 г., когда они возрастают более чем в три раза — за счет эффекта «низкой современной базы / стартовой точки отсчета» и ввода новых рудников и карьеров в 2012–2013 гг. по трассе Обская — Полуночное. Общий рост объемов промышленного производства за весь прогнозный период по третьему сценарию почти шестикратный (в текущих ценах).

Примерно такая же динамика объемов инвестиций в основной капитал. Рост по благоприятному сценарию составляет около шести раз. Существенные расхождения показателей первого и третьего сценариев объясняются тем, что в первом случае бóльшая часть инвестиций, даже фактически осуществленных на территории района, показывается в штаб-квартирах, центральных офисах крупных корпоративных структур, которые осуществляют добычу полезных ископаемых на территории района; в третьем сценарии — все фактически осуществленные инвестиции на территории района здесь же и учитываются статистически.

Рис. 9. Развитие среднего класса в Березовском районе

Важнейшим интегральным показателем, который характеризует темп модернизации районной экономики, является доля занятых в малом бизнесе, т. е. доля среднего класса в районе. Этот индикатор результирует усилия сразу в нескольких направлениях: по диверсификации районной экономики — возникают или нет здесь новые производства местных строительных материалов, по оказанию услуг подрядных организаций, в промышленном и аграрном сервисе; в развертывании программ обучения основам предпринимательства; в создании инфраструктуры поддержки новых предприятий в рамках бизнес-инкубаторов, технопарков и промышленных парков.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития России предусмотрено к 2020 г. выйти на показатель доли малого бизнеса в общей занятости около 60 %. Для Березовского района в силу малых размеров рынка, сохраняющейся и в прогнозный период отдаленности от крупных городских центров реалистичным представляется показатель в 50 %, достижимый при реализации самого благоприятного, третьего, сценария. При первом сценарии за счет инерционного роста районной экономики доля занятых в малом бизнесе увеличивается с современных 12–14 % до 30 % (рис. 9). Сопоставление рисков и новых возможностей определяет безусловный приоритет третьего сценария.

8.6. Как муниципальной периферии не стать колонией?

Темпы инновационного развития Березовского района (скорость повышения качества — образованности и здоровья — местного населения, формирования местного среднего класса, переоснащения промышленных предприятий,

Таблица 10

Динамика рисков и возможных ответных действий муниципальной власти по годам развертывания мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный»

Годы реализации мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный»	Основные риски для района	План действий районной власти
Первый	Отчуждение района от процедуры принятия решений уже на стадии проектирования и строительства железной дороги	Координация действий участников мегапроекта (план 1) Формирование единой консолидированной позиции местного сообщества в отношении к мегапроекту (структуры гражданского общества и др.) (план 2) Информирование районного сообщества о развертывании мегапроекта на территории Березовского района (план 3)
Второй	Отсутствие увязки малых инновационных проектов, инициированных районной администрацией и «больших» проектов, реализуемых партнерами корпорации «Урал Промышленный — Урал Полярный»	Укрепление инновационного характера малых и крупных проектов, реализуемых в горноуральской части Березовского района (план 4) — единый статус экспериментальной площадки пионерного освоения для Березовского района позволяет увязать большие и малые горноуральские проекты
Третий	Усиление колониального характера мегапроекта ввиду отсутствия горноперерабатывающих предприятий на территории района	Социальное укоренение мегапроекта на территории района и вопросы экологической безопасности (план 5)
Четвертый	Атмосфера инвестиционного бума и сопряженные с нею проблемы наркомании, алкоголизма, внебрачных детей, лесных пожаров и экологических аварий	Координация действий участников мегапроекта (план 1) Формирование единой консолидированной позиции местного сообщества в отношении к мегапроекту (структуры гражданского общества и др.) (план 2) Информирование районного сообщества о развертывании мегапроекта на территории Березовского района (план 3)

Окончание таблицы 10

Годы реализации мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный»	**Основные риски для района**	**План действий районной власти**
Пятый	Риски длительного откладывания строительства автомобильной дороги в одном коридоре с железной дорогой и потому исключительно технократический, ведомственный характер построенной неэлектрифицированной железной дороги (исключительно для перевозки грузов, но не для перевозки людей)	Социальное укоренение мегапроекта на территории района и вопросы экологической безопасности (план 5)

ерехода на местные источники тепла и энергии) существенно отличаются при олярных первом и третьем сценариях. Траектория развития Березовского райна исходно не задана и в значительной степени зависит от позиции власти, изнеса, всего местного сообщества муниципальной периферии. Их согласованная позиция способна изменить неблагоприятное, по колониальному сценарию, осуществление мегапроекта на территории района (табл. 10).

Охарактеризуем более подробно каждый план противодействия колониальной траектории развития муниципальной периферии. Многие предлагаемые меры не являются специфичными для случая Березовского района, могут ыть реализованы и в другой северной муниципальной периферии, которая талкивается с вызовами начала широкомасштабного хозяйственного освоения своей территории.

План 1. Пакет мер для эффективной координации мегапроекта со стороны Березовского района предусматривает введение новой должности заместителя главы района-координатора освоения Приполярного Урала; создание орпорации развития Березовского района «Агентство экономического развития Березовского района» для эффективного и полноценного соучастия района в мегапроекте «Урал Промышленный — Урал Полярный»; формирование еестра структур, вовлеченных в освоение Приполярного Урала Югры, — для остоянного взаимодействия с ними со стороны различных организаций и редприятий района; определение графика регулярных встреч руководства айона, Агентства экономического развития Березовского района, Департаента Приполярного Урала Ханты-Мансийского автономного округа — Югры корпорации «Урал Промышленный — Урал Полярный» по поводу реализа-

ции мегапроекта на территории Березовского района и формирование повестки встреч на первый год; формирование сети районов пионерного освоения в зоне действия национальных мегапроектов (Приполярный Урал, Нижнее Приангарье, Южная Якутия), в том числе создание Совета глав этих муниципальных районов, создание общего Интернет-сайта, проведение круглых столов, организация регулярных конференций и совместных форумов. Предполагается, что все эти меры преодолеют возможные тенденции отчуждения района от процесса выработки решений по поводу трассировки, сроков начала и этапности строительства железной дороги и стыковых проектов ресурсного освоения данной территории.

План 2. Речь идет об организации серии публикаций в районной газете о мегапроекте, проведении общественных слушаний по развертыванию мегапроекта в Березовском районе, опросов общественного мнения (возможно, районного референдума по конкретным аспектам реализации мегапроекта на территории). Представляется целесообразным провести внутренний «аудит» всех районных целевых программ и их последующую корректировку с точки зрения степени учета в них требований мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный».

План 3. Преодоление неблагоприятного (колониального) развития событий (утрата «голоса» и влияния на события) начинается с гарантий прав района и его жителей на всю оперативную информацию по поводу мегапроекта. Целесообразно организовать районный мониторинг действий корпорации «Урал Промышленный — Урал Полярный». Предлагается принять закон Березовского района «Об информационных гарантиях прав жителей Березовского района при осуществлении мегапроекта Урал Промышленный — Урал Полярный», разработать сайт «Березовский район — территория пионерного освоения Приполярного Урала» для оперативного информирования о продвижении мегапроекта на территории Березовского района и обмене опытом с районами — участниками других мегапроектов в Южной Якутии и Нижнем Приангарье.

Другая мера состоит в целенаправленных усилиях муниципальной власти по увеличению доли районных организаций в заказах крупных участников мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный». Для этого в районе целесообразно организовать конкурс местных бизнес-проектов (бизнес-планов по производству новых товаров и услуг) от местного сообщества, интересных для основных участников мегапроекта.

План 4. Березовский район должен получить в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре статус экспериментальной площадки по отработке инновационных технологий пионерного освоения необжитых территорий. В последующем целесообразно получить федеральное признание этого статуса в особом федеральном законе. Речь идет о том, чтобы Березовский район стал в округе и в России полигоном обкатки новых инженерных и организационных

технологий хозяйственного развития территорий нового освоения, внедрения прорывных инноваций, подлинного венчура в преобразовании необжитых пространств России. Со стороны государства необходимы стимулирующие меры, способные привлечь в Березовский район передовые российские фирмы — носители венчура, новых инженерных и организационных решений.

Целесообразно предусмотреть создание сети опытно-экспериментальных участков по отработке на месте новых технологий (например, струнный грузовой транспорт Юницкого), доводке новых изобретений до стадии реализации на конкретной местности, на конкретном месторождении.

Инновационное переустройство горноуральских пространств невозможно без радикального улучшения информатизации всех управленческих процессов в Березовском районе. Телекоммуникационные компании Урала и Югры должны обеспечить существенное повышение скорости передачи информации и возможности доступа каждому жителю Березовского района к телекоммуникационной и информационной сети.

Выгоды от прихода крупных структур на территорию Березовского района должны опредмечиваться в конкретных бонусах по софинансированию ими развития дистанционного образования, телемедицины, единой электронной библиотечной сети на территории муниципальной периферии.

Инновационная модернизация районной экономики обязательно предусматривает преобразование местной системы образования. Несмотря на то, что часть специалистов на горноуральские объекты будет приезжать с закрывающихся горных предприятий Свердловской области, потребуется наладить подготовку собственных горных инженеров, обогатителей, техников-геологов — в Югорском государственном университете и (отделения, филиалы, самостоятельные подразделения) в Игримском профессиональном колледже и в его новом отделении в селе Саранпауль.

Для преодоления современных нестыковок между новым этапом инновационного развития страны и ее территорий пионерного освоения, с одной стороны, и старыми федеральными нормами и правилами, которые адаптированы к периоду экономического кризиса и стабилизации, целесообразно инициировать разработку и принятие законопроекта «Об инновационных территориях пионерного освоения — зонах реализации национальных мегапроектов», в котором предусмотреть широкий пакет государственных мер, поддерживающих инновационный процесс в районах нового освоения.

План 5. Еще одна линия преодоления возможных угроз колониального характера освоения — реализация мер по социальному укоренению мегапроекта на территории района и природоохранных. По первому направлению целесообразно принять районный закон о гарантиях найма местных, коренных жителей на новые горноуральские предприятия. Провести общественные слушания по дискуссионным вопросам реализации/корректировки мегапроекта на территории района:

1) о целесообразности электрификации трассы железной дороги Обская — Полуночное (не предусмотрена в проекте строительства);
2) о синхронном, в одном коридоре, строительстве автомобильной дороги параллельно железнодорожной трассе «Полуночное — Обская;
3) о новых программах обучения и переобучения для гарантий занятости в горноуральских проектах.

Принять постановление главы Березовского района «О регламенте согласования отводов участков муниципальных земель для реализации проектов в рамках «Урал Промышленный — Урал Полярный».

По второму направлению предусматривается инициировать принятие регионального закона «О природоохранных территориях в зоне Приполярного Урала», в котором ввести специальный режим эксплуатации особо охраняемых территорий, создаваемых в зоне примыкания к объектам «Урал Промышленный — Урал Полярный»; ограничения на проведение горногеологических работ, для проезда наземного транспорта в руслах нерестовых рек (кроме осуществления переездов через такие реки), в прибрежных и водоохранных зонах; сформировать нормативные стимулы для недропользователей к использованию экологически безопасных технологий и предусмотреть значительные штрафы в районный бюджет в случае сверхнормативного вредного воздействия на воздушную, водную среду и земельные ресурсы[102]. Целесообразно принять постановление Главы Березовского района «О делегировании части полномочий экологического контроля местным сообществам».

[102] Предложения Администрации Березовского района Правительству Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Глава 9

Реструктуризация экономики северной муниципальной периферии

9.1. Структурные сдвиги в экономике муниципальной периферии

В последние два десятилетия в экономике северной муниципальной периферии происходили радикальные структурные сдвиги, катализатором которых выступила экономическая реформа в России. Эти преобразования, которые первоначально рассматривались как кризисные, на самом деле являются прологом к долгосрочному процессу постиндустриальной трансформации северной муниципальной периферии, формированию здесь новой экономики, основанной на знаниях и инновациях.

Конкретный вектор этих состоявшихся преобразований рассмотрим на примере перифсрийного Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Справочный материал по Кондинскому району

Кондинский район расположен в юго-западной части Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (десятая часть его территории), на западе Западно-Сибирской равнины, в пределах Кондинской низменности. Абсолютные высоты от 0 до 100 м. Протяженность с севера на юг 300 км, с запада на восток — 340 км. На юго-востоке граничит с Тобольским районом Тюменской области, на востоке с Уватским районом Тюменской области, на северо-востоке и севере с Ханты-Мансийским, Октябрьским и Советским районами округа, на западе со Свердловской областью.

Природный потенциал Кондинского района определяется его окраинным, южным положением в округе и характеризуется рядом преимуществ: наличие хвойных и лиственных лесных ресурсов (эксплутационный запас 900 млн $м^3$); на территории района находится 60 % пахотных земель округа; мягкий климат в сочетании с уникальным ландшафтом озерно-речной системы и богатым животным миром открывают возможности для развития разнообразных форм экологического и агротуризма; высокопродуктивные рыбные ресурсы, развивающиеся в благоприятных условиях густой озерной и речной сети; оптимальные условия для произрастания дикоросов, позволяющие позиционировать их сбор

и переработку в качестве рентабельной экономической деятельности; близость Екатеринбурга и Тюмени открывает рынок сбыта для предприятий района и потребительский рынок качественных товаров и услуг для его населения.

К основным недостаткам природного потенциала Кондинского района относятся низкая продуктивность лесных ресурсов, определяющая неэффективность функционирования в районе крупных лесозаготовителей; недостаточная степень изученности топливно-энергетических ресурсов — отсутствие экономической оценки запасов нефти, строительных материалов, рыбных ресурсов. Район характеризуется низкой транспортной освоенностью.

Среднегодовая численность постоянно проживающего населения района на 01.01.2007 г. составила 35,7 тыс. чел., из которых 34 % или 12,3 тыс. чел. проживает в сельской местности (в целом по округу — 9 %).

По комплексной оценке социально-экономического развития Кондинский район за 2005–2006 г. занял 21, предпоследнее среди всех муниципалитетов округа, место. По показателю уровня регистрируемой безработицы и абсолютному числу официальных безработных район имеет худшие позиции в округе. По показателям бюджетной самообеспеченности, подушевых инвестиций, уровня развития потребительского рынка, соотношения доходов населения и стоимости минимального набора продуктов питания, Кондинский район замыкает список муниципальных образований округа[103].

Кондинская экономика может быть понята как единство трех секторов: базового — продукция (товары и услуги) преимущественно частных предприятий обращена в основном на внешние рынки и обеспечивает приток новых денежных средств в район[104]; инфраструктурного — муниципальные, частные и государственные предприятия обслуживают потребности в основном местных фирм и домохозяйств; се́ктора услуг — бюджетные учреждения и частные фирмы удовлетворяют потребности местных жителей. В 1994–2006 гг. роль каждого сектора в экономике муниципальной периферии изменилась кардинально, что наилучшим образом фиксируют сдвиги в структуре занятости (табл. 11).

На фоне сокращения общей занятости в экономике более чем на три тысячи человек более чем в два раза уменьшилась доля базового (реального) сектора; с другой стороны, в полтора раза выросла доля сектора услуг. Предприятия профильного для района лесопромышленного комплекса потеряли около пяти тысяч рабочих мест, сельское хозяйство — почти тысячу рабочих мест.

В лесной промышленности в течение 1990-х гг., вплоть до 1997 г. происходило снижение объемов производства. Объемы вывозки леса упали с 2500 тыс. $м^3$ в 1980-е гг. до 400 тыс. $м^3$ в 1998 г., заготовки лесоматериалов — до 267 тыс. $м^3$ в 1997 г. Вплоть до 2005 г. продолжали снижаться объемы выпускаемых пиломатериалов (1982 — 159 тыс. $м^3$, 1994 — 137 тыс. $м^3$, 2005 — 39,5 тыс. $м^3$). Многие квалифицированные кадры ушли из разрушенных лесопромышленных предприятий и теперь работают в жилищно-коммунальном, бюджетном комплексе Кондинского района.

---

[103] Справочный материал по Кондинскому району Ханты-Мансийского автономного округа — Югры подготовлен на основе обобщения данных энциклопедий, архивных и статистических источников.

[104] В советское время такие предприятия относили к отраслям «союзной специализации».

Таблица 11

Динамика структуры занятости в Кондинском районе[105]

	1994	2001	2006	1994	2001	2006	
	чел.			%			
Базовый сектор	***6803***	***3758***	***2415***	***47,2***	***28,7***	***21,0***	↓
Промышленность	5697	2999	2100	39,5	22,9	18,3	↓
Сельское хозяйство	1106	759	315	7,7	5,8	2,7	↓
Инфраструктурный сектор	***1443***	***1504***	***1359***	***10,0***	***11,5***	***11,8***	↑
Транспорт	524	1025	1062	3,6	7,8	9,2	↑
Строительство	919	479	297	6,4	3,7	2,6	↓
Сектор услуг	***6163***	***7841***	***7717***	***42,8***	***59,8***	***67,2***	↑
Образование и наука	2372	2521	2666	16,5	19,2	23,2	↑
Здравоохранение	919	1072	1473	6,4	8,2	12,8	↑
Торговля, общепит, гостиницы	987	1160	980	6,8	8,9	8,5	/
Управление и общественные организации	488	841	897	3,4	6,4	7,8	↑
ЖКХ	592	1490	727	4,1	11,4	6,3	/
Финансы и операции с недвижимостью	194	155	481	1,3	1,2	4,2	↑
Культура	302	252	350	2,1	1,9	3,0	↑
СМИ	55	80	80	0,4	0,6	0,7	↑
Связь	254	270	63	1,8	2,1	0,5	\
Всего занятых	**14 409**	**13 103**	**11 491**	**100**	**100**	**100**	

Потери рабочих мест предприятий инфраструктурного сектора были существенно меньше, происходили в основном в строительстве — как результат резкого сокращения государственных капитальных вложений; число занятых в транзитном трубопроводном транспорте даже увеличилось.

Тысячи новых рабочих мест приобрел сектор бюджетных и коммерческих услуг. Основной прирост занятости внутри сектора услуг обеспечили социальные услуги образования, здравоохранения, культуры; услуги муниципального управления и подсектор группы финансовых услуг и операций с недвижимостью.

[105] При подготовке таблиц и рисунков использованы данные районного отдела статистики, материалы районного Центра занятости и муниципального архива Кондинского района.

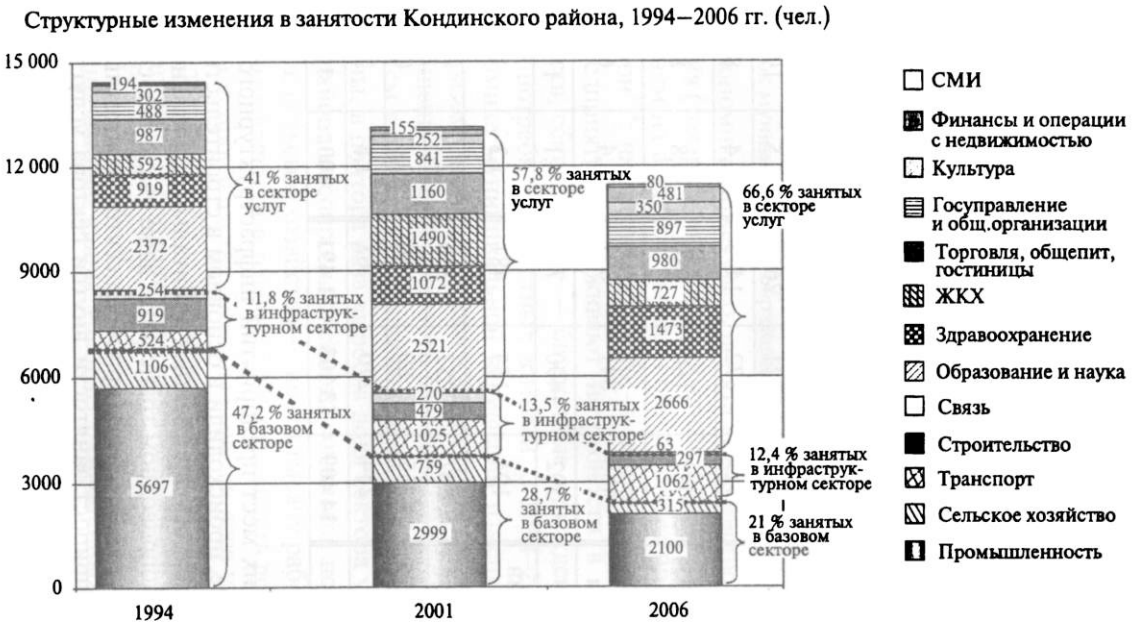


Рис. 10. Структурные изменения в занятости Кондинского района

Снижение доли промышленности и повышение роли сектора услуг в общей занятости является объективным фактом и четким свидетельством начала постиндустриальной трансформации местной экономики. Численность работников в лесопромышленном комплексе, в сельском хозяйстве снижается, и будет снижаться по мере модернизации производств и повышения производительности труда. Несмотря на значительное сокращение объемов производства и занятых в лесопромышленном комплексе района в последние 15 лет, он по-прежнему формирует основную долю валового муниципального продукта и остается важнейшим генератором внебюджетных денежных потоков в районную экономику.

Масштаб структурных преобразований, произошедших за исторически очень короткий период времени, — радикальный для малой по размеру экономики Кондинского района. Практически не было ни одного вида деятельности, который не подвергся бы трансформациям размера и самых глубинных основ своего существования (рис. 10).

Постепенно и в северной муниципальной периферии складываются предпосылки для переноса системообразующих функций от отраслей промышленности к сектору услуг. Этот процесс объективен, но остается недооцененным местной властью и всем сообществом муниципальной периферии: нередко новые возможности развития связываются исключительно с приходом или созданием крупных промышленных предприятий.

Современная политическая экономия Кондинского района характеризуется закономерным ослаблением влияния лесопромышленного лобби. Районный социальный комплекс формируют муниципальные и окружные учреждения образования, муниципальные учреждения здравоохранения и культуры, муниципальные и окружные учреждения социальной защиты. Его роль в районной экономике в последние 15 лет укрепилась как по доле рабочих мест, так и в целом по политическому влиянию представителей социальных отраслей в районной политико-экономической системе. Политическая консолидация сектора коммерческих услуг пока не состоялась — влияние местной ассоциации малого бизнеса (в основном предприятия торговли) на районное развитие очень слабое.

Сдвиги в структуре занятости в экономике отдельных поселений (от промышленности к услугам на фоне общего абсолютного сокращения) в целом повторяли районные тенденции. Однако здесь четко обозначились результаты внутрирайонных миграций трудоспособного населения — из районной глубинки в районный центр Междуреченский, который стал единственным поселением, значительно увеличившим число занятых в 1994–2006 гг. (рис. 11). Эта тенденция не уникальна для Кондинского района. Повсеместно в северной периферии — на муниципальном и региональном ее уровнях — в последние полтора десятилетия происходило экономическое, социальное и политическое укрепление роли ее внутренних «интеллектуальных» центров, в которые устремлялись потоки мигрантов из поселений глубинки.

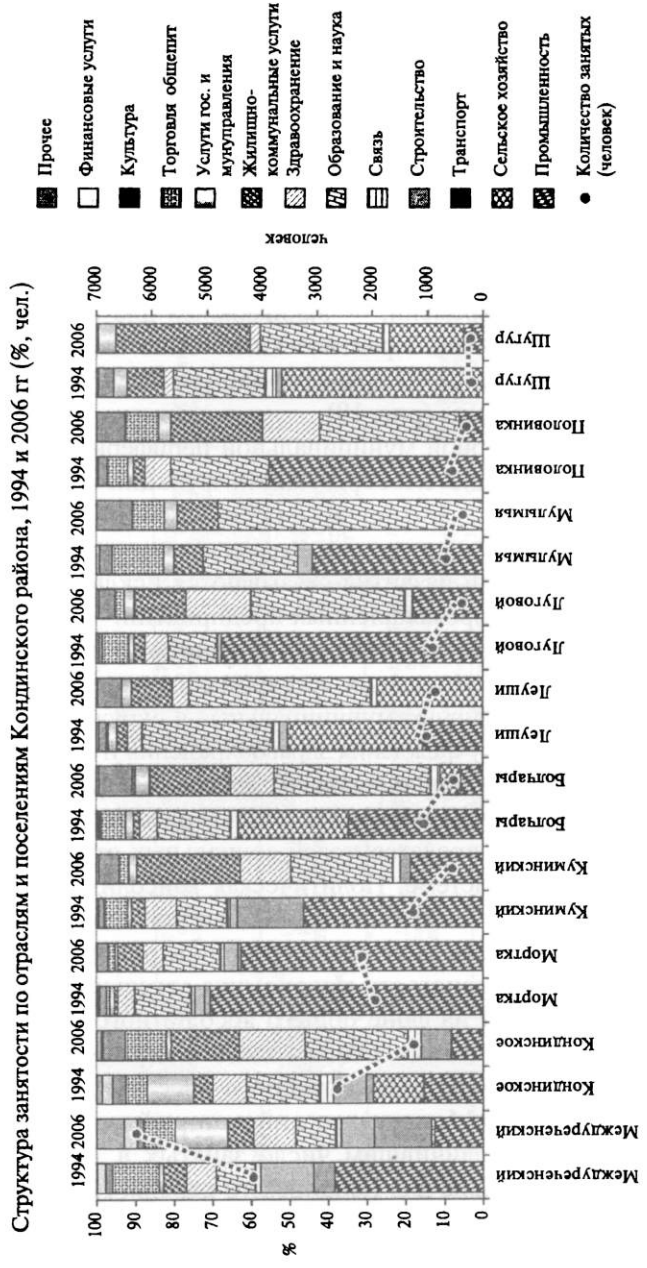


Рис. 11. Динамика структуры занятости по поселениям Кондинского района

В структуре занятости Кондинского района доминирует бюджетная занятость в государственных и муниципальных учреждениях и организациях, которая составляет около 7,7 тыс. рабочих мест, имеет тенденцию к стабилизации в последние годы. С другой стороны, занятость в частных предприятиях различного размера в базовом секторе и секторе рыночных услуг обеспечивает около 5,2 тыс. рабочих мест и постепенно растет за счет развития малого бизнеса.

9.2. Специфика безработицы северной муниципальной периферии

В муниципальной периферии Севера (с характерной для нее сельской и этнической спецификой) уровень безработицы обычно выше, чем в самóм регионе и значительно выше, чем в региональных центрах. Рассмотрим анатомию безработицы на характерном примере Кондинского района, в котором ее уровень самый высокий в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре (рис. 12).

Несмотря на то, что размер кондинской экономики самый малый в округе, здесь максимальная в округе абсолютная численность официально зарегистрированных безработных. Очевидно, что речь идет о системной проблеме, в которой соединяются воедино неэффективность местной экономики, системы образования, усилий муниципальной власти и неоптимальная качественная структура самого населения.

Особенность Кондинского района — здесь почти все безработные склонны регистрироваться в центре занятости, расхождения между реальной и регистрируемой безработицей невелики. Сходное поведение характерно для жителей Эвенкийского муниципального района Красноярского края, но для районов и городов Ханты-Мансийского автономного округа не типично.

Сравнительная ценность пособия для безработного жителя Кондинского района, в котором средний заработок один из самых низких по округу, выше, чем для жителей других районов. Потому он более, чем его коллеги в других муниципалитетах, склонен официально регистрироваться, чтобы получать пособие.

Огромное влияние на желание безработного Конды регистрироваться оказывает возможность заниматься сезонными промыслами — рыбным, сбором дикоросов, лесозаготовками, вести личное подсобное хозяйство, которые здесь развиты, как нигде более в округе, в силу сáмого южного положения района. Практически все жители района в той или иной форме участвуют в сезонных заготовках рыбы, дичи, ягод, грибов, дров для себя или/и на продажу. Для закупки инвентаря для занятий сезонными промыслами, нужен денежный доход, который может быть получен за счет пособия по безработице.

Среди зарегистрированных безработных района можно выделить три группы:

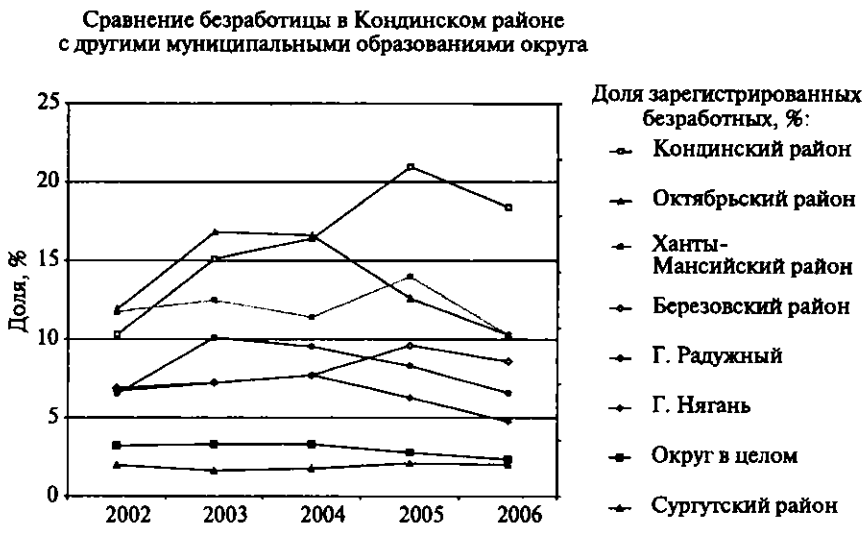


Рис. 12. Динамика безработицы в Кондинском районе и других муниципалитетах округа

1. «Профессиональные безработные» (около 30 %), высвободившиеся после дробления лесопромышленных, рыбодобывающих, сельскохозяйственных предприятий, как правило, мужчины предпенсионного возраста, которые предпочитают жить на пособие и заниматься личным подсобным хозяйствам и промыслами, но не получать новую профессию в результате переобучения.
2. «Сезонные безработные» (около 10 %), высвобождающиеся весной с предприятий лесопромышленного комплекса, а осенью опять устраивающиеся на работу, которые ведут сезонные летние промыслы и сельское хозяйство (сбор ягод, грибов, растениеводство). Доход от промыслов может быть сопоставим с пособием по безработице.
3. «Предприниматели» (около 60 %), занимающиеся максимально активно, практически весь год, сбором и заготовкой дикоросов, ловлей и продажей рыбы и т. д. Эта часть населения формально является безработной, но фактически активно работает без юридической регистрации. Их доход от этой деятельности может значительно превосходить размеры пособия.

Растущую долю во второй и третьей группах составляют представители коренных малочисленных народов Севера. Во многих районах муниципальной периферии Севера в последние десять лет на фоне общего уменьшения количества зарегистрированных безработных (результат общего экономического роста, снижения численности трудоспособной молодежи, роста числа граждан, ушедших на досрочную пенсию, роста числа женщин на пособии

по уходу за ребенком, которое выше, чем пособие по безработице и других причин) постоянно растет доля народов Севера в общем числе безработных. Немобильность коренных жителей, привязанность к традиционному жизнеобеспечению и частый алкоголизм являются главными причинами их стойкой безработицы.

Для малой экономики Кондинского района характерно частое чередование преобладания то мужской, то женской безработицы. Гендерная структура безработицы муниципальной периферии в конкретный период времени всегда является результатом соотношения «сил» двух типов поселений: первой группы, в которых доминирует бюджетная и потому женская занятость, характерен мужской, рассредоточенный по десяткам поселений, профиль безработицы (все национальные села[106]); второй группы, в которых доминирует мужская занятость в транспортных, промышленных фирмах и потому характерен женский профиль безработицы. Если количество безработных в первой группе поселений больше, тогда доминирует мужская безработица, если преобладают безработные второй группы поселений, тогда женская безработица доминирует в районной структуре.

Ситуация, когда в структуре безработных доминируют женщины, проще для лечения: женщины больше способны к переобучению — в структуре направляемых на профессиональное обучение их доля всегда преобладает. Мужчины часто не хотят переобучаться на новые специальности вне своего района.

Ситуация с безработицей значительно различается в крупных центрах, расположенных на круглогодичной дорожной сети (поселки Междуреченский, Мортка), в которых она минимальна, и крупных, малых и средних селах, не имеющих постоянного выхода на круглогодичную дорожную сеть (Шугур, Болчары, Кондинское), для которых (особенно национальных сел) характерно существенное превышение средних по району показателей безработицы (рис. 13) и ее затяжной характер. Здесь нередко более половины всех безработных не имеет работы более года. Особенно тяжелая ситуация создается в таких селах при наложении двух факторов — дробления поселкообразующего промышленного предприятия и традиционной оседлости местных жителей.

Природа кондинской безработицы может быть понята лучше при анализе генезиса рабочих мест в каждом секторе районной экономики. Предприятия *базового* сектора (лесозаготовки, лесопереработка, сельское, рыбное хозяйст-

[106] Производственная деятельность предельно ограничена. Население живет натуральным хозяйством, рыбалкой, охотой, вынуждено рассчитывать на пенсии, пособия. Барьером для создания малого предприятия является недостаток предпринимательской энергии местной общины и узкий местный рынок — если ориентироваться только на него, что проще и привычнее для местных жителей.

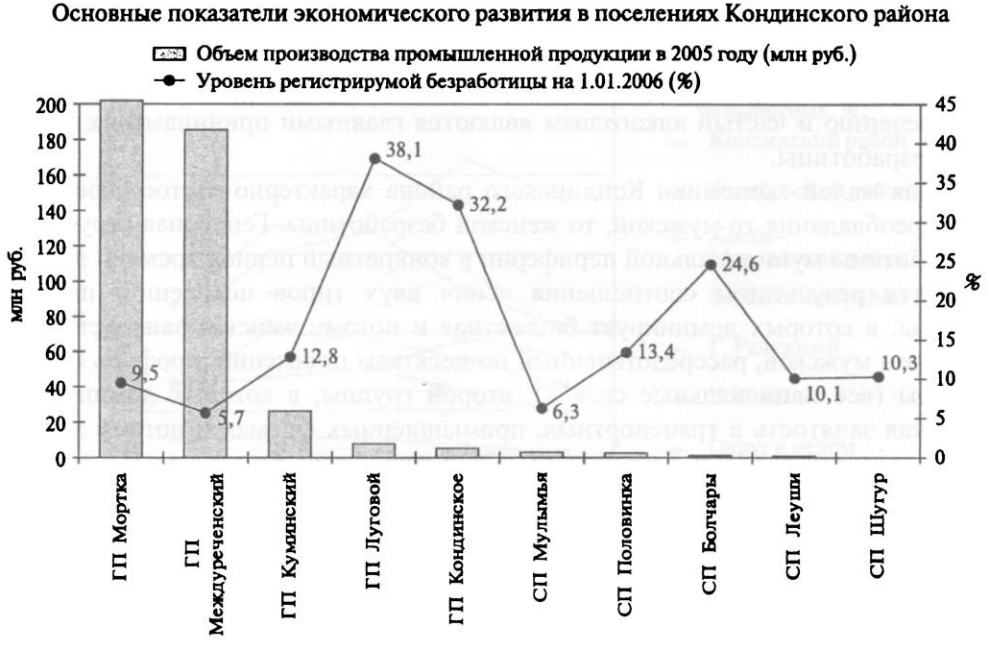


Рис. 13. Показатели безработицы поселений Кондинского района. ГП — городское поселение; СП — сельское поселение

во, звероводство, заготовка и переработка дикоросов) обеспечивают приток новых денежных средств в районную экономику за счет продажи конкурентоспособных товаров и услуг на внешних рынках — округа, Урала, России, зарубежных стран, однако постоянно теряют рабочие места за счет сначала кризисного обрушения, теперь инновационной модернизации выживших фирм, что приводит к высвобождению занятых. Сокращающиеся все последние годы рабочие места здесь зависят от внешнего спроса и от доступности местной ресурсной базы для заготовки и переработки. В наибольшей степени от конъюнктуры мирового рынка пострадало районное звероводство: падение спроса на мех лисицы привело к потерям рабочих мест ввиду закрытия нескольких звероферм.

Ограничения местной ресурсной базы больше всего воздействуют на лесопромышленный комплекс (меньшая, чем у соседних районов, лесистость, дальняя вывозка, низкосортная древесина), заготовку и переработку дикоросов. Например, в Междуреченском лесхозе в структуре расчетной лесосеки доминируют лиственные породы, а в фактических рубках — резко преобладают более ценные хвойные породы. Такая рассогласованность структуры наличных запасов и фактического лесопользования приводит к постоянному росту издержек лесозаготовок и нарастающей неэффективности всей лесохозяйственной деятельности.

Значительные сокращения рабочих мест, которые произошли на лесных предприятиях в поселках, максимально приближенных к круглогодичным транспортным сетям, стали следствием усиливающейся конкуренции за ресурсы. Ситуация в отдаленных селах, вне круглогодичной сети, более благоприятна. Здесь есть возможности для возрождения комплекса и формирования новых рабочих места в отрасли ввиду неистощенной и относительно близко расположенной ресурсной базы. Но здесь возможности занятости лимитируют проблемы качества человеческих ресурсов (низкий уровень квалификации и алкоголизм трудоспособного населения).

На предприятиях по добыче и переработке рыбы также есть возможности увеличения объемов производства и формирования новых рабочих мест — по ресурсам, и по внешним рынкам сбыта. Но поскольку основные рыбные запасы сосредоточены в сельской местности, здесь опять проблемы качества человеческих ресурсов становятся критическим ограничением для создания новых рабочих мест.

Значительная часть рабочих мест в рыбном промысле, лесозаготовках является неформальной: человек может иметь статус официального безработного, однако сезонно работать в фирмах базового сектора или быть самозанятым. Другая особенность занятости в базовом секторе — велика доля привлеченных на сезон временных работников-мигрантов. Но ввиду неготовности местных жителей работать в этих видах деятельности, рабочие места здесь не отняты от местных жителей, а вынужденно заняты вахтовыми мигрантами. Работодатели просто не имеют сейчас другого решения проблемы заполнения вакансий.

Все рабочие места базового сектора имеют недостаток сезонной занятости, что для работника означает низкий среднегодовой доход. Работники лесной промышленности и сельского хозяйства имеют самую низкую заработную плату в районе. Будущая инновационная модернизация предприятий базового сектора продолжит тенденцию сокращения числа официальных занятых, но одновременно сгладит сезонность и повысит среднюю зарплату оставшихся квалифицированных работников лесной и рыбной промышленности, сельского хозяйства. С другой стороны, обязательно сохранится «неформальная» занятость местных жителей — деятельность по заготовке ягод, грибов, рыбы, предназначенная для самообеспечения продовольствием и не требующая высокой квалификации.

Предприятия *инфраструктурного* сектора (строительные, транспортные фирмы, предприятия связи) опираются в основном на спрос внутреннего рынка самого района. От этого спроса в них поддерживаются старые и формируются новые рабочие места. Единственным исключением является трубопроводный транзитный транспорт, спрос на услуги которого предъявляют крупные нефтегазовые корпоративные структуры, расположенные вне района. Их спрос питает рабочие места нескольких нефтеперекачивающих станций, занятые в которых имеют самый высокий доход в районной экономике.

Особенность занятости в строительстве (у местных и фирм, пришедших с юга Тюменской области) состоит в остром дефиците работников основных строительных специальностей (местная молодежь не готова здесь работать на современных условиях оплаты) и потому необходимости заполнять вакансии каменщиков, сварщиков, облицовщиков за счет мигрантов СНГ и других регионов России. Поэтому тот спрос на подрядные работы, который повлек за собой инвестиционный бум в районной экономике, лишь частично был заполнен местными работниками, а в основном «закрывался» вахтовыми мигрантами извне.

Диверсифицированный сектор *услуг* стал в последние десять лет основным генератором новых рабочих мест. Занятость здесь формируется от финансовых ресурсов районного бюджета (ввиду его дотационности реально от ресурсов окружного бюджета) и от платежеспособного спроса местного населения. Между этими двумя подсекторами сектора бюджетных и коммерческих услуг в последние годы бурного роста бюджетных расходов усиливается противоречие: бюджетные услуги развиваются динамично, генерируют новую занятость; с другой стороны, услуги торговли, общепита, платные бытовые по сути стагнируют и почти не формируют новых рабочих мест (даже местный скромный спрос на них остается не удовлетворенным ввиду многочисленных барьеров к развитию малого бизнеса).

Среди безработных района три четверти имеет уровень образования не выше среднего общего (табл. 12). Поэтому главный вектор усилий борьбы с безработицей должен быть направлен на повышение уровня образованности и квалификации местного населения. И это направление усилий находится полностью в русле новой возникающей экономики, основанной на знаниях и инновациях. Чем выше уровень образования, тем меньше у жителя северной периферии вероятность стать безработным.

Учреждения образования в Кондинском районе, несмотря на щедрое бюджетное финансирование их деятельности (первое место по объемам финансирования муниципального бюджета; кратное превышение по объемам расходов на ученика показателей страны и округа; лучшее, чем в округе и стране соотношение ученик — учитель — 5:1 против 9:1), не оказывают воздействия на тревожную ситуацию с районной безработицей. Директора многих сельских школ не осознают поселкообразующую роль своих учреждений в новой экономике, основанной на знаниях, и не предпринимают попыток устанавливать мосты между школой и местным сообществом, местными промышленными фирмами.

В учреждении начального профессионального образования идет подготовка по специальностям, спрос на которые в районе уже давно закрыт (водители, повара, трактористы, секретари). Специалистов по востребованным специальностям работников гостинично-ресторанного бизнеса, дизайнеров, специалистов жилищно-коммунального сектора, местных каменщиков, сварщиков, строителей

Таблица 12

Безработица в Кондинском районе

Показатель	1991	1996	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Среднегодовая численность населения тыс. чел.)	36,6	36,5	35,7	35,8	35,1	35,8	35,1	35,1	35,1	35,7
Численность безработных, зарегистрированных в службе занятости на конец года тыс. чел	0,10	2,38	1,12	0,81	1,25	1,28	1,65	1,83	2,34	2,06
Уровень регистрируемой безработицы (%)	0,5	11,7	6,2	4,1	6,2	6,2	8,0	8,8	11,3	9,9
Доля молодежи в общем числе безработных (16–29 лет) (%)	18,2	34,3	25,9	29,3	35,3	29,4	34,5	35,0	37,9	36,0
Доля лиц со средним общим образованием в общем числе безработных (%)	29,3	54,9	40,9	35,4	35,6	34,3	37,3	40,8	40,5	40,2
Доля лиц, не имеющих среднего общего образования в общем числе безработных (%)	33,3	31,0	26,0	28,0	29,2	28,6	30,4	34,2	36,1	34,6

есопромышленного комплекса, по рыборазведению и рыбообработке, образовательные учреждения района (муниципальной и государственной собственности) не готовят.

Промышленные предприятия района не участвуют в создании программ бучения местными структурами профессионального образования, не лоббируют создание «нужных» специальностей, не принимают молодежь на стажировку, не направляют на повышение квалификации своих сотрудников и т. д. Для создания эффективной местной системы профессионального образования переобучения взрослых необходимо партнерство региональной, муниципальной власти и местного бизнес-сообщества.

Главная причина недостаточной эффективности мер по уменьшению безаботицы в Кондинском районе как типичной муниципальной периферии состоит в непонимании ее экономической природы, которая связана прежде всего недоразвитостью сектора рыночных услуг, слоя малых и средних предприятий, низким уровнем образования и квалификации многих местных жителей закрывает для них возможность любого трудоустройства). Между тем лекарства болезни длительное время искались в идеологии индустриальной эры:

в воссоздании крупных, советского типа, немобильных поселкообразующих промышленных и аграрных предприятий, продукция которых в новых условиях неконкурентоспособна на внешних рынках; устойчивость производственного процесса не обеспечена гарантированными поставками дефицитного местного сырья (в силу наличия местных конкурентов за него); а вместо местных безработных на них приходилось привлекать трудоспособных мигрантов СНГ, более мотивированных на невысокие по заработной плате рабочие места.

9.3. Новые направления развития муниципальной периферии Севера

После анализа состоявшихся в последние полтора десятилетия структурных сдвигов в экономике муниципальной периферии естественно предложить контуры ее трансформации в среднесрочной перспективе. Несмотря на специфику мероприятий, предлагаемых для развития конкретного Кондинского района, у них всех есть общий вектор, который будет характерен для развития многих районов северной муниципальной периферии. Основным направлением преобразований становится инновационная модернизация секторов, предприятий, организаций.

9.3.1. Реконструкция базового сектора экономики

Предприятия базового сектора важны для муниципальной периферии не только как прямые генераторы рабочих мест (их доля в общей занятости мала и, видимо, в дальнейшем еще более сократится по причинам инновационной модернизации этих фирм — при этом занятость в местных новых фирмах «лесного сервиса» будет возрастать), но как генераторы косвенной занятости — за счет тех налоговых и коммерческих доходов, финансовых ресурсов, которые они приносят в экономику в результате успешных продаж своей продукции на внешних рынках. На эти деньги в районной экономике создаются новые рабочие места в секторе коммерческих и бюджетных услуг.

На основе сети взаимодействующих и конкурирующих друг с другом малых и средних лесозаготовительных и перерабатывающих фирм в Кондинском районе можно ожидать формирования *лесопромышленного* района постиндустриального типа. Сила этого района состоит в интенсивном взаимном обучении предпринимателей друг у друга, восприятии новшеств и их быстром тиражировании. Это предполагает особую атмосферу творческой состязательности, борьбы за инновационное лидерство. Такая атмосфера создается при деятельном участии местной власти, в результате подтягивания местной системы подготовки кадров на базе школьного, начального и среднего профессионального образования; создания научно-производственных и учебно-

производственных полигонов по отработке новых ресурсосберегающих технологий лесозаготовки, переработки и лесовосстановления.

Вопрос использования низкосортного сырья станет самым главным в прогнозный период, определит новые принципы организации производительных сил в лесной отрасли. Небольшие, хорошо оснащенные фирмы, будут изготавливать продукцию малыми порциями точно в срок под конкретного заказчика. Они будут способны гибко менять ассортимент под нового потребителя. Одновременно будет происходить трансформация старых или создание новых небольших предприятий, которые будут производить для района строительные заготовки, конструкционные материалы, мебельные блоки, товары народного потребления; для внешнего потребителя в округе и на Урале — новые виды паркетной, плитной, погонажной продукции.

Одно из направлений инновационной модернизации местного лесного комплекса района связано с выходом на глубокий лесохимический передел за счет выпуска фирмами-лидерами сырья для парфюмерной промышленности, производства «штучного» каучука для элитарного потребителя шинной резины (то что в советское время было налажено для нужд ВПК как химлесподсочка). Другое направление — брусовое домостроение на новых технологиях обработки, которые превращают деревянный дом в пожарно безопасный. Еще одно направление — это выпуск лесных «самородков» — организация сувенирного производства, паркетного производства на основе глубокой переработки сырья с привнесением в его отделку элементов национального хантыйского и мансийского орнамента.

В современном *сельском хозяйстве* района малые формы уже обеспечивают около половины всей занятости, но пока только 16 % общего производства агропродукции. Мелкоконтурная ландшафтная организация Кондинского района создает благоприятные условия для развития здесь фермерских хозяйств. Их развитие в настоящее время сдерживается несколькими проблемами. Как правило, среди них упоминают отсутствие поддержки стартующих фермеров, дефицит кредитных ресурсов, высокие транспортные издержки доступа на крупные рынки. Не менее важны информационные, «знаниевые» факторы: отсутствует обмен опытом между фермерами региона, не налажены курсы обучения и переобучения основам фермерства.

Можно предположить, что к 2020 г. доля малых хозяйств в общей аграрной занятости будет выше 85 %, в общем сельхозпроизводстве — более половины Рентабельность производства будет обеспечена за счет кратного повышения урожайности картофеля, овощей, кормовых культур и молочной продуктивности коров. Племенная работа должна быть развернута как в молочном, там и в мясном животноводстве.

Условия поддержки местного агросектора изменят свою целевую направленность: от килограмма произведенной и реализованной продукции на проектоориентированный принцип (новый вид бизнеса, субсидия доставки на

ближайшие рынки, поддержание традиционного образа жизни и др.). Бюджетные средства будут дотировать не абстрактные килограммы произведенного и реализованного молока, мяса, овощей, но самого́ фермера, сельское домохозяйство, которое производит сельхозпродукцию на продажу. Значительные бюджетные средства будут направлены на улучшение качества человеческих ресурсов на селе за счет обучения кадров в вузах и техникумах, развития местного агроколледжа (агролицея).

Активизировать слой фермерства в районе, который пока развивается, как и повсеместно в России, очень вяло, поможет развитие структур агросервиса — сети машинно-тракторных станций и пунктов проката (лизинга) техники для фермеров (мини-тракторы, кормозаготовительные комплексы «Салют»), постов ветеринарного и агрономического обслуживания, структур агрострахования и агрокредитования. Огромный скрытый резерв содержится в создании единой сети фермерских хозяйств региона, поощрении их интенсивного обмена опытом на регулярных личных встречах фермеров и через компьютерные видеоконференции.

Темпы развития фермерских хозяйств напрямую связаны с кооперативным движением. Те местные сообщества, в которых раньше и успешнее возникнут сельскохозяйственные потребительские кооперативы, раньше сформируют и слой фермерских хозяйств. Потому что для успеха фермерских инициатив мало предприимчивости самого фермера, нужна поддерживающая среда, которая формируется прежде всего внутри самого сельского сообщества. Возникновение же общепоселковых, деревенских кооперативов как раз и сигнализирует, что такие внутренние условия для успеха фермерства уже сформированы.

В *рыбном промысле* Кондинского района участвует ежегодно 25–35 структур (около 10 фирм — родовые, национальные общины, ОАО, ООО, национальные предприятия и до 25 индивидуальных частных предприятий). В годы максимально благоприятные по вылову рыбы, больши́х объемов промысла, количество мелких участников промыслов значительно возрастает, его структура становится более дробной, доля крупных игроков в такие периоды снижается. Наоборот, в годы неблагоприятные по промыслу общее число участников сокращается, но возрастает доля пяти крупнейших фирм (рис. 14). Рынок «пульсирует», расширяется и сжимается вослед природной цикличности в динамике рыбных запасов.

Социальный потенциал рыбного промысла в повышении реальных доходов сотен домохозяйств района активно используется уже сегодня. Хуже обстоит дело с глубокой переработкой рыбопродукции (за пределы производства мороженой рыбы, которое сегодня составляет около 95 % объемов районной рыбопродукции) — рыбная мука, рыбий жир как биологически активная добавка к пище и др. Решение видится в создании сети мобильных перерабатывающих мини-заводов по переработке рыбопродукции, способных к гибкой смене выпускаемого ассортимента (вяленая, копченая, в вакуумной упаковке и др.).

Динамика вылова рыбы в Кондинском районе, 2001–2005 гг., тонн

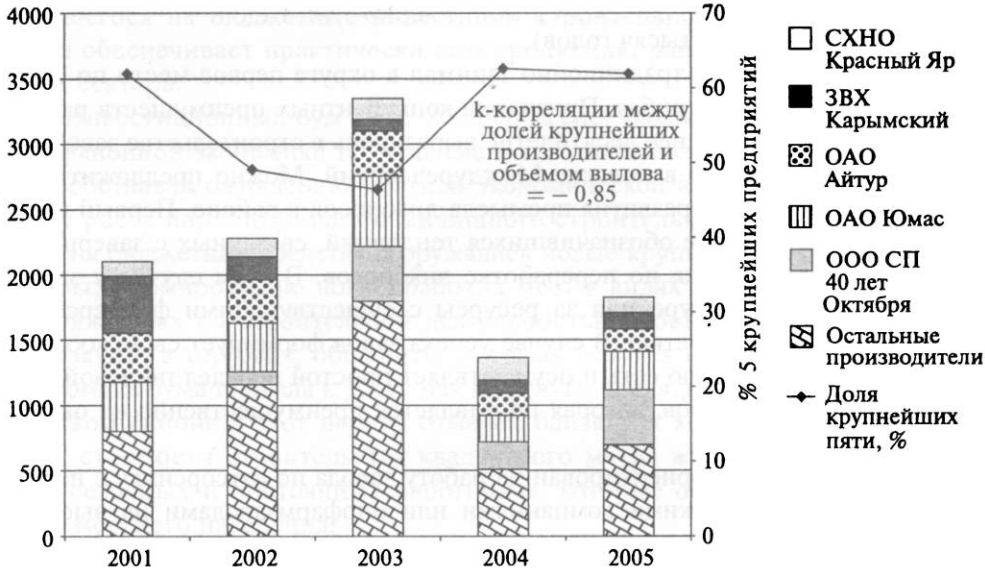


Рис. 14. Динамика рыбного промысла и доля крупнейших производителей

Целесообразно возродить рыборазведение как вид экономической деятельности, важный для устойчивого рыбопользования и как генератор десятков новых рабочих мест в районной экономике. Необходимо изменить форму предоставления региональной финансовой поддержки для структур местного рыбного промысла: не на тонну реализованной рыбопродукции, но в виде транспортных субсидий для доставки продукции на ближайшие рынки сбыта.

В Кондинском районе заготавливается 68 % всей пушнины *звероферм* Ханты-Мансийского автономного округа. Из-за падения спроса на пушнину, высокой себестоимости производства шкурок и низкой цены реализации маточное поголовье серебристо — черных лис постоянно сокращается. Можно предложить два сценария дальнейшего развития отрасли — амбициозный и инерционный. Первый предусматривает установление местными производителями тесных партнерских отношений с Омской, Иркутской пушномеховыми базами, международными аукционами в Копенгагене, Стокгольме, Хельсинки; активное использование последних достижений науки для увеличения размера шкурок и снижения затрат на производство (в том числе путем использования высокоэнергетических кормов), совершенствования селекционно-племенной работы, повышения продуктивных качеств и расширения цветовой гаммы; использование всей системы ветеринарной защиты зверей.

Второй путь ориентирован прежде всего на сохранение занятости местного населения и скромное субсидирование небольших объемов «сувенирного»

пушного производства в виде мастерских по пошиву специальной одежды, изделий из меха, шапок, чтобы удержать звероводство в районе на минимальном уровне (несколько тысяч голов).

Кондинский район традиционно занимал в округе первое место по объемам *заготовки ягод и грибов*. Признание конкурентных преимуществ района в этой области в последнее десятилетие выразилось в строительстве завода по переработке дикоросов в поселке Междуреченский. Можно предложить два сценария дальнейшего развития промысла дикоросов в районе. Первый инерционно следует в русле обозначившихся тенденций, связанных с завершением строительства завода по переработке дикоросов. В этом случае у завода возникает острая конкуренция за ресурсы с существующими фермерскими структурами со своей сетью. В случае успеха завод формирует свою кооперативную заготовительную сеть и осуществляет простой передел пищевой продукции до соков, джемов, которая поставляется преимущественно на окружной рынок.

Второй сценарий ориентирован на работу завода по аутсорсингу с национальными биохимическими компаниями или биофармзаводами на высоком переделе пищевой продукции, с возможным производством компонентов лекарственных препаратов, биологически активных добавок, натуральной основы для производства кремов и лосьонов. В этом случае завод работает на национальном рынке России. Второй путь требует поиска партнера и под него достройку технологической линии завода на более высокие переделы.

Въездной *туризм* способен постепенно стать новой базовой отраслью районной экономики. На основе уже существующих мест охоты, рыбалки, летних лагерей будут созданы мобильные центры агропромыслового туризма. В агропромысловые туры можно включить посещение местных музеев, мастерских народных умельцев, святых мест, памятников археологии. Активизация туристического потока вызовет постоянный спрос на сувенирную продукцию. Имеющиеся в районе культурные традиции и интеллектуальные ресурсы позволяют организовать здесь производство сувениров.

9.3.2. Приоритеты доступности в развитии инфраструктурного сектора

Важнейшей задачей развития отраслей инфраструктурного сектора экономики муниципальной периферии является обеспечение физической и информационной доступности широкого перечня товаров и услуг, востребованных местными жителями — обеспечение продовольственной, энергетической, информационной безопасности местных сообществ.

Инфраструктурный сектор Кондинского района концентрирует в полтора раза меньше занятых, чем базовый, однако по стоимости своей продукции почти в два раза превосходит предприятия базового сектора. Этот

районный экономический парадокс объясняется огромным вкладом опирающегося на бюджетные инвестиции строительного комплекса, который один обеспечивает практически всю продукцию районного инфраструктурного сектора.

Инвестиционный бум 2002–2005 гг. за счет бюджетных источников имел для районной экономики позитивные и негативные стороны. Он, безусловно, способствовал оживлению местной экономической активности, одновременному росту индивидуального жилищного строительства в тех селах, в которых на бюджетные средства сооружались новые крупные объекты социальной сферы; формированию новых рабочих мест в видах деятельности, косвенно сопряженных со строительной деятельностью: поставщики подрядных организаций, в торговле, общепите, бытовых услугах и др. С другой стороны, экономика бума привела к росту цен на услуги подрядных организаций (в Кондинском районе в этот период отмечен близкий к максимальному в округе рост стоимости строительства квадратного метра жилья), к притоку внешних сезонных и постоянных работников, которые осложнили трудоустройство местного населения.

Объемы строительных работ в прогнозный период будут поддерживаться в возрастающей степени за счет внебюджетных источников — прежде всего средств самих жителей при вводе индивидуального жилья.

Большое экономическое значение для Кондинского района, в котором более десятка поселений до сих пор без устойчивой наземной транспортной связи, имеет строительство дорог круглогодичного действия. Строительство автодороги Надым — Белоярский — Нягань — Советский — Урай — Междуреченский — Мортка — Тюмень усилит выгоды транзитного положения Кондинского района и создаст предпосылки для формирования здесь транспортно-логистического центра (в поселке Междуреченский, в котором находится железнодорожная, автобусная станция, речной порт и поблизости аэропорт города Урая).

В районе достигнут высокий уровень обеспеченности населения услугами фиксированной и мобильной телефонной связи. Большинство жителей района получило возможность пользоваться услугами сети Интернет, количество жителей, использующих для подключения к сети Интернет технологию ADSL, постоянно увеличивается[107]. Бóльшая глубина информатизации Кондинского района в сравнении с другими районами северной муниципальной периферии позволяет здесь быстрее и эффективнее формировать новые Интернет-сервисы, сетевые сообщества, развертывать новые услуги дистанционного образования, телемедицины, электронной библиотеки и др.

[107] Данная технология предоставляет более высокую в сравнении с обычными линиями скорость передачи информации и позволяет при наличии одной соединительной линии одновременно с присутствием в сети Интернет пользоваться домашним телефоном.

9.3.3. Развитие сектора услуг как мотор постиндустриальной трансформации

Внутри се́ктора услуг Кондинского района в последние годы наблюдалась поляризация — динамичное развитие бюджетной составляющей — создание новых рабочих места в образовании, здравоохранении, культуре, при одновременной модернизации школ, больниц, поликлиник, центров культуры; с другой стороны, крайне медленное развитие коммерческой составляющей — торговли, бытовых, других видов платных услуг домохозяйствам.

Кондинский район как типичная муниципальная периферия отличается крайне низким уровнем развития потребительского рынка, занимает последние места в округе по подушевым платным и бытовым услугам и 17 место в округе по подушевому обороту розничной торговли. В структуре платных услуг доминируют (более 80 %) «обязательные», которые домохозяйства не могут игнорировать, — жилищно-коммунальные, связи и транспорта — неизбежные, ввиду отдаленности периферийного района от центров (рис. 15).

Развитие сектора услуг района в прогнозный период необходимо рассматривать не только в расчете на потребности местных жителей, но обязательно учитывая рост внешнего спроса со стороны въездных российских и иностранных туристов и вахтовиков. Поэтому практически по каждому виду услуг должен быть резерв емкости торговых площадей, гостиничных мест, посадочных мест в столовых быстрого питания и др.

От динамичного, имеющего запас прочности на случай непредвиденных пиковых нагрузок, развития сектора услуг, его приветливости для местных жителей и гостей района, зависит инвестиционная привлекательность, успех района в конкуренции за стратегического инвестора с соседними муниципалитетами Ханты-Мансийского автономного округа и муниципалитетами других уральских регионов. Роль муниципальной власти будет состоять в том, чтобы создавать благоприятные условия рыночному сектору (прежде всего в крупных поселениях, где он наиболее сильный), общественным, кооперативным, волонтерским организациям для оказания разнообразных услуг населению (самостоятельно или в партнерстве с муниципальными структурами).

Продолжающаяся в прогнозный период инновационная модернизация лесо- и агропромышленного комплексов приведет к новому высвобождению работников базового сектора экономики. В этих условиях сектор бюджетных и коммерческих услуг останется главным генератором новых рабочих мест. Внутри него будут происходить значительные структурные сдвиги.

Можно ожидать, что доля подсектора социальных услуг (прежде всего образования и медицинских) в общей занятости будет продолжать расти, более динамичным станет рост подсектора личных и бытовых коммерческих услуг (торговли, общепита, гостиниц, парикмахерских, ремонта автотранспорта и др.). Значительные перспективы имеет подсектор услуг банковского

Динамика структуры оказанных платных услуг населению, 2003–2006 гг., (%, млн руб.)

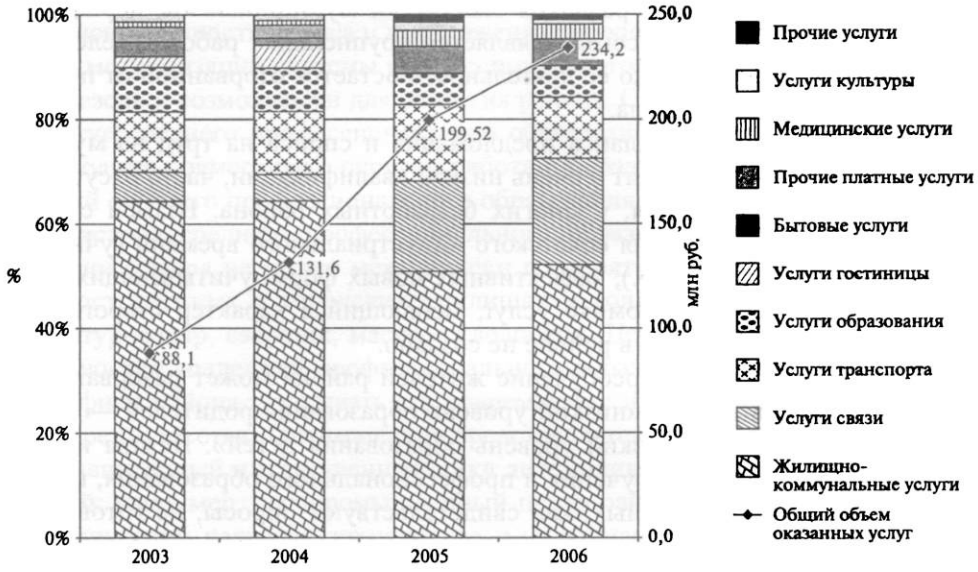


Рис. 15. Динамика структуры платных услуг населению Кондинского района

кредитования, страхования, операций с недвижимостью — за счет значительной диверсификации присутствующих в районе структур финансового рынка. В прогнозный период в нем будут созданы сотни новых рабочих мест, главным образом в районном центре Междуреченский.

Будет расти число и доля занятых в службах управления природопользованием (экологических, мониторинга природоохранных территорий, лесовосстановления, рыборазведения и др.). Возникнет новая занятость в местных фирмах промышленного и аграрного сервиса, нацеленных на интеллектуализацию и повышение конкурентоспособности местных лесозаготовительных, лесоперерабатывающих, сельскохозяйственных предприятий. Десятки новых рабочих мест смогут создать фирмы, входящие в районный медийный комплекс — средств массовой информации, полиграфических услуг, веб-дизайна.

С другой стороны, доля занятых в жилищных и коммунальных услугах постепенно будет сокращаться; стабилизируется или несколько сократится доля занятых в органах муниципального управления — за счет разделения или делегирования части полномочий некоммерческим, общественным, кооперативным, волонтерским организациям и рыночным структурам.

Главный вызов, который стоит перед отраслями *социальной* сферы, — это преодолеть свой «расходный» статус и стать полнокровными участниками районной экономики, обеспечить интеграцию культуры, традиций, традиционных ремесел и экономической деятельности — во имя повышения конкурентоспособности продукции районных предприятий на внешних рынках.

Перестройка местной системы профессионального *образования* — ключевой фактор устойчивого развития экономики муниципальной периферии. Система образования уже сегодня является крупнейшим работодателем для Кондинского района. Однако ее деятельность остается оторванной от потребностей местного рынка труда.

Одна из причин дисбаланса предложения и спроса на труд на муниципальном рынке труда состоит в очень низкой квалификации, часто отсутствии даже среднего образования, у многих безработных района. Взамен старого ведомственного образования советского индустриального времени (учкомбинат Кондинского ЛПК и др.), эффективных новых форм, учитывающих неизбежность перехода к экономике услуг, меняющийся характер старого промышленного производства, в районе не создано.

Только дообучение, переобучение жителей района может разорвать сложившийся порочный круг «низкий уровень образования родителей — безработица — бедность — низкий уровень образования детей». Важны именно *местные* структуры переобучения и профессионального образования, потому что большинство безработных, как свидетельствуют опросы, не готовы уезжать из района для повышения своей квалификации — даже при финансировании всех затрат районным центром занятости.

Опыт развития проблемных территорий Европы, США, Канады последних десятилетий подтверждает, что максимальный позитивный долгосрочный эффект на их развитие оказывало размещение новых структур обучения, университетов, бизнес-школ, колледжей профессионального образования. Вопросы местного образования признаются там настолько важными и значимыми для экономического развития периферийных территорий, что не могут быть компетенцией только муниципальных чиновников: при подразделениях власти, ответственных за выработку и реализацию образовательной политики, создаются общественные (наблюдательные) советы с сильными контрольными функциями, призванные усилить воздействие местного сообщества на выработку образовательной политики и мер по ее реализации.

Не новые индустриальные производства, а колледжи профессионального образования (в более скромном варианте один колледж и несколько децентрализованных и специализированных его отделений) способны радикально улучшить качество человеческих ресурсов Кондинского района и в долгосрочной перспективе значительно сократить современный уровень безработицы. Масштабность этого проекта вполне адекватна тем вызовам, которые предъявляет для всех субъектов местной экономики беспрецедентно высокая безработица.

Идея превратить элементы системы среднего профессионального образования в ключевые структуры местной экономики абсолютно жизнеспособна. Они призваны стимулировать процесс закрепления и занятости молодежи в Кондинском районе, развернуть современное местное профессиональное об-

разование к новым специальностям программистов, гидов для экстремального, сплавного туризма, специалистов по веб-дизайну и др. в целях достижения сбалансированности спроса и предложения рабочей силы на рынке труда.

В модернизации системы профессионального образования заключен важный резерв и возможности для развития района. Сегодня в районе вообще нет структур среднего профессионального образования, есть только начального. Необходима совместная с округом работа по созданию в районе новых учреждений среднего профессионального образования.

Система среднего профессионального образования муниципальной периферии Севера не может механически повторять перечень специальностей, распространенных в городских училищах и колледжах — техник-механик, штукатур-маляр, сварщик, мастер-отделочник. Целесообразно в перечне специальностей колледжей профессионального образования всемерно усиливать специфику района, учитывать его современные и потенциальные конкурентные преимущества. Оптимальной представляется компромиссная, с упором на гуманитарный и естественный цикл дисциплин, специализация новых колледжей: например, лесопромышленный центр района поселок Мортка — лесотехнический колледж (техническое и информационное направление); райцентр Междуреченский — гуманитарный колледж (социально-экономико-правовое направление); село Кондинское — агропромысловый-гуманитарный колледж (аграрное направление, традиционные промыслы коренных малочисленных народов Севера).

Именно в области агропромыслового образования, в укреплении аграрных и промысловых компетенций, у Кондинского района есть шанс стать центром подготовки специалистов по агротуризму, сельскому хозяйству, рыбному промыслу для всего региона. С целью укрепления этих новых конкурентных преимуществ в среднем профессиональном агропромысловом образовании целесообразно создать в районе агропромысловый парк, на территории которого расположились бы колледж, территория проживания студентов и преподавателей, опытные хозяйства, лесные питомники, экспериментальные участки лесозаготовок.

Для прорыва в развитии образовательных услуг район может инициировать два пилотных (экспериментальных) проекта: по подготовке агротехников — комплексных специалистов для сельской местности и специалистов в области управления природопользованием.

Современное среднее профессиональное образование России по-городскому узко специализировано по перечню предусмотренных специальностей. Но для сельской периферии требуются комплексные специалисты, аналог врача общей практики, которые объединяют в себе гуманитарные, ресурсные, инженерные знания и умения (от акушерки до юриста), без детальной специализации. В сельской периферии может не быть постоянной потребности в одном узком специалисте, но всегда есть потребность иметь их всех и сразу. Разре-

шить эту проблему позволяет подготовка универсального специалиста агротехника, который будет сочетать в себе целый перечень компетенций, постоянно востребованных в сельской периферии. Подготовку таких новых специалистов для сел района и округа может начать кондинский агропромысловый колледж. Для усиления статуса нового кондинского колледжа предлагается передать ему в долгосрочную аренду на 25 лет права на участки территории для проведения опытных, экспериментальных работ и «экспедиционного» обучения студентов.

В области управления природопользованием (земельными, лесными, водными ресурсами), воспроизводства биологических ресурсов (рыбоводство, лесоразведение) в прогнозный период в районе будут созданы десятки новых рабочих мест. Пока этих специалистов готовят в региональных центрах Урала, Сибири, центральной России. Целесообразно в учреждениях местного среднего образования, в новых колледжах района предусмотреть подготовку таких кадров, для чего сформировать консорциум «колледж — Югорский/Тюменский/Екатеринбургский университет». В результате сами местные жители станут сотрудниками федеральных и региональных ресурсных служб, что представляется более оправданным, чем привлечение на эти должности специалистов из других регионов России.

Одновременно с национальными приоритетами реформирования *здравоохранения* (качество и доступность медицинских услуг, приоритетность профилактической направленности, укрепление института врача общей практики, сокращение коечного фонда и др.) в прогнозный период предстоит работа по преодолению специфических пороков развития системы здравоохранения северной периферии. К ним относится недостаточная эффективность (при высоких подушевых бюджетных расходах), высокий уровень общей смертности, онкозаболеваемости, недостаточное развитие платных медицинских услуг (в Кондинском районе доля в десять раз меньше, чем в среднем по округу) и специфических мобильных форм помощи для национальных сел и родовых общин коренных малочисленных народов Севера.

Улучшение качественной структуры населения будет происходить в результате системы мероприятий: значительно более мощной, чем сегодня, профилактической (через плакаты, средства массовой информации и местные телекоммуникационные сети) работы с жителями района, в том числе через платные и бесплатные очные и заочные консультации по вопросам здорового образа жизни; увеличением доли населения, вовлеченного в регулярные занятия физкультурой в спортивных.секциях и клубах; формированием районной телемедицинской сети прежде всего для жителей территорий, удаленных от районной больницы в Междуреченском; внедрением новых видов высокотехнологичной медицинской помощи и установлением партнерских отношений с межрайонными медицинскими центрами городов Сургута, Нижневартовска, Ханты-Мансийска. Увеличение доли платных услуг будет происходить за счет

оказания платной стоматологической помощи, косметологических услуг, услуг мануальной терапии, массажа, рефлексотерапии.

Раскрепощение потенциала местной *культуры* для цели устойчивого экономического развития муниципальной периферии предполагает создание многочисленных интеграционных мостов между ее культурным наследием и конкретными инвестиционными проектами в ключевых видах экономической деятельности (лесопромышленной, агропромысловой, рекреационной). Символы районной истории станут атрибутами сувенирных изделий, паркета, деревянных плит. Этнические орнаменты должны стать частью архитектурного облика поселков и сел Кондинского района. Малые скульптурные формы, рожденные из фактов богатой истории района, должны украсить улицы Междуреченского, Мортки, Кондинского.

Сельские библиотеки в результате оснащения современными техническими средствами трансформируются в информационные терминалы, что позволит им стать центрами нового знания для сельского сообщества.

Доля ветхого жилья в районе почти в три раза превышает среднеокружные показатели (официально признано ветхим 16 %, реально более половины). Уровень благоустройства жилья (оборудованность централизованным водоснабжением, коммунальными сетями, электрическими или газовыми напольными плитами) крайне низкий. Тысячи семей стоят в очереди на получение жилья и число таких семей растет со скоростью 8–9 % в год.

При этом периферийный Кондинский район занимает пятое место в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре по вводу квадратных метров индивидуального жилья на 1000 человек населения, опережая все центральные нефтегорода и некоторые соседние сельские районы. Бóльшая часть жителей района имеют глубоко укорененную сельскую привычку жить в своем доме на земле, который не готовы менять на квартиру даже при сносе ветхого жилья. Население готово вкладывать свои средства не в покупку квартиры, а в частичную или полную реконструкцию старого одноэтажного жилья. В городских поселениях района (Междуреченский, Мортка) существует огромный неудовлетворенный спрос на земельные участки под жилищную застройку.

Совокупность вышеприведенных факторов создает благоприятные условия для бума индивидуального строительства в Кондинском районе. Пока институционально район не готов к грядущему и очень для него позитивному буму коттеджного строительства: окружные и муниципальные нормы и правила пока являются не катализатором, а барьером для инициативы населения, не учитывают специфику агропромыслового Кондинского района, больше ориентированы на городские условия. Развернуть масштабно индивидуальное жилищное строительство не получается из-за плохой межведомственной координации и длительных согласований окружных, районных, муниципальных структур.

Между тем в данном направлении потенциально «упакованы» сразу несколько точек роста районной экономики. Раскрепощение предпринимательской

ской энергии населения в области индивидуального строительства обеспечивает рост рынка строительных материалов, в том числе местных; рынка услуг подрядных организаций и коммерческих перевозок.

В последние годы в Кондинском районе наблюдается эскалация бюджетных расходов на жилищно-коммунальный комплекс. Тарифы на тепло здесь самые высокие в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, в том числе по причине высоко дисперсной системы расселения, которая требует абсолютно иной, чем в компактных городах округа, организации теплоснабжения малыми формами. Оказание услуг теплоснабжения здесь предельно организационно и технологически рассредоточено, тепловая энергия производится десятками котельных, ранее принадлежавших разным советским ведомствам, большинство из которых физически и морально устарели, многие привязаны к дальнепривозному кузбасскому углю. Издержки доставки котельного топлива для коммунальных предприятий района составляют 40–60 % — при том, что источник дешевого котельного топлива находится в само́м районе — попутный нефтяной газ месторождений, отходы лесопиления, которые способны превратиться в эффективный древесный уголь, брикеты и пеллеты.

Предприятия коммунального хозяйства являются крупнейшими работодателями для многих малых и средних поселений района, поэтому любая их модернизация означает резкое сокращение бюджетных рабочих мест и возрастание безработицы. В этих условиях абсолютно закономерно, что ЖКХ Кондинского района — самое отсталое в округе.

Магистральный путь удешевления коммунальных услуг — замена/модернизация современного парка котлов на новые, которые привязаны к местным источникам топлива, прежде всего сжиженному и попутному нефтяному газу, отходам деревообработки. Первоначально будут созданы газовые котельные в западном, са́мом близком к урайским нефтегазовым месторождениям, кусте поселений. Все эти котельные будут работать в автоматическом, то есть безлюдном режиме, что означает высвобождение современных работников котельных и необходимость *одновременно* с модернизацией решать вопросы их переобучения и нового трудоустройства. В дальнейшем позитивный опыт выработки тепла на газовых котельных может быть распространен и на центр района, для отопления здесь жилых зданий, объектов социально-культурного назначения, а также для производственных нужд лесоперерабатывающих предприятий и предприятий пищевой промышленности.

Помимо объективных трудностей для развертывания в Кондинском районе подсектора *торговых и бытовых* услуг, здесь есть значительный потенциал неудовлетворенного спроса жителей. Задачи развития данного подсектора должны быть адаптированы к размерам рынка поселений района. В самых крупных Междуреченске, Мортке, Кондинском необходимо развивать услуги домохозяйствам за счет развития рыночных форм малого бизнеса (ОАО, ООО, ЗАО, ИЧП и др.). С другой стороны, в средних и малых поселениях бы-

товые и торговые услуги в большей степени будут оказываться кооперативными, муниципальными предприятиями и лишь в самых благоприятных случаях — близости к транспортным магистралям, высоком платежеспособном спросе населения, начале крупного инвестиционного или социального проекта — коммерческими структурами.

Задачи района в развитии *промышленного и аграрного сервиса* состоят в поиске возможностей постепенного частичного замещения услуг внешних фирм из соседних центров Урая, Тавды, Ханты-Мансийска собственным и более дешевым их производством. Это потребует соответствующей подготовки кадров, но даст значительный эффект в сокращении утечек денежных средств с территории.

БЛОК РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИФЕРИИ

Часть 5

Региональная периферия Севера: традиции и инновации

Муниципальная северная периферия — это труднодоступные районы, города и поселки, находящиеся внутри регионов *европейского и азиатского* Севера России. Добраться до них из крупных межрегиональных центров страны за три часа путешествия невозможно. Региональная северная периферия — это территории преимущественно *азиатского*, по С. В. Славину, Дальнего Севера[108], центры которых находятся за пределами трехчасовой транспортной доступности от центров страны. Эти северные регионы в предельной форме концентрируют черты экстремальности природно-климатических условий, труднодоступности, очагового характера расселения, децентрализованной системы теплоэнергоснабжения.

При переходе от муниципального на региональный уровень в северной периферии начинают работать новые эффекты для экономики знания. Талантливым, творческим кадрам как авангарду инновационной экономики тесно в контуре муниципальной периферии, именно поэтому они нередко мигрируют отсюда сразу в национальные или зарубежные центры. С другой стороны, внутри регионального контура работают центро-периферийные эффекты, связанные с миграциями талантливых людей из региональной периферии в региональные центры. Здесь лучше условия для мобильности творческих работников, для развития их карьерной траектории. Внутри обширных пространств региональной периферии Севера создаются условия для культурного, этнического, интеллектуального разнообразия, которое не может быть обеспечено внутри муниципального контура. В регионах северной периферии начинают работать эффекты интеллектуальной среды — местного университета, научно-образовательного комплекса, региональной инновационной системы, которые на уровне северных муниципалитетов в силу их малолюдности, как правило, еще не возникают.

---

[108] *Славин С. В.* Освоение Севера Советского Союза. М.: Наука, 1982.

Глава 10

История и традиции в новейшем развитии региональной северной периферии

Путь региональной периферии Севера к экономике знания зависит от генетических факторов прошлого развития, от новейшей экономической истории и традиций освоения территории, созданных в последние десятилетия. Их действие не имеет однонаправленного характера: в зависимости от конкретных условий, они могут быть как барьером, так и катализатором развития.

10.1. Две модели организации производительных сил северной региональной периферии: интегральная и фрагментарная

Свойства северных экономических и социальных систем обостренно зависят от их возраста — общего срока хозяйственного развития и конкретной исторической эпохи пионерного освоения. Большинство регионов Севера России были вовлечены в масштабный хозяйственный оборот не более 70 лет назад, поэтому различия между однотипными по ресурсному профилю регионами Севера даже в десять, двадцать лет могут иметь принципиальное значение. С возрастом региона нарастает диверсификация отраслевой структуры экономики, развитость сектора услуг, инфраструктурных сетей, способность к замещению ввоза собственным производством, слабеет интенсивность миграционных процессов. С возрастом освоения увеличивается степень истощенности основных природных активов, что оказывает воздействие на размер и форму собственности добычных структур, конкретные способы/формы нейтрализации издержек северного производства и проживания.

Как ложился первый пласт хозяйственного освоения территории, в какую хозяйственную эпоху, с какой идеологией, мышлением, этикой? Первые экономические меры по созданию дорожной сети, системы новых населенных

мест имеют огромное значение и надолго, на десятилетия, определяют многие последующие решения.

Люди не могут постоянно менять фундаментальные основы своего мироустройства. После первого рывка в создании необходимого каркаса для жизни и хозяйствования на новой территории следует длительный инерционный период количественного наращивания масштабов и видов промышленной деятельности.

Хозяйственные решения пионерного этапа являются производными от общих норм и правил, философии современной ему хозяйственной эпохи. Пространственная организация территории нового освоения, которая проявляется в трассировке транспортных наземных сетей, рисунке системы расселения, отражает свойственные этому времени формы коммуникации людей, формы взаимодействия субъектов экономики, материализует характерное для данной эпохи общественное мировоззрение, идеологию.

Впоследствии на этот, всегда очень быстро создаваемый, территориальный каркас мостятся новые хозяйственные слои. Но это означает, что поневоле они вбирают в себя, сохраняют следы идеологии первого этапа. И лишь очень нескоро, спустя многие десятилетия или столетие, происходит слом или радикальная перелицовка самóй инфраструктурной первоосновы экономического развития северного региона.

Магаданская область начала масштабно осваиваться более 70 лет назад, в предвоенный, раннесоветский период. Чукотский автономный округ стал ударной стройкой в 1960-е гг., более 40 лет назад, в позднесоветский период. Идеология двух этих пионерных этапов была абсолютно различной.

На примере Магаданской области и Чукотского автономного округа мы встречаемся с полярными случаями пионерного освоения на основе принудительного неквалифицированного труда тысяч заключенных в десятках лагерях и на основе мощи советских отраслевых ведомств. В первом варианте территория нового освоения имеет автономный политический статус, собственные органы политического и экономического управления, получившие от центра значительные полномочия на быстрое создание автономной жизнеспособной экономической структуры на основе функционирующих исправительно-трудовых лагерей.

Принципиальный акцент здесь — опора региона на собственные силы. Чрезвычайные полномочия от центра для того и даны, чтобы оперативно и при минимальной внешней материальной поддержке местные власти смогли создать здесь новые центры россыпной и рудной золотодобычи.

Освоение на основе сети мелких и средних автономно существующих лагерей определило сильное локальное комплексирование сельского хозяйства и лесозаготовок, производства местных строительных материалов, авторемонтных и дорожных работ. Каждый лагерь превращался в местный промышленный узел, способный произвести для себя все самое необходимое и в этом

смысле (как и ввиду полного отсутствия товарно-денежных отношений) напоминал европейский город раннего Средневековья. Ввиду быстрой истощаемости эксплуатируемых россыпных месторождений лагеря периодически передислоцировались в новые места промысла, в которых опять создавалась автономная система жизнеобеспечения.

Смерти от болезней и расстрелов регулярно уменьшали запас рабочей силы локальных лагерей. Необходимы были постоянные поставки свежих трудовых ресурсов либо из центра, либо путем их передислокации между лагерями. Для этого была создана внутренняя межлагерная сеть, а для вывоза производимой ресурсной продукции и внешних поставок трудовых ресурсов — единая сеть автомобильных дорог, идущая с юга, из базы освоения приморского города Магадана в колымские районы россыпной золотодобычи.

В Магаданской области пионерное освоение привело к созданию десятков локальных, полуавтономных, интегральных лагерно-промышленных узлов, связанных между собой единой сетью магистральных и боковых дорог, по которым перемещали заключенных и вывозили готовую продукцию.

Стартовое хозяйственное освоение Чукотского автономного округа происходило спустя 25–30 лет, совсем в других политических и экономических условиях, другой хозяйственной эпохе. Это был период всевластия советских отраслевых ведомств, становления централизованного планирования, когда разверстка основных материальных ресурсов осуществлялась по каналам московских министерств и ведомств. Здесь же и принимались основные решения по новым всесоюзным народнохозяйственным стройкам.

Если исторической аналогией для первого случая может служить раннефеодальный европейский город, то для второго случая — территория-колония, которую осваивает в своих интересах удаленная от нее метрополия. Округ не обладал независимым политическим статусом. Абсолютно все решения по приоритетам экономического развития принимались за его пределами, в объединениях Магаданской области или министерствах Москвы. Цель быстрого вовлечения в народнохозяйственный оборот местных ресурсов золота, олова, вольфрама подавляла задачи комплексного развития самого округа. Для того чтобы в районе нового освоения быстро сформировать изолированные промышленные площадки, был мобилизован потенциал южных баз освоения (Магадана, Владивостока, Хабаровска), трассы Северного морского пути и расположенных на нем крупных портов Мурманска и Архангельска. Отсюда шли поставки материально-технических ресурсов, оборудования для горно-геологических работ. Для заброски вахт трудовых ресурсов на строительство и новые рудники использовался воздушный транспорт.

Принципиальный акцент освоения в данном случае — это опора на внешние ресурсы в развертывании нового промышленного комплекса, предельная подчиненность развития всех структур в самóм округе на потребности главной горнодобывающей промышленности. Такая мировоззренческая

установка предопределяла усеченность местной дорожной сети, социального обустройства.

Существующие веками сезонно действующие развитые «этнические» сети коренных народов (например, по долинам рек, вдоль морского побережья), в отличие от варианта пионерного освоения Магаданской области, не усиливались в процессе хозяйственного освоения; наоборот, утрачивали свое значение. Получали развитие и укреплялись только фрагментарные связи по линии «промплощадки округа — внешние и внутренние базы освоения». Каждый чукотский промузел представлял собой обособленную автономную площадку, связанную только с внешними поставщиками, внешними базами, но не друг с другом.

Общая философия хозяйственной эпохи, связанная с ней пространственная организация территории, критичны для создания определенной конфигурации дорожных трасс (либо интегральная, кольцевая, либо фрагментарная, кусочная) на этапе пионерного освоения. Вид же ресурса, на котором базируется пионерное освоение территории, имеет подчиненное значение: разные ресурсы при освоении их в одну хозяйственную эпоху, сопровождаются формированием сходной территориальной структуры; с другой стороны, один и тот же ресурс, как можно видеть на примере Магаданской области и Чукотского автономного округа, при освоении его в разные хозяйственные эпохи, сопровождается формированием абсолютно разных территориальных структур.

Пионерное освоение Магаданской области и Чукотского автономного округа, происходящее в разных хозяйственных эпохах, привело к созданию двух сетевых конфигураций — интегральной и фрагментарной.

Главная особенность *интегральной* модели — создание единой наземной дорожной сети, состоящей из магистральных трасс и примагистральных участков. Эта модель наиболее близка к ситуации в староосвоенных регионах России, в которых за века хозяйственного развития была создана диверсифицированная дорожная сеть. На эту дорожную сеть нанизываются элементы расселения, которое может быть как полицентричным, при доминировании нескольких центров, так и централизованным, при доминировании одного центра. Например, в Республике Коми созданы региональный центр Сыктывкар и местные центры Ухта, Усинск, Воркута. Нет явного доминирования столицы в общей численности населения региона. С другой стороны, в Магаданской области — централизованная система расселения. Областная столица Магадан сосредоточивает более 60 % всего населения региона.

В силу созданной кольцевой дорожной сети практически отсутствуют территории с сезонными ограничениями по завозу грузов. Город и поселки городского типа способны активно выполнять сервисные функции для окрестных сел, например, в виде развозной торговли, мобильного бытового обслуживания, выставочной деятельности. Ввиду тесного и постоянного взаимодействия элементов системы расселения, возможна их эффективная специализация на определенных видах медицинских и культурных услуг.

Единая дорожная сеть уменьшает издержки коллективного действия для региональной общности людей, в силу чего они могут оказывать эффективное давление на региональные власти — через институты местных выборов и при проведении массовых протестных акций. Ключевая особенность пространственного поведения людей в этой модели — значительная внутрирегиональная мобильность, которая способствует формированию единого конкурентного рынка труда и жилья.

Фрагментарная модель максимально специфична и встречается главным образом в автономных округах Севера и Арктики. Здесь нет единой дорожной сети, созданы лишь короткие отрезки дорог от входных баз к местам эксплуатации ресурсов, не связанные друг с другом. Значительная часть территории не имеет круглогодичной наземной связи с районным и окружным центрами. Например, весь Чукотский автономный округ входит в перечень районов с ограниченными сроками завоза грузов. Зимой связь между селами осуществляется по зимникам, летом — по речной сети и морским путем, в межсезонье — вертолетами. Черты сезонности в этой модели проявляются намного сильнее, чем в первой.

Как правило, для такой модели характерно полицентричное расселение, ни один из центров не сосредоточивает более трети — половины населения региона. В силу изолированности значительного числа сел и поселков большинство из них вынуждены иметь автономную систему жизнеобеспечения.

Неспособность такого региона консолидироваться в социально-политическую целостность неизбежно приводит его политическую систему к чертам конфедеративности, когда региональная власть вынужденно делится с муниципальными властями своими функциями. Ключевая особенность пространственного поведения людей в этой модели — слабая мобильность в отдаленных селах и поселках и преимущественная ориентация в наиболее развитых центрах не на внутрирегиональную, а на внешнюю (в том числе вахтовую) миграцию.

Контекст статистических показателей различен в периферийных регионах интегральной и фрагментарной модели организации производительных сил. Например, уровень официальной безработицы обычно занижен во второй модели. Центры учета здесь удалены от изолированных сел, безработные не регистрируются в них: ведь шансов найти работу в своем селе у них все равно нет. Поэтому фиксируемый официальными обследованиями уровень безработицы во фрагментарной модели, как правило, ниже, чем в интегральной (табл. 13).

Уровень бедности официальная статистика обычно занижает для фрагментарной модели. Ведь именно здесь, в отдаленных селах, максимальное развитие получает традиционное жизнеобеспечение — оленеводство и промыслы не для продажи, а для продовольственного самообеспечения, которые существенно повышают реальный доход сельского домохозяйства. Роль традиционного жизнеобеспечения в увеличении подушевых доходов селянина, в сельской экономике в целом, во фрагментарной модели выше, чем в интегральной.

Таблица 13

Соотношение уровня официальной безработицы в периферийных регионах интегральной и фрагментарной модели

	Уровень безработицы*			Уровень зарегистрированной безработицы** (на конец года)		
	1997	2000	2005	1997	2000	2005
Магаданская область	13,6	11,0	7,0	3,6	4,0	5,1
Чукотский автономный округ	8,4	10,3	4,4	2,9	5,0	3,6

Существенны и различия в показателях подушевой обеспеченности объектами социальной инфраструктуры и специалистами в сфере образования и здравоохранения. В первой модели можно считать, что речь идет о едином региональном сообществе, поддерживающем интенсивные внутренние связи. Таково может быть упрощенное представление о внутренней структуре населения. С другой стороны, во второй модели речь идет о совокупности мелких сообществ, практически не взаимодействующих между собой. Тысяча, десять тысяч человек, на которые считаются койки, врачи, медсестры, учителя в первой и второй модели, формируются по-разному — ввиду различий в социальной плотности.

Поэтому одинаковые показатели Магаданской области и Чукотского автономного округа в обеспеченности объектами социальной инфраструктуры на самом деле означают значительное отставание Чукотки от Магаданской области. Для гарантий доступности объектов образования и здравоохранения для жителей отдаленных поселений, средние по округу показатели обеспеченности, например, койками, должны быть выше, чем в Магаданской области.

Отчетливо выявляется разное поведение показателей обеспеченности объектами социальной инфраструктуры в двух моделях в последние полтора десятилетия (табл. 14). В интегральной модели по причине тесного взаимодействия элементов системы расселения существуют сильные взаимоподдерживающие эффекты: при уничтожении одного элемента расселения, объекта социальной инфраструктуры в одном поселении другое, соседнее, может принять на себя часть прежних функций. Поэтому здесь есть резерв в сокращении коечного фонда при ужесточении бюджетных ограничений.

С другой стороны, во фрагментарной модели такого резерва нет: отдаленные поселения обречены иметь полный набор объектов социальной инфра-

---

* По материалам выборочных обследований населения по проблемам занятости: 1997 год — на конец октября, с 2000 г. — в среднем за год.

** По данным Федеральной службы занятости.

Таблица 14

Динамика обеспеченности больничными койками на 10 000 населения, в интегральной и фрагментарной модели, конец года

	1990	1995	2000	2005
Магаданская область	162,3	183,2	173,1	173,5
Чукотский автономный округ	164,5	268,8	241,6	250,8

структуры — детский сад, школа, больница. Эти объекты могут исчезнуть только при ликвидации села. Неудивительно, что в автономных округах обеспеченность коечным фондом в последние 15 лет практически не снижалась, а в ряде случаев даже росла.

Социальная политика в периферийных регионах Севера имеет общую и специфическую компоненту. Общая компонента характерна для всех регионов России и включает политику в области занятости, борьбу с бедностью, меры социальной защиты, поддержку развития социальной сферы (образование, здравоохранение и культура). Специфическая компонента включает поддержку завоза продовольствия, угля, нефти и нефтепродуктов в северные отдаленные села; содействие переселению пенсионеров, инвалидов, безработных из районов Севера; помощь коренным малочисленным народам; обеспечение выплат по северным гарантиям и компенсациям. И общая, и специфическая компонента социальной политики опираются на разные инструменты в интегральной и фрагментарной модели.

Социальная политика в интегральной модели близка к среднероссийскому типу. Здесь в значительной степени меры государственной поддержки дополняются, взаимодействуют с институтами рынка, действие которых обеспечивается внутренней мобильностью населения региона. Перемещение работников и их семей между районами обеспечивает эффективные перетоки кадров, повышает конкурентность регионального рынка труда и ослабляет нагрузку на меры государственной поддержки в рамках социальной политики. Миграционные перетоки помогают быстрее выравнивать подушевые бюджетные расходы мсжду муниципальными образованиями региона. Внутренние связи элементов системы расселения обеспечивают гибкое экономное разграничение функций между ними.

Социальная политика во фрагментарной модели предусматривает активные меры государственной поддержки на муниципальном уровне. Если в интегральной модели речь идет о *поддержке самих людей*, о поощрении их внутренней мобильности, то здесь имеется в виду *поддержка конкретных мест проживания* — по причине очень слабой миграционной подвижности большинства населения отдаленных, автономных сел и поселений, значительной обособленности каждого района.

Таблица 15

Роль внутрирегиональной миграции в интегральной и фрагментарной модели, %

	Число прибывших в пределах региона			Число выбывших в пределах региона		
	1997	2000	2005	1997	2000	2005
Магаданская область	32,5	47,3	54,8	21,4	28,2	35,9
Чукотский автономный округ	25,0	33,9	28,7	10,9	11,7	22,3

Решение социальных проблем в первой модели в значительной степени производится за счет внутренних передислокаций мигрантов, частичного перемещения активов социальной сферы; во второй за счет значительных бюджетных трансфертов в места проживания мало мобильного населения — национальные села, отдаленные поселки.

Сопоставление регионов первой и второй модели организации производительных сил выявляет значительные, до двух–трех раз, контрасты в интенсивности внутренней миграции (табл. 15). Речь идет не просто о разной степени развитости одного феномена в разных регионах, но о двух различных типах пространственного поведения людей. В Магаданской области мобильность населения обеспечивает включение сил рыночного саморегулирования в акции региональной социальной политики. С другой стороны, иммобильность населения труднодоступных частей Чукотского автономного округа не позволяет включать институты рынка, вся нагрузка здесь приходится на инструменты активной государственной поддержки.

Глубина перепадов в значениях социальных индикаторов между отдельными частями региона в интегральной модели всегда меньше, чем во фрагментарной, которая объективно способствует сохранению устойчивых, очень сильных, межрайонных различий в уровне бедности и безработицы. От региональной политики в этом случае требуются активные усилия по формированию бюджетных механизмов перераспределения части доходов богатых районов в пользу бедных.

При доставке социальных услуг в интегральной модели используется эффект экономии на размере: в больши́х взаимосвязанных ареалах проживания значительного числа жителей удельные затраты на предоставление услуг образования, здравоохранения, культуры оказываются ниже, чем в нескольких обособленных анклавах, с той же численностью населения. Алгоритм реформирования социальной сферы здесь близок к среднероссийской схеме. Например, в Магаданской области тесные связи всех элементов сети лечебно-профилактических учреждений позволяют во многих районах осуществить структурные преобразования для перехода от современной затратной по содержанию ресурсоемкой коечной сети к более экономным стационарозамещающим технологиям.

С другой стороны, при доставке социальных услуг во фрагментарной модели используется эффект экономии на диверсификации, когда в каждом обособленном районе должны работать врачи всех основных специальностей, учителя по всем предметам, или специалисты, владеющие одновременно несколькими компетенциями. Здесь задействован другой, чем в первой модели, алгоритм реформирования. Например, в сельской медицине возможен переход от предоставления первичной помощи участковыми терапевтами и узкими специалистами к общеврачебным практикам; в среднем образовании — от стандартной средней к малокомплектной школе. Обеспечение равного доступа всех жителей к услугам образования и медицины во фрагментарной модели требует значительно бóльших бюджетных затрат, чем в интегральной.

Пионерное освоение двух регионов северной периферии — Магаданской области и Чукотского автономного округа — происходило с интервалом в 25–30 лет, в разные хозяйственные эпохи, с абсолютно разной экономической идеологией. Для раннесоветской, когда начиналось золотопромышленное развитие Магаданской области, было характерно создание автономных, комплексно специализированных, локальных узлов-лагерей, соединенных между собой единой дорожной сетью, основанных на использовании принудительного труда десятков тысяч заключенных. Для позднесоветской эпохи, когда впервые осуществлялось вовлечение в народнохозяйственный оборот ресурсов золота, олова, вольфрама Чукотского автономного округа, было типично формирование узко специализированных промышленных площадок различных ведомств, опирающихся на поставки оборудования и трудовых ресурсов с южных баз освоения и по Северному морскому пути. Площадки не были связаны друг с другом, а округ — территория их базирования не имел автономного политического статуса, подчинялся Магаданской области.

Разные черты хозяйственного детства двух территорий на долгие годы закрепились в двух различных моделях пространственной организации освоения — интегральной для Магаданской области, когда создана целостная линейно-узловая транспортная структура; и фрагментарной для Чукотского автономного округа, в которой нет единой транспортной сети, а лишь отдельные, обособленные ее фрагменты. Каждая модель накладывает определенные ограничения на выбор инструментов региональной политики для борьбы с бедностью и безработицей, алгоритм (направленность и темпы) реформирования сферы образования, здравоохранения и культуры.

Интегральная модель, близкая к среднероссийскому варианту, характеризуется значительной внутренней мобильностью населения, наличием региональных рынков труда и жилья. Эти факторы способны демпфировать межрайонные контрасты в уровнях безработицы и бедности. Меры социальной политики здесь нацелены на сочетание прямого государственного регулирования и сил рыночного саморазвития.

Фрагментарная модель характеризуется иммобильностью населения национальных сел, отдаленных поселков и районов и преимущественно внешне ориентированной мобильностью жителей промышленно развитых районов и городов. Здесь исключительно велики контрасты в уровне бедности и безработицы между динамично развивающимися районами, обладающими интенсивными связями с соседними регионами, и депрессивными. Социальная политика вынужденно имеет здесь активный характер, направлена на поддержку мест проживания и жителей автономных сельских поселков и районов в результате значительных внутрирегиональных перераспределений бюджетных средств.

10.2. Реструктуризация северного периферийного региона

Для развития Чукотского автономного округа как региона северной периферии в последние полтора десятилетия характерны глубокие структурные сдвиги, среди которых самые главные: двукратное снижение численности населения в результате миграционного оттока и, как результат, ликвидация около 30 населенных пунктов и сжатие многих остальных; рост экономического и политического значения окружного центра; переход в структуре занятости от доминанты базового сектора к сектору услуг и значительное увеличение роли бюджетного сектора (доля в окружной занятости возросла в пять раз); более чем двукратное увеличение доли коренного населения в населении округа (табл. 16) и возрастание доли сельских жителей в общей численности населения региона; переход от доминирующей занятости народов Севера в традиционных отраслях к занятости в бюджетном секторе (секторе услуг).

Важнейший результат последних полутора десятилетий развития Чукотского автономного округа — нарастание этнической специфичности: переход к численному доминированию народов Севера во многих прежде полиэтничных национальных селах (с середины 1990-х гг. их удельный вес в сельских поселениях стал более 55 %; в советское время менее 35 %) и в агропромысловых районах. Причины этого важнейшего структурного сдвига — два одновременно действующих и взаимоусиливающихся фактора: массовой отток переселенческого населения преимущественно в регионы центральной России и страны СНГ; положительный естественный прирост в национальных (в первую очередь сельских) домохозяйствах. Для экономики знания эти тенденции имеют негативный характер: массовый отток переселенцев означает уменьшение культурного и интеллектуального разнообразия в селах и поселках округа, сокращение общей численности населения означает и сокращение числа талантливых, творческих людей.

Ключевая специфика Чукотского автономного округа состоит в том, что в нем есть «генетически» различные горнопромышленные и агропромысловые

Таблица 16

Динамика основных социальных и экономических показателей Чукотского автономного округа

Показатели	1990	1995	2000	2005
Численность постоянного населения, тыс. чел.	160,1	96,9	67,1	50,7
Доля населения окружного центра, %	11,0	14,1	16,4	22,2
Доля коренного населения, %	8,0	18,2	25,4	32,0
Доля занятых в секторе услуг, %	23,0	41,8	50,0	
Поголовье оленей, тыс. гол.	491,0	235,5	100,0	148,9
Добыча угля, млн т	1,22	0,87	0,50	0,63

районы. Для группы горнопромышленных районов (Шмидтовский, Чаунский, Билибинский, Иультинский) характерны максимальные потери населения, сокращение системы расселения, дошкольных учреждений, школ, больниц и закономерно самый большой прирост доли населения райцентра в силу перетока населения от закрываемых поселков в райцентр. Обвал основного производства вызвал спад в сопряженных отраслях, катализировал миграционные процессы. Сокращение численности имело прямой эффект в закрытии горняцких поселений с ликвидацией социальной инфраструктуры, косвенный эффект в уменьшении размеров многих сопряженных с базовой отраслью производств и поселений, в которых произошли подвижки в статусе и числе бюджетных учреждений.

С другой стороны, в агропромысловых районах (Чукотском, Провиденском, Анадырском) развивались совсем другие процессы, в которых велико было влияние этнического фактора. Здесь были минимальны сокращения в системе расселения, сети образовательных, медицинских учреждений, доля населения райцентра практически не росла.

В советское время неоднократно ставился вопрос о принципиально иных формах организации медицинского, образовательного и культурного обслуживания урбанизированных горнопромышленных и агропромысловых районов, с высокой долей кочевого населения. Предлагалось создавать в агропромысловых районах комплексные передвижные/экспедиционные медицинские отряды для ежегодных системных осмотров (не только широко распространенных тогда рентгеновских) работников оленеводческих бригад[109], малокомплектные школы, возродить идею культурных кочевых яранг 1920–1930-х гг. Эти предложения противоречили стандартным (единым на всю страну) формам доставки социальных услуг и потому не были тогда реализованы.

В новой экономике социальные учреждения начинают выполнять не свойственные им ранее системообразующие функции. Сеть образовательных учре-

[109] См., например: *Абрютина Л. И.* Народы Севера России: право на здоровье. М., 1999.

ждений региональной периферии в экономике знания начинает выполнять функцию транслятора нововведений в поселениях. В небольших населенных пунктах модернизированные школы, как и библиотеки, становятся своеобразными точками роста, местами сбора селян. В средних поселениях школы расширяют свои функции (школы-интернаты, коррекционные школы). В райцентрах, крупных поселениях школы становятся центром работы с талантливыми людьми района (широкий спектр дополнительных образовательных услуг, кружковая деятельность, музыкальные училища, школа искусств и т. д.).

Один из структурных сдвигов в окружной экономике — значительное возрастание роли бюджетного сектора. Число занятых за 1991–2000-е гг. сократилось в два раза, но одновременно роль бюджетного сектора в окружной занятости увеличилась почти в пять раз.

Система образования в бюджетном секторе Чукотского автономного округа характеризуется максимальными значениями по числу занятых, средним уровнем оплаты специалистов (выше, чем в культуре, ниже, чем в здравоохранении). Максимальна доля работников образования в бюджетном секторе сельских районов. Подключение школ к сети Интернет делает их информационно-коммуникативными центрами поселений, имеющими возможность предоставлять жителям доступ к мировым информационным ресурсам.

Для блока здравоохранения округа в последние 15 лет было характерно количественное сокращение: максимальное — числа больничных коек, поликлиник, фельдшерско-акушерских пунктов, меньшее — больниц; рост фондовой оснащенности на 10 000 человек (коек); резкий рост нагрузки на оставшиеся поликлиники; максимальное сокращение среднего медицинского персонала и менее значительное, хотя тоже существенное, — врачей всех специальностей; значительное ухудшение показателей медсестры/пациенты и менее значительное врачи/пациенты.

Наблюдается сильная концентрация работников здравоохранения в окружном центре. Доля других, даже крупных поселков и сел, снижается. Данная тенденция проявляется и в других регионах России: квалифицированные медицинские кадры (в значительно большей степени, чем квалифицированные работники сферы образования и культуры) мигрируют в крупные центры. Поэтому требуются компенсаторные меры по экспедиционным медицинским обследованиям жителей северных периферийных территорий.

В бюджетном секторе городов и урбанизированных районов округа концентрируются медицинские работники, сельских районов — работники образования (чем более сельский район, тем больше занятых в образовании, чем урбанизированнее, тем больше в здравоохранении). В здравоохранении в силу жестких профессиональных требований возможности раздувания штата за счет «прочих специалистов» меньше, чем в образовании, поэтому здесь в структуре общей занятости сохраняется более 40 % врачей и медсестер. С другой стороны, в образовании эти требования существенно ниже, возможности наращива-

ния «прочих» работников выше, поэтому доля учителей на Чукотке понизилась за последние 15 лет до 25 % в общей занятости образовательной сферы.

«Специфичность» медицинских работников округа выше[110], чем работников образования, поэтому они получают сравнительно более высокий заработок. Выше их требования к качеству жизни. В результате они стремятся в более комфортные для жизни урбанизированные ареалы и крупные центры. Такое их миграционное поведение близко к поведению талантов — творческих работников, квалифицированных кадров в целом.

В последние 15 лет для блока культуры округа были характерны значительное сокращение числа клубов — до числа поселков, оставшихся после реструктуризации расселения; меньшее сокращение числа библиотек; нарастание износа зданий размещения библиотек; рост числа музеев.

Каждый из трех блоков социальной инфраструктуры (здравоохранение, образование, культура) имеет свою отчетливую специфику в регионах северной периферии. Здравоохранение следует признать наиболее элитарным как по квалификации «ядра» — врачей основных специализаций, по уровню оплаты среди коллег по бюджетному сектору, по степени капиталоемкости центральных районных больниц — самых «верхних» в иерархии медицинских учреждений. Блок образования, как правило, наиболее многочислен — обычно доминирует в структуре занятости внутри бюджетного сектора. Наконец, блок культуры наименее специфичен, его работники в условиях малых рынков поселков северной периферии легко перемещаются в образование и, реже, здравоохранение.

Несмотря на различия, все три блока имеют многочисленные связи между собой в Чукотском автономном округе. Самая очевидная среди них — учреждения образования в окружном центре Анадыре готовят работников культуры, фельдшеров и медицинских сестер. В крупных городах и районных центрах все учреждения образования, здравоохранения и культуры интегрируются финансовыми потоками, генератором которых выступает окружной бюджет. В средних и малых селах эти связи принципиально иные. Чем малолюднее поселение, тем универсальнее использование объектов социальной инфраструктуры. В селах наиболее часты взаимозамены в использовании одного бюджетного учреждения другим — например, передислокация школы в больницу после пожара, легче происходит переток работников внутри бюджетного сектора.

Можно сказать, что в крупных поселениях все три функции бюджетного сектора — образовательная, медицинская и культурная — дробятся, а в селах, наоборот, интегрируются, здесь возникает по сути единый прочно сцепленный социальный инфраструктурный комплекс. Эти особенности определяют

[110] Имеется в виду прежде всего более высокая доля кадров высшей квалификации в сфере здравоохранения, чем в сфере образования и культуры.

своеобразие социальной реструктуризации в городской и сельской местности (в городах в целом больше маневра в этом процессе, чем в малых селах).

Социальная инфраструктура в северной периферии выполняет принципиально иную функцию по сравнению с обжитыми регионами России. Она формирует защитную среду проживания человека, смягчает/нейтрализует действие жестких природных факторов. Так было в плановой модели освоения Севера. Но сейчас добавилась еще одна защитная функция — во многих селах детские сады, клубы, школы формируют единственные полноценные рабочие места — в бюджетном секторе сельской экономики. Именно здесь рождаются дефицитные денежные потоки, которые способны поддержать деятельность других секторов (традиционного и рыночного), перераспределяются среди десятков сельских домохозяйств, обеспечивая их хотя бы минимальным денежным доходом[111].

10.3. Этническая гомогенность и клановость — тормоз инновационного развития

Для периферийного северного региона, ввиду его оторванности от национальных центров, для успешного развития в эпоху возвышения творчества и инноваций особенно важно этническое, культурное, интеллектуальное разнообразие. Как свидетельствуют исследования экспертов, проводимые в 1990-е гг. по заказу международных финансовых организаций, предоставление финансовой помощи эффективнее используется регионами и странами с диверсифицированной этнической структурой, чем этнически гомогенными[112].

В этой связи рассмотрим новейшее развитие Республики Тыва — случай предельной этнической гомогенности среди регионов северной периферии России (табл. 17) и сравним его с развитием соседней Республики Бурятия, главное отличие которой состоит в большем этническом и культурном разнообразии.

Справочный материал по Республике Тыва

Республика Тыва относится к Сибирскому федеральному округу. Расположена в центре Азии на юге Восточной Сибири, в верховьях реки Енисей, в межгорной котловине, окруженной цепями гор Восточного Алтая, Западного и Восточного Саяна, хребтом Танну-Ола. Половину территории республики занимают горы, покрытые хвойными лесами (запасы древесины более 1 млрд м^3), другую половину — лежащие в межгорных котловинах

---

[111] *Пилясов А. Н.* Процесс социальной реструктуризации в Чукотском автономном округе, 1992–2000 гг. (основные факторы, структурные сдвиги, закономерности) // Регионализм и централизм в территориальной организации общества и региональном развитии. М.: ИГАН, 2001. С. 148–165.

[112] University of Maryland. Center for Institutional Reform and the Informal Sector. Working Paper № 250 и др.

Таблица 17

Характеристика тывинской периферийной экономики

1. Дотационность бюджета	83,8 % (по оценкам Минфина России фактически 92 %) в 1996–2000 гг.
2. Этническая гомогенность	64,3 % тувинцы (32,0 % русские); всего 310,2 тыс. чел.
3. Доминирование сельского населения	51,8 % (республиканский центр Кызыл — 30,8 % всего населения, в т. ч. 62 % всех русских Тывы)
4. Особая роль традиционного жизнеобеспечения	Скотоводство, оленеводство, охотничий и пушной промысел увеличивают реальные доходы тувинских сельских домохозяйств на 25–75 %
5. Пространственная фрагментация коренного этноса при низкой плотности населения (автономность и замкнутость)	горно-степные скотоводы (западные тувинцы); охотники-оленеводы горной тайги (Тоджинская котловина, восточные тувинцы). 449 сельских населенных пунктов 94 (102) сельские администрации 16 (18) сельских районов (кожуунов) Плотность населения 1,8 чел/км^2
6. Отсутствие устойчивой круглогодичной наземной связи с внешним миром и внутри территории	Железная дорога отсутствует; водного пути в другие регионы России нет; шоссейная магистраль Кызыл — Минусинск — Абакан (Усинский тракт) длиной 420 км: характерны частые зимние лавины и заносы; грунтовая автодорога (Кызыл) Ак — Довурак — Абакан
7. Особая демографическая модель:	
– высокий естественный прирост населения	+3–5 ‰
– высокая младенческая смертность	26,3 (РФ 18,7 %) — 1994 г.
– большой средний размер домохозяйства	Более 4,4 чел. в тувинской мононациональной семье
– число детей превосходит число пенсионеров	1,5(2,0):1
8. Низкий уровень образования:	
– лица с высшим образованием (перепись населения 1989 г.)	7,9 % (РФ — 11,3 %)
– студенты ВУЗов	92 на 10 тыс. чел. (РФ 171) — 1994 г.
9. Высокая безработица и уровень бедности	Более 5 % официально, фактически более 20–50 % (в зависимости от месяца и села) 70–75 % домохозяйств ниже уровня бедности
10. Высокий уровень убийств, самоубийств и травм	Тяжкие преступление 374,1 на 10 тыс. чел. (РФ 67,1) — 1994 г.

лесостепи, сухие степи и полупустыни. Граничит на юге и юго-востоке — с Монгольской Народной Республикой, на северо-востоке — с Иркутской областью, на северо-западе — с Республикой Хакасия, на востоке — с Республикой Бурятия, на западе — с Республикой Алтай, на севере — с Красноярским краем. Важнейшие для судоходства и промысла реки Верхний Енисей (Улуг-Хем) и два притока Енисея — Бий-Хем и Ка-Хем, которые сливаются близ г. Кызыла и текут одним руслом (рекой Енисей) на Север, к Карскому морю.

Столица республики — г. Кызыл. Год образования — 1914; до 1918 г. — Белоцарск, до 1926 г. — Хем-Белдыр. Численность населения около 100 тыс. чел. Заводы «Автоспецоборудование», механический, лесопильный, пивоваренный и молочный; комбинаты стройдеталей и швейный. Есть мебельная фабрика, пристань, аэропорт. Город Ак-Довурак основан в 1964 г. у месторождения асбеста (комбинат «Тываасбест»), численность населения около 13 тыс. чел. Другие города приурочены к периоду относительно недавней русской крестьянской земледельческой колонизации: Туран — основан в 1885 г. русскими переселенцами, «Промкомбинат» и предприятия деревообрабатывающей промышленности; Чадан находится в западной части Тувинской котловины, образован в 1873 г., добыча каменного угля на Чаданском угольном разрезе; Шагонар расположен в середине Тувинской котловины, основан в 1888 г. Из-за строительства Саяно-Шушенской ГЭС в 1970-х гг. оказался в районе затопления. В семи километрах от него был построен новый город, в котором в настоящее время проживает около девяти тысяч жителей[113].

Половина населения, что составляет около 150 тыс. чел., проживает в 449 селах, входящих более чем в 90 сельских администраций. Тывинское сельское население этнически гомогенно, сильно фрагментировано по родам. Мощные внутренние локальные родственные связи тывинских родов до сих пор поддерживают кастовую замкнутость и характеризуются часто конфликтными взаимодействиями между родами.

Естественная предпосылка беспрецедентно высокой фрагментации тывинских сельских жителей на разные рода и кланы коренится в специфике ландшафта республики: горно-котловинный рельеф создает природные рубежи, образуя десятки малых по площади социальных клеток — первичных административных ячеек управления. Фрагментация этноса была закреплена религиозно: крупные экономически сильные феодальные хозяйства, которые владели скотом, земельным наделом, занимались торговлей, возникали с 60-х гг. XVIII в. вокруг ядра — стационарных ламаистских монастырей, которые и структурировали тувинское пространство на сельские административные районы (сегодня кожууны). Эти монастыри подчинялись монгольской церкви, которая разрешала противоречия и разногласия между родами, кланами и отдельными соперничающими за влияние ламами. По понятиям исторического времени очень недавно, лишь в 1883–1885 гг., при восстании против манчжуров всех тывинских родов, они сумели объединиться в единый этнос.

Предельная фрагментация сельских жителей республики одновременно с их этнической однородностью поддерживает сохранение традиционного ук-

[113] Справочный материал по Республике Тыва подготовлен на основе обобщения данных энциклопедий, архивных и статистических источников.

лада, формальных и неформальных ограничений для творческой инициативы и предпринимательской деятельности. Это понижает способность местного сообщества воспринимать новое, делает его менее обучаемым.

В этих условиях закономерно (поскольку обособленные этнически гомогенные закрытые сельские сообщества не предъявляют спрос на связь с внешним миром), что Республика Тыва относится к регионам с очень низкой телефонизацией (около 10 телефонных аппаратов на 100 жителей на начало XXI в.). Некоторые населенные пункты вообще не имеют телефонной связи. Доля автоматического международного обмена очень низкая. Связь с труднодоступными районами в конце 1990-х гг. осуществлялась с помощью радиопередатчиков по четыре часа в сутки, 50 % населенных пунктов этих территорий не были обеспечены телевидением и радио.

Консервация традиций при неспособности, неготовности местных сообществ к модернизации — это важнейшая причина экономической депрессивности Республики Тыва. Ее отличает низкий уровень жизни населения, высокая безработица и дотационность бюджета. Трансфертная помощь, многочисленные льготы республике со стороны федерального бюджета, не стали катализатором перемен в социально-экономических процессах, не способствовали выходу территории из затяжной депрессии. Тыва по-прежнему замыкает список российских регионов по уровню социально-экономического развития в большинстве типологий и классификаций.

И эти результаты никак нельзя объяснить неблагоприятными природными условиями. По суммарной площади пастбищ и сенокосов Тыва находится в первой десятке регионов России. Особенностью пастбищных угодий республики является возможность использования значительной их части в течение круглого года для выпаса мелкого и крупного рогатого скота общей численностью от 1,5 до 2,0 млн голов (сейчас по официальной отчетности выпасается около 110 тыс. голов).

В наступающую эру экономики знания конкурентоспособность регионов зависит от гибкости, способности региональных сообществ обучаться новому, внедрять новые институты, технологии, бизнес-процессы. Это верно для всех регионов, в том числе и северной периферии России. Но верно и обратное. Закрытость местных сообществ, их необучаемость, невосприимчивость нового с неизбежностью приводит/консервирует депрессивность региональной экономики. Что и подтверждает пример Республики Тыва.

Но национальные традиции совсем не обязательно являются тормозом инновационного развития. Пример соседней Республики Бурятия подтверждает позитивное экономическое действие национальных традиций как гарантов этнического и культурного разнообразия.

Республика Бурятия расположена в переходной зоне между таежными пространствами Восточной Сибири и обширными степными районами Монголии. Поэтому ландшафтная структура региона вбирает в себя признаки обеих

территорий. Фактор высотной поясности еще в большей степени увеличивает мозаику микроландшафтных условий. Для экономического и социального развития республики характерно сочетание традиционного уклада бурятского скотоводческого хозяйства и уклада русских переселенцев в виде земледелия и относительно недавно возникшей промышленности. Интеграция этих двух укладов проходит посредством смешанных браков, многоэтничных местных сообществ, агропромышленных цепочек («село — город») переработки шерсти. Формы объединения агропроизводителей и переработчиков, различных агропроизводителей друг с другом в ассоциации, союзы, кооперативы здесь исключительно разнообразны.

В силу объективных природных условий в Республике Бурятия вариация ландшафтных микрозон на единицу площади уникально велика даже в сравнении с другими горными территориями Сибири, Дальнего Востока, Северного Кавказа. Именно поэтому во многих случаях мелкое агропроизводящее хозяйство здесь имеет больше перспектив, чем крупное.

В институциональной структуре аграрного комплекса Бурятии значительную роль продолжают играть неформальные нормы и правила ведения традиционного бурятского овцеводства мясного и шерстяного направлений, которые в конце XIX и начале XX вв. максимально концентрировались в особой экономической структуре — аратском хозяйстве. Индивидуальное аратское хозяйство представляло собой высоко эффективное в силу адаптированности к природно-климатическим условиям Забайкалья подвижное овцеводческое хозяйство мясного и шерстяного направлений, состоящее из небольшого производственного коллектива близких родственников, стационарно базирующегося в обособленных хуторах, а в периоды кочевания — на десятках чабанских стоянок. В конце XIX в. эти хозяйства владели в Бурятии почти 600 тыс. овец, производили более 40 тыс. т мяса[114] (в 1970–1980-е гг. немногим более 50–60 тыс. т).

В советское время фундамент мелкого аратского хозяйства размывался как в результате их преобразования в колхозы, а затем колхозов — в совхозы, так и ввиду трансформации свойств природных активов — почти трехкратного сокращения пастбищ при наращивании пашни, и смены прежней грубошерстной породы овец, сориентированной на экстенсивный выпас, на новые, тонкорунные (поголовье которых было в два раза больше прежнего), для которых применялся концентрированный выпас на сжавшемся пастбищном клине[115]. Ограниченно сохранились личные овцеводческие хозяйства населения, функционирующие на принципах простого воспроизводства.

---

[114] Материалы комиссии Куломзина для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. СПб., т. 1–16.

[115] Возрастание в шесть раз удельной нагрузки на оставшиеся пастбища неизбежно приводило к постепенной деградации их кормового потенциала и ухудшению финансово-экономических показателей отрасли.

В период радикальной экономической реформы 1990-х гг. в результате разукрупнения совхозов и колхозов стали образовываться новые формы хозяйствования и укрепляться личные хозяйства населения. В малых селах Республики Бурятия, на демографической основе бурятских многодетных семей, сохранивших скот в личной собственности, стали образовываться фермерские овцеводческие хозяйства. Пик их создания пришелся на 1993–1996 гг.

Ландшафтообусловленная экстенсивная природа местного аграрного производства[116] проявилась в закреплении в результате кризиса 1990-х гг. именно наиболее мелкоконтурных, высоко дисперсных его видов, максимально использующих сравнительные преимущества конкретного места. В структуре производства мяса значительно увеличилась доля наиболее экстенсивных видов (овцеводство, крупный рогатый скот мясного направления, в северных районах — оленеводство), и даже прежде интенсивные виды скотоводства в некоторых случаях приобрели более ареальный, менее локализованный по выпасу, характер.

Традиции обособленного скотоводческого хозяйства характерны и для Республики Тыва. Но главное, что отличает сельские домохозяйства Республики Бурятия — это способность формировать ассоциации, союзы, кооперативы на неродственной, неклановой, основе, открытость на интеграцию с агропромышленными городскими структурами. Именно это предопределяет их готовность к инновационной модернизации и в конечном итоге бóльшую экономическую жизнестойкость плюралистичных местных сообществ Республики Бурятия в сравнении с соседними Республики Тыва.

[116] Она проявляется, например, в наличии тысяч чабанских стоянок по всей республике.

Глава 11

Прогнозные структурные сдвиги в северной региональной периферии

Структурные сдвиги рассматриваются на материалах Республики Саха (Якутия) как самой крупной северной периферии России, в которой эти процессы проявляются максимально рельефно; сходные тенденции будут характерны в ближайшие 10–15 лет и для других регионов северной периферии России.

11.1. Развитие новой экономики как катализатор структурных сдвигов

Ключевые черты прогнозного периода развития регионов северной периферии — глубокие, радикальные структурные сдвиги, происходящие внутри отраслей реального сектора и в региональной экономике в целом. В Республике Саха (Якутия) основной структурный сдвиг будет связан с переходом от доминирования минерально-сырьевой специализации к доминированию топливно-энергетической в стоимостной структуре промышленного производства (сейчас 68 к 23, предполагается к 2020 г. 35 к 55 %), в структуре бюджетных доходов и в структуре экспорта. Рост добычи нефти и газа, опережающий по темпам развитие алмазно-бриллиантового комплекса, будет происходить в контексте глобальной экономической динамики, которая весь прогнозный период определяется доминированием «газового уклада» и устойчивым мировым спросом на российские нефть и газ. Сравнительное соотношение мировых цен на нефть, газ, с одной стороны, алмазы и золото, с другой, будет характеризоваться более сильными и укрепляющимися позициями первой группы. Для якутской экономики это будет означать преодоление односторонней зависимости от развития алмазно-бриллиантового комплекса.

Корпоративные предприятия базового сектора экономики, которые будут сталкиваться с ограничениями глобальной конкуренции, неизбежно будут исключительно капиталоемки, чему будет способствовать и их мощная инновационная оснащенность. Однако занятость в них будет непрерывно снижаться,

в том числе за счет вывода многих сервисных подразделений на аутсорсинг в автономные малые фирмы, предоставляющие бизнес-услуги. Проблема занятости основной части населения северной периферии будет решаться в секторе услуг в бюджетных учреждениях, а коммерческих услуг — в малом бизнесе. В Якутии, Магаданской области, Чукотском автономном округе более двух третей новых рабочих мест будет формироваться в малом бизнесе, его роль в общей занятости к концу периода превзойдет половину. В ресурсном секторе малый бизнес будет эксплуатировать истощенные природные активы в алмазо- и золотодобыче, малые нефтегазовые объекты. Нарастание экономической роли малого бизнеса придаст гибкость и инновационность экономике северной периферии.

Одновременно с диверсификацией структуры базового сектора экономики будет происходить «углубление» экономической структуры в виде наращивания элементов новой экономики, проникающих во все старые, индустриальные виды деятельности, и формирующих территориально обособленные очаги (локальные инновационные площадки) постиндустриального уклада в информационно-коммуникационном секторе, компьютерных технологиях, производстве новых материалов, наукоемких бизнес-услугах, университетском комплексе и др. В прогнозный период в северной периферии будут сосуществовать и сочетаться в локальных кластерах продолжающееся индустриальное развитие региона (при возрастающих ограничениях ввиду истощенной ресурсной базы), новые экспортоориентированные ресурсные комплексы и сервисные производства постиндустриального уклада.

Предпосылки развития новой экономики в Республике Саха (Якутия) противоречивы. С одной стороны, здесь уже достигнуты лучшие, чем в Магаданской области, Республике Бурятия, Камчатском крае, показатели оснащенности работников персональными компьютерами, в том числе имеющими доступ к сети Интернет. С другой стороны, в структуре регионального научного знания доминируют представители естественных, в основном геолого-минералогических, дисциплин (47 %, в России — 25 %), специалисты инженерных, технических наук составляют только 18 % (в России доминируют). Это означает, что сила республики не в создании собственных технологических, инженерных инноваций, а в их умелом внедрении, адаптации к специфическим природным условиям и условиям добычи природных ресурсов.

Магистральные направления инновационной деятельности в экономике северной периферии включают: внедрение новых материалов и источников энергии, максимально опирающихся на местное сырье; переход на малые, легкие, мобильные, экономичные технологии добычного и сервисного производства (например, сжижения газа, использования отходов лесопереработки); применение высокоточных, автоматизированных, гибких технологий и дистанционных форм наблюдения, анализа, обучения, управления, обеспечивающих быстрое получение результата.

Общая социальная направленность прогнозных преобразований в экономике северной периферии — демократизация общественного участия в процессах производства и распределения его результатов (через обеспечение возможностей широкого доступа физических лиц к производственным и распределительным системам и другими мерами), акцент на безопасность человеческой жизни. Конкретные черты новой экономики в северной региональной периферии, например, в Республике Саха (Якутия), включают[117]:

- в алмазодобыче — применение *кристаллосберегающих* технологий разупрочнения кимберлитов;
- в угольной промышленности — *брикетирование* углей;
- в лесозаготовительной, деревообрабатывающей промышленности — максимальное использование *вторичных* ресурсов; создание новых производств по переработке древесных *отходов*;
- в агропромышленном комплексе — производство *экологически чистых* продуктов питания, разработка и внедрение зональных механизированных комплексов по производству, переработке и хранению сельхозпродукции; использование *возобновляемых источников энергии* для сельского хозяйства, разработка технологий восстановления запасов биологических ресурсов (рыборазведение, лесовосстановление и др.);
- в электроэнергетике — использование *автономных малых* децентрализованных станций для комбинированного производства тепла и электроэнергии;
- в транспортном комплексе — создание новой *высокоскоростной* транспортной техники и технологий, учитывающих особенности климатических условий Севера; при строительстве нефтегазопроводов — внедрение *полимерных* и композитных труб;
- в информационно-телекоммуникационном комплексе — организация *высокоскоростных* магистральных каналов связи для многоцелевого использования с *широким доступом* к информационным системам, модернизация и внедрение *мобильных* систем связи;
- в геологии — применение *высокоточных* методов исследования горных пород, руд и минералов, освоение современных ГИС-технологий для изучения природно-ресурсного потенциала;
- в строительном комплексе — производство *экологически чистых* строительных материалов, изделий и конструкций из *местного* сырья; разработка и внедрение *быстро* возводимых *экономичных* конструкций зданий и сооружений с учетом мерзлотной обстановки и растепления грунтов;

[117] Использованы нормативные правовые документы Республики Саха (Якутия) по инновационной деятельности. Подчеркнуты направления, которые являются ключевыми характеристиками постиндустриальной экономики и сетевого общества.

применение в проектах и строительстве зданий и сооружений объектов инженерной инфраструктуры *теплоизоляционных* материалов на основе *местного* сырья, изделий на основе *полимеров*, *металлопластика*;

- в жилищно-коммунальном хозяйстве — технологии *энерго-, ресурсосбережения* в котельных, системах теплоснабжения и водоснабжения;
- в сфере предпринимательства — широкое использование *мини-заводов* и экономичного мини-оборудования; создание малых предприятий по переработке *отходов* производства и дешевого *местного* сырья.

Отдельное направление новой экономики, которое повсеместно развивается бурными темпами, — это информационно-коммуникационный сектор. В прогнозный период стоит задача интеграции Республики Саха (Якутия) в национальные и мировые телекоммуникационные сети — создания современной республиканской сети телекоммуникаций, сопряженной с российской, имеющей выходы на федеральные и международные сети связи, а также систему шлюзов с российскими и международными информационными сетями, организации высокоскоростного доступа к услугам на уровне не только улусных центров, но и практически всех сел республики. Это потребует одновременного прогресса в развитии цифровой, Интернет-, мобильной, спутниковой и сельской связи.

Существующие линии связи и коммутационные станции на устаревшей аналоговой технологии будут реконструированы на цифровой основе на внутриулусном и межулусном уровнях. Предполагается от первоначального создания «островов цифровой связи» в последующем переходить к сплошному охвату. Высокоскоростной доступ в Интернет по спутниковым и другим каналам получат жители отдаленных от улусных центров сел, в которых смогут организовываться сеансы телемедицины, дистанционного обучения и др. Число абонентов мобильной связи в прогнозный период будет сопоставимо с числом жителей Якутии. Основа спутниковой внутриреспубликанской сети будет создана на платформе ОАО «Сахасвязь». Одновременно в республике будут существовать и другие стандарты спутниковой связи. В сельской связи акцент будет сделан на внедрение дешевых, простых в эксплуатации, с минимальным количеством типовых элементов замены, надежных коммуникационных технологий[118].

Ввиду высоких энергетических затрат северного производства и жизнеобеспечения внедрение инноваций в северной периферии всегда включает и сферу энергосбережения. Большие перспективы связаны в Республике Саха (Якутия) с разработкой новых строительных теплозащитных (теплоизоляционных) материалов — по муниципальному или республиканскому заказу, на предпринимательской энергии малого бизнеса, при финансовой поддержке

[118] Материалы Схемы развития и размещения производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 года. М.: СОПС, 2006.

через кредит муниципального бюджета или местных банковских структур. Другие меры, стимулирующие появление новой экономики в сфере энергосбережения, включают освобождение от налога на прибыль инвестиций, направленных на организационные и технологические меры по экономии топлива и энергии; внедрение сезонных цен на природный газ и сезонных тарифов на электрическую и тепловую энергию; регулярный энергоаудит объектов жилищно-коммунального хозяйства, включающий энергетические обследования, оценку имеющихся резервов экономии и определение технико-экономической эффективности предложенных мероприятий по энергоресурсосбережению[119].

Успех укоренения новой экономики в Якутии связан с созданием нескольких инновационных площадок. Индустриальный уклад первоначально получал распространение на «островах» отдельных фабрик, нередко расположенных внутри сельской местности, сельского уклада. Так и постиндустриальный уклад первоначально возникает на «островах» и в «долинах» старой индустриальной экономики.

Целесообразно создать несколько специальных территорий инновационного развития на территории крупных городов Якутии — Якутска, Нерюнгри, Мирного, с особым статусом, способствующим рождению творческой атмосферы, экспериментированию (где творческие люди будут чувствовать себя защищенными — ввиду поощрительных систем микрокредитования, демократичности доступа к инновационной инфраструктуре, производственным площадям, зданиям, сооружениям и др.) для интенсивной коммуникации творческих людей Якутии и передачи новых знаний от ученых практикам бизнеса, рождения и стартового внедрения интеллектуальных товаров и услуг: биофармацевтического, химического и биохимического профиля на базе нефтегазоугольной промышленности, сверхчистых производств, нанотехнологий, услуг по мониторингу магнитных бурь и космических лучей, полярных сияний. Ядром этих площадок должны стать предприятия малого и среднего бизнеса.

Рисковый характер инновационной деятельности предполагает необходимость создания системы венчурных финансов, которая включает специальные целевые фонды, банковские и бюджетные кредиты, другие источники для сквозного финансирования всех этапов инновационного процесса от посевных и стартовых вложений до кредитного финансирования на завершающих стадиях. Бюджетные гранты целесообразно использовать в качестве катализатора для последующего привлечения средств российских и зарубежных частных инвесторов для финансирования опытных работ и развертывания производства наукоемкой продукции (товаров и услуг).

Предполагается, что новые технологии и материалы, которые будут использоваться в крупных инвестиционных проектах, повседневном жизне-

[119] Материалы Схемы развития и размещения производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 года. М.: СОПС, 2006.

обеспечении и производственной деятельности, обеспечат экологически сбалансированное, ресурсосберегающее и потому устойчивое развитие Республики Саха (Якутия).

К 2015–2020 гг. возвысится значение «постиндустриального» сырья, используемого в производствах нового технологического уклада — гелия, ниобия, тантала, других редкоземельных металлов, пьезооптического сырья. Сектор по их производству будет выделен в отдельную группу динамично развивающихся предприятий (газохимии, материаловедения, нанотехнологий), продукция которых пользуется повышенным спросом на национальном и азиатских рынках.

11.2. Глобализация как фактор структурных сдвигов региональной северной периферии

Глобализация будет оказывать усиливающееся воздействие на ход экономических и социальных процессов даже периферийных северных регионов. Например, в Республике Саха (Якутия) ее действие проявится в количественном росте притока иностранной рабочей силы из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и в новых ограничениях глобальной конкуренции для местных товаропроизводителей; значительных усилиях, которые придется предпринимать для вхождения в мировые деловые сети — через гармонизацию сложившихся стандартов Якутии с мировыми стандартами сертификации в туристическом бизнесе, лесозаготовках и лесопереработке, ювелирном производстве и др.

Потенциал внешнеэкономических и межрегиональных связей в прогнозный период направлен на обеспечение прогрессивных структурных сдвигов в экономике Республики Саха (Якутия) — через расширение видов деятельности, ориентированных на вывоз товаров и услуг, и углубление инновационности региональной экономики. В этой связи можно отметить три приоритетных направления работы по оптимизации системы внешних экономических связей: инфраструктурное и институциональное укрепление газонефтяного сектора экономики Якутии, продукция которого в прогнозный период начинает доминировать в якутском экспорте; многогранное вхождение Якутии в национальные транспортные сети и усиление финансово-экономического эффекта от выполняемых здесь транзитных функций; создание новых товаров и услуг, адекватных специфическим вкусам потребителей стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в экономике которых значительная доля валового национального продукта создается постиндустриальным укладом.

Фундаментальная трансформация газонефтяной отрасли из жизнеобеспечивающей, обслуживающей лишь внутренние потребности республики, в базовую, ориентированную на вывоз энергоносителей на рынки регионов Даль-

него Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, — для того, чтобы Якутия получила от нее максимальный эффект, должна быть подкреплена институциональными и инфраструктурными мерами. На дальневосточных рынках речь идет о превращении Республики Якутия в энергетического донора Хабаровского, Приморского края, Амурской и Магаданской области. Экспансия якутского угля, нефти, газа, электроэнергии на рынки соседних регионов должна обрести не экстренный, а плановый и долгосрочный характер, актуализируя и постоянно усиливая новые конкурентные преимущества Якутии. Через энергетическое донорство Якутия способна стать мотором экономической интеграции дальневосточных регионов России.

Республика должна способствовать формированию сестринской сети регионов Дальнего Востока для выработки единой политики нефтегазового освоения. Современные попытки проводить независимую политику освоения месторождений одним регионом без учета интересов других приводят к недополучению экономических эффектов от синергии, объединения усилий всех потенциальных партнеров. Необходимо совместное участие регионов Дальнего Востока в нефтегазоразведке, обустройстве месторождений, добыче углеводородов, их транспортировке, переработке и, наконец, в реализации продукции при четком обособлении функции каждого из них, исходя из естественных, сложившихся конкурентных преимуществ.

Например, Республика Саха (Якутия) в последние годы приобрела опыт газификации в экстремальных условиях мощного развития речной сети и вечной мерзлоты (прокладка газопровода с рекордной в мире протяженностью через реку Лена и т. д.), который может быть использован в других регионах Дальнего Востока; в Сахалинской области наработан опыт подводного бурения в сложных условиях Охотского моря, который также может быть использован при нефтегазовом освоении в других регионах Дальнего Востока. Целесообразно принять единую дальневосточную программу, которая поддерживает широкий межрегиональный обмен квалифицированными кадрами специалистов по конкретным, узким направлениям нефтегазового сервиса.

В более широком аспекте Республика Саха (Якутия) может выступить с инициативой укрепления полицентричности российского Дальнего Востока за счет распределения между дальневосточными городами сервисных и промышленных функций для всего региона, т. е. способствовать интеграции за счет четкого определения, какой город, сервисная зона обладают достаточным потенциалом, чтобы успешно выполнять общеокружные функции: например, «Дальрыба» — Владивосток, «Северовостокзолото» — Магадан и т. д.

Республика Якутия способна инициировать работы по объединению энергосистем Северо-Восточной Сибири и Дальнего Востока через находящиеся в ней узлы централизованного энергоснабжения. Результатом этой работы станет создание энергетических коридоров и укрепление межрегиональной интеграции регионов Северо-Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Другое приоритетное направление внешней экономической активности республики — системные усилия, направленные на вхождение в национальные и международные наземные и воздушные коммуникационные сети, актуализацию транзитного потенциала Якутии. Привлекательность местных природных активов Якутии на внешних рынках должна быть использована для более активного и многостороннего вхождения в национальные транспортные сети, всестороннего преодоления запертости республики, сложившейся во второй половине XX в. в результате выбора южного (удаленного от Якутии) маршрута трассировки Байкало-Амурской магистрали.

Трасса Байкало-Амурской железнодорожной магистрали была проложена южнее, а не севернее Станового хребта, по более легкому маршруту, в результате чего Якутия оказалась фактически отрезанной от железнодорожного сообщения (была проложена небольшая ветка до Беркакита, которая стимулировала углепромышленное освоение Нерюнгри). Завершение строительства железной дороги Беркакит — Томмот — Якутск[120], устойчивая работа межрегиональных автомагистралей «Колыма», «Лена», «Вилюй» и «Амга» будут способствовать решению задачи межрегиональной транспортной интеграции Республики Саха (Якутия).

Строительство железной дороги приведет к фундаментальным сдвигам в схемах накопления и доставки грузов в арктические районы республики и возвышению роли Якутска как нового крупного мультимодального транспортного узла и логистического центра на Северо-Востоке Азии, способного обеспечить взаимодействие всех видов транспорта, терминального и складского хозяйства, систем информационного, телекоммуникационного и страхового сопровождения грузов. Конкурентным преимуществом Якутска перед Усть-Кутом, который выполняет функции накопления и доставки нефтепродуктов, потребительских товаров, товаров производственно-технического назначения для республики сейчас, являются бóльшие глубины и возможность работы не только речных судов, но и судов класса «река — море».

Полный эффект от строительства железной дороги будет обеспечен только при синхронном обустройстве сети межрегиональных дорог, которые сформируют ***круглогодичную*** опорную транспортную сеть республики. Речь идет об автомагистралях «Колыма» (Якутск — Магадан), «Лена», которые связывают Амурскую область, Транссиб, БАМ через Якутию с Магаданской областью; «Амга» (проходит по старому тракту Якутск — Аян), обеспечивает выход республики к морским портам побережья Охотского моря Хабаровского края, и «Вилюй» (Якутск — Мирный — Усть-Кут — Иркутск), связывающей Якутию с Иркутской областью, по национальным магистралям — с Красноярским краем и Западной Сибирью.

---

[120] Железная дорога первоначально должна прийти на правый берег Лены, в село Кердем. Затем от Кердема будут построены дорога до Нижнего Бестяха протяженностью около ста километров и железнодорожно-автомобильный мост через Лену на Якутск.

Новая транспортная система Якутии способна обеспечить значительный системный эффект (позитивное финансово-экономическое воздействие сети автомобильных и железной дороги, взаимоувязанной и тесно взаимодействующей друг с другом, значительно выше, чем сумма порознь рассматриваемых эффектов каждой из них) для республики. Реализация новых транспортных проектов требует колоссальных усилий по их координации между всеми вовлеченными сторонами на федеральном, уровне Дальневосточного федерального округа, его субъектов, крупных корпоративных структур, которые имеют интересы в освоении природных активов в зоне действия прокладываемых дорог и способны участвовать в их софинансировании. Речь должна идти о формировании нескольких новых государственных унитарных предприятий/акционерных обществ как федерально-региональных, государственно-частных партнерств, адресно сориентированных на решение проблем широкой межведомственной координации и формирование в результате пула финансовых ресурсов, необходимых для создания новых отрезков в межрегиональной транспортной сети Дальнего Востока. Выполнив задачу привлечения финансовых ресурсов, в дальнейшем сформированная структура могла бы передать свои функции непосредственно корпорации, которая ведет строительство дороги.

Решение крупных задач переустройства транспортной сети республики потребует укрепления республиканских хабов — узлов межсетевого комплексирования, перехода грузов и пассажиров с одного вида транспорта на другой. Помимо Якутска (которого одного для пространств республики будет недостаточно) центрами транспортной логистики станут Ленск, Нерюнгри, Алдан, возможно, несколько других городских поселений[121].

Благодаря своей огромной территории Республика Саха (Якутия) является основным (самым коротким) коммуникационным коридором между Европой и Азией, между Северной Америкой и Азией. Значение этого фактора усиливается в связи с бурными темпами экономического развития стран Азиатско-Тихоокеанского региона, которые сохранятся весь прогнозный период.

В результате соединения республиканской столицы с Транссибирской магистралью (железная дорога Беркакит — Томмот — Якутск, ликвидируется сезонная оторванность республики от остальных регионов России и сокращаются сроки завоза грузов в Якутию) будет сформирован новый вариант транзитных перевозок «Европа — Северный морской путь — река Лена — Транссиб — Азия», в котором якутский отрезок играет ключевую роль.

Пространство Якутии должно использоваться для регулярных циркумполярных авиалиний по маршрутам «города Канады/США — Россия — города Юго-Восточной Азии», что позволит значительно сократить общую протяжен-

[121] При описании прогнозного развития транспортных сетей Якутии использованы материалы Схемы развития и размещения производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 года. М.: СОПС, 2006 — в подготовке которой автор принимал активное участие.

ность пути. Аэропорт Якутска должен повысить свой статус в обеспечении этих перелетов от запасного на основной. Связанная с этим модернизация центров управления воздушным движением, системами связи, наблюдения и автоматизации на основе новых спутниковых технологий позволит сформировать десятки высокооплачиваемых рабочих мест в авиационном сервисе.

В прогнозный период будут предприняты меры, направленные на вхождение республики в самые современные, сверхскоростные по обмену данными, национальные телекоммуникационные сети: подключение в оптоволоконную магистраль Москва — Владивосток и другие.

Еще одно стратегическое направление внешней экономической активности республики связано с расширением и углублением ее ниши как продуцента красоты на рынках азиатских стран, в первую очередь Японии, также Южной Кореи, на которые сегодня приходится наибольший объем якутского экспорта (соответственно около 70 % и 20 %), а также динамично развивающегося Китая. В современной структуре экспорта в эти страны доминирует красота как сырье — алмазы, пушнина. Там, где это позволяют вековые художественные традиции якутского народа, новые традиции гранильной, ювелирной, местной промышленности, созданные в 1990-е гг., необходимо увеличивать долю продукции обработанной красоты в виде бриллиантов, ювелирных изделий, изделий из меха. Успех в этом направлении работы обеспечивает детальный учет тех особенностей, которые характерны для потребителей стран, экономика которых осуществила переход от индустриального к постиндустриальному укладу: доверие брендам, высокая цена дизайнерских услуг, пресыщенность и спрос на абсолютно новые виды ювелирных изделий, новые виды огранки алмазов, которые способна обеспечить ручная работа по индивидуальным проектам.

Национальные стандарты красоты, индивидуального потребления, оценки палеонтологического наследия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона значительно отличаются от европейских стран (например, широко известны особенности японских туристов как потребителей «чудес природы» и потому их готовность оплачивать туры в циркумполярные страны для наблюдения за полярными сияниями). Поскольку внешнеэкономическая деятельность Республики Саха (Якутия) естественно сориентирована на Японию и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона, необходимо тщательное изучение особенностей сертификации продукции роскоши, ее маркетинга, бизнес-коммуникации по поводу продукции роскоши в этих странах. Целесообразно создать веб-сайты, которые продвигают продукцию комплекса красоты Якутии, на японском, корейском и китайском языках. Вузы Якутии должны готовить профессиональные кадры, способные продвигать ювелирную, бриллиантовую продукцию на рынки стран АТР, и знают языки этих стран. Ввиду уже десятилетия существующих экономических связей с Японией по экспорту Нерюнгринских углей, наличия совместных якутско-японских ювелирных предприятий, значительного интереса, который проявляют японские эксперты, широкое сообщество специалистов и

зрителей к палеонтологическому мамонтовому наследию Якутии, целесообразно сделать особый акцент на работе на японском рынке, сформировать обособленный японский вектор внешнеэкономических усилий. Например, создать специализированное государственно-корпоративное агентство, за счет бюджетного взноса, но работающего на рыночных критериях получения прибыли, для целенаправленной работы с японскими инвесторами и потребителями.

Перспективное направление внешней экономической деятельности связано с расширением перечня услуг, предоставляемых другим регионам Дальнего Востока и стране в целом (например, лыжные базы федерального значения), с формированием в Якутии сильных конкурентоспособных центров доставки услуг для всего Дальневосточного федерального округа — услуг транспортных, ремонтных[122], так и наукоемких, например, по дизайну.

11.3. Новые формы управления для повышения эффективности внутрирегиональной координации

Еще один структурный сдвиг в экономике Якутии будет связан с меняющейся ролью государства в лице региональной власти в процессах ее развития. Государство играло исключительно активную, амортизирующую роль в поддержании экономики и социальной сферы республики в начальный период реформы. Государственная поддержка предприятиям осуществлялась в виде дотаций из бюджета (привело к предельному числу убыточных предприятий), установления льготного налогообложения, формирования огромного количества государственных унитарных предприятий.

Прогнозный период охарактеризуется переходом от модели прямого, директивного вмешательства, когда государство вынужденно ведет себя и как регулировщик, и как предприниматель, к принципам индикативного управления. Искусство экономического управления будет состоять в способности строить широкие сетевые партнерства науки, бизнеса, образовательных структур, власти и бизнеса, осуществлять горизонтальную координацию деятельности в Якутии государственных, муниципальных, рыночных, структур гражданского общества в целях устойчивого и динамичного социально-экономического развития республики. Строительству сетевых партнерств будет предшествовать уточнение и углубление разграничения полномочий между федеральным центром, региональными, муниципальными властями и бизнес-сообществом.

Динамика прогрессивных структурных сдвигов в экономике республики зависит от качества управления Якутией на региональном и муниципальном

[122] Подобные услуги уже оказывает Нерюнгринский ремонтно-механический завод, который является монополистом на Дальнем Востоке России по ремонту экскаваторов и большегрузных автосамосвалов для угольных разрезов.

уровнях. Ввиду обширных пространств и дисперсности расселения чувствительность социально-экономического развития республики к качеству местной власти особенно велика. Можно обозначить несколько направлений модернизации управления республикой: уменьшение его иерархичности; совершенствование качества региональной и муниципальной власти; внедрение принципов электронного правительства; оптимизация государственного сектора; формирование интегральных структур экономического развития для комплексного освоения отдельных территорий.

Современная структура управления республикой чрезмерно иерархична. Это приводит к высоким бюрократическим издержкам при прохождении сигналов от верхних уровней управления вниз, отчуждению отдаленных сел и поселков от власти, их дискриминации в разверстке финансовых ресурсов, социальных услуг и др. Выход видится в укреплении горизонтальных, сетевых, связей и взаимодействий между структурами власти, общества, бизнеса.

Крупный структурный сдвиг в прогнозный период развития Якутии будет состоять в сглаживании иерархической вертикали «республиканские власти — власти улусов — власти наслегов — отдельное домохозяйство» и постепенном переходе к более горизонтальным формам партнерской работы власти и общественности, власти и отдельного домохозяйства. Техническая возможность работы региональной власти непосредственно с каждым наслегом будет обеспечена после формирования узлов широкополосной связи практически в каждом населенном пункте Якутии.

Выполаживание ранее сложившихся многоуровневых иерархий в управлении и руководстве республиканской экономикой будет происходить не только за счет более прямых и адресных форм работы непосредственно с получателем государственной помощи и поддержки, но и за счет формирования самоорганизующихся ассоциаций кооператоров, старателей, фермеров, общин коренных жителей, национальных корпораций, малых предпринимателей, способных к прямому диалогу с властью.

Сетевые принципы экономической координации в прогнозный период утверждаются в Якутии в результате формирования новых многочисленных координационных и совещательных советов при Президенте и Правительстве Якутии из представителей власти, бизнеса, общественности. Очень важно, чтобы в члены советов назначались представители не по должности, а по обладанию ценным экспертным знанием.

Еще один способ повышения роли сетевой координации — это формирование городской полицентричности в Республике Саха (Якутия). Ввиду незначительно отрыва столицы Якутска от следующих за ним по рангу городов вполне реально крепить равноправное взаимодействие семейства крупных городских центров республики с одновременной специализацией каждого из них на своей функции (функциях).

Значительные перспективы для приближения власти к гражданам, выполаживания отношений между властью и бизнесом, властью и обществом заключены в формировании электронного правительства, которое обеспечит доступность для граждан информации о деятельности органов исполнительной власти, возможность взаимодействовать с ней в интерактивном режиме, повысит качество и оперативность оказания государственных услуг, в конечном итоге — обеспечит возможность непосредственного участия граждан, организаций и институтов гражданского общества в процедурах формирования и экспертизы государственных решений.

Курс на сетевую, горизонтальную координацию не означает полного отказа от централизации, от иерархической координации. В сжатые во времени форс-мажорные периоды, в моменты аварийных ситуаций, когда требуется почти военная четкость исполнения команд, и от этого зависят жизни и благополучие людей, административная вертикаль будет эффективно применяться. Вопрос состоит в том, чтобы эта сфера не расширялась беспредельно, чтобы не происходило обюрокрачивание тех решений, которые могут быть выработаны и приняты в результате партнерского горизонтального взаимодействия.

Еще одно направление усиления горизонтальной координации состоит в передаче значительной части государственных полномочий, которые можно исполнять на местах, органам местного самоуправления улусов и наслегов. Целесообразно сформировать стимулы для местной власти в интересах локального развития: чтобы уровень заработной платы муниципальных служащих гибко зависел от успешности местных предприятий муниципальной и государственной собственности, от решения проблемы замещения ввоза продовольствия и энергоносителей местным их производством. Местные власти, особенно отдаленных улусов и наслегов, способны быть генераторами локального развития, при отсутствии сильных рынков они могут взять на себя функции предпринимателей. Одолеть трение вязких якутских пространств, не включив живой интерес людей, принимающих решения на самом низовом уровне, невозможно.

Система региональной и муниципальной власти должна стать более профессиональной, восприняв лучшее из традиций менеджмента корпорации «Алроса», других крупных корпоративных структур республики и традиций взаимопомощи якутских домохозяйств. Целесообразно восстановить институт кадрового резерва для государственной и муниципальной службы, существовавший в советское время. Регулярная (раз в год, раз в два года) переподготовка и повышение квалификации государственных и муниципальных служащих должны стать правилом. Университеты республики должны принимать в ней активное участие. Набор на государственные и муниципальные должности в Якутии должен проходить на основе конкурса или по контракту на определенный срок.

В республике остается немало активов в оперативном управлении региональной власти, предприятий с государственной долей и формой собст-

венности. Поэтому вопрос умелой передислокации активов из государственного сектора в рыночный, формирования смешанных государственно-рыночных форм распоряжения активами выдвигается в прогнозный период как очень важный.

Но здесь не может быть единообразного подхода. С одной стороны, множество малых и средних государственных унитарных предприятий (более 400 в 2004 г.) в состоянии стать рыночным малым бизнесом. С другой стороны, крупные стратегические предприятия для Якутии целесообразно передавать рыночным структурам не полностью, а долями акционерного пакета, в течение некоторого времени сохраняя государственный контроль. Сделки с недвижимым имуществом в государственной собственности Республики Саха (Якутия), находящимся за ее пределами, должны осуществляться с учетом рыночных цен.

Передислокация активов из государственной собственности в рыночную, помимо общих соображений, должна учитывать конкретные, сложившиеся в данном улусе, наслеге конфигурации прав собственности. Например, в некоторых районах ощущается явный переизбыток государственной собственности, и там целесообразна приватизация. Наоборот, в других районах нет концентрации госсобственности, и каждый ее объект несет значительную гуманитарную функцию. И потому должен быть сохранен как государственный.

Отдельная проблема связана с оборотом земель. Ее радикальное решение состоит в новой системе землепользования, переход на которую назрел и может раскрепостить энергию традиционных пользователей — коренных малочисленных народов Севера, сельских жителей — якутских домохозяйств и русских старожилов. Более частное, техническое решение заключается в наведении порядка с межеванием и организацией государственного кадастрового учета земельных участков.

В советское время территориально-производственный комплекс (ТПК) создавался для районов нового интенсивного освоения как интегральная структура управления территориальным развитием. Для Южной Якутии (Нерюнгринский, Алданский, Олекминский районы) предусматривалось создание Южно-Якутского ТПК[123]. Идеи ТПК были переоткрыты в 1990-е гг., когда в результате Указа Президента Республики Саха (Якутия) от 26 мая 1999 г. № 768 «О республиканском агентстве развития Южно-Якутского региона» было создано республиканское агентство развития — орган управления по типу Дирекции ТПК. По причинам отсутствия стратегических инвесторов, республиканское агентство тогда не смогло быть эффективным координатором пространственного развития Южной Якутии.

[123] Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 апреля 1975 года № 352 «О строительстве Южно-Якутского угольного комплекса», Совета Министров СССР от 10 марта 1978 года № 184 «О мерах по обеспечению строительства и ввода в действие первоочередных объектов Южно-Якутского угольного комплекса», от 4 августа 1981 года № 751 «О мерах по дальнейшему развитию Южно-Якутского ТПК».

В начале XXI в. к идеям ТПК можно вернуться с бóльшими надеждами на их реализацию уже в изменившихся условиях. Состав базовых отраслей Южно-Якутского комплекса, при приходе стратегических инвесторов на ключевые проекты, может состоять из сложившихся отраслей — угледобыча, золотодобыча, добыча слюды, энергетика, ювелирное производство, пищевая промышленность, сельское хозяйство, а в перспективе горно-металлургическое производство — железные руды, гидроэнергетика с экспортной направленностью. На основе использования этих природных богатств образуется комплекс базовых производств, сектор бизнес-услуг, новые вахтовые рабочие поселки.

Более развитая, чем в остальной республике, транспортная сеть, состоящая из железной дороги, автодороги, воздушного сообщения, научных и образовательных учреждений, формирует целостность всего комплекса. Южно-Якутский комплекс может стать к концу прогнозного периода новой металлургической базой для России с производством до 20 млн т стали и чугуна в год. Этому способствует уникальная территориальная близость стратегически значимых по объемам и высококачественных по своим характеристикам угольных и железорудных месторождений. Здесь же возможно строительство Селигдарского апатитового комбината на базе одного из крупнейших в России месторождений фосфорного сырья.

Высокая инвестиционная емкость новых проектов развития Якутии в прогнозный период объясняет безальтернативность прихода сюда крупных структур федерального и международного уровня. Эта тенденция обозначилась уже в первые годы XXI в., когда в республику пришли федеральные холдинги ОАО «Сургутнефтегаз», «Евразхолдинг», ОАО «Российские железные дороги», «Стальная группа Мечел», МТС, ОАО «Норильский никель», ЗАО «Полюс», Газпромбанк и Внешторгбанк. Отношения местной власти с крупным бизнесом весь прогнозный период будут направлены на защиту интересов жителей Якутии — через инструменты регионального корпоративного права, конкретные экологические, этнические, социальные и финансовые институты, позволяющие республике получить справедливую долю природной ренты.

11.4. Новая организация пространства региональной северной периферии как гарантия ее целостности, мобильности домохозяйств и саморазвития местных сообществ

Обширность пространств Республики Саха (Якутия), значительная зональная и пóясная дифференциация, глубина межмуниципальных контрастов естественно вызывают потребность в каждом вопросе экономической политики, в каждой акции региональной власти проводить районирование, зонирование, классификацию, типологию исходного информационного массива. Потери рес-

публики от пространственного трения, оцененные через ежегодные расходы на сезонный завоз грузов, субсидии к внутрирегиональным пассажирским перевозкам, на поддержание социальных видов транспорта, доходят до трети валового регионального продукта[124]. Резервы оптимальной организации пространства Якутии состоят не только в формировании опорной транспортной сети, но и в поиске новых, более экономных, форм его организации.

Задача состоит в том, чтобы создать новый пространственный каркас республики, который делает якутское пространство более доступным и дружественным людям, обеспечивает их бóльшую мобильность и бóльшую доступность для них бюджетных и коммерческих социальных услуг. Для выбора здесь верного пути нужно отказаться от иллюзии найти одно решение, одну сетку районирования для всех ситуаций, признать необходимость множества сеток функциональных районов, множества решений под разные задачи пространственной организации республики. Управление социально-экономическими процессами республики невозможно в формате только одной сетки районирования. Каждая социальная услуга требует формирования своей системы сервисных зон, не обязательно совпадающих друг с другом. Сеть школьных районов, судебных округов, округов доставки услуг санитарной авиации представляют разным образом сформированные пространства республики. Сегодня единая проблема завоза грузов в районы и поселения, не имеющие постоянной наземной дорожной сети, в этом случае дробится на отдельные проблемы обеспечения продовольственной и энергетической безопасности поселений Якутии, каждая из которых требует формирования своей системы опорных баз и обслуживаемых зон, ввиду того, что организация локальных рынков продовольствия и нефтепродуктов абсолютно различна.

Сложность задачи поиска оптимальной организации пространства республики делает оправданным поощрение экспериментов — с проведением нарезки районов на «тестовый» период времени, с отработкой отдельных элементов новой пространственной организации первоначально в пилотных муниципальных образованиях. Невозможно надеяться на эффект *только* от новой нарезки функциональных зон. Как показывает эксперимент республики с формированием округов, само по себе новое территориальное разделение пространства не в состоянии улучшить доступность услуг для населения. Лишь одновременно осуществляемый пакет мер пространственного переустройства, прогресса в телекоммуникационных технологиях, проникающих в каждое отдаленное село, изменения стиля управления региональной власти с административного на сетевое, партнерское, способны вызвать позитивный эффект.

Для успешной работы в области новой пространственной организации Якутии очень важно признать необходимость отказаться от административ-

[124] Схема развития и размещения производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 года. М.: СОПС, 2006.

ной иерархии улус — наслег и в большей степени переходить на принципы партнерской системы «опорный центр — соответствующая им зона обслуживания». При этом опорный центр может не совпадать с центром улуса. Вместо районирования совокупностей улусов целесообразно проводить районирование выделенных сервисных зон со сходной схемой доставки услуг. Новое пространство Якутии должно служить целям не удобства административного управления, но целям максимально полного саморазвития местных сообществ, упрощать им доступ к гарантированным Конституцией Российской Федерации услугам.

Демократизировать организацию пространства Якутии невозможно без перехода на полицентричную структуру сети городского расселения. Это означает, что основные города республики Якутск, Мирный, Нерюнгри, Ленск, Алдан, ряд других городских поселений сформируют тесно взаимодействующую друг с другом сеть, способную гибко перераспределять функции друг от друга, быть одновременно специализированными на выполнении некоторых общереспубликанских функций и тесно интегрированными друг с другом.

Пример центро-периферийной и полицентричной схемы доставки социальных услуг

Оптимизация доставки услуг скорой и неотложной медицинской помощи предполагает функциональное зонирование всей территории республики (с учетом существующей транспортной схемы и конкретных локальных особенностей кадрового и материально-технического обеспечения) на районы обслуживания санитарной авиации и республиканского клинико-консультативного и организационно-методического центра здравоохранения. В каждой зоне в населенных пунктах базирования филиалов санитарной авиации, будет создана сеть межулусных специализированных центров, способных как оказывать мобильную неотложную помощь, так и внедрять современные высокоэффективные стационарные методы, технологии диагностики и лечения заболеваний.

Для Вилюйской группы улусов полицентричная схема доставки медицинских услуг может выглядеть следующим образом: Нюрбинская центральная районная больница — оказание плановой хирургической помощи; Верхневилюйская — стоматологическая и офтальмологическая помощь; Вилюйская — психиатрическая и педиатрическая помощь; Сунтарский улус — реабилитационное направление. Предполагается, что создание таких центров приблизит высокотехнологичные медицинские услуги к населению. В особо сложных случаях заболеваний пациенты даже из самых дальних сел получат возможность обращаться в Национальный центр медицины в Якутске. Сельские врачи смогут получать консультации от своих коллег межулусных и национального центра в результате развития услуг телемедицины[125].

В прогнозный период вся территория республики политико-экономически стратифицируется на три зоны:

[125] Схема развития и размещения производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 года. М.: СОПС, 2006.

1) зона активности крупных федеральных корпораций; как например, Южной Якутии, где произойдет сопряжение деятельности нескольких крупных федеральных ресурсных холдингов;
2) зона активности местных корпоративных структур, неизбежно диверсифицирующих свою деятельность; они же выполняют и многочисленные социальные функции;
3) зона без корпоративного присутствия, где региональной власти целесообразно создавать локальные корпорации экономического развития.

Перспективным вариантом пространственной организации Республики Саха (Якутия) в соответствии с тенденциями инновационного развития является формирование четырех региональных комплексов (кластеров[126]) — промышленно развитый Южно-Якутский с центром в г. Нерюнгри в составе двух административно-территориальных единиц; Западно-Якутский с центром в г. Мирный; Центрально-Якутский с центром в г. Якутск и Северо-Восточный (в составе трех административно-территориальных единиц с центром в пос. Хандыга), в этом комплексе определяющая роль принадлежит развитию межрайонной инфраструктуры[127].

Любой крупный проект в Якутии требует значительного инфраструктурного обустройства, которое всегда подразумевает государственное участие в виде федерально-регионального софинансирования, то есть реального партнерства с корпоративными структурами. Поэтому принципиальная особенность новых кластеров, которые будут в Якутии создаваться, против советских ТПК состоит именно в том, что организационная форма локализованных сопряжений будет совсем другая. Это будет не только государственный кулак, это будет не только корпоративный кулак, это будет альянс государства — его усилий, его средств, финансов — и частного корпоративного сектора.

11.5. Повышение эффективности работы финансовой системы северной периферии

Реализация стратегических приоритетов развития Республики Саха (Якутия) предполагает модернизацию региональной финансовой системы, которая должна более эффективно, чем сегодня, работать на осуществление прогрессивных структурных сдвигов в региональной экономике.

---

[126] Под кластерами обычно понимается сеть независимых предприятий, университетов, научных учреждений, служб, организующих взаимодействие науки и производства, поддерживающих организаций (брокеров, консалтинговых фирм и др.) и потребителей, связанных в единую производственную цепочку, производящую добавленную стоимость.

[127] Материалы Схемы развития и размещения производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 года. М.: СОПС, 2006.

Финансовые системы северной периферии имеют яркие черты отличий от остальных. В случае Республики Якутия они проявляются даже более ярко, чем в некоторых других регионах Севера России. Очень сильно развиты здесь механизмы внешнего и внутреннего трансфертного перераспределения. Бюджет республики почти на треть состоит из федеральных трансфертов — на северный завоз, на компенсацию высокого уровня энерготарифов, на платежи, которые предусмотрены федеральным законодательством, на федеральные целевые программы. Значительная дифференциация уровней социально-экономического развития улусов и городов требует огромных масштабов перераспределения бюджетных средств между муниципальными образованиями. Поэтому постоянно идет совершенствование методики распределения финансовой помощи из Фонда финансовой поддержки муниципальных образований, формируемого в составе бюджета республики для выравнивания уровня минимальной бюджетной обеспеченности муниципалитетов.

Высокая сезонность местной экономики отражается в значительных кассовых разрывах, возникающих при исполнении бюджета Республики Саха (Якутия) в течение финансового года, вынуждает иметь значительные резервы финансовых ресурсов для поддержки завоза, сельского хозяйства, единовременных выплат летних отпускных работникам бюджетной сферы. Более половины бюджетных расходов республики составляет содержание жилищно-коммунального хозяйства и финансирование социально-культурных мероприятий.

Во многих северных регионах мира и России создаются сгенерированные ресурсными доходами целевые фонды будущих поколений, наследия и др. В Республике Саха (Якутия) существуют внебюджетные фонды будущих поколений, «Баргарыы», «Дети Саха — Азия», которые в 1990-е гг. финансировали ряд гуманитарных проектов.

Другие черты северных финансовых систем, присутствующие и в финансовой системе Якутии, состоят в необходимости формировать накопительные институты для приобретения жилья северянами, выезжающими в центральные районы страны, адаптировать кредитную систему под потребности базовых производств (например, в виде фонда кредитования гранильных предприятий, ювелирных заводов, покупающих сырье у алмазо-золотодобывающих фирм).

Одновременно с общими, типичными, чертами финансовая система республики имеет ряд специфических, только ей присущих сильных и слабых сторон, учет которых необходим при выработке направлений ее модернизации. В республике значительно более активно, чем в целом на Севере России, развивается рынок страховых услуг. В отличие от банковской, страховая деятельность обладает особой способностью аккумулировать мелкие финансовые потоки, что очень важно в условиях якутской мелкоселенности. В Якутии создан Страховой пул из пяти ведущих региональных страховых компаний, который

ведет страховую и инвестиционную деятельность, укрепляет позиции местных страховых фирм в условиях доминирования на рынке московских фирм.

Объективная потребность в страховых услугах по причинам частых природных катастроф, необходимости страхования сезонно завозимых грузов, особенно по непредсказуемой трассе Северного морского пути, страхования аграрной деятельности в условиях резких изменений природных условий в итоге привела к лидерству Якутии в этом виде финансовых услуг на Севере, достойным позициям в целом по России. В прогнозный период накопленные на территории республики страховые резервы все в большей степени смогут участвовать в региональной инвестиционной деятельности.

Другая сильная сторона региональной финансовой системы — активное развитие кредитных кооперативов. Их деятельность признана на российском и международном уровнях. Кредитные кооперативы всегда наиболее активно развиваются в регионах, где есть значительное число бедных, но способных к коллективным действиям, категорий граждан (работников бюджетных учреждений, конверсионных военных предприятий, крупных машиностроительных заводов и др.), высок запас социального капитала в местном сообществе людей (базируется на фундаменте этнического, профессионального или территориального сплочения).

Здесь создана Первая ассоциация кредитных обществ Республики Саха (Якутия), в которую входят более десяти кредитных кооперативов, каждый из них работает со своей категорией — пенсионерами, студентами, учителями. Действуют общества взаимного кредитования/кредитные союзы, которые максимально учитывают специфику малого бизнеса. Потенциал кредитных кооперативов будет укрепляться, а его роль в региональной экономике — возрастать.

Республика одной из первых на Севере создала негосударственные пенсионные фонды. Первоначально они создавались внутри корпорации «Алроса» (негосударственные пенсионные фонды «Алмазная осень», «Стерх», «Эрэл»). Однако в последующем сеть негосударственных пенсионных фондов переросла рамки «Алроса», вошла и в другие отрасли экономики. В последние годы развивается негосударственное пенсионное обеспечение сельских жителей. В будущем эти структуры, помимо современной социальной функции, смогут выполнять и инвестиционные задачи.

В отличие от некоторых других северных регионов, Якутии не удалось создать региональный структурообразующий банк — лидер местного банковского сообщества. Более 70 % всех привлеченных средств принадлежит якутскому отделению Северо-Восточного банка Сбербанка РФ, роль республиканских банков на рынке кредитования, в сфере работы с населением незначительная. Коммерческий банк «Алмазэргиэнбанк» определен уполномоченным («опорным») банком Правительства Республики Саха (Якутия) и администрации города Якутска. Однако его способность мобилизовать финансовые ресур-

сы для социально-экономического развития республики весьма ограничена. Поэтому создан Координационный совет банков республики для активизации участия коммерческих банков в инвестиционном кредитовании экономики. Предполагается формировать пулы из региональных и внешних банков для предоставления синдицированных кредитов, которые позволят, с одной стороны, аккумулировать ресурсы нескольких банков, с другой, диверсифицировать принимаемые ими риски. Республике необходимо открыть свое отделение Федеральной комиссии по ценным бумагам (сегодня находится в Иркутске, куда нужно ехать, чтобы получить разрешение на эмиссию акций) и наладить местное обучение работе на фондовом рынке, работе с ценными бумагами.

Крупная задача финансовой политики республики состоит в умелой адаптации финансовой системы к меняющейся структуре ее экономики. Речь идет о постепенном уменьшении бюджетной роли алмазо-бриллиантового комплекса, возникновении наряду с несколькими крупными еще десятков средних, но мощных по налоговому потенциалу предприятий, оптимизации государственного сектора экономики, формировании новых видов финансовых услуг и новой системы венчурных финансов, ориентированной на поддержку инновационной деятельности в республике, и других мероприятиях.

Функции различных государственных учреждений и ведомств в республике зачастую дублируются. Поэтому принята программа оптимизации государственных и муниципальных расходов и реструктуризации сети бюджетных учреждений. Предполагается, что она позволит сократить число административных учреждений с дублирующими функциями и оптимизировать размеры государственного сектора экономики.

Лизинговые услуги развиваются трудно во всех северных регионах по причине высокой стоимости кредита. Между тем потребность в лизинге транспортных средств (речных судов, малой авиации), сельхозоборудования в северной периферии исключительно велика. Необходимо частично компенсировать процентную ставку для получателей лизинга за счет бюджетных ресурсов, хотя бы в стартовый период формирования региональных лизинговых компаний.

Задача формирования венчурных финансов выдвигается перед всеми регионами России. В регионах северной периферии, по причине отставания с развитием сектора новой экономики, она стоит особенно остро. Речь идет о системе внебюджетных, венчурных и страховых фондов по поддержке инновационной деятельности, погашении процентов по банковским кредитам, выдаваемым на реализацию инновационных проектов, применении системы «налоговых каникул» на прибыль, полученную от реализации инновационных проектов, использовании бюджетных средств в качестве «катализатора» для привлечения средств российских и зарубежных частных инвесторов для финансирования опытных работ и развертывания производства наукоемкой продукции и других мерах.

Часть 6

Региональная периферия Севера и таланты

Глава 12

Региональная периферия Севера и местные таланты: силы выталкивания и притяжения

12.1. «Работники знания» в северной периферии

В индустриальную эпоху главные барьеры развития северных периферийных регионов состояли в высоких производственных и транспортных издержках, высокой стоимости жизни, которые резко сужали возможности рентабельной экономической деятельности. Неслучайно, например, в Магаданской области, в Республике Саха-Якутия в советский период освоения Севера основное развитие получали ресурсодобывающие производства, выпускающие легко транспортабельную продукцию — золото, алмазы, оловянный концентрат. Неразвитость объектов производственной инфраструктуры рассматривалась учеными как важнейший ограничитель или главный удорожающий фактор при размещении на ресурсах Севера крупных территориально-производственных узлов и комплексов.

Возникает вопрос, почему эти сюжеты практически не звучат в работах зарубежных исследователей экономических и социальных проблем северных периферийных территорий — штата Аляска, северных территорий и провинций Канады, скандинавского Севера? Разве там намного более климатически комфортный Север? Разве там не действуют северные удорожающие факторы для производства и проживания людей?

Дело в другом. Создание инновационной экономики, экономики, основанной на знаниях, радикально изменяет принципы размещения производительных сил северной периферии, саму трактовку барьеров и стимулов, которые фундаментально отличаются от индустриального времени.

Раньше огромную роль играли барьеры транспортной необустроенности, физической удаленности северной периферии от национальных центров — теперь огромное значение приобретают барьеры информационной изолированности, коммуникационной недоступности, отрезанности от потоков нового знания. Постиндустриальная экономика зарубежной северной периферии пе-

рестроилась таким образом, чтобы быть менее чувствительной, чем прежняя, индустриальная, к факторам северных удорожаний, транспортной недоступности. Например, ввиду создания новых финишных производств в местах добычи природных ресурсов, что позволяет резко уменьшить долю транспортных издержек в стоимости конечной продукции. Например, в результате использовании вахтового метода организации работ барьерная роль транспортных издержек для северного производства и всей жизни на Севере существенно понижается.

Раньше значительную удорожающую роль для северного производства и стоимости жизни играли технологии панельного или кирпичного домостроения. Повсеместное применение строительных модулей, завозимых и собираемых на месте, существенно удешевило строительство в северной периферии.

И так практически в каждом направлении традиционного северного удорожания, непреодолимого для индустриальной модели развития северной периферии, в новой постиндустриальной экономике был найден креативный ответ, как их погасить, уменьшить и сократить негативное влияние на производство и жизнь на Севере.

Но будет недостаточным просто сказать, что новая экономика, как показывает опыт развития зарубежного Севера, совладала со всеми прежними проблемами индустриальной модели освоения Севера. У нее другая сущностная платформа развития, другой основополагающий целевой вектор, чем у северной индустриальной экономики.

Индустриальная экономика на Севере была подчинена интересам крупного промышленного комбината, ресурсодобывающего комплекса. Под него разворачивалось дорожное, производственное строительство, сооружение объектов социальной сферы, формировалась система расселения.

Экономика знания базируется на инновациях, непрерывном творческом процессе создания новых технологий, товаров, услуг. Главным генератором этих «продуктов» выступает творческий человек.

В экономике знания инновации пронизывают все процессы, приобретают всеохватывающий характер. Но они зависят от талантливых, творчески мыслящих людей. И именно поэтому все сферы общественной жизни начинают перестраиваться под них. Как ранее северная периферия разворачивалась под крупное индустриальное производство, так теперь начинается незаметный, но неуклонный разворот экономики северной периферии под потребности талантов.

И от скорости этой перестройки зависит, сохранит ли это место, эта территория привлекательность для творческих работников, захотят ли они жить и работать здесь дальше. Места́, которые быстрее осуществляют модернизацию под вкусы и потребности творческих людей, обретают преимущества над местами, в которых такая перестройка задерживается. Это глобальная тенденция, охватившая весь мир, и северная периферия России, естественно, не может быть от нее в стороне.

Будет недостаточным сказать, что повсеместно в мире, и в северной периферии, происходит возвышение постиндустриальных ценностей. Эти ценности возникают не сами по себе, не вдруг, а именно в контексте возвышения инновационной, творческой экономики, в которой определяющую роль играют талантливые, креативные, люди. Это возвышение ИХ ценностей.

Вся система современной общественной жизни, в том числе и принципы размещения производительных сил, переналаживаются, переупорядочиваются под таланты, творческих работников, под инноваторов, под творцов. Весь мир охватывает это грандиозное переустройство жизни. И северная периферия России тоже вовлекается в этот глобальный процесс. И постепенно, но неуклонно, ценности творческого авангарда — мобильности, разнообразия, толерантности, чистой среды и качества жизни, — становятся ценностями, которые разделяет все сообщество. И это происходит абсолютно естественно, потому что новая экономика знания зависит именно от них, от их вкусов, ценностей, взглядов.

Они ценят мобильность — беспрецедентное развитие получают старые и новые экономичные формы транспортного освоения пространства северной периферии: сезонные пассажирские перевозки по зимникам, струнный пассажирский транспорт, маломоторная авиация и др. Творческие работники ценят комфорт социальной сферы — под эти новые императивы происходит реструктуризация, обогащение и расширение, прежде усеченной ведомственной «социалки» в центрах северной периферии. Творческие люди ценят чистую среду Севера — под их ценности начинается постепенное решение проблем свалок отходов, переход к малоотходным технологиям и др.

В новых технологиях, которые получают развитие в производственной и социальной жизни на Севере, уже укоренены, содержатся ценности талантливых людей. Это ИХ технологии, ИХ вкусы, ИХ ценности.

Что нужно талантам в северной периферии? Что любят и что остро не любят талантливые люди на Севере? Как создать условия, чтобы талантливым людям было интересно оставаться работать в контуре региональной северной периферии, чтобы они связывали свою карьерную пространственную траекторию на протяжении части или всего своего трудового жизненного цикла именно с ней?

Творческие профессионалы, талантливые работники, рассеянные по разным отраслям северной экономики, тем не менее имеют общие стереотипы поведения, общие привязанности и общие неприязни. Интересная работа среди ценимых достоинств находится на первых местах. Она означает бóльшую информационную, знаниевую емкость работы по сравнению с прошлой и потому возможность расширения и углубления прежних сфер компетенций, интеллектуальный рост. Новая работа при этом может сопровождаться даже проигрышем в заработке по сравнению с прежней, но это окупается зажигающими талант возможностями приобщения к новому знанию, к новым творческим вызовам в решаемых производственных задачах.

Неслучайно в индустриальное время *аттракторами талантов* в северную периферию выступали крупные хозяйственные стройки, которые требовали творческого решения постоянно возникающих здесь неординарных задач. Современными аттракторами талантов могут стать районы пионерного освоения и создания новых кластеров, северные многопрофильные университеты, междисциплинарные научно-исследовательские институты, обеспечивающие общение профессионалов разных компетенций. Другими аттракторами может выступать культурное, этническое и ландшафтное разнообразие, легкость включения сообществом новых мигрантов, обширные девственные пространства чистой природной среды.

12.2. Силы выталкивания

Реальностью многих регионов северной периферии России в последние 15 лет стал острый, практически повсеместный, дефицит квалифицированных кадров. В силу массового оттока трудоспособного населения в годы радикальной экономической реформы, он проявился здесь раньше и резче, чем в других регионах страны и севера. И самое главное, что и теперь, спустя годы, негативное сальдо миграции во многих регионах азиатского Севера России сохраняется (на фоне постепенного уменьшения абсолютных значений). Проблему дефицита квалифицированных, творческих и самых мобильных, кадров в северной периферии России нужно рассматривать и решать в контексте баланса действующих здесь на таланты притягивающих и выталкивающих сил.

Среда, атмосфера советских строек века, советской индустриальной северной периферии востребовала таланты, длительное время притягивала их[128]. Возможности карьерного роста, интересной работы, более высокой заработной платы, сносного уровня жизни, длительное время, десятилетия, перебарывали действие негативных факторов удаленности, удорожаний, природной дискомфортности.

---

[128] Эта атмосфера хорошо передана в романе Олега Куваева «Территория», в котором описывается открытие золота на Чукотке: «...Если была бы в мире сила, которая вернула бы всех, связанных с золотом Территории, погибших в маршрутах, сгинувших в „сучьих кутках", затерявшихся на материке, ушедших в благополучный стандарт „жизни как все", — все они повторили бы эти годы. Не во имя денег, так как они знали, что такое деньги во время работы на Территории, даже не во имя долга, так как настоящий долг сидит в сущности человека, а не в словесных формулировках, не ради славы, а ради того непознанного, во имя чего зачинается и проходит индивидуальная жизнь человека. Может быть, суть в том, чтобы при встрече не демонстрировать сильное оживление, не утверждать, что „надо бы как-нибудь созвониться и..." Чтобы можно было просто сказать „помнишь?" и углубиться в сладкую тяжесть воспоминаний, где смешаны реки, холмы, пот, холод, кровь, усталость, мечты и святое чувство нужной работы». М.: Профиздат. 1978. С. 249.

«Плохая» среда постсоветского Севера, северной периферии стала фактором вымывания талантов отсюда. Например, в Республике Саха-Якутия с 1992 года доля занятых, имеющих высшее и среднее профессиональное образование, снизилась на 4–5 %. За 1990–2004 годы население северных и промышленных районов Якутии уменьшилось в несколько раз: Усть-Янского — в 4,6 раза, Нижнеколымского — в 2,6 раза, Оймяконского — в 2,3 раза, Верхнеколымского и Усть-Майского — в 1,9 раза, Булунского, Верхоянского — в 1,8 раза, Аллаиховского — в 1,7 раза[129]. Общие потери населения Чукотского автономного округа были более чем двукратные, Магаданской области — полуторократные.

Среди выталкивающих факторов нужно отметить формирование новых северных субъектов Российской Федерации, распад СССР и создание СНГ — повлияло на пространственные перемещения талантливых кадров из периферии арктических и северных автономий в национальные и даже мировые центры; укрепление национального суверенитета северных республик — повлияло на отток квалифицированного русского населения из северной периферии в центры России; утрата престижности жизни на Севере, что ярко проявилось в эрозии северных гарантий и компенсаций (для талантов важна не сама по себе девальвация северных материальных и социальных льгот, но связанная с ними утрата ощущения своей авангардной для страны миссии, своего статуса лидера). Новое укрупнение субъектов Российской Федерации приводит к миграциям квалифицированных кадров, выросших в последнее десятилетие в северных автономных округах, в краевые и областные центры: из Эвенкии в Красноярск, из Корякии в Петропавловск-Камчатский и др.

Почему те же самые ресурсные производства северной периферии, которые два–три десятилетия назад стали местом притяжения талантов, в последнее десятилетие провоцировали их отток? В период пионерного индустриального освоения с ними были связаны уникальные возможности карьерного роста, интересной работы, более высокого уровня жизни, чем в центрах страны. А на этапе постиндустриальной трансформации те же самые ресурсные комплексы провоцируют бегство творческих кадров из монопрофильных городов, унылых ввиду однообразия социальной и культурной жизни.

Ресурсная специализация северных регионов в индустриальную эпоху была благом для талантов, источником повышенного внимания государства к северной периферии, теперь во многих случаях стала бременем для творческих кадров как причина предельно монополизированной, узкоотраслевой экономики, с многочисленными объективными и субъективными барьерами для развития малого предпринимательства.

---

[129] Материалы Схемы развития и размещения производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха-Якутия до 2020 года. М.: СОПС. 2006.

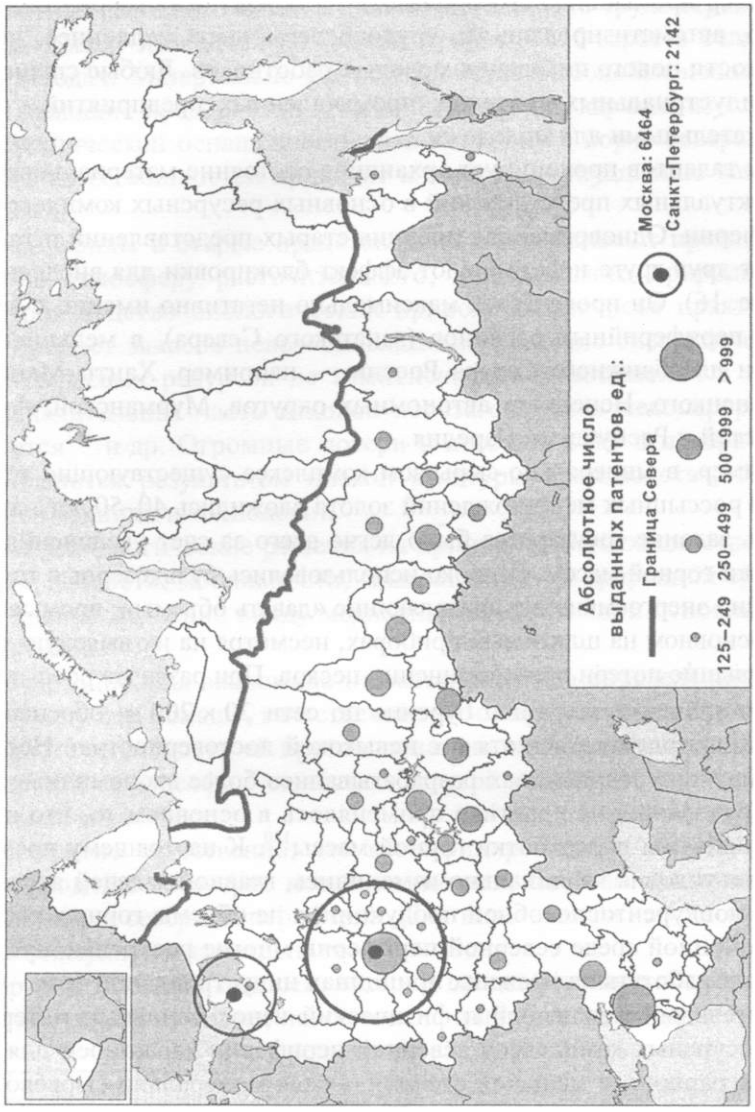


Рис. 16. Низкий уровень патентной активности районов Крайнего Севера

Молодежь северной периферии предъявляет «постиндустриальные» требования к труду рабочего, который, по сути, исходя из профиля и характера деятельности доминирующих промышленных предприятий еще советского времени, остается индустриальным, т. е. малопривлекательным для молодежи. Характер промышленного производства меняется в сторону более технологичного, автоматизированного, трудосберегающего медленнее, чем меняются ценности нового поколения молодых работников. Любые специальности старых индустриальных северных промышленных предприятий становятся непривлекательными для молодежи.

Отток талантов провоцирует архаичное состояние материальных активов и интеллектуальных представлений в основных ресурсных комплексах северной периферии. Одновременная инерция старых представлений и технологий усиливают друг друга и формируют эффект блокировки для внедрения инноваций (рис. 16). Он проявляется максимально негативно именно в экономике северных периферийных регионов (азиатского Севера), в меньшей степени характерен для ближнего Севера России — например, Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого, Ненецкого автономных округов, Мурманской, Архангельской областей и Республики Карелия.

Например, в минерально-сырьевом комплексе существующие технологии отработки россыпных месторождений золота сложились 40–50 лет назад, когда выполнить задание государства было легче всего за счет увеличения объемов переработки горной массы. Широко использовались бульдозерные технологии, чрезвычайно энергоемкие, но позволяющие «давать объемы»; промывка песков велась в основном на шлюзовых приборах, несмотря на их высокую энергоемкость и большие потери при обогащении песков. При разведке россыпей широкое распространение получило бурение по сети 20 × 200 м, обеспечивающее быстрый прирост запасов, хотя и с невысокой достоверностью. Несмотря на то, что в научных коллективах разрабатывались более экономичные технологии и оборудование, на практике применялось в основном то, что позволяло увеличить объемы переработки горной массы[130]. К настоящему времени экономические условия кардинально изменились, главной задачей является производство конкурентоспособной продукции, а не объемы горных работ, однако в инерционной среде северной периферии многие ресурсные предприятия продолжают работать на прежних принципах индустриальной эры.

Значительный моральный и физический износ основных материальных активов ресурсных комплексов северной периферии характерен для лесного, рыбного, аграрного, в меньшей степени — для минерально-сырьевого и топливно-энергетического комплексов. Например, в лесозаготовительных и лесоперерабатывающих предприятиях Республики Саха-Якутия ввиду останов-

[130] Материалы Схемы развития и размещения производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха-Якутия до 2020 года. М.: СОПС. 2006.

ленного на десятилетия обновления основных производственных фондов используются устаревшие машины и оборудование, которые производят неконкурентоспособную на внешних рынках продукцию. Станочный парк алмазогранильной отрасли Якутии морально устарел и не обеспечивает внедрение передовых мировых технологий, а производительность труда огранщика (выработка за 1 мес.) находится на низком уровне: 5–10 карат в сельских гранильных заводах. Материально-техническая база рыбодобывающих и рыбоперерабатывающих предприятий северной периферии характеризуется низким уровнем технической оснащенности, что приводит к порче товара. Недостаток холодильных мощностей приводит к потерям и ухудшению качества рыбопродукции.

Старые фонды и старые представления поддерживают прежнюю индустриальную атмосферу расточительного, хищнического природопользования: воспроизводство биологических природных ресурсов практически не ведется; прирост запасов невозобновляемых топливно-энергетических, минерально-сырьевых ресурсов не компенсирует их погашения в ежегодной добыче; значительная часть отходов лесозаготовки и лесопереработки не используется[131] и др. Огромные потери в лесозаготовке и переработке древесины являются результатом низкой культуры производства, следствием устаревшей техники и технологии.

Новые технологические решения на принципах безотходности, ресурсосбережения, гибкости, мобильности, совместимости с природной средой, внедряются крайне медленно ввиду медленной модернизации основных материальных активов.

Но инновационная экономика не экстенсивна по определению, ее императивы — «глубже, тоньше, качественнее». Все проявления хищничества, ресурсной расточительности ей противопоказаны по определению. Она базируется на другой «философии хозяйства», другой хозяйственной этике, чем индустриальная экономика.

И абсолютно естественно, что квалифицированные, творческие кадры, которые находятся на острие новой экономики, бегут из архаичных ресурсных производств северной периферии. Для них такая работа не является вызовом, не стимулирует креативность.

Разорвать порочный комплекс «старые представления и технологии» можно через новую информацию, новое знание о природных ресурсах и основных

[131] Ежегодные неиспользуемые отходы от работы предприятий лесопромышленного комплекса Республики Саха (Якутия) составляют в среднем 350–420 тыс. м^3 (380–450 тыс. тонн); с 1 м^3 срубленного леса отходы составляют 58–62 %. Из общего объема заготовленного леса 20 % составляют отходы и низкокачественная древесина, которая используется как топливо (дрова), остальная часть практически не находит применения. — Материалы Схемы развития и размещения производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха-Якутия до 2020 года. М.: СОПС. 2006.

рынках ресурсной продукции, новые технологии и новые кадры, которые имеют в голове это новое знание и умеют работать с новыми технологиями.

Но зачем нужна новая информация о ресурсах — ведь за десятилетия индустриального освоения в северной периферии усилиями десятков экспедиций были накоплены детальные сведения о месторождениях, качестве лесных ресурсов, рыбных запасов, которые до сих пор служат неплохим подспорьем для деятельности ресурсных компаний?

Действительно, за советский период освоения Севера была накоплена значительная информация о его ресурсах. Но, во-первых, это было по преимуществу знание о физических объемах, т. е. общем наличном предложении природных ресурсов, но не о той их части, которая реально может быть рентабельно вовлечена в оборот для сбыта на конкретных ресурсных рынках. Изученность же экономически рентабельных для извлечения запасов повсеместно в северной периферии остается низкой[132]. Повсеместно требуется ревизия геологоразведочных материалов, например, переоценка запасов золота в техногенных россыпях.

Нет достаточного знания об особенностях рынков экспортной ресурсной продукции северной периферии. Например, в Республике Саха-Якутия до 1997 года на внешний рынок поставлялась лесопродукция только в виде круглого леса, экспорт пиломатериалов не осуществлялась. Возможность выхода на эти рынки появилась с вводом новых экспортно-ориентированных заводов. Но у большинства предприятий лесопромышленного комплекса республики нет опыта маркетинговой работы на этих рынках.

Во-вторых, даже знание о физических объемах природных ресурсов, ввиду того, что основные региональные геолого-геофизические и геолого-съемочные, лесоустроительные, землеустроительные работы были проведены в северной периферии десятилетия назад, в до-информационную эру, уже в значительной мере устарели. Например, в Республике Саха-Якутия общая площадь лесхозов с просроченной давностью лесоустройства составляет 36 % лесного фонда[133].

В-третьих, дефекты, неполнота современного знания о природных ресурсах с особой остротой проявляются ввиду того, что многие новые природные объекты являются абсолютно другими по генезису, по местам размещения, по технологиям добычи, чем их предшественники, которые после десятилетий отработки уже истощены. Новые объекты расположены в более труднодоступных условиях и, как правило, имеют количественные и качественные показатели хуже, чем ранее открытые месторождения.

---

[132] Как говорят специалисты: много леса, но мало древесины; значительный прогнозный минерально-сырьевой потенциал — при этом нет экономически рентабельных для отработки месторождений.

[133] Материалы Схемы развития и размещения производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха-Якутия до 2020 года. М.: СОПС. 2006.

Например, алмазодобывающая промышленность вступает в новый, более сложный этап развития, связанный с необходимостью перехода на подземные и комбинированные технологии разработки крупнейших месторождений «Айхал», «Мир», «Удачная» и др. Переход к затратной подземной добыче на «старых» трубках потребует от компании «Алроса» значительно сократить занятость в основном производстве, чтобы удержать совокупные производственные издержки в приемлемом коридоре. Для экономии затрат при освоении новых трубок открытой добычи («Нюрбинская» и «Ботуобинская») будут совмещаться стадии геологоразведочного изучения, подготовки месторождения к эксплуатации, научно-исследовательских работ для испытания и освоения новых технологий, с добычей при этом алмазов в промышленных масштабах. Неизбежно возрастет доля альтернативных, не связанных с компанией «Алроса», крупных и малых недропользователей, которые смогут эффективно отрабатывать истощенные трубки, работать на россыпных месторождениях алмазов[134].

Новые месторождения минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов достоверно чаще, чем в индустриальное время, имеют конденсатный, смесóвый, многокомпонентный характер: например, Чаяндинское газонефтеконденсатное месторождение Якутии имеет промышленные запасы гелия в высоких концентрациях в исходной газовой смеси — 0,20–0,60 %.

Требуется ревизия десятилетиями сложившихся представлений о природных ресурсах северной периферии, принципах их добычи и переработки и новая информация о природных ресурсах и особенностях тех рынков, на которых они могут быть востребованы. Почему же этот современный вызов, интересный для талантливых специалистов, для квалифицированных кадров, остается без их ответа? Почему они не готовы приехать для решения этих проблем на Север из других районов страны, как это было в индустриальное время?

Атмосфера северной периферии в силу многочисленных объективных и субъективных, рукотворных, барьеров, пока остается менее дружелюбной, содержит меньше возможностей для талантов, чем центральные города и регионы России. По причинам слабости сил рынка в вязких пространствах северной периферии ее экономика вынужденно имеет огосударствленный характер. Государство в лице региональной и федеральной власти очень часто выступает здесь в роли предпринимателя, катализатора экономического развития. Значительно бóльшая часть трудоспособного населения, чем в среднем по России, занята здесь на государственных и муниципальных предприятиях; зарплата абсолютно доминирует в структуре доходов домохозяйств, роль предпринимательского дохода, дохода от собственности, в отличие от других регионов России, незначительна.

---

[134] Материалы Схемы развития и размещения производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха-Якутия до 2020 года. М.: СОПС. 2006.

Слой малого бизнеса развит в ресурсных комплексах северной периферии незначительно по причинам частой монополизации рынков добычи ресурсов и бюрократических издержек государственного контроля и регулирования малого добычного бизнеса (например, длительные сроки подготовки участков недр для предоставления права пользования малому бизнесу), которые здесь действуют на предпринимателей более разрушительно, чем в других регионах России, например, в Татарстане, где у человека есть больше альтернативных возможностей найти выход своей творческой энергии.

Поэтому многие потенциальные предприниматели, люди с творческой энергией уезжают отсюда для лучшего применения своих сил на более широких рынках центральной России. И возникает новая старая (характерная для самого первого периода освоения ресурсов Севера) схема «вахтового» участия талантов в освоении природных ресурсов северной периферии: экспедициями, из центральных городов России. Заслугой же последнего периода индустриальной эры считалась способность местных квалифицированных кадров, местных талантов проводить работы по изучению, разведке ресурсов северной периферии, обосновывать оптимальные формы их добычи. Теперь ввиду нового поведения талантливых кадров приходится частично от нее отказываться.

В советское время центр периодически создавал в северной периферии критическую концентрацию талантов за счет развертывания здесь масштабных ударных строек века. Их аналогом в современных условиях могла бы стать целенаправленная политика поощрения инновационности северной периферии, поддержка творческой энергии талантов в малом бизнесе, освоенческом венчуре, пилотных формах отработки месторождений природных ресурсов и транспортном освоении пространств. Но для этого национальная инновационная политика должна обрести очень сильную региональную составляющую.

Пока же в России нет реальной федеральной поддержки инноваций снизу, что отчетливо демонстрирует концепция национальной инновационной системы, которая не предполагает необходимости стимулировать создание региональных инновационных систем. Нет политики поддержки инноваций в регионах, есть просто национальная инновационная политика. Но инновации рождаются не в безвоздушном пространстве, а в конкретной региональной среде, которую нужно выращивать, лелеять.

Авторы федеральной инновационной политики считают достаточным для России иметь «сверху» пространственную развертку национальной инновационной системы на ее территорию. При таком подходе «сверху» инновации неизбежно будут глохнуть в северной периферии, где для них требуются отдельные и значительные усилия государства. Федеральная инновационная политика ориентирована на среднероссийский стандарт, из которого северная периферия выпадает больше, чем какой-либо другой субъект Российской Федерации.

Высоким барьером (выталкивающим фактором) для творческих людей в регионах северной периферии являются сильная обособленность, автономность участков регионального пространства, унаследованная от индустриального времени. Но тогда ввиду активной коммуникации по ведомственным контурам талантливые люди имели возможности обширных информационных обменов и подпиток знанием. Теперь же прежние возможности ведомственной коммуникации лишь частично замещены на внутрикорпоративную, и запертость внутри отдельных участков регионального пространства как тормоз для творчества ощущается намного сильнее.

Например, в Республике Саха-Якутия промышленные узлы представляют собой автономные площадки, каждая из которых имеет свои направления и пути завоза грузов. Изолированность частей Якутии подчеркивается даже терминологией — алмазная, угольная провинция, арктические улусы.

Многие поселения не имеют постоянной транспортной связи с административным центром района, административные центры многих районов не имеют надежной круглогодичной наземной транспортной связи с региональной столицей. Характерна не просто транспортная неразвитость, но разобщенность деятельности, слабая интегрированность видов транспорта, что не позволяет создать единую систему взаимодействия для эффективного процесса доставки пассажиров и грузов.

Слабая внутрирегиональная интеграция северной периферии ведет к значительным потерям по причинам автономности и разобщенности хозяйственных и социальных комплексов отдельных районов, к неполному использованию потенциала каждого из них, дублированию усилий, нерациональности перевозок, удорожанию условий жизни населения, резкой неравномерности темпов экономического развития. Например, в Республике Якутия межрайонные различия в ценах на товары доходят по официальной статистике до шести раз. Жители сельских улусов имеют доход в два раза ниже, чем в среднем по Якутии. С другой стороны, жители городов Мирный, Ленск, Нерюнгри и Якутск имеют среднедушевой денежный доход в два–три раза выше, чем в среднем по республике[135]. Сильные межмуниципальные контрасты, обусловленные естественной неравномерностью распределения мест добычи ценных природных активов по территории республики, приводят к значительной нагрузке на республиканские власти в выработке приемлемых форм трансфертного перераспределения бюджетных средств.

Фрагментация пространства региональной периферии Севера (Якутии, Чукотского автономного округа, Таймырского и Эвенкийского муниципальных районов Красноярского края и др.) означает, что внутрирегиональные центро-периферийные эффекты для миграции талантов недостаточно эффек-

[135] *Егоров Е. Г.* Стратегия модернизации экономики Республики Саха. Новосибирск. Наука. 2001; *Егоров Е. Г.* Север России: экономика, политика, наука. Якутск: Сахаполиграфиздат. 2006.

тивны: многие из них предпочитают уезжать из поселений и сел не в региональные, а в российские центры.

Слабое развитие коммуникаций внутри региональной периферии означает низкий уровень информатизации экономических и социальных процессов в северной глубинке, недостаточные темпы внедрения новых информационных технологий, технологий высокоскоростной широкополосной связи и неизбежные проблемы с проникновением нового знания в регионы северной периферии.

Качество социальной сферы многих регионов северной периферии хуже среднего по России и это является фактором, дестимулирующим талантливые кадры здесь жить и работать. Например, доля ветхого и аварийного жилфонда в Якутии превышает 11 % (в России — 3 %). По уровню благоустройства жилищного фонда республика занимает последнее место на Дальнем Востоке.

В центрах региональной периферии Севера (городах Якутске, Магадане, Анадыре, Петропавловске-Камчатском) ситуация значительно улучшилась в последние 15 лет. И это неслучайно: ведь именно они приняли на себя потоки квалифицированных кадров из региональной периферии. Региональные центры просто вынуждены были комфортизировать свою среду, чтобы удержать своих творческих работников, которые иначе могли бы уехать дальше в российские центры.

Качество жизни в понимании современных квалифицированных кадров, творческих работников включает чистую окружающую природную среду северной периферии. Экологическое положение многих регионов северной периферии неблагополучное, что является дискомфортным фактором для талантов. Для регионов северной периферии характерна неблагоприятная эпидемическая ситуация по гепатиту, туберкулезу; недостаточное решение проблем переработки, утилизации отходов производства и потребления; захламление территории строительными отходами, нефтепродуктами, буровыми растворами и минерализованными водами и другие экологические проблемы.

Например, население многих сел Якутии не обеспечено питьевой водой нормативного качества. В худшем положении с водоснабжением находятся сельские поселения, имеющие аласное, приозерное, межозерное, старичное положение и частично поселения в широких долинах р. Лены и Вилюя. Большинство населения этих сел используют ледовую воду, которую запасают на круглый год, либо пользуются дальней привозной водой[136].

Противовесом действия негативных факторов, выталкивающих таланты с северной периферии, могла бы стать работа местной системы среднего и высшего профессионального образования, способная подготовить свои квалифицированные кадры. Однако, как показывает анализ работы структур профес-

[136] Материалы Схемы развития и размещения производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха-Якутия до 2020 года. М.: СОПС. 2006.

сионального образования Магаданской области, Республики Саха-Якутия, Камчатской области, их ответ на вызовы кадрового оскудения северной периферии пока неадекватный.

Система профессионального образования недостаточно динамична, негибка. Не создана система мониторинга и прогнозирования структуры подготовки специалистов, бакалавров и магистров в соответствии с требованиями рынка труда. Не разработаны механизмы реагирования вузовской системы на изменяющиеся требования рынка труда, конкретного работодателя и потребности абитуриентов. Роль системы профессионального образования северной периферии в переподготовке взрослых для смены специальности, образования собственного малого предприятия, повышения квалификации недостаточная. Сеть вузов и филиалов государственных вузов развивается стихийно. Перечень экономических и юридических специальностей в вузах одного региона дублирует друг друга. Уровень межрегионального и международного сотрудничества в высшем образовании северной периферии низкий[137].

12.3. Силы притяжения

Регионы северной периферии имеют немало факторов, способных притягивать и удерживать таланты здесь. Общим достоинством российских и зарубежных регионов северной периферии является быстрое карьерное восхождение здесь талантливых, предприимчивых людей, меньшее трение среды для их продвижения.

Примеры скандинавского Севера ярко демонстрируют, что самые отдаленные северные территории как хранители культурного разнообразия, ценностей терпимого и открытого к мигрантам местного сообщества, чистой окружающей природной среды способны быть привлекательными для квалифицированных кадров не только своих стран, но стран и регионов центральной и южной Европы.

Нет фатальной непригодности северной периферии для жизни и работы талантливых кадров. Весь вопрос в умении создать для них подходящую среду, в которой действие притягивающих факторов перевешивает действие негативных факторов, выталкивающих творческих людей с северной периферии, в которой барьеры для экономического развития превращаются в стимулы креативности, стимулы для разработки инноваций, способные преодолеть действие этих барьеров.

Например, колоссальные пространства Республики Саха-Якутия означают не только значительное пространственное трение при перемещении материальных активов и долгие, доходящие иногда до 400 суток, сроки об-

[137] Материалы Схемы развития и размещения производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха-Якутия до 2020 года. М.: СОПС. 2006.

ращения товаров, но и высокое разнообразие природных и социально-экономических условий хозяйственной деятельности и жизнеобеспечения. Из гигантских пространств Якутии «высекаются» привлекательные черты республики в виде уникально широкого сочетания востребованных на мировых рынках минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов, культурного и этнического разнообразия. Экономика Якутии базируется на мощном культурном пласте, коллективно созданном народом саха, русскими старожилами, эвенами, эвенками, юкагирами, другими коренными малочисленными народами Севера, многовековых традициях хозяйственного освоения и обживания этой территории. Мало где еще на Севере России этническая составляющая так органично вплавлена в современные процессы экономического и социального развития.

Притягательным для местных талантов является развиваемый в Якутии комплекс «производства красоты», консолидирующий внутри регионального контура алмазогранильную, золотоювелирную, камнеобрабатывающую промышленность, переработку сырья пушного и мамонтового промысла, круизный и другие виды туризма, базирующиеся на использовании уникальных живописных достоинств ландшафтов Якутии. Во многих регионах России присутствуют отдельные компоненты этого комплекса, но все его элементы есть только в Якутии. Его колоссальное экономическое значение для республики определяется тем, что конечная продукция всех составляющих (производство бриллиантов, ювелирных изделий, камнецветных сувениров, объем продаж круизных туров для въездного туризма и др.) в стоимостном выражении превосходит треть республиканского бюджета. Предпосылками развития комплекса выступают богатые художественные традиции якутского народа; крупная сырьевая база алмазов, золота, серебра, изумрудов, полудрагоценных ювелирных камней и приуроченная к ним местная обрабатывающая промышленность; активно развивающийся в последние годы въездной туризм, эксплуатирующий созданное тремя широтными зонами и несколькими высотными поясами богатое разнообразие ландшафтов республики.

Комплекс производит высоколиквидные ценности, способные преодолеть издержки значительных расстояний Якутии, трансформирует культуру (посредством промышленного дизайна, воплощающего черты художественного знания в ювелирном, гранильном, сувенирном производстве) из расходной в доходную составляющую якутской экономики. Мировое признание комплекса связано с созданием узнаваемых фирменных стилей, торговой марки (бренда) якутских производителей, внедрением и популяризацией неповторимого якутского стиля изделий, активным продвижением на международных рынках уникальной, но малоизвестной ювелирной и сувенирной продукции из чароита и хромдиопсида.

Таланты нуждаются в дружественной, поддерживающей социальной среде. И регионы северной периферии способны ее создавать. В условиях об-

ширных пространств без разветвленной наземной сети дорог, экстремальных климатических условий исключительное значение приобретают гладкие, бесконфликтные координационные механизмы для обеспечения устойчивой работы экономики.

И они здесь есть. Коренные жители северной периферии и русские старожилы обладают значительным социальным капиталом, спонтанной, без государственного принуждения, социализированностью, способностью к взаимовыручке и коллективным действиям. В северной периферии России активнее, чем в других регионах, развиваются институты меценатства, кооперативного движения в разнообразных формах и направлениях, трансфертного внутреннего перераспределения от экономически сильных структур к слабым, добровольчества в строительных работах и в социальных инициативах.

Помимо вызовов добычи ресурсов из новых, сложных по генезису, месторождений северная периферия бросает талантливым людям и другие вызовы, которые во все эпохи стимулировали их к творчеству. Например, это вызов холодовой дискомфортности. Экономика северной периферии развивается в условиях постоянного вызова природной экстремальности и вынужденно оттачивает свой ответ на него.

Например, в Якутии свыше 40 % территории находится за полярным кругом, в поселке Оймякон находится полюс холода Северного полушария. Республика традиционно была центром нововведений для советского Севера во всех вопросах адаптации хозяйственного и социального уклада к условиям вечной мерзлоты и предельной климатической суровости. Ее ученые были мировыми лидерами в знании о закономерностях динамики криолитозоны. Здесь впервые зарождались уникальные методы строительства промышленных сооружений в экстремальных северных условиях. Именно из Якутии в 1980-е годы была инициирована государственная программа «Техника для Севера». Республике принадлежит лидерство в обнаружении и разработке месторождений в экстремальных условиях, в прокладке наземных и подводных сетей — транспортных и коммунальных коммуникаций. Современный ответ на этот вызов означает необходимость формировать партнерства творческих людей из представителей якутского бизнес-сообщества, университетской и академической среды, внутри венчурного малого бизнеса, для разработки и тиражирования новых, холодоустойчивых, технологий и материалов.

Другой вызов северной периферии — остро выраженная летнезимняя сезонность, которая задает внутригодовой ритм функционирования всей региональной экономики. Например, в Якутии сезонный завоз товаров по малым и быстро мелеющим рекам в течение одной–двух недель летней навигации, морской завоз по Северному морскому пути в течение летних месяцев, летний завоз по рекам Лена, Алдан, Индигирка требует отвлечения значительного объема денежных средств. Сезонность проявляется в работе многих ключевых производственных объектов республики, в резкой неравномерности

зимнего и летнего газо-, теплоэнергопотребления. По причине широкой развитости зимних врéменных дорог по замерзшим руслам рек резко различается зимняя и летняя связность элементов экономического пространства Якутии. По причине массовых отпусков в летний период работников бюджетных учреждений необходимо проводить значительные аккордные выплаты из республиканского и муниципальных бюджетов (именно в тот период, когда осуществляются затратные мероприятия по завозу грузов и сельхозработы).

Сезонность и климатическая экстремальность вынуждают использовать механизмы резервирования и страхования для устойчивой работы экономики республики. Системы резервирования включают сеть накопления грузов и товарных ценностей — складское хозяйство нефтебаз, продовольственных грузов, угля в пунктах перевалки, дополнительные источники энергоснабжения, иногда адаптированные к разным энергоносителям (т. е. способные обеспечить гибкий переход с дизельного топлива на природный газ), системы передачи информации, которые одновременно могут работать по кабельным, волоконно-оптическим, спутниковым и радиорелейным линиям (способны осуществить страховой маневр).

По причинам зависимости экономики от сезонного ритма и частых природных форс-мажоров в северной периферии востребованы услуги логистики и страхования. Неудивительно, что в советское время именно в Якутии были выполнены фундаментальные работы по материально-техническому снабжению районов Севера. Для творческих людей, для инициативных предпринимателей ответ на вызов летнезимней сезонности экономики может состоять в развитии новых форм страхового бизнеса, сезонного кредитования и др.

Однако пока интегральный баланс факторов притяжения и выталкивания в северной периферии складывается неблагоприятно для талантов. Инновационные процессы развиваются здесь слабо и тормозятся средой. Территории северной периферии занимают места в последней десятке российских регионов по уровню патентной активности. По многим атрибутам нового уклада северная периферия отстает от других регионов России. (Хотя даже короткие по времени усилия по информатизации, например, в Эвенкии, сразу же вывели территорию на передовые позиции в стране.)

Главная причина отставания — агенты экономики и политические руководители северной периферии не имеют достаточных стимулов к инновационной модернизации, не создают комфортную среду для деятельности предприимчивых, талантливых работников. Очень высоки и многочисленны барьеры для творческой деятельности.

Архаичны многие экономические институты: новые виды экономической деятельности не имеют адекватного нормативного правового обеспечения (например, производство пеллет, ДСП-плиты, безопасность туристов и др.), действующие нормы и правила природопользования, многие их которых уцелели еще с советского времени, не соответствуют реальным современным ус-

ловиям (например, до сих пор не разработаны СНИПы по зимникам) российские же нормы и правила неадекватны специфическим условиям северной периферии.

Самый яркий пример сохраняющейся консервативной инертности экономики северной периферии — это состояние местного жилищно-коммунального хозяйства. Инновационная экономика не пренебрегает местными ресурсами, ищет прежде всего у себя, лишь потом у соседа, ответа на свои проблемы. Между тем многие районы северной периферии продолжают зависеть от дорогостоящего завоза котельного, печного и моторного топлива, стройматериалов, имея у себя местные источники тепла и энергии, материалов для жилого и производственного строительства.

Медленно переходит на новые технологии коммунальная сфера северной периферии: значительная часть поселковых котельных архаичны и неэффективны, характеристики теплозащиты жилых зданий низкие, обеспеченность населения и бюджетных учреждений приборами учета потребления тепловой энергии недостаточная. Для местной теплоэлектроэнергетики характерны высокая стоимость энергоресурсов, устаревшие ресурсоемкие технологии получения тепла и электроэнергии, высокие потери тепла в сетях, дефицит собственных энергогенерирующих мощностей.

Глава 13

Северная региональная периферия: разворот под таланты

Задача увеличения инновационности развития северной региональной периферии абстрактна. Модернизация основных секторов северной экономики, социальной сферы под ценности талантов как главной производительной силы наступающей эпохи более конкретна.

Новая экономика имеет творческий характер и зависит от творчески мыслящих людей, число которых всегда ограничено. Что сделать, чтобы таланты выращивались, задерживались и приезжали в северную периферию? Чтобы сформировать на Севере новую среду, дружественную для талантов, нужно радикально расширить, переоткрыть под таланты многие прежние концепции и понятия индустриального времени.

13.1. Ценности талантов — ценности неосязаемых активов

В индустриальное время основные факторы развития северных регионов связывались с осязаемыми активами — производственными фондами, инфраструктурой, трудовыми и природными ресурсами[138]. В постиндустриальную эпоху трактовка региональных активов существенно расширяется и включает неосязаемые активы знания, качества жизни, местного сообщества, институциональной «толщины», социального капитала, лидерства и предприимчивости. Значение этих активов повышается прежде всего потому, что именно они соответствуют ценностям талантов (творческих, квалифицированных кадров) — главной производительной силы наступающей эпохи.

---

[138] Подробный разбор свойств осязаемых активов проведен в работе: *Пилясов А. Н.* От потенциала к активам: переинтерпретация старых понятий экономической географии // Города и городские агломерации в региональном развитии. М.: ИГРАН. 2003. С. 20–59.

Например, социальный капитал. Риск — неотъемлемая черта творческой, инновационной экономики, потому что любое новшество первоначально приводит к неопределенности. Но чем выше уровни неопределенности, тем больше ценность тесных социальных связей (социального капитала).

Или предпринимательство, которое в индустриальное эпоху рассматривалось как малоэффективная альтернатива крупному конвейерному производству, пригодное для удовлетворение спроса населения на бытовые услуги, сельхозпродукцию, для добычи малых объемов природных ресурсов, не принципиальных для потребностей страны. В новую эру предпринимательство, как и любая другая разновидность творчества (художественное, инженерное, научное), возвышается в значении и постепенно становится более престижным. С малым предпринимательством все больше связывается не только продажа цветов на колхозном рынке, но венчурный, высоко рисковый и инновационный бизнес, прорывные технологические проработки.

В индустриальное время стояла задача обеспечить завоз источников печного, котельного, энергетического топлива в северные периферийные поселки, чтобы обеспечить устойчивость работы местного производства и социальной сферы. Это была рутинная проблема местной коммунальной энергетики и теплоснабжения.

В новую эпоху приоритет смещается на обеспечение *тепловой и энергетической безопасности местных сообществ*. Это становится крупной по местным меркам проблемой качества жизни. А ее решение — в разрез с прошлой практикой — часто теперь связывается с использованием местных источников тепла и энергии, на базе которых здесь возникают новые объекты малой энергетики. Например, дизельные электростанции заменяются на модульные, которые могут работать на местном угле, способны одновременно вырабатывать электроэнергию и тепло.

Чем малая энергетика на местных источниках соответствует ценностям талантов? Всеми основными своими чертами — мобильностью, экологичностью, гибкостью. Малые электростанции сохраняют природные ландшафты. Автономные блочные модульные схемы теплоэнергообеспечения обладают большей гибкостью, чем жесткие локальные централизованные схемы. Поэтому не только в малых удаленных поселениях северной периферии, но даже в крупных городах, например, Якутии считается целесообразным переходить от централизованного теплоснабжения к местному отоплению, автономным системам теплоэнергоснабжения. В экстремальных условиях потери тепла в разветвленных коммуникациях зачастую превышают экономию, получаемую при укрупнении производства. При отключении отдельных потребителей тепла от централизованного источника и переключении на автономный достигается экономический эффект за счет снижения капитальных расходов при сокращении длины тепловых сетей, уменьшения эксплуатационных расходов, уменьшения тепловых потерь и сокращения расхода топлива.

В результате квартальные котельные могут давать более дешевое тепло, чем центральная ТЭЦ[139].

Любопытно отметить, что если раньше, в индустриальную эру, было «модно» связывать повышение эффективности теплоэнергоснабжения с всемерной централизацией — т. е. в ходу были предложения закольцевать линиями электропередач *просто все* поселения северной региональной периферии, даже самые удаленные, в которых это было явно экономически нерационально; так теперь обозначается противоположная тенденция — звучат предложения децентрализовать даже системы теплоэнергоснабжения крупных городов северной периферии.

И между этими предложениями нет никакого противоречия, если признать, что каждое из них отвечает философии той конкретной хозяйственной эпохи, в которую оно выдвигается. В индустриальную эру решения всегда предлагались в идеологии крупного производственного проекта, что отвечало духу и ценностям того времени, которое романтизировало и беспредельно расширяло возможности конвейера, завода, промышленного комбината. В новую эпоху решения предлагаются в контексте ценностей квалифицированных, талантливых кадров, *их* представлений о качестве жизни.

Аналогично под ценности талантов трансформируется проблема связи удаленных поселений северной периферии с региональными центрами. В индустриальную эру ее решение однозначно связывалось с прокладкой наземных круглогодичных дорог в возможно большее число труднодоступных поселений. Это был затратный путь, но абсолютно в логике той модели освоения Севера. Теперь эта проблема трактуется как обеспечение доступности периферийных сообществ, а ее решение связывается с внедрением новых транспортных средств малой авиации, речных судов амфибийного типа, экологически безопасных вездеходов, реконструкцией вертолетных/самолетных площадок в каждом малом поселении, активным использованием зимних дорог; обеспечением доступа к широкополосному интернету в каждое периферийное село. Современные решения старой проблемы предполагают многообразие схем, активное использование «беспроводных» технологий (авиатрассы, виртуальные сети) и средств индивидуальной мобильности (личные самолеты, автомобили, катера).

В индустриальную эпоху проблемы охраны окружающей среды в северной периферии были акцентированы на защиту растительного и животного мира от массированной промышленной деятельности человека. Но теперь эта трактовка меняется. Чистая окружающая природная среда, чистая среда городов и поселений становятся важнейшими составляющими качества жизни. Улучшение состояния природной среды повышает качество жизни и способствует привлечению талантов. Утверждается не узкий, частный, по отдель-

[139] Материалы Схемы развития и размещения производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха-Якутия до 2020 года. М.: СОПС. 2006.

ным компонентам, подход к природоохранным вопросам («про птичек и рыбок»), но широкий — про качество жизни местных сообществ и конкурентоспособность местной экономики.

В связи с этим меняются, например, функции экологического мониторинга. В старом контексте это был способ подготовки к однократным мобилизациям в случаях наступления катастрофических событий в природной среде. В новой концепции мягкого сосуществования социальных и природных систем «упреждающий» мониторинг — это составной и очень важный «знаниевый», информационных блок для обеспечения гибких адаптаций, не ломающих внутреннюю структуру самой системы. Здесь он встроен в социальную систему, не является для нее внешним сторожем, наоборот, ее органическая часть.

Чтобы северная периферия стала привлекательной для талантов, очень важно обеспечить легкость прямых и обратных конвертаций осязаемых и неосязаемых активов и найти новые формы капитализации неосязаемых активов. Например, упростить конвертацию неосязаемых активов квалификации и знания в осязаемые активы недвижимости — жилья для творческих кадров. Другой пример — через микрокредиты способствовать капитализации предпринимательской энергии в конкретный бизнес-проект.

В этом деле огромную роль играет местная финансовая система, местные финансовые структуры и институты: именно через финансовые перетоки возможно связать осязаемые и неосязаемые активы между собой, обеспечить их эффективные взаимные переходы. Специфика финансовой системы северной периферии состоит в ее капиллярной природе: необходимости налаживать движение финансовых ресурсов в условиях дисперсного расселения и многочисленных малых по размеру сел, нередко с яркой этнической спецификой. Чем сильнее местная финансовая система адаптирована к специфике природных, этнических и экономических условий северной периферии, тем больше шансов на успех в деле капитализации неосязаемых активов и их переводе в осязаемые активы жилья, денег, основных фондов. А это является важнейшим условием для закрепления своих и притока новых талантов.

Во второй главе ценности новой эпохи связывались с ценностями центров. Правильнее сказать, что *это ценности талантов, которые склонны проживать в центрах и отсюда осуществлять постоянное центро-периферийное коммутирование.*

13.2. Новая организация производительных сил северной периферии под таланты

Контуры новой организации производительных сил в регионах северной периферии уже обозначаются. Это мобильность фирм и новых элементов системы расселения. Это размещение многих финишных (перерабатывающих

ресурсы) производств на самóм Севере, что было характерно раньше только для первого этапа его индустриального освоения. Это новая структура расселения, когда удаленные от ресурсных объектов интеллектуальные центры увеличивают свою долю в численности региональной периферии, а периферийные поселки на ресурсах ее теряют. Это тенденция к понижению доли транспортных издержек в общей стоимости производимой и завозимой на Север продукции.

Если попытаться определить интегральную картину новой организации производительных сил, то она будет находиться *в контуре системы «таланты — агломерации — промышленный сервис — кластеры»*. А сквозным водоразделом по всем элементам этой системы будет проходить новое разделение труда на промышленную периферию и «умные» региональные центры интеллектуального сервиса.

Тенденции к агломерированию поселений северной периферии абсолютно объективны. Агломерации создают условия для культурно разнообразной, духовно богатой жизни, повышают ее качество. Это то, что ценится талантами. Агломерации способствуют внутрирегиональной полицентричности, многополярности развития северной региональной периферии. Это опять означает разнообразие, которое нужно для творческой деятельности, стимулирует ее, и привлекает таланты.

Раньше, в индустриальное время, крупные предприятия промышленности оказывали основное воздействие на территориальную организацию/размещение производительных сил (вспомним, как подробно изучались в вузовских курсах факторы размещения различных отраслей промышленности и промышленных предприятий — ресурсоемкие, водоемкие, энергоемкие, трудоемкие, наукоемкие, фондоемкие отрасли и предприятия и т. д.). *В эру экономики знания основное воздействие на размещение производительных сил будут оказывать малые и средние предприятия интеллектуального сервиса и тяготеющие к ним квалифицированные, творческие кадры.*

Как только обозначается переход к отработке сложноструктурных месторождений, это означает нагрузку на роль местного знания, местных экспертов, которые одни знают все тонкости местных природных активов; необходимость их очень тесной, плотной работы с экспертами глобальных фирм. Это означает увеличение роли местных наукоемких фирм — субконтракторов крупных глобальных корпораций. Поэтому возвышение местных структур промышленного сервиса в центрах северной региональной периферии абсолютно объективно.

Промышленный сервис — это переходная форма между промышленностью и услугами, аналог мануфактуры раннеиндустриальной эпохи, тоже находившейся на стыке между аграрным и индустриальным укладами. Структуры промышленного сервиса первоначально находятся внутри ресурсных корпораций, но потом обособляются от них и/или возникают автономно в цен-

Таблица 18

Этапы эволюции промышленного сервиса

Первая стадия: натуральное хозяйство, ремесло промышленного сервиса крупных корпоративных структур	**Вторая стадия: выход за рамки материнской фирмы**	**Третья стадия: сервисные центры в городских центрах**	**Четвертая стадия: наукоемкие производственные услуги**
Нахождение внутри контура компаний: немобильны, привязаны к деятельности одной компании	Услуги из дочерних и побочных видов экономической деятельности превращаются в автономные, комплексируют друг с другом	Формирование системы сервисных центров, предназначенных для обслуживания потребностей корпораций на условиях аутсорсинга	Локализованные площадки производства бизнес-услуг, например, в бизнес-инкубаторах

трах северной периферии (табл. 18 — упрощенная схема эволюции структурной организации промышленного сервиса).

Промышленный сервис консолидирует традиционные услуги — строительные, ремонтные, автодорожные, геологоразведочные работы — и новые, наукоемкие услуги консалтинга, инжиниринга, веб-дизайна, компьютерной графики, финансов, страхования, банковского дела и др. Но и старые производственные услуги индустриального времени постепенно интеллектуализируются.

Единой классификации наукоемких производственных услуг пока не предложено, нет и единого устоявшегося термина — сосуществуют понятия производственных услуг, промышленного сервиса, бизнес-услуг, деловых услуг. В некоторых работах[140] предлагается стратифицировать производственные услуги на технологические (НИОКР по техническим, естественным, медицинским направлениям и прикладные технические услуги в виде технического консультирования, промышленного дизайна, градостроительства, городского планирования и др.); компьютерные, широкого профиля, и другие, в том числе правовые, маркетинговые, рекрутинговые.

Наукоемкий промышленный сервис связан с генерированием нового знания (проблемных решений, организационных изменений, новых продуктовых групп) и, значит, рождением инноваций в производственных процессах. Наукоемкие услуги обеспечивают переработку старого знания в новое: имеют

[140] *Thomi Walter, Bohn Thorsten.* Knowledge Intensive Business Services in Regional Systems of Innovation — Initial Results from the Case of Southeast-Finland. 43rd European Congress of the Regional Science Association. Jyvaskyla, Finland. 2003.

знание на входе и на выходе своего «производственного процесса». Фундаментальная характеристика наукоемких услуг — тесное взаимодействие исполнителя и заказчика, который становится по сути соучастником проблемной разработки.

Фирмы наукоемких услуг (промышленного сервиса) являются главным интегратором *кластера* — группы географически локализованных взаимосвязанных компаний — поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных услуг, инфраструктуры, научно-исследовательских институтов, вузов и других организаций, дополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества входящих в кластер отдельных компаний и его самого в целом[141].

Сущностное отличие современного северного кластера от индустриального территориально-производственного комплекса (ТПК) состоит в том, что для успеха деятельности кластера *таланты (творческие, квалифицированные кадры) важнее материальных активов.* В индустриальном комплексе дефицитные основные производственные фонды были главным ограничителем роста основного производства. В современном кластере главным фактором развития являются квалифицированные, творчески мыслящие кадры.

Внутренним интегратором прежнего индустриального комплекса выступали объекты производственной инфраструктуры, а ключевым интегрирующим потоком — вещественно-энергетическая/энергопроизводственная цепочка[142]. Важным интегрирующим фактором кластера выступают структуры интеллектуального промышленного сервиса, а ключевым интегрирующим потоком — *инновационно-хозяйственная цепочка*[143], *трансформирующая усилиями талантов знание в конкурентоспособный продукт.*

Индустриальный северный ТПК осуществлял массовое производство однородной продукции (например, добычу сходных по характеристикам природных ресурсов); современный кластер производит целый спектр постоянно меняющихся продуктовых групп (например, различных по свойствам видов природных ресурсов).

Индустриальный комплекс создавался на принципах внутрисоюзного разделения труда, когда огромное количество поставщиков располагалось за тысячи километров от стержневого северного добычного производства. С другой стороны, современный кластер использует принципы локализованного субконтрактинга и аутсорсинга — выноса части бизнес-процессов, преимущественно сервисной направленности, для исполнения внешним фирмам, которые

---

[141] *Портер М.* «Конкуренция». М.: Издательский дом «Вильямс». 2001.

[142] Теорию энергопроизводственных циклов разработал классик советской экономической географии Н. Н. Колосовский. Теория экономического районирования. М.: Мысль. 1969 и другие работы.

[143] *Пилясов А. Н., Ядрышников Г. Н.* Наука как фактор социально-экономического развития российского Севера. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН. 1997.

оказывают специализированные производственные услуги. Нередко эти «смежники» географически приближены к основному производству.

Советский комплекс обладал иерархической структурой «промышленный узел — комплекс — район»; с другой стороны, современный кластер — чаще сетевая структура-партнерство многих субъектов северной экономики. Конкретное наполнение внутренней структуры ресурсного кластера в северной периферии зависит от профиля основной деятельности и конкретного региона базирования. Общими чертами во всех случаях является формирование атмосферы сотрудничества, кооперативных структур (ассоциаций, консультативных органов, советов, партнерств), различных новых «знаниевых» структур обучения: центров подготовки квалифицированных кадров, центров новых компетенций, передачи наукоемких технологий и др.

Значение кластеров и кластерной политики для северной региональной периферии состоит в их способности придать творческий, наукоемкий характер прежнему индустриальному освоению этих территорий, содействовать динамичному развитию фирм малого и среднего бизнеса, способствовать диверсификации монопрофильной экономики северной периферии[144].

Детализация задач и инструментов региональной кластерной политики объективно вынуждена разнообразием типов регионального промышленного сектора северной периферии. В одних регионах он представлен одной корпорацией; в других — множеством корпоративных структур одного или разного профиля; в третьих в промышленном секторе присутствуют в основном малые и средние структуры, роль крупных корпоративных структур пока незначительная. Каждая из ситуаций требует учета при формировании местной кластерной политики.

Власть может использовать инструменты *прямого* участия в кластерных инициативах — для модернизации старых или формирования новых кластеров в регионах северной периферии. Другой путь — *косвенная* поддержка участников кластерного движения, формирование атмосферы кооперации и конкуренции в интересах динамичного инновационного перерождения индустриального комплекса в постиндустриальный кластер. При корпоративной структуре, составленной одной–двумя крупными ресурсными компаниями, чаще применяются косвенные инструменты государственного регулирования и поддержки. При дисперсной структуре, когда кластер формирует толща малых и средних предприятий, без явного лидера, роль власти в кластерной политике неизбежно более активна, с прямым вовлечением в этот процесс.

Агрегированно можно выделить четыре группы задач властей северных регионов в сфере кластерной политики: координационная, институциональ-

[144] Развернутые предложения по региональной кластерной политике на Северс России даны в «Методических рекомендациях по реализации кластерной политики в северных субъектах Российской Федерации». М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Комитет Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов. 2008.

ная, инфраструктурная, кадровая. *Координационная* задача означает, что власть становится эффективным коммуникатором, лидером кластерной сети (корпорации, внедренческие фирмы, университет, научные подразделения, ассоциации некоммерческих организаций и структур гражданского общества), эффективно увязывает интересы всех участников регионального кластера, создает условия или непосредственно стыкует фрагменты региональной экономики вокруг ключевой конкурентоспособной деятельности. Осуществление координационной задачи предполагает широкое партнерство региональной власти с федеральной и муниципальной властью, бизнес-сообществом, некоммерческими организациями, структурами коренных малочисленных народов Севера, природоохранными организациями и др. Успех в выполнении этой задачи означает минимизацию социальных, экологических, этнических издержек от кластера, обеспечение бесконфликтного (кооперативного) ресурсного менеджмента, сплочение местного сообщества под задачу совместной работы на укрепление конкурентных преимуществ местного кластера.

Институциональная задача предусматривает формирование регламента региональных норм и правил деятельности для всех местных участников кластерной инициативы. Речь идет о формировании и длительном поддержании особой творческой атмосферы состязательности и одновременно партнерства между участниками кластера. В вопросах регламента деятельности корпоративных структур речь идет не просто о системе договоров, но об активном поощрении инновационного развития и модернизации внутри корпоративных структур регионального кластера, поощрении компаний быть креативными даже в условиях, когда внешних стимулов к этому у них не возникает (например, высокие мировые цены и др.). Власть может создавать условия, когда кластерные фирмы и даже лидеры кластера должны конкурировать за кадры, лицензии, квоты, используя для этого весь спектр инструментов, вплоть до самых активных, т. е. создания ГУПов и непосредственного вхождения в кластер.

Нормы и правила призваны воздействовать на размещение новых фирм внутри регионального кластера, что представляется даже более важным, чем традиционная борьба за привлечение внебюджетных инвестиций. Потому что вместе с новыми фирмами в кластер приходит новое знание, сети партнерских отношений с внешними поставщиками и потребителями продукции.

Инфраструктурная задача звучит теперь иначе, чем в эру индустриальных территориально-производственных комплексов. Тогда комплекс крепился на инфраструктурных дорожных, энергетических, других материальных сетях и потоках. Не отрицая их значения для современных северных кластеров, нужно отметить возрастающую роль виртуальных, информационно-коммуникационных сетей, факторов знания и информации как крепежных инструментов кластера. Новое звучание получает задача финансовой мобилизации части доходов от деятельности кластера в интересах всего местного сообщества (через институты регионального фонда наследия и другие).

Кадровая задача состоит в улучшении качества местных человеческих ресурсов, привлечении талантов из других регионов и стран для укрепления инновационного потенциала регионального кластера. Длительное поддержание конкурентоспособности кластера возможно только через непрерывный инновационный процесс, который опирается на квалифицированные кадры.

Северный ресурсный кластер базируется на специфическом знании о природных ресурсах Севера, которое не всегда может быть передано целиком формальным образом, через письменные и электронные источники информации. Оно привязано к эксперту — его носителю. Поэтому так важна поддержка местных научных школ и местных кадров специалистов, которые сохраняют специфическое знание о свойствах кластерных природных ресурсов.

В палитре региональных *инструментов* кластерной политики всегда существует выбор между более рыночными и более огосударствленными (что не исключает их совместное использование в конкретной ситуации). Рыночные инструменты решения координационной задачи состоят в организации рынка земельных участков, новой организации пространства северных регионов и землепользования с целью более четкого их функционального использования, в том числе и для развития кластера. Важную роль играют создаваемые бизнесом при поддержке власти коммуникационные площадки, бизнес- и технопарки, которые могут стать местом физической дислокации кластерных фирм. Более огосударствленные инструменты решения координационной задачи предусматривают создание структур государственно-частного партнерства, например, госкорпораций (агентств) регионального развития как новых участников кластерной инициативы от лица региональной власти.

Инструменты для решения институциональной задачи предполагают творческое развитие местного законодательства и активное создание в нем новых, регионально специфичных норм и правил поведения участников кластерной инициативы. Идеи таких норм обычно рождаются в результате широкого общественного обсуждения траекторий развития кластера, в котором принимают участие самые разные слои и группы населения. Это трудоемкий, но исключительно эффективный путь не копирования (импорта) чужих институтов, но рождения собственных, исходя из уникальной специфичности развития именно данного кластера.

Инструменты для решения инфраструктурной задачи имеют стандартный характер, предполагают программные и непрограммные механизмы. Чем масштабнее задача нового инфраструктурного обустройства территории для динамичного развития кластера, тем более вероятно использование инструментов федеральных и региональных целевых программ и фондов. Например, именно по такому сценарию развивается ситуация в новых суперпроектах «Урал Промышленный — Урал Полярный», Южно-Якутский гидроэнергетический комплекс, Нижнее Приангарье.

Кадровая задача решается инструментами, предусмотренными в региональной политике занятости, образовательной политики, политики в области малого предпринимательства, иммиграционной — в той части, которая затрагивает развитие регионального кластера. Исключительно важны мероприятия власти по созданию региональной инновационной системы, которые содействуют повышению интеллектуальности развития кластера, напрямую связаны с укреплением кластерного сообщества квалифицированными кадрами.

Меры по созданию местной инновационной системы как «начинки» северных кластеров могут предусматривать обеспечение широкого сотрудничества между бизнес-сообществом и образовательными организациями региона (вхождение представителей фирм кластера в наблюдательные и попечительские советы учебных организаций, формирование в рамках предприятий кластера советов и рабочих групп по развитию профессионального образования; открытие выпускающих кафедр с участием представителей предприятий кластера в вузах и открытие базовых кафедр на предприятиях кластера и др.); проведение совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ предприятиями кластера, институтами и университетами; содействие кооперации предприятий при финансировании и реализации НИОКР, развитие инновационной инфраструктуры, субсидирование части затрат предприятий по созданию промышленных образцов и др.

Успешное развитие северных кластеров потребует создания системы местных институтов развития, к числу которых прежде всего относится агентство регионального развития как катализатор и консолидирующая сила кластерного движения в регионе, а также организации — объекты инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, национальные корпорации и др.

Поддержка кластерных инициатив в северной периферии должна учитывать специфику четырех, существующих здесь, типов кластеров: промышленные районы; радиальные, «спутниковые», огосударствленные кластеры[145].

Промышленный район образуют десятки мелких и средних близко расположенных фирм однотипной ресурсной специализации, например, камчатский рыбный кластер, колымский золотороссыпной кластер. Основные усилия кластерной политики здесь должны быть направлены на их мягкую интеграцию в форме горизонтальных ассоциаций на основе использования общих объектов промышленного сервиса — совместных лабораторий по контролю качества продукции, дистрибьюторской сети, центров сертификации продукции, местных научных подразделений и университетов; создание ясных, периодически обновляемых, законодательных стандартов.

---

[145] Используется типология промышленных районов, изложенная в работе: *Markusen A.* Sticky places in slippery space: A typology of industrial districts // Economic Geography. 1996. 72. P. 293-313.

Радиальный кластер — одна или несколько крупных ресурсных корпораций выполняет роль «центра», «корневого бизнеса» для региональной экономики. Здесь приоритетна поддержка развития механизмов субконтрактации и аутсорсинга, конструктивного партнерства крупных ресурсных корпораций и малого бизнеса в наукоемких производственных услугах (инжиниринговых, консалтинговых, дизайнерских и др.). Такие кластеры обычно характерны для нефтегазодобывающих районов.

«Спутниковый» кластер представляет собой совокупность компаний, ориентированных на поставку предприятию, внешнему по отношению к кластеру. Такой тип кластеров часто возникает в результате привлечения в регион северной периферии внешних инвестиций, нередко в районе пионерного освоения. Здесь приоритетное направление кластерной политики — преодоление колониальной схемы эксплуатации местных природных ресурсов и попытки социальной укорененности стержневой экономической деятельности за счет вовлечения в работу местного коренного населения, программ поддержки малого национального бизнеса и т. д.

«Ориентированный на государство» кластер муниципального уровня, в котором экономическая активность привязана к государственному предприятию, такому, как военная база, оборонный завод, университет или органу государственного управления, связанному с государственным (оборонным) заказом. Сюда же могут относиться наукограды и технопарки, созданные по инициативе государства.

13.3. Как сектора экономики северной периферии разворачиваются под таланты?

Каждый сектор экономики региональной периферии (базовый, инфраструктурный, сектор услуг) в ближайшие 15–20 лет подвергнется значительной трансформации. В отличие от периода 1990-х годов, она будет осуществляться под вызовы инновационной экономики, человеческое измерение которой связано с талантами — деятельностью квалифицированных, компетентных кадров.

Самые значимые и долгосрочные преобразования — как с точки зрения роста удельной доли, часто и абсолютной численности, занятых, так и с точки зрения диверсификации внутренней структуры — произойдут в секторе личных и производственных услуг. Под личными услугами понимаются прежде всего социальные, бытовые, торговые, жилищные и коммунальные, которые оказываются непосредственно домохозяйствам; под производственными — аудиторские, консалтинговые, инжиниринговые, дизайнерские, финансовые и многочисленные другие услуги, которые оказываются промышленным фирмам, сельскохозяйственным предприятиям, другим хозяйствующим субъектам.

13.3.1. Переинтерпретация основных составляющих сектора личных услуг — от узкой трактовки к широкой

С точки зрения талантливых кадров, важнейшая функция сектора личных услуг северной периферии состоит в повышении качества жизни — как одного из самых главных неосязаемых активов. Развитый сектор услуг оказывает давление «сверху» на размер северных удорожаний, сокращает разрывы в уровне жизни между периферией и центрами.

Ввиду необходимости повернуться лицом к потребностям талантов, привычная трактовка всех составляющих сектора личных услуг в прогнозный период неизбежно подвергнется ревизии — произойдет *расширение* концепции, экспансия сферы образования, здравоохранения, культуры в совершенно новые структуры; возвышение новой роли бытовых, торговых, жилищных и коммунальных услуг. И уже не просто доступность всех видов личных услуг для местных периферийных сообществ становится сверхважной, но их комфортность, дружелюбность, адаптированность специфическим потребностям талантливых, творческих работников.

Миссия образовательных услуг в эру экономики знания просто обречена претерпеть фундаментальную переинтерпретацию, чтобы максимально расширить круг потенциальных участников творческой деятельности в местном сообществе, обеспечить непрерывное обучение, формирование меж/многодисциплинарных компетенций у работников и других навыков.

Изменение роли структур образования будет происходить как в результате существенного расширения их задач — за привычные рамки педагогической деятельности — так и в результате формирования новых сетевых партнерств внутри и вне региональной системы образования: партнерств за счет интеграции различных ступеней образования «школа — детский сад», «школа — ПТУ»; «школа — интернат», «школа — вузовский колледж», «школа — ресурсный центр»; партнерств различных структур обучения внутри само́й системы образования, но также и среди бизнес-структур, структур гражданского общества[146].

Деятельность сектора медицинских услуг традиционно связывается преимущественно с лечением болезней. В условиях инновационной экономики целевая функция здравоохранения будет переоткрыта и существенно расширена, чтобы максимально полно соответствовать образу жизни талантов. Для талантов здоровье является важнейшим условием свободного творчества. От этой исходной предпосылки будет формироваться новая концепция местного северного здравоохранения: акцент на профилактику, спорт, индивидуальные (а не массовые) формы подбора способов лечения болезней в результате новых сочетаний известных фармацевтических средств и др.

[146] К когорте местных структур обучения будут постепенно присоединяться все новые и новые организации региональной периферии, помимо традиционных образовательных.

Целевая функция сферы культуры тоже существенно расширится. Для одаренных людей нет принципиальных различий между разными видами творческой деятельности — инженерным, художественным, творчеством в занятиях, связанных с природопользованием, и др. Желание экспериментировать, создавать новое, возникает не в вакууме, но в конкретной среде. В этих условиях миссия культуры — генерировать творческие импульсы, что обеспечивается максимально эффективно при формировании богатой духовной жизни. Это станет возможным, когда структурно и сущностно сфера культуры наполнится новым содержанием. Например, в сферу местной культуры будут вовлекаться не только традиционные клубы, библиотеки, центры искусства, но и многочисленные волонтерские, гендерные, экологические, спортивные и другие общественные организации. Они исключительно важны для экономики знания, потому что формируют привлекательную для талантов среду разнообразной духовной жизни.

Новая трактовка подсектора бытовых и торговых услуг выходит за привычные рамки жизнеобеспечивающих на уровень всемерного обеспечения условий комфортной творческой деятельности, которая все в большей степени осуществляется не только на работе, но и в домашних условиях, в свободное время. Предоставление бытовых и торговых услуг трансформируется таким образом, чтобы максимально сократить время квалифицированным кадрам на рутинные покупки товаров, ремонты техники, химчистку и обеспечить увеличение времени на занятия творческой деятельностью.

В связи с тем, что творческая деятельность будет осуществляться не только (даже не столько) на работе, но и дома, среди всех видов жилья и жилищных услуг в северной периферии максимальное развитие получат именно те, которые наиболее успешно обеспечивают условия для деятельности талантов. В каждом конкретном периферийном сообществе будет свой алгоритм решения (например, в одном случае массовый снос ветхого жилья, в другом — строительство личных домов и т. д.), но сам вектор комфортизации жилой среды под вкусы и потребности творческих, талантливых кадров останется общим.

Снос ветхого жилья в трактовке талантливых кадров приобретает новую интерпретацию. Он важен как избавление от неликвидных активов жилья, затрудняющих его оборот и формирование эффективного рынка жилья, которое необходимо для обеспечения той высокой мобильности, которая является характерной чертой творческих работников.

Современные низкие показатели обеспеченности жилых домов северной периферии коммунальными услугами (центральным отоплением, горячим водоснабжением, водопроводом, канализацией) означают необходимость ежедневных значительных затрат домохозяйств на простое жизнеобеспечение (печное отопление, доставку питьевой воды и др.). Тяжелый быт забирает энергию людей от творческой, утверждающей личность деятельности. На нее не оста-

ется ни сил, ни инициативы. В этих условиях талантливая молодежь уезжает, оставшаяся спивается.

Поэтому, например, переход от завозимого угля или дров на снабжение местным сетевым или сжиженным газом в качестве котельного/печного топлива высвобождает энергию людей на творческую деятельность и потому играет нравственную роль. Реформирование коммунальных услуг в северной периферии будет происходить под знаком высвобождения энергии людей от тяжелого бытового жизнеобеспечения на творческую деятельность.

13.3.2. Производственный сервис как место концентрации талантов

Подсектор производственных услуг в скандинавской, американской, канадской северной периферии в последние два десятилетия развивался наиболее активно — как за счет субконтрактинга местных малых фирм с крупными ресурсными корпорациями, так и за счет оказания услуг местными фирмами промышленным предприятиям. Как правило, *фирмы промышленного сервиса концентрируются в центрах региональной периферии,* откуда они обслуживают заказчиков по всей ее территории.

Здесь опять происходит радикальное расширение трактовки по сравнению с концепцией производственной инфраструктуры, производственных услуг регионов Севера индустриального времени. Тогда конкретное наполнение этого подсектора в северной периферии сводилось в основном к очень архаичным по технической оснащенности ремонтным, дорожным службам. Многие другие «сервисы» тогда находились внутри промышленного предприятия и потому не учитывались как самостоятельные хозяйствующие субъекты.

Острая потребность в расширении видов и интеллектуализации промышленного сервиса теперь объясняется более жесткой внешней и внутренней средой деятельности ресурсных компаний на Севере. С одной стороны, усиливается давление глобальной конкуренции, с другой, растут производственные издержки ввиду ухудшения свойств основных старых и новых месторождений. В этих условиях именно развитие структур промышленного сервиса на Севере и в стране призвано обеспечить конкурентоспособность ресурсных компаний.

В этой связи можно вспомнить идею техники для Севера индустриального времени, которая полностью так и не была реализована в позднесоветский период. Теперь она существенно трансформируется, звучит по-иному — как модификация техники и технологии под конкретные особенности северных ресурсов и ландшафтов и осуществляется не в центральных районах страны, но в самóй северной территории. Это означает местную настройку материальных активов (производственного аппарата) не просто для экстремальных

условий Севера, но для эксплуатации конкретного месторождения[147]; интеллектуализацию и диверсификацию местных структур ремонтного бизнеса (северных фирм или филиалов глобальных и национальных компаний) для транспортной техники на Севере.

Потребность субъектов экономики в наукоемких услугах постепенно станет просто всеобщей, а сама трактовка интеллектуальных производственных услуг будет постоянно расширяться за счет включения все новых и новых видов экономической деятельности.

Например, дистанционное зондирование как вид производственных услуг возникло сравнительно недавно. Теперь же без него немыслимы работа лесных компаний, которым необходимы дешифрированные данные лесных пожаров; сельскохозяйственных предприятий, которым нужны прогнозы урожайности зерновых культур на основе космического мониторинга; экологических предприятий и учреждений, которым необходимо проводить оперативный мониторинг хода работ по рекультивации загрязненных земель на основе анализа космических снимков.

Справочный материал: спектр деятельности фирм промышленного сервиса для ресурсных компаний

Спектр деятельности фирм промышленного сервиса в нефтедобыче:

- фирмы — производители нефтепромыслового и бурового геолого-разведочного оборудования;
- услуги ремонта и проката (аренды) нефтяного оборудования;
- пуско-наладочные работы;
- услуги по монтажу, ремонту и демонтажу буровых вышек;
- эксплуатационное бурение;
- подземный и капитальный ремонт скважин;
- услуги по реализации, тестированию, ремонту и обслуживанию погружных насосов;
- совершенствование методов бурения и воздействия на пласт;
- технологии компьютерного моделирования месторождений.

Спектр деятельности фирм промышленного сервиса в лесозаготовках и лесопереработке:

- фирмы — поставщики нового и старого производственного оборудования;
- лизинговые компании, которые предоставляют оборудование в аренду;
- фирмы, которые финансируют приобретение оборудования;
- фирмы, которые оказывают услуги монтажа и демонтажа оборудования;
- компании, которые оказывают услуги по транспортировке деловой древесины;
- фирмы по лесовосстановлению;
- фирмы по уборке мусора (утилизации мусора всех видов) на лесных делянах и в местах лесопереработки.

[147] Структуры промышленного сервиса обеспечивают «гладкость» адаптации материальных активов к природным.

Состав наукоемких фирм лесного сервиса:

- фирмы общего и специализированного консалтинга — инженерного (отраслевого), бизнес-консалтинга (подготовка ТЭО проектов и другие услуги), экологического (природоохранного), по найму персонала для предприятий лесной отрасли, содействия экспорту и информации по международной торговле, правового консалтинга;
- группа фирм, которые проводят обучение основам производственных процессов, основам безопасности, организуют обучающие семинары на месте заготовок;
- фирмы, которые обеспечивают сертификацию качества лесопродукции по международным стандартам;
- фирмы — мобильные лаборатории, оказывающие аналитические услуги по тестированию древесины, по состоянию атмосферного воздуха, водной среды, почв и растительности в местах лесозаготовок;
- фирмы — поставщики ГИС-программного обеспечения для лесозаготовителей;
- финансовые структуры (банки, фонды), которые обеспечивают целевое финансирование для приобретения оборудования для лесозаготовок и переработки.

Спектр деятельности фирм агросервиса:

- услуги аренды и продажи техники — сети машинно-тракторных станций и пунктов проката (лизинга) малой техники для фермеров (мини-тракторы, кормозаготовительные комплексы «Салют» и др.);
- ветеринарные и агрономические услуги;
- фирмы, которые ведут племенную работу со скотом импортной селекции;
- услуги агрокредитования;
- услуги агрострахования;
- консалтинг в области новых агротехнологий.

Спектр деятельности фирм промышленного сервиса в рыбопромышленном комплексе:

- логистические услуги (материально-техническое снабжение предприятий комплекса);
- маркетинговые услуги;
- услуги по воспроизводству запасов (рыборазведение, аквакультура и др.);
- услуги по поставке посадочного материала и рыбных кормов;
- информационно-коммуникационные технологии и услуги;
- услуги экологического консалтинга;
- аналитические работы по обследованию перспективных водоемов, определению научно обоснованных квот на вылов, созданию кадастра рыбохозяйственных водоемов и др.;
- услуги правового консалтинга и др.

И в новом феномене производственных кластеров на Севере сервисные организации — поставщики оборудования, комплектующих, специализированных производственных услуг, научно-исследовательские и образовательные организации, состоящие в различных альянсах и партнерствах с промышленными фирмами, играют определяющую роль, выступают интеграторами структур,

входящих в кластер: оказывают промышленным компаниям инжиниринговые, консалтинговые, экологические услуги, услуги связи, проводят инженерное и технологическое, топогеодезическое сопровождение работ, участвуют в реализации программ энергосбережения и др. Например, инжиниринговые компании, не имея своих строительных производственных мощностей, но располагая высококвалифицированными кадрами управленцев, берут крупные строительные подряды и организуют строительство объектов, привлекая на правах субподряда мелкие и средние строительные организации и увязывая их работу на объектах подрядов.

Конкурентные преимущества малых и средних фирм промышленного сервиса северной периферии (или местных отделений крупных компаний) по сравнению, например, с крупными национальными фирмами, расположенными в центрах, связаны с возможностями оказания круглосуточного сервиса, доставки услуги непосредственно в место добычи, учета специфических потребностей конкретного ресурсного объекта, одновременной работы для разных ресурсных комплексов северной периферии.

13.3.3. Синхронизация с ценностями талантов — путь преодоления непривлекательности рабочих профессий в базовом секторе

Новые предприятия северной промышленности в возрастающей степени будут размещаться не в региональных центрах, а в районах периферии. Основной вектор перемен в базовом секторе северной периферии связан с его преобразованием из грязного индустриального производства в экологически чистое, гибкое, мобильное, основанное на информационных и компьютерных технологиях. Такое производство привлекательно для талантливой молодежи, потому что отвечает ее новым ценностным ориентациям уже постиндустриальной эры. Важнейшим среди них является мобильность.

С точки зрения карьерной траектории это означает высокую профессиональную, квалификационную, территориальную мобильность (чем выше квалификация, тем выше мобильность): неоднократную на протяжении трудового жизненного цикла смену должностей, профессий, места работы и проживания. А с точки зрения производственного процесса это означает внедрение малых форм в недропользовании (например, мини-драги, промприборы), лесозаготовках, лесопилении; модульные схемы работы средних и крупных добычных и перерабатывающих предприятий. Для этого нужны и новые институты, которые обеспечат демократизацию недро- и лесопользования, обеспечат включение предпринимательской энергии физических лиц в малых видах ресурсной деятельности.

Для талантливых кадров важны кооперативность и толерантность, которые обеспечивают способность работника взаимодействовать с представите-

лями разных фирм, дисциплин и культур, а значит, и его обучаемость. С точки зрения производственного процесса это означает формирование различных сетевых конфигураций — партнерств, ассоциаций, объединений малых и средних ресурсных фирм.

Прежняя индустриальная система умела получать эффект от крупных промышленных объектов, от проводки караванов судов по трассе Северного морского пути, караванов грузовых машин по зимникам. Особое искусство постиндустриальной системы состоит в умении получать эффект от объединенных в сеть малых и средних предприятий, от умелого сбора капиллярных транспортных потоков в один совокупный.

Требования экологической чистоты и безотходности производственного процесса на Севере раньше рассматривалось как императивное ввиду повышенной уязвимости северной природной среды. (Несмотря на это, они никогда не были реализованы в индустриальной модели освоения Севера). Теперь эти требования критичны, потому что таковы ценности талантов. И они будут выполнены, потому что вместо частных усилий по рекультивации, очистке выбросов произойдет взлом самого́ внутреннего технологического процесса, который станет генерировать меньше вредных веществ. Ресурсы слабо преобразованных пространств северной периферии станут основой для развертывания здесь наукоемких «сверхчистых» производств на условиях аутсорсинга с глобальными компаниями или как самостоятельные местные фирмы.

Для творческой самореализации необходимы обширные пространства чистой природной среды (например, массивы заповедных лесов) — для рекреационной, досуговой деятельности, например, для занятий экстремальным спортом. С точки зрения производственного процесса это означает, что фирмы, которые оставляют после себя «лунный ландшафт», подрывают природные системы необратимым образом, не смогут быть привлекательными для талантливых кадров. Общий характер природопользования в северной периферии поэтому обречен постепенно меняться, чтобы соответствовать требованиям квалифицированных кадров, в которых он нуждается.

Для повышения привлекательности старых индустриальных специальностей для творческой молодежи, обучение им будет идти одновременно с обучением основам предпринимательства, чтобы выпускник колледжа или техникума смог создать свой малый бизнес по оказанию услуг по монтажным, ремонтным, сварочным, столярным, слесарным и другим строительным работам.

13.3.4. От инфраструктурных отраслей к сетевым

Индустриальное понимание инфраструктуры было связано с четко очерченными линейными коммуникациями на транспорте, в связи, электроэнергетике, призванными в первую очередь быть каналами доставки веществен-

ных (товарных) и энергетических потоков. Роль инфраструктурных объектов в обеспечении человеческой коммуникации, людской мобильности была вторичной.

В наступающей экономике знания, в которой утверждаются ценности квалифицированных, творческих кадров, трактовка инфраструктуры меняется. Таланты востребуют мобильность, нуждаются в активной личной и электронной коммуникации с другими талантами. Приоритет получают менее жесткие виды инфраструктуры, которые способны обеспечить быстроту и легкость персонального общения и перемещения в пространстве региональной периферии (например, воздушный транспорт, зимние автомобильные дороги, информационно-коммуникационный комплекс). *Чтобы подчеркнуть эту новую, мягкую,* ***постоянно флуктуирующую****, природу каналов коммуникации, откажемся от термина инфраструктура и перейдем к понятию сети.*

Важнейшая новая миссия региональных сетей всех видов — обеспечить интенсивную центро-периферийную коммуникацию талантов, их перемещения по центро-периферийному контуру (между периферией и региональным центром) на регулярной основе. Это важно со многих сторон: с точки зрения карьерной траектории талантов, устремляющихся из периферии в центры; с точки зрения интеллектуализации периферийных добычных производств, которые обслуживает наукоемкий сервис региональных центров; с точки зрения повышения интегрированности внутреннего пространства периферии, которая ранее обеспечивалась вещественно-энергетическими потоками, а теперь — миграционным потоками и челночными перемещениями квалифицированных кадров. *Новое разделение труда на промышленную периферию и «умные» региональные центры интеллектуального сервиса* в северной региональной периферии будет эффективно работать только при непрерывной, гарантированной региональными сетями, коммуникации между ними. Это предполагает постоянные перемещения квалифицированных кадров внутри контура региональной северной периферии.

Региональные сети важны и для получения агломерационного эффекта в результате повышения связности соседних муниципальных образований и формирования новых агломераций северной периферии. Как было отмечено, эти формы территориальной организации производительных сил привлекательны для талантов более высоким качеством жизни и разнообразием культурной, интеллектуальной, духовной среды.

Для полноценной творческой активности талантов важно сетевое обустройство не только внутри региональной периферии, но и обеспечение ее надежных и регулярных транспортных и коммуникационных связей с национальными и субрегиональными центрами. Исследования показывают, что чем надежнее связи северной региональной периферии с российскими центрами, тем, при прочих равных условиях, больше вероятность того, что таланты задержатся в периферийном регионе.

Огромный резерв ускорения коммуникации заключен не в дорогостоящем экстенсивном расширении сети постоянных дорог, но в эффективном комплексировании сетей разных видов: интеграции сезонных и постоянных дорог, коммуникационных и транспортных каналов, железнодорожных, автомобильных и речных сетей. Сопряжение сетей друг с другом будет происходить не в точках — транспортных узлах, не линейно, а в ареалах — мультимодальных зонах. Это разрастание стыковой площади, с самостоятельной инфраструктурой, системой связи, услугами закономерно отразит сверхзначимость гладкой и быстрой коммуникации для талантов.

Проникновение информационных сетей в самую глубинку северной региональной периферии интенсифицирует обмен опытом и оказание консультационных услуг опытно-экспериментальными хозяйствами центров для транспортно отдаленных субъектов экономики.

13.4. Новая концепция регионального университета северной периферии

Огромную роль в повышении привлекательности среды северной периферии для талантов играет структура регионального университета совместно с тесно примыкающими к нему местными научно-исследовательскими институтами.

Узкая задача системы высшего профессионального образования северной периферии состоит в преодолении многолетних диспропорций в подготовке кадров гуманитарных и инженерных специальностей. Повсеместно в северной периферии основная часть бюджетных средств направляется на подготовку экономистов, менеджеров, бухгалтеров, филологов, юристов, историков и других специалистов гуманитарного цикла. Потребности местной экономики в кадрах инженерно-технических специальностей для ресурсных комплексов, транспорта и связи остаются неудовлетворенными.

Широкая — и пока еще не очень признанная властью и местным сообществом — задача системы высшего профессионального образования состоит в укреплении роли регионального университета как ядра местной системы образования и одновременно ключевой структуры (аналога индустриальной фабрики) нового постиндустриального уклада, места «производства» талантов. Университет вместе с тесно взаимодействующими с ним научно-исследовательскими северными институтами становится центральным звеном формируемой здесь экономики знания и одновременно механизмом, посредством которого может быть осуществлен процесс социальных и экономических изменений в периферийном регионе для уверенного пути в инновационную экономику.

Но что позволяет предложить университет на роль центра, ядра́ среди всех остальных структур экономики знания в регионе? Только университет является

одновременно и местным, и национальным (иногда даже глобальным) игроком инновационной экономики: с одной стороны, он погружен в местное сообщество, местный рынок труда, местный промышленный сектор; с другой стороны, в своей деятельности он учитывает и реализует приоритеты федеральной образовательной и исследовательской, инновационной политики. Никакая другая «знаниевая» структура северной периферии не обладает такой гибкой способностью одновременной работы в разных масштабах, на разных уровнях: она либо сугубо «местечкова», либо, наоборот, слишком глобальна.

Очень важна «средóвая» роль университета как структуры, формирующей в региональном сообществе восприимчивость к инновациям, к новому знанию — культуру новаторства, экспериментирования, риска, так притягательную для талантов. Поэтому успешное развитие регионального университета способно стать фактором их привлечения и закрепления в северной периферии, повлиять на направления их внутрирегиональных и межрегиональных миграций.

Региональный университет северной периферии по сравнению с университетами национальных центров способен оказать значительно больший эффект на местную экономику[148]. Более молодой средний возраст сообществ северной периферии, чем сообществ центров, неизбежно означает бóльшую приверженность ценностям образования и обучения. Ввиду простой структуры экономики северной периферии воздействие крупной структуры высшего образования здесь неизбежно более сильное и прямое, чем в диверсифицированных экономиках центральных городских агломераций. Там сравнительно выше косвенные, мультипликаторные эффекты от деятельности регионального университета, однако значение прямых экономических эффектов ниже.

В северной Европе первые опыты с укреплением старых и формированием новых университетов в проблемных периферийных ареалах пришелся на 1970-е годы. Теперь, по прошествии почти 40 лет, можно считать его в основном успешным: повысилось качество человеческих ресурсов периферийных регионов, улучшилось сальдо миграции, значительно вырос их уровень инновационного развития, измеряемый в показателях патентной активности.

Чтобы увидеть захватывающие новые перспективы регионального университета северной периферии в эпоху экономики знания, нужно *переопределить* саму его концепцию, *переоткрыть* его роль в развитии северной периферии. Ведь раньше, в индустриальную эпоху, она была очень ограниченной и сводилась в основном к подготовке кадров высокой квалификации.

Здесь опять принципиальны различия прежнего узкого и нового, широкого, подхода к роли и месту регионального университета в северной периферии.

---

[148] *Arbo Peter, Eskelinen Heikki.* The Role of Small, Comprehensive Universities in Regional Economic Development: Experiences from Two Nordic Cases. Paper for the 43rd ERSA Congress. Jyväskylä, 27–30 August 2003.

Узкий подход остается в плену старой парадигмы образовательного университета, лишь частично ее модернизируя. Широкий подход предусматривает формирование принципиально новой модели регионального университета. И только она полноценно отвечает требованиям и ожиданиям талантов.

Расширение концепции регионального университета происходит сразу в нескольких направлениях. Прежде всего, это *трансформация образовательного университета в исследовательский*. От педагогики, образования, акцент постепенно будет смещаться на исследования, взаимодействие с рыночными структурами (корпоративным большим и малым бизнесом). Это будет связано с новым пониманием ключевых факторов современного экономического роста, которые содержатся в науке, технологиях, промышленных, институциональных инновациях. И северная периферия России не может быть в стороне от этих глобальных тенденций.

Между тем в современных задачах даже относительно продвинутых региональных университетов северной периферии скромно формулируется лишь необходимость развития инновационной деятельности вузовской системы. Задачи следует ставить намного более масштабно — превратить университет в ядро системы генерирования, продвижения и коммерциализации новых знаний; структуру, способную постоянно продуцировать инновации в ответ на меняющийся спрос экономики северной периферии.

Другое направление, в котором возникает подлинный прорыв в понимании новой роли регионального университета, — *снятие всех барьеров к сотрудничеству между университетом и региональным промышленным сектором*. Для университета индустриального времени задача взаимодействия с промышленниками формулировалась очень узко, очень скромно: развитие новых специальностей, адекватных специализации экономики северной периферии; создание условий для взаимодействия вузов и предприятий в области трудоустройства выпускников; соучастие промышленных предприятий в деятельности местной системы образования. Но даже и эти узкие задачи очень редко, очень мало где были реализованы. Отрыв специализации региональных университетов от реальных потребностей в специалистах местной экономики, местных промышленных предприятий повсеместно в регионах северной периферии был значительным и восполнялся за счет подготовки необходимых кадров в вузах крупных европейских, уральских и сибирских центров.

Но теперь эта задача звучит значительно мощнее и формулируется шире: формирование полноценного партнерства регионального университета и промышленного сектора по многим направлениям. Отношения регионального университета и местных структур промышленного сектора переоткрываются заново.

С одной стороны, университетская профессура и студенты начинают интересоваться работой крупных и малых промышленных фирм, видя в них потен-

циальных заказчиков на их интеллектуальные услуги. Выпускники университетов северной периферии трудоустраиваются не только в учреждения бюджетной сферы, но в возрастающем количестве — на предприятия регионального промышленного сектора. По мере того, как будет меняться характер промышленного производства и в целом весь образ местной промышленности — как «умной», человечной и экологичной, эти тенденции будут усиливаться.

С другой стороны, уходит прежнее игнорирование университета со стороны промышленных предприятий. Тому есть несколько объективных причин. Традиционная промышленность северной периферии базировалась на малоквалифицированном труде рабочих, обеспечивающих получение сырья или полуфабриката из добытых здесь природных ресурсов. В этих условиях стимулы промышленных предприятий к интеллектуальному сотрудничеству с местными университетами и научно-исследовательскими институтами, за исключением неизбежных геологоразведочных работ, исследований в области лесоустройства, рыборазведения, оценки численности биологических популяций для получения рекомендаций по возможной добыче, были слабыми.

Однако в последние годы усиливается объективная тенденция к размещению на Севере финишных (аффинажных, нефтехимических, лесоперерабатывающих и др.) производств. В силу своей большей интеллектуальности, чем индустриальные добычные предприятия, они нуждаются в опоре на *близкие* местные научно-образовательные структуры: необходимо экспериментально отрабатывать новые технологии переработки, формировать пилотные полигоны, «модельные» леса и т. д.

Происходят перемены и в добычном подсекторе промышленности. Постоянное ухудшение свойств природных активов северной периферии неизбежно востребует интеллектуализацию процесса добычи, которую наиболее эффективно могут обеспечить местные научно-образовательные структуры, нередко в партнерстве с исследовательскими учреждениями центров.

Новому, партнерскому, поведению промышленных компаний способствует и изменение их внутренней структуры. Прежние градообразующие промышленные предприятия освобождаются от функций социального, коммунального сервиса: качество услуг, которые оказывают специализированные муниципальные или частные организации, в большинстве случаев выше, а издержки доставки ниже, чем у промышленных предприятий.

Но одновременно промышленные предприятия для экономической жизнеспособности в условиях глобальной конкуренции и меняющихся (часто ухудшающихся) свойств природных активов и мест их дислокации (например, от суши к шельфу) начинают интенсивно взаимодействовать со структурами наукоемкого промышленного сервиса — инжиниринговыми компаниями, фирмами информационного обеспечения и автоматизации бизнес-процессов и др. Именно они в возрастающей степени будут обеспечивать конкурентоспособность северных добычных производств.

Многие из этих фирм в силу неявного характера знания о свойствах конкретного месторождения, мест скоплений биологических природных ресурсов, могут быть созданы только поблизости, чтобы была обеспечена постоянная коммуникация между заказчиком в лице промышленной фирмы и исполнителем — поставщиком наукоемких, интеллектуальных услуг. Значит, безальтернативным становится альянс местной промышленности с местным научным сообществом в лице регионального университета, научно-исследовательских институтов. Эта «женитьба» имеет своим результатом создание целой новой подотрасли университетского промышленного сервиса[149] (при университете непосредственно или при тесном взаимодействии с ним), университетских венчурных компаний как составляющих новой университетской промышленности.

Еще одно направление, в котором переоткрывается заново роль регионального университета — *его отношения с местной властью*. Прежняя узкая трактовка этих отношений сводилась к поддержке университета на региональном уровне, за счет бюджетных и административных ресурсов местной власти. Широкая трактовка этих отношений предполагает вовлечение университета как важнейшего субъекта новой экономики знания в решение ключевых проблем регионального развития. Например, создание гибкой, открытой, способной к быстрым переменам, системы подготовки и переподготовки (повышения, смены квалификации взрослого населения) специалистов для уменьшения остроты проблемы безработицы на региональном рынке труда северной периферии.

Чтобы преодолеть дискриминацию выпускников сельских школ, которые по качеству своих знаний нередко проигрывают городским, необходимо при региональном университете открывать подготовительные отделения для сельских выпускников. Это будет решать и задачи сокращения внутрирегиональных разрывов в са́мом ключевом для новой экономики направлении — в качестве и уровне образования человеческих ресурсов.

Другое направление связано с переоткрытием *роли региональных университетов в развитии местных сообществ*. Это означает выход за прошлые рамки сотрудничества между университетами и местными жителями (которые больше напоминали башню из слоновой кости) к значительно более широким и многоаспектным.

Прежнее понимание отводило университету пассивную роль «слуги» местного сообщества в подготовке квалифицированных кадров. Новое понимание предусматривает интерактивную модель университета-партнера, открытого местному сообществу, чувствительному к его ежедневным потребностям.

---

[149] *Batey Peter.* Human Resources and Regional Development // Regional Development Reconsidered. Eds. *Atalik G., Fischer M. M.* Springer-Verlag. Berlin. 2002. P. 53–75.

Новая концепция университета северной периферии предполагает одновременное выполнение им в регионе образовательной (подготовка квалифицированных кадров), исследовательской (создание нового знания) и социальной (сотрудничество и консультирование местных сообществ) роли. Существенное расширение миссии университета в северной периферии неизбежно будет сопровождаться изменениями в его внутренней структуре.

Можно предвидеть диверсификацию пространственной структуры регионального университета — формирование его отделений и филиалов в городах и поселках северной периферии, специализированных на конкретных компетенциях (профилях обучения и подготовки специалистов — инженерных, гуманитарных, ресурсоведческих и др.). Другое изменение предполагает *одновременное* с укреплением связей с академической наукой, бизнес-сообществом, властью, обретение университетом большей автономности и самостоятельности в повседневной деятельности (в том числе за счет диверсификации источников финансирования).

Региональный университет как срединная структура между властью, бизнесом, местным сообществом способен максимально эффективно выполнить функции координатора, информационного брокера, без которых формирование местной экономики знания невозможно[150]. И здесь опять можно выделить скромную и амбициозную, широкую, постановку задачи. Скромная предусматривает университету быть удобной площадкой для координации инновационной деятельности между местной администрацией, представителями бизнеса, гражданским обществом и научными учреждениями. Более мощная постановка предполагает формирование новых партнерских структур, которые совместно учреждаются основными субъектами региональной экономики (университетом, муниципальной, региональной властью, бизнесом): бизнес-инкубаторов, интеллектуальных территорий разного вида (технопарки, технико-внедренческие зоны, модельные леса и др.). Эти структуры становятся полигонами отработки новых технологий, процедур, бизнес-процессов.

Эти партнерские структуры могут иметь и другой, *менее формальный*, характер, например, в виде мобильных команд талантливых исследователей, отвечающих на важнейшие вызовы местной экономики. Важен принцип: *таланты к талантам*: новые партнерские структуры обеспечивают концентрацию талантов, прежде рассеянных по разным организациям и фирмам региональной периферии.

Рассмотрим в этой связи опыт формирования новой исследовательской университетской сети в финской северной периферии Сейнайоки. Она была

[150] Ведь экономика знания предполагает как важнейшее условие коммуникацию без барьеров, но это означает обязательное присутствие эффективных информационных посредников — центров, ядер трансфера нового знания. Региональный университет имеет все необходимые благоприятные предпосылки, чтобы стать им.

сформирована в результате сотрудничества шести финских университетов и самого региона Сейнайоки. Сеть способствовала концентрации местных талантов в результате приглашения одаренных специалистов из столичных университетов, т. е. имела широкую географию.

Вместо характерного для многих северных регионов России создания филиалов столичных университетов, которые вступают в разрушительную конкуренцию за преподавательские кадры и студентов с местными вузами, здесь была реализована партнерская модель вхождения столичных университетов в одну сеть с местным.

Ядро сети составила группа из 10–15 постоянных профессоров, приглашенных на время из столичных университетов, которые вокруг себя формировали исследовательскую среду, общее сообщество десятков исследователей, сконцентрированных на прорывных направлениях развития периферийной экономики: ИКТ, маркетинг местной ресурсной продукции, социальное благосостояние и др. Каждое направление постоянно курировали один–два профессора, каждый профессор имел около пяти исследователей в виде старшекурсников и аспирантов. Местные промышленные фирмы софинансировали работу столичных профессоров ввиду прикладного характера проводимых ими исследований[151]. Университетская сеть укрепила базовую исследовательскую инфраструктуру и запустила процесс последующего формирования более широких региональных сетей из представителей местного университета, промышленных фирм, некоммерческих организаций.

Данный пример дает отчетливое представление, какие больши́е ожидания связываются в экономике зарубежной северной периферии с деятельностью талантливых кадров, какие значительные усилия предпринимаются, чтобы обеспечить вре́менную концентрацию своих и приглашенных талантов на приоритетных направлениях местного развития.

[151] South Ostrobothnian University Network — EPANET 2002. Information brochure. University Association of South Ostrobothnia EPKY. Seinäjoki, Finland.

БЛОК ОСОБЫХ СЛУЧАЕВ СЕВЕРНОЙ ПЕРИФЕРИИ

Часть 7

Особый случай северной периферии: внутриконтинентальные таежные островные сообщества

Есть два случая северных периферийных, предельно изолированных (островных), сообществ — приморский и сухопутный. Первый — это обособленные районы и регионы преимущественно арктической зоны, отрезанные от круглогодичной связи с центрами; второй — это внутриматериковые заселенные анклавы таежной зоны. Назовем их *таежными островными сообществами*. Это *отдельные муниципальные образования или регионы*, которые не имеют круглогодичной наземной связи с центрами. Например, Эвенкия, многие внутренние районы Якутии, периферийные районы Ханты-Мансийского автономного округа.

Барьеры и ограничения изолированности значительно сильнее и отчетливее проявляются внутри таких сообществ, чем в приморских, в которых всегда существуют активные контакты жителей береговых поселений и внутренних территорий, жителей береговых поселений между собой. Уклад жизни таежных сообществ-изолятов обладает спецификой не только по сравнению с центрами, но даже по сравнению с ближайшими аналогами — тоже обособленными сообществами приморской арктической зоны. Здесь сохранен традиционный агропромысловый уклад, ниже интенсивность хозяйственной деятельности, острее проявляется транспортная недоступность, потому что более короткий период сезонной навигации.

Глава 14

Специфические черты таежных островных сообществ

14.1. Предельное проявление северной периферийности

Сообщества таежной зоны, расположенные в глубине континента, вне постоянной наземной транспортной сети, характеризуются не отдельными, а тотально присутствующими чертами северной периферийности. Они одновременно сочетают низкую плотность населения, этническую специфичность, малый размер экономики, дисперсность расселения, испытывают давление предельной (ультраконтинентальной) холодовой дискомфортности.

Если мы будем сравнивать плотность населения таежных и приморских (арктических) островов-изолятов, то окажется, что минимальная плотность характерна именно для первых.

Сверхнизкая плотность населения таежных «островов» в сравнении с показателями европейской центральной России и даже арктической зоны, означает иные ценности сообщества, определяет своеобразие поведения проживающих здесь людей. При прочих равных условиях, чем меньше размер сообщества, тем меньше места рыночным и больше неденежным ценностям дара, кооперативности, щедрости.

В таежных островных сообществах другая структура бюджетных расходов — не только потому, что их потребности иные, чем у жителей материковых центров, но потому, что их ценности другие: например, им нужен инвентарь для традиционных промыслов, который жителю крупных городов не требуется. И даже по сравнению с сообществами арктической зоны, у таежных островитян роль традиционного жизнеобеспечения оказывается выше в реальных доходах домохозяйства.

Различные виды хозяйственной деятельности в условиях низкой плотности неожиданно обретают социальную трактовку. Например, в малонаселенных пространствах рыбный промысел, нефтеперерабатывающий завод, строительство угольного разреза имеют социальное значение. Воздушный транспорт как

единственный круглогодичный способ связи «с материком-центром» исполняет социальную роль: помимо перевозок пассажиров и значительной части грузов, осуществляются санитарные рейсы для оказания срочной медицинской помощи, перевозка детей из малых сел в интернаты, доставка критического продовольствия в отдаленные села.

Привычные для урбанизированных центральных районов и городов экономические институты (нормы, правила, рамки поведения) приобретают в условиях сверхнизкой плотности совершенно другую трактовку. Например, низкоплотностные пространства Эвенкии вынуждают нарушать федеральные социальные нормативы. Для России существует норма 800 жителей на один фельдшерско-акушерский пункт, для Эвенкии — 60 человек. Для эвенкийского села Тутончаны по нормативам не нужна больница, но она там есть.

Поскольку в поселениях арктической зоны в десятилетия индустриального освоения сильнее проявились тенденции к сжатию системы расселения и концентрации жителей в наиболее крупных селах и поселках, чем в таежных островах-изолятах, то отступления от среднероссийских нормативов социального обеспечения особенно сильны именно во втором случае, когда сохранилась мелкодисперсная сеть агропромысловых поселений.

Коренные малочисленные народы Севера — первопоселенцы таежных островов-изолятов — оказывают сильное влияние на общее поведение сообщества: ценности традиционной деятельности — нетоварного, для целей самообеспечения, рыбного и охотничьего промысла, сбора дикоросов, оленеводства здесь приоритетны; проявления кооперативного поведения (взаимопомощь, щедрость) подчас даже сильнее, чем у аборигенных сообществ арктической зоны[152].

Всегда малый размер экономики северной периферии здесь просто ультра-мал даже по сравнению с экономикой поселений арктической зоны — по причине сравнительно лучше сохранившейся сети мелких населенных пунктов. Малый размер экономики, с одной стороны, обеспечивает гибкость реакции на изменения внешних условий (для этого не требуется длительная модернизация старых активов — их просто здесь нет); с другой стороны, малая экономика подвержена угрозам монополизации (на малых рынках не возникает условий для конкуренции), от которых необходима государственная защита в виде тарифного и ценового регулирования.

Те элементы, которые в большой экономике абсолютно обособлены, в малой стыкуются друг с другом и формируют комплексы (например, единый социальный комплекс[153] школа — клуб — фельдшерско-акушерский пункт для малого села). Чем меньше размер села и, следовательно, уже рынок мест-

---

[152] Экспертный вывод на основе сравнительного анализа фольклора коренных народов арктической и внутриконтинентальной таежной зоны.

[153] В начале индустриального освоения советского Севера существовали культбазы — близкий аналог современных сельских социальных комплексов.

социальных услуг, сильнее его изолированность и отдаленность от «ма-ка», тем больше стимулов возникает к такой интеграции. И неслучайно ые эксперименты с социальными инфраструктурными комплексами ро-ись в России именно в островных сообществах таежной северной пери-ии — в отдаленных районах Ханты-Мансийского автономного округа — ы, а не, например, в более крупных по размеру приморских селах Чукот-о автономного округа.

Малая островная экономика предъявляет спрос не на узких специалистов, а специалистов универсальных компетенций, обладающих комплексом мосвязанных «смежных» знаний и умений: например, в строительстве это ер общестроительных работ (одновременно каменщик, печник, бетонщик, пальщик, арматурщик), мастер отделочных строительных работ (маляр, ицовщик-плиточник, облицовщик-мозаичник, штукатур, облицовщик син-ческими материалами и др.), электрик широкого профиля (одновременно трик, монтер, сварщик); в здравоохранении это семейный врач общей тики (а не специалист конкретной медицинской службы); в образовании учитель одновременно по нескольким курсам (а не узкий предметник). Но рганах управления, в местной политической системе, совмещения объек-ю вынуждены. Например, по причинам кадрового дефицита многие ра-ики законодательной власти одновременно и руководители хозяйств, или тают занятость в законодательной и исполнительной власти. С точки зре-местного рынка труда вынужденная универсальность компетенций озна-значительную роль вторичной занятости — работы по совместительству договорам гражданско-правового характера.

Ультраконтинентальность климатических условий, типичная для таеж-островных сообществ, приводит здесь к предельной холодовой дискомг-гности. Поэтому, например, у населения Эвенкии резко преобладают бо-и органов дыхания в структуре общей заболеваемости. Продолжитель-ь отопительного сезона доходит здесь до 250–320 дней в году, а система оснабжения является самым крупным потребителем топлива в муници-ном районе.

Издержки «островной» периферийности проявляются сильнее, когда внут-стровного сообщества нет интегральной хозяйственной структуры, кото-бы связывала его части в единую целостность. Это характерно при недос-чной освоенности, слабой вовлеченности местных природных активов в йственный оборот, типичных чертах таежных островов-изолятов.

Фрагментация внутренней территориальной структуры усиливает внеш-ю периферийность таежного островного сообщества. В этом случае ост-ой район или регион представляет собой архипелаг более мелких посе-й-«островов», слабо взаимодействующих между собой и отграниченных от друга барьерами бездорожного пространства (табл. 19). В условиях ленности и изолированности сел каждое местное сообщество обладает

Таблица 19

Березовский[154] таежный район-остров как архипелаг внутренних мелких «островов»

Населенные пункты	Транспортные пути								
	Авиатранспорт			Водный транспорт			Автозимник		
	Расстояние, км	Время в пути, ч	Стоимость билета, руб.	Расстояние, км	Время в пути, ч	Стоимость билета, руб.	Расстояние, км	Время в пути, ч	Стоимость билета, руб.
Березово — Няксимволь	**284**	02,31	1760,0	**760**	**нет пассажирского сообщения**		**308**	13,00	570,6
Березово — Приполярный	**270**	02,33	1976,0	**нет водного сообщения**			**428**	13,00	613,2
Березово — Саранпауль	**203**	01,28	1157,0	**462**	19,00	845,0	**418**	12,00	591,9
Березово — Хулимсунт	**202**	01,59	1494,0	**520**	**нет пассажирского сообщения**		**318**	10,00	457,4
Березово — Сосьва	**147**	01,38	772,0	**288**	07,05	646,0	**275**	07,00	389,4
Березово — Светлый	**141**	01,33	1108,0	**нет водного сообщения**			**178**	05,00	259,1
Березово — Игрим	**89**	00,45	1013,0	**110**	02,55	294,0	**108**	03,00	160,0
Березово — Ванзетур	**47**	00,43	531,0	**60**	01,30	206,0	**53**	02,00	75,0
Березово — Теги	**47**	**нет авиарейсов**		**59**	01,05	123,0	**66**	02,00	93,5

сильной внутренней спецификой и потому обычно представлено в органах законодательной власти района-острова.

Для таежных островных сообществ характерна своеобразная духовная жизнь. Многие из них стали местом проживания общин староверов, баптистов, ссыльных, немецких колонистов, других этнических землячеств, знание и навыки которых оказали значительное влияние на последующее развитие этих территорий. По сравнению с арктическими сообществами в таежных островах-изолятах информационная оторванность острее, потребность в свежей информации выше. Неслучайно именно Эвенкия как единственная таежная островная периферия среди всех северных автономных округов имела в 2005 году лучшие показатели обеспеченности книгами библиотек на 1000 человек населения.

[154] Березовский район Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

14.2. «Знаниевая» типология таежных островных сообществ

При общих чертах информационной периферийности, присущей всем островным сообществам, внутри них существует значительное разнообразие с точки зрения обучаемости — восприимчивости к новому знанию. На примере Эвенкии можно выделить семь типов сообществ (табл. 20). При этом размер сообщества является важным, но далеко не единственным фактором, влияющим на обучаемость. Другими значимыми факторами выступают этническая структура, культурное разнообразие, религиозные убеждения.

В *первом типе* самых крупных сообществ Ванавары, Туры и Байкита, обособляются сообщества гуманитарных компетенций Ванавары и Туры, представители которых склонны к занятиям художественным творчеством, и Байкита, в котором в силу специализации экономики доминируют специалисты технического знания. Абсолютно закономерно, что сообщество Байкита наименее активно вовлечено в занятия в кружках художественной самодеятельности, зато интересуется техническим творчеством. Менее крупное, чем в райцентре Тура, сообщество Ванавары, однако, характеризуется максимально благоприятными условиями для богатой и разнообразной духовной жизни: сосуществование разных этносов, позитивное влияние ученых заповедника «Тунгусский», активное участие жителей в различных кружках художественной самодеятельности.

Село **Ванавара** расположено на юге Эвенкии, на правом берегу реки Подкаменная Тунгуска, в устье реки Ванаварка. Здесь проживает около 3,3 тысяч человек, в том числе 0 % из них это представители коренных малочисленных народов Севера. Изначально центром Тунгусско-Чунского района был поселок Стрелка-Чуня, позже, в 1935 году, районный центр переместился в село Ванавара. Причиной тому послужила географическая даленность Стрелки-Чуни от основной водной магистрали — Подкаменной Тунгуски, то затрудняло сообщение с другими населенными пунктами района.

Специфической чертой местного сообщества жителей является активное участие в художественных творческих мероприятиях. Здесь наиболее высокий процент вовлеченности жителей в кружки, самые популярные из них — хорового пения (может быть индикатором плочения сообщества, его способности к взаимовыручке). С 1973 года в Ванаваре работает школа искусств с музыкальным, художественным и декоративно-прикладным отделениями. Организованный здесь еще в 1958 году хор русской народной песни в конце 1990-х годов получил звание «народного». Ежегодно в селе проходит фестиваль «Эвенкийские зори».

Относительно близко к селу расположен природный заповедник «Тунгусский», в пределах которого находится место падения в 1908 году Тунгусского метеорита. Деятельность сотрудников заповедника и ученых, работающих на его базе, направлена на изучение уникальных природных комплексов Эвенкии и последствий падения Тунгусского метеорита.

Районный центр Эвенкии поселок **Тура** расположен в центре Эвенкии, на правом берегу реки Нижняя Тунгуска, в устье реки Кочечум. Здесь проживает более 5,7 тысяч человек, около половины из них — это коренные малочисленные народы Севера (прежде всего

Таблица 2

Типология местных сообществ Эвенкии по знаниевому поведению

Село	Людность на 01.01. 2006 г.	Доля народов Севера в общей численности, 2005	Доля занятых в кружках, 2005 г.	Доминирующий профиль кружков	Расстояние до райцентра (Тура), км
1. Самые крупные сообщества максимально разнообразной духовной жизни					
Ванавара	3342	10 %	7 %	хоровые	448
Тура	5720	54 %	3 %	хоровые	–
Байкит	3840	12 %	2 %	хореографические	347
2. Максимально предприимчивое сообщество с богатой духовной жизнью					
Ессей	632	3 %	8 %	хореографические	475
3. Сообщества самой высокой вовлеченности в работу кружков художественного творчества, смешанной этнической структуры, социально благополучные					
Тутончаны	320	50 %	9 %	изобразительных искусств	310
Кислокан	239	61 %	23 %	хоровые	198
Стрелка	212	44 %	31 %	хоровые, хореографические, театральные	314
Юкта	137	59 %	22 %	изобразительных искусств	297
Эконда	257	94 %	21 %	хоровые	292
Полигус	362	70 %	6 %	хореографические	373
4. Сообщества с сильным внешним духовным влиянием					
Нидым	254	42 %	12 %	хоровые, изобразительных искусств	22
Чиринда	244	60 %	8 %	изобразительных искусств, народные промыслы	364
Куюмба	183	65 %	0	нет	403
5. Сообщества предельно моноэтничные, наиболее проблемные по социальным болезням					
Суринда	474	99 %	2 %	хореографические	238
Суломай	200	87 %	0	нет	543
Учами	160	89 %	17 %	изобразительных искусств, народные промыслы	

эвенки). В 1920-е годы стойбище Тура стала культбазой, в последующие годы центром Эвенкийского национального, затем автономного округа. Весь период последних десятилетий Тура выполняла роль административного центра округа и Илимпийского района, образовательного, культурного центра, базы снабжения, торгово-закупочной, места дислокации аэропорта «Горный». Сообщество жителей Туры неоднородно, многоэтнично, интересы и ценности входящих в него социальных и этнических групп сильно различаются.

Село **Байкит** расположено на правом берегу реки Подкаменная Тунгуска. Здесь проживает около 3,8 тысяч человек, около 12 % из них — это коренные малочисленные народы Севера.

Специфическими чертами сообщества местных жителей является множество форм самоорганизации творческих людей (Байкитский клуб творческих людей, шахматный фестиваль, хореографические и другие кружки). Здесь самое активное в Эвенкии потребительское общество, которое осуществляет доставку продуктов и промышленных товаров в Байкит и ближайшие села в короткий двухнедельный период весенней навигации, торговлю во всех ближайших к Байкиту селах-факториях.

Ко *второму типу* отнесено одно, исключительно самобытное, не похожее ни на одно другое, сообщество села Ессей. Многовековое смешение этнических черт якутских и эвенкийских хозяйств содействовало развитию здесь богатой духовной жизни. Местное сообщество характеризует значительная предприимчивость.

Крупнейшее село (более 600 человек жителей), самое северное и самое старое в Эвенкии, **Ессей** расположено на западном берегу озера Ессей за полярным кругом в лесотундровой зоне. Зима длится здесь более восьми месяцев, поэтому подушевые расходы районного бюджета в Ессее на порядки превосходят средние показатели по Эвенкии.

Община местных жителей — это ессейские якуты, черты традиционного хозяйства которых объединяют элементы якутского и эвенкийского хозяйства. Общину формируют четыре рода. Ессейские якуты сохранили тесные связи с соседней Якутией, своей исторической родиной. Основное снабжение Ессея происходит по зимнику из Туры с января по март.

Уровень предпринимательской энергии здесь всегда был выше, чем в окрестных селах Эвенкии: например, еще в 1955 году оленеводческо-промысловый колхоз «Путь Ленина» Ессея был единственным колхозом-миллионером в Эвенкии. Современные жители села сохранили память о родовых кочевьях и родовых землях своих предков на плато Путорана.

В 1990-е годы здесь раньше, чем в других селах, возник слой малых предпринимателей, оленефермы, рыночные структуры (ООО «Люксина» и др.). Малый бизнес, а не муниципальные службы, обеспечивают население дровами. Здесь есть не только муниципальный, но и частный торговый магазин.

О богатой культурной жизни села свидетельствует высокий процент занимающихся в различных кружках. Большу́ю известность в районе и крае имеет детский ансамбль песни и танца Ессейского сельского Дома культуры «Хотугу Сулус» («Полярная звезда»).

К *третьему типу* отнесены шесть местных сообществ, которые характеризуются самым высоким участием в кружках художественной самодеятельности, смешанной этнической структурой. Среди них последние два — Эконда и Полигус являются более проблемными ввиду значительного распространения алкоголизма.

Село **Тутончаны** расположено на правом берегу реки Нижняя Тунгуска, в устье реки Тутончана. Климат здесь мягче, чем в соседних селах, глубже река, потому что Енисей отсюда уже сравнительно близок. Здесь обозначается северный предел распространению кедра в Эвенкии. В селе проживает около 320 человек, половина среди них — это эвенки. В селе расположен детский сад, средняя школа, участковая больница.

Завоз основных товаров проходит в течение месяца, в период речной навигации, по пути доставки грузов в Туру. В селе шесть котельных, из них пять на дровах, одна на угле. Особенности новейшей истории села связаны с поселением здесь с 1940 года немецких колонистов из Поволжья. Уклад их жизни, навыки сельского хозяйства, несомненно, оказали сильное воздействие на развитие села в новейшее время.

Тутончаны — экономически сильное сообщество. Местные жители имеют второе место по подушевым доходам в Эвенкии. Опора на собственные силы проявляется в том, что жители не хотят регистрироваться безработными, способны к самообеспечению мясом лося, оленей и самозанятости в традиционной экономике — оленеводстве, пушном, охотничьем, рыбном промыслах.

Ядро села составляют около 40 человек механизаторов и их жен в бюджетной сфере. Школа села имеет один из самых высоких в Эвенкии уровней компьютеризации. Многие выходцы из села занимают достойные рабочие места в районе и крае. Почти каждый десятый житель села вовлечен в деятельность кружков художественного творчества, часто изобразительных искусств.

Село **Кислокан** расположено на правом берегу реки Нижняя Тунгуска, напротив устья реки Верхний Кислокан. Здесь проживает около 240 человек, две трети из них — это эвенки. Местный микроклимат комфортнее, чем в соседних селах Эвенкии. В период с января по март используется специальный тяжелый транспорт по временным зимним автодорогам из Туры, обратно доставляется картофель для Туры; в короткий период весенней навигации завоз грузов осуществляется по реке. Здесь расположены детский сад, средняя школа.

К особенностям местного сообщества необходимо отнести сравнительно высокие для Эвенкии подушевые доходы, влияние проживающих здесь с 1940 года немецких колонистов, значительную вовлеченность местных жителей в кружки художественного творчества, прежде всего хорового пения, что может служить косвенным признаком сплочения местного сообщества и его способности к коллективным действиям и взаимовыручке.

Село **Стрелка-Чуня** расположено на левом берегу реки Чуня, в 1000 метрах по реке Чуня от точки слияния рек Северная Чуня и Южная Чуня. Здесь проживает около 210 человек, половина из них — это эвенки. Для завоза грузов в период с января по март используется специальный тяжелый транспорт по временным зимним автодорогам. Здесь расположены детский сад, школа.

Особенностями местного сообщества является максимальное для Эвенкии распространение кружков художественного творчества, в которые вовлечена треть населения. Прежде всего это кружки хорового пения (может быть индикатором сплоченности местного сообщества, его способности к коллективным действиям и взаимовыручке), хореографические театральные кружки. Творческая группа села ежегодно принимает участие в фестивале народного творчества «Эвенкийские зори».

Село **Юкта** расположено на левом берегу реки Нижняя Тунгуска, в 7 км вверх по течению, от устья реки Илимпея. Здесь проживает около 135 человек, среди которых около 60 % — это эвенки. Завоз грузов проходит в период весенней навигации в течение двух недель, зимой по временным зимним автодорогам с января по март из Туры. В селе расположена начальная школа-детский сад.

Особенности сообщества состоят в значительной развитости кружков художественного творчества (в них состоит каждый пятый житель), позитивном влиянии семей немецких колонистов, переселенных сюда с 1940 года, на местный уклад жизни и хозяйства.

Национальное село **Эконда** расположено на левом берегу реки Вилюй, в устье реки Паспорин. Здесь проживает около 260 человек, более 90 % из них — эвенки. В период с февраля по март используется специальный тяжелый транспорт по временным зимним автодорогам для сезонного завоза грузов из Туры. Вторая возможность завоза возникает в период речной навигации с мая. Поскольку село расположено в лесной зоне, отопление здесь традиционно дровяное.

Особенности местного сообщества состоят в широком распространении традиционных для коренных народов Севера обычаев бесплатного распределения добычи среди всех жителей, щедрости и гостеприимства. Структуру местного сообщества, каждый пятый в котором вовлечен в работу кружков художественного творчества, преимущественно хоровые и фольклорные, формирует шесть родов. На их основе созданы родовые общины, которые заняты оленеводством, пушным, охотничьим, рыбным промыслами. Поголовье личных домашних оленей составляет около 600 голов. Главная социальная проблема села связана с пьянством, которое существенно ухудшает качественную структуру сообщества, по всем другим параметрам (работоспособность, трудолюбие, сохраненность традиционных ценностей) выгодно отличающимся от других, сходного размера.

Село **Полигус** расположено на правом берегу реки Подкаменная Тунгуска, в устье реки Полигус. Южная граница поселения проходит по берегу реки Подкаменная Тунгуска. В национальном селе проживает около 360 человек, две трети из них — коренные малочисленные народы Севера. В селе расположены детский сад и школа, участковая больница. В период с января по март используется специальный тяжелый транспорт по временным зимним автодорогам. В весеннюю навигацию могут пройти только малые баржи до 200 тонн, в этом случае в зимний сезон нет недостатка нефти для отопления.

В советское время местный совхоз Полигусовский держал до 10 тысяч домашних оленей. Сегодня основные виды занятий это охотничий промысел, заготовка, закупка, переработка и реализация промысловой пушнины.

К *четвертому типу* относится три местных сообщества с сильным внешним влиянием — сначала немецкие колонисты, теперь общины баптистов.

Село **Нидым** расположено на правом берегу реки Нижняя Тунгуска, в 25 км от крупнейшего рынка Эвенкии — райцентра Туры. Здесь проживает около 250 чел., среди которых около 40 % — это эвенки. Примерно половина трудоспособного населения не имеют работы. В период с января по март используется специальный тяжелый транспорт по временным зимним автодорогам для завоза товаров в Нидым; в период двухнедельной речной навигации в мае завоз грузов осуществляется попутно с их доставкой в Туру. В селе расположена школа, детский сад, новый клуб, построенный в 1990-е годы.

К чертам сообщества следует отнести явный недостаток собственной предпринимательской энергии, сильную подверженность внешним духовным влияниям (из Туры в село регулярно приезжают баптисты обращать местное сообщество в свою религиозную веру).

Село **Чиринда** расположено на южном берегу озера Чирингда. Здесь проживает около 240 человек, примерно две трети среди них — это эвенки. С января по март используется специальный тяжелый транспорт по временным зимним автодорогам для завоза грузов (угля, продовольствия, промышленных товаров). Здесь расположены школа, детский сад, фельдшерско-акушерский пункт.

Специфическая особенность истории села состоит в проживании здесь с 1940 года высланных из Поволжья немецких колонистов, которые оказали влияние на местный уклад жизни и тип хозяйствования.

Село **Куюмба** расположено на реке Подкаменная Тунгуска, в устьях рек Куюмба и Бугаркон. Река Подкаменная Тунгуска делит поселение на две части. Здесь проживает 180 человек, две трети из которых это представители коренных малочисленных народов Севера. Здесь расположена начальная школа — детский сад. Для завоза грузов в период с января по март используется специальный тяжелый транспорт по временным зимним автодорогам.

Для местного сообщества характерны минимальные подушевые доходы в районе, неразвитость художественного творчества в кружках, проникновение баптистов, которые живут здесь уже более десяти лет.

К *пятому типу* относится три сообщества практически моноэтничной структуры, с многочисленными социальными проблемами.

Село **Суринда** расположено на реке Сурингда, которая делит муниципальное образование на две части. Это национальное село, в котором проживает 470 человек, 90 % их них эвенки. Здесь минимальные в районе подушевые доходы у жителей. В селе расположены детский сад и средняя школа, участковая больница. Для завоза товаров в период с января по март используется специальный тяжелый транспорт по временным зимним автодорогам. В прежнем оленеводческом совхозе в Суринде было 15 тысяч голов домашних оленей.

Село **Учами** расположено на правом берегу реки Нижняя Тунгуска, в 6,5 км от устья реки Учами. Здесь проживает 160 человек, среди которых 85 % эвенков. Завоз грузов проходит в период весенней навигации попутно с его доставкой в Туру. Здесь расположена начальная школа — детский сад.

К чертам местного сообщества следует отнести клановость, атмосферу апатии, высокую безработицу, особенно сильную среди мужчин, которые не могут найти себя в бюджетном секторе села. Одновременно в селе довольно развито художественное творчество, многие жители заняты в различных кружках, прежде всего народных промыслов и изобразительных искусств.

Село **Суломай** расположено на правом берегу реки Подкаменная Тунгуска, в 3 км вниз по течению от острова Черный. Здесь проживает около 200 человек, более 85 % среди которых — это кеты. Село было восстановлено заново после катастрофического ледохода в 2001 году. Были построены дома, школа, детский сад, участковая больница на пять мест, запущены в эксплуатацию новые котельные, водозаборные сооружения. Национальное село концентрирует все типичные социальные проблемы коренных малочисленных народов Севера: значительную бедность населения, высокую безработицу, пьянство.

К *шестому типу* относятся предельно информационно закрытые сообщества староверов.

Поселок староверов **Бурный** расположен на левом берегу реки Вельмо, притока реки Подкаменная Тунгуска, в устье реки Бурная (Тельма). Здесь проживает 175 человек. В поселке есть начальная школа и фельдшерско-акушерский пункт. Основные предприятия села — Байкитэнерго, Эвенкиянефтепродукт, лесхоз, почта России, рыбкоп-магазин. Местное теплоэнергообеспечение базируется на местных дровах и завозимом дизельном топливе.

Экономической особенностью села являются минимальные для Эвенкии подушевые доходы, значительное количество безработных. Однако если признать неработоспособ-

ность здесь, в селе староверов, стандартных критериев успешности сельской экономики, эти, в другом случае негативные показатели развития, здесь могут не вызывать большой тревоги районной власти. Для местного сообщества характерно максимальное развитие самообеспечения продовольствием за счет содержания коров, овец, выращивания овощей и картофеля. В селе нет телевидения, кружков художественного творчество. Оно характеризуется предельной закрытостью от внешнего мира.

Село староверов **Кузьмовка** расположено на правом берегу реки Подкаменная Тунгуска. Здесь проживает около 140 человек. Есть начальная школа. Отсутствует регулярное транспортное сообщение, в связи с мелководьем баржа с грузом доходит до села не всякую речную навигацию.

Для села характерны минимальные подушевые доходы, полное самообеспечение (отказ от всех видов государственной и муниципальной помощи).

К *седьмой группе* относятся сверхмалые села плюралистичной этнической структуры и суженной духовной жизни. На знаниевый пул данной группы влияют противоположные факторы: значительной удаленности от центров, отсутствие кружков творческой деятельности при позитивном влиянии сосуществующих разных этнических групп.

Село **Ошарово** расположено на левом берегу реки Подкаменная Тунгуска. Здесь проживает 130 человек, треть из которых — это коренные малочисленные народы Севера. Здесь расположена основная школа и фельдшерско-акушерский пункт. Завоз грузов проходит в течение двух недель в период весенней навигации.

Поселок **Муторай** расположен на правом и левом берегах реки Чуня. Здесь проживает 85 человек, половина среди которых — это эвенки. В селе размещена начальная школа, для завоза грузов с января по март используется специальный тяжелый транспорт по временным зимним автодорогам.

Село **Мирюга** расположено на правом берегу реки Подкаменная Тунгуска, в 1,5 км от устья реки Мирюга и в 6 км от устья реки Подпорожная (Ненчэшэмо). Здесь проживает 60 человек, треть из которых — это эвенки. Завоз грузов проходит в двухнедельный период весенней навигации. Здесь есть детский сад. Основой экономики и в прогнозный период останется пушной и охотничий промысел.

Поселок **Чемдальск** расположен на правом берегу реки Катанга (Подкаменная Тунгуска), в 3 км вниз от устья реки Нижний Юктакон. Здесь проживает 50 человек, среди которых 40 % — это эвенки. Для завоза грузов в период с января по март используется специальный тяжелый транспорт по временным автодорогам. Здесь есть начальная малокомплектная школа, фельдшерско-акушерский пункт. Перспективы села связаны с сохранением традиционных промыслов как жизнеобеспечивающих для местного населения.

Село **Оскоба** расположено на правом берегу реки Подкаменная Тунгуска, в 250 метрах от озера Узенькое. Здесь проживает 18 человек. Завоз грузов осуществляется в период весенней навигации, с января по март используется специальный тяжелый транспорт по временным автодорогам. Перспективы развития села связаны с пушным промыслом.

Смешанная этническая структура, разнообразие духовной жизни в виде высокой вовлеченности жителей в разные кружки художественной самодеятельности, как правило, сочетаются с высокой восприимчивостью сообщества к новому знанию и активным его поиском. Закономерно, что такой тип поведения обычно уменьшает риски социальных болезней (прежде всего алкоголизма).

С другой стороны, этническая однородность национальных сел, слабое вовлечение в работу кружков художественного творчества, жесткая фрагментация сообщества на конкурирующие кланы ослабляет восприимчивость его к новому знанию (иногда делает просто необучаемым). Пассивность в добывании нового знания сочетается со значительным распространением социальных болезней (прежде всего алкоголизмом).

Система жизнеобеспечения сообществ таежных островов существенно отличается от остальной северной периферии и от сообществ-изолятов арктической зоны. Огромную роль играет в ней сезонный завоз критических грузов в сверхкороткий период речной навигации и по зимним автодорогам, хлебопекарный «промысел», банная культура и культура индивидуального (чаще деревянного) домостроения. Для таежного изолированного сообщества это не разрозненные специфические элементы жизнеобеспечения, но единый комплекс характерных видов деятельности, отличающих его от других северных и арктических сообществ.

14.3. Предельное влияние сезонного ритма на экономику таежных островов-изолятов (завоз грузов для обеспечения энергетической и продовольственной безопасности местных сообществ)

Проявления сезонности в районах Севера многогранны. Для всех территорий северной периферии характерны ярко выраженные летнезимние сезонные ритмы в деятельности природных и хозяйственных систем, более резкие, чем в центральных районах умеренной зоны, где они сглаживаются более комфортными природными условиями и более диверсифицированной структурой экономики большего размера.

Например, в оленеводстве и традиционных промыслах эта сезонность связана с миграциями домашних оленей с зимних на летние пастбища, миграциями биологических видов (рыб, пушных зверей). В экономике сезонность проявляется, например, в добыче россыпного золота, которая возможна только после весенней оттайки грунтов, в необходимости брать бюджетные кредиты и кредиты коммерческих банков в период массовых сезонных отпусков работников бюджетного сектора для покрытия вре́менных кассовых разрывов бюджета.

Внутри северной периферии сезонный ритм острее отражается на экономике таежных, чем арктических, островов. Этот ритм формируется, прежде всего, ежегодным завозом критических для жизнеобеспечения грузов нефтепродуктов, угля, продовольствия. У таежных островов чрезвычайно короток

Рис. 17. Обеспеченность товарными запасами в днях в организациях розничной торговли Эвенкии (на конец месяца)

срок завоза во время летней речной навигации. Для многих сообществ он исчисляется одной–двумя неделями, в короткий период весенне-летнего паводка. С другой стороны, летняя навигация по трассе Северного морского пути для снабжения приморских сообществ арктической зоны длится несколько месяцев.

Нередко общая продолжительность периода доставки грузов из центров-баз снабжения до таежных островов доходит до 320 суток. Продолжительность доставки грузов до поселений арктической зоны существенно короче.

В короткий период летнего паводка в таежной островной периферии необходимо сформировать резервы энергоносителей и продовольствия на полгода, до устойчивой работы зимников, или даже на год, до следующей навигации. Помесячная динамика товарных запасов позволяет увидеть, как весь хозяйственный ритм таежных островов подчинен речной навигации: сразу после нее товарные запасы максимальны, потом постепенно «тают», доходя до минимальных значений к концу года и в первые зимние месяцы, когда начинают действовать зимние ледовые дороги (рис. 17).

Отчетливость понимания принципиальных различий природы обеспечения энергетической и продовольственной безопасности арктических, приморских, и таежных, внутриматериковых, островных сообществ-изолятов — и сравнительно большей уязвимости вторых — пришла в России сравнительно недавно, на рубеже XX и XXI века. Этому способствовал процесс постоянной структуризации, обособления различных элементов внутри прежде, в советское индустриальное время, абсолютно монолитной, единой завозной компании: по видам поддерживаемых государством товарных групп, районов завоза, по финансовым инструментам поддержи завозной кампании. Рассмотрим этот процесс более подробно — в силу его важности для понимания ментальных предпосылок обособления в итоге самого трудного случая «районов малых и быстро мелеющих рек» (т. е. в нашей терминологии таежных островов).

В 1992–1999 гг. речь шла о регулировании поставок нефти, нефтепродуктов, угля и продовольствия в широкую группу территорий — районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности[155]. Более адресный термин «районы с ограниченными сроками завоза» был введен федеральным законом № 78-фз «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» 1996 года, затем в постановлении Правительства РФ 2000 г.[156]. (хотя перечень таких территорий утверждался уже с 1992 г.). В том же 2000 году федеральная поддержка завоза отдельной бюджетной строкой была ликвидирована. С этого времени господдержка стала осуществляться, наряду с другими направлениями, через федеральные трансферты северным регионам, что означало, что регионы стали полностью отвечать за этот процесс.

В 1993 г. в нормативном акте по поставкам продукции в районы Севера появляется разграничение нужд народного хозяйства и населения[157], т. е. различается завоз для потребностей местной экономики и местного сообщества. С 1994 г. был начат процесс постепенной передачи полномочий за завоз региональным властям, в которых расположены труднодоступные районы с ограниченными сроками морской и речной навигации; он завершился в 2000 г. передачей федеральных завозных средств в трансферты.

Одновременно началось обособление организационных схем осуществления поставок продовольствия, с одной стороны; угля, с другой стороны; и нефтепродуктов. Многие поставки продовольствия стали осуществлять новые возникшие рыночные структуры, конкуренция между которыми стала действенным фактором устойчивости процесса поставок. Государство оставило за собой только поддержку поставок продовольствия на малые изолированные рынки, на которых конкуренция невозможна.

Ужесточающиеся бюджетные ограничения вынудили многие регионы преобразовать транспортные схемы доставки угля, отказаться от его внешнего дальнего завоза и перейти на эксплуатацию своих малых и средних угольных месторождений, либо ближние поставки угля соседних регионов. Транспортная составляющая затрат в угольных поставках, которую частично финансировал федеральный бюджет, значительно уменьшилась. В результате во многих районах с ограниченными сроками завоза нефтепродукты стали доминировать

---

[155] Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 4 апреля 1992 года № 2661–1 «О мерах по обеспечению поставок продукции (товаров) в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности».

[156] Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2000 года № 278 «О государственной поддержке в 2000 году завоза продукции (товаров) в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности с ограниченными сроками завоза грузов».

[157] Постановление Совета Министров — Правительства Российской Федерации от 6 марта 1993 года № 207 «Об утверждении порядка организации поставки и перевозки продукции (товаров) для обеспечения народного хозяйства и населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей».

Таблица 21

Динамика структуры завозимых грузов в Эвенкию, тыс. т

	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Нефтепродукты	39,7	40,0	40,0	26,7	32,0	31,1	40,0	42,5	87,1	72,6	27,4	29,8	34,0
Уголь	48,4	29,0	52,0	42,0	45,0	60,0	–	14,9	15,0	12,0	6,0	6,0	9,0
Продовольственные товары	12,0	9,5	6,0	3,2	6,5	10,4	6,0	3,0	1,8	1,7	1,6	2,1	1,4
Другие	25,0	21,8	18,0	12,0	12,5	11,7	10,0	0,7	0,1	0,3	–	–	–
Всего, тыс. т	125,1	100,3	116,0	83,9	96,0	113,2	56,0	61,1	104	86,6	35,0	37,9	44,4

в весовой и стоимостной структуре поставок (табл. 21). Среди нефтепродуктов самый малый спрос на автобензин — ввиду отсутствия здесь развитой сети автодорог потребность в нем минимальная; спрос на дизельное топливо формируется изношенным парком неэкономичных, ресурсорасточительных дизельных электростанций; спрос на топочный мазут формируют котельные и во многих районах с ограниченными сроками завоза он доминирует в группе нефтепродуктов.

В 1995 г. в правительственном постановлении[158] вводится понятие социальные нужды, на которые прежде всего обращена государственная поддержка и организация поставок продукции в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности. Завоз нефтепродуктов и угля для потребностей местной экономики перестал поддерживаться государством.

В 1996 г. в постановлении Правительства РФ определены адресаты поддержки — социальная сфера и жилищно-коммунальное хозяйство, муниципальные и градообразующие предприятия в районах с ограниченными сроками навигации, села и поселки, расположенные в районах проживания коренных малочисленных народов Севера; перечислен перечень товаров, завоз которых на Север государство поддерживает[159]. В постановлении Правительства РФ 1997 г. впервые ставится задача разработать территориальные балансы раздельно по нефтепродуктам, нефти, углю[160].

---

[158] Постановление Правительства Российской Федерации от 24 мая 1995 г. № 508 «О системе государственной поддержки и организации поставок продукции (товаров) в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности в 1995 году».

[159] Постановление Правительства Российской Федерации от 23 апреля 1996 года № 502 «О государственной поддержке завоза продукции (товаров) в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности в 1996 году».

[160] Постановление Правительства Российской Федерации от 27 февраля 1997 г. № 225 «О системе государственной поддержки завоза продукции (товаров) в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности в 1997 году».

В постановлении Правительства РФ 1999 г. впервые был введен термин «районы малых и быстро мелеющих рек»[161], т. е. произошло обособление районов морского и речного завоза. Это означало неявное признание большей сложности обеспечения энергетической и продовольственной безопасности внутриматериковых периферийных сообществ.

Для подтверждения этого факта рассмотрим более подробно различия между доставкой нефтепродуктов в приморские и внутренние северные районы (рис. 18). Ситуация с поставками нефтепродуктов представляет особую сложность — как по причине большей трудности их замещения за счет собственного производства в самих районах с ограниченными сроками завоза, так и в связи с тем, что нефтеперерабатывающие заводы, как правило, расположены достаточно далеко от районов поставок.

Северные районы доминирующей морской доставки нефтепродуктов

В западном секторе Арктики (до порта Дудинка) уже в середине 1990-х гг. сложилась государственно-корпоративная система поддержки завоза. В этих регионах радикальная реформа привела к формированию крупных ресурсных корпораций на месте прежних государственных структур. Эта трансформация сопровождалась относительно небольшими социальными издержками и не привела к сбоям в функционировании основных систем жизнеобеспечения. Ресурсные компании взяли на себя ответственность за поставки нефтепродуктов для социальных нужд. Для них это означало дополнительные затраты, но одновременно позволило реализовать эффект экономии на размере операций. Кроме того, некоторое время их поставки нефтепродуктов бюджетным организациям сначала полностью, затем все в меньшей степени поддерживались федеральным бюджетом. В тех регионах западного сектора, где не имелось крупных хозяйствующих субъектов, например, в Архангельской области, удалось консолидировать локальных потребителей и осуществлять менее затратные поставки в одну систему локальных рынков. Данная группа территорий находится в зоне притяжения Омского НПЗ, предприятий «Киришинефтеоргсинтез», «Ухтанефтепереработка» и НОРСИ, из которых осуществлялись поставки мазута, дизельного топлива, бензина и в незначительных объемах авиакеросина.

В восточном секторе Арктики (арктические улусы Якутии и Чукотский автономный округ) ситуация с завозом нефтепродуктов все 1990-е годы оставалась напряженной и вызывала необходимость активного государственного регулирования и поддержки (например, Республика Саха-Якутия ежегодно получала около трети всех средств федерального бюджета, предоставляемых на поддержку завоза). Слабые местные бюджеты не имели достаточно ресурсов для совместного с федеральным бюджетом финансирования этой кампании. Крупных хозяйствующих субъектов после начала радикальной реформы здесь не осталось, за исключением акционерной компании «Алмазы России — Саха». Слабая интегрированность этих рынков, как со стороны структур-поставщиков, так и со стороны структур-потребителей вызывала, ввиду невозможности получения эффекта экономии на размере, исключительно высокие затраты доставки сюда каждой тонны мазута, дизельного топлива и бензина.

---

[161] Постановление Правительства Российской Федерации от 23 апреля 1999 года № 460 «О государственной поддержке завоза продукции (товаров) в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности в 1999 году».

Рис. 18. Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности с ограниченными сроками завоза грузов

Специфика организации рынков этих территорий, а также примыкающих к ним тихоокеанских районов Восточной Чукотки, состоит в том, что они представляют собой автономные обособленные анклавы входных морских баз, соединенные с другими поселениями сетью сезонно работающих зимников или речных трасс. Поэтому необходимые сроки резервирования запасов нефтепродуктов здесь составляют шесть–восемь месяцев. Обязательное наличие резервных мощностей нефтепродуктов на нефтебазах является определяющей чертой структурной организации этих локальных рынков.

Прибрежные дальневосточные регионы доминирующей морской доставки нефтепродуктов находятся в зоне активности тех же нефтеперерабатывающих заводов, что и регионы восточного сектора Арктики. Поставки нефтепродуктов сюда осуществляются с Комсомольского, Хабаровского НПЗ и Ангарского нефтехимического комбината. В этих территориях наиболее остро ощущались последствия быстрого дробления ранее крупных хозяйственных структур. Весь период 1990-х годов медленно и избирательно на обломках старых крупных госструктур здесь вырастали новые рыночные предприятия, которые лишь с 2000–2001 гг. стали в состоянии взять на себя функции завоза нефтепродуктов для муниципальных целей. Наиболее драматично складывалась ситуация по завозу нефтепродуктов в рыбозависимых экономиках Курильских островов Сахалинской области, Камчатской области и Корякском автономном округе. Дисперсный, высоко вариативный характер морских биологических ресурсов, дополнительно с объективными экономическими факторами, способствовал дезинтеграционным процессам в рыбной отрасли и потому сбоям в системе жизнеобеспечения районов, ранее находившихся в монопольной зависимости от Минрыбхоза СССР. По причине отсутствия платежеспособных потребителей и наиболее катастрофического экономического спада здесь дольше всего не складывались устойчиво функционирующие рынки нефтепродуктов[162].

Внутриконтинентальные северные районы доминирующей речной доставки нефтепродуктов

Внутренние северные районы доставки нефтепродуктов — это, как правило, проблемные аграрные ареалы с сильной этнической спецификой, абсолютно лишенные источников саморазвития и потому определяющим образом зависимые от федеральных трансфертов (республика Тыва, Эвенкия, части территорий Республики Саха-Якутия, Хабаровского края, Читинской, Иркутской областей). В силу возможности различных схем транспортной доставки нефтепродуктов, каждая из которых сопряжена со значительными затратами и должна быть осуществлена в ограниченные сроки речной навигации или по зимникам, здесь возникает перекрытие зоны действия пяти нефтеперерабатывающих заводов: Омского, Ачинского, Комсомольского, Хабаровского НПЗ и Ангарской НХК. Здесь наблюдается предельная степень автономности локальных рынков. Каждое село должно иметь складские емкости (мини-нефтебазы и склады ГСМ) для хранения многомесячных запасов нефтепродуктов, потому что входных баз нет — нет иерархии «база — поселения»; все поселения (например, в Эвенкии) *одинаково автономно* расположены вдоль малых быстро

[162] *Арбатов А. А., Мухин А. В., Пилясов А. Н., Смирнов В. С.* Становление северных рынков нефтепродуктов: от господдержки завоза к лидерству нефтяных компаний. М.: СОПС. 2002.

мелеющих рек, куда доставить необходимые запасы угля, нефти, нефтепродуктов, муки, сахара летом можно только в двухнедельный период половодья, и затем уже только через шесть–семь месяцев, зимой — по плохим сезонным дорогам.

«Капиллярная» природа завоза грузов в таежные периферийные острова принципиально отличается от более массовых поставок в арктические поселки по трассе Северного морского пути. Неслучайно для региональных и местных властей северной периферии она представляет особый вызов. Сотни коммерсантов, работников регионального и муниципального правительства вовлечены в работу высокозатратного комплекса видов деятельности, связанных с завозом грузов по малым рекам и зимникам, складами и базами для их хранения: проводят конкурсы и определяют победителей на поставку конкретных товарных групп, оформляют счета-фактуры на завозимые грузы, контролируют ход завозной компании и при необходимости осуществляют меры экстренного реагирования в виде переадресовок нефтеналивных барж в новом направлении, осуществляют замеры и контрольный анализ «капитанской пробы» с нефтеналивных судов, контролируют цены на завозимые товары и коммунальные услуги и т. д.

14.4. Хлебопекарное дело — черта образа жизни сообществ таежных островов-изолятов

Хлебопекарный «промысел» является характерной особенностью таежных периферийных сообществ: ведь в большинство поселений невозможно регулярно завозить хлеб и потому необходимо печь его на месте. Поэтому местная система хлебопечения здесь максимально децентрализована (даже по сравнению с сообществами арктической зоны).

В более крупных сообществах, где размеры рынка позволяют существовать малому бизнесу в хлебопечении, он и владеет мини-пекарнями; в малых сообществах хлеб выпекают структуры потребительской кооперации. Для поддержки убыточных пекарен осуществляется субсидирование затрат на электроэнергию и кредитование завоза муки.

В таежной островной периферии — Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры более 20 пекарен, однако реальным выпуском хлеба занимается 12–15 пекарен различной формы собственности. Наличие таких колоссальных *резервов по мощностям* выпуска есть результат природы островной экономики, когда вероятны значительные, в течение короткого периода происходящие, колебания численности населения ввиду вахтовых строительных и геологических экспедиционных работ.

По разным селам подушевое количество выпекаемого хлеба значительно колеблется (рис. 19), на что влияют факторы местоположения села и его раз-

Рис. 19. Сравнение подушевого количества выпекаемого хлеба в селах Березовского района, кг/чел.

мера. Например, в крупном селе Ванзетур, который расположен на полпути между районными столицами Игримом и Березово, весь хлеб выпекается на месте. С другой стороны, в малом селе Шайтанка, которое расположено рядом с районным центром, возможна периодическая доставка хлеба из Березова, и, кроме того, некоторые семьи сами пекут блины. Поэтому в этом селе подушевое количество выпекаемого хлеба значительно меньше, чем в полностью самообеспеченном местной выпечкой Ванзетуре.

Сравним помесячную структуру выпечки хлеба в сообществах Ванзетура и Теги, чтобы определить, в какой степени на нее влияют факторы размера села и его местоположения. В обоих случаях пик выпечки приходится на предновогодний декабрь. Для остальных зимних месяцев характерны существенно меньшие значения объемов выпечки. В мае–июле происходит постепенное уменьшение объемов выпекаемого хлеба. После завоза муки в период речной навигации в августе и сентябре отмечается пик выпекаемого хлеба высшего сорта. В Ванзетуре выше доля хлеба выпекаемого из муки первого сорта, чем в Тегах (рис. 20).

Сравнение структуры затрат на выпечку хлеба по селам района, одновременно с очевидными закономерностями, выявляет также и неожиданную специфику (рис. 21). Мука повсеместно составляет от трети до 40 % общих затрат. Электроэнергия от 3–5 % в зоне централизованного энергоснабжения и до 20 % в зоне децентрализованного энергоснабжения. Затраты на топливо составляют от 3–5 % до 15 % в труднодоступных зонах обеспечения угольным котельным топливом.

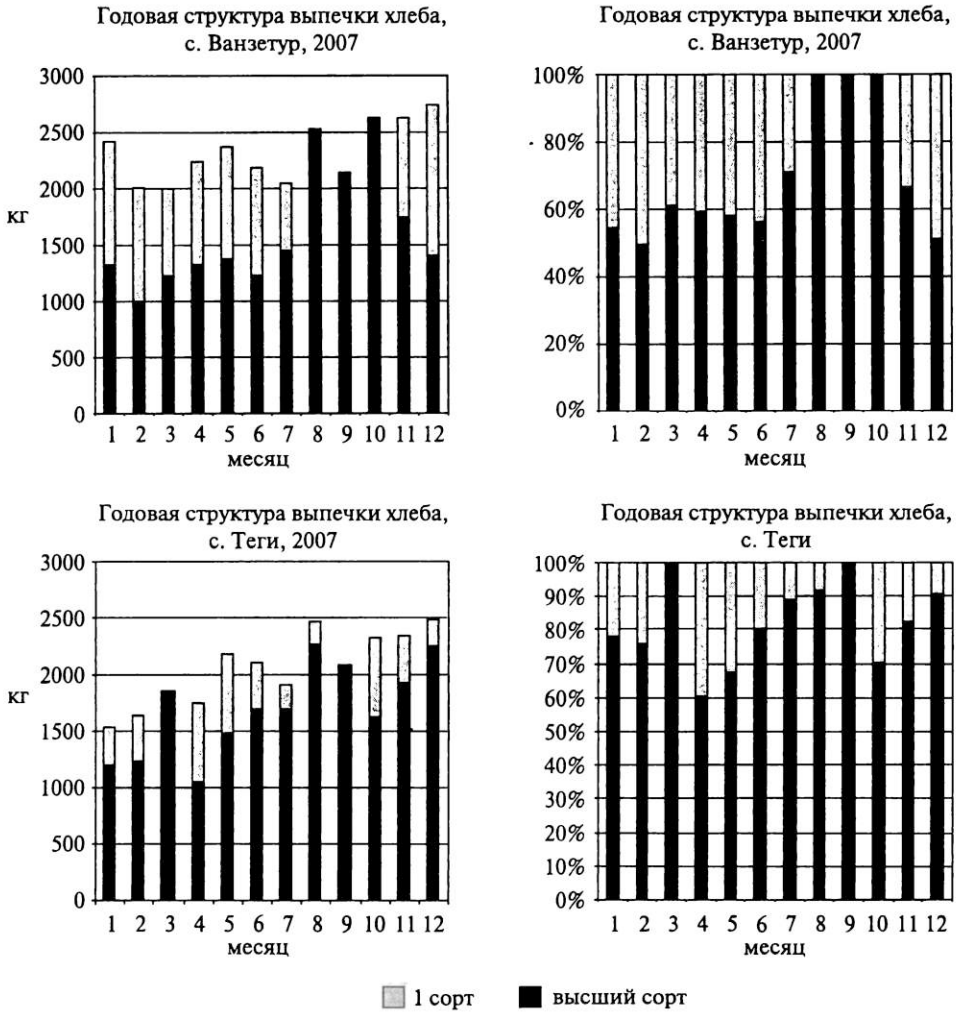


Рис. 20. Календарная и сортовая структура выпекаемого хлеба в сообществах Ванзетура и Теги

Минимальные абсолютные затраты характерны для пекарен сел Березова, Саранпауля и Сосьвы. Максимальные в Шайтанке, расположенной вблизи районного центра (прежде всего за счет высокой, до половины общих, доли заработной платы) и труднодоступном селе Няксимволь.

Рассмотрим более детально структуру объективно высоких затрат на Няксимвольской пекарне, расположенной в труднодоступной зоне децентрализованного теплоэнергоснабжения (табл. 22). Около четверти всех затрат составляет заработная плата и начисления на нее. Примерно столько же приходится

Таблица 2

Структура затрат по Няксимвольской пекарне, 2007 год

Статья расходов	Расшифровка статей затрат	руб.	%	Итого, руб./%
1 фонд оплаты труда (ФОТ)	**1.1 Заработная плата пекаря 5 разряда**			258 714,18 **23,3**
	оклад	2650	9,9	
	доплата за совмещение	1000		
	районный коэффициент и северные надбавки	4380		
	отпускные	13 656		
	1.2 Заработная плата пекаря 3 разряда			
	оклад	1760	7,3	
	доплата за совмещение	930		
	районный коэффициент и северные надбавки	3228		
	отпускные	10 065		
	1.3 Рабочий-истопник	67 617,18	6,1	
2 отчисления от ФОТ	**2.1 Отчисления от ФОТ**			39 193,63 **3,5**
3 коммунальные услуги	**3.1 Электроэнергия**	214 368,5	19,3	266 068,5 **23,9**
	3.2 Подвоз воды	19 200	1,7	
	3.3 Дрова	32 500	2,9	
	4.1 Железнодорожные расходы			
	стоимость доставки 1 вагона	30 278		
	очистка, помывка, десинфекция вагона	5940		

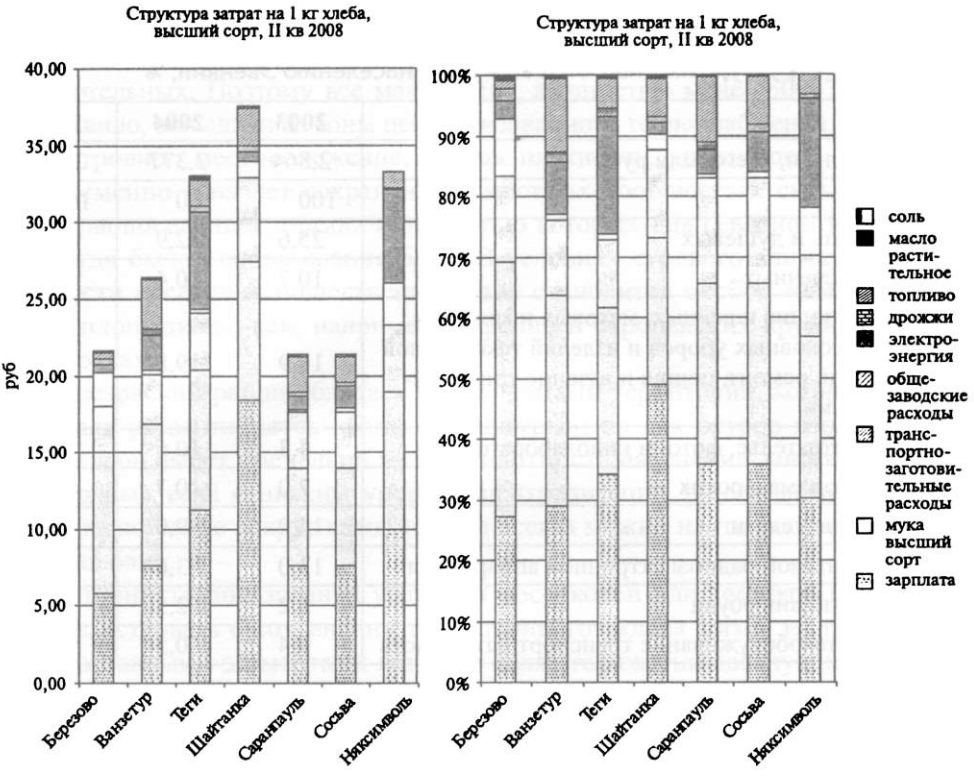


Рис. 21. Структура затрат на выпечку 1 кг хлеба высшего сорта в селах Березовского района

на оплату электроэнергии, дров и подвоз воды. Пятую часть всех затрат формируют транспортные издержки, половину в которых составляет затраты на доставку муки по относительно короткому межрайонному маршруту Приобье — Игрим — в три раза больше, чем по всему железнодорожному пути вагона с мукой из Екатеринбурга или Тюмени в Приобье.

В результате значительных затрат на доставку муки из центров снабжения на периферийный остров и затрат на выпечку хлеба в условиях дорогого децентрализованного энергоснабжения производство оказывается убыточным, как и многие другие местные производства островной периферии.

14.5. Банная культура — черта образа жизни сообществ таежных островов-изолятов

В сообществах таежной островной периферии, изолированных от «материка», с децентрализованным теплоснабжением, испытывающих длительный

Структура платных бытовых услуг населению Эвенкии, %

	2003	2004	2005
Бытовые услуги, всего, млн руб.	2,864	2,377	2,083
%	100	100	100
услуги бань и душевых	25,6	32,9	60,2
услуги прачечных	10,7	10,4	13,0
ремонт и пошив швейных, меховых и кожаных изделий, головных уборов и изделий текстильной галантереи, ремонт, пошив и вязание трикотажных изделий	18,9	19,8	7,5
услуги фотоателье, фото- и кинолабораторий	4,3	10,6	6,6
услуги парикмахерских	7,0	10,7	5,2
ритуальные услуги	14,9	9,0	3,9
ремонт бытовой радиоэлектронной аппаратуры	13,0	3,6	
ремонт и пошив обуви	5,2	2,5	3,0
ремонт и техобслуживание транспортных средств	0,4	0,5	0,6

стресс холодовой дискомфортности, обычно развита банная культура. Услуги бани нередко доминируют в структуре платных бытовых услуг населению (табл. 23).

Отдаленность от городских центров означает недоосвоенность таежного острова и потому наличие здесь лишь узкого набора тех благ, к которому давно привыкли сообщества освоенных, плотно заселенных районов. Из этого узкого перечня почти всегда выпадает именно горячее водоснабжение (например, в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры доля жилья, обеспеченного газом, составляет 40,3 %, а горячей водой — лишь 7,7 %): в отличие от энергоснабжения, снабжения холодной водой, предоставление этой услуги на Севере наиболее хлопотно и капризно (в индустриальную эру необходима была прокладка сетей теплотрасс, которые обеспечивают доставку воды к потребителю, хлопотное содержание и эксплуатация парка котельных; в постиндустриальную эру — наличие дорогостоящего котла в каждом доме).

Низкая плотность населения означает малолюдность сел и поселков, их дисперсное размещение в пространстве. Малолюдность сел предполагает малоэтажный тип застройки и низкий уровень централизации теплоснабжения (горячей водой). Мощности крупной ТЭЦ в малом селе будут не загружены. Значит, либо сохраняется автономное, по отдельным домам, теплоснабжение дровами или углем, реже газом в калориферах, либо снабжение горячей водой от ближайшей котельной, которых даже в небольшом селе может быть пять–десять. В обоих случаях охват всех домохозяйств сетями горячего водоснабже-

ния просто невозможен: экономически явно не целесообразно для жителей села из 200–300 человек тянуть теплотрассы к каждому дому и содержать дорогой парк котельных. Поэтому все малые села, людностью менее 500–700 человек, как правило, выпадали из зоны централизованного теплоснабжения.

Островное местоположение, низкая плотность, удаленность от центров одновременно означает сохранение в местных сообществах сильных традиций первопоселенцев, органичной частью которых для северной таежной зоны всегда было использование бани. В условиях сурового климата и низкой плотности населения общественная баня становится особой «коммуникационной площадкой», как, например, кофейни в европейских крупных столичных городах.

Березовский район обладает всеми чертами территории, которые необходимы для развития здесь «банной культуры»: он как остров изолирован от «материка», имеет предельно низкую плотность населения, многочисленные малолюдные села с низким уровнем централизации теплоснабжения. Наконец, в лесной зоне вокруг каждого села всегда можно найти достаточно сухих дров для бани.

Активность пользования услугами поселковой или сельской бани может свидетельствовать о сохранении традиционного уклада жизни на таежном Севере, составными элементами которого являются охотничий, пушной, рыбный промыслы, сбор ягод, «надомная» выпечка хлеба или блинов и, конечно, баня. Поэтому совершенно естественно, что именно сообщества национальных и старожильческих сел, существующего несколько веков райцентра Березова, максимально активно пользуются услугами поселковой бани (даже если в их жилом доме есть собственная баня).

С другой стороны, игримское сообщество как относительно молодое (поселок возник менее двух поколений назад), которое по критериям предприимчивости, креативности является безусловным лидером в районе, здесь абсолютно естественно замыкает список (табл. 24). Ведь нельзя же одновременно сочетать яркие черты новаторства, экспериментирования и сильной приверженности вековым традициям.

Игрим отстает по активности использования услуг поселковой бани, даже несмотря на то, что с точки зрения экономических показателей, их оказание здесь максимально эффективно: здесь самая низкая их себестоимость и довольно низкие удельные расходы топлива на одного посетителя. Но даже при крайне привлекательном предложении на них невелик спрос, потому что нет культуры банных традиций в поселке с очень короткой историей существования.

Размер поселения не имеет определяющего значения для склонности сообщества пользоваться услугами общественной бани. Сообщества крупных поселений с централизованным снабжением горячей водой, при сохранении сильных традиций, черт уклада старожилов, могут активно использовать услуги

Таблица 24

Экономические показатели оказания банных услуг в поселках Березовского района

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Склонность пользоваться услугами бани — отношение годового числа платных посетителей к среднегодовой численности населения							
Ванзетур	н/д	н/д	н/д	11,32	6,03	5,3	н/д
Теги	5,78	6,34	7,92	7,74	8,43	5,23	4,41
Березово	4,52	4,86	4,59	4,35	4,61	4,11	3,93
Игрим	1,54	1,81	2,02	2,18	2,01	2,6	2,35
Себестоимость банных услуг на одного посетителя, руб.							
Ванзетур	н/д	н/д	н/д	н/д	172,49	216,57	234,13
Теги	108,32	134,34	122,38	122,38	162,51	167,31	244,94
Березово	23,97	39,4	56,03	63,62	63,76	88,55	95,18
Игрим	29,64	30,65	32,78	39,71	48,43	53,56	79,14
Удельный расход топлива на одного посетителя, кг усл. топл.							
Ванзетур	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	71,1	н/д
Теги	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	43,9
Игрим	н/д	н/д	н/д	н/д	22,5	23,1	28,1
Березово	10,3	8,1	15,0	13,3	8,5	15,9	8,1
Удельный расход воды на одного посетителя, м^3	в среднем 0,1–0,2						

центральной бани. С другой стороны, малые поселки газовиков, которые возникли недавно, даже при слабой централизации снабжения горячей водой, не станут активными приверженцами банно-прачечных услуг.

Если рассматривать банную «микроэкономику» четырех поселений (двух малых Ванзетур, Теги и двух крупных — Березово, Игрим) более пристально (табл. 25), то можно обнаружить следующие особенности: в малых селах децентрализованной зоны угольного теплообеспечения (Ванзетур, Теги) себестоимость банных услуг оказывается выше, чем в крупных поселках зоны газового теплоснабжения. И такова же закономерность по доле затрат на оплату труда, которая оказывается выше в малых селах. Также в малых селах закономерно выше, чем в крупных, доля затрат на топливо и теплоэнергию в общих затратах на оказание банных услуг и часто выше доля затрат на электроэнергию. Зато в крупных поселках всегда выше доля затрат на воду: здесь ей уже назначена цена, потому что она признана ограниченным ресурсом. В малых же селах вода продолжает считаться бесплатным общественным благом и ее оценка при предоставлении услуг бани имеет очень приблизительный и всегда ничтожный размер.

Таблица 25

Структура затрат на оказание банных услуг, %

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Ванзетур							
1. Затраты на оплату труда	н/д	н/д	н/д	31,8	н/д	41,7	46,3↑
2. Топливо и теплоэнергия	н/д	н/д	н/д	33,4	н/д	29,6	30,3↑
3. Отчисления на социальные нужды	н/д	н/д	н/д	11,4	н/д	11,7	12,2
4. Электроэнергия	н/д	н/д	н/д	0	н/д	4,8	5,3
5. Вода	н/д	н/д	н/д	2,6	н/д	2,8	2,7
амортизация (износ)	н/д	н/д	н/д	4,5	н/д	1,7	н/д
ремонт и техническое обслуживание	н/д	н/д	н/д	2,1	н/д	0,9	0,9
расходы на содержание аппарата управления	0	0	0	0	0	0	0
приобретение инвентаря	н/д	н/д	н/д	6,7	н/д	0	0
прочие расходы	н/д	н/д	н/д	7,4	н/д	6,7	2,3
Теги							
1. Затраты на оплату труда	30,0	27,0	н/д	н/д	н/д	30,5	34,4↑
2. Топливо и теплоэнергия	19,4	10,7	н/д	н/д	н/д	30,1	27,8↑
3. Расходы на содержание аппарата управления	19,9	9,6	н/д	н/д	н/д	19,9	22,5↑
4. Отчисления на социальные нужды	10,7	9,7	н/д	н/д	н/д	8,0	8,6↓
5. Электроэнергия	0	2,1	н/д	н/д	н/д	1,9	2,2
вода	0	8,4	н/д	н/д	н/д	0,8	0,7
амортизация (износ)	0	0	н/д	н/д	н/д	0	0
ремонт и техническое обслуживание	0	2,7	н/д	н/д	н/д	0	0
транспортные расходы	0	18,1	н/д	н/д	н/д	0	0
материалы	0	5,3	н/д	н/д	н/д	0	0
прочие расходы	20	6,5	н/д	н/д	н/д	8,7	3,8
Березово							
1. Затраты на оплату труда	38,7	38,3	34,9	30,0	35,4	31,7	35,0↓
2. Расходы на содержание аппарата управления	13,5	14,9	16,1	16,5	22,0	19,5	22,1↑
3. Топливо и теплоэнергия	15,8	9,5	17,0	17,1	12,3	18,7	12,8
4. Отчисления на социальные нужды	13,8	13,7	12,4	10,8	8,7	7,6	8,0↓
5. Вода	1,5	1,5	1,1	1,0	3,5	2,9	3,3
электроэнергия	3,7	2,1	1,6	2,2	1,8	1,7	1,8
амортизация (износ)	0,5	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
ремонт и техническое обслуживание	0	0	0	0	0	0	0
прочие расходы	12,5	19,7	16,7	22,1	16,2	17,7	16,8
Игрим							
1. Затраты на оплату труда	34	32,1	32,3	33	33,3	25,3	25,5↓
2. Топливо и теплоэнергия	18,9	13	14,4	23	22,8	22,8	21,6↑
3. Расходы на содержание аппарата управления	3,9	12,5	12,5	5,3	5,1	5,5	10,4
4. Вода	3,8	5,2	5,7	5,9	4,5	12	9,1↑
5 Отчисления на социальные нужды	11,6	11,2	11	10,8	8,6	6,4	6,3↓

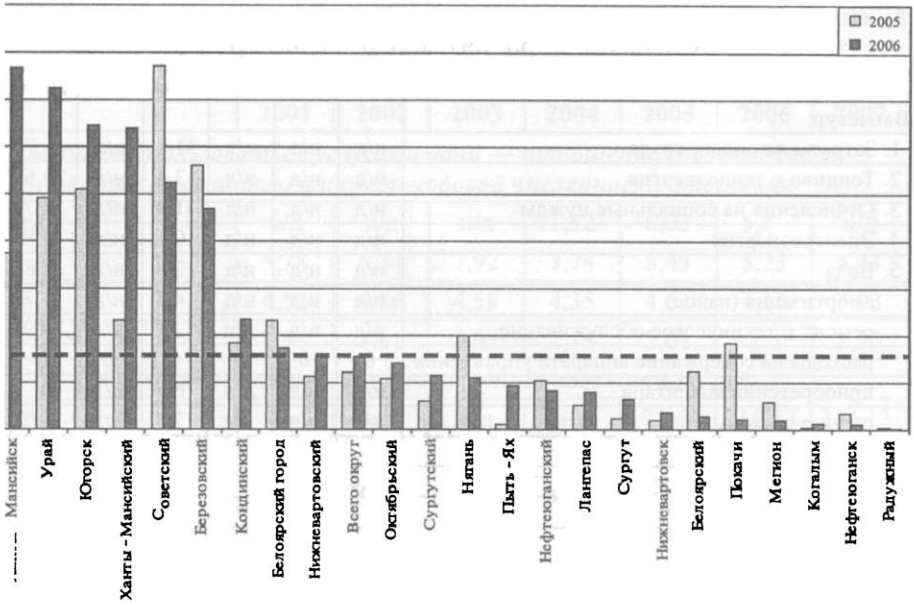


Рис. 22. Ввод индивидуальных жилых домов по муниципальным образованиям округа

4.6. Культура индивидуального домостроения — черта образа жизни таежных сообществ-изолятов

жилищном фонде давно существующих северных таежных поселков-ов всегда высокая доля индивидуальных деревянных домов с усадьбой. равило, эти дома строят сами владельцы вместе со своими родственни-и друзьями. Длительное, на протяжении десятилетий и даже одного–двух сохранение традиций индивидуального домостроения свидетельствует ичии здесь специфичной культуры индивидуального строительства, ко-отличает данный тип сообществ от других северных «островов», на-р арктической зоны.

апример, в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного окру-Югры более трех четвертей всех жилых домов деревянные, многие из собенно в малых селах — это дома для одной семьи. По вводу индиви-ных жилых домов среди *районов* округа Березовский район занимает е место, после Ханты-Мансийского (рис. 22).

одной стороны, значительный фонд отдельных деревянных жилых домов ает среднюю жилообеспеченность — против ситуации, когда в жилфон-

Таблица 26

Расхождения оценок численности населения муниципальных образований Березовского района

Муниципальное образование	Данные поселений, чел. (100 %)	Данные окружного мониторинга[163], %	Данные статистики, %
Всего	**28 330**	**95,0**	**96,1**
Приполярный	1350	79,3	81,5
Светлый	1807	89,7	90,0
Саранпауль	4713	90,2	96,8
Хулимсунт	2310	92,6	92,7
Игрим	10 230	96,8	96,8
Берёзово	7920	100,0	99,7

де доминируют многоэтажные дома городского типа. Действительно, в Березовском районе средняя обеспеченность жильем составляет 26 м^2 на человека — это наибольший показатель в Ханты-Мансийском автономном округе. С другой стороны, значительная часть такого жилья «залпово» была построена семьями в 1950-е годы и сегодня является ветхим, непригодным для проживания. Доля официально признанного ветхим жилья в районе выше, чем в округе, и составляет почти 11 %.

14.7. Статистические парадоксы островной периферийной экономики

Островной экономике присущи многочисленные статистические парадоксы, которые прежде всего связаны с неполным учетом миграционных, вещественных, финансовых потоков между островом и «материком». Самый очевидный среди них — это беспрецедентные расхождения оценок численности наличного населения. Например, в «островном» Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры расхождения оценок численности по отдельным муниципальным образованиям варьируют от 5 до 20 % (табл. 26). Они связаны с недоучетом многочисленных сезонных работников-вахтовиков (геологов, строителей) в составе фактического населения.

Другой яркий парадокс, который тоже связан с неполнотой учета вахтовых работников, — расхождения мест Березовского района по размеру внут-

[163] Разрабатываются только по муниципальным образованиям, без детализации по поселениям. Являются основой для бюджетной политики окружной и районной власти (определение объема окружных трансфертов и др.).

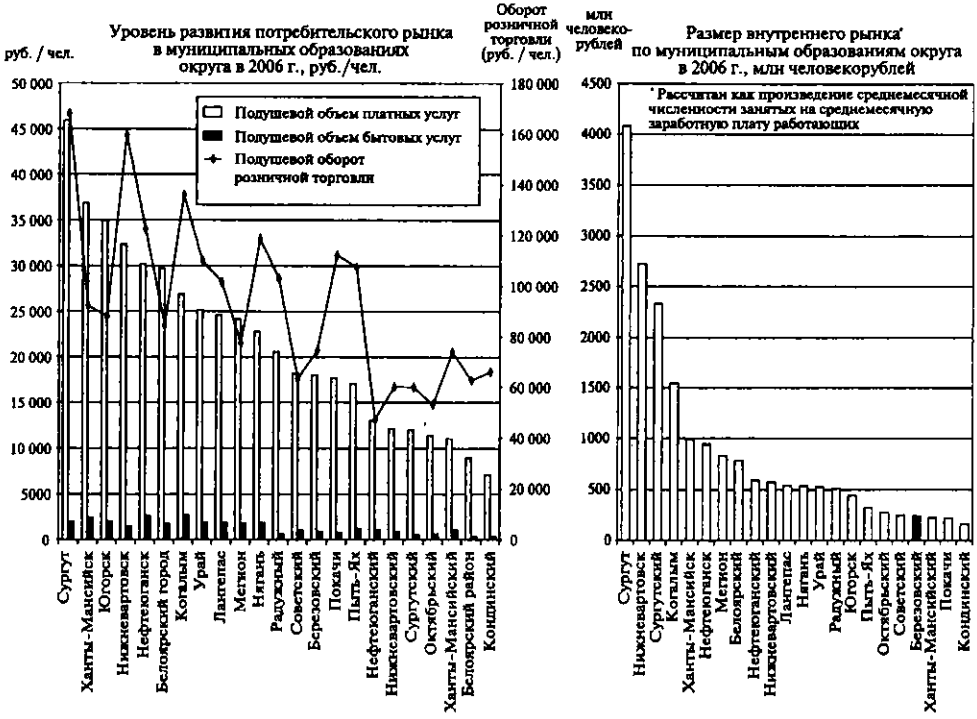


Рис. 23. Соотношение мест Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры по размеру внутреннего рынка и развитию потребительского рынка

реннего рынка среди муниципалитетов округа (последние) и по объему платных услуг, подушевому торговому обороту (середина второй десятки — рис. 23): при статистическом учете размера рынка принимается во внимание только численность постоянного населения и его подушевой доход, а при учете торгового оборота и платных услуг — фактически состоявшиеся расходы, которые делятся на здесь всегда заниженную численность постоянного населения.

Еще один частый парадокс островной периферии связан со значительными (до 20–30 %) различиями уровней подушевых доходов и расходов населения. По причинам высоких цен на товары длительного пользования островитяне приобретают их в центрах. Там же осуществляются расходы на летний отдых, оздоровление, нередко — приобретение жилья. За счет пространственного разрыва между местами генерирования доходов (островная периферия) и местами состоявшихся расходов (материковые центры) и возникает существенное расхождение в уровнях подушевых доходов и расходов.

Значительные трудности представляет расчет уровня бедности для «островной» периферии. Измерения бедности здесь заведомо недостоверны ввиду малой выборки при обследовании бюджетов домохозяйств. Уровень бедности недооценивается по причине того, что многие товары (например, продукты

в магазине) стóят дороже на периферийном острове, чем в городских центрах, где ведется мониторинг цен. Одновременно уровень бедности переоценивается, потому что не учитываются бесплатные и субсидируемые услуги, которые «островитяне» получают от государства; неденежные или теневые доходы от традиционного жизнеобеспечения. Статусно «бедное» домохозяйство может иметь имущественные активы, подлинно бедным домохозяйствам просто недоступные.

Работа экстерриториальных, например, газотранспортных, структур учитывается в занятости и в реальных доходах островитян, однако в валовом муниципальном продукте «острова» никак не отражена. Здесь первые места парадоксально могут занимать, например, предприятия ЖКХ.

Глава 15

Новое развитие северных таежных островных сообществ

15.1. Быстрый прогресс возможен (тихая революция в Эвенкии)

При благоприятном сочетании ответственного лидерства, достаточных финансовых ресурсов, отзывчивого на поставленные цели местного сообщества, малая экономика и социальная сфера северных таежных островов способны развернуться под вызовы инновационного развития очень быстро. В этой связи рассмотрим поучительный пример Эвенкии, которая из территорий — абсолютных аутсайдеров по уровню использования информационных технологий новой экономики — всего за пять лет вошла в десятку территорий-лидеров страны по этим индикаторам развития[164].

Справочный материал по Эвенкии

Эвенкия сочетает черты северной, малой, предельно дисперсной, низкой по плотности, сухопутной, этнически специфичной экономики. Территория расположена «на самой средине российской земли», занимает центральную часть Среднесибирского плоскогорья, расположена в бассейне правых притоков Енисея — Подкаменной и Нижней Тунгуски. Площадь 767,6 тыс. км^2, составляет 4,5 % территории Российской Федерации и 32,8 % территории Красноярского края. Численность населения 17,3 тыс. чел. на 1.01.2006.

На севере Эвенкия граничит с Таймырским (Долгано-Ненецким) муниципальным районом, на востоке с Республикой Саха-Якутия и Иркутской областью, на юго-востоке с Богучанским и Кежемским районами, на западе и юго-западе с Северо-Енисейским и Туруханским районами Красноярского края. Отличие Эвенкийского муниципального района от всех своих соседей — здесь еще не начато масштабное промышленное освоение, уровень хозяйственной освоенности кратно ниже, чем в сопредельных территориях.

Отсутствие морских выходов лишило территорию геополитического значения и потому определяло значительно более спокойный характер коллективизации (в отличие, на-

[164] Другую территорию северной периферии — Чукотский автономный округ — можно считать приморским аналогом Эвенкии с точки зрения состоявшихся здесь в последние годы быстрых и позитивных преобразований.

пример, от геополитически остро значимой Чукотки), более мягкие усилия государства по переустройству традиционного комплекса эвенков (например, здесь не прошла компания тотального превращения национальных колхозов в совхозы).

В течение десятилетий геологоразведка была базовой отраслью экономики Эвенкии. Оказываемые геологам услуги по транспортировке грузов на оленях, продаже мяса дикого и домашнего оленя, продукции пушного и рыбного промысла, существенно повышали денежные доходы национальных домохозяйств. За счет геологического ведомства были построены новые здания школ, больниц, домов культуры, магазинов, дизельные электростанции, котельные, зимники, взлетно-посадочные полосы, поддерживались многие объекты социальной сферы.

Минимальная для России и даже Сибири плотность 0,03 человека на 1 км^2 — на человека приходится почти 40 км^2 территории — является результатом не только обширных пространств, но крайней малочисленности — регион в 2005 году по численности населения занимал последнее 89 место в Российской Федерации. Экономические последствия низкой плотности проявляются в том, что здесь не работают сильные агломерационные эффекты, когда один центр стягивает, концентрирует основные ресурсы. Как правило, в таких территориях принадлежность инфраструктурных объектов «выше на один уровень» — школа принадлежит не поселку — муниципальному образованию, а району, аэропорт принадлежит не району — муниципальному образованию, а государству в лице субъекта Российской Федерации и т. д. В условиях обширных низкоплотностных пространств выше значимость ценовой и тарифной политики: когда нет конкурентных рынков, важна защита от монополизма и ценового волюнтаризма в виде регулирующих рычагов цен и тарифов.

Эвенкия относится к Крайнему Северу России. Климат здесь резко континентальный. Годовая амплитуда (разница температур июля и января) колеблется от плюс 40°С до минус 53°С (Тура). Средние месячные температуры января составляют минус 34–38°С. Значительная часть территории относится к районам распространения вечной мерзлоты. По сравнению с обжитыми районами Сибири все производственные и строительно-монтажные работы здесь дороже в три–четыре раза.

В Эвенкии, как в мало еще какой крупной по площади территории России, ярко выражена зональность — по причинам ее внутреннего континентального положения, без осложняющего воздействия моря, вытянутости с севера на юг на 1500 километров, отсутствия эффекта высотной поясности (сходные горные высоты на основной территории). Она расположена в природных зонах арктической и субарктической тундры, лесотундры, тайги и горных лесов. Можно сказать, что есть две Эвенкии: севернее параллели 63° северной широты и южнее. В первой безморозный период длится всего 40 суток, районный коэффициент к зарплатам, пособиям, стипендиям составляет 1,6, затраты местного бюджета доходили до 500 тысяч рублей на обеспечение проживания человека в год в 2005 году (село Ессей), высокая безработица. Во второй безморозный период доходит до 110 суток, районный коэффициент составляет 1,5, затраты местного бюджета составляют около 20 тысяч рублей на человека в год в 2005 году (село Ванавара), безработица ниже, чем на севере.

Малая экономика Эвенкии имеет по преимуществу сельскую природу, огромное значение по-прежнему здесь имеют традиционные промыслы и, сейчас в меньшей степени, оленеводство. Эти традиционные виды деятельности коренных народов Севера формируют особый хозяйственный уклад и присущий ему стереотип поведения. Для русских старожилов Эвенкии охота, рыболовство, оленеводство, как и для эвенков, стали основой существования. Не только пушной промысел, но и пушная торговля обладают здесь мно-

говековой социальной укорененностью. Соболь веками обменивался на охотничье снаряжение и продукты питания. В отличие, например, от оленеводства, соболиный промысел сам по себе не мог быть источником продовольственного самообеспечения, лишь только в мене эти жизнеобеспечивающие функции пушнины реализовывались. Поэтому веками существовала органичная связь пушного промысла и пушной торговли, мена, структурно закрепляемая факториями.

Охотничий сезон на пушных зверей начинается 20 октября и заканчивается 28 февраля. За этот период охотник Эвенкии в среднем добывает до 30 штук соболя, всего ежегодно до 15–20 тысяч (максимум 33 тысяч штук). Это примерно 16 % от общероссийских заготовок. Ввиду высокого качества меха 80 % соболей Эвенкии уходит на экспорт. В промысле соболя участвуют около 10 % (примерно 1,3 тыс. чел.) трудоспособного населения, треть охотников — эвенки. С учетом коэффициента семейности доля коренного населения, материально тесно связанного с добычей соболя, превышает 30 %. Для большинства жителей сел пушной промысел является одним из основных источников существования. Промысел белки, горностая, ондатры, росомахи, рыси, белого песца идет только попутно с соболиным и самостоятельного экономического значения не имеет.

Кризис таежного оленеводства начался еще в позднесоветский период, значительно усилился повсеместно в годы реформы. В годы реформы в Эвенкии общественное стадо оленей было роздано частным лицам, что не дало эффективного результата: поголовье оленей сократилось в три раза от почти 28 тысяч голов до 3,5 тысяч и было в конце 1990-х годов на грани исчезновения. Лишь в последнее время, после объединения всех оленеводческих хозяйств под началом ОАО «Суринда», началось медленное возрастание численности домашних оленей.

Эвенкия имеет яркую этническую специфику, является местом проживания исконных жителей этой территории — эвенков, кроме них, здесь проживают русские, якуты, кеты, появившиеся на этой территории с XVII–XIX веков. Национальная структура населения по переписи на 9 октября 2002 г. такова: русские — 61,9 %, эвенки — 21,5 %, якуты — 5,6 % кеты — 1,2 %, другие национальности — 9,8 %. Численность всех коренных малочисленных народов Севера на 1.01.2006 составляет 3,9 тыс. чел. (общая численность населения — 17,4 тыс. чел.). Эвенкийский этнос структурировался сильными родами, которые получали свои имена от рек. Род имел исключительные права на оленей, родовые угодья, имел своего князя. Социально-психологические черты эвенков имеют несколько характерных особенностей[165]: мобильность — крайняя подвижность, профессиональные охотники на пушных зверей были способны одолевать огромные расстояния с невероятной быстротой; страсть к художественному творчеству; азартность живой натуры, поэтический талант и потому трудности в занятиях рутинной работой и недостаток дисциплины для успеха в предпринимательстве; традиции гостеприимства, взаимопомощи, взаимовыручки.

Эвенкия предельно удалена и изолирована от главных сибирских центров и рынков сбыта — здесь отсутствуют круглогодично действующие автомобильные и железные дороги (ближайшая железнодорожная станция находится на расстоянии 300 км от южной границы района и 1200 км от районного центра Туры). Самый дешевый вид транспорта — водный, но из-за низкой пропускной способности рек навигация по Нижней и Подкаменной Тунгускам осуществляется только несколько недель в году во время паводка. В остальное время связь с населенными пунктами и доставка продовольственных и промышленных товаров осуществляется по зимнику и авиацией. Приход речных караванов судов

[165] Энциклопедия Брокгауза и Эфрона.

в весеннюю навигацию является важнейшим экономическим и социальным событием, от которого зависит устойчивость жизнеобеспечения Эвенкии в течение многих последующих месяцев.

Отсутствие постоянно действующих наземных сетей определило местоположение столицы Эвенкии — не как во многих других северных территориях на более комфортном юге, но в центре, чтобы расстояние до большинства сел было примерно одинаковым. Система расселения Эвенкии, многие элементы которой — это фактории, созданные здесь русскими для торговли и заготовки пушнины, сохраняется практически в неизменном виде десятилетиями. Именно отсутствие дорог определило долговечность давно сложившегося рисунка расселения. При хозяйственном освоении и прокладке круглогодичных дорог многие села Эвенкии — бывшие фактории уже бы не существовали, а жители были бы переселены в более крупные поселки и города[166].

Аграрная специализация представлялась несомненным недостатком Эвенкии в индустриальную эру. Но теперь, в эпоху постиндустриальной трансформации и перехода к экономике знания, тот факт, что здесь не был создан слой индустриального освоения, может оказаться парадоксальным достоинством, преимуществом этого таежного острова, который по структуре своей экономики ближе к крупным интеллектуальным сервисным городам-центрам, чем к северным автономным округам. Например, по доле услуг транспорта, связи, торговли в структуре валового продукта и основных фондов, по доле занятости в секторе услуг этот таежный остров близок к Москве.

Именно по такому алгоритму/сценарию, когда на аграрно-промысловый слой освоения сразу мостился постиндустриальный, сервисный, без длительного и широкомасштабного индустриального хозяйственного освоения, успешно проходило развитие территорий зарубежного Севера — штата Аляска, территорий Юкон и Северо-Западных в Канаде, скандинавского Севера. В силу своей агропромысловой специализации, необремененности материальными активами индустриальной эры, Эвенкия оказалась, при возникновении благоприятных обстоятельств, значительно более готова совершить в 2001–2005 годах рывок к новому укладу, чем другие северные автономные округа.

Эвенкия в 2000 году была глубоко депрессивной территорией, с регулярно возникающими форс-мажорами в периоды сезонного завоза нефтепродуктов и продовольствия. Сама устойчивость жизнеобеспечения местных сообществ здесь находилась под постоянной угрозой.

Новые власти Эвенкии[167] сразу с 2001 года очень тщательно и четко поставили вопросы бюджетной политики. Мало в каком другом регионе России тогда так образцово, на уровне лучших финансовых менеджеров крупных корпоративных структур, были выстроены процедуры бюджетирования. Все резервы повышения эффективности бюджетной системы и сокращения внутреннего долга были задействованы.

---

[166] Справочный материал подготовлен на основе обобщения данных энциклопедий, статистических сборников, архивных документов.

[167] Губернатор Эвенкийского автономного округа Б. Н. Золотарев и его новая команда.

Смелой институциональной инновацией местной власти и одной из первых ее управленческих мер стала ликвидация трех административных районов и переход к бюджетированию не через район-посредник, а напрямую — в учреждения образования, здравоохранения, культуры и др. Бюджетные проводки, минуя районное звено, стали проходить намного оперативнее, что в условиях обширных пространств Эвенкии критически важно (бюджетирование в условиях таежных островов имеет свою специфику, и она была новой властью учтена). От невыгодной ситуации неявной конкуренции трех районов за бюджетные деньги произошел переход к значительно более приемлемой для власти ситуации конкуренции ста прямых бюджетополучателей за бюджетные средства.

Но возникла новая проблема неготовности директоров школ, заведующих детскими садами, библиотеками, которые стали теперь бюджетными учреждениями — юридическими лицами, осуществлять бюджетные процедуры, вести финансовую и экономическую документацию (к тому же на первых порах при отсутствии устойчивой связи с центром Эвенкии). Она решалась через курсы обучения руководящих кадров структур — прямых получателей бюджетных средств.

В Эвенкии на два года раньше, чем в стране, был сформирован поселенческий тип муниципалитетов (возникло местное самоуправление поселений), ликвидировано районное самоуправление и учреждено самоуправление поселков. Новый статус сел Эвенкии как автономных муниципальных образований привел к новой конфигурации всей ее политико-экономической системы, вместо прежней иерархии округ — район — село возникла сеть сёл.

Около трети бюджетных средств Эвенкии ежегодно расходовалось на доставку нефтепродуктов и топлива, продуктов питания, строительных материалов, других товарных ценностей в округ. Оптимизировать бюджетные расходы без оптимизации системы сезонного завоза было невозможно. Новый организационный механизм включал три ключевых элемента: систему бюджетных заявок прямых получателей бюджетных средств; тендеры закупок и тендеры поставок (транспортные услуги); сквозную ответственность организаций, выигравших тендер на поставки, за доставку грузов в Эвенкийский район (и в самые дальние поселки) в течение всего года.

Совершенствование организационного механизма завоза позволило осуществлять весеннюю навигацию в сжатые сроки и без привлечения значительного количества людей. Объем перевозок грузов авиатранспортом значительно сократился. По-новому была организована работа на зимних дорогах за счет ввода в эксплуатацию новых зимников (Ванавара — Усть-Илимск и др.) и более слаженной работы на «старых» зимниках.

В 2002 году в Эвенкии были созданы два бюджетных предприятия — «Традиционное хозяйство Севера» и оленеводческо-племенное хозяйство «Суриндинское», призванные поддержать традиционные виды деятельности

народов Севера и обеспечить жителей мясом и рыбой. Филиалы предприятия «Традиционное хозяйство Севера» были открыты в пяти селах. Предприятие «Суриндинское» стало оператором и координатором программ по поддержке и развитию оленеводства, способствовало объединению находящихся в кризисе оленеводческих хозяйств различных форм собственности в одно головное. Его отделения были открыты в пяти селах.

Административная реформа государственного управления была начата в 2003 году и продолжалась до 2006 года. Ее цель состояла в создании оптимальной структуры и системы распределения функций для обеспечения эффективной работы органов государственной и муниципальной власти, повышения качества предоставления государственных и муниципальных услуг населению Эвенкии. Был принят Закон «О государственной гражданской службе Эвенкийского автономного округа», разработаны конкурсные процедуры при поступлении на государственную и муниципальную службу, внедрены должностные регламенты, появилась возможность платить чиновникам по контрактам в зависимости от результативности их труда. Огромное значение имела реализуемая в тот период Программа повышения квалификации государственных и муниципальных служащих.

К началу XXI века в Эвенкии практически отсутствовали современные телекоммуникации — междугородняя и международная телефонная связь, доступ к ресурсам сети интернет, эфирное радиовещание и мобильная телефония. Очень быстро новая власть начала развертывание новых телекоммуникационных сетей — сначала спутниковые, затем телефонные, потом мобильные. Спутниковая телефонная связь «Меридиан», которая охватила все села Эвенкии, обеспечила оперативное решение вопросов управления территорией. Уже в 2003 году была построена единая телекоммуникационная сеть администрации Эвенкийского автономного округа. В 2004 году Эвенкия стала единственным в России регионом, где информатизация охватила все населенные пункты огромной по площади территории. По числу персональных компьютеров на 100 работников Эвенкия заняла первое место в России, опередив Таймырский, Чукотский, Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский и Корякский автономные округа.

На базе созданной телекоммуникационной инфраструктуры и прорыва в компьютерной оснащенности стало возможным формировать единую образовательную информационную среду школ Эвенкии, приступить к автоматизации библиотечных систем, реализовать программу «Единая платежная система» совместно с «Енисейским объединенным банком»: тысячи работников Эвенкии стали получать зарплату с помощью пластиковых карт.

Дальнейшее развитие телекоммуникационной сети Эвенкии предусматривает организацию в каждом селе переговорного центра с возможностью голосовой связи и передачи электронной почты в любой населенный пункт; замену существующих аналоговых городских телефонных станций цифровыми

АТС в наиболее крупных населенных пунктах Тура, Ванавара, Байкит; подключение к ресурсам сети Интернет образовательные учреждения, молодежные клубы и Интернет-кафе; создание в центре поселке Тура системы широкополосного радиодоступа[168].

Одновременно с созданием виртуальных сетей предпринимались усилия по укреплению сетей воздушного сообщения: проводились ремонтные работы и модернизация авиатехники, зданий, сооружений, запасных частей и инвентаря для удовлетворения потребностей жителей Эвенкии в авиаперевозках, авиационных работах и услугах, расширения географии полетов, увеличения объема и перечня услуг.

Ввиду колоссальных бюджетных затрат на доставку топлива предпринимались радикальные меры по оптимизации теплоэнергообеспечения сел Эвенкии за счет местных источников[169]. В 2002–2005 годах прошла масштабная реконструкция систем энергоснабжения крупных поселков Эвенкии. Для повышения эффективности производства тепловой энергии были построены новые котельные и теплоцентрали: в Туре котельная мощностью 32 МВт, в Байките котельная мощностью 15 МВт, в Ванаваре котельная мощностью 15 МВт. Внедренная двухконтурная система теплоснабжения позволила работать теплосистеме в централизованном, комбинированном и автономном режимах (гибкость в режимах функционирования очень важна для устойчивости систем коммунального теплоснабжения в экстремальных условиях Эвенкии).

За счет опытно-промышленной эксплуатации Юрубчено-Тохомского, Куюмбинского и Пайгинского месторождений нефтью были полностью обеспечены потребности жилищно-коммунальных предприятий поселков Байкит, Тура и поселка Северо-Енисейский Северо-Енисейского района Красноярского края. Завершение строительства Байкитского мини-НПЗ, его адаптация к качеству местных (соленых) нефтей даст Эвенкии возможность производить 9 тысяч тонн дизтоплива, 6 тысяч тонн бензина и 15 тысяч тонн мазута. Геологическое предприятие «Шпат» при поддержке Администрации Эвенкии приступило к выполнению геологических работ по подготовке к эксплуатации местных угольных месторождений.

Благодаря бюджетной поддержке власти, с 2001 года строительная отрасль в Эвенкийском автономном округе стала одной из наиболее динамично развивающихся. В 2005 году произошел знаменательный переход от капитального ремонта к новому строительству производственных и гражданских

---

[168] Материалы Программы социально-экономического развития Эвенкийского муниципального района на 2008–2012 годы (разработана автором совместно с Администрацией Эвенкийского муниципального района).

[169] Я не видел нигде более на Севере таких впечатляющих усилий по быстрой модернизации коммунальных систем теплоэнергообеспечения (котельных, электростанций, сетей теплотрасс).

зданий и сооружений, которого не было здесь более десяти лет. При строительстве микрорайона «Орбита» в Туре подрядные организации использовали канадскую практику северного деревянного домостроения.

Успех быстрого преобразования кризисной экономики северного таежного «острова» в современную, оснащенную новыми технологиями и институтами, обеспечили целенаправленные усилия власти, подкрепленные бюджетными ресурсами и позитивным откликом на них лидеров местных сообществ (люди устали от постоянных кризисов в системах жизнеобеспечения во второй половине 1990-х годов и потому были способны сплоченно и доброжелательно соучаствовать в инициативах власти).

Возникает вопрос, почему же в других таежных «островах» в эти же, исключительно благоприятные для страны и многих районов северной периферии, годы не удалось достичь таких же впечатляющих результатов?

Мало иметь бюджетные ресурсы на постиндустриальную модернизацию островной экономики. Исключительно важно ви́дение власти, отчетливость понимания критических точек местной экономики и системы жизнеобеспечения, на которые нужно направить основные усилия, которые способны обеспечить быструю отдачу.

Часто бюджетные ресурсы направлялись на строительство не обеспеченных природными активами крупных объектов индустриальной экономики, которые вместо решения старых проблем лишь создавали новые. Или проектирование крупных, исключительно дорогостоящих, новых наземных трасс к таежным «островам», не обеспеченных адекватным грузопотоком даже в долгосрочной перспективе. Такие решения принимались либо в результате «рентоискательства» власти, либо по причинам неизжитой *индустриальной ментальности* (когда ответ на текущие вызовы развития ищется только в крупных инвестиционных проектах — новых добывающих комбинатах, перерабатывающих заводах, автодорогах и т. д.). Но результат при этом был один: значительная потеря времени, отложенные, хотя и остро необходимые, преобразования.

Успех позитивных преобразований приносила стратегия *точечной энергичной коррекции основных болевых точек островной экономики*: внедрение новых институтов бюджетирования, ориентированных на конкретный результат; новых структур управления и новых получателей бюджетных средств, адекватных специфическим условиям таежной зоны и изолированных местных сообществ; современных форм сверхбыстрой коммуникации как внутри «острова», так и между ним и внешним миром; радикальная инновационная модернизация систем местного теплоэнергообеспечения. Эти меры обязательно подкреплялись/сопровождались масштабными процессами переобучения всех, в них вовлеченных, участников (от губернатора до домохозяйки) силами местных, приглашенных сюда, или внешних образовательных структур и структур переобучения работников. Очень важную роль играла лич-

ность руководителя главной местной образовательной структуры (колледжа, лицея, профессионального училища). Его способность быстро реагировать на меняющиеся потребности местной экономики и социальной сферы в специалистах содействовала начатым реформам.

15.2. Вектор преобразований элементов системы островного жизнеобеспечения

Особенностями современной системы жизнеобеспечения северных таежных «островов» являются зависимость от сезонного завоза грузов по рекам и зимникам, культура местного хлебопечения, бань и деревянного домостроения. Рассмотрим, как эти элементы будут меняться и/или переинтерпретироваться под вызовы новой экономики.

Сегодня барьеры высоких транспортных издержек сказываются практически на всех видах экономической деятельности и многих элементах системы местного жизнеобеспечения. Изменит ли переход к новой экономике негативную роль транспортных затрат, прежде всего по маршрутам «остров — материковые центры»?

Сравнительные издержки грузовых перевозок неизбежно будут снижаться. С другой стороны, сравнительные издержки пассажирских перевозок будут расти[170]. Это отразит сущностную природу новой экономики, в которой нематериальные, неосязаемые, «невидимые» факторы развития выходят на первый план, а значение материальных предпосылок и условий развития повсеместно уменьшается.

В структуре потоков между северным периферийным «островом» и «материковыми» центрами традиционно внимание уделялось издержкам перемещения товаров — угля, нефтепродуктов, продовольственных грузов, которые требовали значительных бюджетных затрат и человеческих усилий по организации и сопровождению этих товарных потоков. Именно поэтому важнейшие меры инновационной политики будут реализованы в системах местного теплоэнергоснабжения с целью обеспечить их большую экономичность, эффективность, переход на местные источники тепла и энергии. Это приведет к резкому сокращению объемов поставок котельного, печного, дизельного топлива в таежные острова. С другой стороны, за счет создания здесь мобильных финишных мини-перерабатывающих производств уменьшится роль транспортных издержек в стоимости вывозимой (и более высокой, чем ранее — за счет созданной в процессе переработки добавленной ценности) отсюда на материк конечной продукции. Таким образом, роль транспортных издержек в

[170] *Glaeser Edward L., Kohlhase Janet E.* Cities, regions and the decline of transport costs // Papers in Regional Science. 2004. Vol. 83. P. 197–228.

рных потоках между островом и материком будет снижаться с двух сто-
со стороны грузов с острова и со стороны грузов из центра.

Бремя издержек постоянного коммутирования людей между островом и
риковыми центрами в индустриальное время существенно недооценива-
, что отражало идеологию той эпохи: потребности материального произ-
тва первичны, социальные, человеческие, потребности удовлетворяются
е них. Осознание колоссальной цены (в потерях времени, в бюджетных
идиях, в затратах домохозяйств) перемещения людей внутри пространст-
рупного таежного острова-архипелага, между таежным островом и мате-
выми центрами приходит к нам лишь в последние годы. И европейские
едователи островных экономик отмечают их огромную чувствительность
стоте реализации и качеству транспортных услуг по доставке людей с
ова в материковые центры и обратно[171].

Рост значения издержек коммутирования людей между островом и мате-
выми центрами нужно понять в более широком контексте глобального
астания мобильности людей в новую эпоху. Составной частью этой тен-
ции является и рост мобильности людей между таежными островами и
риковыми центрами. А этот рост мобильности, одновременно с ростом
времени людей, неизбежно приводит к сравнительному увеличению
омических издержек центро-периферийных перемещений людей и в це-
сравнительному увеличению экономической роли перевозок людей и
ьшению — грузов, товаров.

Рассмотрим соотношение издержек перевозок грузов и людей на примере
ного «острова» — Березовского района Ханты-Мансийского автономного
га — Югры (табл. 27).

Сравнение бюджетных издержек выявляет сопоставимость расходов. При
нужно учесть, что бюджетная поддержка поставок грузов частично осу-
вляется кредитами, т. е. эти средства возвращаются в бюджет. С другой
оны, поддержка перемещений людей имеет для бюджета безвозвратный
ктер.

Если же учесть косвенные издержки перемещения людей в виде времени
ания авиарейсов, при нередких авариях на зимниках, неприсутствия депу-
в на заседаниях районной думы и их вынужденного раннего отъезда с этих
аний, невозможности спортсменов принимать участия в соревнованиях,
оянные трудности при проведении федеральных мероприятий (голосова-
референдумы, единый государственный экзамен и др.), тогда затраты на
мещения людей внутри «острова» и между ним и «материком» окажутся
ительно выше, чем затраты на перемещение грузов. Это подтверждают и
ые по доле транспортных затрат в структуре грузовых и людских потоков.

---

[171] *Greig Malcolm, McQuaid Ronald W.* The Impact of Ferry Services on an Island Economy // ongress of the European Regional Science Association. Amsterdam. 2005. Paper № 740.

Таблица 27

Издержки перемещения товаров и людей между островом и материковыми центрами, Березовский район, 2007

Бюджетная поддержка перемещений грузов	**млн руб.**	**Бюджетная поддержка перемещений людей**	**млн руб.**
Кредитная поддержка завоза критических грузов	175,0	Удешевление стоимости авиабилетов при перемещениях внутри округа (субсидии авиакомпании «Ютейр»)	50,0
Плата транспортным операторам завоза	20,0	Субсидии речных пассажирских перевозок (дотации ОАО «Северречфлоту»)	15,0
		Субсидии автобусных пассажирских перевозок по зимникам (субсидии ООО «Северавтотранс»)	20,0
		Оплата билетов в отпуск, командировки для муниципальных служащих, вывоз детей на летний отдых, проезд на спортивные соревнования за пределы района	15,0
Всего (кредиты и платежи)	195,0	Всего	100,0

Средний размер транспортных затрат по доставке из материковых центров в Березовский район составляет — по продуктам 22 %, нефтепродуктам 25–30 %; доля транспортных затрат в издержках командировочного на одну–две недели в район составляет 50–60 %.

Проиллюстрируем возрастающее значение перемещений людей по сравнению с транспортировкой грузов на примере бурного развития пассажирских перевозок по зимникам Березовского района в последнее десятилетие.

В советскую индустриальную эру качество зимников, которые готовили предприятия, позволяло осуществлять только караванные, нерегулярные, перевозки *грузов* мощной дорогостоящей техникой (например, «Уралами»). Перевозки пассажиров легковым транспортом и автобусами не были развиты.

Роль зимников «переоткрылась» с 1990-х годов, когда они стали в возрастающей степени осуществлять пассажирские перевозки. Пассажирские автобусные перевозки, поездки на личном транспорте по зимникам стали массовыми. Значительно улучшилось их качество, была принята окружная программа подготовки зимников, на каждую ледовую переправу теперь оформляется свой технический паспорт.

Зимники устойчиво работают с декабря по март. По ним Березовский район имеет выход к городам Среднего и Южного Урала, юга Тюменской области

Таблица 28

Организация работ по оборудованию и содержанию зимних автомобильных дорог и ледовых переправ общего пользования в Березовском районе, 2008 г.

Зимние автомобильные дороги		Ледовые переправы		Всего автозимников, км	Всего ледовых переправ, км	Всего работ, км	Стоимость работ в 2008 г., млн руб.	Затраты на 1 км работ, тыс. руб.
Название	км	Название (по основной реке)	км					
Подрядчик: ООО «Сибстрой»								
пгт Игрим — д. Анеева	22	р. Северная Сосьва	0,3					
Сосьва — Кимкьясуй	52	р. Северная Сосьва	0,45					
		р. Северная Сосьва	0,45					
д. Хулимсунт — с. Няксимволь — д. Усть-Манья	127	р. Северная Сосьва	0,4	308	2,4	310,4	16,4	53,0
пгт Игрим — 540 км газовой трассы	41	–	–					
87 км газовой трассы — д. Сартынья	66	р. Ялбынья	0,4					
		р. Северная Сосьва	0,4					
Подрядчик: ООО «ЛАНА»								
п. Сосьва — с. Ломбовож	38	р. Старица	0,15					
пгт Берёзово — п. Ванзетур — пгт Игрим	105,9	р. Северная Сосьва	0,75					
		р. Северная Сосьва	0,75					
		р. пр. Чуанельская	0,4	356,34	2,49	358,83	23,9	66,7
пгт Берёзово — с. Теги — п. Устрем	57,44	р. Луговая Вогулка	0,22					

Рис. 24. Помесячная структура затрат на оборудование и содержание зимников и ледовых переправ (25 октября – 20 апреля)

и Казахстана, к нефтяным городам Среднего Приобья. Ежегодно строится 952 км автозимников, кроме этого, строительство ведомственных автозимников (вдоль трассовых проездов) осуществляет ООО «Газпром — Трансгаз — Югорск». По зимникам осуществляются перевозки по шести внутрирайонным и шести межмуниципальным маршрутам. По сравнению с речной сетью зимники нередко дают полуторократный выигрыш в расстояниях: реки в районе сильно меандрируют и потому путь по ним оказывается длиннее, чем напрямую, срезая излучины.

Строительство зимников в Березовском районе ведет несколько организаций малого и среднего бизнеса, которые были созданы здесь в 1990-е годы («Сибстрой», «Лана», национальная община «Сосьва» и др.). Каждая из них строит и содержит около 200–300 км зимних дорог и четыре–шесть ледовых переправ общей протяженностью до 2,5 км. Затраты на один километр дорог у разных организаций варьируют от 37 до 53 тысяч рублей (табл. 28).

Пик работ и затрат на содержание зимников приходится на ноябрь–декабрь (рис. 24).

Возвышение роли коммутирования людей между таежными островами и материковыми центрами по сравнению с перемещениями грузов в новой экономике знания абсолютно закономерно. Ведь именно личное общение, коммуникация содержит огромный творческий заряд, способствует передаче неформального знания и информации. Для субъектов островной экономики в силу их оторванности эта прививка новым знанием особенно значима и позволяет постоянно вос-

производить его пул в местных сообществах, заменять быстро устаревающее знание на новое. Можно ожидать, что приоритетность пассажирских перевозок всеми видами транспорта, гарантирующих островитянам регулярное общение с материковыми центрами, будет в перспективе только возрастать. Экономически это выразится в том, что затраты на перемещения людей в контуре «остров — материк» станут существенно выше, чем затраты на перемещения товаров.

Новая роль других составляющих системы жизнеобеспечения таежных островных сообществ — баня, свой деревянный дом, хлебопечение, будет состоять в их сильнейшем влиянии на сохранение черт самобытности местного сообщества. В прежнюю эпоху они были безальтернативными источниками пищи, чистоты, личного убежища.

Их критичность для безопасности многих таежных островных сообществ будет снята в ближайшие 10–15 лет. В каждом из них постепенно появится выбор между своей и поселковой баней, своим деревянным или каменным, или многоквартирным, домом, несколькими поселковыми пекарнями. Прежние объекты поселкового жизнеобеспечения (бани, пекарни, старые деревянные дома) станут частью индустриального наследия, прежней эпохи, сохранение которых необходимо для достоверности архитектурного облика таежного острова и его привлекательности для посещения туристами.

15.3. Есть ли будущее у сообществ северных таежных островов?

В индустриальную эру мы привыкли к тому, что перспективы изолированных островных северных территорий связаны только с их хозяйственным освоением. Отдавая дань этому подходу, но уже для новой эпохи, нами описан алгоритм промышленного развития таких территорий — как районов пионерного постиндустриального освоения — в главе 6. Но каким может быть будущее в эру экономики знания у таежных островов, не связанное с их промышленным освоением?

Общее направление поиска новых путей развития — всемерное возвышение духовных, нематериальных ценностей как первичных для новой эпохи, превращение недостатков изолированности в достоинства, не повтор траектории индустриального развития соседних регионов, но нахождение своего пути от прежней агропромысловой специализации в инновационную экономику.

Эти решения не обязательно будут технологическими, т. е. связанными с возможностями новых интеллектуальных, мобильных и модульных, технологий. Это узкий подход, который один не даст возможность таежным островам вырваться из ловушки одновременно малого рынка и транспортного бездорожья.

Вопрос экономического будущего таких таежных островов нужно поставить шире и в другой плоскости. В чем островные таежные сообщества могут

быть полезными для других сообществ России? Какую роль могут они играть в России эпохи экономики знания, то есть, говоря мощнее и шире, — в стране возрождающейся духовности?

Как часто эти таежные острова, обособленные от столичной жизни, были географической периферией, но при этом центрами особой, богатой духовной жизни, духовных исканий. Здесь создавались северные монастыри, сюда приходили религиозные отшельники твердой и непреклонной веры, здесь возникали казацкие остроги. Ключевая особенность их доиндустриальной экономической истории состояла в том, что все виды хозяйственной деятельности возникали здесь на фундаменте сильной духовной веры: как хозяйство монастырей[172], как уклад староверов, как заимка казаков. Нематериальные активы и ценности были первичны, от них, из них прорастала местная экономика и возникал единый комплекс духовной и материальной деятельности.

Но разве это не созвучно новой эпохе, экономике знания, с ее торжеством нематериальных активов и духовных ценностей? Значит, развитие таежных островных сообществ и возможно, и необходимо для России именно как духовных центров, как мест не технологических (для этого есть крупные городские центры), но духовных инноваций (исканий).

Как обособленные технопарки и долины становятся в России и мире местом смелого технологического экспериментирования, так обособленные северные таежные острова могут стать местом духовного исцеления, напряженных духовных исканий. И быть в этом не отсталой периферией, но, наоборот, самыми продвинутыми духовными центрами нации.

Как есть технологические пилотные площадки для разработки и начального внедрения инженерных инноваций в городских центрах, так здесь, в таежных островах, могут быть созданы пилотные площадки духовного исцеления от наркомании, от алкоголизма, площадки нравственного пробуждения людей, остро необходимые для жителей современных городских центров[173]. Это должны быть не просто места посещения туристов, но места напряженной, сосредоточенной духовной работы, на которую, как на ядро, нанизываются все другие виды экономической деятельности. Производство духовности может стать самой инновационной и самой востребованной деятельностью северных таежных островов.

---

[172] Соловецкий монастырь играл важную роль как колонизатор и просветитель Севера, имел свои войска и флот. Занятия: рыбная ловля, солеварня, различные заводы и мастерские. Со времен Екатерины II имел 500 душ крестьян и владел почти всем южным побережьем Белого моря. К 1917 году у монастыря был телеграф, радиостанция, электростанция, сельскохозяйственные фактории. Ежегодно его посещали 10–15 тыс. паломников — *Архангельская Н.* Соловецкое стояние // Эксперт. 2005. № 37 (483). 3 октября.

[173] Чистая среда северной периферии используется в мире для производства солнечных батарей, для выращивания качественных семян картофеля и т. д. Не менее важно использовать возможности «чистой» среды северной периферии, создать здесь духовные центры для нравственного очищения людей.

Часть 8

Особый случай северной периферии: сельские сообщества с этнической спецификой

Сельская этническая периферия Севера России имеет несколько характерных черт, отличающих ее от всех других в мире. В России есть уникальная по пространственному охвату отрасль — домашнее оленеводство — и сохранилось значительное число кочевников, чего нет ни в США, ни в Канаде. Она продолжает оставаться стержнем традиционного уклада народов Севера.

Народы Севера проживают в четырех различных по своему статусу внутри федерации, численности населения, экономической мощи группах регионов — краях, республиках, областях, автономных округах. Это снижает эффективность единого стандартного подхода к решению проблем сельской периферии. Федеральные законы, регулирующие экономическое и социальное развитие народов Севера, которые не содержат поправки на внутрисеверные различия, нередко сильно упрощают реальность. Так, закон об общине прописывает ее как признанную структуру аборигенных народов всего Севера; однако она получила широкое распространение только в части северных регионов. Степень юрисдикционных различий между регионами, внутри которые погружена сельская этническая периферия, на зарубежном Севере существенно меньше. Только на севере Канады различают северные провинции и северные территории, которые имеют разный статус, разные политические и экономические возможности внутри канадской федерации.

Население национальных сел Севера России преимущественно полиэтнично в силу нескольких волн переселения и масштабной компании перевода на оседлость, реализованных в 1930–1980-е годы. На Аляске и севере Канады, наоборот, население большинства национальных сел моноэтнично.

В России всегда в национальных селах есть либо переселенцы-старожилы, либо этносы-метисы, за несколько столетий совместной жизни уже воспринявшие от народов Севера традиционный уклад и образ жизни. Некоторым аналогом этой группы населения может быть метисное население севера Канады, но и на Аляске и на севере Канады переселенцев-старожилов и этносов-метисов в сельских сообществах значительно меньше, чем в России.

Около 75 % народов Севера[174] России, ведущих кочевой, полукочевой или оседлый образ жизни, проживает в сельской периферии Севера в тундровой,

---

[174] «Коренные малочисленные народы Севера — народы, проживающие на территориях традиционного проживания своих предков, сохраняющие самобытный уклад жизни, насчитывающие в России менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями» — Федеральный закон Российской Федерации от 19 июня 1996 г. № 78-ФЗ «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации», ст. 1 п. 6. Отменен в 2004 году.

лесотундровой и таежной зоне своего традиционного расселения. Сельская периферия Севера, как и раньше, продолжает выступать хранителем традиционного уклада, но одновременно максимально концентрирует экономические и социальные проблемы коренных малочисленных народов Севера. Сельские сообщества наиболее трудно адаптируются к переменам, сначала вызванным радикальной экономической реформой, теперь постиндустриальной трансформацией под вызовы инновационной экономики.

В последние 15 лет в сельской периферии Севера произошли радикальные изменения. Во многих селах в результате оттока переселенцев народы Севера стали численно доминировать. Происходит рост этнического самосознания народов Севера, что фиксирует увеличение численности многих представителей этих народов за период между переписями 1989–2002 годов, не связанное с демографическими причинами[175]. Широкое распространение по всему российскому Северу получили соглашения и договоры ресурсных корпораций с общинами коренных жителей, районными и поселковыми ассоциациями коренных народов, отдельными национальными домохозяйствами — владельцами родовых угодий.

Значительно увеличились контрасты в уровне жизни между коренными жителями сельской периферии и жителями городских центров Севера, внутри само́й сельской периферии между жителями сел разного размера, между новой элитой и обедневшими национальными домохозяйствами. Наблюдается постоянный рост доли аборигенных безработных среди безработных северных муниципалитетов.

Причины, которые обусловливают высокую безработицу в национальных селах, — неконкурентоспособность оленеводства и традиционных промыслов (основной генератор мужской безработицы); недостаточный уровень образования (вакансии по рабочим специальностям заполняются мигрантами, а не местным населением); удаленность сельской периферии от крупных рынков труда — районных и региональных центров Севера. Безработица приводит к крайней степени бедности и вынуждает многих перешедших в этот статус аборигенов переключаться на самообеспечение дикоросами, сбор ягод, «натуральный» рыбный, морской, охотничий промысел.

Заболеваемость коренных малочисленных народов Севера социальными болезнями (туберкулез, алкоголизм и др.) в несколько раз выше среднероссийской. Алкоголизм является причиной значительного количества несчастных случаев, отравлений, травм коренных малочисленных народов. Особенно сильно вырос в последние годы женский алкоголизм, в том числе беременных женщин, провоцирующий рост детских врожденных патологий.

Усиление разрывов между городскими центрами и сельской периферией приводит к утрате товарного значения оленеводства и традиционных промы-

[175] *Богоявленский Д. Д.* Вымирают ли народы Севера? // Социологические исследования. 2005. № 8.

слов и возвышению их жизнеобеспечивающей роли. Но и она нередко находится под угрозой ввиду растущей конкуренции со стороны коммерческих предприятий и спортсменов-любителей, ограничений доступа аборигенов к ресурсам традиционного жизнеобеспечения в существующих правилах охоты и рыболовства. Общины коренных малочисленных народов не могут закрепить за собой земельные участки с охотничье-промысловыми угодьями, оленьими пастбищами и рыбопромысловыми участками в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности, в результате не имеют возможности получить долгосрочные лицензии на право пользования объектами животного мира, квоты на вылов рыбы для личного потребления.

Современное федеральное законодательство содержит многочисленные пробелы и противоречия в отношении коренных малочисленных народов Севера. Двойственный правовой статус коренных малочисленных народов, закрепленный в международных правовых актах, — общий статус гражданина России и одновременно признание особых прав на землю и ресурсы мест традиционного проживания ввиду исторической связи с землей, не нашел в нем отражения. Отсюда отрицание приоритетных прав доступа коренных малочисленных народов Севера на землю и ресурсы мест традиционного проживания, что вводит их в поле конкуренции при распределении охотничьих угодий, рыболовных участков, лицензий, квот с коммерческими пользователями — в которой они обречены проигрывать.

В федеральном законодательстве отсутствует специальный блок, регулирующий развитие традиционных отраслей хозяйствования аборигенов — как жизнеобеспечивающих, а не товарных. Содержащиеся в федеральных и региональных законах и целевых программах инструменты государственной поддержки традиционных видов деятельности по-прежнему сориентированы на коллективные формы его организации, что не вполне отражает реальную ситуацию в северных сообществах, когда пушной, морской промысел ведут индивидуальные охотники на свои средства. Экономическая деятельность автономных охотников в сегодняшних условиях нелегальна, они не могут сами получить квоты, официально купить оружие, не имеют полноценной правовой защиты.

Нормативная правовая система, регламентирующая сельскохозяйственную деятельность, не учитывает специфическую роль традиционных отраслей хозяйствования аборигенов, от сохранения которых зависит существование коренных малочисленных народов, их культуры, традиций, обычаев, языка (основа существования, а не бизнес) и на общих основаниях предусматривает внесение арендной платы за использование земель.

Ряд норм «аборигенного» права замещается нормами природоохранного законодательства, например, в законодательстве по территориям традиционного природопользования как подвиде особо охраняемых природных территорий. Но проблемы коренных малочисленных народов — это не проблемы

охраны природной среды, это проблемы охраны и защиты людей, которые ведут оленеводство и традиционные промыслы и другие виды экономической деятельности в местах традиционного проживания.

Отсутствует связь между федеральным законодательством по коренным малочисленным народам и законодательством о малом бизнесе, о корпорациях. В результате родовая община не признается малым бизнесом и не имеет права пользоваться мерами господдержки, ориентированными на субъектов малого предпринимательства.

Федеральные законы мало стимулируют переход коренного населения к более активным формам самообеспечения, саморазвития, самоуправления. Нет интеграции алгоритмов решения земельных вопросов и алгоритмов устойчивого развития коренных малочисленных народов. Государство не имеет норм, регулирующих отношения коренных малочисленных народов и промышленных компаний. Нет федерального правового регулирования региональных институтов, направленных на поддержку развития коренных малочисленных народов Севера[176].

На фоне динамичной информатизации и интернетизации российских городов-центров сельская этническая периферия — национальные села и территории традиционного проживания коренных народов — представляет собой разительный контраст. Здесь даже элементарные возможности мобильной телефонной связи по-прежнему являются редкой роскошью.

Статистические индикаторы развития сельской периферии Севера представлены ежегодными бюллетенями «Экономические и социальные показатели районов проживания коренных малочисленных народов Севера» (разрабатываются Росстатом), в которых фиксируются лишь общие, стандартные, показатели, не отражена специфика состояния традиционного уклада и образа жизни. Национальное село не обособлено как объект хотя бы единовременного, не регулярного, статистического наблюдения.

---

[176] Благодарю Ассоциацию коренных малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока России за предоставленные материалы для подготовки оценки ситуации в федеральном законодательстве по коренным малочисленным народам Севера. В их числе особое внимание вызвала работа: *Кряжков В. А.* Право коренных малочисленных народов на землю и другие природные ресурсы // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. Отв. ред. Н. И. Новикова, В. А. Тишков. М.: Издательский дом «Стратегия». 2002.

Глава 16

Сельская этническая периферия: региональные условия развития, внутренняя структура экономики

Сельская периферия Севера многолика (рис. 25), ее этнические сообщества дифференцируются как в результате значительных различий региональной среды, так и по причине различий внутренней структуры сельской экономики и ее размера. Эти различия определяют разнообразие конкретных траекторий пути сельских аборигенных сообществ в новую экономику.

16.1. Типология региональных условий развития сельской периферии

Региональные различия развития сельской периферии формируются за счет значительных вариаций в общей численности коренного сельского населения по северным регионам России (максимум — ЯНАО, в котором более 30 тыс. чел., минимум Забайкальский край, в котором около одной тыс. чел.); за счет различий в степени сохраненности традиционного уклада жизни и родного языка среди разных северных этносов (например, среди ненцев, долган считают родным язык своей национальности более 75 % народов Севера; среди ительменов и чуванцев — менее 20 %); за счет различий в бюджетных возможностях своих регионов поддерживать оленеводство и традиционные промыслы (на одном полюсе — нефтегазовые регионы-доноры Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, на другом полюсе — глубоко дотационные Забайкальский край и Магаданская область); за счет различий в политическом статусе территорий традиционного проживания — собственные административно-территориальные образования в виде автономных округов или муниципальных районов — бывших автономных округов имеют семь наиболее многочисленных народов[177]:

[177] Из этого правила есть одно исключение: несмотря на многочисленность, эвены так и не получили собственной национальной автономии.

Рис. 25. Места компактного проживания коренных малочисленных народов Севера

ненцы, эвенки, ханты, манси, чукчи, коряки и долганы. Значительно различается и законодательство регионов Севера по объемам тех прав, которые предоставляются коренным малочисленным народам Севера: от наиболее продвинутых в этом вопросе Ямало-Ненецкого автономного округа, Республики Саха-Якутия до регионов, в которых аборигенное законодательство практически отсутствует — например, Забайкальский край.

Агрегированно можно выделить три типа регионов «базирования» сельской периферии Севера. *Первый*, с максимально сохранившимся традиционным укладом сельских аборигенных домохозяйств, уровень денежных доходов которых приближается к бюджету прожиточного минимума. Для них характерны относительно высокая доля коренных жителей в общем населении (5–15 %); сильное этническое самосознание, сохранение родных языков; наличие сильных лидеров родовых общин, национальных сел, районных и региональных ассоциаций; представительство малочисленных народов в органах исполнительной и законодательной власти; накопленный опыт социального партнерства аборигенов с промышленными компаниями и государственного регулирования отношений коренных малочисленных народов и корпораций; активная государственная бюджетная поддержка традиционного хозяйства (госзаказ на продукцию, льготное кредитование, налогообложение, стимулирующая ценовая политика и др.).

Эти признаки в максимальной степени проявляются в Ямало-Ненецком автономном округе, Республике Саха-Якутия, в сельских этнических сообществах севера Хабаровского края; несколько слабее — в Ханты-Мансийском, Ненецком, Чукотском автономных округах.

Второй тип регионов характеризуется средней долей традиционного жизнеобеспечения в структуре реальных доходов аборигенных домохозяйств (25–50 %), денежные доходы сельских аборигенных домохозяйств здесь приближаются к половине бюджета прожиточного минимума. Для этих регионов характерны малая доля коренных жителей в общем населении (1,5–5 %); неблагоприятные предпосылки для сохранения родного языка у некоторых этносов (селькупы, нанайцы, эвены, эвенки); угрозы выживания для некоторых народов и этнических групп численностью менее двух–трех тысяч человек; самые высокие барьеры доступности социальных, торговых, бытовых услуг ввиду бедности домохозяйств и удаленности многих национальных сел от центров. Поддержка традиционного хозяйства осуществляется здесь совместными усилиями государства, бизнеса и некоммерческих организаций. Процесс объединения автономных округов с соседними субъектами Российской Федерации (Красноярский, Камчатский край) привел к сокращению объема прав коренных малочисленных народов Севера.

Максимально сильно признаки этой группы проявляются в Таймырском, Эвенкийском муниципальном районе, Камчатском крае. Например, сотни жителей Эвенкии сохраняют связи с сезонным традиционным пушным, рыб-

ным, охотничьим промыслом, при этом не работают на предприятиях и хозяйственных организациях круглогодичной занятости. Слабее проявляются признаки этой группы в Мурманской, Магаданской, Сахалинской областях и Республике Тыва.

Третий тип регионов характеризуется минимальным уровнем денежных доходов, низкой долей традиционного жизнеобеспечения в структуре доходов аборигенных домохозяйств (менее 25 %). Для этих регионов характерны низкая доля коренных жителей в общем населении (менее 1 %); риски выживания практически для всех народов и этнических групп; высокий уровень ассимиляции и сохранение родного языка лишь у отдельных представителей.

Поддержка традиционного хозяйства осуществляется негосударственными коммерческими структурами и некоммерческими организациями. Региональные власти слабо участвуют в поддержке и регулировании социально-экономического развития коренных малочисленных народов, ссылаясь на несовершенство федерального законодательства. К данному типу относятся республики Коми, Бурятия, Хакасия, Алтай, Томская, Иркутская области, Забайкальский край.

Внутри региона каждого типа можно обособить две группы коренных жителей сельской периферии Севера: представители народов Севера, которые сохраняют традиционный образ жизни как основной и те, которые работают в бюджетном или рыночном секторах национальных сел, но продолжают заниматься традиционным жизнеобеспечением. В регионах первого типа максимальна доля первой группы.

Оценивая перспективы модернизации сообществ сельской периферии каждого из трех региональных типов, нельзя однозначно утверждать, какое имеет лучшие предпосылки. С уверенностью можно лишь сказать, что полюса всегда лучше, чем промежуточное состояние. Сохраненный сильный традиционный уклад дает шансы найти ниши в новой творческой экономике. Новые занятия национальным предпринимательством также созвучны вызовам инновационной экономики. И только сообщества, представители которого отказались от традиций предков, но одновременно и не нашли для себя перспективы в рыночной экономике, являются наиболее проблемными для преобразований под императивы нового уклада, основанного на знаниях и инновациях.

16.2. Внутренняя структура экономики сельской этнической периферии

Многоукладная экономика национального села формируется традиционным, рыночным, бюджетным секторами. *Традиционный* сектор (оленеводство и традиционные промыслы) повсеместно на Севере значительно уменьшился в последние 15 лет в результате дробления и исчезновения бывших совхозов,

колхозов, госпромхозов. Его продукция в большинстве сел утратила товарность в силу своей неконкурентоспособности без масштабной поддержки государства. Новая экономическая роль традиционного сектора звучит скромнее и состоит в продовольственном самообеспечении национальных домохозяйств.

Кризисное сокращение производства в традиционном секторе привело к высвобождению многих работников, преимущественно мужчин, которые всегда доминировали в структуре занятости в оленеводстве и промыслах. Возникла острая проблема мужской безработицы во многих национальных селах. Женщины, будучи менее притязательны на узких рынках труда национальных сел, были способны найти себя в неквалифицированной работе в бюджетном секторе (или мигрировали в региональные центры) и в итоге оказались более стрессоустойчивыми, легче адаптировались к новой экономической ситуации, чем мужчины.

Так за исторически очень короткий период радикально изменились гендерные роли в экономике многих национальных сел. Мужчины, которые обеспечивали материальное благосостояние многих национальных домохозяйств в индустриальную эру, в новых условиях ввиду сокращения и развала сельскохозяйственных предприятий, оказались более уязвимыми, чем женщины. Мужская безработица обострила и раньше существовавшие типичные социальные проблемы сообществ сельской периферии, прежде всего алкоголизм.

Бюджетный сектор в национальных селах приобрел в последние 15 лет абсолютно новое значение. Потери рабочих мест здесь были минимальны (в случае сокращения школы, больницы, сельского клуба, что случалось не так часто). Ввиду значительного оттока переселенцев, многие из которых работали в сельском бюджетном секторе, возникшие вакансии были заполнены представителями коренных народов. Нередко это сопровождалось одновременным ухудшением качественной структуры занятых в бюджетной сфере села, потому что уровень образования заместивших вакансии был, как правило, ниже, чем у выехавших мигрантов.

Часть образовавшихся вакансий в коммунальном секторе (слесари-ремонтники, сантехники, слесари по ремонту ДЭС и др.) вообще не смогла быть занята работниками из общины местных жителей по причинам их недостаточного образования и очень медленно заполнялась приехавшими новыми мигрантами.

Очень трудно по причинам барьеров малого рынка, транспортных расстояний, малой предпринимательской энергии местного сообщества формировался новый *рыночный* сектор национального села, преимущественно в сфере торговых и платных бытовых услуг и в основном только в крупных и средних по размеру селах. Вовлечение народов Севера в занятость в секторе рыночных услуг было объективно вынуждено сокращением предприятий традиционного сектора. Самый благоприятный случай для национального села, когда прежнее поселкообразующее предприятие традиционного сектора смогло сохраниться

полностью или частично, своими осколками, уже в качестве коммерческого предприятия: как многопрофильная родовая община, товарищество, индивидуальный малый бизнес и в других организационных формах.

Новый традиционный сектор не способен генерировать денежный доход (а только натуральный доход в виде добытого мяса, рыбы и т. д.). Значит, денежные средства для приобретение инвентаря для занятий оленеводством и традиционными промыслами (ранее обеспечивался централизованными государственными поставками) домохозяйство может получить только от работы в рыночном и бюджетном секторах сельской экономики. Если же таких доходов нет, тогда государство вынуждено поддерживать промысловиков напрямую.

Для устойчивой работы сельской экономики необходимо развитие всех трех ее секторов: ее важнейшее условие — совместимость сезонных занятий традиционными промыслами с работой в бюджетном или рыночном секторах. Неслучайно работники-аборигены предпочитают сменную работу в бюджетном секторе (например, пожарники), которая бесконфликтно сочетается с традиционной деятельностью. При занятиях малым бизнесом, например, в торговле, интеграция с традиционной деятельностью обеспечивается значительно труднее. Нужно налаживать мосты между всеми тремя секторами сельской экономики на уровне отдельного домохозяйства, общины, всего национального села.

Развитость каждого сектора сельской экономики зависит прежде всего от размера села. В *самых крупных* национальных селах (около и более тысячи человек, доля коренного населения 50–70 %), которые имеют выгодное транспортно-географическое положение, встроены в товарные сети с городскими центрами, рыночный сектор максимально развит (сегодня в основном в виде разных коммерческих услуг). Рыночный сектор сможет расшириться, если будут найдены возможности для местных фирм выйти за рамки работы только на (всегда ограниченный) местный рынок.

Здесь есть большой простор для воображения местным предпринимателям: поиск можно вести на путях расширения спектра рыночных услуг, создания принципиально новых производств, сориентированных на внешние рынки, — выпуска новой творческой продукции/услуги. В силу того, что создать здесь рабочее место для фирмы значительно дешевле, чем в региональных и районных центрах, при наличии удобной транспортной схемы и мотивированного на стабильную работу населения, эти села могут быть привлекательны для переноса сюда по аутсорсингу сборочных производств, трудоемкого сервиса крупных компаний, для развития здесь надомнических предприятий ближайших городских фирм.

Традиционный сектор таких крупных сел редко имеет товарный характер. Его перспективное развитие может быть связано с формированием на его платформе новых видов рентабельной экономической деятельности, которые будут способны расширить состав фирм рыночного сектора села. Например,

этнографического въездного туризма, местной структуры и фирм этнического парка, других структур инновационной экономики с этнической спецификой.

Значительное число рабочих мест формирует бюджетный сектор, но реальных возможностей его расширения в перспективе практически нет.

В *средних* по размеру национальных селах (примерно полтысячи человек, в том числе до 80 % из них коренные жители), которые часто имеют прямую связь с районным центром по автозимнику и по реке, относительно развиты все три сектора сельской экономики. Будущее развитие этих сел предусматривает две расходящиеся траектории: укрепление рыночной составляющей местной экономики за счет превращения в коммерческие традиционных видов деятельности и возникновения новых рентабельных производств товаров и услуг; укрепление ценностей традиционного жизнеобеспечения при существенных ограничениях в создании новых рабочих мест (тогда неизбежна высокая безработица). Выбор траектории будет зависеть и от внутренней структуры местного сельского сообщества и совокупного уровня его предпринимательской энергии. При наличии сильных домохозяйств можно ожидать развития семейного малого бизнеса, сориентированного своей деятельностью на внутренний или даже внешние рынки. При наличии «спонтанной социализированности», солидарности местного сообщества возможно создание национальных общин, многопрофильных по своей деятельности.

Малые и ультра-малые по размеру национальные села (одна–две сотни человек и менее сотни человек) можно назвать хранителями традиционного уклада и ценностей коренных народов в том смысле, что здесь максимальная доля коренных жителей (нередко все), предельная изолированность (нет прямой связи с районным центром даже по вре́менным зимним и речным трассам) и максимально сохранены оленеводство и традиционные промыслы как условие предельного, невозможного в других селах, продовольственного самообеспечения. Единственные полноценные рабочие места формируют детские сады, малокомплектные школы, фельдшерско-акушерские пункты. Здесь максимальна безработица, которая имеет застойный характер, и самая больша́я доля бедных домохозяйств.

Для этой группы национальных сел принадлежность к коренному населению перестает быть вопросом «крови», но фактом самосознания. Русский старожил, проживающий десятилетия в аборигенной общине, безусловно, воспринимает ее фундаментальные ценности и стереотип поведения.

Проблемы этих малых и ультра-малых сельских сообществ подробно описаны в североканадской и американской литературе: малые размеры местных рынков, недостаток предпринимательской энергии местного сообщества, высокие издержки ведения бизнеса, транспортные издержки (недоступность), нетоварность традиционных промыслов[178].

---

[178] От патернализма к партнерству (строительство новых отношений народов Севера и государства) / Отв. ред. А. Н. Пилясов. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН. 1998.

Справочный материал: Малые и ультрамалые сельские этнические сообщества Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Березовский куст малых сообществ включает жителей сел Шайтанка, Устрем, Демино, Пугоры. *Село Шайтанка* расположено в 30 километрах от крупного рынка районного центра Березова и потому имеет более товарную экономику, чем остальные села в этой группе. Приоритетные направления развития местной экономики включают создание пунктов лесозаготовок с цехами по производству пиломатериалов для местных нужд, изготовление поделок из дерева для скверов и парков Югры — при активном участии муниципальной власти в обеспечении сбыта как внутри района, так и в округе. Намечено построить здесь цех по переработке дикоросов (глубокая заморозка, вакуумная упаковка), поддерживать занятия местного населения традиционными промыслами.

Сообщество села Устрем в еще большей степени, чем Шайтанки, опирается на традиционные виды деятельности для продовольственного самообеспечения. Радикально расширить здесь спектр рентабельных видов деятельности в прогнозный период не удастся по причинам малого размера рынка и транспортной недоступности. *Сообщества сел Демино и Пугоры* занимаются преимущественно самообеспечением (рыбный, охотничий, пушной промыслы). В перспективе возможно создание здесь животноводческой фермы и формирование ассоциированных отношений с ОАО «Сибрыба», расположенном в райцентре Березово.

Сосьвинский куст малых сообществ включает жителей сел Кимкъясуй, Ломбовож, Верхненильдина, Патрасуй, Сартынья. *Село Кимкъясуй* находится в 53 км от Сосьвы. Сообщество ведет традиционный образ жизни (охотничий и рыбный промыслы, сбор дикоросов). В перспективе, с улучшением транспортной схемы, можно начинать строительство туристических объектов, приуроченных к главному событию года в местном сообществе — празднику дочери водяного царя.

Село Ломбовож находится в 40 км от поселка Сосьва. Оно является центром хранения мансийских традиций и языка. Здесь жил Петр Шешкин, известный в Югре резчик по дереву. Регулярно проводятся праздники «Торум Кан» — лестница в небо. Перспективным направлением может стать изготовление поделок из дерева — от мелких изделий-сувениров до оформления детских площадок и композиций для поселков округа. Мансийская деревня *Верхненильдина* включает одно домохозяйство, которое полностью сохранило традиционный уклад — ведут охоту, используют конный транспорт, не пользуются электроэнергией. В селе *Патрасуй* живет одна неполная семья, которая до недавнего времени вела охотничий промысел.

Сообщество *села Сартынья* сохраняет традиционный уклад — промыслы разных видов, ведет личное подсобное хозяйство. В перспективе товарным видом деятельности может стать изготовление простейших изделий из дерева для продажи на окружном рынке.

Сообщество *села Усть-Манья* живет натуральным хозяйством — рыбалкой, охотой, личным подсобным хозяйством, и вынуждено рассчитывать на пенсии, поддержку за счет пособий по безработице как единственные источники денежного дохода. Перспективы развития села связаны с разработкой месторождений бентонитовых глин вблизи него в рамках реализации мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный».

Сообщество *села Хурумпауль* знаменито сохраненным навыком рисунков на бересте. Оно ведет охотничий промысел и другие виды традиционного жизнеобеспечения. Сообщество *села Ясунт* занимается традиционными промыслами. Здесь формируется детское стойбище, нацеленное сохранить традиции, передав их от родителей детям.

Решение проблем сельской периферии Севера предполагает усилия на федеральном, региональном и местном уровнях. На *федеральном* уровне целесообразно создание единой Интернет-сети всех национальных сел Севера для организации процесса взаимного обучения и обмена опытом между местными сообществами. Будут предусмотрены меры финансовой поддержки поселкообразующих предприятий национальных сел в виде освобождения их от уплаты НДС и других обязательных платежей (подоходного, выплат в Пенсионный фонд и др.), субсидирования процента по кредиту, упрощенной процедуры предоставления гарантий по кредитам, льготного долгосрочного лизинга оборудования и др.

На федеральном уровне будет разработан государственный стандарт, регулирующий отношения между структурами коренных малочисленных народов Севера и промышленных компаний.

Важнейшей мерой государства по стимулированию саморазвития всех трех групп сел является подготовка специалистов по работе с общиной коренных жителей в университетах и колледжах России (госзаказ на учебники по развитию местных сообществ, организация учебных программ, лицензирование специальности). Задачами специалистов по работе с местными сообществами станут пробуждение инициативы и воспитание лидеров сообщества, помощь в выборе приоритетов и подготовке планов местного развития, профилактика алкоголизма и других социальных болезней.

Новым инструментом экономического развития сельских сообществ станут квоты развития, предоставляемые национальным селам и общинам, расположенным вблизи мест коммерческого рыбного промысла, помимо/сверх гарантированных квот на жизнеобеспечение. Органы местного самоуправления национальных сел в течение нескольких лет будут получать часть коммерческой квоты от федерального правительства при условии подготовки бизнес-плана развития нового предприятия, создающего рабочие места для представителей коренных малочисленных народов; наличия партнера у местной общины в виде промышленной компании, ведущей рыбный промысел. Местные власти могут передать квоты развития рыбопромысловым предприятиям, если те гарантируют занятость местных жителей на своих объектах.

На *региональном* уровне предусматривается создание институтов развития сельских сообществ в различных видах: фонды поддержки местных инициатив, агентства экономического развития, кредитные кооперативы и др. Начнут работу региональные советы по совместному управлению природопользованием структурами государственных ресурсных агентств и общин аборигенных жителей.

На *муниципальном* уровне помощь местным сообществам нацелена на снижение зависимости села от завоза топлива и нефтепродуктов на основе использования местных источников теплоэнергоснабжения и экономичных электростанций; создание объектов мобильной инфраструктуры в местах тра-

диционной хозяйственной деятельности (модули торговых помещений, цехов мини-переработки, объектов социальной инфраструктуры, микрогидро-ветроэлектростанции и др.); реализацию специфичных, настроенных на особенности конкретного сообщества, программ обучения и переобучения прямо в национальных селах.

Крупные ресурсные компании постепенно, в результате работы по развитию местных сообществ, смогут делегировать часть сервисных функций малому национальному бизнесу на условиях аутсорсинга.

16.3. Развитие традиционного сектора сельской периферии

В индустриальную эру поселкообразующими предприятиями многих национальных сел советского Севера были колхозы, совхозы, госпромхозы и их отделения, специализирующиеся на оленеводстве, пушном, рыбном, морзверобойном промыслах. Они обеспечивали основную занятость сельских жителей и содержали на своем балансе важнейшие объекты социальной сферы села.

Вскоре после начала радикальной экономической реформы бюджетная поддержка этих предприятий почти повсеместно прекратилась; значительно возросли транспортные издержки доставки продукции оленеводства и традиционных промыслов из северной сельской глубинки на ближайшие городские рынки. В результате во многих районах Севера продукция оленеводства и традиционных промыслов оказалась неконкурентоспособной по сравнению с завозимыми на север продуктами. Традиционные виды деятельности народов Севера утратили товарность, прежде обеспеченную за счет щедрых государственных субсидий. Например, оленеводство во многих ареалах уже стало преимущественно самообеспечивающей отраслью: распространен забой оленей для «котлового питания» самих оленеводов. Это драматичный, проходящий по судьбам сотен и тысяч людей, конфликт: с одной стороны, многие представители народов Севера по-прежнему сориентированы на традиционные виды деятельности, но с другой стороны, работа в них редко где обеспечивает устойчивый денежный доход.

Процесс сокращения занятости в оленеводстве и традиционных промыслах был начат еще в советскую индустриальную эру: молодежь, прошедшая обучение в городских интернатах, в случае возвращения в национальные села в возрастающей степени выбирала в качестве своей профессии работу в бюджетной сфере, жилищно-коммунальном хозяйстве, бытовом обслуживании, но не в традиционных отраслях хозяйства. Но он значительно ускорился в 1990-е годы, в период радикальных экономических преобразований в стране.

По числу занятых в системе традиционного хозяйства национальных сел доминирует оленеводство — единственная отрасль традиционного природо-

пользования, в которой заняты исключительно коренные малочисленные народы Севера и в которой они практически не встречают конкуренции. В последние 15 лет поголовье домашних оленей России сократилось в несколько раз (прежде всего за счет депрессии оленеводства на Северо-Востоке России), одновременно произошла пространственная концентрация отрасли на Ямале — ненецкое тундровое оленеводство сосредотачивает теперь более половины всего российского поголовья домашних оленей, обеспечивает основную долю занятости в оленеводстве Севера России и значительную долю общей занятости всех народов Севера России, проживающих в национальных селах и по-прежнему вовлеченных в занятия оленеводством и промыслами.

В национальных селах таежной, лесотундровой и отчасти даже тундровой зоны развития мало- и среднестадного оленеводства в комплексе с традиционными промыслами значительная часть прежних оленеводов переходит на занятия охотничьим и рыбным промыслами. Потому что в новых экономических условиях на единицу трудозатрат промыслы стали здесь более привлекательными видами деятельности по сравнению с оленеводством. Эта тенденция особенно ярко проявилась на Таймыре, в Эвенкии, на севере Якутии — местах распространения дикого северного оленя, добывать которого сейчас стало выгоднее, чем содержать домашних оленей.

16.3.1. Факторы слабости и силы оленеводческих хозяйств (причины заката чукотского оленеводства)

По причинам того, что оленеводство, хотя и в существенно сжавшемся виде, сохраняет свою роль ядра и основного генератора занятости в традиционном секторе сельской периферии Севера; по причинам того, что самый главный сдвиг последних 15–20 лет внутри самого́ оленеводства состоял в перемещении его центра с Чукотки на Ямал — рассмотрим более детально причины сверхбыстрого по историческим меркам, катастрофичного спада чукотского оленеводства[179].

В результате поощряемых государством сверхусилий оленеводов Чукотки в конце 1960 – начале 1970-х годов здесь был достигнут абсолютный максимум поголовья оленей — более 570 тысяч. Традиционные промыслы между тем становились во многих хозяйствах и национальных селах «любительской» деятельностью народов Севера. Лишь в очень немногих совхозах Чукотки (преимущественно Восточной, в центре эскимосской культуры селах Сиреники, Новое Чаплино, Уэлен), как исключение, промысел морского зверя признавался профильным. Сходным было положение с пушным и рыбным

[179] Материал впервые был опубликован в статье: *Пилясов А. Н.* Трансформация оленеводства Чукотского автономного округа в 1990-е годы // Актуальные проблемы региональной экономики. Межвузовский сборник. Вып. 2. Социально-экономические проблемы регионов Российского Севера. СПб.: ГПА. 2003. С. 13–30.

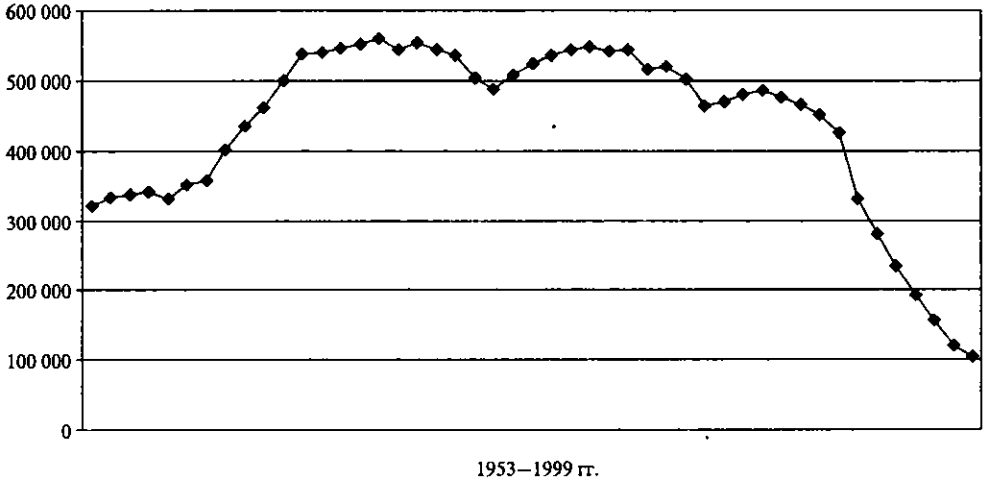


Рис. 26. Динамика оленепоголовья в Чукотском автономном округе, тыс. гол.; до 1991 года — общественное, после — общее (с личными оленями населения)

промыслами, которые в оленеводческих совхозах были подсобными, а в ареалах максимальной рентабельности передавались госпромхозам или рыбозаводам, опиравшимся в своей деятельности на сезонных и постоянных работников-переселенцев.

Радикальная экономическая реформа поменяла акценты в традиционной экономике чукотских сел. Одним из ее результатов стало изменение ценностных соотношений внутри традиционного сектора в пользу промыслов. Даже по официальным, обычно всегда заниженным сведениям (морские охотники небольших предприятий или охотники-одиночки часто не регистрируют объемы добычи), в большинстве хозяйств спад составил в 1990-е годы не более двух раз к уровню 1980-х годов (поголовье оленей за тот же период сократилось в четыре раза). Этот структурный сдвиг происходит на фоне сокращения размеров самой традиционной экономики национальных сел, занятость в которой — в силу ее новой жизнеобеспечивающей, а не товарной роли — поддерживает здесь уже менее трети всех рабочих мест.

После многократного сокращения поголовья домашних оленей в 1990-е годы крупнейшего в стране чукотского центра оленеводства, концентрировавшего в 1980-е годы около 27 % всего поголовья этих животных, более не существует (рис. 26). Это довольно редкий феномен очень быстрого сокращения поддерживаемого ранее на протяжении почти 30 лет примерно на одном уровне поголовья. Пример штата Аляска, в котором в 1930-е годы поголовье домашних оленей тоже очень быстро сократилось с 600 до 40 тысяч — другой, потому что отрасль там была искусственно индуцирована и не имела вековых традиций.

Почему кризис оленеводства оказался на Чукотке столь катастрофичен? Почему крупнейшее в мире домашнее поголовье в одночасье сократилось в четыре раза?

Бытует мнение, что кризис чукотского оленеводства связан с неправильными реорганизационными мероприятиями, проводимыми шаблонно на основе постановлений центральных органов, которые не учитывали специфических особенностей округа, традиционного уклада жизни чукчей, эскимосов, эвенов, коряков, отсутствием государственной поддержки в прежних масштабах. На самом деле он носит более объективный характер.

Нигде более на российском Севере не было такой глубины совхозизации традиционной экономики, как на Чукотке. На Ямале, Таймыре сохранялись колхозы, но в приграничном Чукотском автономном округе глубина огосударствления традиционного уклада в совхозах — после того, как здесь было к тому самое долгое, вплоть до 1950-х годов, сопротивление чаунских чукчей-кочевников — была доведена до предельной стадии отчуждения работников от земли и занятий предков. И теперь по сравнению с другими регионами России в чукотских хозяйствах очень низок удельный вес оленей, находящихся в личной собственности пастухов.

Впечатляющие формальные показатели неуклонного вплоть до 1980-х годов роста оленепоголовья скрывали глубокие проблемы отрасли — сокращение числа пастбищ, разрыв связи поколений и утрату навыков среди молодежи, слабую адаптивность государственных хозяйств к возникающим в связи в урбанизацией переменам в образе и жизни и ценностных ориентациях коренных жителей.

История действительно значима — и парадоксально, что особенно в периоды ломки сложившейся траектории развития, когда она становится *почти материальным фактором*, детерминирующим выбор конкретного сценария. Цитадели кулацкого уклада чукотские сёла Ваеги и Амгуэма и сегодня, спустя полвека экспериментов, быстрее других возвращаются к естественным для них формам хозяйствования.

Отрасль была обречена на сжатие по причине тех лимитов, на которые она вышла в своем развитии в конце 1980-х годов: ограничения по оленеемкости пастбищ[180], нарастание внутренних диспропорций в структуре стада —

[180] За последние 40–50 лет площади кормовых угодий в округе сократились более чем на 60 %. Начиная с 1970-х годов до начала 1990-х годов пастбищная нагрузка возросла в среднем в четыре раза. Нерациональный выпас оленей в предшествующие годы с превышением допустимых нагрузок в 1,5–2 раза привел к повсеместному развитию сбитости оленьих пастбищ, выпадению ценных кормовых растений, увеличению доли некормовых кустарничков, слабо поедаемых видов, выводу из использования части площадей пастбищ, трансформации ягельников в низкопродуктивные проходные пастбища переходных сезонов, а в целом — к сокращению площадей природных пастбищ. Наибольшей деградации подверглись пастбища Чукотского и Провиденского районов, частично Иультинского. Стремительное снижение поголовья оленей в последующие годы сократило нагрузку на пастбища, и они медленно восстанавливаются. (Данные Департамента землепользования Администрации Чукотского автономного округа).

либо в сторону гипертрофированного наращивания маточного поголовья для быстрейшего увеличения общего числа оленей (показатель, который был одним из основных в практике планирования отрасли 1960–1980-х годов), либо, уже в 1990-е годы, наоборот, к увеличению самцов — производителей сырья для высокорентабельного на мировых фармацевтических рынках пантокрина.

Но самое главное — те объемы оленины, которые отрасль потенциально могла предложить в 1990-е годы, не могли быть востребованы стремительно сжимающимся по причине оттока населения рынком округа. В округе нет крупных вертикально-интегрированных структур недропользователей — ее потребителей (как, например, «Газпром» на Ямале), а вне его оленина была неконкурентоспособна с любым другим белковым заместителем (мясом птицы, говядиной, свининой).

Даже в само́м округе, который с начала 1990-х годов стал представлять с точки зрения оленеводства несколько разрозненных (неинтегрированных) локальных рынков — очагов товарности, почти не связанных друг с другом, оленина в силу повсеместной нерентабельности могла конкурировать с завозимым мясом лишь при наложении нескольких благоприятных факторов: малые транспортные затраты, больши́е объемы производства, гарантирующие получение эффекта экономии на размере, емкий рынок сбыта, отлаженная схема товародвижения от мест корализации к торговым точкам — оптимальная инфраструктурная оборудованность холодильниками и коралями и др. Для целей же продовольственного самообеспечения кочевников и жителей ближайших национальных сел прежние объемы оленины не нужны.

Падение оленепоголовья нужно рассматривать в контексте возвышения промыслов в традиционном секторе национальных сел (куда произошел частичный переток трудозатрат). Пастухи многих средне- и малостадных бригад переключились на менее трудоемкие и обещающие более быструю отдачу сезонные виды промысловой деятельности, исторически здесь всегда существовавшие.

В Восточной Чукотке это означало возрождение приоритетности морского промысла чукчей и эскимосов. Его объемы могут сегодня быть и меньше, чем в 1980-е годы. Однако иной стала его функциональная роль в традиционной экономике здешних национальных сел. Он вышел из тени оленеводства, и стал для многих береговых национальных сел основным источником бесплатного мяса и жира для продовольственного самообеспечения.

В кусте анадырских хозяйств, расположенных в бассейне реки Анадырь, ситуация поляризовалась. С одной стороны, есть хозяйства, в которых на фоне значительного снижения оленепоголовья усилилась роль пушного и рыбного промыслов (в первую очередь речь идет о расположенных в тундролесье марковских, отчасти ваежских хозяйствах). В результате дробления

старых и образования новых хозяйств здесь появились первые оленефермы. С другой стороны, в районах исторического развития крупностадного чукотского оленеводства (села Канчалан, Усть-Белая, Снежное), в ряде случаев после нескольких лет экспериментов, произошел возврат к монолитному оленеводческому хозяйству, в основном сориентированному именно на эту отрасль.

Это кочевые бригады центральной и северной частей округа, узко специализированные только на оленеводстве. Здесь для его развития имеются наиболее благоприятные условия: большие объемы производства, гарантирующие получение эффекта экономии на размере, малые транспортные затраты до емких рынков сбыта, отлаженная схема товародвижения от мест коралиизации к торговым точкам. К этой группе относятся хозяйства, расположенные в Чаунском, Шмидтовском, северной части Билибинского и на западе Иультинского района, а также на большей части Анадырского (кроме хозяйств в верхнем течении р. Анадырь и поселка Тавайваам на морском побережье). В этой зоне товарного оленеводства сосредоточено около 70 % всего поголовья. Здесь проживает примерно треть всего коренного населения округа (около 5 тыс. человек), в основном чукчи.

В этнохозяйственном ареале чукотской Арктики исторически всегда выпасались крупные стада чукчей-кулаков чаунской, паляваамской, амгуэмской тундры. Сочетание оленеводства с песцовым промыслом было, но он не играл большого значения. Хозяйства, расположенные вокруг районного центра Билибино («Анюйское», «Турваургин», «Тополевое», созданное на базе совхоза им. 40-летия Октября) сохранились и претерпели меньшие потери поголовья по сравнению с округом в целом. Здесь в основном сохранились прежние ценностные ориентации внутри традиционного комплекса.

Анализ основных показателей десятилетия радикального реформирования чукотского оленеводства в сопоставлении с территориями-аналогами позволяет сделать несколько выводов. Несмотря на значительный, самый большой среди всех территорий, спад в поголовье, внутренняя структура отрасли мало изменилась за прошедшее десятилетие и в ней по-прежнему доминируют (около 85 % всего оленепоголовья) бывшие крупные государственные хозяйства. Только в Корякском автономном округе (при значительно меньшем поголовье) доля бывших совхозов еще выше — более 90 %. На Ямале и Таймыре бывшие госпредприятия уже не доминируют в отрасли. Можно утверждать, что несмотря на упреки в быстрых и непродуманных преобразованиях, на самом деле оленеводство на Чукотке оказалась значительно более консервативно, чем в других северных округах.

Лидерство Чукотки в домашнем оленеводстве утрачено, передано самодийскому оленеводству — ненцев, которое *в силу меньшей глубины обобществления в советский период* оказалось более адаптивным к новым условиям. Сказался и субъективный фактор гарантированного сбыта продукции круп-

ным ресурсным корпорациям (ОАО «Газпром» и др.). Подобных крупных промышленных структур на Чукотке нет.

После короткого периода 1991–1993 годов, когда доля сельскохозяйственных предприятий в окружном поголовье снижалась, в последующие годы она стала расти. Удельный вес крестьянско-фермерских хозяйств, наоборот, стал в этот период сокращаться. Роль оленей населения трудно достоверно учитывать, ввиду того что обычно они выпасаются совместно с оленями предприятия. Если верить официальным данным, то они составляли примерно 5–7 % собственных оленей в стаде.

Годами максимальных потерь оленей (беспрецедентных, если сравнивать с показателями 1950–1980-х годов) стали 1995 и 1998 годы. Весь период второй половины 1990-х годов характеризовался значительными потерями поголовья. Естественно, что для этих же лет характерна и минимальная сохранность взрослого поголовья. Лишь в 1999 и 2000 годах качественные показатели эффективности отрасли (прежде всего деловой выход телят на 100 январских оленематок) стали понемногу улучшаться.

Поголовье оленей сократилось в 4,5 раза, а производство мяса — более чем в семь раз. И эта диспропорция — свидетельство переориентации отрасли от товарной на жизнеобеспечивающую для самих пастухов и членов их семей, родственников в селах.

Спад в оленепоголовье способствовал сокращению числа занятых в отрасли. Сегодня в селах округа около 1000 человек работает в оленеводстве (значительно меньше, чем в бюджетном секторе).

Одна из постоянно воспроизводимых в последние десятилетия закономерностей развития домашнего оленеводства округа состоит в наличии двух зон, четко различающихся по количественным и качественным показателям, и неуклонном нарастании доли первой в общеокружном поголовье (табл. 29). Последнее десятилетие мало что изменило в этом процессе. *Он лишь усилил свою интенсивность*: первая зона приобретает вес на фоне общих потерь в поголовье, вторая — активно теряет. В Беринговском и Провиденском районах оленеводство умирает.

Агрегированный анализ качественных показателей за 1960–1990 гг., проведенный, чтобы исключить влияние случайных погрешностей и добиться максимальной устойчивости результатов, обнаруживает, что первая зона имеет меньшие непроизводительные отходы оленей, лучшую сохранность и деловой выход телят на 100 оленематок. Доля маточного поголовья здесь меньше, так как оно, как правило, всегда связано обратной зависимостью с размерами стада: чем стадо крупнее, тем, при прочих равных условиях, меньше доля маточного поголовья, и наоборот.

Рассматривая один из ранее проанализированных качественных показателей состояния оленеводства более детально, в разрезе пятилетий (табл. 30), мы опять убеждаемся, что предприятия второй зоны имеют, как правило, потери

Таблица 29

Динамика территориальной структуры оленеводства Чукотского автономного округа и качественные характеристики каждой зоны

Районы							1960–1990 гг.*			
	1953–1959	1960–1970	1971–1980	1981–1990	1991–2000	1.01. 2001	Непроизводительные отходы, %	Сохранность взрослых**, %	Деловой выход телят на 100 оленематок, гол.	Маточное поголовье, %
Округ всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	11,7	89,5	69,1	50,4
I. *Основная зона чукотского оленеводства*										
Анадырский	29,9	28,8	30,0	31,0	30,4	34,3	12,9	89,2	68,6	50,5
Билибинский	22,4	21,9	21,3	24,0	19,9	18,2	10,4	90,8	68,9	48,8
Чаунский	10,6	13,2	11,9	11,2	13,6	14,7	8,9	91,5	73,3	49,3
Иультинский	13,3	13,6	8,7	8,0	11,5	15,1	10,3	91,7	71,5	52,6
Шмидтовский	–	–	8,3	8,3	9,8	10,5	12,0	89,2	68,9	48,5
II. *Зона рискованного оленеводства*										
Чукотский	12,6	9,3	6,7	4,6	6,2	4,7	15,1	85,0	60,9	51,5
Провиденский	4,4	5,1	4,8	4,2	3,6	2,1	12,7	87,8	68,1	52,7
Беринговский	6,8	8,1	8,3	8,7	5,0	0,4	13,8	86,9	65,7	52,0

оленей, превосходящие на 8–10 % результаты хозяйств первой зоны. Особенно катастрофичным для всех было пятилетие 1996–2000 годов, когда отмечались самые высокие показатели потерь за 35-летний период.

Численные потери поголовья в последние десятилетия сопровождаются абсолютно различной динамикой живого веса одного оленя. Этот показатель в последние 20 лет советского времени в округе постоянно уменьшался. Чукотский олень, который был всегда крупнее своего европейского саамского аналога, «терял» в весе, что вызывало тревогу многих специалистов отрасли, так как косвенно свидетельствовало о рождении более слабого потомства, необходимости более активной ветеринарной работы. Произошедшие перемены в отрасли неожиданно привели к позитивной динамике этого показателя почти во всех хозяйствах первой зоны и в округе в целом (табл. 31).

---

* Подсчитано по материалам сборника: *Пилясов А. Н.* Динамика сельскохозяйственного производства в Магаданской области. 1954–1990 гг. Магадан. 1992.

** Количество взрослых оленей, сохраненных до конца года, к поголовью на начало года.

Таблица 30

Непроизводительные отходы домашних оленей
в Чукотском автономном округе (в % ко всему стаду)

Районы	65–69	70–74	75–79	80–84	85–90	91–95	96–00	2001
				Зона 1				
Анадырский	14	13,5	12,4	12,9	13,8	27,0	**32,8**	26
Билибинский	?	14,1	8,6	9,7	11,5	30,3	**31,0**	27
Чаунский	6,8	7,3	8,6	11,4	11,4	28,6	**28,6**	21
Иультинский	7,5	12,7	12,1	11,9	8,7	28,6	**35,1**	27
Шмидтовский	–	14,4	9,8	11,9	11,9	28,1	**34,7**	22
				Зона 2				
Чукотский	11,8	18,6	20,5	23,3	10,0	31,1	**41,1**	33
Провиденский	9,6	15,3	15,0	21,1	11,5	35,9	**46,0**	33
Беринговский	12	13,6	14,6	20	17,6	47,4	**59,2**	33
Округ всего	10,8	12,9	12,0	13,3	12,4	34,3	**37,3**	27

Таблица 31

Средний живой вес одного домашнего оленя в Чукотском автономном округе, кг

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
					Зона 1						
Анадырский↑	69	71	74	76	76	77	78,6	81	80	81	80,5
Билибинский↑	64	67	71	73	70	69	71,7	75	76	77	78
Чаунский↑	67	69	71	84	84	80	70,7	74	75	78	75
Иультинский↓	82	80	85	88	80	81	73,5	77	78	79	77
Шмидтовский↑	66	60	61	44	60	75	86,8	72	73	77	77
					Зона 2						
Чукотский↓	81	75	75	84	80	70	66,4	70	71	77	78
Провиденский↓	78	78	78	79	75	71	61,6	63	64	64	68
Беринговский↓	91	91	75	65	66	68	68,2	67	67	67	68
Округ всего↑	74	73	75	79	73	74	71,9	72	76,8	77,2	77*

Почему это произошло? Видимо, естественный и рукотворный отбор в процессе сокращения поголовья приводит к выживанию наиболее крепких крупных животных. Уже нет средств для регулярной вакцинации от копытки, для противооводной обработки животных, что было правилом содержания оле-

* В 1970–1980-е годы происходило неуклонное снижение этого показателя: в 1970 году средний живой вес одного оленя в округе был 84 кг, в 1984 г. — 72 кг.

ней в советское время. Эти усилия поддерживали численность, но зато приводили к неуклонному ухудшению качественных показателей животных, сохраненных ценой значительных затрат. Теперь ситуация радикально поменялась — в итоге увеличился вес оставшихся оленей.

С 1992 года в округе в результате дробления крупных оленеводческих хозяйств стали образовываться новые структуры традиционного сектора — многопрофильные крестьянско-фермерские хозяйства, потом родовые общины. В основном они формировались в Билибинском и Анадырском районах. Их общими характеристиками являются неприморское внутриконтинентальное местоположение в ландшафтах тундролесья, наличие разветвленной речной системы (р. Анадырь, р. Омолон, Большой и Малый Анюй), близость центров горнопромышленного производства/расселения, которые выступают локальными рынками сбыта, бóльшая развитость рыбного и пушного промыслов, чем в других районах.

Именно для этих районов характерно наличие большого количества пастбищ, преобразованных горнопромышленной деятельностью, их мелкоконтурность — дефицит больши́х массивов пастбищ во многих территориях или жесткие ограничения по летним или зимним пастбищам, наличие естественных преград (природных рубежей-контуров). Чем «специфичнее» пастбища, чем больше естественных барьеров, тем при прочих равных условиях, больше была вероятность дробления прежде крупных оленеводческих хозяйств. При значительной выбитости пастбищ мало и среднестадное оленеводство целесообразнее крупностадного.

Многие из этих фермерских хозяйств и родовых общин после недолгого существования исчезли. Доля фермерских хозяйств сегодня составляет менее 10 % в окружном оленепоголовье.

Процесс преобразований в чукотском оленеводстве в 1990-е годы сопровождался реорганизацией совхозов в товарищества, акционерные общества и фермерские хозяйства, сокращением дорогостоящей господдержки (льготная цена на оленину, авиадоставка оленины к местам сбыта, вакцинация от болезней, авиаотстрел волков). Новые условия были значительно жестче для сельскохозяйственных предприятий округа, чем существовавшие в советское время. Неодинаковая по результатам адаптация к ним выявляет хозяйства разной «силы».

В советское время сила хозяйства однозначно связывалась с количеством оленей. То, что этот показатель совсем не обязательно свидетельствует о силе, продемонстрировали результаты первых десяти лет реформы в оленеводстве. Они выявили немало любопытных парадоксов.

Возьмем две пары хозяйств — безусловных лидеров в советское время — совхозы «Марковский» и им. 1 Ревкома Чукотки (все Анадырского района); «Омолон» и «Канчаланский» (Билибинского и Анадырского районов). Обе пары имели сходное оленепоголовье в 1980-е годы. В десятилетие 1990-х годов их путь радикально разошелся. «Марковский» сильно потерял в числе оленей,

стал аутсайдером, раздробился на несколько фермерских хозяйств. ОАО им. 1 Ревкома Чукотки имеет лучшие показатели по оленепоголовью в округе (минимальный спад), высокий ранг по объемам производимого мяса.

Совхоз «Омолон» сильно уменьшил поголовье, тоже частично раздробился на фермерские хозяйства. С другой стороны, «Канчаланский» после трудного, с ошибками и издержками, поиска форм выживания в новой экономике, будучи на грани дробления на несколько фермерских хозяйств (с разделом оленей, основных производственных фондов и техники на паи), вновь консолидировал активы и воссоздался крупным хозяйством с приемлемыми — ниже среднеокружных — потерями в поголовье.

Что определило разные судьбы преобразований прежде формально сходных по показателям хозяйств? Что является критерием силы, если не количество оленей?

Факторы силы — сохранение традиционных институтов (традиционного знания, обычного права, власти старейшин). Анализ похозяйственных книг 1920–1930-х годов вскрывает силу кочевых хозяйств Канчалана, «кулацкий» уклад многих чукчей-кочевников, потом вошедших в колхоз им. 1 Ревкома Чукотки. С другой стороны, исторически многопрофильные домохозяйства Омолона и Марково сочетали занятия средне- и малостадным оленеводством с пушным, рыбным промыслами, которым очень благоприятствовали природно-климатические условия. Крупностадными они стали в результате целенаправленных усилий государства, неестественно и потому временно.

Сохранение традиционных институтов — это необходимое, но недостаточное условие успешной адаптации хозяйства к новым экономическим условиям. Помимо этого, у всех успешных чукотских хозяйств есть еще одна общая характеристика: они все являлись нарушителями правил землепользования (совершали стихийные самозахваты земли).

«Канчаланский», имея в пределах Анадырского района девять участков, использовал без правоустанавливающих документов еще и участок в Иультинском районе. Совхоз «Певек» имел шесть бригадных участков, закрепленных за совхозом в пределах административных границ Чаунского района, использовал четыре бригадных участка на территории Билибинского района и претендовал на закрепление участка в Анадырском районе. ТОО «Валькарай», располагая шестью бригадными участками в административных границах Шмидтовского района, использовал участок в Чаунском районе. ТОО «Пионер», располагая девятью участками в пределах Шмидтовского района, претендовал на использование участка в Иультинском районе.

Аналогом такого поведения успешных оленеводческих хозяйств выступает переток собственности за символическую цену или бесплатно от бывших государственных к новым промышленным предприятиям. Здесь также успех приходил к тем, кто нарушал нормы и неформально закреплял свои права собственности на наиболее значимые ее объекты. Этот феномен в научной

литературе получил название «рекомбинированная собственность[181]» — когда фактические права оказываются много шире формальных и позволяют за счет этого успешным предприятиям широко маневрировать в зависимости от непрерывно меняющихся внешних условий. В оленеводстве феномен рекомбинированной собственности имел место в форме фактического присвоения хозяйством формально ему не принадлежащих земельных участков.

Единого универсального рецепта повышения эффективности оленеводства для всей территории Чукотского автономного округа, отличающейся контрастными природно-климатическими условиями, не существует. Видимо, вернуться к показателям развития оленеводства индустриального времени здесь не удастся даже в долгосрочной перспективе. Следует сконцентрировать усилия на возрождении оленеводства в континентальных тундровых районах: в бассейне реки Чаун исторически существовали самые крупностадные чукотские оленные хозяйства.

Тундролесье — пограничные области на стыке Билибинского и Анадырского, Билибинского и Чаунского, частично Анадырского и Иультинского районов — традиционно осваивалось крайне ограниченно. Здесь нужно освоить лишь наименее залесенные пространства с благоприятным соотношением зимних и летних пастбищ, являющихся по этой зоне лимитирующими.

Нецелесообразно возрождение оленеводства на части Билибинского и Анадырского районов (земли хозяйств «Анюйский», «Омолон», «Марковский» (юг), «Анадырский», «Ваежский»). Здесь упор следует делать на рыбный и пушной промысел, сбор дикоросов.

В зоне «рискованного оленеводства» — Чукотском, Провиденском, Беринговском — крупностадное оленеводство не практиковалось никогда в качестве круглогодичного полного цикла. Эти территории — исконные места летовок оленеводов Анадырского и Иультинского районов. Современное критическое состояние оленеводства этой зоны — итог попыток внедрить крупностадное оленеводство в зону жестких пург и оледенения кормов[182].

16.3.2. Направления реконструкции традиционного сектора сельской периферии

Для аборигенных народов Севера характерно значительное разнообразие форм традиционного природопользования (крупностадное тундровое оленеводство, малостадное транспортное оленеводство таежной зоны в сочетании с охотничьим и рыбным промыслами, морской промысел Восточной Чукотки, традиционный рыбный промысел на севере Дальнего Востока и др.). В инду-

[181] *Старк Д.* Рекомбинированная собственность и рождение восточноевропейского капитализма // «Вопросы экономики». 1996. № 6. С. 4–24.

[182] Материалы проекта Программы устойчивого развития коренных малочисленных народов Чукотского автономного округа на 2003–2007 годы, в подготовке которой автор принимал участие.

стриальную эру приоритетным было их развитие «на промышленной основе», при максимально возможных объемах конечного производства. Духовная, творческая составляющая традиционных видов деятельности народов Севера были в тени крупнотоннажного производства оленины, рыбы, массовой заготовки шкурок белки, соболя, норки и др.

В постиндустриальную эру акценты будут изменены существенно: первичным станет именно духовная составляющая оленеводства и традиционных промыслов как ядра единого комплекса культуры, традиций, языка, этнической пищи. Важнейшая задача, таким образом, будет состоять в том, чтобы найти способы придать этой духовной составляющей экономическое значение, высечь на ее основе источники дохода и занятости для национальных домохозяйств сельской периферии.

Это настоящий вызов для Севера. Ответ на него потребует значительно более широкого понимания места оленеводства и промыслов в новой экономике национального села. Общая направленность поиска — оленеводство и промыслы как мост к неосязаемым ценностям красоты, творчества, духовности; изобретение специальных структур и институтов, обеспечивающих коммерциализацию этих ценностей, конвертацию этих нематериальных активов в материальные в виде сувенирного производства, различных видов туристических услуг, широкого перечня видов художественного творчества на базе оленеводства и традиционных промыслов.

Раньше я писал, что рассчитывать в предстоящие 15–20 лет на оленеводство и традиционные промыслы в обеспечении занятости, приносящей денежный доход аборигенным домохозяйствам национальных сел, было бы неверно. Но это справедливо только при *узкой трактовке* оленеводства и промыслов как источника белковой пищи, как их понимали в индустриальное время. Широкое понимание оленеводства и традиционных промыслов как источника духовной силы, творчества, воображения — и не только для самих аборигенных народов, но *для всего человечества* (что корректно в условиях проникновения сил глобализации даже в сельскую периферию Севера) — открывает абсолютно новые и неожиданные источники экономически рентабельной деятельности на их платформе.

Для подтверждения этой мысли рассмотрим траектории развития традиционного сектора национальных сел по двум относительно новым и двум уже привычным направлениям: художественное творчество и туристическая деятельность; продовольственное самообеспечение и товарное использование.

Исторически оленеводство и традиционные промыслы были органично связаны с повседневной деятельностью народов Севера: изготовлением одежды, обуви, нарт, художественным *творчеством* в виде резьбы по кости, орнаментации одежды и т. д. В индустриальное время эта связь была в основном утрачена во имя требований обеспечить массовое «производство» оленей, добычу пушных зверей и рыбных ресурсов.

Значение художественного творчества в различных видах, источником вдохновения для которого являются традиционные виды деятельности, в инновационную эпоху опять повышается, но уже не для локальной общины сельских жителей, а для всего мирового сообщества. Потому что именно из этих отдельных «кубиков» творчества формируются глобальные инновации — дизайнерские находки в новой моде, новых направлениях архитектуры, новые формы изобразительного искусства.

Вопрос состоит в том, как обеспечить признание материальных объектов творчества и творческих идей народов Севера и сохранить авторские права их создателю. Это очень трудная задача, но только ее решение обеспечивает доступ творческих находок народов Севера на глобальные рынки и капитализацию неосязаемых активов красоты, духовности, творчества. Поэтому сертификация, патентование узоров, орнаментов, сувениров и других составных элементов этнического творческого комплекса должны приникнуть в самую сельскую периферию Севера, перестать быть привилегией только сверхкрупных городов России. Для этого здесь должны быть созданы структуры, организованы специальные конкурсы, которые «застолбят» авторские права и градуировку качества различным видам художественного творчества народов Севера. Эти процедуры обеспечат глобальное признание и узнаваемость творческих открытий народов Севера и станут новым источником денежного дохода в сельскую экономику.

Только в результате таких процедур отдельные «кубики» художественного творчества смогут стать алгоритмами создания новых мегаоткрытий в мировой моде, промышленном и веб-дизайне. Подобно тому, как сегодня сборка отдельных компонентов крупных промышленных производств смещается по аутсорсингу из центров на периферию, так здесь будет наблюдаться обратный процесс сборки из отдельных элементов художественного творчества этнической сельской периферии конечного инновационного продукта в городах-центрах. Это может быть новый орнамент для паркета, это может быть черта нового стиля одежды, это может быть новый элемент промышленного дизайна для бытовой техники и т. д. Общим является процедура интеграции отдельных творческих алгоритмов-«кубиков», подхваченных из национальных сел, в плавильном котле глобальных городов во имя рождения новой линии моды, дизайна, стиля и уклада жизни.

Подобно тому, как продажа нового программного обеспечения, фармацевтических формул для новых лекарств имеет широкий рынок *одновременно* многих потребителей (в отличие от продаж физических благ, когда есть ограничения по сбыту одним заводом, одним человеском), так продажа отдельных «алгоритмов» художественного творчества имеет широкий мировой рынок[183].

[183] Подробнее об этом фундаментальном различии рынка для продукции ручного труда (физических благ) и рынка для продукции творческого труда (идеальных благ) см.: *Фридман Т.* Плоский мир. Краткая история XXI века. М.: АСТ Москва. 2007. С. 293–294.

Оленеводство и промыслы способны к новой интерпретации, комплексируя с *туризмом*. В этом случае они становятся источником нового жизненного опыта, культурного обогащения, например, для жителей мировых городских центров. Проблема раскрытия этого потенциала опять связана с обеспечением узнаваемости и стандартов качества, градуировки сертификации, например, услуг оленного транспорта, которые предоставляются туристам. Это предполагает «оцифровку» этих услуг, например, в виде стандартизованной информации о них на туристических интернет-сайтах, их обязательное вхождение в сеть туристических услуг — близких аналогов. Потому что только сопоставление с тождественным обнаруживает истинную ценность и привлекательность, сравнительное преимущество данной услуги (т. е. ее глобальную узнаваемость и признание). А уже после решения этой основной задачи, можно прогнозировать создание новых фирм по оказанию услуг гидов для туристов, новых сувенирных производств и др. Конечно, самым стартовым и необходимым условием для развития туризма является существенное уменьшение транспортных издержек заброски и выброски туристов из сельской периферии Севера. Только после решения этой задачи начинают работать эффекты комплексирования отдельных туристических объектов северной периферии в общей глобальной сети таких услуг.

Развитие оленеводства и традиционных промыслов как *жизнеобеспечивающих* видов деятельности требует четкого признания государством приоритетного права народов Севера на биологические ресурсы в местах традиционного проживания — чтобы вывести их за рамки разрушительной конкуренции с коммерческим и спортивным использованием этих ограниченных ресурсов; признания и поддержки на региональном уровне (на котором яснее видны конкретные локализованные сочетания видов традиционной деятельности) не отдельных, а *локальных комплексов видов традиционной деятельности*. Потому что традиционность создают не только способы промысла, но формы их посезонного, по территориям сочетания между собой, между промыслами и оленеводством, традиционные обмены продукцией между разными общинами и разделение добытой продукции внутри самой общины. В этом случае, например, песцовый промысел будет субсидироваться не сам по себе, а именно в сочетании, в едином комплексе с транспортным оленеводством, с которым он органично связан.

Между тем сегодня даже в официальной статистике по оленеводству и традиционным промыслам отдельно отмечается количество бригад, которые занимаются оленеводством, морским промыслом и рыбодобычей, т. е. подразумевается, что все виды деятельности ведутся разрозненно. Но мало- и среднеоленные кочевники исторически занимались и морским и рыбным и пушным промыслами.

Сложившаяся система распределения квот на ресурсы традиционных промыслов сложна и запутана, сильно забюрократизирована; в результате разрешения на охоту охот-

иики получают либо уже после начала промыслового сезона или в конце его. Все виды квот, в том числе даже и на мелких тюленей (например, нерпу) распределяются на федеральном уровне. Необходимо разработать механизм включения охотников в процесс распределения квот, а впоследствии сделать их самостоятельными участниками этой процедуры, предоставлять квоты только тем, кто активно ведет добычу последние три года.

Меры поддержки комплекса традиционного жизнеобеспечения могут осуществляться на региональном уровне, уровне местного сообщества, родовой общины и отдельного домохозяйства. Вероятно, конкретные условия сельской периферии должны определить, какой уровень или уровни поддержки целесообразны.

Региональные меры поддержки комплекса традиционного жизнеобеспечения включают формирование регионального совета по традиционному жизнеобеспечению, в который входят представители ресурсных служб и коренных малочисленных народов — пользователей биологическими ресурсами; официальное закрепление промысловых территорий за постоянно использующими их структурами коренных жителей (родовыми, национальными общинами, корпорациями общин и др.); создание районных наблюдательных советов, контролирующих реализацию региональных решений на практике и другие.

По опыту зарубежных северных регионов можно дифференцировать меры региональной поддержки на основании критериев значимости традиционного жизнеобеспечения для конкретного сельского сообщества. На уровне местного сообщества целесообразно предусмотреть меры поощрения максимально широкого распределения продукции оленеводства и традиционных промыслов внутри аборигенной общины. Нужно восстановить схему перераспределения излишков продукции китобойного промысла в чукотских сообществах, расположенных в стороне от миграционных путей серого кита, но которые исторически использовали эту этническую пищу. Понятно, что эти местные тонкости поддержки традиционного жизнеобеспечения можно предусмотреть только на уровне сельских сообществ или районного муниципального образования.

Наиболее тесная внутренняя интеграция между разными видами промысла (рыболовство, охота, морзверобойный промысел, сбор дикоросов) в пределах одной структуры происходит сегодня в родовых (национальных) общинах. Через поддержку общин может осуществляться поддержка всего комплекса традиционного жизнеобеспечения.

Некоторые виды традиционного промысла (например, добыча мелких ластоногих и моржей) не требуют коллективных усилий и осуществляются отдельными охотниками или домохозяйствами. Так возникает современное противоречие между формами государственной поддержки традиционных промыслов, ориентированными на коллективные способы его организации в общинах, товариществах, корпорациях, и реальной ситуацией «атомарного» охотника, находящегося вне правового поля и ведущего свой промысел, по сути, неле-

гально. Необходимо укреплять правовой статус и предусматривать меры поддержки также и для отдельного промыслового домохозяйства.

Занятия оленеводством и промыслами для получения *товарной* продукции и денежной выручки от нее постепенно будут уменьшать свое значение — по мере того, как будут укрепляться альтернативные виды деятельности, базирующиеся на фундаменте традиционной экономики. Ведь и сегодня товарность оленеводства и промыслов, например, в Ханты-Мансийском автономном округе, Республике Саха-Якутия обеспечивается исключительно за счет масштабных мер поддержки региональной власти. Например, в Якутии оленеводство приравнено к бюджетной отрасли, оленеводы и чумработницы (около двух тысяч человек) получают гарантированную заработную плату в размере десяти минимальных размеров оплаты труда из республиканского бюджета, субсидии за прирост поголовья и социальные выплаты по достижении пенсионного возраста в 45 лет. В республике создан специальный целевой фонд поддержки и развития оленеводства. Охотники-промысловики (около двух тысяч человек из числа аборигенного населения) получают субсидии за сданную заготовительной организации шкуру пушных зверей. Бюджетную поддержку получают аборигенные работники, занятые в рыбном промысле (около 350 человек)[184].

Идеология поддержки оленеводства и промыслов во имя их товарности не учитывает те масштабные преобразования, которые несет глобальная инновационная, творческая экономика в сельские сообщества Севера. Целесообразно постепенно, частично, переадресовывать средства поддержки на развитие творческого потенциала оленеводов и промысловиков и их детей.

В тундровой зоне крупностадного оленеводства на полуострове Ямал целесообразно остановить дальнейший рост поголовья, который угрожает деградацией пастбищ. В другом анклаве товарности — в оленеводстве Мурманской области, отчасти Республики Коми и Ненецкого автономного округа задача состоит в повышении экономической эффективности отрасли во имя успешной конкуренции оленины с завозным мясом на ближайших рынках сбыта.

Особый приоритет должна иметь поддержка сохранения *кочевого уклада* во всех формах — как крупностадного оленеводства тундровой зоны, как мало- и среднестадного оленеводства в сочетании с промыслами таежной и тундролесной зоны. Мобильность кочевников абсолютно отвечает духу и ценностям новой эпохи.

Вплоть до 1990 г. проводилась последовательная жесткая политика по переводу на оседлость кочевого населения. Только в 1970–1980-е годы на оседлый образ жизни были переведены десятки тысяч человек, полностью ликвидировано кочевание в Томской, Иркутской, Читинской и Камчатской областях.

[184] Материалы Схемы развития и размещения производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха-Якутия до 2020 года. М.: СОПС. 2006.

Поддержка будет осуществляться оленеводов и их семей, структур кочевого уклада (перевалбаз, факторий[185], кочевых школ, передвижных медицинских отрядов), технической модернизации кочевого уклада. Как отмечают эксперты, внедрение в кочевое хозяйство достаточно простых в техническом обслуживании холодильных камер в контейнерном исполнении с автономным энергообеспечением (от бензинового или дизельного двигателя) и других новых технических средств может произвести в нем «технический переворот», сравнимый с тем, который был вызван несколько десятилетий назад появлением подвесных лодочных моторов и снегоходов[186].

[185] Фактория осуществляет приемку (сдачу) продукции от оленеводов и промысловиков, мелкооптовую и розничную торговлю, предоставляет и другие услуги. Целесообразно от современной иерархической ситуации, когда только районные фактории имеют права юридических лиц, а торгово-снабженческие заготовительные базы или пункты в национальных селах, местах перекочевок не являются юридическими лицами и функционируют как несамостоятельные подразделения/цеха факторий, перейти к сетевой, когда возникает сеть тесно взаимодействующих между собой юридически полноценных и автономных ячеек.

[186] *Клоков К. Б., Шустров Д. Н.* Традиционное оленеводческо-промысловое хозяйство Таймыра / Под редакцией Е. Е. Сыроечковского. М., 1999.

Глава 17

Новые подходы к развитию сельской этнической периферии Севера

17.1. Агломерационный и сетевой эффект

Последние десятилетия в экономической науке, экономико-географических исследованиях происходит возрождение интереса к агломерационному эффекту. Первые работы Й. Тюнена и А. Маршалла, в которых описывалось его действие для аграрных и индустриальных обществ, относятся к 19 и началу XX века. В работах новейшего времени агломерационный эффект анализируется для глобальных городов (мега-городов), для экономических кластеров и промышленных комплексов, международной торговли[187]. Стало почти общим местом упоминание про то, что современная экономическая деятельность в возрастающей степени концентрируется в сверхплотных городских пространствах. Э. Глезер, Р. Флорида, П. Кругман, другие авторитетные ученые делают вывод о том, что в результате агломерационного эффекта мир становится все более «холмистым»[188]: главные локомотивы регионального и национального экономического роста концентрируются на площадках глобальных и крупных городов, очень ограниченных по количеству. Значительное внимание уделяется роли агломерационного эффекта в рождении нового знания, в инновационном развитии: когда высокая концентрация талантов, владеющих разным знанием, при тесной коммуникации в высокоплотностной среде современных крупных городов приводит к рождению инноваций. На пространственное расширение действия агломерационного эффекта — включение в его орбиту новых территорий, примыкающих к крупным городам, образование протяженных мегаполисов, единых метрополитенских ареалов, влияет сравнительное уменьшение издержек транспортировки грузов. Об этом

[187] Из последних обзорных работ по агломерационному эффекту отметим: McCann Philip. Agglomeration economics // Handbook on Research on Cluster Theory. London: Edward Elgar. 2008. P. 23–38.

[188] См., например: *Florida Richard.* The World is Spiky // The Atlantic Monthly. 2005. October.

феномене на материалах американской экономики, с использованием столетних рядов, убедительно пишет Э. Глезер[189].

Кажется очень соблазнительным последовать в фарватере современного интеллектуального мейнстрима и присоединиться к кругу приверженцев агломерационного эффекта. Однако не проходит ощущение неполноты объяснения современных пространственных феноменов мирового экономического развития действием агломерационного эффекта. Такая односторонность, наконец, противоречила бы принципам диалектики.

Знаменитый философ современности М. Фуко учил, что «значение многих вещей легче понять, отталкиваясь от противоположности»[190]. Можно ли использовать достаточно хорошо изученный агломерационный эффект для того, чтобы понять другой, ему противоположный эффект рассредоточения, разнесения современной экономической деятельности на обширных пространствах, на который экономисты практически не обращают внимание? Назовем этот противоположный агломерационному эффект *сетевым*.

Именно он лежит в основе современного сетевого общества, о формировании которого так убедительно и многогранно пишет М. Кастельс в своей трилогии. Именно он лежит в основе современного «плоского мира», о появлении которого пишет яркий американский публицист Т. Фридман в одноименной книге. О его существовании свидетельствуют современные дискуссии о возможном отмирании городов и широком рассредоточении человеческой деятельности на обширных пространствах («города должны заново доказывать свою необходимость в эпоху глобальных информационных сетей и компьютерных технологий; пожалуй, только преимущества личной коммуникации и обменов неявным знанием между квалифицированным кадрами в городах как-то объясняют их целесообразность в новую эпоху»). Однако в экономическом сообществе действие сетевого эффекта никак не проанализировано, как нет и работ о роли сетевого эффекта в возникающей новой экономике знания.

Подобно тому, как десятилетиями раньше велись дискуссии на тему о пределах и границах целесообразности распространения фирмы и рынка — и чтобы аргументировано ответить на этот вопрос со стороны приверженцев двух школ, двух течений (фирмы и рынка), Р. Коузу пришлось ввести новое понятие «трансакционных издержек»; так и мы являемся сегодня свидетелями спора сторонников агломерационного эффекта и сторонников «плоского мира». Однако среди вторых практически нет экономистов.

Современный мир одновременно является и холмистым, и плоским, в нем одновременно действуют и агломерационный, и сетевой эффект. Действие

---

[189] *Glaeser Edward L., Kohlhase Janet E.* Cities, regions and the decline of transport costs // Papers in Regional Science. 2004. Vol. 83. P. 197–228.

[190] Цит. по: *де Сото Эрнандо.* Загадка капитала. Почему капитал торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: Олимп-бизнес. 2001. С. 55.

одного только агломерационного эффекта привело бы к концентрации всего населения, например, страны в ее крупнейшем городе, полному исчезновению сел и малых, средних городов. Интуитивно очевидно, что это было бы нерационально. Есть какая-то целесообразность, преимущества для человечества в сохранении обширной сети сел, в том числе на Севере, в сохранении сельской периферии, сельского расселения. Видеть спасение сельской периферии только в том, чтобы ей «пробиться» к агломерационному эффекту, получить назначение в центры, в городские агломерации, было бы неверно. Здесь действуют другие закономерности — сетевой эффект, высекаемый от больших пространств.

С другой стороны, и действие одного сетевого эффекта привело бы к исчезновению городов и появлению тотально «плоского мира». И этого тоже не происходит.

В агломерационном эффекте проявляются силы конкуренции, реальности высокоплотностного городского пространства, экономических кластеров. В сетевом эффекте проявляются силы кооперативности, взаимовыручки, реальности низкоплотностных пространств, экономические явления глобальных компаний, субконтрактинга и аутсорсинга, охватившие современный мир.

Малые страны, глобальные города-центры, актуализируют агломерационный эффект в своей экономической деятельности предельно рельефно. С другой стороны, крупные страны, дисперсная сеть малых городов, схваченных в единство наземными и/или воздушными и виртуальными коммуникациями, актуализируют сетевой эффект в своей экономической деятельности, например, во взаимной торговле. Если бы сетевой эффект не существовал, то в современных реалиях мощного действия агломерационного эффекта больши́е страны были бы тотальными экономическими аутсайдерами по сравнению с малыми; и потому вынуждены были бы в итоге раздробиться на сеть малых стран. Но это, если и происходит, то не тотально, а избирательно.

Национальный экономический рост одновременно и локализованный, и децентрализованный. Да, экономическая деятельность имеет тенденцию локализоваться в пространстве. Но также верно и то, что разнесенная на больших пространствах экономическая деятельность способна уловить эффекты разнообразия ландшафтов, часовых поясов, продолжительности солнечного дня и др. Да, местные «переливы знания» между квалифицированными кадрами внутри одной городской агломерации очень важны, но не менее важны и другие, противоположные, эффекты слабых связей на больших дистанциях, которые оказываются исключительно плодотворными для творческой деятельности, хотя и не столь отчетливо видны, как близкие сильные агломерационные связи. Поэтому источниками современного экономического роста являются одновременно и пространственно концентрированные агломерационные эффекты и пространственно разнесенные сетевые эффекты. Оба эффекта востребованы в новой экономике знания: агломерационный эффект в

большей степени способствует инновациям постепенным, например, в результате совершенствования технологического процесса; с другой стороны, сетевой эффект способствует инновациям радикальным, прорывным, например, создание абсолютно новой технологии или направления моды.

Агломерационный эффект имеет своего аналога в физическом взаимодействии материальных объектов: чем ближе, чем значительно мощнее это взаимодействие. Это ньютоновское тяготение близких масс нам всем хорошо известно. *Но для неосязаемых активов, для идеальных благ, нематериальных ценностей действуют другие законы.* Их тяготение друг к другу — как атрибутов культурного наследия, как элементов художественного творчества, как навыков ремесла — тем сильнее, чем больше их дистанция друг от друга, чем более они разнообразны и тем больше друг друга взаимно обогащают при интеграции в единой сети. Увеличение дистанции (как физического расстояния, так и дистанции в непохожести) пробуждает разность потенциалов, которая вызывает тяготение друг к другу (то, что в быту мы называем любопытством). У поля материальных объектов и у поля неосязаемых объектов разные законы тяготения.

Наиболее рельефно сетевой эффект проявляется на больших пространствах — когда вязкость пространства, транспортные издержки перекрываются выигрышем от креативности, основанной на природном (ландшафтном), этническом, культурном разнообразии. Этот выигрыш легче обеспечивается при «производстве» идеальных благ, которые слабо чувствительны к расстояниям.

Или пространство может быть и относительно компактным, но труднодоступным и высоко разнообразным по ландшафтным, этническим условиям (например, горные страны). Здесь опять издержки транспортной недоступности компенсируются значительным ландшафтным разнообразием, многоголосием народных культур, из которых высекаются предпосылки художественного творчества. Актуализация сетевого эффекта достигается, когда местные сообщества разных народов и ландшафтов соединяются в одну сеть — через потоки мигрантов, торговые и денежные обмены.

Сетевой эффект в пространственной экономике — это не просто выигрыш от взаимодействия многочисленных узлов в единой системе, но это выигрыш от разнообразных человеческих, природных, финансовых ресурсов обширной территории, зачерпнутой сетью многочисленных взаимодействующих друг с другом ядер.

В чем же состоит целесообразность сетевого эффекта? Сетевой эффект отвечает за сохранение и расширение разнообразия в экономической деятельности. Это разнообразие может обеспечиваться за счет «включения» в сеть новых пространств хозяйственного освоения. Это разнообразие обеспечивается за счет сохранения малых и средних сел, вопреки сверхзатратному их содержанию для государства. Принципиальным отличием сельской периферии

от городов является то, что культурные, энергетические, поведенческие различия между отдельными малыми сообществами намного выше, чем различия между сообществами крупных городов.

Включение в сеть супердальних ячеек дает абсолютно новую энергию всей системе, энергию на различиях, на разности потенциалов. Национальные села северной периферии России пока еще не испытали этот эффект мобилизованной человеческой энергии, когда все сообщества входят в единую сеть и могут воспользоваться ее общими интеллектуальными ресурсами и плодами. Но примеры других стран (прежде всего Китая и Индии) показывают, что индукция творческой энергии на обширные пространства, охваченные сетью расселения и производства, возможна (когда возникает конструктивное, созидательное давление людей друг на друга, общее заражение всех творческим энтузиазмом), хотя это и более сложный процесс, чем для компактных городских агломераций.

Агломерационный эффект построен на сильных регулярных связях между работниками. Они сопровождаются постоянным обменом информации по поводу общей работы. С другой стороны, сетевой эффект базируется на слабых, дальних и нерегулярных связях. Они являются источниками новых идей, озарения и открытия. Они интегрируют людей из разных подгрупп одной сети или разных сетей. Именно они имеют отношение к большим расстояниям, разным странам и регионам, разным ландшафтам.

В России мало крупных городских агломераций. Агломерационный эффект здесь слабее, чем в Европе. Но в России значительный простор для слабых связей на больших дистанциях, для сетевого эффекта. Может быть, поэтому Россия креативна, так много здесь людей нестандартного мышления?

Для коренных народов Чукотки, например, всегда были характерны ярмарки, на которых встречались чукчи-кочевники и оседлые эскимосы. Ярмарки проходили раз в год, но эффект от них в результате обмена информацией, встречи брачного партнера был очень сильным и долго действующим.

Сила локализованного взаимодействия субъектов агломерационного эффекта в пределе означает их почти полную слитность друг с другом. С другой стороны, сетевой эффект, наоборот, базируется на относительной свободе элементов, слабых связях между ними и потому их колоссальной способности к реконфигурациям каждый раз новым образом. Сетевой эффект имеет комбинаторную природу. При этом комбинировании возможны и ошибки — случайные мутации, неожиданные исходы эксперимента, которые рождают новшество — идею, технологию, бизнес-процесс. Творчество переконфигурирования элементов обеспечивает бесконечное разнообразие, недостижимое при полной слитности элементов в жесткую цепь или кольцо.

В этом искусстве нового подбора старых, известных, элементов и алгоритмов огромную роль играет неявное знание, которое не формализовано, не задокументировано, содержится в устной традиции, в навыках и умениях.

У коренных народов Севера оно называется традиционным знанием и связано с вековым укладом жизни, оленеводством и традиционными промыслами.

В агломерационном эффекте основная роль у формального знания. Вся система обучения настроена на усвоение письменных источников информации. С другой стороны, в сетевом эффекте значимую роль играет неявное знание как искусство переконфигурирования элементов системы новым творческим образом. Например, неявное знание (мастерство) писателя: все 33 буквы алфавита давно известны, но он создает текст каждый раз новым образом, собирая его из исходных знакомых букв.

Агломерационный эффект часто имеет дело с крупными структурами, или малыми, но взаимодействующими друг с другом предельно плотно и обладающими высокой степенью сходства, однородности. С другой стороны, сетевой эффект сильнее проявляется на далеко разнесенных в пространстве малых и средних по размеру структурах, достаточно самобытных. Поэтому агломерационный эффект чаще проявляется в городах-центрах, а сетевой — в разреженном и разнородном пространстве не-городской периферии.

В экономической истории сетевой эффект, проявляющийся в одновременном экономическом/энергетическом возвышении народов на обширных площадях вдоль определенных линий, был впервые описан Л. Н. Гумилевым[191]. По мнению автора, он способен значительно изменить соотношение экономических и военно-политических сил между основными мировыми державами. Колонизация новых территорий метрополией может рассматриваться как пространственное расширение поля действия сетевого эффекта.

Никогда ранее сетевой эффект не имел такого значения, как теперь, потому что появилась возможность за счет информационных технологий схватить гигантские пространства в единую сеть. Нельзя назвать эту сеть рынком, потому что внутри этой системы первична не конкуренция, а сотрудничество и кооперация элементов, которые осуществляются синхронно, на невиданно ранее обширных пространствах. Мощный экономический эффект от сотрудничества существенно разных элементов создается именно в силу значительных расстояний между ними.

Сетевой эффект проявляется не только в пространстве, но и во времени. В этом случае он означает духовное (информационное, знаниевое) влияние давно произошедших событий, фактов, информации на современные духовные процессы и экономическое развитие. В литературе по институциональной экономике это явление описывается как «зависимость от пути» (path dependency). В практике научного исследования это проявляется в том, что изучение работ коллег, удаленных от современности более чем на 25–30 лет, привносит качественно другую информацию, парадигмы, чем источники текущего десятилетия. Отличия научной информации и научных парадигм от

[191] *Гумилев Л. Н.* География этноса в исторический период. Ленинград: Наука. 1990.

современных представлений, концепций и даже терминов увеличиваются скачком по мере удаления от текущего времени на 25–30 лет. Сетевые эффекты на этой разнице парадигм блестяще использовал в своих трудах В. И. Вернадский, который всегда тщательно изучал эволюцию научных представлений, нередко для этого уходя в ретроспективу анализа на десятки лет.

Определим основные условия для возникновения сетевого эффекта. Необходимой предпосылкой является наличие канала коммуникации. Чтобы состоялся агломерационный эффект, нужны наземные транспортные пути. Чем большей пропускной способностью они обладают, чем более регулярно, круглогодично, работают, тем лучше условия для проявления агломерационного эффекта. Агломерационный эффект имеет городскую природу, вовлекает в свое действие преимущественно вещественные, материальные потоки (объекты).

С другой стороны, для сетевого эффекта, который вовлекает в свое действие нематериальные активы и ценности из разных пространств, важны быстрые каналы коммуникации. В разные эпохи они могут быть разными — общим является тот факт, что среди всех видов общения для сетевого эффекта предпочтительным являются наиболее оперативные. Сегодня к их числу относятся проводные и беспроводные электронные сети. Без этой инфраструктуры индуцировать сетевой эффект, например, в сельскую периферию Севера невозможно.

Другое условие реализации сетевого эффекта — это наличие общего регламента/протокола общения, общей системы ценностей, которая может иметь форму понятной всем системы прав собственности, на которую все соглашаются, и которая обособляет «своих», находящихся в общей сети, от всех остальных. Эта общность протоколов может достигаться, например, за счет единообразной (по одним правилам) сертификации всех ядер сети. Именно наличие общей системы правил (институтов), в том числе важнейшего — прав собственности, позволяет существенно пространственно расширять размеры сети, выходить за рамки, возможные при взаимодействии по законам личных неформальных договоренностей. Общие, признаваемые всеми элементами сети, нормы и правила позволяют ее участникам осуществлять эффективные конвертации духовных, неосязаемых ценностей, например, таланта, в материальные активы, т. е. создавать капитал.

Чтобы сеть была максимально продуктивной в своей работе, т. е. чтобы сетевой эффект был максимальным, необходимо выполнение условия единообразия разного: внутри нее по одним правилам функционируют абсолютно разные по своим свойствам элементы. Именно разница «потенциалов» создает внутри сети гигантскую новую энергию. Равенство потенциалов не вызовет движение информационных, знаниевых потоков. Чем больше различия между элементами, тем мощнее движение потока нематериальных активов. Однако эти различия не должны приводить к иерархии элементов внутри се-

ти. Они будут конструктивными только при равенстве, партнерстве всех участников. Одновременное сочетание различий и равенства элементов — очень трудное условие, но только оно обеспечивает зарождение новой энергии внутри сети. Для экономики знания эта новая энергия конкретизируется в мощном стремлении к интеллектуальному росту «младших» элементов за счет более продвинутых элементов сети, резком увеличении потенциала обучаемости «слабых» участников.

Различия элементов сети могут иметь форму разницы в заработной плате, культурных, этнических различий, разницы во времени (широтные различия), разницы в продолжительности светового дня (зональные различия) и др. Именно эти различия обеспечивают силу и привлекательность даже самым экономически слабым участникам сети: например, при круглосуточном ритме работы удаленная на несколько часовых поясов от центров сельская периферия Севера России может быть интересной как подхватывающая производственный процесс в тот период, когда в центрах ночь. Для южных районов сельская периферия Севера может быть интересной в силу большей продолжительности светового дня в летний период, которую можно использовать для налаживания сборочных производств, производства новых технологий, невозможных при электрическом свете.

Сетевой эффект реализуется только при способности всех участников к кооперации, доверии друг к другу. Для удержания коммуникации на больших пространствах факторы доверия играют исключительную роль. Роль этих факторов в агломерационном эффекте, когда регулярное личное общение в высокоплотностной среде *естественно* обеспечивает узнавание партнера, меньше.

Для успеха агломерационного эффекта факторы конкретной личности означают значительно меньше, чем в случае сетевого эффекта. Лидер для сети исключительно важен: он задает общую направленность информационных потоков, инициирует изменение правил общения, выработку новых конфигураций прав собственности.

Огромную роль играет личность посредника в сетевой коммуникации — коммуникатора-связного между сетями, координатора внутри самой сети, консультанта между сетью и внешним миром. Эти люди обеспечивают подлинный прорыв, реальный экономический успех от сетевого эффекта.

Коммуникаторами-связными в последние десятилетия выступали тайваньские китайцы, которые обеспечили мощный первоначальный приток иностранных инвестиций в Китай после начала экономической реформы; немецкие поляки, которые выполнили аналогичную роль для пост-социалистической Польши; израильские русские и т. д. Главной особенностью этих коммуникаторов сети было одновременное наличие свойств «своего» и «чужого»: они были выходцами из местного сообщества, не утратили за годы эмиграции глубинного понимания его особенностей; одновременно они уже хорошо по-

нимали законы другого сообщества, в котором прожили десятилетия. Эти связные обеспечили смыкание двух прежде разрозненных сетей в новую, пространственно более широкую и более эффективную.

17.2. Сетевой эффект в сельской этнической периферии Севера

Существуют ли предпосылки для использования сетевого эффекта в развитии сельской периферии Севера? Значительные усилия в 1990-е годы были потрачены в северной сельской периферии на то, чтобы возродить здесь прежде существовавшие крупные производства (совхозы, госпромхозы, рыбозаводы), на сохранение в прежних объемах масштабного завоза грузов нефтепродуктов, угля, продовольствия, на проектирование новых суперкапиталоемких наземных автомобильных и железнодорожных трасс. Все эти усилия предпринимались в логике городского по природе агломерационного эффекта концентрации материальных ресурсов на приоритетных экономических направлениях.

Но очевидно, что в новую постиндустриальную эпоху для сельской периферии Севера нужна другая идеология развития, ставка на другие эффекты. Не может принести успех копирование опыта крупных городских агломераций и крупных стандартных производств индустриального времени. Национальные села при всем желании нельзя «назначить» в городские агломерации. Создание здесь новых конвейерных производств тоже вряд ли будет успешным.

Нужны новые решения, которые задействуют сетевой эффект в сельской периферии и базируются на сильных чертах кооперативности, самобытности, творческой энергии децентрализованных этнических сельских сообществ Севера. Каждое малое сельское сообщество самобытно в значительно большей степени, чем крупные городские. Здесь не действуют силы конкуренции, нет возможности подсмотреть и скопировать технику ремесла, изобразительного искусства, пения. Поэтому ремесло, художественные промыслы местной общины имеют *вынужденную* подлинность. Изолированность сообщества заставляет его вести напряженный обособленный творческий поиск. Этот поиск в национальном селе Севера активнее, чем в селе Нечерноземья; условия для сохранения и развития художественного творчества в северной периферии лучше.

Культурное, духовное разнообразие автономных изолированных малых сообществ сельской периферии Севера становится подлинным богатством при включении их в единую сеть. Эффект автономной подлинности проявляется мощно только при строительстве единой сети взаимодействующих разнообразных и прежде автономных местных сообществ. Только в этом случае отдельные частицы культурного разнообразия каждого участвуют в коллективном творческом процессе комбинирования из них нового идеального или материального блага. И чем пространственно обширнее, глобальнее такая сеть, тем выше разность потенциалов внутренних элементов и сильнее сетевой эффект.

Эти атомарные творческие алгоритмы, местные компетенции, чтобы быть использованы в сети другими участниками, обязательно должны быть сертифицированы (признаны). И чем выше уровень этого признания (мощнее репутация арбитра), тем легче конвертировать эти духовные активы в материальные ценности даже в самых пространственно удаленных ядрах сети.

Традиционный лесной промысел в мансийских национальных селах предусматривал заготовку дров для печного отопления, досок для строительства. Но привлечение в эти работы мигрантов СНГ стало импульсом к расширению перечня видов выпускаемой продукции. Для поставки фруктов из стран СНГ в Россию необходима деревянная тара, дефицитная для Средней Азии. Производство тарной дощечки стало местной инновацией, рожденной от взаимодействия представителей местного северного и дальнего южного сообщества.

Включение национальных сел северной периферии в одну сеть с городскими центрами трансформирует привычные понятия экономической отсталости и продвинутости. Отсталость утрачивает отрицательное значение, потому что становится стартовой площадкой для быстрого восхождения на энергии разности потенциалов элементов внутри сети. При наличии воли, предприимчивости, умелого лидерства последние способны очень быстро приблизиться к уровню первых.

Будет неверным сказать, что сетевой эффект абсолютно новая реальность для северной периферии. Взаимоподдерживающие торговые обмены кочевых чукчей и оседлых эскимосов Восточной Чукотки, разделение мяса добытого кита среди всей местной общины, а не только семей охотников; предприятия потребительской, снабженческой кооперации, современные родовые общины, районные национальные корпорации Аляски использовали в прошлом, используют в настоящем позитивное действие сетевого эффекта. Например, 12 районных национальных корпораций штата Аляска увязаны в единую сеть тем, что по итогам каждого года 70 % прибыли каждой корпорации распределяется между остальными.

Новым является значительное расширение пространства действия сетевого эффекта за счет использования электронных сетей коммуникации: не одно национальное село, не один регион, но весь мир, к которому подключаются сети северных периферийных сообществ.

17.3. Игра за белых: чему могут научить мир народы Севера?

Очевидно, что успех строительства сетей сельской периферии Севера и крупных городских центров национального и глобального уровня зависит от того, а есть ли у национальных сел, у северных этнических сообществ что предложить миру? Это другой взгляд на проблему сельской периферии Севе-

ра: не чему *их* может научить мир, а чему *мир* может научиться от них? Это стратегия игры с миром не за черных, а за белых, с правом первого хода.

При изучении характерных черт традиционного уклада аборигенных сообществ обнаруживается значительное сходство между ними и, например, креативными сообществами Силиконовой долины. Черты аборигенных сообществ оказываются очень созвучны тем требованиям, которые предъявляет экономика знания, основанная на творчестве и инновациях.

В сообществах народов Севера никогда не было сильной иерархии. Местные лидеры всегда были рядом со своим народом: экстремальные природные условия просто не давали возможность создавать прибавочный продукт, достаточный для содержания армии царедворцев. Но ведь дух равенства и партнерства — это дух креативных сообществ талантливых, творческих людей, например, в современных интеллектуальных долинах и технопарках.

Постоянные колебания природных условий вынуждали аборигенные сообщества для успешной адаптации к ним к беспримерной гибкости и пластичности в хозяйственном и социальном поведении[192]. Кочевой уклад в различных проявлениях (круглогодичное кочевание оленеводов, сезонное кочевание промысловиков, периодические переносы сел под влиянием истощения природных ресурсов) был органически присущ коренным жителям Севера. Но ведь мобильность, интеллектуальное кочевничество очень характерны для современных талантов, творческих, квалифицированных кадров во всем мире. Можно сказать, что *кочевники наступают*, они вновь, как столетия назад, в авангарде современной мировой экономики и политики.

Для многих представителей аборигенных народов, особенно кочевников, характерно образное мышление и восприятие мира. Многовековой отбор наиболее приспособленных к экстремальным условиям тундры и тундролесья способствовал закреплению в популяциях народов Севера людей с пространственно-образным, правополушарным мышлением (с другой стороны, у народов Европы логико-вербальный, более устойчивый к стрессам, тип мышления)[193]:

«У Атены есть зоркий друг — зрительная память. И ни один олень не отмечен им дважды... Атена ни одну молодку не спутает, каждую распознает — не обманет его глаз острый»[194].

Современные технологии визуализации, веб-дизайна, художественное творчество во всех своих гранях, управление транспортными средствами востребуют именно образный тип мышления. Неслучайно представители

---

[192] Подробно об этом см.: *Крупник И. И.* Арктическая этноэкология. М.: Наука. 1989.

[193] *Ротенберг В. С., Аршавский В. В.* Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур. // Вопросы философии. 1984. № 4. С. 78–86.

[194] *Лапцуй Л.* Палочки с зарубкой // Проза народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России. М.: Северные просторы. 2002. С. 228.

аборигенных народов, если они преодолевают стресс новой обстановки, непривычного окружения, становятся лауреатами конкурсов художественного творчества, лидерами в дизайнерских разработках. В новой эпохе возвышения творческой деятельности их художественные таланты и способности нужны миру.

Уклад жизни, характер труда в оленеводстве и традиционных промыслах формирует резкую неоднородность интервалов времени, когда одинаковые промежутки времени фактически имеют разную протяженность и значимость. Время течет у аборигенных народов не линейно, монотонно, равномерно, как на конвейерном производстве, но дискретно, импульсно. Такую организацию времени задают сезонные природные ритмы, навыки традиционной охоты и рыболовства: после растянутого времени длительного ожидания вдруг следует резкое и быстрое действие. Но ведь именно такова организация времени инновационного, творческого процесса.

Современная мировая философия устойчивого развития, механизмы которого сегодня связываются с успехом экономики знания, базируется на идее солидарности поколений, почерпнутой у аборигенных народов: в сказках, фольклоре народов Севера тема родителей и детей получает развитие намного чаще, чем тема семейных отношений мужа и жены. Другой широко признанный сегодня в мире механизм устойчивого развития — коллективное страхование местного, регионального, национального сообщества людей на случай неблагоприятных природных и экономических условий — также взят из традиционной практики коренных малочисленных народов (запасание части урожая общиной на случай природных кризисов).

Новая трудовая этика талантов в эпоху экономики знания состоит в щедрости и бескорыстии в передаче своих знаний во имя признания в сообществе единомышленников (например, бесплатная передача разработанного программного обеспечения). И это очень созвучно ценностям взаимовыручки, взаимопомощи, которые постоянно, просто императивно звучат в фольклоре, поэзии и прозе коренных малочисленных народов Севера. Так смыкаются ценности сообществ Силиконовой долины и сельской этнической периферии Севера.

Назовем эти ценности *кооперативностью* коренных народов. В отличие от доверия[195], эти ценности создаются давлением экстремальных природных условий, то есть они имеют зональный характер. Темы дара, распределения добычи среди всего сообщества сильнее всего звучат у эскимосов, ненцев, юкагиров. В местах максимальной суровости, природной дискомфортности,

[195] Роль факторов доверия в экономическом развитии США, Германии, Англии, Франции, Китая, Японии, Кореи подробно разобраны в монографии *Фукуяма Ф.* «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию». М.: АСТ. 2004. В книге нет упоминания про зависимость факторов доверия от географических условий, от зональности.

например, в зоне азиатской Арктики, сильнее мотив щедрости и табу на жадность в фольклоре аборигенных народов.

Поведение аборигенных народов предусматривает дарение и отдаривание. При этом обмен осуществляется не мгновенно, а разнесен во времени: стороны не ждут немедленной и точной компенсации за свой подарок.

В сказках, поэзии и прозе коренных народов нет темы «господин — слуга», характерной, например, для русского и эпоса многих европейских народов. Но распространено упоминание про то, что вожак обязан думать о всех уязвимых членах сообщества — женщинах, детях и старцах.

Любой обман является в сказках редким событием. Нет в северном эпосе персонажей типа Ивана-дурака. Лукавство и оппортунистическое поведение слишком опасны для жизни сообщества в экстремальной среде.

Справочный материал по кооперативности народов Севера

У аборигенного населения всегда было, есть и, надеюсь, будет чувство товарищества, чувство взаимопомощи. Это у нас высоко развито. Это заложено в традициях. В тундре не смотрят, богатый ты или бедный, там в первую очередь видят в тебе человека. Богатство для людей природы — это чисто абстрактное понятие, потому что состояние твое зависит от прихотей природы. Сегодня у тебя тысяча голов оленей, две тысячи, десять тысяч, на тебя работают наемные соплеменники, ты с ними, естественно, расплачиваешься оленями... Но завтра вполне может получиться так, что ты остался без оленей, и ты идешь к своему пятилетней давности работнику или батраку наниматься на работу. При этом всё воспринимается абсолютно естественно: ты мне в свое время помог, я у тебя отработал, встал на ноги...

(*Харючи С. Н.* Кто я на этой земле? // Северные народы России на пути в новое тысячелетие. М.: 2000. С. 43)

Обычай **ненцев** — богатые дают бедным оленей на подмогу из приплода... давать оленей бедным на поддержку — «бескорыстные ссуды».

(Юридические обычаи самоедов // Сборник народных юридических обычаев т. 1. Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 8. СПб. 1878. С. 171–213, 215–231.)

... Объединяющими факторами ненецкого южно-тундрового хозяйственного объединения являлись ... потребность во взаимопомощи.

(*Головнев А.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН. 1995. С. 55.)

На протяжении всей своей истории **эскимосы** всегда делились природными ресурсами со своей общиной и только благодаря этому выживали... Эта традиция не допускает, чтобы кто-то использовал пойманного кита только для своих личных нужд. С. 64.

Ни сам капитан, ни один из членов его команды не могут считать этого кита своей личной собственностью... Все жители деревни вытаскивают кита на берег и разделывают эту гору мяса и жира. Каждая семья получает тогда столько пищи, сколько ей необходимо, причем старики или больные, не способные внести свою долю труда в общую работу, пользуются особыми привилегиями. С. 184.

(*Хикл У. Дж.* Проблемы общественной собственности. Модель Аляски — возможности для России? М.: Прогресс. 2004.)

Фольклор эскимосов: Вот это дело. Смогу помочь бедным охотникам...

(Фольклор народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России/ Сост. Е. Р. Акбальян. М.: Северные просторы. 2002. С. 499.)

Обычай велит: детям — лакомые кусочки, Пусть наедятся всласть, не надо их торопить. Женщинам — туши зверей разделать без проволочки. Охотникам у костров — чай ароматный пить.

(*Анко Юрий.* Охотник на морзверя // Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Сост. А. А. Бурыкин, Е. Р. Акбальян. М.: Северные просторы. 2002. С. 338.)

Эвенки — подарил часть награды, раздал золото бедным эвенкам. С тех пор хорошо жить начал...

(Фольклор народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России. Сост. Е. Р. Акбальян. М.: Северные просторы. 2002. С. 270.)

Так, встретив путника, поделись Своею добычей с ним! Таежный закон — нимат... Тот пред тобой не в долгу. Пусть даже и сделал ты все, что мог, — Не жди взамен ничего!

(*Калитин Николай.* Нимат // Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Сост. А. А. Бурыкин, Е. Р. Акбальян. М.: Северные просторы. 2002. С. 120.)

Долганы — Есть у долган такой обычай: Делиться первою добычей. Дай гостю лучший из кусков, Второй кусок — для стариков. Поверье древнее гласит: Удача у того гостит, Кто от людей ее не прячет. Есть у долган такой обычай: Делись — и будешь сам с добычей.

(*Аксенова Огдо.* Первая добыча // Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Сост. А. А. Бурыкин, Е. Р. Акбальян. М.: Северные просторы. 2002. С. 104.)

Юкагиры — заповедь: Родичи радовались, что племя Обогатилось ловцом умелым... Прими все что мною для тебя добыто И добычей поделись с людьми.

(*Адо Улуро.* Идилвей // Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Сост. А. А. Бурыкин, Е. Р. Акбальян. М.: Северные просторы. 2002. С. 335.)

Ханты — Думай, сынок, не о том, Чтоб тебе было легче, Коль ты на промысле В щедрой тайге, на воде. Думай, сынок, о собратьях всегда: Тоже нужна им еда!

(*Ругин Роман* // Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Сост. А. А. Бурыкин, Е. Р. Акбальян. М.: Северные просторы. 2002. С. 46.)

Хозяева и гости: мотив широкой взаимопомощи, гостеприимства

Нанайцы — Не тратьте попусту слова, Когда к вам путник постучится... Он все расскажет вам потом... Раздеться только помогите, И чай поставьте, И за стол С собою рядом посадите...

(*Заксор Владимир* // Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Сост. А. А. Бурыкин, Е. Р. Акбальян. М.: Северные просторы. 2002. С. 205.)

Чукчи — Увидишь, что верный друг твой едва Не валится с усталости с ног, Знай, что ему нужны не слова, И не палку-клюку ему дай сперва, А плечо свое, чтоб идти он смог.

(*Неплюмкина Зоя.* Напутствие. Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Сост. А. А. Бурыкин, Е. Р. Акбальян. М.: Северные просторы. 2002. С. 358.)

И каждый дом Распахивает двери Как объятья. В селе И незнакомый мне знаком: Мы — земляки, А это значит — братья.

(*Кымытваль Антонина.* Воспоминаний резвая игла // Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Сост. А. А. Бурыкин, Е. Р. Акбальян. М.: Северные просторы. 2002. С. 290.)

Тема приемных детей

Эвенки — Рос приемыш-сиротина У эвенков как родной.

(*Пикунов Суптынча.* Летчик Луксан // Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Сост. А. А. Бурыкин, Е. Р. Акбальян. М.: Северные просторы. 2002. С. 135.)

Обличение жадности и неизбежность наказания за нее

Ненцы — Чтоб не стать нам Посланцами птичьей беды, мы — детишки внимали советам простым: «Если яйца берешь из гнезда для еды, то гнездо не должно оставаться пустым». Мы запомнили это на тысячу лет, — В наших душах Для жадности гнездышка нет.

(*Явтысый Прокопий* // Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Сост. А. А. Бурыкин, Е. Р. Акбальян. М.: Северные просторы. 2002. С. 97.)

Эскимосы — Что-то случилось в природе, и никто не мог этому найти объяснения, кроме старой Нау, которая утверждала, что все дело в человеческой жадности и неумении, в неуважении друг к другу, к природе и звериному населению земли и моря.

(*Рытхэу Юрий.* Когда киты уходят // Проза народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России. М.: Северные просторы. 2002. С. 408.)

Юкагиры — наказание неизбежное за жадность: Много пушнины и мяса — изменился характер, жадный и скупой.

(Фольклор народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России / Сост. Е. Р. Акбальян. М.: Северные просторы. 2002. С. 488.)

Эвенки — Ведь раньше этого не было, все беспокоились о завтрашнем дне, не ловили лишнюю рыбу, не убивали лишнюю птицу, зверя...

(*Ходжер Григорий.* Някса Донкан // Проза народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России. М.: Северные просторы. 2002. С. 461.)

О рыбе дед внуку — Маленьких нельзя обижать, грех. Переловишь всех маленьких — больших не станет.

(*Ходжер Григорий.* Скопа // Проза народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России. М.: Северные просторы. 2002. С. 447.)

Коряки — Ни разу из реки я лишнего не взял, за лишнее в убытке мое племя!

(*Алотов Юрий.* Обида // Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Сост. А. А. Бурыкин, Е. Р. Акбальян. М.: Северные просторы. 2002. С. 237.)

17.4. Чтобы традиционное знание работало

Городские центры являются хранителями унифицированного формального знания. Сообщества сельской этнической периферии Севера являются хранителями традиционного знания — комплекса сведений, которые передаются из поколения в поколение как устная традиция аборигенной общины[196]. Оно включает *знание где* — навыки добычи природных ресурсов; *знание как* —

[196] *Мурашко О.* Традиционное природопользование и традиционные знания: права и обязанности // Мир коренных народов. 2000. № 4.

навыки сбора и обработки продукции, изготовления орудий труда и предметов домашнего обихода, промысловые запреты; *знание что* — навыки обустройства на территории проживания.

Традиционное знание аборигенных народов активно использовалось в индустриальном освоении пространств Севера СССР, начавшемся в предвоенное время и значительно усилившемся в 1950–1970-е годы — развертывалось на территориях исторического проживания малочисленных народов. Представители аборигенных народов были каюрами у геологических экспедиций, осуществляли транспортировку грузов первостроителей.

Современное использование традиционного знания народов Севера ограничено редкими примерами партнерства аборигенных и государственных структур при мониторинге популяций морских млекопитающих (для обоснования квот на добычу моржей, серого и гренландского китов) на Чукотском полуострове; подсчете численности тигров и копытных в Приморском крае.

Для сетевого эффекта, получаемого от культурного разнообразия, традиционное знание играет важную роль. Ведь именно оно формирует уникальность пула компетенций каждого малого сообщества сельской периферии, которое при строительстве обширной сети может стать вкладом каждого сообщества в копилку всех во имя взаимного творческого обогащения. Традиционное знание подпитывает творческую деятельность новыми алгоритмами.

Чтобы традиционное знание каждого сообщества, платформой которого является его уникальный местный комплекс традиционного жизнеобеспечения, — стало ресурсом для глобальной сети, необходимы его сбор, документация, оцифровка (например, в виде формирования фондов и архивов национального фольклора), передача от старшего новому поколению народов Севера. Целесообразно восстановление традиционных технологий резьбы по дереву, кости; создание центров народных промыслов и ремесел; поддержка предприятий переработки, мастерских по производству национальной одежды и сувениров и др.

Значительный потенциал имеет традиционное знание для использования в процессе обучения и переобучения общины коренных жителей. Это позволяет от единой унифицированной системы образования перейти к десяткам разных систем образования, максимально настроенных на особенности конкретной локальной общности людей, в которых общее формальное знание интегрируется со специфичным традиционным знанием каждого сообщества. А единая сеть национальных сел позволяет наладить взаимные обмены опытом между местными системами образования.

Аналогичные процессы будут характерны и в системе здравоохранения. Здесь использование традиционного знания означает интеграцию опыта традиционной медицины и современной диагностики и методов лечения. И это позволит от современной унифицированной системы медицинского обслуживания перейти к более вариативной, опирающейся на знаниевый потенциал

каждого сообщества. А телемедицинские сети будут ориентированы не только на консультации врачей центральных больниц для фельдшеров и медсестер национальных сел, но и на инвентаризацию методов лечения традиционной медицины для их использования в практике городской медицины.

Будущая сфера применения традиционного знания включает охрану окружающей природной среды, управление и распределение биологических ресурсов, которые пока базируются на формальном знании общих основ природопользования и потому мало инновационны и специфичны для конкретных условий северной периферии. Алгоритмы традиционного знания могут входить в комбинацию с туризмом — развитие этнотуризма; торговлей — разработка оригинальных торговых марок, градостроительством — архитектурный дизайн с этническими чертами и др.

Значительные перспективы содержит актуализация традиционного знания в коммерческих проектах: производстве товаров и услуг, в которых органично сплавляются традиционная культура, знание и природные, материальные активы — например, производство паркета с этническим орнаментом. Из представителей сотен национальных сел, ответственных за управление традиционными знаниями в своем сообществе, целесообразно сформировать единую сеть для сотрудничества и обмена опытом в применении традиционных знаний в коммерческой деятельности.

17.5. Переинтерпретация сельского этнического сообщества

Общеизвестны проблемы сельской периферии Севера — низкий уровень образования и высокая безработица, высокий уровень смертности от травм и отравлений в результате алкоголизма, широко распространенного внутри аборигенных сообществ. Одновременно известны примеры состоявшихся на национальном уровне и имеющих мировую известность ярких талантливых писателей, поэтов, художников, политических лидеров из представителей коренных народов. Обычно эти примеры рассматриваются обособленно: негативные проблемы относятся к уровню национального села, позитивные примеры — к уровню северного региона или страны в целом.

Но в таком подходе есть лукавство. Ведь аборигенные таланты родились не в центрах, а в сельской периферии. Именно ее самобытная природная, культурная, духовная среда стала стартовой площадкой для их последующего восхождения по карьерной траектории, возможно, генетически определила исходную жизнестойкость, духовную силу, необходимую для профессионального успеха.

Поэтому для раскрытия силы сетевого эффекта в сельской периферии, для поиска новых решений ее проблем, целесообразно переоткрыть, расши-

рить прежнее понятие сельского этнического сообщества, включить в него и тех, кто в нем родился, в дальнейшей жизни профессионально состоялся в российских центрах. Сельские сообщества должны рассматриваться неотрывно от мира своих уроженцев в городах России и других стран. Такой широкий подход обеспечивают возможности электронной коммуникации сельского сообщества со всеми своими уроженцами — новыми горожанами.

Нет отдельного развития сельской периферии в отрыве от центров. Сельская периферия Севера энергетически связана с центрами через миграцию талантов. Демографический потенциал домохозяйств сельской периферии Севера подпитывает энергию творческого развития городов-центров. Те сельские сообщества, которые имеют более многодетные домохозяйства, становятся *инкубаторами талантов* для своих регионов и для страны в целом.

С одной стороны, необходимо признать и укрепить эту функцию национального села в результате формирования здесь условий, комфортных для выращивания будущих талантов — в местной системе образования, культуры, медицинского обслуживания. С другой стороны, целесообразно создать и обратные связи от талантов к своим местным сообществам: например, в виде спонсорской помощи, организации творческих мастерских, восстанавливая традиции дарения и отдаривания, характерные для коренных народов. В этом случае сетевой эффект от двухсторонней связи сельской периферии и центров станет позитивным фактором развития местной экономики.

Для возвратного духовного тяготения талантов к своим родным сельским сообществам существуют благоприятные предпосылки. Повсеместно в глобализирующемся мире укрепляются ценности местной идентичности. Для новых горожан из числа аборигенных народов источником такой идентичности может быть только место рождения — сельская периферия Севера, родное национальное село. Занятость талантов в городских творческих индустриях — дизайнерских бюро, салонах красоты, студиях веб-дизайна, производстве этнографических сувениров и организации этнографических туров — неизбежно усилит интерес к своей культуре как новому источнику конкурентных преимуществ в творческую эпоху, увеличит долю молодых представителей коренных народов, говорящих на родном языке и вызовет духовное возвращение к сельской периферии как месту своего рождения.

17.6. Земельный вопрос и формирование сетевых национальных предприятий

Значимость земельных вопросов для развития народов Севера недооценивается и федеральной, и региональной властью. Требования аборигенных народов иметь право на часть земель традиционного проживания воспринимаются властью как угроза земельного передела и потенциальный тормоз для

экономического развития северной периферии России. Но это узкий подход к решению земельного вопроса. Он получает распространение, например, в современной практике частных соглашений между национальными домохозяйствами, общинами и ресурсными компаниями по поводу использования участков земель традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных народов.

Широкий подход состоит в том, чтобы превратить земельный вопрос из тормоза в стимул экономического развития северной сельской периферии, чтобы увидеть в нем не угрозу для государства, а удачную возможность одновременного и долгосрочного решения сразу нескольких проблем территорий традиционного проживания аборигенных народов.

После ликвидации многих поселкообразующих предприятий в 1990-е годы в сельской периферии Севера остро не хватает специфичных (отражающих этнические особенности местного населения) хозяйственных структур, одновременно выполняющих роль социальной защиты для жителей национальных сел. В большинстве национальных сел совхозы или их отделения были в 1990-е годы раздроблены до родовых общин / крестьянско-фермерских хозяйств, товариществ, сельскохозяйственных кооперативов и лишь в очень редких случаях сохранились как акционерные общества. Но ведь совхозы были в селах еще и политическими органами власти, квази-правительствами, которые сосуществовали с абсолютно стандартными органами сельского местного самоуправления, а порой в силу своей большей настроенности на учет специфичных потребностей местной сельской общины и значительных финансовых ресурсов, выполняли задачи удовлетворения ее потребностей даже более эффективно.

Вакуум после дробления совхозов должен быть заполнен. Современному национальному селу нужна интегральная хозяйственная структура, выполняющая к тому же и функции «квази-органа местного самоуправления». Эмпирическое обобщение первого опыта строительства таких структур в сельской периферии Севера России и богатый опыт создания национальных корпораций в штате Аляска и на севере Канады[197] позволяет сделать несколько предложений.

Эти новые структуры должны быть созданы на уровне муниципального района или куста нескольких соседних национальных сел, имеющих богатую ресурсную базу и человеческий потенциал. Они могут быть названы районными национальными корпорациями, районными ассоциациями национальных предприятий и т. д. Как совхозы советского времени, эти

[197] Мировой опыт удовлетворения земельных требований народов Севера в контексте российских реалий изложен в работе: *Пилясов А. Н.* Земельные требования народов Севера и инвестиционные проекты освоения ресурсов Азиатской России // Проблемные регионы ресурсного типа: Азиатская часть России. Под ред. В. А. Ламина, В. Ю. Малова. Новосибирск. Изд-во СО РАН. 2005. С. 165–186.

структуры обязательно должны иметь права на земли традиционной хозяйственной деятельности и традиционного проживания коренных народов (например, в форме долгосрочной аренды). И эти права должны быть сильнее, чем у поселковых родовых и национальных общин. В сильных правах на традиционные земли и ресурсы будет состоять важнейшая этническая специфика данных структур — сохранение кровной связи народов Севера с землей исторического проживания; одновременно эти права также обеспечат возможность получения коммерческого дохода и новых рабочих мест для аборигенных работников при реализации в этих местах новых хозяйственных проектов.

Самый благоприятный случай — когда сопричастность к деятельности районной национальной корпорации имеют все аборигенные домохозяйства района, например, они все являются ее акционерами. Это увязывает все районные домохозяйства в единую корпоративную сеть, упрощает обмены знанием, опытом, компетенциями между местными жителями. При упрощенном варианте в районную корпорацию входят аборигенные предприятия каждого села, т. е. она становится ассоциацией поселковых родовых, национальных общин, кооперативов.

Целесообразно увязать районные национальные корпорации соседних муниципальных образований в одну сеть: т. е. предусмотреть распределение части годовой прибыли каждой между всеми остальными районными корпорациями сети. Это значительно укрепит новые структуры экономически и политически. Подход к формированию такой сестринской сети районных корпораций может быть очень гибким и постепенным: сначала в сеть входят корпорации только нескольких соседних районов, потом всего региона, затем, возможно, и соседнего региона, если для этого имеется этническая общность и общность видов традиционной хозяйственной деятельности (например, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа; места традиционного проживания и хозяйственной деятельности эвенов Якутии, Хабаровского края и Магаданской области).

Взаимодействие районных корпораций и поселковых аборигенных предприятий в виде национальных и родовых общин также должно быть гибким, без командной иерархии, характерной для отношений совхозов с их отделениями в советское время. В тех национальных селах, в которых уже созданы общины, районные национальные корпорации оказывают им юридическую, маркетинговую, консультационную помощь, ни в коей мере не ущемляя их хозяйственную самостоятельность. В случаях отсутствия таких поселкообразующих структур, районная национальная корпорация берет на себя ответственность за их создание в форме сельского кооператива, товарищества, корпорации. Общий принцип состоит в том, что каждое национальное село должно иметь поселкообразующую экономическую структуру, взаимодействующую с районной национальной корпорацией. И эта поселковая структура

должна иметь ячеистую структуру, т. е. предусматривать возможность вхождения в нее многих домохозяйств села.

Новые районные корпорации должны одновременно решить вопрос увеличения инвестиционного потенциала северной сельской периферии. Здесь хронически не хватает финансовых ресурсов и своих предприимчивых инвесторов. Районные корпорации с сильными правами на земли традиционного проживания и призваны аккумулировать инвестиционные ресурсы в виде, например, первоначального взноса федерального бюджета. В отличие от денежных средств федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера» эти финансовые ресурсы будут иметь нравственное измерение — компенсация народам Севера за использование территорий традиционного проживания в прошлом.

В случае, если все коренные жители района станут акционерами районной национальной корпорации, в сельской периферии Севера впервые возникнет массовый слой инвесторов. Именно этим путем идут зарубежные северные федерации, где народы Севера уже стали реальными соинвесторами в свою территорию через созданные здесь национальные корпорации с правами земельной собственности, которые получили первый бюджетный взнос от государства.

Возможный алгоритм решения земельного вопроса и создания районных национальных корпораций

Государственные земли мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности на безвозмездной основе предоставляются на правах аренды в коллективное пользование коренным малочисленным народам — акционерам районных корпораций, без права продажи или отчуждения участков земель отдельными домохозяйствами, без права пользоваться ресурсами недр, за исключением общераспространенных полезных ископаемых на определенной части площади.

Каждый коренной житель получает определенное количество акций новой корпорации без права их продажи, передачи, дарения. Бюджетный взнос государства в каждую районную корпорацию формирует ее стартовый капитал; этот «аборигенный» капитал может инвестироваться в различные коммерческие проекты спустя пять лет, после подготовки местных менеджеров корпораций из числа коренных малочисленных народов.

Районная корпорация является зонтичной структурой для поселкообразующих предприятий национальных сел района. Конкретная юридическая форма поселкообразующих предприятий (община, некоммерческая организаций, акционерное общество и др.) и направления их взаимодействия с новой районной корпорацией различаются по регионам Севера. Соседние районные корпорации увязаны друг с другом в единую сеть: прибыль каждой корпорации распределяется среди всех остальных корпораций сети.

Общие принципы закрепления части земель традиционного проживания за структурами коренных малочисленных народов Севера, статус новых районных национальных корпораций, условия и размеры первоначального бюджетного взноса определяются в федеральном законе/постановлении Правительства Российской Федерации.

Предоставление части земель традиционного проживания структурам коренных малочисленных народов Севера обеспечивает системное решение многих экономических и социальных проблем государства и коренных народов. В результате создания районных корпораций коренных малочисленных народов Севера с правами долгосрочной аренды земель традиционного проживания, с первоначальным взносом в уставный капитал из федерального бюджета, с экономическими связями с поселкообразующими структурами каждого национального села, государство укрепляет северные периферийные территории новыми структурами, увеличивает инвестиционный потенциал и создает массовый слой коллективных инвесторов в глубинке России, превращает коренных жителей в акционеров; коренные малочисленные народы получают в районных корпорациях социально ответственных пользователей территорий традиционного проживания, выполняющих многие функции прежних совхозов, госпромхозов, рыбокомбинатов.

17.7. Строительство сетей в сельской периферии

Важнейшей особенностью национальных сел, северных этнических сообществ с точки зрения экономики знания является их информационная замкнутость, изоляция от глобальных и национальных информационных потоков. О серьезности этой проблемы свидетельствуют многочисленные примеры, когда даже на районном уровне северной периферии (например, в Чукотском автономном округе) нередко принимаются решения, которые оказываются неадекватными реальной ситуации в оленеводстве или традиционных промыслах — что неудивительно, принимая во внимание отдаленность многих сел от центров районных муниципальных образований.

Строительство сетей национальных сел, сетей, связывающих их с внешними центрами, помимо решения конкретных экономических и социальных проблем, обеспечивает условия для преодоления ловушки информационного исключения, информационного разрыва. Конкретными примерами таких сетей могут быть телемедицинские; сети глобального мониторинга климата, узлы которых расположены в некоторых северных национальных селах; сети дистанционного образования; партнерские сети средних профессиональных колледжей в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных народов; сети взаимодействующих между собой факторий — узловых структур для снабжения и сбыта продукции национальных сел, оказания услуг сертификации, маркетинга производимых товаров и услуг, ремонта и проката сельскохозяйственной и промысловой техники. Новыми видами производственных сетей, которые объединяют сельскую периферию с городскими центрами, могут стать малые сельские фирмы — субконтракторы крупных компаний и сельские надомники, работающие по договорам с промышленными и сервисными компаниями.

Успех в реализации стратегии формирования новых сетей в национальных селах зависит от того, насколько удастся обеспечить признание всеми участниками сети той продукции (товара, услуги), с которой конкретное национальное село входит в сеть. Без преодоления этого не физического, а «неосязаемого» регламентного, сертификационного барьера национальному селу в сеть не войти. Поэтому так важно, чтобы привычные структуры национального села (фактория, кооператив, ветеринарная служба) брали на себя и функции сертификации, формальной сопоставимости продукции и услуги села с их аналогами других сел.

Такую миссию, например, может выполнить ветеринарная служба для формирования единой сети национальных сел в Чукотском автономном округе. Ее штатные работники находятся в каждом населенном пункте. Это *интегральный* вид деятельности, который имеет максимальную (самую разветвленную) пространственную структуру, закрывающую весь округ. Государственный ветеринарный инспектор села заверяет отчет о движении поголовья оленей, отчет об объемах добычи морских млекопитающих, которые определяют размер государственных субсидий на поддержку оленеводства и промыслов хозяйствующему субъекту. Ветеринарная служба потенциально может контролировать не только качество продукции оленеводства и традиционных промыслов, но и сами традиционные виды деятельности. Она может сыграть объединительную, сетевую, роль между отдельными, сегодня разорванными, ареалами товарного оленеводства (например, через передачу племенных оленей от одного хозяйства другому), между оленеводческими хозяйствами и морзверобойными.

Знание детальных характеристик основных «мобильных» активов кочевого и оседлого населения позволяет ветеринарной службе участвовать в создании ценовых и ценностных соотношений между ними, облегчать оборот этих активов между собой (прежде всего понижая издержки на получение информации об их характеристиках) и облегчать формирование бартерного рынка традиционной продукции, что очень важно для воссоздания исторических связей оленеводов и морских охотников.

Часть 9

Арктика как глобальная северная периферия

Северная периферия имеет региональный и национальный контекст — ее муниципальные образования обособляются по степени их физической и информационной оторванности от субрегиональных, а региональная периферия по степени отрезанности от крупных национальных центров. В глобальной перспективе арктическая зона, полярные территории являются периферийными: все эти регионы и страны имеют общие черты обособленности от национальных и международных центров и природной экстремальности. Не Север, а именно Арктика обособляется как единая, мировая, зона на стыке тундровых ландшафтов и морской акватории: в некоторых европейских странах, в США нет даже понятия северных территорий (например, штат Аляска полностью причислен к арктической зоне), но есть четкое определение национальной Арктики и арктической политики. Поэтому при переходе на глобальный уровень изучения северной периферии Арктика, полярные территории, становятся единственно возможным объектом анализа.

Сопоставления развития полярных стран и регионов, находящихся на разных стадиях постиндустриальной трансформации, дают новые аргументы для убежденности в широких возможностях, которые открываются перед северной периферией России в эпоху экономики знания. Территории зарубежной Арктики — и европейской, и американской — будучи периферийными для своих стран и мирового сообщества, тем не менее обладают высоким уровнем и качеством жизни, а их социальная и природная среда привлекательна для талантов. Здесь периферийность не вызывает экономическую отсталость. Удаленность, изолированность, малые размеры рынков, сохранение традиционного уклада коренных малочисленных народов Севера сочетается с динамизмом, инновационностью развития. Многие полярные регионы и страны являются национальными и международными лидерами по показателям продолжительности жизни, индикаторам глубины проникновения нового уклада, информационных технологий.

Какие же свойства природных и социальных систем Арктики органично совместимы с вызовами нового технологического уклада, обеспечили сверхбыстрый прогресс зарубежных полярных территорий на пути к экономике знания? Прежде всего *мобильность*. Арктические экосистемы внутренне мобильны, природная экстремальность и скудость жизненных ресурсов вынуждает все биологические виды постоянно кочевать. Этот же стереотип поведения характерен и для всех арктических этносов — как коренных малочисленных народов с присущим им номадизмом, так и переселенцам, которые создают здесь вахтовые поселки и проточные популяции в постоянных посе-

лениях с высоким миграционным оборотом. Мировая арктическая зона в полном смысле является «пространством потоков[198]». Но ведь мобильность — это именно та черта, которая прежде всего характеризует таланты, квалифицированные кадры — главную производительную силу новой эпохи.

Другая фундаментальная черта организованности арктических экосистем — это *кооперативность*. Почти столетие назад, споря с Ч. Дарвиным, в своей работе «Взаимопомощь как фактор эволюции» П. Кропоткин[199] обратил внимание на особые принципы организации природных систем в экстремальных условиях: им всем были присущи черты взаимовыручки значительно в большей степени, чем конкуренции, борьбы за существование. Внутривидовая борьба замещается здесь кооперацией особей. Фольклор полярных этносов содержит многочисленные упоминания про запреты на жадность, престижность щедрости, императивные требования взаимной поддержки, помощи слабым и немощным[200].

Но ведь именно кооперативность, бескорыстные обмены знанием, являются фундаментальной особенностью поведения креативных сообществ Силиконовой долины, других творческих сообществ мировых технопарков и инновационных зон. Именно она является основой новой трудовой этики талантливых людей: наслаждение от совместного безостановочного творческого процесса, увлеченного поиска решения сложной проблемы, сверхценность признания со стороны экспертов, отсутствие субординации в производственных отношениях[201].

Природные и социальные условия Арктики предполагают постоянные *неопределенность и риск*. Но ведь именно эти черты являются особенностями современной экономики знания. А склонность к риску отличает творческих, талантливых людей. Арктические сообщества формируются такими людьми — другие мигранты сюда не приедут.

Еще одна вынужденная особенность арктических систем — универсальность, междисциплинарность компетенций жителей: когда местные сообщества малы и изолированы по размерам, чтобы успешно отвечать на вызовы природной среды, обеспечить устойчивое развитие местной экономики, необходимо овладевать одновременно несколькими навыками. Здесь условия внешней среды естественно формируют предпосылки для эффективного синтеза разных знаний, для которых в других районах требуется создавать специальные интеллектуальные площадки. А без активных перетоков разного зна-

---

[198] Этот термин принадлежит М. Кастельсу, который использовал его для характеристики свойств пространства возникающего нового сетевого общества.

[199] *Кропоткин П. А.* Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование. 2007.

[200] Фольклор народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России / Сост. Е. Р. Акбальян. М.: Северные просторы. 2002.

[201] *Himanen P.* The hacker ethic as the culture of the information age // The Network Society. A Cross-cultural perspective. Ed. by M. Castells. Edward Elgar Publishing. 2004. P. 420–431.

ния, без универсальности компетенций, как сегодня общепризнанно, инновации невозможны.

В результате сочетания уклада коренных жителей и уклада переселенцев во многих полярных регионах и странах формируются благоприятные предпосылки для *культурного разнообразия,* богатой духовной жизни, привлекательной для талантливых людей, для мигрантов из центров.

Наконец, малые размеры экономики Арктики позволяют талантливым и предприимчивым людям, особенно на старте своего трудового жизненного цикла, здесь быстро реализовать самые амбициозные карьерные желания. Эти особенности арктической зоны уже привели к впечатляющему успеху в экономическом развитии зарубежных полярных стран и регионов (конечно, нельзя забывать при этом и о роли уникальных природных ресурсов). И эти же факторы могут стать локомотивом позитивных преобразований и в арктической зоне России.

Глава 18

Арктическая экономика в глобальном охвате[202]

Арктическая экономика вбирает в себя черты развивающихся и развитых стран. В ней сохраняется уникальный традиционный уклад коренных жителей и присущее ему традиционное жизнеобеспечение. В относительно новых, ресурсном и государственном, секторах арктической экономики активно используются человеческие и материальные ресурсы европейских и американских переселенцев.

По сравнению с экономиками развивающихся стран, например, Африки, холодовая дискомфортность здесь оказывает лимитирующее влияние на все виды деятельности, ставит под угрозу само существование человека. Именно опасение прерывания здесь хрупкой нити жизни привело повсеместно в арктических регионах к формированию защитного институционального каркаса — системы четких формальных (государственных) норм и правил экономического поведения для всех основных участников. Этот регламент имеет здесь намного более сильный характер, чем в развивающихся странах.

По сравнению с экономиками многих развитых стран, например, Европы, основной поток дохода арктической экономики формируется в новом ресурсном секторе; но вся экономическая история связана с развитием оленеводства и традиционных промыслов коренного населения. Формальные институты управления природопользованием сочетаются здесь с неформальными нормами и правилами поведения на территориях традиционного проживания народов Севера.

Любая экономическая деятельность здесь сопряжена со специфическими арктическими рисками. Главная особенность мигрантов, надолго задерживающихся в арктических регионах мира, — склонность к риску, способность мыслить и действовать в условиях высокой неопределенности. И это очень хорошая предпосылка быть успешным в новой экономике знания, фунда-

[202] Материал впервые был опубликован как статья «Арктическая экономика: сущность, тренды новейшего времени, национальные модели» в сборнике «Российский Север: траектория и перспективы социального развития». М.: КНОРУС. 2006. Т. 2. С. 979–1024.

мент которой базируется на инновациях, всегда связанных с неопределенностью и риском.

Человеческая жизнь в экстремальных условиях Арктики находится под постоянной угрозой. Экономическое развитие оплачено значительной человеческой энергией и нередко жизнями. Проблема обеспечения коллективной и индивидуальной безопасности в этих условиях становится для экономики фундаментальной.

Личность в малой по размеру и неустойчивой по режиму функционирования арктической экономике имеет возможность активного влияния на траекторию ее развития. Такие политические лидеры, как, например, губернатор штата Аляска В. Хикл в результате формирования равноправных отношений арктической территории и нефтяных компаний, смогли придать новую динамику экономическому росту и сформировать более гуманные и безопасные условия жизни для своих сограждан.

Для внешнего мира арктическая экономика привлекательна своими уникальными природными ресурсами и обширными пространствами свободной территории. Для живущих здесь нескольких миллионов людей она является гарантией достойной и безопасной жизни в экстремальных природных условиях.

18.1. Природа арктической экономики: шесть специфических контрактов

Арктическая экономика может быть охарактеризована через систему специфических отношений хозяйствующих субъектов с экстремальной природной средой, с коренными народами, с внешним миром и метрополией, с пространствами территории и акватории; в области природопользования и обмена информацией. Эта система формирует единую конфигурацию прав собственности в арктической экономике.

В конкретных условиях места и времени набольшее значение внутри этой конфигурации приобретает тот или иной контракт, который в этот момент находится на пике своей востребованности. Например, для американской модели сейчас наиболее приоритетны отношения хозяйствующих субъектов по поводу ключевого ресурса, поиск новых механизмов устойчивости в связи с падающей добычей нефти на месторождении Прадхо-Бей штата Аляска. Для канадской модели — совершенствование отношений народов Севера и государства. Для российской и европейской модели исключительно актуально строительство более гармоничных и равноправных отношений с центром-метрополией и внешним миром. Именно эти отношения оказывают наибольшее влияние на экономическое поведение властей арктических территорий и арктических общностей людей конкретных полярных стран и регионов.

Интегральный критерий эффективности сформированной конфигурации прав собственности арктической экономики — ценность и степень личной и коллективной безопасности человеческой жизни. Развитие отношений собственности в каждом арктическом контракте направлено на повышение цены и защищенности человеческой жизни.

1. *Взаимодействие хозяйства с экстремальной природной средой.* Многие районы Арктики по своим природным условиям дискомфортны для проживания человека. Огромные усилия и энергию потратило человечество, чтобы выжить, адаптироваться к ним.

Хозяйство для человеческого сообщества выполняет защитную роль в условиях Арктики. Только в работе, только в усилиях каждодневного труда может быть отвоевано у природы пространство для человеческого существования. Эволюция арктической экономики обеспечена ценой не только высоких экономических, но и социальных издержек; при постоянных угрозах и рисках для жизни, здоровья, материальных активов.

Арктическая экономика — это борьба жизни со смертью, преодоление смерти. При этом победа никогда не носит безусловного характера и бывают длительные отступления жизни, прерывания хозяйственных эпох. Об этом свидетельствует, например, неудачный опыт колонизации викингами Гренландии[203].

Стандартные вопросы экономического развития в арктической экономике приобретают тональность жизни или смерти. Любые вопросы человеческого существования обретают здесь предельную постановку, измеренную ценой человеческой жизни. Не так в странах Африки, с которыми исследователи Арктики порой ищут аналогии. Там выживание человека более обеспечено и гарантировано: природой исходно дано так много, что не требуется бремя ежедневных сверхусилий. Приложение сверхусилий к развитию объясняет очень быстрое появление в Арктике самых технологически продвинутых материальных активов и лидерство ряда арктических территорий (Исландия, скандинавские страны, канадская Арктика, штат Аляска) в новой экономике знания.

Из-за давления экстремальности принципы кооперативности, взаимовыручки, проявления жертвенности и альтруизма в экономическом поведении основных акторов имеют здесь огромное значение. А ведь именно они, как сегодня уже общепризнанно, обеспечили быстрый успех Силиконовой долины как пионерной инновационной территории в мире[204]. Этика талантов новой творческой эпохи и этика жителей Арктики сходны в принципиальных чертах.

---

[203] Подробно см.: *Diamond Jared.* Collapse. How societies choose to fail or survive. London: Penguin Books. 2006. P. 178–276.

[204] *Saxenian AnnaLee.* Regional Networks and the Resurgence of Silicon Valley // California Management Review. 1990. Fall. P. 89–112.

При коллективных действиях в условиях Арктики реже проявляется эффект безбилетника, оппортунизм и отлынивание в контрактном поведении. Арктическое принуждение к исполнению контрактов обеспечивается высокой ценой его несоблюдения: результатом может быть смерть, хронические болезни, опасности для жизни людей при возникновении чрезвычайных природных явлений.

Природная экстремальность цементирует структурные элементы арктической экономики в единый жизнеобеспечивающий комплекс, что наблюдается реже в других ландшафтных зонах. Его относительная простота сочетается с очень многоцелевым и многофункциональным использованием каждого структурного элемента, каждого сектора, каждого актива, каждого института. Здесь налажены интенсивные внутрирегиональные и межсекторные взаимопереходы, маневры, перетоки финансовыми, материальными и природными ресурсами, многоцелевое использование немногочисленных экономических и политических институтов.

В арктической микроэкономике национальных сел редко получают развитие все три сектора — традиционный, государственный, рыночный; последние два значимы только для крупных и средних поселений. Набор основных институтов, которые определяют развитие арктической экономики, невелик и включает регламент ресурсной деятельности, традиционного жизнеобеспечения (subsistence), прав землепользования, отношений с коренными народами и внешним миром.

Экономность усилий достигается ценой значительной нагрузки на немногочисленные элементы арктической экономической системы. Это хорошо прослеживается, например, при организации исследовательских проектов в арктических условиях. Только здесь широкое распространение получили комплексные научные экспедиции, когда в одной команде работают специалисты разных научных дисциплин. Междисциплинарность арктических проектов и исследований полностью согласуется с приоритетами экономики знания: ведь сегодня уже общепризнанно, что прорывные инновации рождаются именно на стыке наук, при тесном взаимодействии специалистов разных дисциплин.

Развитие экономики в Арктике очень тесно сопряжено с природными ритмами и ресурсными циклами, что не характерно для экономик других ландшафтных зон. Поэтому и в организации систем жизнеобеспечения здесь чаще наблюдаются аналогии с природными системами.

Преодоление и минимизация издержек сезонности, здесь ярко выраженной, в работе экономических систем достигается за счет комплексирования разносезонных видов деятельности, новых технологических решений, позволяющих продлить обычные сроки эксплуатации материальных активов. Однако победы в этой области даются очень трудно, и нередко носят временный характер. Например, в новой модели освоения российского Севера пришлось отказаться от круглогодичной эксплуатации Северного морского пути — зна-

менитого достижения советского времени — по причинам высоких затрат на ледокольную проводку судов.

Ответ арктической экономики на вызовы экстремальной природной среды состоит в повышении комфортности и безопасности, социальной защищенности жизни для человека, для сообщества людей (аборигенов и переселенцев). Успехи, достигнутые здесь в разных моделях освоения Арктики в последние десятилетия, очевидны, но не абсолютны. Угрозы человеческой жизни сохраняются; сохраняется и потребность в надежных системах ее страхования.

2. *Отношения субъектов арктической экономики по поводу ресурса максимальной ценности.* Арктика — место дислокации уникальных по запасам и концентрации природных активов. Масштабная экономическая деятельность здесь непосредственно связана с использованием ресурсов: от ресурсов начинается, затем постепенно диверсифицируется вширь, к новым видам деятельности, и вглубь, в направлении интеллектуализации существующих видов экономической деятельности — насколько это позволяют экстремальные природные условия. Таким ресурсом могут выступать нефть, газ, цветные металлы, драгоценные камни, геотермальные источники.

Мировые ресурсные рынки и естественное истощение природных активов являются главными генераторами арктического экономического цикла. В отличие от бизнес-циклов, циклы добычи ресурсов не имеют встроенных механизмов возрождения и потому способны привести к кризису и стагнации недавно бурно развивающуюся экономику. Другая опасность ресурсно детерминированного развития — голландская болезнь, когда быстрое проедание высоко рентабельных ресурсов не обеспечивает энергию долгосрочного роста, но приводит лишь к структурным искажениям в экономике, крену к наиболее прибыльному виду деятельности. Наконец, еще одна хорошо известная опасность — трагедия общественных ресурсов[205]: природные активы в общественной собственности, к ним относятся и арктические, могут бесконтрольно растрачиваться, не принося улучшения благосостояния проживающих здесь людей.

Все эти опасности подстерегают любую арктическую экономику, в которой есть привлекательные ресурсы, востребованные на мировых рынках. Спасение находится в сильных институтах по поводу извлечения, транспортировки, продажи и распределения сверхдохода от ресурса (экономической ренты[206]): правах собственности (контроля), конституционных нормах и правилах, формальных рамках поведения региональной власти.

---

[205] *Hardin Garrett.* The Tragedy of the Commons. Science. 102. 1968.

[206] Экономическая рента — это разница между рыночной стоимостью извлеченного ресурса и всеми издержками его добычи, транспортировки и минимальной прибылью, соответствующей средней рентабельности для данного вида деятельности.

Они обеспечивают справедливое распределение экономической ренты в результате достижения баланса интересов всех участников арктической экономики: ресурсных корпораций, коалиций коренных жителей, структур и соответственно бюджетов центральной и региональной власти, природоохранных агентств. В этом случае наиболее гармонично реализуются все основные функции рентных платежей: сбор доходов в федеральный и региональный бюджеты; воздействие на темп отработки месторождения для придания ему большей устойчивости; компенсации государственных расходов (услуг) при разведке месторождения и извлечении ресурса; компенсация потери невозобновимых ресурсов (активов общества) для будущих поколений; платежи региону за экологический ущерб.

Фактор экономической ренты дифференцирует все типы арктической экономики на два вида — рентные и трансфертные. В рентных основной доход формируется за счет высокоприбыльного ресурсного вида деятельности, который потом либо сразу непосредственно остается на территории и обеспечивает обширные внутрибюджетные перераспределения финансовых ресурсов; либо в значительной степени отчуждается ресурсными корпорациями и центральными властями, которые впоследствии возвращают часть изъятой ренты в форме денежных грантов или инвестиций.

Первая, прямая, схема изъятия ренты для арктических регионов более привлекательная. Она возможна при сильно очерченных правах региональной собственности (контроля) на природных ресурс, что характерно, например, для штата Аляска. Режимы совместной собственности центра и регионов не обеспечивают сильных прав на ресурс арктических регионов, и в этом случае реализуется вторая схема, что характерно для канадской и российской модели.

В рентной арктической экономике возникают возможности преодоления барьеров к физической диверсификации за счет диверсификации финансовой: часть поступающего в регион ресурсного сверхдохода может быть зарезервирована, например, в специальном фонде будущих поколений, чтобы стабилизировать развитие региона после истощения месторождения.

Второй полюс — это трансфертная экономика, когда основной источник бюджетного дохода не ресурсная рента, а трансферты вышестоящего уровня власти. В такой экономике рыночный сектор развит намного слабее, доминируют государственный и традиционный секторы.

Обе модели арктической экономики радикально отличаются по общему тонусу развития, экономическому поведению населения и региональной власти, уровню жизни населения, интенсивности миграционных потоков и даже отношению ко времени, доминирующему в общности людей. Рентная экономика содержит в себе как потенциальные гарантии более высокой защищенности и безопасности человека, так и значительные риски неустойчивости.

В этой экономике нередко доминирует отношение ко времени как продленному настоящему; коэффициент дисконтирования будущего очень высо-

кий, потому опасность соскальзывания в рентообусловленное поведение велика, значительны издержки психологической установки многих мигрантов на временное проживание. В арктических территориях добычи природных ресурсов требуются специальные и значительные усилия, чтобы сформировать институты, работающие на долгосрочное развитие. И только там, где удается это сделать, инновационная экономика успешна.

С другой стороны, в трансфертных экономиках восприятие времени похоже на страны Африки — как вечно длящегося, когда настоящее не имеет самостоятельной ценности и не более чем мост между прошлым и будущим. И рентная, и трансфертная экономики, несмотря на свою различную природу, отражают особую роль финансовых перераспределительных внутрибюджетных механизмов — между отдельными частями арктических регионов, между группами населения, между секторами экономики и видами деятельности.

Эти перетоки рентного или трансфертного генезиса обеспечивают внутреннюю интеграцию арктической экономики и аналогичны традициям бесплатного распределения добычи охотников среди всей общины эскимосских морских охотников. Они повышают защищенность человеческой жизни в экстремальных условиях Арктики.

Нейтрализовать издержки неустойчивой рентной и/или патерналистской трансфертной модели арктической экономики пока не удается. И потому оправдан поиск новых институтов, гарантирующих арктическому сообществу бóльшую безопасность жизни, исходя из особенностей функционирования каждой модели экономики.

3. *Экономические отношения государства с коренными народами.* Арктическая экономика базируется на двух разных укладах — древнем, коренных народов Севера[207] (во многих арктических сообществах они продолжают численно доминировать) и относительно молодом, переселенцев. Это придает ей своеобразное многоэтническое, мультикультурное измерение, то разнообразие, которое важно для творческой деятельности.

Для каждого из укладов характерны своя система норм и правил экономического поведения. В традиционном укладе народов Севера до сих пор сохраняется престижность щедрости, неформальные правила распределения добычи охотниками среди всей общины, неявное знание приемов охоты на морских китов, моржей и тюленей и выпаса оленей. Аборигенная система наблюдения и использования биологических ресурсов целостна в отличие от четкого разграничения служб контроля за состоянием природной среды и агентств по управлению природопользованием в государственных структурах.

Взаимопроникновение двух укладов арктической экономики проходит по многим направлениям: через перетоки финансовых ресурсов от бюджетного и рыночного сектора в традиционный; через взаимные обмены инфор-

[207] Только Исландия представляет исключение — здесь один, он же и аборигенный этнос.

мацией и двухсторонний импорт институтов; через сезонные и постоянные переходы коренных народов из традиционного сектора в денежный, на работу в сектор услуг или государственный. По мере развития арктической экономики в целях повышения уровня устойчивости и безопасности жизни аборигенов и переселенцев возникают все новые и новые формы интеграции двух укладов.

Традиционное жизнеобеспечение коренных народов постепенно теряет свою роль источника денежных доходов и занятости, но одновременно сохраняет и даже увеличивает значение нравственного стержня, духовной опоры для молодых аборигенов. Традиционная экономика Арктики превращается в смешанную, в которой объединяются силы государства и рынка при безусловном сохранении многовекового духовного наследия коренных народов.

Взаимодействие государства и коренных народов задается решением вопроса принадлежности ключевых активов Арктики — земли и акватории. Степень готовности государства в лице центральной власти признать исторические права коренных народов на территории и акватории традиционного проживания определяет меру гармонии отношений с народами Севера. Ответ арктической экономики на этот вызов различается в федеративной американской, канадской, российской и унитарной европейской модели при общей тенденции увеличения прав коренных народов на пространства Арктики.

В федеративной модели основная нагрузка приходится на широкоформатные соглашения по земельным ресурсам между государством и структурами коренных народов, организацию национального самоуправления районного или более локального поселенческого уровня: например, национальный район Северного склона штата Аляски. В унитарной модели основная нагрузка в обеспечении прав коренных жителей приходится на верховные законодательные органы, например, саамский парламент и государственную поддержку конкретных видов традиционной деятельности.

Изолированная экономика национальных сел, как правило, имеет малый размер, что обостряет ее зависимость от социальных мутаций. Демографические катастрофы (вымирания) в прошлом вызывали неоднократные нарушения преемственности и были фактором появления новых неформальных институтов в сельской экономике. В малых селах не бывает среднего типа развития, но только полюса бурного, динамичного роста, с очень быстрыми социальными и экономическими изменениями, либо стагнация и депрессия.

Арктические рынки, в отличие от других, имеют многочисленные барьеры входа по причине небольшого размера, склонности к локальному монополизму или монопсониям, высокой доле транспортной и энергетической составляющей в общих издержках производства, изолированности и автономности функционирования. Низкая плотность населения и дисперсность расселения являются тормозом для формирования районных и региональных интегрированных рынков.

В некоторых случаях преодолеть эти естественные барьеры удается в результате создания новых институтов страхования частных финансовых и материальных активов. Например, возможность формирования интегрированного рынка вдоль трассы Северного морского пути сегодня связана с выработкой международных стандартов страхования грузовых и пассажирских перевозок, гармонизацией российских и европейских институтов в этой области.

4. *Экономические отношения арктических регионов с центром (метрополией) и внешним миром.* Особенность периферийной арктической экономики состоит в том, что она не самодостаточна, но постоянно существует за счет «прививки» (индукции) внешних технологий, человеческих и финансовых ресурсов и институтов. Технологические решения играют революционную роль в модернизации арктической экономики.

В результате процессов экономической и политической децентрализации в федеративных странах, политической в унитарных странах арктические экономики приобрели в последние десятилетия более открытый характер как внутри страны-метрополии, так и по отношению к другим странам.

Мобильность, кочевание всегда были фактором структурной организации арктических природных и социальных систем в Арктике. В последние десятилетия в результате активного использования не только традиционного морского, но и воздушного транспорта роль человеческих миграций в арктической экономике многократно возросла. Приток квалифицированных кадров из центров-метрополий, южных регионов и стран придал новую динамику и повысил качество человеческих ресурсов полярных регионов. С другой стороны, в российской Арктике в последние полтора десятилетия наблюдался интенсивный отток населения на юг, который отчасти является следствием возникшей в советские годы перенаселенности этих территорий под влиянием государственной политики щедрых северных трансфертов.

Ресурсы внешних рынков капитала сегодня снова, как в период бума арктического ресурсного развития под влиянием мирового энергетического кризиса 1970-х годов, нацелены на наиболее привлекательные природные активы Арктики — в российской и скандинавской шельфовой зонах, в Гренландии, на севере Аляски и в дельте реки Макензи на севере Канады.

Секторная структура арктической экономики и ее динамика в значительной степени определяются связями с внешним миром и традициями отношений с главным доверителем в лице федерального центра или страны-метрополии. Первоначально в ней существует лишь традиционный сектор коренных жителей. Потом возникает рыночный сектор на узкой специализации на добыче одного–двух востребованных внешним миром ресурсов. Лишь потом в ходе диверсификации и замещения ввоза экономика обретает бóльшую устойчивость и независимость за счет развития сектора услуг; медленно добавляются новые базовые производства, ориентированные на вывоз; получает развитие многоструктурный государственный сектор.

Каждый сектор арктической экономики выполняет свою миссию в интегральной задаче обеспечения коллективной и индивидуальной безопасности в экстремальных условиях Арктики. Федеральный (центральный) бюджетный сектор вовлечен в производство нового знания об Арктике и ее ресурсах. Здесь размещаются федеральные (центральные) инфраструктурные, мониторинговые, исследовательские объекты оборонного и гражданского значения. Региональный бюджетный сектор выполняет миссию гуманизации арктического развития за счет реализации многочисленных программ социальной защиты, формирования рабочих мест и генерирования потока дохода в самых отдаленных арктических селах. Для унитарных полярных стран государственный сектор одновременно выполняет обе функции.

Рыночный сектор в рентной экономике генерирует основной доход, в трансфертной его развитие имеет более скромный характер и наталкивается на традиционные барьеры арктических территорий — малые рынки, высокие транспортные затраты, недостаток предпринимательской энергии и инвестиций.

В других экономиках диверсификация происходит за счет роста обрабатывающего и перерабатывающего секторов. Здесь же ее возможности связываются в основном с развитием сектора услуг, в котором в последние десятилетия активно развивается малый бизнес, формирующий во многих арктических регионах уже от половины до трех четвертей новых рабочих мест.

Крепнущие связи с внешним миром очень важны для молодой арктической экономики, лишены былого колониального оттенка и несут значительные возможности динамизма, новых рынков, но одновременно и угрозы нарастания нестабильности. Гарантиями безопасности здесь могут выступать инновационный поиск новых экономических партнеров, дополняющих, а не конкурирующих с хозяйствующими субъектами арктических экономик; диверсификация внешних рынков активности арктических игроков; совершенствование одряхлевших национальных экономических и политических институтов в отношении полярных территорий.

5. *Отношения субъектов экономики по поводу территории и акватории.* Ключевые вопросы экономического развития в Арктике всегда связаны с правами собственности на колоссальные пространства территории и акватории. Как правило, широко обсуждаются конфликтные вопросы распределения земель/акваторий среди различных арктических коалиций — структур коренного населения, ресурсных корпораций, государственных природоохранных служб: кто собственник активов, насколько значительны правомочия собственности и контроля местных субъектов экономики, кому и как эти права могут быть делегированы? Эти споры и конфликты последних десятилетий в Арктике являются следствием постановки и решения здесь общепланетарной проблемы использования общественных ресурсов (tragedy of commons), которая в силу более позднего начала масштабного хозяйственного освоения возникла здесь позже, чем в других регионах.

В результате длительного и еще продолжающегося урегулирования земельных вопросов возникают контуры арктической структуры землепользования: федеральные земли — функции национальной безопасности и природоохранной консервации; региональные — экономического развития и налогооблагаемой базы; частные (очень ограниченные) — ускоренного экономического развития; общинные — традиционного жизнеобеспечения.

Однако урегулирование вопросов внутри гражданского сектора арктической экономики становится возможно лишь после уже состоявшегося разграничения использования земель/акваторий между военным и гражданским секторами. В XX веке оно было очень подвижными, при общей тенденции постепенного уменьшения доли земель и акваторий, отводимых для военной деятельности — на размещение военных баз, оборонной инфраструктуры разного вида и др.

Геополитическая ситуация всегда оказывала значительное прямое и косвенное влияние на развитие арктической экономики. Нарастание военной напряженности в период холодной войны приводило к наращиванию доли территорий Арктики, зарезервированных за военными, и генерированию новых рабочих мест и дохода в военном секторе местной экономики. Военные приготовления могут рассматриваться как форма специфичного национального или международного финансового трансферта регионам Арктики для выполнения ими функций безопасности для страны или сообщества стран.

Однако взаимосвязь военных и гражданских видов деятельности в арктической экономике имеет глубинный, генетический характер. Десятилетнее сосуществование арктической и военной проблематики не случайно, не есть результат простого желания использовать свободные арктические пространства в оборонных целях, но объективно отражает многообразное и глубинное переплетение двух видов деятельности, близкую природу, механизмы обеспечения военной (национальной) и гражданской (коллективной и индивидуальной) безопасности в экстремальных условиях Арктики.

Вся современная система гражданского жизнеобеспечения возникла здесь из военной. Во многих регионах Арктики первоначально оба сектора были слиты воедино. Очень многие гражданские институты в Арктике, например, вахтовый метод освоения месторождений, импортированы из военно-морской деятельности. Это неудивительно: есть единая проблема безопасности жизни в этих экстремальных условиях, разрешаемая в военных и гражданских координатах.

Уменьшение рисков и увеличение защищенности существования арктических общностей людей непосредственно связаны с оптимальным согласованием военных и гражданских видов деятельности в пространстве (по ареалам), во времени (по сезонам), по функциям и по активам. Эта задача специфично решается в каждой модели освоения Арктики и в каждый период времени.

6. *Экономические отношения по поводу обмена информацией между основными региональными игроками.* В силу вероятностной природы арктической экономики в ней очень сильно давление фактора неопределенности. Он постоянно проявляется в мышлении и экономическом поведении основных субъектов экономики. Природа современного рынка с логикой just in time, ориентированного на безусловную регулярность и точность поставок, и природа арктической экономики, зависящая от огромного количества сложно взаимодействующих неустойчивых внешних природных и социальных факторов, разная. Обеспечить в этих условиях абсолютную точность обозначенных сроков бывает исключительно трудно и чаще участники контрактных соглашений формируют рамки договоренностей в формате «может быть».

Поэтому информация, новое знание играют специфичную роль в функционировании арктической экономики — как один из эффективных способов преодоления ее природной неопределенности. В южных регионах роль знания — обеспечивать конкурентоспособность территории, здесь же в очень трудном генерировании нового знания заключена гарантия самого́ дальнейшего устойчивого существования территории. Специфическое знание об арктической природной системе является сверхограниченным ресурсом. Государство во всех полярных регионах предпринимает усилия понижать высокую неопределенность арктической экономики в результате формирования ясных норм и правил поведения для ее участников. В арктических условиях это одновременно работает и на повышение безопасности человеческой жизни.

В южных регионах носителем явного и неявного знания выступает, как правило, один и тот же народ. В Арктике главным носителем неявного знания о территории являются коренные народы, носителем формального знания — переселенцы. Межэтнические контакты поэтому жизненно важны для безопасности мигрантов, которые не обладают традиционным экологическим знанием. Требуются специальные усилия всей арктической общности людей, чтобы неявное знание не было потеряно.

Степень развитости военного сектора арктической экономики определяет жесткость ограничений в циркуляции знания и долю секретной информации в общих ее потоках.

В последнее десятилетие сектор знания в арктической экономике постоянно рос, что проявлялось в увеличении доли занятых в геологии, разведке недр, гидрометеорологической службе (как правило, выше, чем в южных регионах-аналогах) и экономической роли расходов на научные исследования в локальной экономике некоторых арктических поселений. В некоторых полярных странах возникла даже сравнительно новая проблема плохого взаимодействия между собой многочисленных ведомств, которые аккумулируют информацию о природной среде Арктики.

Арктическая экономика в значительно большей степени, чем любая другая, ориентирована на экспериментирование, отчасти по причине интенсив-

ных миграций, общей мобильности основных активов — материальных, человеческих, части природных. Эту природную особенность усиливают инновационные технологии, которые развертываются здесь в целях понижения затрат. Очень многие технологические инновации применялись в Арктике впервые или сразу после апробования в космосе или в военной деятельности. Новые технологии связи оказывают революционное воздействие на экономику. И это есть объективная особенность высокой востребованности нового знания в арктической экономике, в которой оно позволяет сразу резко снизить производственные и социальные издержки, увеличить безопасность жизни.

Жизнь в Арктике изначально недостаточно защищена и потому так настоятельна здесь потребность в выработке дополнительных механизмов безопасности, в институтах индивидуального и коллективного страхования. Интегральный критерий уровня развитости арктической экономики — защищенность человеческой жизни; в других регионах — качество человеческого потенциала.

От концепции природной безопасности, охраны окружающей природной среды Арктики необходимо переходить к более широкой концепции социальной безопасности, безопасности человеческой жизни в этой среде, которая обеспечивается прежде всего устойчивым функционированием арктической экономики.

Механизмы достижения безопасности национального, коллективного, индивидуального уровня, естественно, разные. Для межгосударственного и национального уровня — это военные средства, военный сектор. Но бесплатной национальной безопасности не бывает. Обеспечение ее в Арктике несет риски для индивидуальной безопасности жителей арктических территорий.

Коллективная безопасность локальной общности людей обеспечивается борьбой за устойчивость по объективным естественным причинам абсолютно неустойчивой арктической экономики. Цель состоит в формировании структуры, которая будет способна к генерированию дополнительного роста, к изменениям, позволяющим гибко переключаться с одного вида деятельности на другую, с одной ресурсной базы на другую, осуществлять выгодные взаимозамены вещественных и финансовых потоков. Предполагается, что природа новой экономики знания максимально отвечает этой цели развития арктических систем.

Основные инструменты достижения этой цели в рентных экономиках — диверсификация фундамента экономического развития и эффективная региональная бюджетная политика. Долгосрочный характер бюджетной политики, системная увязка политики сбережений, инвестиций и расходов, хеджирование и сбережение части доходов в резервных фондах важны здесь для преодоления встроенных предпосылок к цикличной нестабильности, резких амплитуд ресурсных доходов.

В трансфертных экономиках цель большей устойчивости развития и безопасности человеческой жизни достигается за счет нарастающего во многих регионах участия государства в арктической экономике как формы ее страхования особого вида. По причине объективных ограничений для развития рыночного сектора рыночная координация не может здесь обеспечить необходимый уровень безопасности личности и местных сообществ.

18.2. Важнейшие тренды последнего времени в развитии арктической экономики

Арктическая экономика вписана в мировую, и поэтому общие, магистральные, тенденции ее развития подчиняются общепланетарным закономерностям глобализации, усиливающейся роли информационных факторов и научного знания в существовании человеческого общества. Одновременно возрастает значение местных, локальных и региональных условий, национального самосознания, для укрепления конкурентоспособности глобальных компаний, регионов и стран.

Конкретные проявления общемировых тенденций последних десятилетий в арктической экономике были весьма специфичны. В результате укрепления государственного и рыночного секторов во многих регионах циркумполярных стран при одновременном сохранении традиционного сектора коренных народов экономика приобрела новый смешанный характер. Одновременно изменилась сама ее природа: если раньше экономические изменения формировались под воздействием одного–двух основных акторов, то теперь все в большей степени они становятся результатом достигнутого консенсуса при сетевом взаимодействии структур центральной и региональной власти, бизнес-сообщества, институтов гражданского общества.

Интегральным результатом новых тенденций является возрастание экономической ценности и безопасности индивидуальной человеческой жизни, существования территориальных общностей людей — как коренных, так и мигрантов — в экстремальных условиях Арктики. Но при этом возникают значительные внутренние циркумполярные контрасты, в периоды локальных, региональных и национальных кризисов происходит временное отступление от обозначенного тренда.

Сама безопасность человеческой жизни понимается все более широко и многогранно по сравнению с прошлым. Традиционная арктическая экономика морских охотников и оленеводов зависела исключительно от одного–двух источников продовольствия и тепла. Жизнь людей подвергалась постоянным рискам голода и вымирания.

Появление новых денежных источников доходов в национальных селах в результате создания рабочих мест за счет государственных трансфертов и

рентного дохода ресурсных компаний увеличило экономическую устойчивость здесь, отодвинуло постоянные угрозы ежедневному существованию человека. За этим последовали усилия по физической диверсификации арктической экономики, прежде всего в секторе рыночных услуг силами малого предпринимательства.

Бурное развитие туризма в полярных регионах Европы, в штате Аляска, Северо-Западных территориях Канады, Мурманской области России превращает его в мощный генератор новых рабочих мест и дохода для многих национальных сел и городских поселений. Все большее распространение получают инновационные мобильные услуги, связанные с компьютерной переработкой информации, дистанционными способами ее распространения в образовании, медицине, журналистике.

Одновременно с мерами по физической диверсификации, которая имеет в Арктике объективные барьеры по причине природной экстремальности, предпринимаются усилия по диверсификации финансовых активов арктической экономики на региональном и локальном уровнях. Известна политика штата Аляска по резервированию четверти своих ресурсных доходов в Постоянном траст-фонде. В национальных селах арктических территорий Канады с 1980-х годов по соглашениям коренных народов с ресурсными компаниями и государством создаются локальные финансовые фонды для кредитования охотников, выплаты стипендий талантливой молодежи, поступающей в университеты, поддержки ветеранов.

Более развитая арктическая экономика готова все бóльшую часть своих текущих доходов резервировать для будущих поколений. Понятно, что это возможно только после достижения определенной высоты уровня жизни, когда уже отступает бремя изнурительной ежедневной борьбы за существование, при наличии стабильного по времени и значительного по объемам притока денежных средств в саму экономику, бюджеты домохозяйств, частных компаний и государственных учреждений.

Часть старых материальных активов арктической экономики трансформируется в направлении от производственной утилитарности индустриального времени к социальной и экономической комфортности. Все более сложная и щедрая финансовая система национальных и региональных трансфертов призвана обеспечить устойчивость экономики и безопасность человеческой жизни.

Конкретным проявлением этой закономерности является увеличение доли отчислений на «защитные» системы страхования, системы резервирования всех видов в наиболее развитых арктических экономиках мира. Наиболее эффективно обеспечивают безопасность человеческой жизни свои, созданные в арктических регионах и странах, институты ресурсного, бюджетного, продовольственного, энергетического, транспортного, медицинского, пенсионного, по безработице, морского, страхования, а не импортированные сюда аналоги «южных» регионов и стран.

Объективным критерием уровня безопасности является динамика средней продолжительности жизни, а субъективным — восприятие будущего. Когда человек, общность людей чувствуют себя максимально безопасно, субъективный коэффициент дисконтирования будущего понижается почти до единицы, т. е. оно все в большей степени приравнивается к настоящему. Высокий уровень безопасности отдельного человека и местных сообществ обычно соответствует и значительной устойчивости функционирования арктической экономики.

Повышение уровня безопасности человеческой жизни происходит неравномерно ввиду цикличной природы арктической экономики. В повышательной фазе цикла достижения в области социальной защищенности и экономической устойчивости наиболее ощутимы, наоборот, на стадии спада обеспечивать новые социальные и экономические гарантии для арктических популяций людей становится все труднее.

На неравномерности функционирования арктической экономики оказывают воздействие пять основных циклов — природный, ресурсный, этнический, центр — периферия и геополитический. Каждый из циклов связан со своим ключевым активом: первый с арктическими ландшафтами, второй — с природными активами, третий — с человеческими ресурсами, четвертый — с экономико-географическим положением арктических территорий как нематериальным активом, пятый — с морскими и сухопутными пространствами Арктики.

Каждый из циклов связан с ключевым для полярной экономики «контрактом» — отношения многочисленных агентов арктической экономики по поводу экстремальной природной среды, самых рентабельных природных ресурсов, аборигенных прав, с всегда отдаленным внешним миром, обширными арктическими пространствами территории и акватории. Все эти специфические отношения, помимо многих других, выполняют и защитную функцию гарантирования безопасности человеческой жизни в экстремальных условиях Арктики.

Совместное действие циклов способно как усилить, так и ослабить поступательное развитие арктической экономики. Например, позитивная ресурсная и негативная геополитическая конъюнктура усиливают рост гражданского и военного секторов арктического экономики; наоборот, негативная ресурсная и позитивная геополитическая мировая обстановка уменьшают внутренний экономический потенциал арктической экономики, прежде всего способность генерировать новые рабочие места и поток дохода. Полюсам циклов обычно соответствуют радикальные изменения конфигураций прав собственности на основные активы и другие важнейшие арктические экономические институты.

1. *Природный цикл* вызван высокой сезонностью основных видов деятельности в арктической экономике. Несмотря на значительную диверсификацию

структуры и увеличение самого размера современной экономики по сравнению с традиционным хозяйством коренных народов, зависимость производственных режимов и ритмов работы в Арктике от времени года сохраняется.

В зимний период человеческая активность в Арктике значительно сокращается, временно не используются многие материальные активы. Уровень безработицы в этот сезон обычно максимальный. С другой стороны, в летний период получают интенсивное развитие многие сезонные виды деятельности — туризм, строительные работы в отдаленных национальных селах, навигация на крупных реках, по трассам Северного морского пути и Северо-Западного прохода, в период которой осуществляется резервирование для зимнего периода страховых запасов энергоносителей и продовольствия в отдаленных арктических поселениях.

Нарушения этих объективных законов организации арктических природных и социальных систем, которые нередко имели место, например, в советском прошлом при продлении навигации в восточном секторе Северного морского пути в зимний период, приводили к человеческим жертвам и производственным катастрофам.

В СССР в период индустриального освоения Арктики были накоплены значительные достижения в борьбе с сезонностью. С одной стороны, они обеспечили развертывание хозяйства в самых дискомфортных по природным условиям территориях, беспрецедентное по срокам и темпам в мировой практике. С другой стороны, они осуществлялись ценой значительных производственных издержек, постоянных рисков и угроз для жизни людей. После смены модели освоения российской Арктики с административно-командной на социально-рыночную, от многих прошлых достижений в области всепогодной и всесезонной деятельности пришлось отказаться.

Цель арктической экономики состоит не в отрицании объективных сильных сезонных ритмов, тем более ощутимо проявляющихся, чем меньше сам ее размер, но в гибком «приноравливании» к ним, чтобы усилить выгоды резких сезонных переходов и минимизировать их издержки. Одно из решений, апробированных многими полярными странами, состоит в комплексировании в одной структуре, одном регионе наборов видов деятельности, разных по сезонам пиковой интенсивности работ.

Критерий зрелости арктической экономики состоит в умении всемерно сглаживать издержки сезонных пиков и спадов занятости, потока дохода, обеспечивать внутригодовую стабильность режима функционирования. Он необходим и для безопасного существования популяций людей.

2. Ресурсный цикл, с одной стороны, задан конъюнктурой мировых рынков, с другой, естественным истощением многих наиболее рентабельных природных ресурсов Арктики — после восходящей стадии добычи неизбежно следует спад. Развитие экономики в координатах ресурсного цикла может быть представлено как движение во времени от доминирования бюджетного секто-

ра, существующего за счет внешних трансфертов, к рентному сектору, формируемому за счет ресурсных доходов, затем снова к трансфертному. Экономические отношения, возникающие при развертывании ресурсного цикла, определяются схемами контроля (прав собственности) вещественных и финансовых потоков, которые генерирует природный ресурс.

Арктическая экономика функционирует в контексте глобальной экономической динамики, определяемой эволюцией технологических укладов[208]. Доминирующий мировой технологический уклад предъявляет спрос на определенные ресурсы (прежде всего энергоносители) Арктики. В результате происходит возвышение тех арктических территорий, в которых есть ресурсы, необходимые последнему технологическому укладу. Именно в них приходят мировые инвесторы. Высокие издержки добычи компенсируются значительной концентрацией и политической стабильностью этих регионов. Так действует экзогенный механизм развития арктической экономики по рентному типу.

Именно в период энергетического кризиса начала 1970-х годов началась реализация основных крупных арктических нефтегазовых проектов — отработка месторождений Самотлор в Западной Сибири (СССР), Прадхо-Бей в штате Аляска (США), Фортис в Северном море (сектор Великобритании). В последующие два десятилетия конъюнктура мировых рынков нефти и газа была менее разогретой. Поэтому в этот период не была начата реализация ни одного крупного проекта в Арктике.

В начале XXI века многие прежние месторождения-гиганты уже вступили в стадию падающей добычи. А политическая ситуация в основных нефтедобывающих странах Ближнего Востока и Латинской Америки характеризуется нарастающей нестабильностью. Новые открываемые месторождения, например, на шельфе Арктики, становятся все меньше по объему и сложнее по структуре запасов[209].

Поэтому усиливается давление нефтегазовых компаний, структур региональной и некоторых представителей центральной власти, чтобы открыть для развития ранее зарезервированные в природоохранных целях территории арктической суши (например, ANWR на восточных флангах месторождения Прадхо-Бей штата Аляска). Как можно видеть на примере проекта нефтегазового освоения бассейна реки Макензи в Канаде, изменяется и отношение общественности к таким проектам — от сугубо негативного еще 20 лет назад до в целом позитивного сегодня; приоритет отдается теперь не узко, абстрактно понятым интересам охраны окружающей природной среды, но интересам

---

[208] *Пилясов А. Н., Ядрышников Г. Н.* Наука как фактор социально-экономического развития российского Севера. Магадан: СВКНИИ. 1997.

[209] *Крюков В. А.* Институциональная структура нефтегазового сектора. Новосибирск: ИЭиОПП. 1998.

арктических сообществ, благосостояние которых, как показывает опыт последних десятилетий, как правило, возрастает при сбалансированном по экономическим, социальным и экологическим целям освоении арктических нефтегазовых ресурсов.

Ресурсный цикл создает значительные риски для арктической экономики. В стадии пионерного освоения — это высокая неопределенность будущих доходов. В стадии пиковой инвестиционной активности и затем пика добычи — это риски перегретой экономики с присущими ей сверхинтенсивными миграционными потоками, эскалацией бюджетных расходов, высокой инфляцией. Чем меньше размер экономики, тем выше издержки ресурсного бума. Наконец, в стадии спада — это риски безопасного «приземления» бюджетных расходов, адаптация разросшихся потребностей многочисленных государственных служб к новому, значительно более скромному, уровню бюджетных доходов.

Пространственная неравномерность размещения ресурсов Арктики, наиболее востребованных мировыми рынками, выступает для арктической экономики причиной сильных межрегиональных и внутрирегиональных контрастов уровней жизни; причиной существования двух абсолютно различных ее моделей — рентной и трансфертной[210]. В рентной модели выше уровень жизни, динамичнее развитие, слабее роль федерального (центрального) бюджетного сектора и мощнее — рыночного. Трансфертная экономика существует в основном за счет бюджетных ресурсов власти вышестоящего уровня иерархии.

Основные институты рентной модели — права собственности на природные ресурсы, регламент ресурсного менеджмента и распределения экономической ренты. Механизмы устойчивости связаны с резервированием части региональных сверхдоходов в специальных фондах развития и диверсификацией их инвестиционной политики. За годы отработки нефтегазового месторождения обычно возникает значительный рентный сектор, который через региональные трансферты питает структуры местных и региональных правительств и в результате общего роста реальных доходов формирует условия для развития диверсифицированного сектора услуг. Наиболее яркое воплощение рентная модель получила в штате Аляска.

Цель рентной модели состоит в смягчении самых жестких последствий ресурсной цикличности, уменьшении наиболее острых контрастов между рентными и трансфертными территориями. Государства и арктические регионы решают задачи социальной устойчивости и защищенности в той мере, как это позволяет их экономический потенциал, адаптируя формы собственности и распределительные механизмы к стадии отработки природного актива.

---

[210] Северная экономика и радикальная реформа (американский опыт и российские реалии) // Отв. ред. А. Н. Пилясов. Магадан: СВКНИИ. 1996.

Например, в американской модели это связано с сильными органами власти, подотчетными населению, сильными конституционно определенными формальными институтами регионов добычи, при праве на значительную часть экономической ренты у самого́ региона — собственника ресурса. В канадской модели создаются кооперативные структуры из представителей федерального и провинциального (территориального) уровней власти для урегулирования вопросов распределения экономической ренты среди всех основных участников (ко-менеджмент[211], или со-управление). В европейском варианте арктической экономики центральная власть принимает основные решения по вопросам распределения ренты, но при этом очень тщательно учитывает социальные потребности территории добычи. Наконец, в российском случае решение связано с передачей ранее государственных прав пользования месторождением крупной ресурсной компании при сохранении за государством права собственности на землю и недра. Контроль за распределением экономической ренты осуществляет федеральный центр, используя для этого систему федеральных налогов.

Общей чертой всех этих решений является то, что по мере роста бюджетного потенциала правительств национального и регионального уровней все бóльшую роль в поддержании устойчивости арктической экономики и безопасности местных сообществ начинают играть государственные трансферты — внутри- и межбюджетные перераспределения, которые в результате процессов децентрализации приобретают все более локализованный характер (ранее по арктическим районам, теперь по арктическим селам и поселкам).

3. *Этнический цикл* задается отношениями государства в лице региональной власти и центральной (федеральной) власти с коренными народами Арктики. Одним его полюсом выступает ассимиляция и государственный патернализм, другим — партнерство государства и коренных народов, развитие традиционных форм национального самоуправления.

Этнический цикл создает различные риски для экономики. На стадии ассимиляции возникает угроза полной маргинализации коренных народов, полной утраты национальной идентичности и образования локальных зон социальной депрессии. На стадии партнерства нарастающие требования коренных народов по консервации земель традиционного проживания приводят к значительному росту трансакционных издержек и угрозам реализации выгодного ресурсного проекта.

Прямое экономическое значение связанного с данным циклом традиционного сектора как источника занятости и дохода в арктической экономике повсеместно снижается. Однако сохраняется его роль как основы националь-

---

[211] *Osherenko G.* Sharing Power with Native Users: Co-management Regimes for Arctic Wildlife. CARC Policy Paper № 5. Ottawa. 1988.

ного самоуважения, критичного для общей жизнеспособности национального домохозяйства, и как источника продовольственного самообеспечения.

Цель оптимальных отношений государства и коренных народов состоит в обеспечении выполнения двойственной задачи: с одной стороны, сохранить культурную самобытность и традиционный уклад аборигенов Севера и Арктики, их традиционные институты; с другой, гарантировать их вхождение в доминирующую культуру, новую экономику знания, адаптацию к новым институтам, чтобы они не превратились в изгоев.

Каждая страна ищет решения здесь в соответствии со своими историческими традициями и экономическими возможностями. Но общий вектор последних десятилетий состоит в легализации ранее неформальных норм и правил традиционного жизнеобеспечения коренных народов, прав на землю традиционного проживания, на организацию хозяйственных предприятий, объединяющих национальные общины и этнические группы.

4. Цикл «центр — периферия» формируется отношениями арктической экономики с центром-метрополией и внешним миром в целом. Один его полюс — полная экономическая и политическая зависимость от метрополии и закрытость к внешнему миру. Другой полюс — полный местный экономический и политический контроль ключевых решений и открытость на внешний мир.

Цикл «центр — периферия» выступает генератором структурных сдвигов в арктической экономике, которые осуществляются в результате замещения ввоза товаров и услуг местным производством в самих арктических территориях и наращивания объемов экспортоориентированных производств[212]. В последние два десятилетия количественное расширение и качественная диверсификация сектора услуг были факторами крупных структурных сдвигов внутри арктической экономики. Например, в штате Аляска малый бизнес в секторе услуг формирует сейчас уже более 75 % новых рабочих мест.

Замещение ввоза особенно по мобильным услугам происходит в Арктике намного быстрее, чем по товарным группам. Неудивительно, что развитие мало капиталоемких, интеллектуальных услуг в европейской, американской, канадской модели арктической экономики шло в последние десятилетия очень бурно. В результате уменьшались утечки денежных средств и наращивался собственный финансовый потенциал арктической экономики.

Но развитие сектора услуг происходило не только за счет замещения ввоза, при опоре на платежеспособный спрос домашнего рынка. Другой стороной этого же процесса было использование потенциала внешнего рынка для получения эффекта экономии на размере и снижения удельных издержек. Результатом стало возникновение новых видов услуг, сориентированных на экспорт, прежде всего туризма. Во многих арктических экономиках туризм сегодня объективно близок к тому, чтобы стать базовым сектором экономики, т. е. фор-

[212] *Goldsmith Scott.* Structural Analysis of the Alaska Economy // ISER. 1994.

мировать уже основную часть локального потока дохода и значительную часть новых рабочих мест.

Радикально изменяется природа и других базовых для экономики видов деятельности. В условиях колониальной закрытости крупные государственные или частные ресурсные компании осуществляли хищническую эксплуатацию невозобновимых ресурсов Арктики во многих ее территориях. В последние десятилетия под влиянием процессов экономической и политической децентрализации, экономической открытости возникают значительно более строгие, чем ранее, государственные рамки экономического поведения крупных арктических компаний. В этих условиях они вынуждены брать на себя или передавать финансовые ресурсы региональной власти для осуществления мер социальной защиты населения и обеспечения устойчивости экономики.

Открытость арктической экономики на внешний мир несет значительные риски неустойчивости, ее уязвимости к конъюнктуре мировых рынков ресурсов, капитала, квалифицированного труда. Повышение устойчивости экономических отношений Арктики с внешним миром, а значит и большей безопасности ее населения, достигается за счет постепенного усложнения структуры экономики и приобретения местного контроля над все новыми сферами компетенции, в том числе частичными правами собственности на землю и недра, формирования своих органов власти, своего регламента экономического поведения для основных арктических игроков.

5. *Геополитический цикл* формируют экономические отношения военных и гражданских структур по поводу арктической территории и акватории. Его полюсами являются, с одной стороны, предельная милитаризация, когда значительная часть арктических пространств суши и моря находится под контролем военных, с другой стороны, предельная пацификация, когда пространства Арктики в основном управляются гражданскими структурами.

Рост доли военного сектора в арктической экономике в занятости и общем доходе всегда одновременно означает и утрату местного контроля, увеличение влияния центральной власти или международных военных организаций. С другой стороны, рост экономического влияния гражданского сектора означает и формирование предпосылок к децентрализации политического и экономического контроля над арктическими пространствами.

Органическая связь военного и гражданского секторов — это характерная черта арктической экономики. Нередко первоначально в малообжитых пространствах Арктики возникают военно-морские базы, воинские части, при минимальной невоенной деятельности. Постепенно на основе созданной военными инфраструктуры появляются все новые виды бюджетной и ресурсной деятельности.

Между двумя секторами налаживается тесное взаимодействие, взаимопроникновение через потоки человеческих ресурсов, товаров, «переливы»

знания. Зарезервированные военными территории впоследствии нередко становились природоохранными. Для очень многих изолированных, труднодоступных арктических территорий военные базы и части долгие годы, до периода экономической открытости, были единственным источником информации о внешнем мире. Эффективное использование активов двойного применения, обеспечение сочетания военных и гражданских видов деятельности и взаимозамен между ними всегда повышает общую устойчивость арктической экономики.

Арктическая экономика функционирует в контексте мировой политической ситуации. Завершение военного противостояния супердержав в 1980-е годы очень быстро привело во многих регионах Арктики к росту сравнительного значения гражданского сектора экономики, эффекту внезапной открытости на внешний мир, тем более сильному, чем меньше размеры самой экономики. (Для самых малых европейских арктических стран можно назвать это позитивным шоком).

Издержками этого процесса стала нарастающая неустойчивость экономики арктических регионов: военный сектор не зависим от мировых ресурсных рынков и в определенные периоды времени выступал стабилизатором региональной экономики. Например, сегодня одно из решений проблемы устойчивости экономики Аляски в условиях исчерпания крупнейшего в западном полушарии месторождения Прадхо-Бей видится в наращивании федерального военного присутствия, а значит, и потока бюджетных доходов и расходов.

Ослабление значения военного сектора означает уменьшение роли факторов национальной безопасности в Арктике и одновременно — возрастание роли факторов индивидуальной и коллективной безопасности, гражданских институтов страхования всех видов. Это было характерной тенденцией для многих арктических регионов и стран в последнее десятилетие.

В полярных территориях мира происходит характерное для всего постиндустриального общества усиление роли нематериальных, *информационных*, факторов развития. В экономиках многих арктических регионов (в местах развертывания нефтегазовых и других ресурсных циклов) в последние десятилетия возник и динамично развивается *сектор знания*, состоящий из государственной и корпоративной науки, федеральных ресурсных служб, регионального образования.

Для полярных стран и регионов, относительно недавно получивших политическую и экономическую независимость, свой собственный научно-образовательный комплекс становится фактором территориального сплочения. Для ряда малых изолированных национальных сел щедрые гранты международных научных экспедиций становятся существенным, если не единственным, источником экономического развития.

После завершения военного противостояния сверхдержав и увеличения открытости арктических экономик мира возникли новые горизонтальные пе-

реливы знания между приграничными территориями США и России, России и Норвегии, России и Финляндии (между коренными народами, структурами гражданского общества, ресурсными компаниями, местными властями). Они позитивно влияют на повышение устойчивости местных экономик, коллективной и индивидуальной безопасности людей.

Открытость на внешний мир способствовала развитию инновационного процесса в университетских центрах небольших европейских арктических стран. После десятилетий развития, ориентированного в основном на военный сектор, здесь за исторически очень короткий период возникли индустрии нового знания, биотехнологические, фармацевтические, рыбоперерабатывающие кластеры, объединяющие силы местной науки, образования, власти и бизнеса.

Для многих самых удаленных арктических сел и поселений постепенно становятся доступными Интернет-технологии, телемедицина, дистанционное образование. Глобальные информационные потоки в Арктике преодолевают действие факторов географической периферийности полярных регионов и сел. На фоне общего роста информационной насыщенности этих территорий возникает новый феномен инновационного разрыва (digital divide), который увеличивает контрасты развития между разными арктическими экономиками мира.

Первоначально исключительно ресурсно обусловленный тип развития арктической экономики в последние десятилетия приобретает более сложный, инновационный, диверсифицированный характер. Это увеличивает экономическую устойчивость полярных регионов и социальную безопасность местных сообществ.

18.3. Четыре модели арктической экономики

Человечество активно осваивает арктические пространства уже более 70 лет. За этот период сложились четыре значительно отличающиеся друг от друга модели арктической экономики — американская, канадская, российская и европейская (табл. 32). Первые три рождены в федеративных государствах и потому предполагают совместное вовлечение федерального и регионального уровней власти во многие ключевые экономические вопросы. Последняя, европейская, модель реализуется в унитарных государствах — на арктических территориях Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании (Гренландия), в Исландии, на нескольких крупных арктических островах (Фарерских, Шпицбергене и др.). Ответственность за развитие арктических регионов лежит здесь на центральной власти.

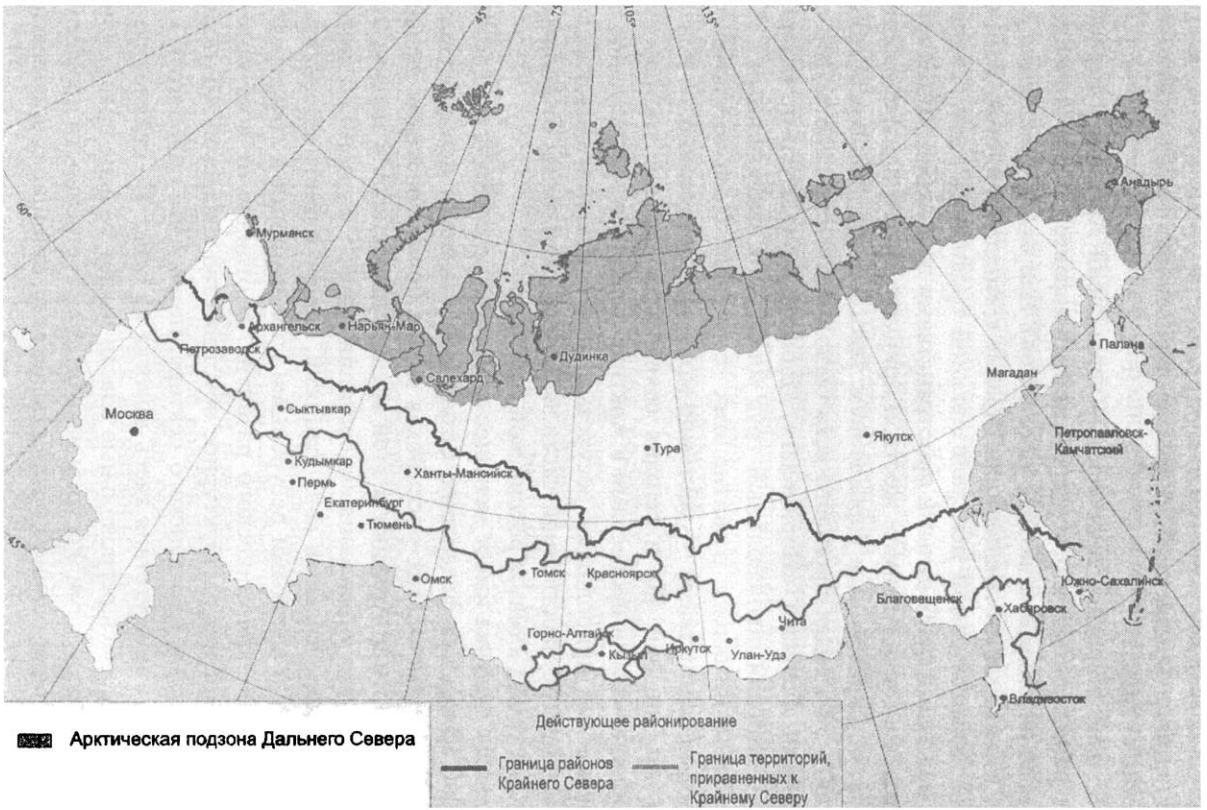
Арктическая экономика федеративных государств имеет наибольшие размеры и максимальный пространственный охват. Поэтому различия уровня

экономического развития между арктическими регионами внутри каждой модели достигают значительных величин. С другой стороны, экономическая модель унитарных государство скромнее по основным экономическим показателям, пространственному охвату. Ее внутренние различия преимущественно связаны с национальными особенностями экономического развития полярных атлантических стран.

Чем больше широтное простирание территорий Арктики у страны, тем более централизованный и огосударствленный характер имеет эта федерация (меньше прав на ключевые активы у регионов). Например, *российская* Арктика (рис. 27) имеет максимальное простирание с запада на восток. Российская Федерация является самой централизованной среди всех трех. Сохранение контроля над этими необъятными пространствами весь период активного развития обеспечивалось режимом жесткой принудительной централизации, директивным государственным управлением. Быстрое пионерное освоение этих территорий в 30-х годах прошлого века было обеспечено советскими суперорганизациями «Печлаг», «Норильлаг», «Дальстрой» и другими, которые активно использовали подневольный труд миллионов заключенных ГУЛАГа. В позднесоветский период развитие этих территорий было обеспечено государственными ведомствами — системой мощных управляемых из центра отраслевых объединений. Но и сегодня сохраняется сильное государственное управление ключевыми процессами в Арктике. Например, федеральное управление ключевыми природными ресурсами, почти исключительно федеральное присвоение государственной части экономической ренты от добычи нефтегазовых ресурсов, алмазов российской Арктики.

Канадская Арктика имеет меньшее простирание с запада на восток, чем российская. Канадская федерация, безусловно, является централизованной, но не в такой степени, как российская и тем более советская федерация. Масштабное освоение Арктики в этой модели начиналось в период британского колониального управления суперорганизацией[213] Гудзон-Бей, потом было продолжено королевскими корпорациями, теперь отчасти проводится огосударствленными и частными ресурсными корпорациями и государственными корпорациями экономического развития. В отличие от всех остальных моделей, пионерное инфраструктурное обустройство канадской Арктики было обеспечено усилиями гражданского сектора, потому что сильного и определяющего военного присутствия здесь никогда не было. По сравнению с российской моделью, здесь региональные власти имеют больше прав в контроле над природными ресурсами. Ресурсы находятся в собственности провинций, но управление их использованием осуществляется на принципах кооперативного

[213] Характерные черты суперорганизаций, которые осваивают новые районы, описаны в работе: *Пилясов А. Н.* Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). Магадан: СВКНИИ. 1996.


Мурманск
Архангельск
Нарьян-Мар
Петрозаводск
Салехард
Дудинка
Анадырь
Палана
Магадан
Москва
Сыктывкар
Тура
Якутск
Петропавловск-Камчатский
Кудымкар
Пермь
Ханты-Мансийск
Екатеринбург
Тюмень
Омск
Томск
Красноярск
Южно-Сахалинск
Благовещенск
Хабаровск
Чита
Горно-Алтайск
Кызыл
Иркутск
Улан-Удэ
Владивосток
Действующее районирование
Граница районов Крайнего Севера
Граница территорий, приравненных к Крайнему Северу
Арктическая подзона Дальнего Севера

федерализма совместными усилиями центра и регионов. В Северо-Западной Территории, территории Нунавут права собственности и управления ресурсами принадлежат федеральному центру. (Разностатусность и различия в объемах прав на природные ресурсы провинций и территории — характерная черта канадской федерации).

Американская Арктика (штат Аляска) имеет минимальное широтное простирание среди всех трех федераций. Одновременно американская федерация и самая децентрализованная, наименее огосударствленная по модели созданной здесь арктической экономики. Пионерное освоение Аляски в конце XIX – начале XX веков продолжало традиции фронтирного проникновения на Дикий Запад (хотя в отличие от Дикого Запада здесь не действовал акт о гомстедах), т. е. базировалось на энергии свободного предпринимательства золотоискателей и ковбоев, а не государственном принуждении. Здесь региональные власти имеют максимальные полномочия в правах собственности и управления самыми ценными природными ресурсами. При организации штата Аляска получила федеральный земельный грант размером с Калифорнию, с правом его свободной «нарезки» по всей территории. Самые ценные земли и недра оказались, таким образом, в региональной собственности[214], что обеспечило Аляске право на часть экономической ренты, образуемой при эксплуатации нефтегазового месторождения Прадхо-Бей, находящегося на землях штата. А 25 % этой ренты по Конституции штата Аляска поступает в специально созданный Постоянный траст-фонд. Его инвестиционная политика нацелена на приумножение финансовых активов штата, которые выступают региональной страховкой в условиях неуклонного сокращения объемов нефтедобычи. Невозобновимые ресурсы нефти, таким образом, уже более 25 лет частично трансформируются в возобновимые, самоприрастающие финансовые активы[215].

Централизованный характер федерации отразился на конфигурации территориальной структуры освоения Севера и Арктики. Например, в российском и канадском Севере и Арктике часто это линейно-узловая, иерархическая система южных баз и меридиональных трасс к северным и арктическим ресурсам. С другой стороны, в штате Аляска — это сетевая децентрализованная структура, решетка из нескольких меридиональных и широтных трасс.

При федеративном устройстве защита прав коренных народов проходит через институты соглашений и договоров разного вида и формата, вбирающих в себя вопросы аборигенных прав на земли традиционного проживания, компенсаций за прошлое использование этих территорий, формирование специальных структур национальных корпораций/общин с правами земельной

[214] *Hull Teresa, Leask Linda.* Dividing Alaska, 1867–2000. Changing Land Ownership and Management // Alaska Review of Social and Economic Conditions. November 2000. Vol. 32. № 1.

[215] *Pretes M., Robinson M.* Beyond boom and bust: a strategy for sustainable development in the North // Polar Record. 1989. Vol. 25. № 153. P. 115–120.

собственности, приоритеты традиционного жизнеобеспечения коренных народов. При этом, конечно, сохраняются и внутренние отличия каждой конкретной модели.

Например, в американской версии соглашения были заключены единовременно, по федеральному закону, со всеми коренными народами, проживающими в штате Аляска; национальные корпорации были созданы не по этническому, а по ареальному принципу — весь штат был «разрезан» на 12 частей, в которых были созданы 12 районных корпораций. С другой стороны, в канадской версии заключение соглашений — это не одноактный феномен, но длительный процесс урегулирования претензий и спорных, конфликтных вопросов, индивидуально с каждым этносом. Документ подписывается между федеральной, региональной властью и этносом. Национальное предприятие формируется на основе этнической общности, а не по ареальному принципу. В российском случае пока речь о широкоформатных соглашениях не идет. Родовые общины подписывают с нефтегазовыми компаниями отдельные локальные соглашения по частным вопросам.

Европейская унитарная модель арктической экономики длительное время испытывала определяющее воздействие военной конфронтации сверхдержав в Северной Атлантике. Поэтому она характеризовалась предельной закрытостью, доминирующим влиянием в экономике расходов военно-морских баз и в целом военного сектора. В последнее десятилетие характер развития здесь радикально изменяется: влияние международных военных организаций сменяют центральные власти этих унитарных государств, которые теперь играют определяющую роль в управлении развитием этих территорий. (Любопытно, что в учете социальных выгод регионов при освоении нефтегазовых ресурсов шельфа унитарная модель готова сегодня идти даже дальше федеративной, в которой все эти вопросы находятся целиком и единственно в компетенции федерального центра.)

Интересы коренных народов в унитарной модели обеспечиваются созданием центральных органов законодательной власти аборигенов (саамский парламент Скандинавских стран, уставное правление в Гренландии) и предоставлением значительных государственных субсидий для оленеводства и традиционных промыслов.

У каждой национальной модели арктической экономики есть свой «эдипов комплекс», рожденный из прошлой, часто постыдной истории и господствующих интеллектуальных представлений. Например, в американской модели это боязнь повтора в отношениях с коренным населением Арктики индейской «истории»; боязнь, но вынужденность ввиду экстремальных условий большей части Аляски отступлений от постулатов либеральной экономики (рынок первичен, государство вторично).

В канадской модели это боязнь возвращения в колониальное прошлое (популярны пугающие аналогии Арктики и развивающихся стран); опасение

любых конфликтов, угрожающих целостности федерации. В российской модели — это страх утраты арктических пространств в условиях «враждебного» окружения и боязнь повтора «ГУЛАГовской» истории освоения Севера и Арктики. Наконец, в европейской модели — это опасения сохранить традиции колониальной зависимости от метрополии и боязнь международного изоляционизма.

Ввиду экстремальности природы арктической экономики этот национальный комплекс проявляется в ней максимально отчетливо: многие государственные решения в области арктической политики только и могут быть поняты в его контексте. Преодоление даже некоторых из укоренившихся традиционных взглядов способно очень сильно катализировать развитие арктической экономики.

Реалии последних 15 лет — это нарастание внутренних контрастов в каждой национальной арктической экономике; соотношение темпов развития между национальными моделями приобретают более сложный и противоречивый характер, чем ранее. Под влиянием общероссийского системного кризиса в этот период значительно уменьшилась глобальная роль российской Арктики. Несколько замедлились темпы развития экономики Аляски. С другой стороны, эффект внезапной открытости вызвал активный рост занятости и реальных доходов в Исландии, в арктических регионах Скандинавских стран.

Арктическая периферийность, изолированность, удаленность, малый размер, архаичность и традиционность — это один лик арктической экономики. Другой лик — динамизм, инновационность, креативность, высокодоходность.

Природа арктической экономики в штате *Аляска* — это рентная децентрализованная конкурентная модель предельной степени. Нигде более в циркумполярном регионе не удалось создать экономику такой степени рыночности, как здесь. Главный природный актив региона — месторождение Прадхо-Бей — эксплуатируется двумя нефтегазовыми компаниями (в любой другой модели это, конечно же, была одна компания). Таким образом, в базовом секторе экономики рукотворно властями штата создана и поддерживается конкурентная среда. Огромная интеллектуальная и практическая энергия потрачена на то, чтобы важнейшие региональные рынки труда и недвижимости были максимально конкурентными и динамичными. В значительной степени это достигнуто за счет предельной прозрачности их работы и дорогостоящего информационного обеспечения всех субъектов этих рынков (позволяет им быть исключительно информированными о вакансиях, ставках, требованиях по квалификации и др.). Большинство губернаторов штата в последние четыре десятилетия были выходцами из сектора малого и среднего бизнеса, что подчеркивает его роль в формировании общей конкурентной среды местной экономики. Глубокое разграничение прав собственности на землю и недра (федеральная, региональная, национальных корпораций) обеспечило штату присвоение огромной по абсолютным размерам экономической ренты и ее

накопление в Постоянном траст-фонде Аляски, ежегодное распределение ее части среди всех жителей штата по специальной дивидендной программе.

Сейчас эта арктическая экономика находится на переломе. Адаптация размера и структуры экономики штата к новым условиям падающей ежегодно нефтедобычи — вот современная сверхзадача региональных властей. Как безболезненно приземлить значительные расходы регионального бюджета к реалиям уменьшающихся региональных доходов? Идет системный поиск по многим направлениям новых доходных источников[216]: вовлечение новых ресурсных объектов, расположенных к востоку от Прадхо-Бей (Arctic National Wildlife Refuge — ANWR), а также Национального Нефтяного Резерва на Аляске (National Petroleum Reserve — Alaska — NPR-A); укрепление регионального траст-фонда, возможно, за счет ликвидации дивидендной программы; использование рыночных механизмов для межсекторного перетока человеческих ресурсов внутри штата и выезда из Аляски в «нижние» 48 штатов; лоббирование федерального финансирования и увеличения военного и гражданского присутствия федеральной власти.

Канадская огосударствленная и централизованная модель арктической экономики характеризуется кооперативностью и предельной локальной трансфертностью. В полярную зону здесь входят Северо-Западные территории, Юкон, Нунавут, северная часть провинции Лабрадор, в которых расположены более сотни поселений. Социальные критерии и цели здесь повсеместно выше соображений конкуренции. Огромная энергия и время тратятся в этой модели, чтобы прийти к бесконфликтному решению проблемы земельных претензий коренных народов. Ввиду формального разграничения прав собственности на основные ресурсы для эффективного управления их использованием неизбежны кооперативные процедуры взаимодействия федеральной и региональной власти. И в этой модели искусство партнерского взаимодействия властей двух уровней, государства и коренных народов, ресурсных корпораций и государства, ресурсных агентств и коренных народов[217] доведено до абсолюта. В отличие от американской модели, здесь решение ищется не в предельно четком разграничении прав собственности на ключевые активы, но в отработке филигранных согласительных процедур взаимодействия многих участников. В отличие от американского случая, здесь намеренно подчеркивается преемственность современной национальной политики по отношению к коренным народам, индейской политике в этой британской колонии в XIX веке.

Сильной стороной этой модели является кропотливая работа по поиску источников локального развития в каждом национальном селе. Уровень мест-

---

[216] Goldsmith Scott. How are we doing? Monitoring Alaska's Fiscal Condition // ISER Fiscal Policy Papers. 1994. № 9.

[217] *Usher P. J.* The Beverly-Kaminuriak Caribou Management Board: An Experience in Co-Management // Concepts and Cases. Ed. J. T. Inglis. Ottawa. 1993. P. 111–120.

ных сообществ — это главное направление федеральных интеллектуальных усилий и финансовых ресурсов. Возможно, именно ввиду отсутствия интегральных (сквозных) военных структур и подразделений в Арктике, здесь для выполнения координационной роли уже многие годы существует Министерство по делам индейцев и северных территорий. В мировой практике это беспрецедентно: российский аналог Госкомсевер России был создан в 1991 году и просуществовал десять лет, после чего был ликвидирован.

В последние годы в этой модели под влиянием эффективного урегулирования первых земельных претензий коренных народов меняется отношение общественности к ресурсным суперпроектам. Часть из них, отложенная на долгие 20 лет, теперь может быть реанимирована: нефтегазовые ресурсы были обнаружены в Канаде на шельфе моря Бофорта, в границах Северо-Западных Территорий и на территории Юкон, которая непосредственно граничит с территорией штата Аляска.

В течение всех лет существования СССР (1922–1991 гг.) *советскую* модель арктической экономики (входят весь Ненецкий, Таймырский, Ямало-Ненецкий, Чукотский автономные округа, часть Мурманской, Архангельской областей, Республики Коми и арктические улусы Республики Саха-Якутия) можно было считать случаем предельной огосударствленности и сверхцентрализованности. И в этом смысле она была полезным для человечества экспериментом и важным уроком издержек и выгод предельного участия центральной власти в освоении Арктики.

Советское масштабное индустриальное развитие Арктики началось на 40–50 лет раньше, чем в других моделях. Это была высоко затратная модель, при которой геополитические интересы полного государственного контроля гигантских пространств нередко доминировали над чисто экономическими. Высокие издержки развития Арктики длительное время нейтрализовывались бесплатным трудом миллионов заключенных, потом обширными перераспределениями нефтегазовой ренты, которые позволили сохранять вопреки требованиям экономической целесообразности субсидирование всего арктического жизнеобеспечения, дотировать цены, транспортные и энергетические тарифы, устанавливать щедрые льготы и гарантии северянам.

С начала 1990-х годов в связи с радикальной экономической реформой в России осуществляется переход арктической экономики на новые принципы развития — с административно-командных на социально-рыночные, адекватные вызовам новой экономики знания. Это приводит к сокращению размеров и изменению структуры арктической экономики.

В результате утраты престижности работы на Севере и Арктике за годы реформы более миллиона человек выехало из этих районов (свыше 10 % всего населения). Были закрыты десятки промышленных поселков. После развала совхозов коренное население вынужденно вернулось к традиционному

жизнеобеспечению, при этом почти не получая государственной помощи на приобретение инвентаря, обеспечение сбыта продукции оленеводства и промыслов.

Проблема реконструкции созданных ранее, в индустриальную эру, материальных активов российской Арктики имеет абсолютно беспрецедентный характер в том смысле, что ранее человечеству с ней не приходилось сталкиваться и ввиду того, что нигде более в циркумполярной зоне такого количества индустриальных активов создано не было. К этой проблеме примыкают вопросы конверсии активов ВПК-сектора, тоже созданного в индустриальную эру. Например, атомные подводные лодки. Даже их утилизация является исключительно дорогостоящим мероприятием.

В 1990-е годы масштаб передислокаций материальных активов из военного сектора в гражданский, из государственного в частный не имел аналогов в новейшей истории мировой Арктики. Самые масштабные преобразования материальных активов происходили в крупных добывающих предприятиях арктической зоны России. Ведь здесь производится около 80 % российского газа, более 90 % никеля и кобальта, 60 % меди, 96 % платиноидов, 100 % барита и апатитов. Каждый из этих природных ресурсов, как правило, извлекает одно–два предприятия-монополиста.

В 1990-е годы возникла проблема реструктуризации этих предприятий в направлении уменьшения размера, достижения большей экологичности, перестройки бизнес-процессов для получения эффекта экономии на диверсификации, где это возможно; ранее — эффект экономии на размере. Например, новые собственники РАО «Норильский никель» инициировали глубокую реструктуризацию. Предполагается, что с 2010 года он превратится в гибкую сетевую корпорацию — конгломерат средних и малых по размеру заводов (сегодня — единый слитный индустриальный комплекс).

Значительную роль в «комбинаторике» активов — их дроблении и новом комплексировании — должен сыграть малый и средний наукоемкий промышленный сервис, который базируется либо в арктических, либо в национальных центрах. Стоит задача сформировать арктическую экономику, которая будет способна к саморазвитию, создать новые, арктические институты, адекватные эре экономики знания, на смену устаревшим нормам и правилам советского индустриального времени.

Европейскую версию арктической экономики (входят территории Гренландии, Исландии, Шпицберген, Фарерские острова Дании, северные части Норвегии, Швеции и Финляндии — Лапландия) отличает меньшая экстремальность природных условий по причине влияния теплого Гольфстрима, давление колониального прошлого и прежней сильной милитаризированности в Северной Атлантике. Многие островные арктические территории веками имели надежные связи лишь со своей метрополией, и только теперь раскрываются на внешний мир.

Таблица 32

Сравнение моделей арктической экономики

	Американская модель	**Канадская модель**	**Российская модель**	**Европейская модель**	
Государственное устройство	Децентрализованная федерация	Централизованная разностатусная федерация (в прошлом колония)	Централизованная федерация (предельное централизованное огосударствление)	Унитарная (Исландия, Гренландия, Фарерские острова)	Унитарная (север Норвегии, Швеции, Финляндии)
Природные условия	Относительно суровые, при влиянии теплого течения Куросио	Суровые	Максимально суровые	Относительно суровые, при влиянии теплого течения Гольфстрим	Относительно суровые, при влиянии теплого течения Гольфстрим
Особенности арктической зоны	Анклавность. Средняя по площади, широтной протяженности, разнообразию этнических и природных условий	Большая площадь, широтная протяженность и разнообразие этнических и природных условий. Правовая разностатусность регионов Севера и Арктики (провинции и территории). Проблема соседства полярных регионов федеральной и субфедеральной юрисдикции	Максимальная площадь, широтная протяженность и разнообразие этнических и природных условий	Компактность. Островная анклавность	Малая площадь
Дихотомия север — юг (колонии и центры метрополии)	Нет	Есть	Есть	Нет/Есть	Есть
Институты/структуры пионерного освоения	Фронтир	Колониальные экспедиции	Императорские экспедиции, казацкие переселения	Колониальные экспедиции?	?

Продолжение таблицы 32

	Американская модель	Канадская модель	Российская модель	Европейская модель	
Суперорганизация невоенного типа	Нет	Огосударствленная компания Гудзон-Бей, королевские корпорации развития	Лагерные интегральные комбинаты	Нет	Нет
Военное присутствие	Постоянное	Нет	Постоянное	Постоянное	Постоянное
Механизм формирования первых обширных территориальных структур (каркас)	Военные усилия (рынок и конкуренция уже потом) — военная инфраструктура создается ранее гражданской	Государственные усилия, сразу формирование гражданской инфраструктуры	Усилия суперорганизаций лагерного типа (бесплатный труд заключенных). Предельная скорость создания пионерного слоя индустриального освоения. Масштабное освоение пространств Арктики на 40 лет раньше, чем в других моделях	Военно-морские базы НАТО, затем рынок и конкуренция	Военно-морские базы НАТО
Территориальная структура	Сети, решетка	Базы и трассы	Базы и трассы	–	–
«Эдипов» комплекс арктической экономики	Боязнь повтора индейской «истории». Вынужденность отступлений от постулатов либеральной экономики (рынок первичен, государство вторично)	Боязнь возвращения в колониальное прошлое (аналогии Арктики и развивающихся стран). Боязнь конфликтов, угрожающих целостности федерации	Боязнь утраты арктических пространств в условиях враждебного окружения. Боязнь повтора ГУЛАГовской истории	Боязнь сохранения колониальной зависимости. Боязнь международного изоляционизма	?

Продолжение таблицы 32

	Американская модель	**Канадская модель**	**Российская модель**	**Европейская модель**	
Модель арктической экономики	Региональная рентная модель **предельного** типа	Локальная трансфертная и рентная модель, **предельная** по используемым кооперативным механизмам урегулирования конфликтов. Федеральные трансферты	Региональная трансфертная и рентная модель, **предельная** по огосударствленности. Федеральные трансферты	Рентная и трансфертная национальная модель, **предельная** по анклавности	Рентная и трансфертная региональная модель, **предельная** по социальной направленности
Децентрализация	Одномоментно	Длительный процесс	Длительный процесс	Нет	Нет
Собственность на природные и земельные ресурсы	Максимальная глубина разграничения. Диверсифицированный по собственникам земельный и ресурсный менеджмент	Формальное разграничение прав собственности на землю и ресурсы при кооперативном федерально-региональном ресурсном менеджменте и планировании землепользования. Комменеджмент	Совместное ведение федерального центра и регионов при федеральном ресурсном и земельном менеджменте	Национальная	Национальная
Экономическая координация	Рыночная первична, государственная вторична. Конкурентные рынки в базовом секторе; региональные рынки труда и недвижимости; рынки национальных корпораций; рыночные критерии инвестиционной политики траст-фонда штата Аляски	Государственная межведомственная — первична, рыночная вторична. Занятость важнее конкурентоспособности, социальные критерии инвестиционной политики траст-фондов	Предельная государственная	Государственно-рыночная координация	Государственная первична, рыночная вторична

	Американская модель	Канадская модель	Российская модель	Европейская модель	
Созидательная энергия	Энергия рыночной конкурентной инициативы	Энергия аборигенного самосознания и саморазвития снизу	Энергия новых негосударственных собственников	Энергия постколониальной открытости, преодоленного оборонного изоляционизма	Инновационная энергия творчества
Возраст материальных активов	Средние по возрасту	Средние по возрасту	Самые старые	Молодые	Самые молодые
Специальная структура	Нет	Министерство по делам индейцев и северному развитию Канады	Госкомсевер России (1991–2000 гг.)	Национальные структуры	
Основные арктические институты	Спонтанное и плановое законотворчество снизу. Новые институты — Конституция Аляски, федеральный земельный грант, траст-фонд, национальные корпорации и др.	Институты центра, сохраняющие преемственность с колониальными. Частичные неудачи с новыми институтами: северные кооперативы в национальных селах 1970-х годов	В СССР собственные эксперименты федерального уровня, нет региональных. Северные институты разрабатываются в отрыве от ресурсных	Метрополии и собственные, длительное время консервативные, традиционные	Собственные национальные, региональных нет
Гарантии безопасности/ устойчивости	На региональном уровне Траст-фонд как предельная форма коллективного регионального страхования	На локальном уровне, при федеральных трансфертах	На федеральном уровне. Общенациональный характер формируемой арктической ренты, и в национальных масштабах ее бюджетное перераспределение	На уровне метрополии/ национальном уровне	На национальном и региональном уровнях

Окончание таблицы 32

	Американская модель	Канадская модель	Российская модель	Европейская модель	
Механизмы привязки к остальной стране, организация потоков для жизнеобеспечения Севера и с Севера	Силами рыночной конкуренции	Федеральные программы продовольственной безопасности арктических сел и др. Льготные авиатарифы по широтным маршрутам	В СССР — льготные тарифы и цены на продовольствие, энергоносители, северные коэффициенты и надбавки	Нет проблемы	Нет проблемы
Коренные народы	Отказ от прежней традиции (индейской). Межэтническое смешение отсутствует. Единовременное унифицированное соглашение с коренными народами по земельным требованиям на основе ареалов проживания (АНКСА).	Преемственность с прежней (индейской) традицией. Межэтническое смешение минимально (метисы) 30-летний процесс заключения серии индивидуальных соглашений разного формата и условий по земельным требованиям по этническому принципу	Возвращение к традициям царского времени. Межэтническое смешение сильное, национальные села смешанные по этнической структуре. Кочевой уклад оленеводов как отдельная проблема. Индивидуальные соглашения родовых общин по землям и ресурсам	Нет отдельной аборигенной политики. Нет смешения, гомогенный этнос / эскимосы, исландские викинги	Межэтническое смешение. Нет земельных соглашений, обсуждаются вопросы его подготовки Саамский парламент национального уровня

Энергия постколониальности, освобождение от ментальности изоляционизма, дают значительный импульс современному развитию этих территорий, тем более сильному, что принимают его территории, очень компактные и малые по размеру экономики. В максимальной степени новые возможности открытости использует туристический бизнес. Инновационный динамизм современного развития европейской Арктики наиболее ярко демонстрируют темпы роста охвата населения мобильной связью, беспрецедентные для остального мира. Это позволяет при наличии выгод компактности сформировать здесь интегрированные рынки, почти недостижимые для остальных районов Арктики, кластеры новой не-ресурсной интеллектуальной экономики Арктики.

В этой группе стран коллективная и индивидуальная безопасность, защищенность человеческой жизни в условиях Арктики, как можно судить по редней продолжительности жизни и степени развитости системы социального трахования, имеет максимальный уровень среди полярных территорий.

18.4. Предложения для международного интеллектуального сотрудничества в арктической зоне

1. *Совершенствование институтов страхования — гарантов коллективной и индивидуальной безопасности в Арктике, их гармонизация для циркумолярного региона.* Высокие риски жизни и хозяйствования, неопределенность природных и социальных условий (сезонность, цикличность, неустойчивость) в Арктике побуждают страны создавать специальные нормы и равила, которые обеспечивают индивидуальную и коллективную безопасность при временном или постоянном проживании и работе человека, сообщества в экстремальной среде. Речь идет об институтах страхования разного ида: от природных форс-мажоров; социальных катастроф; крушений морского транспорта; финансового — хеджирование бюджетных рисков, рисков астных инвесторов.

Некоторые инструменты страхования являются проекцией национальных нститутов в районы Арктики; другие создаются с учетом особой природы ркгических рынков труда, капитала, морских транспортных услуг. Вторые пособны наиболее эффективно обеспечить устойчивое функционирование тих рынков, уменьшить главные барьеры входа на эти рынки для инвесторов, валифицированных работников, грузоотправителей. Стоит задача:

а) наладить обмен опытом о достижениях каждой страны, каждой модели арктической экономики в решении общих для всей Арктики проблем риска, неопределенности, коллективной и индивидуальной безопасности;

б) гармонизировать (унифицировать) подходы/институты к социальному, транспортному, производственному и бюджетному страхованию разных арктических стран, прежде всего в областях сопряженных интересов, например, при эксплуатации трассы Северного морского пути;

в) предложить инновационные виды страхования (новые виды и новые концепции), максимально адекватные фундаментальной специфике организации природных и социальных систем Арктики. Например, новые формы форвардных и фьючерсных контрактов. Другим направлением может стать легализация некоторых традиционных видов страхования коренных народов, сохранившихся в памяти старейшин — носителей традиционного экологического знания, но не получивших официального признания.

Требуются специальные усилия арктических стран по выработке норм страхования рисков инвесторов в Арктике и кредитных рисков коммерческих банков.

2. *Сравнительный институциональный анализ моделей арктической экономики и обоснование направлений эффективного импорта институтов внутри стран циркумполярного региона.* Все циркумполярные страны испытывают потребность в институциональных инновациях, адекватных их специфическим природным и социальным условиям. Открытость Арктики на внешний мир, возникшая с середины 1980-х годов, предоставляет новые возможности для этого. Институциональные инновации в Арктике возможны при обмене знанием каждой страны по арктическим экономическим институтам — типам контрактов, правам собственности, конкретным формам ресурсного менеджмента, используемым в конкретной национальной модели освоения полярных регионов. Стоит задача:

а) инвентаризации арктических институтов регионального и федерального (центрального) уровня каждой страны;

б) анализа силы и слабости каждой специальной нормы, каждого регламента и сравнение ее с аналогичными по всем странам циркумполярного бассейна;

в) подготовки модельных законопроектов для арктических регионов и стран по самым ключевым направлениям экономического развития.

3. *Согласование режимов управления и контроля освоения циркумполярного шельфа.* Будущее арктической экономики многих стран связано с освоением шельфовых ресурсов. Речь идет о шельфе полуострова Ньюфаундленд и провинции Новая Скотия (Канада); западном шельфе Гренландии (Дания — Гренландия); шельфе Баренцева моря (Норвегия — провинция Финнмарк, Россия — Мурманская и Архангельская области, Ненецкий автономный округ); шельфе Карского моря и территории полуострова Ямал с акваториями Обской и Тазовской губ (Россия — Ямало-Ненецкий автономный округ); шельфе Чукотского моря (Россия — Чукотский автономный округ).

Международный правовой режим использования шельфовых ресурсов уже отработан. В области управления социальными и экономическими последствиями шельфовых нефтегазовых проектов имеются значительные различия между странами. В одних странах арктические регионы активно вовлекаются в обсуждение этих проблем, в других это остается исключительной прерогативой центральной власти. Парадоксальным образом в унитарных странах даже больше в этот процесс вовлекаются арктические регионы, чем в федеративных. Стоит задача:

а) сформировать условия для эффективного обмена опытом по участию регионального уровня власти каждой страны в сопровождении шельфовых проектов в Арктике;

б) рассмотреть возможности гармонизация национальных законодательств с точки зрения условий вовлеченности национального и регионального уровня власти в эти проекты, распределения экономических, социальных выгод и экологических издержек между уровнями власти.

4. *Циркумполярное партнерство сел-изолятов во имя преодоления объективных экономических барьеров развития.* В мире уже созданы структуры сотрудничества арктических стран (Арктический совет), регионов (Северный форум), ученых (Международный арктический научный комитет, Северный научный форум). Однако самые уязвимые элементы арктической системы расселения, малые (менее 600–700 человек) национальные села, наиболее удаленные (изолированные) от рынков сбыта и административных центров, не имеющие круглогодичной наземной связи с «материком», пока не участвуют в циркумполярном сотрудничестве. Между тем здесь концентрируются многие проблемы арктической экономики: малый размер местного рынка, высокие транспортные издержки как барьеры входа на рынок, негативное воздействие локальных монополий и монопсоний, дефицит предпринимательской энергии и др.

Экстремальность среды и автономность существования в Арктике таких поселений вынуждают их широко использовать для выживания обмен неявным знанием между разными поколениями, механизмы экономической кооперации, неформальных связей: например, совмещение образовательных, медицинских и культурных услуг в одном бюджетном учреждении; разделение ограниченных рабочих мест в течение года между несколькими домохозяйствами; посезонную интеграцию традиционных и нетрадиционных видов деятельности.

Стоит задача выйти на циркумполярный уровень в решении этой проблемы, изучить общие законы существования локальной экономики в экстремальных условиях, оживить эти проблемные элементы арктического расселения в результате международных усилий:

а) подготовить международный реестр национальных сел-изолятов;

б) обобщить опыт выживания малых изолированных сел и форм их интеграции в основную (региональную или национальную) экономику;

в) предложить механизмы арктического сплочения сел-изолятов в результате формирования циркумполярных рынков, для чего предпринять международные усилия по созданию (восстановлению) транзитных перевозок по арктическим морским трассам;

г) создать специальный сайт в Интернете, посвященный селам-изолятам Арктики. Он позволит в будущем организовать единые арктические туры по малым национальным селам разных стран;

д) разработать специальный курс Университета Арктики, посвященный специфике экономического развития сел-изолятов.

5. *Трансферт знания и опыта арктических стран в легализации неформальных норм и правил аборигенного населения в развивающиеся страны.* Наиболее известный успешный пример перевода неформальных норм и правил в легальные — это спонтанное законотворчество первых американских поселенцев на Диком Западе. Обычно он широко используется как полезный опыт для властей развивающихся стран[218]. Однако есть и более свежий опыт арктических стран. Здесь легализация неформальных норм и правил коренных народов, произошли не в XVII–XIX веках, а на жизни нынешнего поколения, в 1970–1980-х годах. Этот опыт американской и канадской федерации по удовлетворению земельных требований коренных народов признан успешным, способствовал уменьшению бедности и неравенства среди коренных народов Америки, сформировал новые стимулы к развитию для аборигенных этносов, структурированных в национальные корпорации. Он может подсказать пути решения для стран Африки: как сегодня строить свои формальные институты, свои конфигурации прав собственности, преодолевая тень и нелегальность. Целесообразно наладить переливы знания между арктическими и африканскими странами в области институционального проектирования.

[218] *De Soto Hernando.* The Mystery of Capital. Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else. Bantam Press. 2000.

Глава 19

Долгосрочные социально-экономические процессы в арктической зоне России[219] — адаптация к быстрым изменениям внешней среды

19.1. Адаптация арктических сообществ к вызовам природных и социальных изменений

В умеренной климатической зоне, преобразованной урбанизированными пятнами метрополитенских ареалов, состыкованность природных и социальных систем проявляется только в периоды форс-мажоров — наводнений, землетрясений, ураганов и смерчей. С другой стороны, в экстремальной по климатическим условиям арктической зоне эта состыкованность проявляется постоянно, вне катастрофических форс-мажорных явлений. Здесь почти постоянный природный «вызов» и «ответ» человеческих сообществ очень тесно сопряжены по времени, подчас почти синхронны.

Если в умеренной зоне тесная связь экономики с ландшафтными, природно-климатическими условиями сохраняется только для некоторых, относительно обособленных и постоянно снижающихся по своей экономической роли, видов деятельности, например, сельское, лесное хозяйство, которые в своих промышленных формах уже отрываются от природы, то в арктической зоне практически все виды человеческой деятельности, и прежде всего самые базовые, основные, сохраняют тесную связь с ландшафтом, с природными условиями. В арктической зоне переплетение природных и социальных про-

[219] Хочу отметить опубликованные в последние годы работы по российской Арктике, которые повлияли на выводы данной главы: *Грамберг И. С., Додин Д. А., Лаверов Н. П.* и др. Арктика на пороге третьего тысячелетия. СПб. 2000; *Додин Д. А.* Устойчивое развитие Арктики. СПб. 2004; *Васильев В. В., Истомин А. В., Селин В. С., Жуков М. А.* Борьба за природные ресурсы Арктики // ЭКО. 2007. № 1. С. 41–56; *Сморчкова В. И.* Арктика — регион мира и глобального сотрудничества: институциональные предпосылки устойчивого развития. М.: Изд-во РАГС. 2003 и другие.

цессов, их ритмов, исключительно многомерно, сопряжение глубинно, осуществляется на са́мом первичном уровне.

Крупные города умеренной зоны стремятся нейтрализовать действие природных факторов, замещая природные факторы факторами урбанизации. С другой стороны, малые и средние поселения арктической зоны эту связь сохраняют. Даже в российской Арктике, которая занимает треть всей площади мировой арктической зоны, и оказалась самой индустриальной среди всех, где самые крупные города Заполярья (Мурманск, Норильск, Воркута), также ощущается сильное давление природной экстремальности.

Явления быстрых природных и социальных изменений в арктической зоне нерасторжимо связаны. Динамика экономического, миграционного, демографического поведения местного сообщества является индикатором силы и радикальности внешних изменений природной среды. Значимость обращения к уровню местного сообщества подтверждается всей историей заселения арктической зоны: известно, как многократно уже в последней человеческой истории происходили тотальные вымирания сообществ коренных жителей под влиянием инфекционных эпидемий и ресурсных катастроф.

С точки зрения вызовов новой экономики знания важно заметить, что порой причинами коллапса арктических сообществ была их сильная внутренняя идентичность, сплоченность до необучаемости — достоинство, ведущее к катастрофе. Сплоченность сообщества, с одной стороны, помогала перемогать трудности и выживать в жесткой природной среде; с другой стороны, она же мешала воспринимать новое и обучаться у соседних этнических сообществ.

Успешная адаптация местных арктических сообществ к вызовам быстрых изменений внешней среды требует изменения сложившейся системы индустриальных ценностей, в которой десятилетиями проходило освоение этой зоны России. Прежняя система исходила из необходимости постоянного количественного наращивания добычи физических объемов, востребованных на национальном и мировом рынках природных ресурсов. И даже традиционный уклад коренных жителей тоже подчинялся этой логике и в ее русле оленеводство и промыслы в меру ресурсных возможностей трансформировались в направлении крупных индустриальных производств, ориентированных на выпуск значительных объемов однородной, стандартной конечной продукции.

Та прежняя система абсолютно не обладала чертами гибкости и потому ее реакция на изменения внешней среды могла быть только полярной: либо игнорировать, либо реагировать через масштабные мобилизации ресурсов, сопоставимые с военным временем. Приспосабливаться постоянно и постепенно к колебаниям природных и глобальных социально-экономических условий та система просто не умела. Справедливости ради нужно отметить, что и эти вызовы пластичной адаптации к меняющимся климатическим условиям и условиям мировых ресурсных рынков никогда не стояли так остро, как теперь.

Умные кадры и умные активы — главные условия успешной адаптации арктических сообществ и технологических систем к изменениям внешней среды. Поэтому все свойства арктических природных и социальных систем, которые созвучны естеству новой экономики знания, приобретают исключительное значение в наступающую эпоху. Это *мобильность, культурное разнообразие, кооперативность (взаимовыручка как фактор эволюции), вынужденная универсальность (междисциплинарность) компетенций, неопределенность и венчурность.*

Арктическая экономика в большей степени ориентирована на экспериментирование, чем любая другая, в том числе по причине значительной мобильности основных активов — материальных, человеческих, части природных. Здесь очень многие технологические инновации применялись впервые или сразу после использования в космосе или у военных. Можно привести пример аэропорта г. Тикси в Якутии, жизнеспособность которого поддерживается в значительной степени за счет расходов международных экспедиций, работающих в дельте Лены и на арктических архипелагах, на шельфе моря Лаптевых и Восточно-Сибирского. Это уже черты постиндустриального общества и характерная особенность зарубежных полярных территорий, в экономике которых расходы на научные экспедиции играют беспрецедентную роль.

В 1990-е годы несколько приарктических стран предприняли практические шаги по укреплению научных исследований в Арктике. Так, США финансировали строительство крупного международного научного центра по изучению Арктики в Фербенксе (Аляска), Финляндия — своего национального (ставшего впоследствии международным) арктического научного центра в Рованиеми (Лапландия), Норвегия перевела Институт полярных исследований из Осло в Тромсе и открыла на архипелаге Шпицберген отделение Университета в Лонгиере и поддерживает деятельность международного исследовательского арктического центра в Ню-Алесуне.

Новая идеология, на основе которой будут формироваться адаптации арктических сообществ, технологических систем к вызовам меняющейся внешней среды, очень многое заимствует от уклада коренных жителей Арктики. Назовем ее тактикой «мягкого сосуществования».

Смысл здесь состоит в признании не разового, а постоянного, неизбежного характера резких колебаний природных и социальных, извне заданных, условий. В этих условиях уже невозможно рассчитывать, что однократные полувоенные мобилизации могут быть решением. Решением становится новая сетевая организация арктических сообществ и технологических систем, позволяющая им быть постоянно гибкими и способными к реконфигурациям, когда даже в случае катастрофической ликвидации одного из узлов сети остальные подхватывают его функции и снова замыкают сеть в новых сочетаниях, не позволяя ей рваться.

Идеология ресурсосбережения, замкнутых циклов водопользования, о которой говорили еще в индустриальную эпоху, но не могли внедрить по причинам чужеродности господствующему тогда крупного производству конвей-

ерного типа, в новой идеологии сосуществования социальной и природной среды в Арктике становится неотъемлемым, органичным элементом. Этот принцип построения производственных систем Арктики, конечно, уменьшает угрозы катастрофических загрязнений природной среды при наступлении резких, быстро происходящих, изменений климата.

В новой идеологии акцент от усилий по рекультивации, очистки выбросов, расширении системы охраняемых территорий смещается на меры по воспроизводству природных ресурсов, например, аквакультуры; по изменению технологического процесса, который внутри себя самого сокращает накопление вредных веществ; предотвращение условий наступления экологических катастроф в результате хозяйственной деятельности (риски наступления таких катастроф, в отличие от природных, можно существенно уменьшить); на усилия по формированию природных барьеров потенциальным загрязнениям, например, проект создания заградительных зон из бурых водорослей-макрофитов вокруг участков разработки месторождений Баренцевоморской нефтегазоносной провинции. Так раньше и не мыслили и не действовали в российской Арктике. И эти новые меры объективно увеличивают гибкость арктических систем и их готовность адаптироваться к изменениям внешней среды в широком интервале.

Важную роль для того, чтобы пластичные адаптации не зашкаливали способностей системы изменять свои свойства в ответ на стресс внешней среды, играют системы непрерывного мониторинга природных условий, которые постепенно внедряются в Арктике. Сегодня мониторинг состояния окружающей среды, прогнозирования чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера понимается в узком контексте как способ подготовки к однократным адаптациям, например, в результате природных форс-мажоров. В такой трактовке он обособлен от самих социальных систем Арктики, оторван от них, выполняет свои самостоятельные задачи. При новом широком понимании мониторинга он имманентно встроен внутрь социальной системы и обеспечивает ее непрерывные гибкие адаптации, которые не ломают внутреннюю структуру системы.

Но мало просто адаптироваться к постоянным изменениям внешней среды. Важно делать это предельно экономно, не за счет затратных алгоритмов, например, наращивая мощности ледоколов, толщину обшивки судов ледового класса, как это происходило в индустриальное время. В этой связи значительный потенциал содержат новые технологии разрушения льда, которые расстаются с идеологией количественного роста (мощности, брони, грузоподъемности и др.); универсальность арктических транспортных средств — например, судно зимой работает как дизельный ледокол, летом как снабженец; интеллектуализация арктического сервиса — системы мониторинга ледовой и гидрометеорологической обстановки, полярной навигации, страхования грузов по трассе Северного морского пути и др.

Обретение устойчивости местными сообществами и технологическими системами будет найдено не на путях цивилизационного отступления, т. е. кон-

сервации традиционного уклада коренных малочисленных народов Севера, тотального резервирования и заповедания значительной части арктических территорий, но в результате превращения арктических сообществ в обучаемые; в результате преобразования архаичных материальных активов индустриальной эры, многогранного воздействия информационно-телекоммуникационных технологий на характер производственных процессов, сектор услуг, традиционные оленеводство и промыслы аборигенных народов.

Эффективная модернизация арктических систем не означает тотальное хозяйственное преобразование арктических пространств. Но и заповедание и резервирование будут пониматься иначе, чем в прежней парадигме развития. Новый приоритет будет состоять не в строгом запрете доступа и отгороженности территорий арктических парков и заповедников от освоенных территорий и внешнего мира, но в управляемом и щадящем их развитии с целью сохранения основного богатства уникальной фауны и флоры, одновременно признавая тщетность попыток абсолютной консервации, абсолютной защиты этих территорий от внешнего человеческого влияния.

Обеспечить устойчивость развития арктических сообществ только усилиями трансфертного перераспределения сверху, или даже отдавая ренту, полученную здесь ресурсными корпорациями, вниз, невозможно, не включая силы самоуправления и саморазвития самого сообщества. Децентрализация понимается как с одной стороны передача ответственности за повседневное жизнеобеспечение на местный уровень, с другой стороны, как более масштабная задача соучастия, сопричастности сообщества любому ресурсному проекту на арктической территории в разделении рабочих мест и потока дохода (напрямую, как реальные зарплатные доходы, так и через бюджетные перераспределения).

Эффективные перераспределения от федерального и регионального бюджета в пользу арктических сообществ, напрямую, без сложных передаточных систем, — гарантия их устойчивого развития, оперативного реагирования на внешние вызовы. Ничего более рационального, чем децентрализация полномочий и передача возможных и подъемных сфер компетенции вниз, невозможно придумать.

Крен к институтам децентрализации во всей циркумполярной зоне объективен: по мере усложнения природы арктической экономики происходит делегирование функций управления вниз. Но одновременно необходима нагрузка на местные и региональные системы образования, чтобы сообщества могли принять на себя новые функции и подготовить местных управленцев.

19.2. Новые институты для арктической зоны

Трансформация материальных активов обязательно должна проходить с одновременным изменением законодательства арктической зоны регионального и федерального уровня. Новые экономические институты Арктики должны

быть состыкованы, приведены в соответствие с ее новыми материальными активами. *Проблема модернизации активов и институтов для успешной адаптации арктической системы к вызовам новой экономики и климатических изменений — это единая проблема. Технологические изменения определяют необходимость и направленность институциональной динамики.*

Сегодня изменения активов опережают жесткий по-прежнему характер экономических институтов Арктики. Специфика нового арктического законодательства должна состоять в том, чтобы подчеркивать идеологию очень быстрых изменений, обеспечивать нормативно экономические маневры для гибкости экономической системы.

К числу специфических арктических институтов, созданных в мире, пока отсутствующих в российской Арктике, относятся нормы и правила для специфичных фирм с земельными правами (национальных корпораций), конфигураций прав собственности (земельной), для нерыночных видов деятельности — традиционное жизнеобеспечение коренных народов Севера и др.

Рассмотрим кратко на примере штата Аляска и провинции Альберты черты этого нового для российской Арктики законодательства. Можно назвать его законодательством самоорганизационного, эндогенного развития; законодательством постиндустриальной эры.

Конституция штата Аляска[220] написана таким образом, что создаваемая по ней политическая система может функционировать на уровне алгоритма, то есть почти *автоматически*. Политический процесс в своих самых главных и существенных, реперных чертах приобретает автоматизм, свойственный естественному, природному — например, в строгой календарной заданности событий. Так, четко заранее известно, какое событие случится после какого и в какой срок: всегда в одно и то же время проходят выборы в законодательное собрание, в одно время вступает в должность губернатор, всегда одна продолжительность сессий парламента. Возможности опасных и авантюрных, расточительных для сообщества, импровизаций сведены к минимуму. Эта стабильность в интересах граждан территории.

Прописываются четкие, однозначно трактуемые и чаще количественные, правила и общие нормы как ясные ограничители (регуляторы) политического процесса, которые создают его заданность, независимость от внешнего воздействия. Затем система начинает функционировать автоматически (в автоматическом режиме) в их пределах, разрабатывая внутренние нормы и правила для себя сама, но с минимумом вмешательства в основополагающие принципы.

В Уставах территорий российской Арктики оговаривается, что до́лжно (разрешено), а чистых запретов меньше. Это нормативный подход, унаследо-

[220] Более подробный анализ Конституции штата Аляска в сравнении с Уставами российских северных регионов приведен в книге: Российский Север и федерализм: поиск новой модели / Отв. ред. А. Н. Пилясов. Магадан: СВКНИИ. 1997.

ванный от плановой системы, в которой все аспекты человеческой жизни были зарегламентированы до максимума. Он неизбежно время от времени опрокидывается реальной жизнью, и потому возникает перманентная необходимость вносить поправки в основной закон.

Другим образцом гибкости является законодательство провинции Альберты, значительная площадь которой отнесена к зоне Севера. Законодательство провинции регламентирует *структуры*, которые осуществляют то или иное действие, осуществляют деятельность и несут за нее ответственность. Законодательство российских арктических регионов, как и российское в целом, чаще прописывает регламент *деятельности*. В результате в законах не обозначены реальные агенты (акторы) экономики, субъекты инновационных перемен, которые создаются новым правовым актом. В провинции Альберта, например, есть целый законодательный блок по местным сообществам.

Законодательство провинции тяготеет к кодифицированности, регулирует комплексные, не фрагментарные, феномены человеческой жизни в регионе. В одном законе могут быть систематизированы все формы социальной поддержки и условия предоставления социальной помощи. (Региональное законодательство не должно быть дополнительным фактором фрагментации, но, наоборот, фактором сплочения, скрепления общности людей в единство.)

В законодательстве провинции все понятия и события привязываются к определенному, строго очерченному, моменту времени (добыча нефти у устья скважины, момент открытия месторождения, момент превращения газа в товар и др.). Данные дискретные моменты времени задают временно́е пространство экономического развития, его событийно организуют, и к ним приурочены нормы и правила, которые поэтому имеют не стационарный характер, а временно́е и пространственное измерение, протяженность. Пространственно-временна́я метрика институтов отличается от стационарности норм и правил законодательства регионов российской Арктики.

Каждая норма имеет четко определенный срок регулирования — пять, десять лет, после чего регулирование прекращается, т. е. исчезает сам объект регулирования: новая и старая нефть, ежегодные обязательства по снижению объемов бюджетного долга в течение определенного срока. В ряде случаев после окончания срока действия института требуется менять контекст или принимать новый акт. Представляется оправданным прописывать временны́е границы нормам и правилам, признавая их чувствительность не от помесячных обстоятельств, но от более долговременных общественных процессов.

Значительный блок законодательства Альберты составляет регулирование основных рынков, которое осуществляется через определение норм по маркетингу основных добываемых в регионе ресурсов и производных от них услуг (газа, нефти, электричества). Здесь же прописывается регламент основных контрактов, связанных с этими ресурсами.

В провинции Альберта и штате Аляска разные формы регулирования рынков. В провинции — через регулирование самого контракта, маркетинг продукции, пропись норм и правил взаимодействия покупателя, продавца, посредника на рынке (обычном или виртуальном). На Аляске — рынок регулируется через прозрачность информации, малый бизнес, меры, стимулирующие мобильность всех основных факторов производства.

Природа канадского и американского рынка разная, разные и способы их регулирования. В первом случае они нацелены на четкое определение поведения участников для предотвращения наиболее одиозных его форм, во втором — на придание ему максимально конкурентного характера.

В канадском случае условия основных контрактов по продаже нефти и газа определяются в региональном законе. Это — предмет регионального регулирования. Вопросы завоза энергоносителей в канадском случае регулируются в виде контрактов на поставку топлива для малых источников энергии, их условия дифференцируются в зависимости от мощности источника; т. е. не со стороны предложения, а со стороны спроса.

В провинции Альберта создано региональное корпоративное право как совокупность правовых актов по бизнес-корпорациям (правила, формы регулирования, процедуры отношений с государством и др.). Для регионов российской Арктики это совсем новое направление институционального строительства. В нашем случае речь пока идет о регулировании недропользования и отдельных социально-экономических договорах и соглашениях с компаниями. На зарубежном Севере осуществляется нормативное регулирование многих сторон деятельности частных корпораций на территории, и не только через прописывание для них определенного регламента, но в том числе и через создание общественных корпораций, которые изменяют конфигурацию конкретного регионального рынка.

Для регионального институционального строительства главным может быть даже не первичный факт истощения природного объекта, но вызванное его давлением внедрение новой технологии, новой транспортной схемы, поиному сплачивающей людей, генерирующей новые формы производственной и социальной коммуникации. Вторичные изменения от динамики свойств природных активов могут стать главными для институциональной динамики, рождения нового набора институтов (т. е. новая численность и плотность населения, новая привнесенная технология, новые вкусы и системы ценностей, новая идеология).

Очень важно разграничить саму проблему динамики природных активов, динамику экономических институтов, сопряженную с ней; и динамику основных региональных институтов, которые не сводятся только к природным активам, поднимаются на более высокий уровень общности — населения, транспорта, системы ценностей. Не просто разные институты под стадии жизненного цикла отработки месторождения, но разные институты

под разные циклы освоения. Тогда произойдет переход от институциональной динамики по природному объекту к региональной институциональной динамике.

Практически каждый нормативный правовой акт в провинции Альберта содержит нормы и правила распространения информации по поводу объекта регулирования. А по экологической информации, которая имеет особое значение в регионах мощного нефтегазового освоения, разрабатываются специальные акты.

19.3. Прогнозные сдвиги в российской арктической зоне

Численность населения отдельных субъектов Российской Федерации, расположенных в Арктике, сократилась с конца 1980-х годов почти в два раза, в 1990-е годы постоянно росли масштабы стихийной миграции, вымывающей из Арктики наиболее квалифицированные кадры. Одновременно в районы Арктики в возрастающих количествах мигрировали жители стран СНГ, а также мигранты из регионов сходного с арктическими территориями ресурсного профиля, например, из Татарстана.

В 1990-е годы в арктической зоне России произошло свертывание деятельности десятков градообразующих промышленных производств. Это привело к возникновению безработицы, падению уровня жизни и необходимости закрытия десятков населенных пунктов с эвакуацией их населения. Эти процессы должны быть поняты как составная часть общей тенденции перехода от доминирования занятости в добычной промышленности к росту занятости в услугах, в том числе в услугах управления природопользованием, мониторинга состояния природной среды. *Можно назвать это переходом от занятости в ресурсной промышленности к занятости в ресурсном сервисе.* Более высокая доля занятых в видах ресурсного сервиса — геологии, разведке недр, гидрометеорологической службе, экологическом мониторинге, управлении природопользованием — до 20 % и более всех трудовых ресурсов — становится характерной чертой арктической экономики России.

Крупными суперпроектами долгосрочного периода станут проекты освоения арктического шельфа. Разведанные запасы газа промышленных категорий составляют здесь 80 % от общероссийских. Из 100 млрд т условного топлива извлекаемых ресурсов углеводородов всего российского шельфа 90 % сосредоточено в Арктике, в том числе 70 % — на шельфе Баренцева и Карского морей[221].

[221] Экспертные оценки академика РАН И. С. Грамберга.

Освоение новых крупных ресурсных объектов будет происходить на принципах проектного управления и финансирования, учета интересов не только одной компании (в какой бы существенной степени она ни была государственной), а широкого круга потенциальных участников.

Арктические шельфовые месторождения имеют минусы и плюсы для освоения. Несомненным минусом освоения и разработки месторождений, расположенных в высоких северных широтах и шельфовой зоне, является экстремальный характер природно-климатических условий и повышенные издержки на доставку до потенциальных рынков сбыта добываемых углеводородов. На морских месторождениях — это также бо́льши́е глубины моря, длительный ледовый период, на месторождениях на суше — вечная мерзлота и заболоченность территории, необходимость повышенных затрат в сохранение и поддержание хрупкой северной природы. Также необходимость повышения оперативности, надежности получения и эффективности использования информации о ледовой и гидрометеорологической обстановке на основе развития отечественных космических и автоматизированных технических средств наблюдений; создания аварийно-спасательных отрядов и формирований по ликвидации разливов нефти; развития коммуникационной инфраструктуры на основе создания, развертывания и функционирования гражданских спутниковых систем связи и вещания. Бесспорные плюсы месторождений российской Арктики состоят в значительных запасах, относительно простой геологической структуре месторождений, возможности освоения по схеме вре́менных трубопроводов.

Большой бизнес в арктической зоне России сохранит свое значение в прогнозный период до 2020 года и далее. Доля крупных корпоративных структур здесь по-прежнему будет выше, чем в стране в целом.

Однако сама внутренняя структура ресурсных корпораций, которые ведут отработку ресурсов российской Арктики радикально изменится, что позволит им стать более гибкими. В среднесрочной перспективе до 2020 года они еще сохранят элементы вертикальной интеграции, но после этого периода за счет глубокой модернизации активов станут сетевыми структурами, как их мировые аналоги.

Управление более чем 60 % территории штата Аляска (по существу, арктическая часть) находится в компетенции федерального правительства, 70 % — в Лапландии (Финляндия), три северных губернии Норвегии, провинции Юкон и Северо-Западные территории в Канаде — полностью в управлении центральных органов власти. Правительство может рассматриваться как самостоятельный сектор экономики Арктики.

Поэтому можно ожидать, что в российской Арктике в прогнозный период произойдет расширение бюджетного сектора и структур государственного и муниципального управления, чему будет способствовать рост рентных нефтегазовых доходов, развитие государственных программ по обеспечению занято-

сти населения, организации профессионального обучения молодежи, подготовке кадров, охране здоровья, медицинской помощи, социальному обслуживанию, развитию физической культуры, спорта и туризма.

Повышение жизнеспособности уязвимых элементов арктического расселения (морских портов, монопрофильных военных или «гражданских» городов и поселков) будет связано с их реструктуризацией на фоне сокращения общей численности, с уходом от индустриального облика и формированием новых видов деятельности, адекватных условиям постиндустриальной экономики; товары и услуги которых будут востребованы на национальном и глобальном рынке.

Заключение

Эта книга выходит в период глобального финансово-экономического кризиса. Очевидно, что его результатом станет изменение соотношения сил между центрами мировой экономики и существенная переоценка ценностей глобальными и локальными экономическими игроками.

Кризис неизбежно ускорит расставание России с индустриальным наследием и ментальностью — ее постиндустриальную трансформацию, движение к экономике, основанной на знаниях и инновациях. Новая экономика знания с усиливающейся ролью неосязаемых, нематериальных активов будет не экономикой технократичной информатизации, виртуальных финансовых схем и пузырей, а экономикой возрастающей духовности. Укрепление духовного начала в экономическом развитии и экономической деятельности неизбежно: природа нового экономического роста основана на творческом труде, а его важнейшим условием выступает духовность.

Для северной периферии России экономика знания означает радикальную переинтерпретацию многих прежних понятий индустриального времени (например, хозяйственного освоения, ресурсных комплексов, традиционных видов деятельности коренных народов, местного сообщества, коммуникации в пространстве и др.), которые отражали абсолютное доминирование материальных ценностей и активов. Их новая расширенная трактовка возвысит значение нематериальных ценностей творчества, мобильности, качества жизни, достоинств обучаемости, безопасности и кооперативности сообщества.

Для позитивных преобразований в северной периферии важнейшим среди них является лидерство и предприимчивость. Инерцию развития можно преодолеть, только активно *играя за белых*: нельзя выиграть в конкуренции по правилам центров, но можно и нужно творчески находить свои алгоритмы, свои решения, свои институты. Так, например, в этой логике «острова» северной таежной периферии могут стать новыми центрами российской духовности.

Поэтому назовем новую стратегию развития северной периферии России **ЛИДЕР** — **люди, институты, доступность, единство и ресурсы**. Лидер местного или регионального сообщества формирует новую среду творческого поиска, зажигает людей и пробуждает их веру в себя. Для успешного экономического развития периферии это почти материальный фактор. Как часто кон-

сервативность (индустриальность) мышления экономических и политических лидеров северной периферии закрывала возможность динамичного роста — даже при наличии значительных финансовых ресурсов. Но не было у власти ви́дения стратегических приоритетов, отчетливого понимания критических точек местной экономики и системы жизнеобеспечения, на которые нужно направить основные усилия, чтобы получить быструю отдачу.

Люди. Как часто жители северной периферии воспринимаются властями центров как проблема, как бремя, как часто возникает соблазн самого простого решения — ликвидировать сообщество, переселить людей. На самом деле люди северной периферии — это решение ее проблем. Выращивание своих и привлечение новых талантов, творчески мыслящих людей — важнейшее условие успешного развития северной периферии. Поэтому постепенный разворот местной экономики и социальной сферы северной периферии под потребности талантов абсолютно неизбежен.

Многоэтничность северных сообществ, сосуществование коренных малочисленных народов Севера и переселенцев десятилетиями, в некоторых местных северных сообществах — веками, сохранившийся традиционный уклад аборигенных народов — является для творческого развития благоприятной предпосылкой, достоинством северной периферии.

Институты. Самые высокие барьеры для развития периферии — это барьеры архаичной ментальности и оппортунистического поведения. Они выше барьеров транспортных расстояний и изношенных фондов. Это барьеры институциональной инерции, предельно суженной культурной жизни, шаблонности институтов развития и их враждебности местному сообществу. Они блокируют рост и формируют ловушки, выбираться из которых трудно и долго.

Поэтому увеличение институциональной «толщины» северной периферии — разработка новых местных норм и правил экономического поведения, способных создать конструктивные стимулы для созидательной, партнерской работы домохозяйств, предпринимателей, власти, представителей структур гражданского общества — исключительно важно. Эти новые нормы и правила экономического поведения будут успешны, если воплотят в себе, утвердят в местном сообществе, ценности новой эпохи (творчество, мобильность, культурное разнообразие, предприимчивость и др.).

Доступность для периферии означает быть в сети, полнокровно реализовать сетевой эффект на связях внутри само́й северной периферии и на связях между периферией и внешними центрами. Мощный катализатор развития городских центров — агломерационный эффект — редко где может проявить себя в северной периферии. Но энергия сетевого эффекта здесь может и должна быть использована. Строительство сетей как наведение мостов внутри периферии и с внешним миром имеет очень широкое звучание: не только наземные транспортные магистрали, не только традиционные виды транспорта, но также и беспроводные сети, легкие внедорожные транспортные средст-

ва и другие инновационные решения. Общим вектором является поиск источников новых экономических и социальных связей для формирования партнерств, совместных предприятий, новых сетевых сообществ. Эти связи формируют в северной периферии энергию экономического роста на разности потенциалов.

Единство. Вся атмосфера новой экономики востребует культуру сотрудничества. Те периферийные сообщества, которые сумели преодолеть фрагментацию внутреннего недоверия и разногласий, обретают важнейшее преимущество солидарного (и потому быстрого) движения к намеченным целям.

Многие сообщества северной периферии отличает дух кооперативности — взаимовыручки и взаимопомощи, престижность щедрости и помощи слабым. Как похоже это на бескорыстные обмены знанием, наслаждение от совместного творческого процесса, увлеченного совместного поиска решения сложной проблемы, которые являются основой новой трудовой этики талантливых людей в сообществах Силиконовой долины, технопарков и инновационных зон.

Инновационный процесс в значительно большей степени, чем процесс индустриального производства, зависит от человеческих отношений. Инновации рождаются только при нацеленности всех игроков на кооперацию, при подлинно командной работе не только профессионального сообщества, но всех игроков — от бизнеса, от власти, от некоммерческих организаций, от гражданского общества.

Традиционная кооперативность местных северных сообществ при ее творческом переосмыслении — как условие успешной командной работы — может стать важнейшим позитивным фактором для инновационного развития.

Ресурсы. В индустриальную эру развитие северной периферии однозначно связывалось с природными ресурсами. Эта связь теперь, в эпоху экономики знания, становится намного более сложной и многогранной. Сама трактовка ресурсов для развития существенно расширяется за счет информационных, знаниевых ресурсов, роль которых постоянно повышается. Но и воздействие природных ресурсов на экономическое развитие северной периферии изменяется.

С одной стороны, сверхценные легкодоступные природные ресурсы могут увлечь местное сообщество в рентоискательство, которое надолго заблокирует возможности для инновационного развития. С другой стороны, неуклонное ухудшение свойств многих невозобновимых природных ресурсов резко повышает значение нестандартных, специфичных, настроенных на особенности конкретных месторождений, технологических решений. Нередко с ними связана сама возможность рентабельного освоения природных ресурсов.

Новые свойства природных активов северной периферии оказывают давление на интеллектуализацию добычи и переработки, ускоряют трансформацию бизнес-процессов ресурсных корпораций. Это очень мощный катализа-

тор прихода экономики знания в районы хозяйственного освоения северной периферии.

Объективное увеличение роли информационных ресурсов в северной периферии обеспечивается повсеместным укреплением всех структур образования и обучения (школы, колледжи, университеты, центры переподготовки и др.) и их *децентрализацией* — формированием ассоциаций школ, структур-партнеров и отделений регионального университета, профессионального колледжа в местных сообществах и т. д. Стратегия «обучаемой северной периферии» означает вовлечение всего сообщества в процессы обучения и переобучения; укрепление старых и создание новых компетенций (быстрые перемены в северной периферии приводят к стремительному устареванию старых навыков).

Местные структуры обучения для максимальной настройки на специфические потребности периферийных сообществ обретут разнообразие форм, абсолютно не характерное раньше. Общей тенденцией станет размывание границ между видами учебных заведений, повышение их открытости для внешнего мира, вхождение в различные региональные, северные, всероссийские образовательные ассоциации и сети.

Литература

1. *Абрютина Л. И.* Народы Севера России: право на здоровье. М. 1999.
2. *Агранат Г. А.* Зарубежный Север. Очерки природы, истории, населения и экономики районов. М.: Изд-во АН СССР. 1957.
3. *Агранат Г. А.* Зарубежный Север: опыт освоения. М.: Наука. 1970.
4. *Агранат Г. А.* Использование ресурсов и освоение территории Зарубежного Севера. М.: Наука. 1984.
5. *Агранат Г. А.* Возможности и реальности освоения Севера: глобальные уроки. М.: ВИНИТИ. 1992.
6. *Агранат Г. А.* Российское североведение в постсоветские годы // Известия АН. Серия географическая. 2007. № 4. С. 29–37.
7. *Арбатов А. А., Мухин А. В., Пилясов А. Н., Смирнов В. С.* Становление северных рынков нефтепродуктов: от господдержки завоза к лидерству нефтяных компаний. М.: СОПС. 2002.
8. *Архангельская Н.* Соловецкое стояние // Эксперт. 2005. № 37 (483). 3 октября.
9. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. 1999.
10. *Богоявленский Д. Д.* Вымирают ли народы Севера? // Социологические исследования. 2005. № 8.
11. *Брешковская Н.* Все сначала // Эксперт Северо-Запад. 2004. № 27. 19 июля.
12. *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. М.: Наука. 1990.
13. *Васильев В. В., Истомин А. В., Селин В. С., Жуков М. А.* Борьба за природные ресурсы Арктики // ЭКО. 2007. № 1. С. 41–56.
14. *Вертман А. А., Данилов-Данильян В. И., Рывкин А. А.* Стратегии освоения необжитых районов // Экономика и математические методы. 1981. Том. 17. Вып. 5. С. 890–910.
15. *Владимирская Н.* Чупа не сдается // Эксперт Северо-Запад. 2007. № 4. 29 января.
16. *Грамберг И. С., Додин Д. А., Лаверов Н. П. и др.* Арктика на пороге третьего тысячелетия. СПб. 2000.
17. *Грамматчиков А.* Снизу вверх // Эксперт. 2006. № 15 (509). 17 апреля.
18. *Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики. М.: ГУ-ВШЭ. 2000.
19. *Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И.* Центр и периферия в региональном развитии. М. Наука. 1991.
20. *Гумилев Л. Н.* География этноса в исторический период. Ленинград: Наука. 1990.
21. *де Сото Эрнандо.* Загадка капитала. Почему капитал торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: Олимп-бизнес. 2001.
22. *Дергачев В. А.* Историко-географический анализ освоения территории. Автореф. дисс. канд. географ. наук. М. 1975.

23. *Дмитриев В. К.* Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М.: Русская панорама. 2001.

24. *Дмитриева Т. Е.* Периферийность: содержание, оценка, экономические следствия // Проблемы приграничных регионов России. М.: ИГ РАН. 2004.

25. *Дмитриева Т. Е.* Северное измерение ресурсопользования // Север как объект комплексных региональных исследований. Отв. ред. В. Н. Лаженцев. Сыктывкар. 2005.

26. *Додин Д. А.* Устойчивое развитие Арктики. СПб. 2004.

27. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2006/2007. Регионы России: цели, проблемы, достижения. Программа развития ООН. 2007.

28. *Друкер П. Ф.* Эпоха разрыва. Ориентиры для нашего меняющегося общества. М.: ООО «И. Д. Вильямс». 2007.

29. *Егоров Е. Г.* Стратегия модернизации экономики Республики Саха. Новосибирск. Наука. 2001

30. *Егоров Е. Г.* Север России: экономика, политика, наука. Якутск: Сахаполиграфиздат. 2006.

31. *Ефименко А. Я.* Крестьянское землевладение на Крайнем Севере // Исследования народной жизни. СПб. 1884

32. *Загоскин М. В.* Одна из сибирских общин (Памятная книжка Иркутской губернии за 1891 г.)

33. *Иванов В.* Сааремаа: рыба ищет где глубже // Эксперт Северо-Запад. 2005. № 248. 14 ноября.

34. *Истомин А. В., Селин В. С., Зайцева Е. И.* Проблемы социально-экономического развития регионов Севера России в новых условиях. Регион. 2006. № 4.

35. *Капустин С. Я.* Очерки порядков поземельных общин в Тобольской губернии (литературный сборник, издан Н. М. Ядринцевым в 1885 г.)

36. *Кауфман А. А.* Крестьянская община в Сибири. СПб. 1897.

37. *Кауфман А. А.* Русская община в процессе ее зарождения и роста. СПб. 1908.

38. *Клоков К. Б., Шустров Д. Н.* Традиционное оленеводческо-промысловое хозяйство Таймыра / Под редакцией Е. Е. Сыроечковского. М.: 1999.

39. *Кокорев Е. М., Пилясов А. Н., Ядрышников Г. Н.* Северная периферия: поиски формы выживания // Колыма. 1994. № 1. С. 2–6.

40. *Колосовский Н. Н.* Теория экономического районирования. М.: Мысль. 1969.

41. Концепция долгосрочного развития Российской Федерации. М.: Минэкономразвития России. 2008.

42. *Космачев К. П.* Пионерное освоение тайги. Новосибирск. Наука. 1974.

43. *Космачев К. П.* Проблемы экономико-географической экспертизы информационной базы территориальной организации производства // Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. 1974. Вып. 45. С. 3–11.

44. *Кропоткин П. А.* Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: URSS. 2007.

45. *Крупник И. И.* Арктическая этноэкология. М.: Наука. 1989.

46. *Крюков В. А.* Институциональная структура нефтегазового сектора. Новосибирск: ИЭиОПП. 1998.

47. *Кряжков В. А.* Право коренных малочисленных народов на землю и другие природные ресурсы // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. Отв. ред. Н. И. Новикова, В. А. Тишков. М.: Издательский дом «Стратегия». 2002.

48. *Латышев П.* Инвестиционный мегапроект «Урал Промышленный — Урал Полярный»: содержание и значение // Российский экономический журнал. 2007. № 11–12.

49. *Латышев П. М.* Концептуальные основы инвестиционного мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный». Автореф. дисс. канд. эконом. наук. Москва. 2007.

50. *Лексин В. Н., Швецов А. Н.* Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: URSS. 1997.

51. *Матвеев А. С., Матвеев О. А.* Преобразование экономики северных регионов России на современном этапе. М.: Современная экономика и право. 2007.

52. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в северных субъектах Российской Федерации. М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Комитет Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов. 2008.

53. *Михайлов К. П.* Общинный быт у крестьян Забайкальской области («Русская мысль», 1886, октябрь).

54. *Морозова Т. В.* Сельские сообщества России в период рыночной трансформации. Петрозаводск. 2005.

55. *Мосунов В. П., Никульников Ю. С., Сысоев А. А.* Территориальные структуры районов нового освоения. Новосибирск: Наука. 1990.

56. *Мурашко О.* Традиционное природопользование и традиционные знания: права и обязанности // Мир коренных народов. 2000. № 4.

57. *Ослунд А.* Рентоориентированное поведение в российской переходной экономике // Вопросы экономики. 1996. № 8. С. 99–108.

58. От патернализма к партнерству (строительство новых отношений народов Севера и государства) / Отв. ред. А. Н. Пилясов. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН. 1998.

59. *Пилясов А. Н.* Динамика сельскохозяйственного производства в Магаданской области. 1954–1990 гг. Магадан. 1992.

60. *Пилясов А. Н.* Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). Магадан: СВКНИИ. 1996.

61. *Пилясов А. Н., Ядрышников Г. Н.* Наука как фактор социально-экономического развития российского Севера. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН. 1997.

62. *Пилясов А. Н.* Процесс социальной реструктуризации в Чукотском автономном округе, 1992–2000 гг. (основные факторы, структурные сдвиги, закономерности) // Регионализм и централизм в территориальной организации общества и региональном развитии. М.: ИГАН. 2001. С. 148–165.

63. *Пилясов А. Н.* От потенциала к активам: переинтерпретация старых понятий экономической географии // Города и городские агломерации в региональном развитии. М.: ИГРАН. 2003. С. 20–59.

64. *Пилясов А. Н.* Политические и экономические факторы развития российских регионов // Вопросы экономики. 2003. № 5. С. 67–82.

65. *Пилясов А. Н.* Трансформация оленеводства Чукотского автономного округа в 1990-е годы // Актуальные проблемы региональной экономики. Межвузовский сборник. Вып. 2. Социально-экономические проблемы регионов Российского Севера. СПб.: ГПА. 2003. С. 13–30.

66. *Пилясов А. Н.* Поиск ренты в рыбном промысле приграничной территории (на примере Южно-Курильского района Сахалинской области) // Проблемы приграничных регионов России. М.: ИГРАН. 2004. С. 162–172.

67. *Пилясов А. Н.* Земельные требования народов Севера и инвестиционные проекты освоения ресурсов Азиатской России // Проблемные регионы ресурсного типа: Азиатская часть России. Под ред. В. А. Ламина, В. Ю. Малова. Новосибирск. Изд-во СО РАН. 2005. С. 165–186.

68. *Пилясов А. Н.* Самарская область — на пути к информационному обществу // Взаимодействие городских и сельских местностей в региональном развитии. М.: ИГРАН. 2005. С. 166–201.

69. *Портер М.* Конкуренция. М.: Издательский дом «Вильямс». 2001.
70. Проблемные регионы ресурсного типа / Отв. ред. М. К. Бандман, В. Ю. Малов. Новосибирск: ИЭиОПП. 2000.
71. Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири / Отв. ред. В. В. Алексеев, М. К. Бандман, В. В. Кулешов. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН. 2002.
72. *Прохоров Б. Б.* Цивилизации на территории современной России и экология человека // География и природные ресурсы. 2007. № 3. С. 74–83.
73. Российский Север и федерализм: поиск новой модели / Отв. ред. А. Н. Пилясов. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН. 1997.
74. *Ротенберг В. С., Аршавский В. В.* Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур // Вопросы философии. 1984. № 4. С. 78–86.
75. Север: проблемы периферийных территорий / Отв. ред. В. Н. Лаженцев. Сыктывкар. 2007.
76. Северная экономика и радикальная реформа (американский опыт и российские реалии) / Отв. ред. А. Н. Пилясов. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН. 1996.
77. *Селиверстов В. Е., Бандман М. К., Гузнер С. С.* Методологические основы разработки федеральной программы помощи депрессивным и отсталым регионам // Регион: экономика и социология. 1996. № 1.
78. *Славин С. В.* Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М.: Экономиздат. 1961.
79. *Славин С. В.* Освоение Севера Советского Союза. М.: Наука. 1982.
80. *Сморчкова В. И.* Арктика — регион мира и глобального сотрудничества: институциональные предпосылки устойчивого развития. М.: Изд-во РАГС. 2003.
81. *Старк Д.* Рекомбинированная собственность и рождение восточноевропейского капитализма // Вопросы экономики. 1996. № 6. С. 4–24.
82. *Сысоев А. А.* Экономико-географические аспекты изучения баз освоения. С. 103–116. // Теория хозяйственного освоения территории. Иркутск. 1979.
83. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-21. 2007.
84. Фольклор народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России / Сост. Е. Р. Акбальян. М.: Северные просторы. 2002.
85. *Фридман Т.* Плоский мир. Краткая история 21 века. М.: АСТ. 2007.
86. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М: ООО «Издательство АСТ». 2004.
87. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ. 2004.
88. *Хикл У.* Проблемы общественной собственности. Модель Аляски — возможности для России? М.: Прогресс. 2004.
89. *Ясин Е. Г.* Модернизация и общество. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ. 2007.
90. *Arbo Peter, Eskelinen Heikki.* The Role of Small, Comprehensive Universities in Regional Economic Development: Experiences from Two Nordic Cases. Paper for the 43rd ERSA Congress. Jyväskylä, 27–30 August 2003.
91. *Batey Peter.* Human Resources and Regional Development // Regional Development Reconsidered. Eds. *Atalik G., Fischer M. M.* Springer-Verlag. Berlin. 2002. P. 53–75.
92. *Buchanan James et al.* (eds.) Toward a Theory of the Rent-Seeking Society. College Station: Texas A&M University Press. 1980.
93. *Camagni R. P.* The Concept of Innovative Milieu and its Relevance for Policies in European Lagging Regions // Papers in Regional Science. 1995. 74. 4. P. 317–340.
94. *Castells Manuel.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1. The Rise of the Network Society; Vol. 2. The Power of Identity; Vol. 3. End of Millenium. Blackwell Publishing. Second Edition. 2000.

95. *Coleman James S.* Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. 94. P. 95–120.
96. *Diamond Jared.* Collapse. How societies choose to fail or survive. London: Penguin Books. 2006.
97. *Drucker P. F.* Post-capitalist society. HarperBusiness. 2004.
98. *Florida Richard.* The World is Spiky // The Atlantic Monthly. 2005. October.
99. *Florida Richard.* The Flight of the Creative Class. NewYork. 2007.
100. *Glaeser Edward L., Kohlhase Janet E.* Cities, regions and the decline of transport costs // Papers in Regional Science. 2004. Vol. 83. P. 197–228.
101. *Goldsmith Scott.* How are we doing? Monitoring Alaska's Fiscal Condition // ISER Fiscal Policy Papers. 1994. № 9.
102. *Goldsmith Scott.* Structural Analysis of the Alaska Economy // ISER. 1994.
103. *Granovetter M.* The Strenght of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. 78. 6. P. 1360–1380.
104. *Greig Malcolm, McQuaid Ronald W.* The Impact of Ferry Services on an Island Economy // 45th Congress of the European Regional Science Association. Amsterdam. 2005. Paper № 740.
105. *Hardin Garrett.* The Tragedy of the Commons. Science. 102. 1968.
106. *Himanen P.* The hacker ethic as the culture of the information age // The Network Society. A Cross-cultural perspective. Ed. by M. Castells. Edward Elgar Publishing. 2004. P. 420–431.
107. *Hirschman A. O.* The Strategy of Development, New Haven, Conn.: Yale University Press. 1958.
108. *Hull Teresa, Leask Linda.* Dividing Alaska, 1867–2000. Changing Land Ownership and Management // Alaska Review of Social and Economic Conditions. November 2000. Vol. 32. № 1.
109. *Inglehart R.* Modernization and postmodernization: cultural, economic and political change in 43 societies. Princeton, New Jersey. Princeton University Press. 1997.
110. *Krueger Anne O.* The Political Economy of the Rent-Seeking Society // American Economic Review. 1974. N 64. P. 291–303.
111. *Krugman P.* Development, Geography and Economic Theory. Cambridge, Massachusetts. The MIT Press. 1995.
112. *Krugman P. R.* Geography and Trade. Cambridge, Massachusetts, Massachusetts Institute of Technology Press. 1991
113. *Markusen A.* Sticky places in slippery space: A typology of industrial districts // Economic Geography. 1996. 72. P. 293–313.
114. *McCann Philip.* Agglomeration economics // Handbook on Research on Cluster Theory. London: Edward Elgar. 2008. P. 23–38.
115. *Morgan Kevin.* The Learning Region: Institutions, Innovation and Regional Renewal // Regional Studies. 1997. Vol. 31. 5. P. 491–503.
116. *Myrdal G.* Economic Theory and Underdeveloped Regions. London: MacMillan. 1957.
117. *O'Brien D. J.* Social Capital and Community Development in Rural Russia. 2000.
118. *Osherenko G.* Sharing Power with Native Users: Co-management Regimes for Arctic Wildlife. CARC Policy Paper № 5. Ottawa. 1988.
119. *Pretes M., Robinson M.* Beyond boom and bust: a strategy for sustainable development in the North // Polar Record. 1989. Vol. 25. № 153. P. 115–120.
120. *Putnam R. D.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton NJ, Princeton University Press. 1993.
121. *Romer P.* Endogenous technological change // Journal of Political Economy. 1990. 98(5). P. 71–102.
122. *Saxenian AnnaLee.* Regional Networks and the Resurgence of Silicon Valley // California Management Review. 1990. Fall. P. 89–112.

123. *Schürmann C., Talaat A.* Towards a European Peripherality Index. Final Report. Report for General Directorate XVI. Regional Policy of the European Commission. Institut für Raumplanung, Dortmund. 2000.

124. *Schürmann Carsten, Talaat Ahmed.* The European Peripherality Index. 42nd Congress of the European Regional Science Association (ERSA), Dortmund, 27–31 August. 2002.

125. *Shucksmith M.* Endogeneous Development, Social Capital and Social Inclusion: Perspectives from LEADER in the UK // Sociologica Ruralis. 2000. 40(2). P. 208–218.

126. *Smorodinskaya N.* Rent-seeking in the Regions: the Politics of Economic Privilege in Kaliningrad // Segbers, Klaus (ed.). Explaining Post-Soviet Patchworks, Vol. 3: the Political Economy of Regions, Regimes and Republics. Ashgate, England. 2001.

127. *Solow R. M.* A Contribution to the Theory of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. 1956. Vol. 50. P. 65–94.

128. *Solow R. M.* Technical Change and the Aggregate Production Function // Review of Economics and Statistics, 1957. Vol. 39. P. 312–320.

129. South Ostrobothnian University Network — EPANET 2002. Information brochure. University Association of South Ostrobothnia EPKY. Seinäjoki, Finland.

130. *Spikermann K., Aalbu H.* Nordic Peripherality in Europe. Nordregio, Stockholm. 2004

131. *Stimson Robert J.* The Digital Divide: A Review of Socioeconomic and Spatial Distributional Issues in ICTs // The Emerging Digital Economy. Entrepreneurship, Clusters, and Policy. Eds. B. Johansson, C. Karlsson, R. Stough. Springer. 2006. P. 293–329.

132. *Stimson Robert J., Stough Roger R., Roberts Brian H.* Regional Economic Development. Analysis and Planning Strategy. Springer. 2006.

133. *Stohr W. B.* Structural characteristics of peripheral areas: the relevance of the stock-in-trade variables of regional science // Papers of the regional science association. 1982. Vol. 49. P. 71–84.

134. The Progress of Underdeveloped Areas / B. F. Hoselitz (ed). University of Chicago Press, Chicago. 1962.

135. *Thomi Walter, Bohn Thorsten.* Knowledge Intensive Business Services in Regional Systems of Innovation — Initial Results from the Case of Southeast-Finland. 43rd European Congress of the Regional Science Association. Jyvaskyla, Finland. 2003

136. University of Maryland. Center for Institutional Reform and the Informal Sector. Working Paper # 250.

137. *Usher P. J.* The Beverly-Kaminuriak Caribou Management Board: An Experience in Co-Management // Concepts and Cases. Ed. J. T. Inglis. Ottawa. 1993. P. 111–120.

ABSTRACT

The major topic of this book is the movement of the far-flung territories of the Northern periphery of Russia to the knowledge economy: that is directions and priorities of their post-industrial transformation. On the basis of author's work for the last 20 years, his expeditions in the Northern regions, districts and cities, exploration of the dozens Northern communities in Russia, application of the American and European experience — concrete ways to overcome costs of physical and information isolation, new roads for development in the innovation economy are suggested. To do this author utilizes theoretical toolbox of the contemporary science: concept of endogenous economic growth, learning community, knowledge spillover, social capital, weak ties, social embeddedness etc.

This book was born at the result of synthesis of contemporary theoretical concepts of the world regional and economic science and empirical generation of the contemporary development of the Northern Russian periphery at the municipal, regional and zonal level. Grounds for analysis were Chukotka autonomous okrug, Magadan Oblast and city of Magadan, the Kurils islands of Sakhalin Oblast, Republic of Sakha-Yakutiya, Republic of Tyva, Evenkiya, remote districts inside Khanty-Mansiisk autonomous okrug — Yugra.

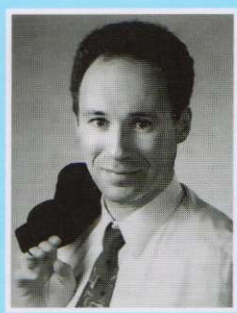
Several new approaches for the Russian regional science were realized in this book. Among them are community-based development, knowledge externalities, intangible assets. Future development of the Northern periphery is seen as its transformation for talents, for their demands and values. Author reasons that on the vast territories of the Russian Northern periphery *network effect* demonstrates its strength. This effect is direct opposite to the well-known agglomeration effect typical for the densely populated urban territories. Key conditions for manifestation of network effect in general and in concrete environment of the Northern rural periphery are defined.

Supergoal of this book is the answer to question what is to be done to inspire new dynamism in the development of the Russian Northern periphery, to use new opportunities of the knowledge economy to move forward. For each type of peripheral communities concrete algorithm of economic transformation is suggested. On the successful case of Evenkiya author examines strategy of *punctual energetic correction of the painful points* of this island economy. This strategy has provided rapid modernization of the previously deeply depressed territory.

A lot of attention in the book is paid to the contemporary mega-projects in the Russian North and their economic, social and political impact for the peripheral territories. Numerous big and small directions along which new knowledge economy slowly but surely is embedded at the different levels of the Northern periphery are shown. General line of the future structural shifts in the peripheral economy is determined. Among them the increase in the role of service sector, forces of globalization, innovation technologies and institutions, new methods of resource and territorial management. Some places in the book have the character of roadmap in the degree of details how to transform peripheral economy under the challenges of the knowledge economy. In each part of the book there are concrete recommendations for public policy how to develop Northern periphery of Russia.

Northern periphery is not doomed to economic failure and can develop in a stable and dynamic manner. The trick is that it is difficult to provide combination of favorite conditions like smart leadership, entrepreneurship and qualified management. Immaterial conditions of the peripheral problems are of top priority: overcoming these barriers can neutralize the negative effect of high transportation costs and small markets. Transition to the knowledge economy can assist Northern periphery in its economic breakthrough.

Об авторе



Александр Николаевич ПИЛЯСОВ

Доктор географических наук, профессор, один из ведущих исследователей российского Севера.

Директор Центра экономики Севера и Арктики Совета по изучению производительных сил.

Автор около 100 научных работ, посвященных проблемам региональной, ресурсной экономики, региональной собственности, постиндустриальной трансформации регионов России.

Представляем другие книги нашего издательства:

6797 ID 90027

9 785397 006101 >

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тел./факс: 7 (499) 135–42–16
Тел./факс: 7 (499) 135–42–46

URSS

E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу **URSS@URSS.ru**. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине **http://URSS.ru**